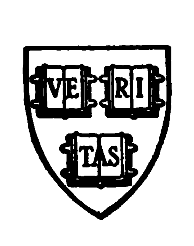

VE RI
TAS

съ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

ЯНВАРЬ. 1898.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотъ*).

ЯНВАРЬ. 1898

РУССКОЕ БОГАТСТВО

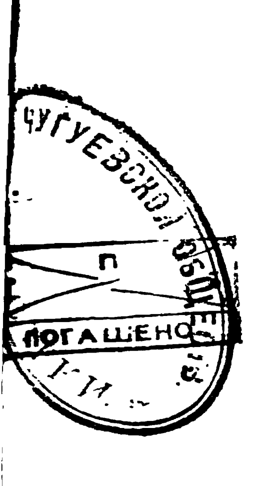
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

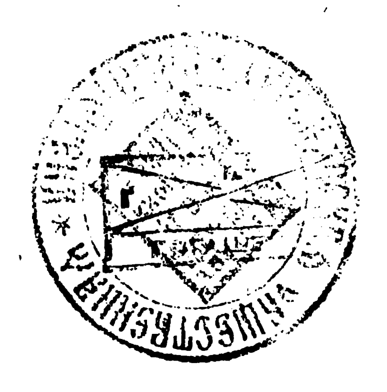
ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 1.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Января 1898 года.





СОДЕРЖАНІЕ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой **9** р., безъ доставки въ Петербургѣ и Москвѣ **8** р., за границу **12** р.

Открыта подписка на 1898 годъ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ журнала—*уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы — *Никитскія ворота, д. Гагарина.*

При непосредственномъ обращеніи въ контору или въ отдѣленіе, допускается **разсрочка: для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой**: при подпискѣ 5 р. и къ 1-му іюля 4 р., или при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербургѣ и Москвѣ **безъ доставки** допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ только **40 коп.** съ каждаго годового экземпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписчики «Русскаго Богатства» пользуются уступкой при выпискѣ книгъ изъ петербургской конторы журнала или изъ московскаго отдѣленія конторы.

Каталогъ книгъ печатается въ каждой книжкѣ журнала на оборотѣ этой страницы.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.

СПИРЬКА.

(Разсказъ).

I.

Легенда была про нашъ Загорскъ. Старая соборная просвирня часто мнѣ, бывало, разсказывала.

Въ давнія-давнія времена, когда народу русскаго было еще совсѣмъ мало и кругомъ шли лѣса да болота, на нашей горѣ поселился святой человѣкъ,—столпъ себѣ выстроилъ и никуда изъ столпа не выходилъ, все Богу молился. А трактъ и тогда былъ,—изъ низовыхъ мѣстъ все мимо насъ ѣхали. Странній человѣкъ проѣдетъ, поговоритъ со столпникомъ, благословенія на дальній путь спроситъ, — что изъ запасовъ оставитъ; кое-гдѣ людишки по лѣсамъ жили, прослышали про столпника,—ѣду носить стали. А въ Чертовомъ-болотѣ разбойники жили,—въ родѣ городка тамъ у нихъ было. Болото было не какъ нынче, отъ самой горы на тридцать верстъ шло и никто туда, ни звѣрь, ни человѣкъ проскочить не могъ, только одни разбойники тропу и знали.

По ночамъ на добычу выѣзжали на трактъ, купцовъ поджидали, проѣзжающихъ людей, — пожитки отнимутъ, а кто волей не отдастъ, зарѣжутъ. Вотъ, бывало, раннимъ утречкомъ и ѣдетъ ватага въ свое воровское гнѣздо, добро везетъ, полонъ ведетъ, а столпникъ въ столпѣ стоитъ и Бога славитъ. Не трогали его разбойники.

— Что,—скажетъ атаманъ,—молишься старикъ?

— Молюсь, говоритъ, люди добрые, молюсь. За души ваши окаянныя молюсь, кровь человѣческую съ васъ отмаливаю.

Въ иную пору измываться станетъ атаманъ.

— Хороши, скажетъ, на свѣтѣ, старче, утицы матерыя, лебедушки бѣлыя, а соколу то и надо, то ему охальнику и любо.

Разгнѣвится тутъ угодникъ божій, укорныя слова почнетъ говорить, бѣсомъ-мучителемъ, судомъ страшнымъ, адомъ кромѣшнымъ стращать примется.

А атаманъ все смѣется.

— Погоди, скажетъ, дѣдушка, дай намъ молодцамъ по бѣлу свѣту полетать, съ бабами-дѣвками поиграть... Натѣшится, утихнетъ сердце молодецкое, ту пору къ тебѣ пріидемъ. И точно. Долго-ли, коротко-ли,—пришли. Незадача имъ какая-то вышла, — ребеночка, что-ли, пришибли, а мать съ горы внизъ головой кинулась,—только ѣдутъ они мимо столпника невеселые, сумерые. И принялся тутъ столпникъ слова свои имъ вычитывать. Слѣзъ атаманъ съ коня, спѣшилась ватага его и пали они столпнику въ ноги. Съ той поры и монастырь почался. Келейки себѣ около столпника они построили, храмъ божій уладили, рясы, вериги на себя надѣли. Люди стали вокругъ монастыря собираться, валомъ себя огородили, а тамъ и князья сѣли.

Такъ мнѣ просвирня соборная разсказывала.

Богатый монастырь разросся на томъ мѣстѣ, гдѣ столпникъ богу молился, люди далеко за валъ расселились, князья посидѣли, посидѣли, да ушли, а послѣ князей воеводы строгіе не переводились, капитаны-исправники сердитые, и воинство въ городѣ стояло,—я еще помню, мы, мальчишки, «гарниза-пуза» называли,—а мѣсто все оставалось темное и разбойное, все не переводились лихіе люди и не разъ страшное «караулъ» доносилось до насъ изъ подъ горы, когда мы, бывало, гурьбой ходили въ болото за ягодами.

Въ верстѣ отъ монастыря начинался длинный крутой спускъ, весь изрытый дорогами, по которымъ такъ трудно было подниматься въ осеннее время, когда дожди размачивали глину, а отъ горы на двадцать верстъ густымъ темнымъ лѣсомъ безъ человѣческаго жилья тянулся трактъ. И некуда было кинуться съ дороги проѣзжающему человѣку,—съ одной стороны стѣной стоялъ дремучій лѣсъ, съ другой на десятки верстъ тянулось Чертово-болото, въ которомъ когда-то было разбойничье гнѣздо.

Первая деревня по тракту называлась Татинцы, страшная деревня,—въ темномъ лѣсу, къ дорогѣ спиной обернулась, а окнами въ лѣсъ глядѣла,—про которую изстари шла дурная слава.

Изъ этихъ Татинцовъ, изъ этого темнаго, разбойнаго мѣста и Спирька вышелъ.

II.

Маленькій я былъ. Ѣхалъ купецъ должно быть изъ дальнихъ мѣстъ,—такъ и не дознались, кто такой и откуда,—не поостерегся ночного времени и разбойной горы и посередь горы смерть себѣ нашелъ. Рано утромъ, когда у столпника

звонили къ утренѣ, наѣхала почта на плававшаго въ крови и еще дышавшаго купца,—тутъ-же и померъ онъ. Взяли Кондрата, Татинскаго мужика, дѣло еще при старыхъ судахъ было. И рукавицу Кондратову рядомъ съ купцомъ нашли, и топоръ его-же въ крови недалеко въ лѣсу валялся, и на валенкахъ кровь оказалась, и дома въ ту ночь не ночевалъ; а потомили его въ острогѣ сколько должно, повытянули изъ него, что было можно, и выпустили на всѣ четыре стороны, «оставивши въ подозрѣніи».

Пожилъ Кондратъ малое время у себя въ Татинцахъ, а потомъ въ городъ переѣхалъ и сына Спирьку—вдовый былъ Кондратъ—съ собой привезъ; купилъ домишко у мѣщанина на краю города, гдѣ слободка начиналась, постоялый дворъ открылъ, одинъ этажъ надстроилъ, внизу лавочку завелъ,—деготь, кнутъ, соль, овесъ продавать сталъ, а вверху питейный открылъ и елочку прибилъ, чтобы знатко было.

Чуть помню я Кондрата. Коренастый, сутуловатый, съ большой головой, ушедшей въ плечи, съ черной всклокоченной бородой, онъ сидѣлъ лѣто и зиму въ валенкахъ и полушубкѣ—въ тюрьмѣ простудился—на заваленкѣ у воротъ своего постоялаго двора. Мы, мальчишки, боялись его и старались далеко обходить его лавочку. Помню, меня особенно пугали брови его,—черныя, косматыя, они тяжело нависли надъ глазами и все двигались. Сидитъ Кондратъ, бывало, на заваленкѣ, наклонивши голову, и словно дремлетъ, а брови шевелятся. И борода, и волосы на головѣ потомъ посѣдѣли, а брови все оставались черныя и косматыя и все шевелились.

Съ той поры и началось мое знакомство со Спирькой. Немного постарше меня онъ былъ, на улицѣ встрѣчались, дрались не разъ, когда слободскіе мальчишки выходили на насъ, учениковъ уѣзднаго училища. Не сильный онъ былъ, а ловкій, верткій и все штуки разныя устраивалъ, за которыя мы и не любили его. То гирьку чугунную въ кулакъ зажметъ, то въ бокъ, либо подъ ребро ударитъ, когда положеніе было бить только по скулѣ, а бороться станетъ,—все наровитъ подъ ножку, чему положенія тоже не было. И въ орлянку перестали его принимать, послѣ того какъ съ двухъорловымъ пятакомъ разъ накрыли его. Скоро, впрочемъ, пересталъ онъ и на улицу выходить,—засадилъ его Кондратъ за стойку. Изрѣдка не утерпитъ Спирька, услышитъ—бой идетъ,—выскочитъ; изобьетъ его послѣ Кондратъ до полусмерти и опять Спирьку цѣлыми мѣсяцами на улицѣ не видать.

А Кондратъ все ширился: прикупилъ мѣсто у сосѣда, постоялый дворъ увеличилъ, амбары понастроилъ большіе, а кругомъ своихъ владѣній выстроилъ высокій заборъ, гвоздями его убилъ, стекла битаго наложилъ, лютыхъ псовъ на цѣпь

посадилъ. Бойко пошли дѣла. Въ тѣ времена обозы безостановочно тянулись черезъ нашъ городъ,—Кондратовъ постоялый дворъ всегда былъ биткомъ набитъ, и питейный хорошо торговалъ, и лавочка не пустовала.

Подошли года Спирькѣ, женилъ его Кондратъ, деревенскую взялъ, свою-же, Татинскую.

Вышла Василиса баба на удивленіе. Счету скоро выучилась, даже и записывать отъ Спирьки переняла. И къ Кондратову дѣлу подъ стать, неугомонная—и ѣду сваритъ, и вымететъ, и вычиститъ, и въ лавкѣ и на дворѣ управится, весь день не присядетъ, ногъ подъ собой не слышитъ, а придетъ вечеръ,—урвется на слободку, пѣсни играетъ, хоть въ плясъ пускаться. И все веселая, здоровая, изъ себя красавица, краснощекая, брови писаныя, глаза большіе каріе.

Еще лучше пошло дѣло. Сталъ Кондратъ скупать туши мясныя, птицу битую и все, что везли обозы въ нашъ городъ. По двору и по питейному самъ Кондратъ съ Василисой управлялся, а Спирьку сталъ посылать на гору хлѣбъ покупать.

III.

На ту-же гору... Также звонятъ къ утрени у столпника, чуть брезжитъ морозное зимнее утро, а въ перелѣскѣ на горѣ, гдѣ начинается спускъ, попрыгивая въ валенкахъ и похлопывая рукавицами, уже дожидаются торговцы. Изъ-подъ горы въ морозномъ туманѣ тянутся крестьянскія розвальни, съ рожью, овсомъ, крупой. Какъ въѣдутъ мужики на гору и остановятся дать лошадямъ вздохнуть, такъ и налетитъ на нихъ стая. Лошадей подъ уздцы схватятъ и начнется тутъ торгъ, и ужъ мужику не отбиться, не дадутъ ему въ городъ проѣхать, по вольной цѣнѣ продать. Изругаютъ его ругательски, затолкаютъ, задергаютъ, и сдѣлается мужикъ какъ шальной, и везетъ по цѣнѣ, которую дадутъ ему на горѣ. А Спирька впереди всѣхъ. Голосъ у него былъ звонкій, никто не могъ перекричать его, а мужика прямо за горло хваталъ.

— Да ты чего, дура полоротая? Тебѣ цѣну даютъ, а ты рыло воротишь? Въ городу два цѣлковыхъ на колѣняхъ напросишься, а я тебѣ, идолу, два съ гривной даю. Да что мнѣ съ тобой, дуракомъ, разговаривать что-ли? Ну, ну, рѣшаетъ Спирька, поворачивай!

Мужикъ поворачиваетъ и покорно ѣдетъ за Спирькой на его широкій дворъ. И тамъ мужикъ, какъ шальной, словно въ туманѣ смотритъ, какъ Спирька ссыпаетъ его хлѣбъ, и то и дѣло дивится, да руками разводитъ, — какъ аккуратно дома мѣрялъ, а у Спирьки двухъ мѣръ не хватаетъ. На вѣсахъ прикинетъ,—все недохватка.

Конечно, не всегда гладко сходило. Попался разъ озорной мужиченко, орать сталъ, въ драку полѣзъ, а когда прибѣжалъ на шумъ квартальный, показалъ ему, гдѣ былъ налитъ свинецъ снизу чашки вѣсовъ и какая емкая мѣра у Спирьки.

Знаменитый былъ тогда въ нашемъ городѣ квартальный надзиратель—гроза для купцовъ, а добрый. Выбилъ Спирькѣ два зуба, да серію взялъ, а до суда не довелъ.

Были у Спирьки и другіе способы. Выйдетъ заминка въ разсчетѣ, поведетъ онъ мужика въ свой питейный, стаканчикъ съ холодку отъ себя поднесетъ; а водка у него была всякая, по человѣку глядя,—была и такая, что со стаканчика-то человѣкъ обалдѣетъ и бери его голыми руками. И разсчетъ гладко пойдетъ, товаромъ вмѣсто денегъ Спирька расплатится, и все безъ убытку.

Скоро Спирька пересталъ на гору ходить, приказчика сталъ посылать, а самъ только ссыпалъ, да по городу бѣгалъ, по уѣзду шмыгалъ. Дѣлъ много у него открылось,—живодерню завелъ, лавку на базарѣ, и въ уѣздѣ дѣла оказались. Стали о Спирькѣ въ городѣ поговаривать, особенно послѣ того, какъ онъ муку въ Самару спустилъ. Тамъ голодъ былъ въ то время, скупилъ Спирька по деревнямъ ометы старые, мышами изъѣденные, соломы намололъ, мукой сдобрилъ и отправилъ въ Самарскую губернію большую партію—четвертый сортъ назвалъ ее. По сходной цѣнѣ продалъ и даже отъ кого слѣдуетъ благодарность получилъ.

А другой разъ, попозже было, такой фортель устроилъ, что самые прожженые загорскіе жохи только ахнули, да руками развели. На низу чума была, хоть и далеко, а строгости и у насъ пошли. Дознались, что снизу обозъ съ мерзлымъ судакомъ идетъ и что мимо тѣхъ чумныхъ мѣстъ проходилъ. Морозы тогда стояли крещенскіе, лютые, больше тысячи верстъ шелъ судакъ отъ тѣхъ мѣстъ и никакихъ на немъ чумныхъ знаковъ не нашли; тѣмъ не менѣе, для безопасности, какъ говорило тогда начальство, свалили судака въ оврагъ за городомъ, облили керосиномъ и зажгли. Много тогда обыватели даровымъ судачкомъ попользовались, а на обѣдѣ у исправника—какъ разъ день рожденія его подошелъ—долго смѣялись, когда уѣздный казначей,—нашъ извѣстный шутникъ, положивши на тарелку разварного судака, обратился къ хозяину:

— Что это, Анемподистъ Савельичъ, судачекъ будто керосинчикомъ припахиваетъ?

Пока обыватели судака изъ оврага потаскивали да пироги изъ него пекли, Спирька соображалъ. И сообразилъ. Разослалъ подручныхъ по постоялымъ дворамъ по тракту (а ужъ слухъ про судака весь уѣздъ облетѣлъ,—обозы, что въ это

время въ Москву тянулись, пріостановились и въ нерѣшимости ждали на постоялыхъ дворахъ) и черезъ подручныхъ пустилъ слухъ, что приказано все жечь, но что съ оглядкой провезти можно—и путь указалъ—а онъ, Спирька, приметъ. И началось тутъ удивительное дѣло. Цѣлыя ночи по замерзшему болоту въ обходъ города тянулись обозы и тихо, крадучись, словно съ воровскимъ добромъ, со слободки въѣзжали въ Спирькинъ дворъ. Принималъ Спирька, по чемъ хотѣлъ, а возчики еще кланялись и благодарили, такъ какъ время шло къ масляницѣ, а товаръ былъ опасный: тотъ-же судакъ, птица битая, туши свиныя,—чуть оттепель и отволгнетъ.

Когда купцы узнали эту исторію, бросились къ исправнику, но дѣло было сдѣлано: не только амбары, но и весь огромный дворъ Спирьки былъ заваленъ товаромъ, а въ городѣ не оказалось ни рыбы, ни мяса, ни птицы. Много тогда Спирька на мѣстѣ попользовался, много въ Москву отправилъ и въ большую славу вошелъ. А исправникъ посердился на первыхъ порахъ, а потомъ смѣяться сталъ и тѣхъ-же купцовъ назвалъ ротозѣями и простофилями.

IV.

Какъ сейчасъ помню я тогдашняго Спирьку. Въ бѣлыхъ вятскихъ валенкахъ, въ сѣренькомъ полушубчикѣ на лисьемъ мѣху, крѣпко подтянутый кушакомъ ниже живота, въ своей неизмѣнной барсучьей шапкѣ чуть не бѣгомъ бѣжитъ по базару Спирька,—бородку рыженькую, рѣденькую клинушкомъ вверхъ держитъ, глаза бѣгаютъ, ноздри играютъ, кругомъ озирается и словно къ чему-то принюхивается. Еще издали осклабится и покажетъ выбитые квартальнымъ зубы, на минутку остановится, пожметъ руку и скажетъ свое любимое: «каково поживаете, кого прижимаете?»,—не успѣешь отвѣтить, а Спирька пробормочетъ тоже свое неизмѣнное: «За симъ пожелавъ вамъ», и дальше летитъ.

И все ему некогда. То на живодерню свою сбѣгаетъ, то въ лавку на базарѣ завернетъ, то у своего «ходателя» посидитъ,—отставной полицейскій секретарь обдѣлывалъ всѣ юридическія дѣла Спирьки, не переводившіяся у него,—а тамъ въ Черноупузовскій трактиръ спѣшить нужно,—въ родѣ биржи, гдѣ въ извѣстный часъ всѣ купцы наши собирались.

И тамъ Спирька не по людски. Сидятъ всѣ какъ должно, блюдечки въ себя опрокидываютъ, степенно, не торопясь про дѣла говорятъ,—тишина въ трактирѣ стоитъ, только крышками отъ чайниковъ постучатъ, когда кипятку прибавить надо. А Спирька ворвется и заоретъ своимъ скрипучимъ хриплымъ го-

лосомъ,—тамъ на горѣ еще охрипъ, тамъ-же и орать привыкъ. И на мѣстѣ не посидитъ. Къ одному столику подсядетъ,— «каково поживаете, кого прижимаете»—перекинется двумя, тремя словами, къ другому перебѣжитъ, повертится съ полчаса, а тамъ скажетъ кому нибудь: «за симъ пожелавъ вамъ»—и нѣтъ Спирьки, раньше всѣхъ убѣжалъ.

За эту ухватку и звали его Спирькой. Спирька, да Спирька,—за глаза никто иначе не называлъ, хотя Спирька уже въ силѣ тогда былъ и въ большихъ тысячахъ считали его, а Левонтій Никифоровичъ—первый купецъ въ нашемъ городѣ былъ, сукномъ торговалъ, тотъ прямо въ глаза называлъ.

— И что ты, Спирька, суматошишься?—скажетъ Левонтій Никифоровичъ, какъ юла юлишь.—Купцы у насъ были степенные, бороды большія, рѣчи тихія, отъ отцовъ, дѣдовъ торговлю вели, перероднились всѣ между собой и Спирьки сторонились, въ свою компанію не принимали, «живодеръ», презрительно говорили они про Спирьку.

Спирька рѣдко и дома бывалъ. Ссыплетъ утромъ хлѣбъ и пропалъ на весь день; разъ, два забѣжитъ только поѣсть, да что хлебнуть. Иногда на цѣлую недѣлю уѣдетъ, по уѣзду рыщетъ.

— Дохнуть некогда... жалуется мнѣ бывало Спирька.

Такъ и горѣлъ онъ цѣлые дни въ неугасимомъ огнѣ. Только по субботамъ и душу отводилъ. Бои у насъ въ зимнее время по субботамъ устраивались, — слободскіе на горожанъ стѣнка на стѣнку выходили. Съ дѣтскихъ лѣтъ страсть у Спирьки осталась. И зарекаться пробовалъ, а утерпѣть не могъ. Поѣдетъ только взглянуть, слово себѣ крѣпкое дастъ,—и все до первой крови. Какъ увидитъ кровь, помутится у Спирьки въ глазахъ, сброситъ полушубчикъ съ плечъ, въ одной рубашкѣ врѣжется въ толпу и пойдетъ чистить направо и налѣво, только бороденку рыженькую видно, да зубы оскаленные, какъ у волка. Удастся кому нибудь салазки на сторону свернуть, тогда Спирька доволенъ,—руки всѣ отмашетъ, плеть-плетью висятъ, рыло въ крови, иной разъ и у самого салазки на сторону своротены,—а идетъ Спирька съ бою веселый. На другой, на третій день болитъ вездѣ у Спирьки, ломаетъ его всего; ругается Спирька и опять зарокъ даетъ, а придетъ суббота, и не стерпитъ Спирькино сердце.

V.

Всѣ дѣла Спирька самъ велъ, отца не спрашивалъ. Скоро послѣ свадьбы онъ сократилъ Кондрата, отобралъ ключи отъ него и отъ всѣхъ дѣлъ отставилъ.

Изъ за Василисы вышло. Сталъ Кондратъ къ снохѣ приставать, когда Спирька въ уѣздъ уѣзжалъ. Совѣстила его Василиса, стыдить пробовала, разъ разсердилась, скалкой избила, а другой разъ за ножъ схватилась,—«зарѣжу», говоритъ, «тебя стараго пса», а въ концѣ концовъ пожаловалась Спирькѣ. Что у нихъ вышло съ Кондратомъ, не извѣстно (болтали на слободкѣ, что кинулся было Кондратъ бить сына, но Спирька оказался сильнѣе и подмялъ его подъ себя), только старика параличъ разбилъ.

И поправился старикъ послѣ паралича, лѣтъ восемь еще прожилъ, но уже прежняго Кондрата не было. Весь онъ какъ-то принизился, на улицу рѣдко показывался, отъ всего отошелъ, равнодушный сталъ, а съ своими почти не говорилъ,—все сидѣлъ или лежалъ въ задней комнатушкѣ, да думалъ о чемъ то, да бровями шевелилъ. Безъ меня онъ померъ, вскорѣ послѣ той чумы. Послѣ говорили мнѣ, какъ въ забросѣ и одиночествѣ умиралъ старый Кондратъ. По слободкѣ ходилъ слухъ, что послѣдніе дни Спирька все допытывался у старика, гдѣ онъ спряталъ свои деньги, и предъ смертью будто бы «потребилъ» отца, но Кондратъ укрѣпился, притворялся нѣмымъ и все мычалъ и только во время соборованья совершенно явственно выговорилъ батюшкѣ:

— Въ чемъ лежу... въ чемъ лежу... положите...

Два дня послѣ смерти отца Спирька носился по амбарамъ и клѣтямъ, разыскивая отцовскія деньги. Перебралъ всю лавочку, половицы поднималъ, въ погребъ спускался, но толку не выходило. Нашли около тысячи старыми золотыми въ пазахъ подъ застрѣхой, да за печкой въ старой рукавицѣ около того-же, и все тутъ, а Спирька самъ подсмотрѣлъ еще маленькій, когда отецъ въ чуланѣ деньги считалъ—много денегъ было. Только предъ самымъ выносомъ Василиса вспомнила, какъ Кондратъ все повторялъ на соборованіи: «въ чемъ лежу», «въ чемъ лежу», и разрѣзала огромные, обшитые кожей валенки, въ которыхъ лежалъ покойникъ. Въ нихъ то между подметками и за кожей и оказались деньги и, говорятъ, большія.

Похоронилъ Спирька отца честь честью,—съ перезвономъ, пѣвчіе на два клироса пѣли, пять священниковъ панихиду служили, у столпника мѣсто откупилъ и вкладъ на вѣчное поминовеніе вложилъ.

Послѣ смерти Кондрата Спирька развернулся, и, когда черезъ годъ, уже врачемъ, я пріѣхалъ въ Загорскъ, я не узналъ Спирькинаго жилья. Домъ былъ перестроенъ и расширенъ, лавочка внизу была прикончена и сдѣланъ былъ черный трактиръ, а на выкрашенномъ въ зеленую краску второмъ этажѣ красовалась новенькая вывѣска съ золочеными буквами: «Пріятное свиданіе». Тамъ играла машина,—нововведеніе въ на-

шемъ городѣ, сдѣланное Спирькой,—за буфетомъ сидѣла расфуфыренная, съ брошками и браслетками, раздобрѣвшая и похорошѣвшая Василиса и пріятными улыбками встрѣчала гостей.

Спирькинъ духъ носился повсюду, все ходуномъ ходило, лакеи летали, какъ очумѣлые, въ залѣ всегда было биткомъ набито, а машина азартно, охрипшимъ, словно Спирькинымъ голосомъ, цѣлые вечера гудѣла попурри изъ русскихъ пѣсенъ.

Торговцы со всего уѣзда сразу перешли къ Спирькѣ, и унылыя огромныя комнаты Чернопузовскаго трактира опустѣли, такъ какъ и городскимъ купцамъ пришлось, волей неволей, вслѣдъ за деревенскими торговцами, съ которыми они имѣли дѣла, также перейти къ Спирькѣ.

А сзади въ пристройкѣ открылись номера для пріѣзжающихъ. Тамъ останавливались тѣ же торговцы, помѣщики, которыхъ тогда было еще порядочно въ уѣздѣ; туда же, послѣ чиннаго и благолѣпнаго чаепитія, захаживали купцы пропустить рюмочку, другую, что зазорно было дѣлать въ залѣ, а разойдутся и стуколку устроятъ. Особенно шумно было у Спирьки во время нашей маленькой ярмарки, когда съѣзжалось много помѣщиковъ и являлись купцы изъ другихъ городовъ,—и номера были биткомъ набиты, и машина гудѣла цѣлые дни, а по ночамъ шла крупная игра.

Свои маленькія дѣла Спирька прикончилъ, закрылъ живодерню и лавку на базарѣ, и занимался только постоялымъ дворомъ, гостинницей да пріемкой хлѣба. И самъ Спирька перемѣнился. Сталъ одѣваться по благородному, пиджакъ надѣлъ, брюки на выпускъ и сдѣлался солиднѣе и осанистѣе. Вѣнскіе стулья у себя въ квартирѣ завелъ, горшки съ геранью, кухарку нанялъ и Василису отъ всякаго чернаго дѣла освободилъ. Даже пересталъ на бои выходить и нашелъ себѣ другую забаву. Вмѣстѣ съ такими же любителями, за кирпичными сараями, въ укромномъ отъ полиціи уголкѣ, устроилъ собачью травлю и по воскресеньямъ послѣ обѣдни водилъ туда своего стараго лютаго волкодава. Мнѣ разсказывали: трясется весь Спирька, бѣлый стоитъ, когда остервенившіеся, окровавленные псы, вцѣпившись другъ въ дружку зубами, начнутъ кататься по землѣ, и разъ даже принуждены были схватить его за руки, такъ какъ онъ хотѣлъ самъ броситься въ свалку, когда его волкодавъ началъ было сдавать.

VI.

Я жилъ верстахъ въ 30 отъ города, но бывалъ въ немъ довольно часто и всегда останавливался въ Спирькиныхъ номерахъ.

Стали по городу слухи ходить про Спирькину гостинницу. Поговаривали, будто тамъ появлялись веселыя пѣсенницы, про крупную и подозрительную игру говорили, а на ухо передавали, что и Василиса не отказывалась съ хорошими гостями по кабинетамъ компанію вести. Кое что и мнѣ бросалось въ глаза, и въ особенности я удивлялся, что все рѣже и рѣже сидѣла за буфетомъ Василиса.

Скоро я узналъ все. Съ купцами да помѣщиками Василиса набаловалась и стала попивать. Пробовалъ Спирька учить ее, смертнымъ боемъ билъ,—отлежится Василиса недѣльку отъ побоевъ да отъ перепою, и опять за свое. Пробовалъ и въ клѣть запирать и тетку свою—вѣдьма вѣдьмой—сторожить приставилъ, а ничего сдѣлать не могъ,—урвется Василиса, раздобудетъ полштофъ и пойдетъ куралесить, ему-же, Спирькѣ, въ залѣ при гостяхъ скандалъ сдѣлаетъ. Долго тянулась эта исторія, совсѣмъ перестала Василиса за буфетомъ показываться. Тогда Спирька и догадался,—отдалъ приказъ по дому: что Василиса Ларивоновна прикажетъ, все подавать, только къ гостямъ на чистую половину не пускать.

И запила тутъ Василиса мертвую. Спирька вѣрно разсчиталъ.

Помню, рано утромъ,—земское собраніе тогда было, и я нѣсколько дней жилъ въ городѣ,—Спирька вбѣжалъ ко мнѣ взволнованный, испуганный и потащилъ меня въ одинъ изъ номеровъ, гдѣ ночью застрѣлился какой-то пріѣзжій. Дѣлать мнѣ было нечего, я засталъ самоубійцу мертвымъ и уже холоднымъ и хотѣлъ уходить, когда Спирька попросилъ меня посмотрѣть Василису. Мы шли длинными корридорами и по дорогѣ Спирька изливалъ мнѣ свое горе.

— Вѣдь, вотъ подлецы какіе бываютъ!—злобно говорилъ онъ мнѣ.—Ему негодяю не все равно, гдѣ пулю-то себѣ пускать, коли ужъ Бога не помнитъ и себя забылъ, а онъ вотъ меня подводитъ... Канителься теперь съ полиціей! Ровно путный,—продолжалъ жаловаться Спирька,—пріѣхалъ вчера, нумеръ занялъ, деньги впередъ заплатилъ, бутылку пива спросилъ... А онъ, подлецъ, вонъ какую штуку устроилъ! Вотъ тутъ и веди дѣло,—злобствовалъ Спирька и, размахивая руками, продолжалъ:—брошу, все продамъ, къ чертовой матери... Канитель одна.

— Василиса вотъ еще... Скружила меня,—съ такой же злобой отвѣтилъ онъ на мой вопросъ о женѣ.—Конечно, коли можно, попользуйте, только гдѣ ужъ поди... Помретъ вотъ въ одночасье, опять съ полиціей возись...

Я не узналъ Василисы,—вся распухшая, съ огромными ногами, съ раздувшимся, какъ пузырь, лицомъ, она лежала огромная и тяжелая на горѣ перинъ въ задней пристройкѣ, въ

душной комнатѣ съ низкимъ потолкомъ. Отъ нея пахло водкой.

Дѣло оказалось очень плохое. Огромное сердце работало слабо, печень раздутая, почки тоже, очевидно, были поражены, и вся она казалась пропитанной водкой, которой пахло даже отъ ея пота.

— Что въ дверяхъ-то, ровно волкъ, хоронишься?—говорила она Спирькѣ, стоявшему за моей спиной. Али не гожа стала? Спознался, подлецъ, съ полюбовницами, стащить-бы Василису поскорѣе на кладбище...

— И то гожа!..—презрительно отвѣтилъ Спирька.—Посмотрѣла-бы на себя въ зеркало... Налакалась, налила зенки-то! Сама не соблюла себя, дура...

— Не соблюла, не соблюла... Василиса приподнялась и полусѣла въ подушки; она злобно смотрѣла щелками своихъ отекшихъ глазъ и, трудно дыша, прерывающимся хриплымъ голосомъ говорила:

— Соблюдешь съ тобой... Постой, постой...—остановила она хотѣвшаго уйти Спирьку.—Вотъ я при господинѣ докторѣ разскажу. Вѣдь онъ что, ваше благородіе, звѣрь-то, со мной дѣлалъ! Сиди, говоритъ, съ гостями повальяжнѣй... А придетъ эта сволочь пьяная, цѣловаться лѣзетъ...—она выговорила циничное слово.—Рази я такая была? Чать мужняя жена... Съ души претъ, а онъ, песъ, Спирька, мужъ то—говоритъ: «тебя, дуру убудетъ что-ли... Эка недотрога... только себя не теряй... И пей, говоритъ, коли просятъ, брюхо то лудить не надо»... Ир-родъ!—злобно захрипѣла она.

Спирька дѣлалъ равнодушное лицо, позѣвывалъ и небрежно говорилъ:

— Болтай, болтай!.. Не въ себѣ,—кинулъ онъ мнѣ,—не въ разумѣ...

— Я то не въ разумѣ?—снова захрипѣла Василиса.—А хочешь, я разскажу господину доктору?.. Вѣдь ему, ваше благородіе,—обратилась она ко мнѣ,—давно-бы въ острогѣ сидѣть надо... Что выворотилъ глазища то? А помнишь, молодой то Большаковъ застрѣлился,—кто у него бумажникъ-то...

Спирька бросился къ Василисѣ и совсѣмъ было схватилъ ее за горло, если бы я какъ то инстинктивно не отбросилъ его за шиворотъ въ уголъ комнаты. Такъ и остался онъ въ моей памяти. Онъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, блѣдный и весь трясся, злобные глаза расширились отъ ужаса, зубы щелкали, и весь онъ съ своими оскаленными зубами походилъ на волка, на котораго бросились собаки.

Василиса тяжело завалилась, сползла съ подушекъ и лежала безъ пульса. Я думалъ, что она умерла, но чрезъ нѣко-

торое время она очнулась и съ пьяными слезами, всхлипывая,—Спирьки не было уже въ комнатѣ—бормотала:

— И убьетъ... И убьетъ...—И снова обратилась къ старой темѣ.

— Не гожа стала, подлецъ... Волоки поскорѣе Василису на кладбище...

На другой же день Василиса умерла. Схоронилъ ее Спирька еще лучше, чѣмъ Кондрата, и священниковъ созвалъ больше и обѣдъ такой устроилъ, что перепились всѣ. Въ трехъ монастыряхъ вклады на вѣчное поминовеніе внесъ, сорокоустъ чуть не во всѣхъ церквахъ заказалъ.

VII.

Остался Спирька одинъ. Дѣтей у него не было. Пятерыхъ родила Василиса, но всѣ перемерли и какъ-то все случайно,—послѣдній мальчикъ въ лохани утонулъ,—въ суетѣ и хлопотахъ Спирькиной жизни некому и некогда было доглядѣть за дѣтьми.

Началъ Спирька послѣ смерти Василисы по цѣлымъ мѣсяцамъ изъ города пропадать. По уѣзду рыскалъ—къ пустошамъ приглядывался, лѣса приторговывалъ. Купилъ старинное имѣніе старинныхъ нашихъ помѣщиковъ Рачининыхъ. Липовую аллею на иконостасы продалъ, а лѣсъ мужики вывезли за колоколъ, который Спирька повѣсилъ на свою Татинскую церковь. За безцѣнокъ лѣса сталъ скупать, далекіе, глухіе лѣса, которые, по общему мнѣнію, никому ни къ чему были. Подолгу въ губернскомъ городѣ живалъ, въ Москвѣ, Петербургѣ, что-то все нюхалъ, развѣдывалъ.

— Сломитъ себѣ башку Спирька—говорили наши купцы, смотря на метанье Спирьки и на его новыя операціи, а когда узнали, что Спирька купилъ часть Чертова-болота, смѣяться начали.

— Клюквой Спирька торговать собирается!

Спирька тоже посмѣивался, но продолжалъ рыскать и нюхать.

И къ нашей старой Глазовской фабрикѣ все присматривался. Когда то гремѣла «Глазовская мануфактура», но съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, она стояла пустая и заброшенная съ своими высокими трубами, длинными рядами красныхъ фабричныхъ корпусовъ, откуда изъ разбитыхъ оконъ вылетали галки, съ заросшимъ густой травой широкимъ дворомъ, гдѣ мы мальчишками играли въ бабки и въ лапту. Единственная наслѣдница, дочь разорившагося милліонера Глазова, молодая вдова изрѣдка пріѣзжала въ Загорскъ и останавливалась у

Спирьки, которому она поручила наблюдать за фабрикой. Я любилъ гулять по старому, заросшему травой фабричному двору среди тишины этихъ унылыхъ корпусовъ и молчаливыхъ высокихъ трубъ, и однажды, во время такой прогулки, встрѣтился со Спирькой, внимательно разсматривавшимъ стѣны корпусовъ и заглядывавшимъ въ выбитыя стекла.

— Тоже разгуляться пришли?—любезно поздоровался со мной Спирька,—старыя мѣста посмотрѣть?—Онъ помолчалъ и вздохнулъ.—Что денегъ ухлопано... указалъ онъ глазами на длинный рядъ корпусовъ.—Собираюсь вотъ арендовать хоть одинъ подъ складъ,—говорилъ онъ равнодушнымъ тономъ, и, любезно сказавши: «За симъ пожелавъ вамъ», направился къ выходу.

Спирька велъ себя все страннѣе, и все болѣе посмѣивались надъ нимъ наши купцы,—дѣло свое онъ на приказчиковъ оставилъ, самъ все мѣрялъ свои лѣса и прикупалъ новые, а когда узнали, что Спирька продалъ свое заведеніе на полномъ ходу и прекратилъ пріемку хлѣба, купцы рѣшили, что Спирька сдурѣлъ, и съ еще большей увѣренностью повторяли:

— Сломитъ себѣ башку Спирька!

Но Спирькина голова крѣпко держалась на плечахъ, и наши купцы перестали смѣяться, когда прошелъ слухъ, что ведутъ желѣзную дорогу мимо нашего города, черезъ Спирькины глухіе лѣса и болота и сдѣлалось извѣстно, что Спирька взялъ въ Петербургѣ подрядъ на поставку шпалъ на всю строившуюся линію.

А когда прошла желѣзная дорога, имъ стало совсѣмъ не до смѣха. Я присутствовалъ при началѣ агоніи нашего города. Деревенскіе торговцы, покупавшіе товары въ Загорскѣ, поѣхали въ Москву и въ губернскій городъ, наша ярмарка потеряла смыслъ и медленно умирала; закрылись постоялые дворы и не стало видно безконечныхъ обозовъ, тянувшихся прежде черезъ городъ; купившій Спирькино заведеніе за большую цѣну, разорился и заколотилъ «Пріятное свиданіе». Какъ тараканы передъ пожаромъ, разбрелись обыватели; а наши исконные купцы сидѣли въ пустыхъ магазинахъ и смотрѣли, какъ уходитъ отъ нихъ жизнь, какъ мимо нихъ несутся ихъ покупатели, ползутъ товарные поѣзда и увозятъ отъ нихъ и хлѣба, и мерзлаго судака, и свиныя туши, и битую птицу, и новый товаръ—Спирькинъ лѣсъ, Спирькины дрова...

Мнѣ пришлось надолго покинуть наши мѣста. Передъ отъѣздомъ я совсѣмъ не встрѣчался съ Спирькой; онъ носился по своимъ лѣсамъ, шмыгалъ по линіи, путался съ инженерами. Я зналъ только, что онъ нажилъ на шпалахъ большія деньги и что собирается перебраться въ губернскій городъ.

VIII.

Только черезъ десять лѣтъ мнѣ пришлось снова встрѣтиться со Спирькой.

Я ѣхалъ въ нашъ губернскій городъ, куда былъ переведенъ на службу. На одной изъ послѣднихъ станцій въ мой вагонъ вошла шикарно одѣтая, высокая красивая дама съ сѣдѣющими висками; ее сопровождали молодая дѣвушка, одѣтая по англійски, въ низенькой, мужского фасона соломенной шляпкѣ, въ свѣтлой кофточкѣ и зеленой юбкѣ, двѣ дѣвочки 6—7 лѣтъ, очень похожія другъ на друга, съ длинными завитыми бѣлокурыми локонами, мальчикъ въ картузѣ реальнаго училища и высокая сухая гувернантка, тотчасъ же заговорившая о чемъ то по французски съ дѣвочками. Мнѣ показалось знакомымъ лицо дамы съ сѣдѣющими висками, и я старался вспомнить, гдѣ я могъ видѣть это характерное, немного мужское лицо, съ строгими сѣрыми глазами, темнымъ пушкомъ на верхней губѣ, широкимъ крѣпкимъ подбородкомъ и всю эту статную фигуру. Очевидно, я очень пристально вглядывался,—мой сосѣдъ, оказавшійся старымъ загорскимъ знакомымъ, спросилъ меня:

— Не узнаете? Спирькина жена... И видя, что я продолжаю недоумѣвать, прибавилъ:

— Глазова дочь, вдова-то... Чай помните, бывала въ Загорскѣ. Это вотъ, въ кофточкѣ-то, дочь отъ перваго мужа, а тѣ трое Спирькины.

Онъ только что разсказывалъ начавшуюся еще при мнѣ исторію умиранія Загорска: какъ постепенно безлюдѣлъ городъ и разорялись купцы, какъ совсѣмъ по другому складывалась уѣздная жизнь. Теперь разговоръ перешелъ на Спирьку.

— Я вѣдь главной то новости и не сообщилъ вамъ,—говорилъ онъ.—Глазовская фабрика опять работаетъ,—Спирька пустилъ. Векселя скупилъ, а главное, Чертово-болото помогло—торфъ тамъ оказался. Ну и женился. Большой человѣкъ теперь Спирька..,

Онъ продолжалъ разсказывать, какъ Спирька переѣхалъ въ губернскій городъ и какой онъ тамъ большой человѣкъ, какъ ходко идетъ его фабрика, и какъ постепенно центръ загорской жизни переходитъ въ слободку, къ фабрикѣ, а я вспоминалъ ходившіе про дочь Глазова разсказы: какъ она круто расправилась съ своимъ мужемъ-пьяницей и кутилой и упрятала его въ сумасшедшій домъ, и какъ послѣ его смерти она нѣсколько лѣтъ билась, подолгу живала въ Москвѣ и Петербургѣ, чтобы спасти фабрику отъ продажи съ аукціона. Я все разсматривалъ новую Спирькину жену и расфранченныхъ дѣтей и перекидывавшуюся съ гувернанткой французскими

фразами молодую дѣвушку, съ такими же холодными сѣрыми глазами, какъ у матери, и съ такимъ же жесткимъ и властнымъ лицомъ—все не могъ себѣ представить Спирьку, рядомъ съ этой англезированной купеческой дочкой, мужемъ этой важной дамы, отцомъ этихъ болтающихъ по французски, разодѣтыхъ, съ завитыми локонами дѣвочекъ...

На платформѣ у оконъ нашего вагона стоялъ высокій плотный господинъ въ бѣломъ галстукѣ, въ блестящемъ цилиндрѣ и въ сѣромъ лѣтнемъ пальто. Я совсѣмъ не узналъ его, и только, когда солидный господинъ снялъ свой цилиндръ и улыбнулся,—мнѣ бросились въ глаза вышибленные Спирькины зубы. Спирька тоже узналъ меня и, поздоровавшись съ семьей, направился ко мнѣ. Все старое такъ сразу вспомнилось мнѣ, что я невольно ожидалъ услышать: «Каково поживаете, кого прижимаете». Но солидный господинъ пожималъ мою руку своей цѣпкой рукой и любезно говорилъ:

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Узнали? Пріятно, пріятно...

Онъ тутъ же познакомилъ меня съ женой и падчерицей и взялъ слово посѣтить ихъ.

Великолѣпная пара рысаковъ въ коляскѣ увезла отъ меня Спирьку и его семью.

Я долго устраивался и совершенно забылъ свое обѣщаніе, но Спирька самъ напомнилъ мнѣ и прислалъ приглашеніе полѣчить его сына. Мнѣ тогда же показалось, что Спирька не столько нуждался во мнѣ, какъ докторѣ, сколько хотѣлъ показать себя, свое новое житье старому загорскому знакомому.

Ушедшій вглубь двора большой одноэтажный каменный домъ, отгороженный отъ улицы чугунной рѣшеткой и красивымъ цвѣтникомъ, съ зеркальными окнами, массивнымъ чугуннымъ подъѣздомъ и рѣзной дубовой дверью,—Спирькинъ домъ выглядѣлъ тѣмъ солиднымъ особнякомъ, въ которомъ живутъ только солидные, кредитные люди. Дальше виднѣлся залитой асфальтомъ дворъ, длиннымъ рядомъ тянулись новенькія каменныя службы, далеко уходилъ расчищенный садъ съ большими старыми деревьями,—все говорило о крѣпкомъ купецкомъ житьѣ.

Я люблю разсматривать обстановку незнакомой квартиры. Отодвинутое кресло, какъ недоговоренная фраза только что оборвавшагося разговора, раскрытая книга на столѣ, забытая женская работа, какая нибудь бездѣлушка, старинная оригинальная шифоньерка съ старинными оригинальными вещами, портретъ на стѣнѣ, картинка, гравюра, старый альбомъ, эти частички человѣка, кусочки жизни, остатки прошлаго...

Складываются въ головѣ смутныя представленія, начинаешь думать, кто сидѣлъ въ этихъ креслахъ и о чемъ они говорили, что имъ любо и дорого, и откуда они пришли...

Чѣмъ то нежилымъ и не обжитымъ и только что вчера сдѣланнымъ вѣяло отъ этого огромнаго зала, въ которое провелъ меня лакей,—отъ этихъ утомительно длинныхъ и утомительно однообразныхъ рядовъ стульевъ, отъ этого слишкомъ блестящаго паркета, покрытаго цвѣтными рожками, отъ этой слишкомъ новой и слишкомъ блестящей бронзовой люстры, спускавшейся съ лѣпного потолка, отъ зеленыхъ пальмъ въ вычурныхъ корзинахъ, отъ дурныхъ картинъ въ хорошихъ рамахъ... И все это казалось слишкомъ вычищеннымъ и слишкомъ отполированнымъ и нарочно покрытымъ лакомъ, чтобы не оказалось гдѣ нибудь воспоминаній, и казалось нарочно вынесено изъ комнаты все то, что говоритъ о прошломъ, о вкусахъ, привязанностяхъ, о жизни. Что то въ родѣ меблированнаго отдѣленія въ шикарной гостиницѣ, которая только что открыта на собирательный вкусъ проѣзжающихъ, и также мало говоритъ объ индивидуальномъ вкусѣ, какъ мало сохраняютъ воспоминаній кресла гостиничныхъ номеровъ о тѣхъ, кто сидѣлъ на нихъ...

Такимъ же нежилымъ помѣщеніемъ выглядѣлъ и кабинетъ Спирьки, куда онъ увелъ меня,—казавшійся съ своимъ массивнымъ и пустымъ письменнымъ столомъ, желтой конторкой у окна, пучками счетовъ на стѣнахъ и толстыми кипами конторскихъ книгъ—какой то конторой или директорскимъ кабинетомъ въ банкѣ, гдѣ сторожъ только что разставилъ мебель и аккуратно сложилъ книги къ пріѣзду директора...

Спирька разсказывалъ мнѣ о нашемъ Загорскѣ то, что я наполовину уже зналъ.

— Мертвый городъ, мертвые люди... Только моя фабрика и поддерживаетъ, около моихъ рабочихъ мало-мало кормятся... Помните Левонтія Никифоровича? На нѣтъ сошелъ... Въ чистую... Чай и сына-то помните, Никишку то?.. и Спирькины глаза блеснули злобной радостью,—у меня служитъ, въ красильное опредѣлилъ, такъ ужъ, изъ жалости взялъ...

Я плохо слушалъ и все смотрѣлъ, и все хотѣлось мнѣ разыскать стараго Спирьку. Предо мной сидѣлъ солидный господинъ въ корректномъ сѣромъ лѣтнемъ костюмѣ съ степенными манерами, съ полнымъ, немного обрюзгшимъ лицомъ, съ обстриженной по модному бородой и говорилъ медленно, растягивая слова какимъ то новымъ для меня акцентомъ. Только ноздри играли по старому, да время отъ времени глаза начинали бѣгать и вспыхивали злымъ огонькомъ.

Гулявшій въ саду мальчикъ возвратился наконецъ. Какъ я и ожидалъ, ничего серьезнаго у него не оказалось, но Спирька не отпустилъ меня и оставилъ обѣдать.

Обѣдъ былъ строгій и чинный. Лакей во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, въ бѣлыхъ нитяныхъ перчаткахъ разносилъ блюда,

Спирька, еще болѣе важный и застегнутый, продолжалъ начатый въ кабинетѣ разговоръ. Очень одобрялъ франко-русскій альянсъ,—тогда только что объ этомъ заговорили.

— Теперь нѣмцу-то податься некуда. Это раньше Бисмаркъ-то съ нашимъ рублемъ мудрилъ, а теперь на-ко, выкуси... онъ показалъ кукишъ.

И внутренней политики касался. Деревню одобрилъ.

— По крайней мѣрѣ, какое ни какое начальство есть... Всетаки на него, мужика, узду надѣли, — а то вѣдь раньше житья не было. Особенно съ нашимъ лѣснымъ дѣломъ...

Говорилъ о торговлѣ, о тарифахъ и пошлинахъ и все одобрялъ.

— Будетъ ужъ нашими-то русскими денежками иностранцевъ кормить... Лучше сами покушаемъ.

Я только смотрѣлъ во всѣ глаза да удивлялся, какъ свободно обращается Спирька со всякими политическими и финансовыми вопросами и какъ степенная и увѣренная Спирькина рѣчь мало напоминала суетливаго, больше обходившагося односложными восклицаніями прежняго Спирьку. И слова сталъ употреблять мудреныя: техническій прогрессъ, самобытная государственная политика и пр., и пр. Хотя и прошибался иногда,—разъ вмѣсто отечество сказалъ «очетество», во фразѣ—«пора намъ бросить эксперименты»—сказалъ «экскрименты» и нѣсколько разъ повторялъ выраженіе «грандіозное развитіе русской промышленности», всякій разъ выговаривая «граціозное» развитіе...

Спирькина жена съ равнодушнымъ и скучающимъ лицомъ молча слушала, очевидно, давно слышанныя Спирькины рѣчи и только, когда Спирька показалъ Бисмарку кукишъ, сердито сдвинула свои брови и рѣзко выговорила:

— Спиридонъ Кондратьичъ...

Въ той же свѣтлой кофточкѣ и зеленой юбкѣ дочь ея перебрасывалась французскими фразами съ гувернанткой и, мнѣ показалось спеціально для меня, нѣсколько разъ упомянула Ниццу, и брезгливо пожимала плечами, когда жадно ѣвшій Спирька начиналъ сопѣть и хрюкать; также завитыя, какъ куклы, смирно сидѣли дѣвочки.

И вдругъ мнѣ показалось, что я въ трактирѣ. Эти канделябры на столѣ съ незажженными свѣчами, вазы безъ фруктовъ и все это стекло и хрусталь съ неизмѣнными зелеными рюмками для бѣлаго вина, эту голую столовую и этого лакея съ сѣдоватыми бакенбардами,—казалось, все это я видѣлъ гдѣ то недавно, въ какомъ-то трактирѣ. И всѣ, сидѣвшіе за столомъ въ томъ, въ чемъ я ихъ видѣлъ въ вагонѣ, казалось только что пріѣхали въ гостиницу пообѣдать, и чужіе другъ другу, случайно встрѣтившіеся люди вотъ сейчасъ поѣдятъ и разой-

дутся въ разныя стороны. Уйдетъ и Спирька въ свое настоящее жилье, заоретъ по старому, подтянетъ себя кушакомъ пониже живота и побѣжитъ трусцой по базару...

IX.

Мнѣ захотѣлось посмотрѣть Спирьку въ роли общественнаго дѣятеля.

Въ томъ засѣданіи думы, въ которое я попалъ, обсуждался вопросъ объ учрежденіи въ городѣ санитарной коммиссіи и о приглашеніи на городскую службу санитарнаго врача. Секретарь вяло читалъ докладъ управы, гласные также вяло слушали. Когда дѣло дошло до устройства санитарнаго надзора за ночлежными квартирами и помѣщеніями для рабочихъ, Спирька всталъ и солидно, въ тонѣ привычнаго оратора, заговорилъ. Я сначала не понималъ.

— Которые ежели, примѣрно сказать, и напримѣръ будучи... прямо будемъ такъ говорить... Но Спирька скоро разошелся и увѣренно заговорилъ.

— Тоже и ихъ пожалѣть надо... Солдатишко, къ примѣру, квартиренку держитъ, этихъ самыхъ ночлежниковъ пущаетъ... Придетъ, этта, докторъ, аршиномъ обмѣряетъ, воздуху, скажетъ, не въ полномъ видѣ,—закрывай квартеру! Взять еще подрядчиковъ...—Онъ обратился къ задней скамьѣ, гдѣ сидѣли поддевки и длиннополые сюртуки съ стриженными въ кружокъ волосами.—Можетъ и артель то вся десять человѣкъ,—скажемъ, каменьщики, или плотники... Тоже сенитарный-то пойдетъ аршиномъ мѣрять воздухъ... Да это что же?—воодушевился онъ,—вѣдь это придетъ онъ ко мнѣ, али къ тебѣ, Ерофей Никитичъ, толкнулъ онъ сосѣда,—скажетъ подавай рабочимъ биштексы..

Въ думѣ засмѣялись, съ задней скамьи послышались одобрительные возгласы, а Спирька строго и укоризненно обратился къ управѣ.

— Онъ, санитарный-то, ямы будетъ нюхать, а мы ему за это двѣ тыщи плати... Слава Богу, безъ докторовъ жили да здоровѣе были...

Въ думѣ поднялся гвалтъ. Почтеннаго вида, сѣдобородый голова воспользовался минуткой затишья и извиняющимся тономъ обратился къ Спирькѣ:

— Я вѣдь имѣлъ честь докладывать думѣ, Спиридонъ Кондратьичъ. Бумага отъ начальника губерніи поступила, въ виду эпидеміи и прочее... Его превосходительство находитъ своевременнымъ и настоятельно рекомендуетъ... Мы что же, развѣ управа отъ себя...

Спирька сердито махнулъ рукой и громко пробурчалъ:

— Ну, болтайте себѣ... Я путаться не буду.

Онъ, впрочемъ, не долго утерпѣлъ. Съ противоположной скамьи, гдѣ сидѣли интеллигенты, какъ звали ихъ въ думѣ, поднялся гласный, городской мировой судья.

— Я согласенъ съ Спиридономъ Кондратьевичемъ: обязательныя постановленія не достигнутъ цѣли, тутъ нужно прямо устроить городской ночлежный домъ. Но вѣдь вы же,—онъ обратился къ Спирькѣ,—были противъ, когда я въ прошломъ году вносилъ проектъ.

Я даже вздрогнулъ, такъ злобно закричалъ на все зало Спирька.

— И всегда буду противъ... Это ужъ вы подбирайте сволочь-то эту. Она къ вамъ изъ всѣхъ деревень полѣзетъ. Это что ужъ за человѣкъ,—продолжалъ онъ въ отвѣтъ на восклицанія, раздавшіяся съ противоположный стороны,—который по ночлежнымъ домамъ шляется! Самый бросовый,—который себя потерялъ, пьяница, воръ... Ну, что-же,—иронизировалъ онъ,—выстройте ему хоромы просторные,—пожалуйте, Жуликъ Иванычъ, хорошо-ли почивали, чайку не прикажете-ли съ булочкой?..

— Нѣтъ-съ, это не модель...—снова солидно и степенно заговорилъ онъ.—У города то долгъ на шеѣ виситъ, поэкономнѣе надо, глупости то выдумывать перестать надо... Тоже дѣловъ-то у города хоть отбавляй... Параллельный вотъ въ реальномъ открывать надо, который годъ про технически-промышленное училище толкуемъ. Садъ опять взять... Мало-мало десять тыщъ—хоть чуть уладить. По другимъ то мѣстамъ цвѣтники, музыка, а у насъ, къ примѣру, семейству разгуляться негдѣ...

Засѣданіе потянулось опять вяло, и Спирька снова оживился, только когда обсуждалось внесенное тѣмъ же мировымъ судьей предложеніе о расширеніи сѣти городскихъ начальныхъ училищъ.

— Будетъ ужъ, понастроили...—кричалъ Спирька.—Онъ, мальчишка то, отцу съ матерью помогать долженъ, а не въ училищѣ лодырничать. Довольно грамотѣевъ то этихъ по острогамъ сидитъ, да въ золотыхъ ротахъ шляется. Тоже и ниверситетскіе есть...

Безплатную читальню провалили, но мѣщане высказались за училища и, не смотря на протесты Спирьки, увеличеніе школъ было рѣшено.

Послѣднимъ читался докладъ коммиссіи по поводу квартирнаго налога, о предоставленіи квартиронанимателямъ избирательныхъ правъ.

— Понимаемъ...—снова злобно кричалъ Спирька на все зало своимъ скрипучимъ, хриплымъ голосомъ.—Даже оченно

хорошо понимаемъ,—только, стара штука, проходи мимо! Я, къ примѣру, домъ имѣю, недвижимость, что налогу всякаго плачу... Али тамъ дѣло у меня,—народъ кормится... А онъ пришелъ неизвѣстно изъ какихъ мѣстовъ, красненькую бумажку заплатилъ и въ думу лѣзетъ... Нѣтъ ужъ, много довольны.

Снова поднялся въ думѣ невообразимый гвалтъ и при крикахъ: «не обсуждать», «снять съ очереди» голова закрылъ засѣданіе.

Какъ ни хорошо я зналъ Спирьку, я невольно удивлялся тѣмъ свободнымъ манерамъ, съ которыми онъ держался въ думѣ: онъ кричалъ, перебивалъ говорившихъ, вставлялъ замѣчанія, не всегда корректныя, и вообще держался, какъ у себя на постояломъ дворѣ. Я нашелъ своего Спирьку—орущаго, хватающаго за горло, а когда, разозлившись, съ позеленѣвшими глазами, трясущейся бородой и оскаленными зубами онъ смотрѣлъ на мирового судью, мнѣ невольно вспомнилось то волчье лицо съ стучащими зубами, которое когда то я видѣлъ у постели Василисы...

И вся дума, возбужденная, кричащая, удивила меня. Я живо помнилъ эту же думу лѣтъ за 15—20 предъ тѣмъ, когда мнѣ приходилось бывать въ ней. Такъ чинно и мирно шли въ то время засѣданія. Голова жертвовалъ и дремалъ во время засѣданій, все знавшій и все вершившій секретарь увѣренно и спокойно читалъ доклады и въ видѣ заключенія обращался къ думѣ:

— Значитъ, принято?

А дума думала. Почтенныя сѣдыя бороды похрапывали, крутили сложенными на животѣ пальцами и вздыхали, и говорить, совѣстились, а, гдѣ нужно было, клали черняки. Званіе гласнаго считалось почетнымъ, дающимъ право сидѣть въ думѣ и вовсе не обязывающимъ посѣщать думскія засѣданія; выбранный послѣ долгихъ уговоровъ почетный гражданинъ говорилъ, вздыхая: надо послужить... И не было тогда ни Спирькиной скамьи, ни интеллигентной, а всѣ были въ кучѣ.

Мы спускались съ мировымъ судьей по думской лѣстницѣ; одѣвавшійся внизу Спирька говорилъ кому то:

— Знаемъ мы этихъ читателей... Прежде всего въ церковь ходить не будетъ, а потомъ родителей перестанетъ почитать...

Конецъ фразы я не дослышалъ.

А мой спутникъ разъяснилъ мнѣ Спирькину систему. Въ первые-же выборы онъ внесъ совершенно новые пріемы выборной агитаціи. Вмѣстѣ съ двумя, тремя старыми гласными онъ устроилъ въ родѣ избирательныхъ бюро въ трехъ трактирахъ, наиболѣе посѣщавшихся городскими избирателями. Буфетчикамъ отданъ былъ приказъ отпускать избирателямъ въ

счетъ его, Спирьки, напитки, а подручные люди цѣлыми днями сидѣли въ отдѣльныхъ комнаткахъ и угощали публику. «Восемь сотельныхъ влетѣло»... жаловался послѣ самъ Спирька.

Результатъ выборовъ поразилъ всѣхъ своей неожиданностью. Спирькины кандидаты прошли впереди всѣхъ, но выиграли и интеллигенты, которымъ клали направо мѣщане и старые думцы, узнавшіе, хоть и поздно, Спирькинъ фортель и желавшіе провалить его партію. Больше всѣхъ пострадала старая думская партія, и забаллотированными оказались именно прежніе думцы, тѣ старые купцы, которые испоконъ вѣковъ засѣдали въ думѣ и считали себя хозяевами города. Хозяиномъ вошелъ въ думу Спирька въ сопровожденіи трактирщиковъ и какихъ то новыхъ, мало кому извѣстныхъ людей и тотчасъ-же началъ распоряжаться по своему. Головой онъ посадилъ Сыромятова,—почтеннаго вида, сѣдобородаго купца,—извѣстнаго вора, захватившаго городскую землю, уже бывшаго головой и вышедшаго вслѣдствіе крупной растраты, прощенной старой думой, и держалъ его въ уздѣ, распоряжался городскими должностями и всюду посадилъ своихъ людей и аккуратно являлся на засѣданія вмѣстѣ съ тѣсно сплоченной кучкой своихъ приближенныхъ.

Чѣмъ больше я входилъ въ городскую жизнь, тѣмъ больше убѣждался, какимъ большимъ человѣкомъ сдѣлался Спирька. Онъ былъ попечителемъ реальнаго училища, гдѣ учился его сынъ, церковнымъ старостой въ соборѣ, засѣдалъ въ правленіи городского банка и распоряжался тамъ также по своему. Я часто видалъ Спирьку въ циркѣ,—онъ больше не устраивалъ собачьей травли, но за то сдѣлался большимъ поклонникомъ цирка и въ особенности неизмѣнно присутствовалъ тамъ, если на афишѣ значилась борьба силачей или пріѣзжали укротители звѣрей, входившіе въ клѣтки къ львамъ и тиграмъ. И всегда въ антрактахъ Спирька былъ окруженъ народомъ и изъ толпы далеко разносился его кричащій хриплый голосъ.

Въ другой разъ я наблюдалъ, какъ коляска Спирьки подъѣхала къ собору въ какой то торжественный день, какъ со ступенекъ собора сбѣжалъ могучій старикъ въ полицейскомъ мундирѣ съ длинными сѣдыми усами, предупредительно высадилъ, поддерживая за локотокъ, Спирьку и его супругу и, приложивши руку къ козырьку, почтительно слушалъ, какъ Спирька что-то говорилъ ему.

— Ты зайди ужо, Каллистовъ... доносилось до меня.

Къ моему удивленію, полицейскій оказался старымъ знакомымъ, когда то знаменитымъ грознымъ загорскимъ квартальнымъ надзирателемъ, выбившимъ Спирькѣ зубы. Я подошелъ къ нему и возобновилъ старое знакомство.

— Каковъ Спирька то?—заговорилъ я.

— Да-съ... Спиридонъ Кондратьичъ теперь большая у насъ въ городѣ шишка.

— А бывало-то?

Старое, покрытое морщинами лицо смотрѣло на меня больное и унылое; онъ вздохнулъ и задумчиво проговорилъ:

— Вотъ тебѣ и Спирька... Помните, бывало, кошку за хвостъ да объ уголъ? И неопредѣленно добавилъ:

— Служба... Отчисленъ былъ, Спиридонъ Кондратьичъ и выписалъ. Самого его превосходительство просилъ.

Онъ снова помолчалъ.

— Глашеньку-то, дочку-то мою чай помните?—я ничего не помнилъ.—Овдовѣла, четверо ребятъ осталось...

Старикъ оборвалъ на полусловѣ и, выпятивши грудь, молодецки дѣлалъ кому-то подъ козырекъ.

Но странное дѣло! Не смотря на импозантный видъ, монументальный домъ, милліонный капиталъ и солидное положеніе въ городѣ, имя «Спирька» какимъ-то образомъ удержалось за нимъ и почему-то никто иначе не называлъ его за глаза въ городѣ; и не смотря на то, что, благодаря женитьбѣ на Глазовской дочери, онъ породнился съ старѣйшими купеческими фамиліями въ нашей губерніи,—старые купцы сторонились его, называли «живодеръ» и съ оттѣнкомъ презрѣнія говорили: «Спирькинъ домъ», «Спирькино художество», «Спирькинъ фортель».

— Высоко летаетъ, гдѣ-то сядетъ!... приходилось слышать мнѣ.

Очевидно они, также, какъ загорскіе купцы, думали, что Спирька сломитъ башку, и также ошибались. Спирька все ширился и крѣпъ и по настоящему развернулся на моихъ глазахъ, всего нѣсколько лѣтъ назадъ, когда въ «Глазовскую мануфактуру» вступилъ въ качествѣ пайщика и директора Иванъ Александровичъ Рачининъ.

X.

Строго говоря, у насъ никто хорошенько не зналъ, чѣмъ занимается Рачининъ. Онъ былъ помѣщикомъ нашей губерніи, его отецъ былъ предводителемъ загорскаго дворянства и ихъ именно имѣніе купилъ Спирька.

Рачининъ учился въ одномъ изъ петербургскихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній, говорятъ не безъ успѣха выступалъ въ судѣ, но почему-то перешелъ въ департаментъ, потомъ въ желѣзнодорожное общество, а въ то время, когда я его зналъ, нигдѣ не служилъ. Говорили, что онъ чей-то племянникъ, что его сестра за кѣмъ-то замужемъ, что въ депар-

ламентахъ и министерствахъ сидѣли все его товарищи и пріятели, а въ нашемъ городѣ онъ былъ, такъ сказать, всеобщая родня.

Къ намъ онъ являлся какъ то налетомъ. Пріѣдетъ, участвуетъ въ городскихъ коммиссіяхъ (хотя и не состоялъ гласнымъ)—по городскому займу, по устройству водопровода, а тамъ слышишь, гдѣ нибудь на низу, на Волгѣ составляетъ докладныя записки о подъѣздныхъ путяхъ, о тарифахъ, а потомъ исчезаетъ въ Петербургъ и ничего о немъ не слышно, а слышно только о городскомъ займѣ, о тарифахъ и о новыхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ. Онъ былъ какимъ-то неоффиціальнымъ чиновникомъ совершенно особыхъ порученій, какимъ-то коми-вояжеромъ, устраивавшимъ для провинціи тѣ дѣла, которыя рѣшаетъ Петербургъ.

Судя по той широкой жизни, которую онъ велъ въ нашемъ городѣ, его дѣла шли недурно. Онъ занималъ шикарное меблированное отдѣленіе въ нашей лучшей гостиницѣ, сорилъ деньгами, былъ неизмѣннымъ участникомъ всякихъ пикниковъ, petits jeux, которыя были тогда у насъ въ модѣ, торжественныхъ обѣдовъ и маскарадныхъ ужиновъ. Въ его номерѣ были постоянно гости, а гдѣ бы Рачининъ ни появлялся, кругомъ его всегда была толпа, откуда раздавались взрывы смѣха и хлопанье бутылокъ шампанскаго.

Высокій, изящный красавецъ съ насмѣшливымъ лицомъ и немного наглыми глазами, онъ привозилъ съ собой самыя сенсаціонныя политическія новости и самые послѣдніе фасоны костюмовъ, которые онъ диктовалъ нашей губернской золотой молодежи. Неистощимый разсказчикъ веселыхъ холостыхъ анекдотовъ, затягивавшихъ наши клубные ужины до утра, онъ особенно знаменитъ былъ своими рѣчами на торжественныхъ обѣдахъ и блестящими виртуозными импровизаціями на самыя разнообразныя темы, которыя мы задавали ему во время веселыхъ ужиновъ.

Спирька относился къ нему сначала скептически и называлъ его «шишгалъ», но, когда Рачининъ вырвалъ у него изъ подъ носа вѣточку, которая должна была пройти по Спирькинымъ лѣсамъ, Спирька задумался и началъ присматриваться. Съ своей стороны Рачининъ, повидимому, мало интересовался Спирькой, только любилъ его поддразнивать и иногда въ веселой компаніи при дружномъ хохотѣ присутствующихъ скрипучимъ, хриплымъ Спирькинымъ голосомъ начиналъ:

— Которые, ежели, примѣрно сказать, и напримѣръ, будучи... прямо будемъ такъ говорить... и художественно продолжалъ Спирькины думскія рѣчи. Тѣмъ болѣе мы удивились сближенію Спирьки съ Рачининымъ.

«Спирьку рукой не достанешь»,—говорятъ теперь въ на-

шемъ городѣ. Новая эра Спирьки началась съ того времени, когда онъ породнился съ Рачининымъ. Рачининъ прожилъ въ нашемъ городѣ всю зиму, постоянно бывалъ у Спирьки, и никто особенно не удивился, когда узнали, что онъ женится на Спирькиной падчерицѣ. Съ тѣхъ поръ и пошло... Сталъ Спирька подолгу проживать въ Петербургѣ и, говорили, сдѣлался вхожъ тамъ въ хорошіе дома. Слухи о немъ доходили одинъ другого удивительнѣе. Спирька запросто завтракалъ съ такимъ то, Спирька и Рачининъ приглашены въ коммиссію, Спирькино имя фигурируетъ въ числѣ учредителей огромнаго акціонернаго общества.

Спирька не надолго возвращался къ намъ, окруженный ореоломъ, еще болѣе важный и солидный, съ еще болѣе непринужденными манерами и рѣчами и все лѣнивѣе протягивалъ губернскимъ знакомымъ свои два пальца. Съ его пріѣздомъ устраивались какія-то засѣданія, Рачининъ писалъ какія то докладныя записки, и оба снова уѣзжали въ Петербургъ. Въ концѣ концовъ, трудно сказать, гдѣ теперь больше живетъ Спирька—въ Петербургѣ или у насъ.

Женитьба Рачинина и союзъ его со Спирькой произошли всего нѣсколько лѣтъ назадъ, когда особенно оживились вопросы о тарифахъ, пошлинахъ, о новыхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ, когда стали расти, какъ грибы, акціонерныя торгово-промышленныя предпріятія и заиграла биржа. Спирька и Рачининъ участвуютъ въ съѣздахъ и совѣщаніяхъ и ихъ имена нерѣдко встрѣчаются на столбцахъ столичныхъ газетъ. Рачининъ стоитъ за политику недоговоренныхъ параграфовъ, примѣчаній и дополненій, уничтожающихъ смыслъ самого постановленія,—вообще «втираетъ очки», какъ выражаются у насъ въ городѣ,—Спирька лѣзетъ напроломъ. Рачининъ уговариваетъ и старается удержать Спирьку отъ его старыхъ загорскихъ пріемовъ, но иногда бываетъ вынужденъ сознаться, что и система Спирьки имѣетъ свои достоинства.

Участникъ одного изъ такихъ петербургскихъ «совѣщаній» передавалъ мнѣ единственный въ своемъ родѣ случай. Я не помню, о чемъ шла рѣчь. Съ своимъ стилемъ и съ той непринужденой манерой обращенія, съ которой онъ держался въ нашей думѣ, Спирька отстаивалъ свои интересы. Ему разъясняли, доказывали, Спирька продолжалъ твердить свое. Вопросъ былъ поставленъ на баллотировку и, не смотря на все искусство, съ какимъ Рачининъ «втиралъ очки», вопросъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ для Спирьки и Рачинина смыслѣ, а такъ какъ Спирька и послѣ этого продолжалъ кричать своимъ хриплымъ скрипучимъ голосомъ:—«а я не согласенъ»,—предсѣдатель былъ вынужденъ лишить его слова. Тогда

взбѣшенный Спирька шумно отодвинулъ свой стулъ и, поворачиваясь уходить, закричалъ:

— Тоже звали... У меня фабрики, народъ, мнѣ некогда тутъ, какъ другимъ прочимъ, по канцеляріямъ то лодырничать!

Предсѣдатель всталъ, догналъ Спирьку и извинился, а Спирька съ достоинствомъ возвратился на свой стулъ и— вопросъ былъ пересмотрѣнъ.

Теперь Спирька очень занятъ и въ большихъ хлопотахъ. Онъ, при содѣйствіи Рачинина, составилъ проектъ—запретить ввозъ въ Россію какихъ бы то ни было хлопчато-бумажныхъ издѣлій и, такъ какъ въ Лодзи фабрики держатъ евреи, поляки и нѣмцы, то поставить и ее въ положеніе иностранной державы, а внутри отечества устроить синдикатъ изо всѣхъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ.

Его все дразнитъ синдикатъ сахарозаводчиковъ. Спирька бѣгаетъ по Петербургу и все оретъ:

— Помилуйте-съ, въ Англіи русскимъ сахаромъ свиней кормятъ, а у насъ они по пятиалтынному фунтикъ лупятъ! У насъ, фабрикантовъ, народу то больше кормится, да и доходу казнѣ отъ насъ больше...

Рачининъ не дурно устроился. Онъ бросилъ комми-вояжерство и ѣздитъ по дѣламъ только съ Спирькой въ Петербургъ. Онъ состоитъ пайщикомъ и однимъ изъ директоровъ правленія Глазовской мануфактуры. Собственно къ фабрикѣ Рачининъ мало касается, и его обязанности, главнымъ образомъ, состоятъ въ составленіи годовыхъ отчетовъ въ такомъ смыслѣ, чтобы чистая прибыль не превышала 25 процентовъ, что требуетъ тонкаго ума и большой изобрѣтательности. Его же обязанность писать въ газеты передовыя статьи и «стороннія сообщенія», касающіяся хлопчато-бумажной промышленности вообще и Глазовской мануфактуры въ частности.

Рачинины часто живутъ за-границей, а постояннымъ мѣстожительствомъ ихъ считается старое родовое имѣніе Рачининыхъ близъ Татинцевъ, которое онъ получилъ въ приданое за женой. Тамъ выстроенъ новый домъ и вмѣсто вырубленныхъ Спирькой липовой аллеи и парка разводится новая аллея и новый паркъ. Рачинина давно зовутъ въ предводители, но онъ все отказывается.

XI.

Я все всматриваюсь въ Спирьку, все хочется мнѣ проникнуть въ глубину Спирькиной души.

И все прежняго купца вспоминаю, того стараго загорскаго

купца. Смирный онъ былъ... Поторговывалъ на капиталъ родителей, помаленечку да полегонечку, копѣечка къ копѣечкѣ, рубликъ къ рублику. Утромъ лавку отопретъ, приказчики суетятся, аршина изъ рукъ не выпускаютъ, покупательницамъ зубы заговариваютъ, а онъ сидитъ за конторкой въ лисьей шубѣ, да позѣвываетъ, да на пустую улицу смотритъ. Завернетъ пріятель, къ Чернопузову зайдутъ чайкомъ побаловаться; а тамъ, глядишь, смеркаться станетъ, дома щи горячіе съ головизной, каша масляная, жирная, а перины, какъ горы вздуты, ждутъ ужъ. Помолится купецъ Богу, скажетъ: «вотъ и день прошелъ,—слава Царю небесному» и утонетъ въ перинахъ. По субботамъ въ баньку сходитъ, по воскресеньямъ къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни пирогъ съ рыбой-вязигой съѣстъ. И хорошо! Съѣздитъ разъ въ годъ къ Макарью на ярмарку, разомнетъ тамъ свою душу, завернетъ оттуда для очистки къ Сергію Радонежскому, а тамъ и къ себѣ въ Загорскъ—женѣ, дѣтямъ гостинцы раздавать, а пріятелямъ новости да «случаи» разсказывать. И ужъ весь годъ никуда больше изъ города не двинется.

Про отечество онъ мало думалъ, хотя смутно зналъ, что оно существуетъ и смутно любилъ его—оно представлялось ему вродѣ теплой лежанки, на которой такъ любо лежать, когда морозъ стучитъ въ стѣны и вьюга злится на улицахъ. Настоящимъ же своимъ отечествомъ считалъ свой Загорскъ, который очень любилъ и находилъ лучшимъ изъ всѣхъ мѣстъ на землѣ. Случалось, и большіе милліоны наживалъ, а никуда изъ своего мѣста не уходилъ, если же случалось помирать въ другомъ мѣстѣ,—наказывалъ въ Загорскъ себя увезти, съ отцомъ, съ матерью положить.

И робкій былъ, боязливый... Барина боялся по старой крѣпостной привычкѣ, квартальнаго, который всякую минуту могъ ему салазки на сторону свернуть, боялся закона и памятовалъ старую русскую поговорку: отъ сумы да отъ тюрьмы не зарекайся. И другую старую поговорку не забывалъ: держи языкъ за зубами, да ѣшь пирогъ съ грибами.

— Не наше дѣло...—скажетъ, когда, бывало, пріѣдетъ кто изъ губерніи да начнетъ губернскія политическія новости сообщать. Наше дѣло сторона, скажетъ. Поговори, поговори,—тебѣ и пропишутъ на спинѣ разговоръ то!

Были и тогда и совѣстливые купцы и безсовѣстные грабители. Но и грабители были не лишены нѣкоторой романтической окраски, какъ тѣ разбойники, о которыхъ я такъ много въ дѣтствѣ слыхалъ разсказовъ,—богатыхъ грабили, а бѣднымъ надѣляли. Много значило, что всегда предъ нимъ человѣкъ вертѣлся.. Разъ онъ полъ-аршина не домѣряетъ, другой разъ не домѣряетъ, а глядишь третій разъ и полнымъ арши-

номъ отпустить. Вдову иной разъ пожалѣетъ, сиротскія слезы разжалобятъ. Потомъ все на знати было,—и онъ всѣхъ зналъ, и самъ у всѣхъ на глазахъ былъ, въявь-то грабить и неловко было.

А главное, смертный часъ помнилъ... Станетъ поясницу прихватывать, къ сердцу подкатывать, ознобъ ошибать, и начнетъ купецъ задумываться. Про могилу темную думать, про страшный судъ, про воздаянія «коемуждо по дѣломъ его», ночью сны сниться станутъ.

Вспомнитъ онъ всю жизнь свою, сколько вдовъ по міру пустилъ, сколько дѣтей сиротами сдѣлалъ, какъ у матерей дочерей покупалъ, смотришь, нажитое людскими слезами и отпишетъ на дѣла богоугодныя,—нищей братіи, сиротамъ безпріютнымъ, бездомнымъ старымъ людямъ богадѣльню устроитъ, дѣвицъ безприданницъ не забудетъ,—капиталъ оставитъ, чтобы проценты на приданое невѣстамъ шли...

Спирька давно уже потерялъ всякій страхъ. Онъ давно понялъ, что такое по нонѣшнимъ временамъ баринъ, и также лѣниво и небрежно протягивалъ ему свои два пальца. Квартальные надзиратели стоятъ предъ нимъ на вытяжку и подсаживаютъ подъ локотокъ его супругу, закона онъ давно пересталъ бояться, такъ какъ убѣдился, что законъ добрѣе, чѣмъ онъ, Спирька, думалъ, да и стало ему приходить въ голову, что недобрые законы тамъ, въ Питерѣ перемѣнить можно. Совѣсти Спирька никогда не имѣлъ и всегда находилъ, что она «пустое занятіе». Съ уменьшеніемъ страха вообще, убавился и страхъ насчетъ смертнаго часа, да и потолкавшись между всякимъ народомъ, и рѣже, и какъ-то по другому сталъ думать о немъ Спирька. Если же когда мысль о смерти и приходила въ голову, то Спирька рѣшалъ, что у него все чисто обдѣлано. Спирька лишенъ былъ всякой романтичности и совершенно реально разсуждалъ, что большого отвѣта ему не придется держать. Все положеное онъ исполнялъ въ лучшемъ видѣ и много дѣлалъ даже и сверхъ положеннаго. Столпнику иконостасъ сдѣлалъ, у себя въ деревнѣ колоколъ повѣсилъ, въ соборѣ на свой счетъ главы позолотилъ, губернаторшѣ пять тысячъ на пріютъ далъ и полагалъ, что, кромѣ ордена, который онъ за него получилъ, и *тамъ* зачтено будетъ. Если Спирька немножко и безпокоился, такъ развѣ за старое,—было тамъ кое-что, но то старое давно уже отмолено, да и всякія давности тѣмъ дѣламъ прошли.

А за теперешнее, что онъ теперь дѣлаетъ, Спирька и не думаетъ безпокоиться. Все по благородному, чисто... Тамъ, на фабрикѣ директора, да служащіе, въ лавкахъ приказчики; сказано имъ: чтобы все въ аккуратѣ,—они и въ отвѣтѣ. А по другимъ дѣламъ еще лучше. Тамъ, въ тѣхъ большихъ разно-

цвѣтныхъ листахъ бумагъ ничего про людей не написано, а только обозначено, что Спирька можетъ купонъ отъ нихъ отрѣзать и по купону, гдѣ слѣдуетъ, причитающіяся деньги получить. Тутъ ужъ совсѣмъ чисто,—комаръ иосу не подточитъ.

Очень измѣнился Спирька, и не узнать теперь стараго Спирьку въ солидномъ и важномъ коммерсантѣ и кавалерѣ, въ самоувѣренномъ и рѣшительномъ петербургскомъ дѣльцѣ. Только въ одномъ не измѣнился,—у него осталась та же разбойная душа, тѣ же разбойныя мысли, та же душегубская ухватка. Онъ не подстерегаетъ въ темномъ лѣсу съ топоромъ въ осенніа ночи, не хватаетъ за горло мужиковъ на горѣ у столпника,—онъ понялъ, что такое отечество, и орудуетъ на большой дорогѣ отечества. Это отечество представляется ему въ видѣ окруженнаго высокимъ, убитымъ гвоздями, заборомъ своего загорскаго постоялаго двора, оберегаемаго и запираемаго на замокъ, ключъ отъ котораго у него, Спирьки, въ карманѣ... А проѣзжающій будто-бы медленно ползетъ по глинистой горѣ и не миновать ему Спирькина двора.

Поэтому если вздумаютъ раскрыть Спирькинъ заборъ и ли объѣхать мимо его двора, онъ начинаетъ орать—Спирька о бнаглѣлъ и оретъ еще громче—«отечество въ опасности!»

Спирька попробовалъ зубомъ отечество и уже не оторвет ся отъ него... И власти захотѣлъ...

Его уже не удовлетворяетъ стоящая на вытяжку фигура стараго квртальнаго, и ему уже мало назначать и смѣнять у насъ въ городѣ торговыхъ депутатовъ и смотрителей за вывозными парками...

XII.

Единственно, чего боялся Спирька, или, вѣрнѣе, къ чему тревожно и недоумѣвающе относился, даже не умѣя формулировать своего чувства,—это интеллигенція.

Въ Загорскѣ онъ не зналъ ее. Общественными дѣлами Спирька тогда не занимался, газетъ не читалъ. Былъ въ Загорскѣ старичекъ, секретарь съѣзда мировыхъ судей, который лѣтъ тридцать описывалъ въ губернскихъ вѣдомостяхъ загорскія древности,—смирный былъ старичекъ и ничего страшнаго въ себѣ не имѣлъ. Изрѣдка какой нибудь проходимецъ, какъ говорили у насъ въ Загорскѣ, въ столичной газетѣ опишетъ какой нибудь «случай»—вымажутъ купеческіе сынки дегтемъ ворота какой-нибудь загорской барышнѣ, случится рукопашная въ чернопузовскомъ трактирѣ. Еще и весело. Номеръ истреплется, по рукамъ ходя, а въ чернопузовскомъ трактирѣ недѣли двѣ «пропечатаннаго» обывателя дразнятъ.

Въ первый разъ Спирька столкнулся съ интеллигенціей и понялъ ее въ думѣ губернскаго города. Вѣрнѣе не понялъ ея... Когда мѣщанишки хлопотали въ думѣ о замощеніи и освѣщеніи дальнихъ улицъ, объ открытіи новыхъ городскихъ начальныхъ училищъ, о дешевой медицинской помощи, о мелкомъ кредитѣ въ городскомъ банкѣ,—онъ понималъ. Все это имъ было нужно, и хлопотать объ этомъ для нихъ было также естественно, какъ было естественно говорить противъ всего этого ему, Спирькѣ, который не ѣздилъ въ дальнія улицы, который ни сына не посылалъ въ начальное училище, ни самъ не ходилъ лѣчиться въ безплатную городскую амбулаторію и которому самому нуженъ былъ крупный кредитъ въ томъ же городскомъ банкѣ; но когда интеллигенція (въ лицѣ хотя бы того-же мирового судьи, жившаго на одной улицѣ со Спирькой, сынъ котораго учился въ одномъ училищѣ съ его сыномъ и который также не ходилъ въ лѣчебницу лѣчиться безплатно)— стала дѣйствовать во всемъ этомъ заодно съ мѣщанами и хлопотать въ думѣ еще о многомъ другомъ, что и мѣщанъ не касалось, а къ нему, мировому, уже совсѣмъ не относилось— вродѣ ночлежныхъ квартиръ, помѣщеній для рабочихъ и пр.— Спирька не понималъ и недоумѣвалъ, и злился.

И не то его злило, что интеллигенція всегда шла въ думѣ наперекоръ ему, а то, что она говорила и думала не о своемъ дѣлѣ и путалась туда, куда, по естественной логикѣ вещей, ей не было никакого основанія путаться. И вотъ, эти непонятные ему мотивы дѣятельности, эта всегдашняя неизвѣстность и неувѣренность, что она скажетъ и сдѣлаетъ,— было единственное, что мѣшало Спирькѣ, чувствовавшему себя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ хозяиномъ положенія вещей, успокоиться, единственное, что наполняло его душу, повторяю, не вполнѣ формулированнымъ чувствомъ тревоги и страха, и вполнѣ формулированнымъ чувствомъ глубокой и лютой ненависти.

Разъ приснился сонъ Спирькѣ. Стоитъ онъ будто на горѣ, и нѣтъ будто тамъ ни города, ни монастыря, а столпъ стоитъ, и въ столпѣ столпникъ укоризненныя слова ему, Спирькѣ, говоритъ насчетъ дѣловъ его и того, что *тамъ* со Спирьки спросятъ. Хотѣлъ Спирька отвѣтъ держать столпнику и слова у него были, только поднялъ голову и видитъ—въ столпѣ мировой стоитъ.

Такъ испугался Спирька, — проснулся, огонь вздулъ, къ божницѣ побѣжалъ и тутъ только немного вздохнулъ. Совсѣмъ мировой лицомъ не похожъ былъ на столпника. А потомъ вспомнилъ Спирька, что мировой рѣдко и въ церковь ходилъ, и совсѣмъ успокоился. Спирька былъ религіозный человѣкъ и все, бывало, говаривалъ:

— Имъ, этимъ, (которые къ церкви не привержены) — горло перервать и то мало. Вотъ какъ я думаю.

А все нѣтъ, нѣтъ, да и вспомнитъ Спирька свой сонъ.

Когда Спирька сталъ наѣзжать въ Петербургъ, интеллигенція еще болѣе стала метаться ему въ глаза. Газеты и журналы все объ мужикахъ, рабочихъ толкуютъ, его, Спирьку, поносятъ и тайные Спирькины замыслы раскрываютъ — и Спирька только зубами скрежещетъ. Въ совѣщаніяхъ и съѣздахъ Спирька натыкается все на эту-же проклятую, становящуюся ему всегда поперекъ дороги интеллигенцію.

И вездѣ, вездѣ...

Повезетъ его жена въ театръ,—тамъ кто то плачетъ, кто то притѣсняетъ, кто то заступается... Заѣдетъ Спирька на выставку картинъ, голую бабу посмотрѣть, которую ему на биржѣ расхваливали. «Только что ногой не дрыгнетъ», говорили ему пріятели. Любуется Спирька, съ разныхъ сторонъ смотритъ. Хорошая баба, форменная, тѣльная... Рядомъ песъ написанъ, тоже хорошій, форменный песъ, только что на тебя не бросится, на его, Спирькина, волкодава похожъ. А лѣсъ на заглядѣнье... Спирька привычнымъ глазомъ прикидываетъ, сколько строевого выйдетъ, на дрова сколько, сушняку...

А возлѣ нищій мальчишка въ заплаткахъ, съ сумой черезъ плечо, въ дверь въ училище заглядываетъ, гдѣ другіе ребята учатся... Рядомъ сиротки, должно быть, голодныя жмутся другъ къ дружкѣ въ лѣсу... А тамъ старикъ какой то въ лохмотьяхъ сидитъ, голову опустилъ, бабы какія то,—слезы на глазахъ— и пропадетъ у Спирьки всякое удовольствіе, опять обозлится Спирька.

Некуда уйти Спирькѣ отъ «интеллигенціи» и все больше разгорается злобой, все больше лютуетъ Спирькино сердце.

Рачининъ давно уговариваетъ Спирьку завести свою интеллигенцію. Онъ высчитываетъ Спирькѣ по конторскимъ книгамъ, во что обходятся фабрикѣ его рачининскія передовыя статьи и «стороннія сообщенія» насчетъ тарифовъ и пошлинъ, и доказываетъ, что Спирькѣ, въ сущности, выгодно завести свою газету, такъ какъ теперь деньги въ значительной мѣрѣ идутъ зря,—нынче напишутъ на Спирькину руку, а завтра тайные планы его разоблачатъ и его же, Спирьку, мошенникомъ назовутъ. Спирька все слушаетъ, но пока еще не соглашается,—и не больно онъ въ силу газетъ вѣритъ, да и знаетъ другіе способы, болѣе вѣрные,—а главное, не можетъ побороть своей ненависти къ газетѣ и газетчикамъ.

Въ самое послѣднее время, впрочемъ, я слышалъ, что Рачининъ приглашаетъ въ редакторы одного литератора, такъ что дѣло, можетъ быть, еще и наладится.

XIII.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Спирьку и Рачинина на Нижегородской выставкѣ.

Рачининъ былъ обворожителенъ. Въ безукоризненномъ фракѣ,—изящный джентльменъ, переходя отъ паѳоса къ язвительнымъ насмѣшкамъ надъ своими противниками, онъ въ блестящей, пространной рѣчи доказывалъ, что честь, достоинство и счастье Россіи заключаются въ томъ, чтобы скверные Спирькины товары продавались втрое дороже хорошихъ иностранныхъ... Иванъ Александровичъ съ трогательной нѣжностью увѣрялъ собраніе, что Спирька совсѣмъ еще маленькій, только что учится ходить и въ большихъ хлопотахъ и потому ему некогда подумать о техническомъ усовершенствованіи производства. Иванъ Александровичъ давалъ торжественныя обѣщанія, что Спирька подростетъ, что нужно только еще немножко поплатиться мужику и земледѣлію и тогда Спирька за-поясъ заткнетъ всякія заграницы и тогда Спирька, т. е. Россія, будетъ знаменитъ и силенъ отъ края до края.

А Спирька, великолѣпный въ своемъ блестящемъ цилиндрѣ и бѣломъ галстухѣ, важно стоялъ, слушалъ своего Спирькина оратора и одобрительно покачивалъ головой... Газеты писали и трогательныя и побѣдныя статьи объ успѣхахъ Спирькиной промышленности.

Спирька молчалъ, но на торжественномъ обѣдѣ, сказалъ рѣчь.

— Которые ежели, примѣрно сказать, и напримѣръ, будучи, прямо будемъ такъ говорить... И Спирька говорилъ объ «очетествѣ», объ «эскриментахъ», о «граціозномъ» развитіи русской промышленности и въ концѣ рѣчи устроилъ фортель,—поднялъ бокалъ за рабочихъ и за русскій народъ...

С. Елпатьевскій.

Городское представительство въ Екатерининскую эпоху.

(По матеріаламъ Коммиссіи 1767 г.).

Вопросъ о представительномъ правѣ горожанъ въ Екатерининскую эпоху имѣетъ глубокій интересъ и заслуживаетъ вниманія всѣхъ тѣхъ, кто интересуется въ настоящее время городскимъ самоуправленіемъ. Тѣ основанія, на которыхъ строилось городское представительство въ эту эпоху, были дѣйствующими законоположеніями не только въ XVIII столѣтіи, но и въ XIX. Болѣе того, позволительно утверждать, что въ настоящее время въ дѣйствительной жизни наиболѣе прогрессивныя основанія Екатерининскаго городского представительства оказываются не осуществившимися. Они еще пока только желательны и, кажется, поставлены на очередь. Дѣйствительно, должно сказать, что понятіе городского представительства въ эпоху Екатерины II было значительно шире сравнительно съ тѣмъ, какъ это представительство выражено въ дѣйствующемъ городовомъ положеніи 1892 года. Городскимъ избирательнымъ правомъ въ Екатерининское время обладалъ большій кругъ сословныхъ разрядовъ городского населенія, нежели безсословное городовое положеніе 1870 года, предоставлявшее, какъ извѣстно, большему числу горожанъ право быть городскимъ избирателемъ, сравнительно съ нынѣшнимъ положеніемъ. Городовое положеніе 1870 года уничтожило, правда, господствовавшее до него сословное начало въ организаціи городского общества, и въ этомъ оно оказывается прогрессивнымъ явленіемъ. Это положеніе уничтожило полную административную зависимость городского общественнаго управленія, каковое стало тогда дѣйствительно самоуправленіемъ. Это было уже громаднымъ и важнымъ шагомъ впередъ. Но все же городское общество, организованное положеніемъ 1870 года, не могло быть признано всесословнымъ, охватывающимъ представителей не только всѣхъ разнородныхъ группъ современнаго городского населенія, но даже и тѣхъ, какимъ давалось право на участіе въ городскомъ общественномъ управленіи по законамъ жалованной грамоты городамъ 1785 года. Городовое положеніе 1870 года признало правоспособными горожанами только два разряда городского населенія: владѣльцевъ недвижимой соб-

ственности и торгово-промышлениковъ. Положеніе 1892 года, уменьшившее самостоятельность городского самоуправленія, сдѣлало шагъ назадъ и въ избирательномъ правѣ: оно пріурочило это право скорѣе къ одному владѣнію недвижимымъ имуществомъ. Очевидно, знакомство съ тѣмъ, какъ понималось городское представительство во второй половинѣ XVIII ст., имѣетъ и практическое значеніе. Есть еще одно также практическое соображеніе, дѣлающее своевременнымъ разсмотрѣніе этого вопроса. Только распространеніе познанія о предлагаемомъ вниманію читателя предметѣ и можетъ уничтожить господствующій во многихъ общественныхъ сферахъ неправильный взглядъ, что предоставленіе городскихъ избирательныхъ правъ домовладѣльческому и торгово-промышленному классамъ всецѣло, будто бы, покоится на законахъ Екатерины II. Составители городовыхъ положеній 1870 и 1892 годовъ, ограничивая указанными группами городского населенія кругъ избирателей, прямо ссылаются на жалованную грамоту городамъ. Необходимость новаго опыта изученія избранной нами темы имѣетъ и теоретическое основаніе. Наказы горожанъ въ Коммиссію для составленія новаго уложенія изданы, хотя, къ сожалѣнію, не всѣ, уже послѣ того, какъ интересующему насъ вопросу посвятили свои труды И. Дитятинъ и В. Н. Латкинъ.

Предварительно разсмотрѣнія вопроса объ избирательномъ городскомъ правѣ въ Екатерининскую эпоху, намъ кажется необходимымъ предпослать нѣсколько словъ предшествующему времени. Иначе многое можетъ быть неяснымъ и непонятнымъ.

Въ домосковскій періодъ русской исторіи вся городская община, всѣ члены ея, безъ различія въ отношеніи ихъ имущественнаго положенія, всѣ «большіе, середніе и молодшіе» люди—имѣли право на участіе въ самоуправленія. Это начало признавалось и въ московское время и выражалось тогда въ одинаковомъ строѣ жизни посада (города) и деревни (міра), въ совмѣстной жизни этихъ общинъ, въ выборѣ ими общихъ старостъ, въ совмѣстномъ совѣщаніи въ земской избѣ *). Самоуправленіе тогда состояло въ правѣ разверстки падающихъ на городское общество государственныхъ налоговъ и въ обязательномъ отправленіи различнаго рода услугъ государству. Тогдашнее городское общество было закрѣпощено. Признакомъ принадлежности къ правоспособному обществу, а, слѣдовательно, къ избирателямъ, служилъ платежъ государственнаго налога, положеніе въ тягло, приписка къ посаду, къ слободѣ. Но московское городское общество не было однообразнымъ по своему составу и по своимъ правамъ. Въ московское время стали образовываться

*) Соловьевъ. Ист. Россіи XIII, стр. 702 (кн. 3). Владимірскій-Будановъ. Обзоръ по ист. рус. права, вып. I, стр. 106 и вып. II, стр. 197—199. Московская общность уѣзда и города предлагалась, какъ непремѣнное условіе улучшенія городского самоуправленія, кн. Васильчиковымъ. (О самоуправленіи).

особые разряды городского населенія, различные по своей службѣ, иногда съ особыми правами. Среди посадскихъ занимаютъ видное положеніе ратные люди. Допущено было владѣніе зданіями и для лицъ, не принадлежащихъ къ посаду, но съ обязательствомъ несенія ими общихъ повинностей. Причислены были къ посаду слободы низшихъ служилыхъ лицъ съ своимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, но также съ нѣкоторыми общими повинностями. Въ собственно «городѣ», кремлѣ,—находились «осадные» дворы сосѣднихъ помѣщиковъ. Появились приказные люди. Изъ среды посадскихъ выдѣляются бобыли и т. п. Такой городъ, какъ Москва, состоялъ изъ нѣсколькихъ слободъ и сотенъ, управляющихся отдѣльно. Но все же въ предѣлахъ этихъ различнаго рода общинъ дѣйствовали начала равноправности и общности членовъ этихъ посадовъ, слободъ и сотенъ.

Это общее право всего городского общества на участіе въ городскомъ самоуправленіи было признано и въ опытахъ XVII столѣтія устройства городского управленія, особаго отъ уѣзднаго, какъ, напримѣръ, въ Псковѣ, съ всенароднымъ избирательнымъ собраніемъ (вѣчемъ) боярина Ордынъ-Нащокина.

Отдѣленіе городского общества отъ сельскаго, образованіе особаго сословія городскихъ обывателей, установленіе разрядовъ среди этихъ обывателей, начавшееся въ Московское время, усилилось и твердо установилось только въ Петровское время. Городскіе жители въ это время уже строго раздѣляются на два разряда: на регулярныхъ и нерегулярныхъ гражданъ. Въ составъ регулярнаго гражданства не входили: дворяне, владѣющіе въ городахъ домами, приказные, духовенство, иностранцы и чернорабочіе.

Регулярное же гражданство составляли: купцы, какъ имѣющіе большіе отъѣзжіе торги, такъ и торгующіе мелочными товарами и харчевыми припасами; затѣмъ ремесленники; далѣе—живописцы, доктора и аптекари.

Одни регулярные граждане имѣли право избирать въ магистратъ и въ различныя другія должности, служба въ которыхъ носила по прежнему принудительный характеръ. Избирать же должно было изъ «первостатейныхъ и пожиточныхъ гражданъ», изъ «дѣльныхъ и лучшихъ въ купечествѣ людей». Это какъ бы установленіе особаго пассивнаго ценза, въ пользу богатаго купечества. Петръ Великій, озабочиваясь развитіемъ промышленности и стараясь собрать разсыпанную «храмину»—купечество, предоставилъ имъ и особыя права, но собственно, какъ говоритъ И. Дитятинъ, въ интересахъ фиска *).

Но нельзя, однако, согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что цензомъ, опредѣляющимъ гражданство при Петрѣ Великомъ, было

*) И. Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ Россіи. Т. 1, стр. 172.

только занятіе торговлею и ремесломъ *). Профессія въ городѣ, имѣющая интеллигентный характеръ (живописцы, доктора, аптекари), а не только ремесло было цензомъ, дающимъ право считаться регулярнымъ гражданиномъ. Это и понятно при стремленіи Петра Великаго содѣйствовать всѣми мѣрами насажденію просвѣщенія въ московскомъ государствѣ.

Такимъ образомъ, торгъ, ремесло и интеллигентная профессія въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, тогда существовавшихъ, а также повинность—тягло,—вотъ основанія городского ценза въ Петровскую эпоху. Но, дѣйствительно, опыты XVII столѣтія съ муниципальнымъ устройствомъ болѣе соотвѣтствовали общественной русской жизни. Это несоотвѣтствіе, а также отсутствіе самостоятельности Петровскаго самоуправленія, рядомъ со всесильною властью воеводъ и губернаторовъ, не могли, конечно, содѣйствовать развитію городского общества, притомъ раздѣленнаго на двѣ категоріи: регулярныхъ и нерегулярныхъ гражданъ. Строгій же фискальный характеръ Петровскаго самоуправленія ложился тяжелымъ бременемъ на регулярное гражданство, которое и стало избывать это принудительное, повинностное самоуправленіе. Тяжесть городской службы побудила правительство освободить отъ службы нѣкоторые разряды регулярныхъ гражданъ, тѣ разряды городскихъ жителей, которые оно желало поставить въ привилегированное положеніе, напримѣръ, фабрикантовъ и заводчиковъ **).

Кромѣ тяжелаго служебнаго положенія горожанъ, кромѣ существованія привилегированныхъ разрядовъ среди городского населенія, однимъ изъ самыхъ существенныхъ препятствій къ образованію самостоятельнаго, равноправнаго городского общества, нераздѣляемаго тогда отъ понятія городскіе избиратели,—было крѣпостное состояніе крестьянъ ***). Помѣщики требовали къ себѣ крестьянъ, ушедшихъ въ городъ. Воеводы, суды, сенатъ строго слѣдили за тѣмъ, чтобы крестьяне не оказались свободными отъ повинностей по отношенію къ своимъ помѣщикамъ, и наблюдали за

*) В. Н. Герье. «Рѣчь», произнесенная по случаю 100 лѣтняго юбилея жалованной грамоты въ Московской Городской Думѣ 21 апрѣля 1885 года, стр. 10. Также В. Н. Латкинъ. Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст., стр. 427.

**) Петербургскій магистратъ выбралъ въ бургомистры одного пивного компанейщика, который на основаніи указовъ 1723 и 1726 гг. принесъ жалобу въ Сенатъ на нарушеніе своей привилегіи—не быть выбираемому ни въ какія службы. Сенатъ предписалъ его уволить отъ службы. А. Филипповъ. «Ист. Сената въ правленіи Верх. Тайн. Сов. и Кабинета». Стр. 382.

***) Указомъ Правительствующаго Сената (1714) помѣщичьи, дворовые, патріаршіе архіерейскіе, монастырскіе крестьяне, которые живутъ въ городахъ домами своими, должны по прежнему быть крестьянами, а съ торговъ, промысловъ и вотчинъ въ платежахъ имѣть равенство съ посадскими людьми, кромѣ службъ слободскихъ.

тѣмъ, чтобы магистраты не вписывали неправильно крестьянъ въ посадскую службу *).

При такомъ положеніи вещей необходима была коренная реформа городского управленія. «Цѣлью правительства XVIII столѣтія было поднять или, вѣрнѣе, создать городъ, какъ торгово-промышленный пунктъ, съ своеобразной кипучей жизнею, а средство къ достиженію этой цѣли видѣли исключительно въ возможности лучшей организаціи городского управленія» **).

Эту новую, эту лучшую организацію задумала Екатерина II. Изъ кого же должно состоять городское общество, кто же имѣетъ право быть городскимъ избирателемъ? Наказъ, данный Екатериною II коммиссіи для составленія новаго уложенія 1767 г., правила производства выбора городского головы и депутатовъ въ эту коммиссію, наказы избирателей своимъ депутатамъ, протоколы засѣданій большой коммиссіи, законопроекты малыхъ коммиссій, наконецъ, жалованная грамота городамъ 1785 года, какъ результатъ такой многоразличной законодательной подготовки;—все это даетъ богатый матеріалъ для сужденія о томъ, какъ смотрѣло въ XVIII столѣтіи русское правительство и общество на поставленные вопросы.

Для выбора депутатовъ въ Екатерининскую коммиссію въ городахъ организовались избирательныя собранія. Предварительно избранія депутата они должны были избрать городского голову. Эта должность затѣмъ стала постоянною, какъ просили объ этомъ, между прочимъ, жители г. Москвы. Городской голова, по обряду производства выбора, избирается всѣми домовладѣльцами безъ ограниченія какимъ-либо сословіемъ ***). Должность городского головы надолго осталась всесословною и играла огромную роль въ исторіи развитія понятія о городѣ ****).

---

*) Крестьянинъ Кн. Ив. Вадбольскаго убѣжалъ въ Сыромятную слободу, женился на посадской вдовѣ, пошелъ къ ней въ домъ, сидѣлъ въ медовомъ верхнемъ ряду, и несъ всякія подати по слободѣ, въ чемъ взята съ крестьянина поручная запись. По жалобѣ помѣщика московскій надворный судъ приговорилъ: быть этому крестьянину за помѣщикомъ, съ женою и съ дѣтьми, а по промыслу въ платежахъ и службахъ—наравнѣ съ слобожанами. К. Побѣдоносцевъ. Истор. изслѣд. и статьи стр. 350—352. По указу Правительствующаго Сената велѣно было возвратить помѣщику П. Холщевникову его «человѣка», котораго петербургскій магистратъ, не справясь доподлинно, записалъ въ купечество. А. Филипповъ. Ibid. стр. 383.

**) Дитятинъ. Столѣтіе С.-Петербургскаго городского общественнаго управленія, стр. 4.

***) Правомъ избранія городского головы и депутатовъ пользовался «всякій домовладѣлецъ или имѣющій въ томъ городѣ домъ и торгъ, или домъ или ремесло, или же домъ и промыселъ». Сб. Им. Рус. Об. т. 4, стр. 7. Ср. Дитятинъ. Статьи по Ист. Рус. пр. стр. 114 и В. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія, стр. 778.

****) И. Дитятинъ. Уст. и упр. гор. Россіи, т. I, стр. 388. «Голова представитель города, какъ всей совокупности населенія». Возобновляясь черезъ два года, должность гор. головы по ук. 1771 сдѣлалась постоянною. Ibid, стр. 385.

Какъ на самомъ дѣлѣ происходили выборы, кто принималъ участіе въ выборахъ, отъ какихъ разрядовъ городскихъ обывателей составлялись наказы въ коммиссію? Отвѣты на эти вопросы дадутъ прямыя указанія на то, кто считался въ глазахъ тогдашняго городского общества правомочнымъ членомъ этого общества, и кто могъ бы имѣть право быть городскимъ избирателемъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ выборы были всесословные, за исключеніемъ духовенства. Выборы были двухстепенные: выбирали сначала уполномоченныхъ, которые и избирали депутата. Уполномоченные же избирались по территоріальнымъ участкамъ. Въ Петербургѣ такихъ участковъ (отдѣленій) было пять, а въ Москвѣ семь (частей). Домовладѣльцевъ избирателей спрашивали о ихъ желаніи принять участіе въ выборахъ. Въ Петербургѣ лицъ, выразившихъ такое желаніе, оказалось 907, а въ Москвѣ—1478. На самомъ дѣлѣ явилось на выборы гораздо меньшее число. Такъ, въ Москвѣ явилось только 878 человѣкъ. Кажется, болѣе всего повліяли на это отсутствіе результаты выборовъ первыхъ отдѣленій. Пассивное состояніе горожанъ предъ властью, предъ чиновными и знатными, было причиною, что среди уполномоченныхъ оказалось подавляющее большинство чиновной знати *).

Выборы въ провинціальныхъ городахъ происходили различно. Въ однихъ городахъ выборы депутатовъ производились отъ одного купеческаго и цеховаго сословія, въ другихъ въ выборахъ принимало участіе духовенство, въ третьихъ разночинцы, крестьяне и рѣдко дворяне. Иногда наказы составлялись отъ всего городского общества, иногда отъ отдѣльныхъ разрядовъ этого общества, причемъ были случаи, когда эти разряды посылали въ коммиссію каждый своего депутата. Нельзя, однако, положительно сказать, что сословность преобладала при выборахъ депутатовъ, если разсмотрѣть хотя бы только напечатанныя въ 93 томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества сорокъ наказовъ городскихъ поселеній тогдашней Московской губерніи, теперь частью губерній: Московской, Ярославской, Костромской, Владимірской, Тульской, Калужской и Рязанской. Подъ наказами отъ этихъ 40 городовъ и слободъ подписались одни только купцы или купцы и не означившіе своего сословія въ 14 наказахъ **). Въ восемнадцати же наказахъ имѣются подписи не однихъ только купцовъ.

---

*) Послѣ выборовъ I Отд. въ Петербургѣ, результатомъ которыхъ было избраніе уполномоченными однихъ только знатныхъ, ген.-полиціймейстеръ Н. И. Чичеринъ обратилъ вниманіе избирателей 2 отд. не въ указъ, а въ совѣтъ на то, что «не полезно ли было бы избирать въ повѣренные изъ всякаго званія жителей, способныхъ знать городскія нужды».

Въ Петербургѣ изъ	204 избират.	2 отд.	явилось на выборы	 102
» »	» 226	» 4 »	» » »	 88
» »	» 175	» 5 »	» » »	 56

**) Кромѣ того, въ 8 наказахъ подписались только не означившіе сво-

Такъ, духовенство, сословіе значительное тогда по своему вліянію и игравшее такую большую роль въ политической жизни московскаго времени, но не получившее отъ Екатерины II непосредственнаго права выбора депутатовъ, на самомъ дѣлѣ принимало участіе въ выборахъ общихъ отъ города депутатовъ. Подписи священниковъ, дьяковъ, дьячковъ, служащихъ въ духовной консисторіи, наконецъ, пономарей, церковныхъ старостъ, чиновъ и служителей архіерейскаго дома встрѣчаются подъ наказами одиннадцати городовъ *).

Еще чаще встрѣчаются (въ 15-ти наказахъ) подписи тогдашнихъ чиновниковъ: секретарей, канцеляристовъ, подканцеляристовъ, копіистовъ воеводскихъ канцелярій, городского магистрата, а также новыхъ военныхъ чиновъ и старыхъ служилыхъ людей и, наконецъ, дворянъ **). Изъ подписей подъ нѣкоторыми наказами можно видѣть, что принимали участіе въ выборѣ головы и депутатовъ, не только владѣльцы домовъ, но всѣ вообще жители (напр., Угличъ, Кашинъ и др.). Очевидно, въ такихъ городахъ, въ наказахъ которыхъ есть подписи купцовъ, ремесленниковъ, духовенства, приказныхъ, дворянъ, крестьянъ,—существовало и тогда признаніе за всѣми группами городскихъ обывателей права голоса при выраженіи городскихъ нуждъ. Насколько разнообразно было представительство, можно видѣть, напримѣръ, изъ подписей подъ наказомъ отъ ростовскаго гражданства. Такъ число подписавшихся купцовъ было 53, ремесленниковъ—5, служащихъ въ духовной канцеляріи при архіереѣ—8, канцеляристовъ воеводской канцеляріи, полиціи, магистрата—9, другихъ служилыхъ людей—10, изъ которыхъ двое именуются дворянами, и 1 только дворянинъ ***).

При такомъ разнообразномъ представительствѣ, обнимавшемъ почти всѣ разряды городскихъ жителей, должно было существовать въ городахъ сознаніе общихъ интересовъ. Поэтому не пустымъ звукомъ было, когда представители г. Ростова пишутъ наказъ отъ ростовскаго гражданства или представители г. Владиміра, обозначая

его сословія, которые въ цѣломъ не могутъ быть причислены къ купцамъ (напр., въ наказѣ отъ Тульской слободы). Наказъ отъ Воротынска подписанъ посадскими.

*) Дмитровъ, Коломна, Перемышль, Верея, Переяславль, Рязань, Ярославль, Ростовъ, Кашинъ, Крапивна, Владиміръ, Угличъ.

**) Дмитровъ, Коломна, Кострома, Серпуховъ, Веневъ, Верея, Переясл. Ряз., Ярославль, Ростовъ, Зарайскъ, Кашира, Кашинъ, Крапивна, Владиміръ, Угличъ.

***) Интересенъ самый перечень этихъ лицъ: городской голова, бургомистръ, ратманъ, купецъ и фабрикантъ, купецъ, кузнецъ, каменьщикъ, иконописецъ цеховой, канцеляристъ, подканцеляристъ, копіистъ воеводской канцеляріи, полиціи, магистрата и духовной консисторіи, архіерейскій дворянинъ, соколій помытчикъ, сокольникъ, почтмейстеръ, придворный казначейскій помощникъ, вахмистръ изъ дворянъ, казначейскій помощникъ дворянинъ и просто дворянинъ.

въ подписи свое званіе, не забываютъ при этомъ называть себя «градскимъ жителемъ», или когда горожане Перемышля говорятъ: мы, г. Перемышля жители, общимъ собраніемъ избрали такого-то въ депутата. Участіе въ выборѣ депутатовъ всѣхъ или большинства разрядовъ городского населенія имѣло мѣсто не только въ тогдашней Московской губ., но и въ Малороссіи. Здѣсь такое представительство выразилось, пожалуй, полнѣе. Въ городахъ Малороссіи принимали участіе въ выборахъ: мѣщане, казаки, казацкая старшина, канцеляристы и духовенство. Возьмемъ для примѣра наказъ отъ жителей города Лубенъ. Подъ этимъ наказомъ подписались: мѣщанъ—37, казаковъ—131, въ томъ числѣ 11 музыкантовъ, казацкой старшины—10, канцеляристовъ—9 и духовенства—11 *). Имѣли, конечно, право избиратели г. Лубенъ назвать свой наказъ «прошеніемъ граждан и всякаго званія жителей Лубенъ».

Такимъ образомъ, если судить по тому, кто принималъ участіе въ выборахъ городского головы и депутатовъ, можно сдѣлать заключеніе о далеко не полномъ господствѣ сословнаго начала въ строѣ городской общественной жизни, и даже возможно, что владѣніе недвижимымъ имуществомъ не было единственнымъ основаніемъ признанія за кѣмъ либо права на участіе въ общегородскихъ дѣлахъ. Частью московское начало всеобщности, частью городская профессія дополняли и сословное и владѣльческое основаніе.

Если же разсматривать самые наказы горожанъ, то преимущественное значеніе въ опредѣленіи того, кто составляетъ городскую самоуправляющуюся общину, окажется также не сословное начало и не владѣльческое, а скорѣе профессія, признаваемая тогда спеціально городскою. Эта профессія—торгъ и промыселъ.

Высказано это было по вопросу объ исключительномъ правѣ купцовъ и ремесленниковъ, какъ жителей города, производить торговлю и промыселъ. Мотивы, по которымъ купечество просило такого права, основываются только частью на сословныхъ началахъ. «Каждый чинъ во всемъ государствѣ, по собственному своему званію, свою должность исправляетъ, что и священное правило повелѣваетъ, кто въ какой чинъ позванъ, въ томъ да пребываетъ». (Нак. Одоевскаго купечества п. 15). «Всѣми торгами, промыслами, подрядами и откупами пользовалось бы одно купечество, а крестьянамъ, производящимъ подрывъ купечеству, повелѣно бы упражняться въ одномъ хлѣбопашествѣ. Фабрики и въ городахъ лавки и постоялые дворы и прочія промышленныя строенія имѣть единому купечеству, а разночинцамъ, какъ крестьянамъ и въ здѣш-

*) Также см. наказы гг. Глухова, Стародуба, Чернигова, Козельска и Прилукъ. «Наказы малорос. депутатовъ и акты о выбор. въ коммиссію. Изд. Кіевской Старины. 1889 г. стр. 77, 112, 134—137, 196—200, 211—212, 234—237. Также И. Дитятина. Ст. по ист. рус. пр. стр. 116.

немъ городѣ оружейнымъ мастерамъ, такъ и другимъ, кто бы какого званія ни былъ, оными владѣть и торговые промыслы ни подъ какимъ видомъ не производить». (Нак. Тульскаго купечества п. 20). «И никто бы въ право купеческое ни подъ какимъ образомъ не вступалъ. Дворянство имѣетъ собственное свое право, снабженное великими преимуществами. Дворянамъ торговать, фабрикъ и заводовъ имѣть не дозволять и право купеческое ни у кого не покупать». (Нак. купечества Костромы п. 3) *).

Но мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ о безусловномъ господствѣ сословныхъ принциповъ въ требованіи права исключительнаго торга и промысла, высказаннымъ В. Н. Латкинымъ въ указанномъ выше сочиненія. По нашему мнѣнію, тягость городской службы, увеличившаяся вслѣдствіе освобожденія отъ этой службы лицъ, не состоявшихъ въ сословіи купеческомъ и цеховомъ, была болѣе существеннымъ стимуломъ въ ходатайствѣ исключительнаго права торга и промысла.

«Не только здѣшнее, но и все мѣщанство вообще несутъ немалое отягощеніе отъ увольненія отъ всѣхъ службъ и гражданскихъ тяготъ заводчиковъ и компанейщиковъ, також де и произведенныхъ въ разные чины, ибо не только они сами, но и повѣренные ихъ отъ того свободны». (Нак. г. Москвы п. 39). «Купечество обязано государственными службами, крестьянство же, не зная службъ и убытковъ, всегда свободно и торгъ свой производитъ безпрепятственно; крестьянство отъ силы въ силу приходитъ, такъ какъ отъ всѣхъ купеческихъ тягостей свободно и отъ службъ государственныхъ, гражданскихъ и полицейскихъ. Купечество же отъ этого приходитъ въ упадокъ». (Нак. Ярославля п. 8) **).

Поэтому этими ходатайствами объ исключительномъ торгѣ и промыслѣ не всегда запрещается доступъ въ число правомочныхъ горожанъ лицамъ изъ другихъ сословій: крестьянства и разночинцевъ. Этимъ разрядамъ предоставляется полное право торга и промысла, но подъ условіемъ приписки къ купеческому и цеховому сословіямъ, подъ условіемъ несенія такими лицами всѣхъ службъ и повинностей городскихъ и съ освобожденіемъ отъ сборовъ и повинностей на старыхъ мѣстахъ. «Всѣмъ крестьянамъ и разночинцамъ, которые въ купечество не записаны и не несутъ государственныхъ и гражданскихъ службъ и прочихъ съ купечествомъ на ряду тягостей, накрѣпко запретить торговать, не записавшись въ купечество. Который же не пожелаетъ отъ торга своего отстать,

*) См. также наказъ Малоярославца п. 3 и 10. Одоевск. куп. п. 11, Углич. куп. п. 13. Нак. Погары, п. 4. Наказъ Глухова п. 2: «запрещене было бы иногороднымъ и отставнымъ врознь продавать и не въ какіе промыслы до гражданства не вступать». Напротивъ, г. Лубны говоритъ о свободѣ торга, п. 7.

**) Также наказы Юрьева Польск. п. 2, Зарайска п. 20, Нерехты п. 1, Углича п. 43.

тѣхъ, не взирая ни на какія отговорки, повелѣно бы было записывать въ купечество. Также всѣмъ ремесленнымъ людямъ посторонним, не записавшимся въ цехи, ремесла своего работать въ городѣ запретить и въ продажу не производить, и тѣмъ ремесленнымъ людямъ городовымъ, которые службы служатъ и всякія тягости гражданскія отправляютъ, подрыву не дѣлать и до убожества ихъ не доводить, ибо когда ремесленный человѣкъ выбранъ бываетъ на службу, въ это время работа его останавливается, а разночинцы, какъ свободные и ничѣмъ не обязанные, тѣмъ временемъ ремесло свое отправляютъ безпрепятственно и не токмо городу, но и государству безполезно. Поэтому для общей пользы имъ повелѣно бы записываться въ цехи и по своимъ ремесламъ службы служить и прочія тягости отправлять на ряду съ обывателями» *).

Такимъ ходатайствамъ купечества шли на встрѣчу просьбы другихъ разрядовъ городскихъ обывателей о дозволеніи свободнаго торга и промысла съ уравненіемъ въ повинностяхъ съ купечествомъ и съ цеховыми **).

Свободному вступленію крестьянъ и разночинцевъ въ ряды горожанъ нерѣдко препятствовалъ отказъ въ этомъ со стороны предержащихъ властей. Это вызывало просьбы о включеніи въ число цеховыхъ и купцовъ безъ увольненія отъ прежнихъ мѣстъ ***).

Но въ наказахъ встрѣчаются и болѣе общегородскія теченія; въ этихъ наказахъ высказывается и начало общности различныхъ разрядовъ городского населенія. Эта общность уже проглядываетъ, какъ мы говорили, въ мысли объ обязательности несенія городскихъ повинностей и другими разрядами городскихъ жителей, а не только купечествомъ и мѣщанствомъ ****). Особенно это можно сказать о квартирной для войска повинности. «И на оное построеніе (квартиръ для войска), говоритъ Тульское купечество (п. 37),

*) Наказъ Ярославля п. 1 и 2. Также наказы Судиславля п. 5, Кадуя п. 5, Юрьева Польскаго п. 1, Норской слободы п. 1, Кашина п. 1, Звенигорода п. 8, Углич. куп. п. 16, Крапивны, Алексина п. 19, Вязниковской слободы п. 6, Тульск. куп. п. 22: «крестьянамъ дворцовымъ, синодальнымъ и монастырскимъ (экономическимъ) и всѣмъ тому подобнымъ разночинцамъ, записавшимся въ купечество, въ окладѣ подушныхъ и прочихъ казенныхъ поборовъ повелѣть бы единственно быть на ряду съ купечествомъ, а на прежнихъ жилищахъ всѣми сборами исключить и крестьянами не числить».

**) Нак. Серпухова п. 16, 20. Тульск. оруж. слоб. п. 30—31. Кашина. п. 30—32 (но кашинскіе купцы соглашались причислить слобожанъ при условіи владѣнія капиталомъ до 500 р.).

***) Въ г. Кашинѣ живущіе разночинцы и въ уѣздѣ вѣдомства Коллегіи экономіи крестьяне, также ямщики и прочіе капиталистые люди просятъ записывать въ купечество и быть жителями городовъ своими домами, но отъ вотчинъ и командъ увольненій не получаютъ. Нак. п. 23. Въ малор. наказ. указывалось старинное право вольнаго перехода (Нак. г. Пригары).

****) «На пожаръ и караулъ всѣ обрѣтающіеся жители ходили бы и постой ставить ко всѣмъ, а не къ одному купечеству; а мосты и духовнаго чина противъ своихъ жительствъ и гдѣ надлежитъ, мостить бы». Нак. г. Рузы, п 8, Звенигорода п. 6, Ярославля.

и содержать собирать со всей имперіи поквартирныя деньги съ городовыхъ жителей всякаго чина и состоянія, не обходя никого. Для постройки штабнаго дома «сградскіе жители» даютъ съ каждой души по одному рублю». (Нак. Коломны п. 9). Наказы ходатайствуютъ о сложеніи сборовъ не только съ купечества, но и съ приказныхъ (ibid п. 8).

Но эта общность еще сильнѣе, конечно, выразилась въ просьбахъ о надѣленіи общими правами тѣхъ или иныхъ городскихъ разрядовъ или даже всего городского населенія. «Не только въ службахъ и во всѣхъ по гражданству общихъ тяжестяхъ единственно съ купечествомъ быть на раду, но—говоритъ Тульское купечество о фабрикантахъ и заводчикахъ,—и судомъ и расправою вѣдать ихъ въ магистратахъ и словесныхъ судахъ. Шуйское купечество проситъ о дозволеніи производить выборъ въ гражданскія службы раскольниковъ, «чѣмъ бы все купечество имѣло пользоваться въ равенствѣ всеобщественно» (п. 7). Просимый г. Москвою городской судъ, организуемый на основахъ, принятыхъ въ Европейскихъ городахъ, долженъ составляться изъ лицъ, избираемыхъ всѣмъ гражданствомъ, мѣщанствомъ или же черезъ выборъ уполномоченныхъ, но такъ чтобы и въ числѣ повѣренныхъ, и въ числѣ судей изъ дворянъ была одна треть, а изъ купцовъ двѣ трети. Слово мѣщанство въ этомъ наказѣ, по нашему мнѣнію, употребляется въ различномъ смыслѣ и обозначаетъ то купечество и ремесленниковъ вмѣстѣ, то, можно думать, все домовладѣльческое городское населеніе. Городъ Серпуховъ проектируетъ учрежденіе общей полиціи, подвѣдомственной магистрату, для разночинцевъ и для купцовъ, одинаковаго словеснаго суда, и общаго вексельнаго права *). ПереяславльРязанскій ходатайствуетъ о смѣшанномъ судѣ изъ купечества и разночинцевъ (п. 1) для разрѣшенія мелкихъ уголовныхъ дѣлъ. Городъ Черниговъ напоминаетъ о томъ, что ему было пожаловано: «всякъ тотъ, кто только обнялъ домъ или огородъ и промысломъ или ремесломъ пользовался, былъ подсуденъ уряду мѣскому» (п. 8). Городъ Полтава проситъ, чтобы всѣ владѣющіе вѣдались бы въ магистратѣ. Стремленіе къ уравненію правъ городскихъ жителей, какого бы званія или чина они ни были, выразилось также въ ходатайствѣ о безпрепятственномъ и свободномъ правѣ продажи и купли домовъ и земель, какъ принадлежащихъ купечеству, такъ и слобожанамъ, какъ дворянамъ, такъ и разночинцамъ ***).

Къ сожалѣнію, въ своихъ наказахъ горожане не высказались

*) Нак. Тулы куп. п. 21, Москвы п. 19, Серпухова п. 15 и слѣд., нак. Тульск. оруж. слоб. Но были просьбы и объ оставленіи полиціи по старому, отдѣльно для разночинцевъ и купцовъ. Нак. Углиц. купеч. п. 25.

**) В. Н. Латкинъ. Указ. соч. стр. 505.

***) Нак. Ростова п. 6, Углича (разночинцевъ) п. 53, (ямщиковъ) п. 60, г. Костромы п. 22. Напротивъ, мал. гор. Погары ходатайствуетъ (п. 2), чтобы мѣщане недвижимыя свои добра въ продажу отдавали другъ другу, а не воинскимъ чинамъ. Нак. изд. Русск. Стар.

прямо и опредѣленно по интересующему насъ вопросу о томъ, кто могъ бы обладать городскимъ избирательнымъ правомъ. «Они почти не затрогиваютъ самой организаціи городского управленія въ смыслѣ измѣненія ея въ томъ или другомъ отношеніи». *) Большая часть городскихъ наказовъ, говоря о магистратахъ и ратушахъ, проситъ только объ установленіи срочности выборовъ въ городскія должности (на 2—3 года или каждогодно). При этомъ горожане только упоминаютъ то о существующихъ избирательныхъ порядкахъ, то ссылаются на законы Петра Великаго. «Издревле къ перемышльской ратушѣ опредѣляются въ бургомистра и ратмана изъ перемышльскаго купечества по выбору перемышльскаго купечества достойные» (п. 10). «Въ силу Главнаго Магистрата выбираются къ магистрацкимъ дѣламъ въ бургомистры и ратманы добрые и пожиточные люди». (Нак. купеч. Серпухова п. 1). Но были и болѣе прямыя указанія на то, чтобы и въ будущемъ производились однимъ купечествомъ. Тульское купечество проситъ (п. 1) «оставить ихъ въ собственномъ между собою учрежденіи и судебномъ надъ купечествомъ мѣстѣ». Выборы производить «изъ купечества» (Веневъ п. 6). Выбирать «по собственной волѣ каждому купечеству изъ своихъ же собратьевъ самимъ собой» (Нак. куп. Нерехты). Однако не всегда словомъ «купечество» обозначается сословіе купцовъ. Весьма часто подъ купечествомъ понималось все коренное городское населеніе, подобно тому, въ Московское время названіе «торговые люди» употреблялось вмѣсто «посадскіе». Это можно положительно видѣть изъ многихъ наказовъ. Такъ написанъ наказъ отъ «купечества» города Воротынска, и въ пунктѣ 8 этого наказа говорится: «издревле въ воротынской ратушѣ опредѣляется въ бургомистры и ратманы изъ воротынскаго купечества по выбору купечества достойные». Между тѣмъ подписали этотъ наказъ посадскіе, а въ пунктѣ 1 сказано: «въ городѣ Воротынскѣ посадскіе люди живутъ на пашнѣ; а по первой ревизіи состояло купечества 487 душъ... и къ купечеству недомѣру земли недостало 533 четверти въ одномъ полѣ... торговъ (дней) въ г. Воротынскѣ нѣтъ». Очевидно, что подъ словомъ купечество здѣсь подразумѣвается все коренное населеніе города. Еще примѣръ. Въ п. 8 наказа отъ жителей гор. Рузы говорится: «въ городѣ Рузѣ жительство имѣютъ одно купечество, а разночинцевъ, кромѣ духовныхъ, господъ воеводы и товарища, канцелярскихъ служителей и солдатъ, кои только при оной канцеляріи, не имѣется». Поэтому, мы думаемъ, когда встрѣчается въ наказахъ указаніе, что выборы производятся купечествомъ или изъ купечества, то это еще не говорятъ объ избирательныхъ правахъ, принадлежащихъ сословію гильдейскаго купечества, весьма къ тому же малочисленнаго. Поэтому мы и можемъ усматривать несословное теченіе въ тѣхъ наказахъ,

*) И. Дитятинъ. «Уст. и упр. город. Россіи», т. I. стр. 409.

гдѣ говорится, чтобы выборы въ члены магистрата и ратуши такъ, какъ «въ обрядѣ и выборѣ головы и депутатовъ узаконено баллотированьемъ изъ купечества» (нак. Малояр. п. 6 и тождественный съ нимъ нак. Можайска п. 3) Мы не думаемъ, что здѣсь идетъ рѣчь только о способѣ избранія посредствомъ баллотированія, а скорѣе о всѣхъ избирательныхъ порядкахъ, установленныхъ Екатериною II. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ наказахъ, хотя очень смутно, можно видѣть указаніе на то, чтобы выборы производились изъ купечества, вообще изъ болѣе богатыхъ слоевъ городского населенія. Это понятно при той отвѣтственной предъ государствомъ городской службѣ, какую не могли вынести на своихъ плечахъ маломочные жители города. Но если и были требованія болѣе сословной организаціи городского управленія, то надо помнить, что это вызывалось тѣмъ, что тогда городскія учрежденія (магистраты и ратуши) вѣдали не только общегородскія дѣла, но и спеціально торговыя и судебныя. Желаніе быть самостоятельными въ судебномъ отношеніи отъ произвола тогдашней администраціи и вообще тогдашнихъ чиновниковъ и побуждало торгово-промышленный классъ стоять на своей особности. «Въ провинціальный магистратъ выбирать изъ купцовъ, а не изъ какихъ другихъ чиновъ.... ибо нынѣ признаютъ ихъ, купцовъ, не яко присутствующихъ, но яко купцовъ, почему голосу и защиты съ другими командами и разными чиновными людьми имѣть не могутъ». *) Мы не можемъ, поэтому, согласиться съ мнѣніемъ В. Н. Латкина, что по наказамъ «организація городскихъ учрежденій должна была быть исключительно сословная». Въ противномъ насъ убѣждаетъ и то обстоятельство, что были же, правда въ весьма незначительномъ числѣ, депутаты и не изъ купечества: отъ общества градскихъ жителей Переяславля Рязанскаго—канцеляристъ, отъ г. Крапивны—секретарь воеводской канцеляріи, отъ Углича—канцеляристъ духовнаго правленія. Избранные въ городскіе головы по большей части не обозначаютъ своего званія, но есть, напримѣръ, городской голова Ярославля—канцеляристъ, а подъ наказомъ г. Верен совсѣмъ не упоминается городской голова, но на первомъ мѣстѣ подпись соборнаго священника.

Общегородское теченіе замѣтнѣе и рѣзче выражено въ малороссійскихъ наказахъ: «Дозволить въ магистратскіе урядники (члены ратуши и магистрата) для погоднаго правленія обще со всего земскаго совѣту выбирать». (Переяславль). **) Жители Стародуба говорятъ о выборѣ войта изъ граждан. Горожане Полтавы говорятъ о правѣ всѣхъ обывателей (по магдебургскому праву) избирать войта съ урядниками вольными голосами ***).

---

*) Вологодскій наказъ, цитир. по соч. В. Н. Латкина Законодательныя коммиссіи XVIII т. (стр. 501 и сл.).

**) В. Н. Латкина. Ibid. стр. 514. Также Нѣжинъ.

***) Наказы малор. изд. «Кіевск. Старины». Также г. Погары.

Такимъ образомъ, изъ разбора городскихъ наказовъ нельзя, по нашему мнѣнію, вывести то заключеніе, что полноправное городское общество, по понятіямъ того времени, непремѣнно должно состоять исключительно только изъ купеческаго сословія, или даже изъ торгово-промышленныхъ сословій.

Намъ думается, не только владѣльцы недвижимаго имущества, соединеннаго или не соединеннаго съ торгомъ и промысломъ, а, можетъ быть, и всѣ вообще разряды городскихъ обывателей составляли, по мнѣнію самихъ горожанъ, городское общество, которое въ то время не выдѣляло изъ себя особыя городскія избирательныя собранія, а, раздѣляясь на разряды, могло составлять изъ нихъ избирательныя собранія. Это городское общество, какъ можно судить по наказамъ, желало быть самоуправляющеюся общиною, вѣдающею и судъ и полицію надъ всею городскою территоріею *).

Можно поэтому сказать, что сословное начало въ городскомъ населеніи въ вопросѣ о городскомъ представительствѣ далеко не было такимъ подавляющимъ, какъ въ другихъ сферахъ тогдашней жизни. Но если и играло всетаки значительную роль, то это должно быть поставлено не только на счетъ самихъ горожанъ. Слишкомъ ужъ «эта сословность имѣла большое значеніе въ жизни вокругъ города и въ законодательствѣ» **).

Въ матеріалахъ, относящихся къ коммиссіи для составленія новаго уложенія, есть данныя, указывающія на то, какъ смотрѣли на составъ городского общества присутственныя мѣста. Такъ въ наказѣ малороссійской коллегіи проводится та же мысль, что и городскими депутатами, о подчиненіи общему управленію всѣхъ жителей города ***).

Городское общество, по мнѣнію коллегіи, должно составляться изъ всѣхъ обывателей, за исключеніемъ рабочихъ. Это городское общество въ городахъ большихъ (Стародубѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ,

---

*) Горожане, ходатайствуя о такомъ самоуправленіи, ссылались то на примѣръ чужестранныхъ, европейскихъ обычаевъ, то на законодательство Петра Великаго, которое все же давало городамъ больше правъ, чѣмъ дѣйствующіе передъ этими выборами порядки. Нак. жит. г. Костромы п. 11 «Полицію въ здѣшнемъ городѣ оставить во всемъ на основаніи регламента Петра Великаго, который изволилъ единственно магистрату поручить судить гражданъ, содержать въ своемъ смотрѣніи полицію, положенные съ нихъ доходы сбирать, учреждать всю экономію города и въ своихъ нуждахъ представлять въ главный магистратъ».

**) В. Сергѣевичъ. Предисловіе къ 93 тому Имп. Р. Ист. Сборн. стр. 4—5.

***) Для возстановленія падшаго гражданства и купечества надлежитъ охранить особливыми привилегіями, заключающими въ себѣ прямой порядокъ градскаго правленія и гражданскаго послушанія, которому подлежать должно и дворянство въ разсужденіи домовъ, торговъ и промысловъ, которые они въ городахъ имѣютъ, исключая особъ ихъ. Сб., т. 43, стр. 233.

Переяславлѣ, Полтавѣ) дѣлится на три уряда, въ меньшихъ городахъ всѣ горожане образуютъ одинъ урядъ. Первый урядъ составляетъ магистратъ, куда «годнѣйшіе и лучшаго состоянія люди» избираются изъ второго уряда. Этотъ же послѣдній состоитъ изъ «гражданъ ученыхъ, отъ своихъ капиталовъ себя содержащихъ, далѣе промысломъ купеческимъ въ амбарахъ, погребахъ, лавкахъ, оптомъ и порознь упражняющихся, потомъ докторовъ, лѣкарей, аптекарей и всѣхъ подъ названіемъ свободныхъ художествъ числящихся мастеровыми». Граждане второго уряда созываются иногда всѣ, а иногда «первые» изъ нихъ въ «градскій совѣтъ», особенно для одобренія новыхъ сборовъ и провѣрки градскихъ счетовъ. Третій урядъ состоитъ изъ ремесленниковъ всѣхъ безъ изъятія, въ прилавкахъ, на стольцахъ разными мелочными и старыми вещами и овощью торгующихъ, фурманщиковъ или извозчиковъ. Изъ этого уряда старѣйшіе, т. е. «цехмистры» также на совѣтъ въ магистратъ созываются. Городскимъ же правомъ пользуются не только хозяева, но и контористы, бухгалтеры, купеческіе товарищи, подмастерьи и дѣти лѣтъ совершенныхъ.

Малороссійская коллегія даетъ и общее опредѣленіе основаній, по которымъ тѣ или иные городскіе жители принадлежатъ къ городскому обществу, должны числиться горожанами. «Всѣ же другіе, ни способности, ни имущества, ни ремесла, ни промысла гражданамъ пристойныя не имѣющіе, къ обществу не причитаются». Мы подъ словомъ способность понимаемъ интеллигентную профессію.

Такъ, владѣніе имуществомъ, обладаніе движимымъ капиталомъ, городскія профессіи, какъ промыслового характера, такъ и интеллигентнаго, и частью, наконецъ, не только положеніе хозяина, но и служащаго,—вотъ эти основанія, этотъ цензъ малороссійскаго города *).

Гораздо уже посмотрѣлъ на свою задачу главный магистратъ, который находилъ возможнымъ предоставить участіе въ городскихъ учрежденіяхъ только купеческому сословію. Главный магистратъ просилъ также о совершенномъ исключеніи записанныхъ въ купечество крестьянъ изъ прежнихъ мѣстъ, дворцовыхъ и монастырскихъ—безъ платежа, а помѣщичьихъ—за опредѣленный платежъ **).

Какъ же смотрѣла по интересующему насъ вопросу сама императрица? Екатерина II работала независимо отъ этихъ наказовъ. Но она основывалась на западноевропейскихъ идеяхъ и частью на законодательствѣ Петра Великаго. Поэтому въ ея опредѣленіи го-

---

*) Депутатомъ отъ мал. Коллегіи былъ избранъ членъ коллег. Натальинъ. Коллегія состояла изъ президента гр. Румянцова, генер. обозна[illegible] Сен. Кочубея, бригадира кн. Пл. Мещерскаго, генер. писаря В. Туманскаго, полк. Ив. Хвостова, ген. есаула Ив. Коровка, ген. хорунжаго—Данила Апостола.

**) Ibid. стр. 238, 248. Цеховые изъ своей среды выбираютъ отвѣтственныхъ предъ Магистратомъ должностныхъ лицъ, стр. 252.

родского общества могло быть и нѣчто общее съ этими наказами. Въ своемъ наказѣ, данномъ въ руководство коммисіи, Екатерина II такъ опредѣляетъ принадлежность къ городскому обществу: «Къ горожанамъ причисляются тѣ, кто, не бывъ дворяниномъ, ни хлѣбопашцемъ, упражняется въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ», далѣе «всѣ тѣ, кто, не бывъ дворянами, будутъ выходить изо всѣхъ учрежденныхъ училищъ, духовныхъ и свѣтскихъ, и воспитательныхъ домовъ», а также и «дѣти приказныхъ людей». Такимъ образомъ, признакомъ принадлежности къ городскому обществу въ этихъ статьяхъ наказа устанавливается довольно широкая городская профессія, носящая притомъ не только торгово-промышленный характеръ, но и интеллигентный.

Однако же это опредѣленіе является въ то же время сословнымъ. Горожане—это особое сословіе, средній родъ (мѣщане), «люди вольные, но отличные и отъ дворянъ и отъ хлѣбопашцевъ». Но въ другомъ мѣстѣ наказа Екатерина выставляетъ иной принципъ, тотъ, который былъ въ обрядѣ выбора: именно владѣніе недвижимою собственностью. «Тѣмъ, кои обязаны принимать участіе въ добромъ состояніи города, имѣвъ въ немъ домъ и имѣнія, дается имя мѣщанъ».

Наконецъ, Екатерина устанавливаетъ и принципъ платежа податей. Мѣщане «обязаны для собственнаго своего же благосостоянія и для гражданской своей безопасности въ жизни, имѣніи и здоровьи, платить разныя подати, дабы пользоваться своимъ имѣніемъ безпрепятственно, а кои же не даютъ сего, такъ сказать, залога, тѣ и не пользуются правомъ имѣть мѣщанскія выгоды» *).

Такимъ образомъ, въ Наказѣ Екатерины II не опредѣляется ясно принадлежность къ полноправному городскому обществу **).

Вопросъ о принадлежности тѣхъ или иныхъ лицъ къ горожанамъ дебатировался и въ самой коммиссіи для составленія новаго уложенія. Къ сожалѣнію, въ коммиссіи не разсматривался проектъ «средняго рода» людей. Депутаты высказывались по этому вопросу случайно, по поводу правъ купечества, дворянства и крестьянъ. И въ коммиссіи можно усмотрѣть два теченія: сословное и общинное.

Сословное начало выразилось въ требованіи исключительнаго для купцовъ и цеховыхъ торга и промысла и въ признаніи только купцовъ и ремесленниковъ полноправными горожанами. Но и въ этомъ мнѣніи общее начало сказалось въ предоставленіи купеческихъ правъ крестьянамъ, освободившимся отъ помѣщиковой воли, приписаннымъ къ купечеству, и въ подчиненіи всѣхъ горожанъ самостоятельному городскому самоуправленію въ дѣлѣ суда, полиціи, бюджета ***).

*) Наказъ (изд. 1893 г.) ст. 359, 376, 379—382, 394 и 395.

**) И. Дитятинъ. Уст. и упр. т. 1, стр. 406.

***) Депутатъ отъ жителей крѣпости св. Елизаветы, купецъ Мих. Бѣ-

Не за строго сословное начало высказался депутат г. Серпейска, Р. Глинков. «Купцы, не отстраняя крестьян из своего общества по торговлѣ, желали бы, чтобы тѣ, которые захотят торговать, записывались, съ позволенія помѣщиков своих, в купечество и обще съ ними платили бы всякіе поборы и несли всѣ гражданскія тягости» *).

Требуя приписки крестьян к купечеству и уравнивая их в «тягостях», городскіе депутаты руководствовались в этом не только сословными интересами, но и заботливостью о крестьянах, ходатайствуя об упорядоченіи производства крестьянами платежей в пользу помѣщиков **).

Наконец, городскими депутатами было выражено мнѣніе, что от занятія крестьянами торговлею и промыслами купечество нисколько не стѣснено. Такое мнѣніе высказал депутат г. Астрахани, Петр Самарскій: «не повелѣно ли будет всѣм тѣм, как дворцовым и экономическим, так и помѣщичьим людям и крестьянам, которые имѣют у себя довольный капитал и находится в торговлѣ, а к земледѣлію не прилежат, позволить законом без увольненій и без отпусков записываться в купечество, с платой опредѣленных противу прочих крестьян платежей в своих мѣстах» ***).

Другой депутат, возражая против установленія такого широкаго и свободнаго доступа в ряды купечества, а, слѣдовательно, и горожан, говорил о необходимости, вмѣсто крестьян, «опредѣлять в купечество из духовных и свѣтских училищ, тако-жде из статских чинов и военных отставных, служивших

зельный: «Чтобы никто, кромѣ купечества, в купеческія дѣла не мѣшался и торговли их не подрывал, не признано ли будет нужным, всѣм городским жителям, купцам и мастеровым называться бюргерами и гражданами». Сб. т. VIII, стр. 71—72, также Ал. Попов, депутат Рыбинской слоб. стр. 42 и 43., Солодовников, депутат г. Тихвина стр. 152—153, Карышев, депутат Барнаульск. зав., стр. 198.

*) Ibid., стр. 91—94. Интересно мнѣніе того же депутата о правѣ имѣть фабрики: «Если уже будет повелѣно заводить фабрики людям всякаго чина, то слѣдует постановить, чтобы оныя строились на одинаковом основаніи как купцами, так и дворянами, т. е. не своими крестьянами, которые отнимаются от хлѣбопашества, а по найму, съ уплатой за произведенныя работы наличными деньгами». Также Самойлов, депутат г. Енисейска, Ростовцев, депутат г. Ельца, стр. 220. Шептильников, г. Балахны, стр. 238—239. Өомин, депутат г. Томска, стр. 258.

**) Ив. Иконников, депутат г. Зарайска, жаловался, что в противность указа Петра Великаго 1722 г. помѣщики с записавшихся в купечество крестьян берут не обыкновенныя крестьянскія подати, а чрезмѣрно увеличивают их (вмѣсто 70 коп., берут 5—20 руб.) и посему предлагает, чтобы государственным и помѣщичьим крестьянам оброков самим не платить, а вносить их в магистраты и ратуши, которые и должны отдавать эти оброки, кому слѣдует. Ibid. стр. 141.

***) Сб. т. 32, стр. 69, 84 и 446.

ніе изъ дворянства, по ихъ желанію» *). Этотъ депутатъ стоялъ на почвѣ наказа Екатерины II.

Такимъ образомъ, среди мнѣній городскихъ, купеческихъ депутатовъ было и несословное теченіе. Въ засѣданіяхъ комиссіи, въ вопросѣ о правѣ купеческомъ и мѣщанскомъ, не-городскіе депутаты еще болѣе, конечно, были проникнуты такимъ несословнымъ характеромъ. Таковы были въ особенности депутаты отъ крестьянъ, однодворцевъ, казаковъ, инородцевъ, а также частью и отъ дворянства. Такъ депутаты отъ Запорожскаго войска П. Головатый и М. Скапа говорили: «всякій человѣкъ, не только купечество, но изъ всякаго другого сословія, ежели что доведется купить, да съ прибылью продать,—то за такое счастье долженъ благодарить, что можетъ привести себя въ лучшее состояніе, въ чемъ и состоитъ ему крайняя нужда. Купцы, предлагающіе исключительный торгъ никому болѣе, какъ только подобнымъ себѣ желаютъ всякаго блага и преизобильнаго довольства, а у другихъ хотя бы ничего не было». Депутатъ отъ дворянъ Кромскаго уѣзда А. Похвисневъ указывалъ, «что обязанность каждаго живущаго не въ томъ состоитъ, чтобы только получать себѣ прибыль, хотя бы и съ тягостью общества, но въ томъ, чтобы получать выгоду, соблюдая вмѣстѣ съ тѣмъ пользу онаго». Депутатъ ясачныхъ татаръ Сеитовъ просилъ: «не соблаговолено ли будетъ предпочесть общую пользу особенной каждаго выгодѣ» **).

Изъ этихъ депутатовъ болѣе подробно развилъ вопросъ о правахъ купечества и мѣщанства депутатъ отъ ярославскаго дворянства, князь М. Щербатовъ. Онъ предлагалъ раздѣлить купцовъ на три класса: 1) оптовыхъ и чужестранцевъ, 2) производящихъ дробную продажу въ лавкахъ и владѣющихъ этими лавками и 3) приказчиковъ, сидѣльцевъ и повѣренныхъ; а мѣщанъ на двѣ: 1) живущихъ своими доходами, какъ то: содержащихъ постоялые дворы, отдающихъ въ наемъ свои дома, имѣющихъ на своихъ земляхъ лавки, харчевни, кузницы, огороды и т. п., 2) ремесленниковъ, получающихъ пропитаніе отъ своего ремесла.

Какъ купцы, такъ и мѣщане должны быть подвѣдомственны городскому магистрату. Но не только купцы и мѣщане, а и всѣ, кто занимается торговлею, а ею можетъ, по мнѣнію Щербатова, заниматься всякій, должны быть судимы магистратомъ, и всѣ владѣющіе, будь то дворяне или купцы, городскою землею и эксплоатирующіе ее отдачею въ аренду подъ огороды, или имѣющіе постоялые дворы, или другіе мѣщанскіе промыслы, должны производить какую либо плату въ пользу общины.

---

*) Ibid. стр. 172.

**) Сб. т. VIII, стр. 103, 106, 169. Также депутатъ отъ крестьянъ Архангельской провинціи Ив. Чупровъ (стр. 95—97), депутатъ Даушовъ (стр. 191), депутатъ Анциферовъ (стр. 245—255), депутатъ отъ однодворцевъ М. Давыдовъ (стр. 85—86).

Такимъ образомъ, князь Щербатовъ, въ другихъ вопросахъ такой защитникъ сословности, на этотъ разъ высказался частью противъ нея *).

Всѣ эти мнѣнія, предложенія и возраженія, возбужденныя ходатайствами купечества о правѣ исключительнаго торга, намъ кажется, говорятъ скорѣе о томъ, что среди депутатовъ коммиссіи 1767 г. преобладала мысль о городскихъ обывателяхъ, какъ обществѣ, а не сословіи. Жительство или осѣдлость, городская профессія, общія повинности и, наконецъ, владѣніе недвижимою собственностью,—вотъ тѣ, повидимому, принципы, на которыхъ коммиссія остановилась бы, еслибы въ засѣданіяхъ былъ постановленъ прямо вопросъ о городскомъ обществѣ, о принадлежности къ горожанамъ. Сословное направленіе, конечно, существовало и въ мнѣніяхъ, сказанныхъ въ засѣданіяхъ коммиссіи, но опять-таки едва ли это направленіе было господствующимъ. Поэтому намъ кажется трудно согласиться съ мнѣніемъ И. Дитятина, что даже «мысль о городскомъ обществѣ, какъ совокупности всего домовладѣльческаго населенія города, не нашла себѣ поддержки въ средѣ представителей Россіи въ 1767 г.» **).

Правда, въ малой коммиссіи, однако составленной не Большою Коммиссіею, былъ выработанъ такой проектъ о среднемъ родѣ людей, въ которомъ не было понятія о городскомъ обществѣ, какъ о городской самоуправляющейся общинѣ. Но этотъ проектъ, повидимому, еще не былъ совершенно законченъ и не слушался въ засѣданіи Большой Коммиссіи. Дѣйствительно, въ этомъ проектѣ для опредѣленія понятія средняго рода людей взята изъ наказа императрицы та статья, гдѣ говорится о болѣе сословномъ характерѣ, и которая исключаетъ изъ состава городского общества дворянъ и хлѣбопашцевъ. Но за-то въ дальнѣйшемъ перечисленіи различныхъ разрядовъ, долженствующихъ составить городское общество или средній родъ людей, проектъ вводитъ въ этотъ составъ: торговцевъ, ремесленниковъ, ученыхъ, художниковъ, техниковъ, бѣлое духовенство и приказныхъ людей ***).

Двойственное теченіе, замѣчаемое въ наказѣ Екатерины II, въ наказахъ депутатовъ и въ засѣданіяхъ Большой Коммиссіи, отразилось и на жалованной грамотѣ городамъ 1785 г. «Жалованная грамота,—говоритъ И. Дитятинъ,—находилась подъ вліяніемъ стараго понятія о горожанахъ, какъ торговопромышленникахъ, и *фактическаго* положенія» ****). Сословное направленіе выразилось въ разработкѣ сословія «средняго рода» людей. Общественное начало

*) Ibid. стр. 65—67.
**) „Статьи по истор. Русск. пр." стр. 118.
***) Сб. т. 36, стр. 179, 180 и 359.
****) Десять лѣтъ ранѣе, учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. устанавливалась сословность городскихъ судебныхъ учрежденій (магистрата и ратуши). И. Дитятинъ „Уст. и упр. гор.". т. I, стр. 395 и 398.

сказалось—и уже весьма яснымъ образомъ—въ опредѣленіи городского общества и въ городовомъ положеніи. «Вновь образуемому городскому обществу, городовымъ обывателямъ, дозволяется собираться въ городѣ и составлять общество градское».

Подъ городовыми обывателями, составляющими городское общество, разумѣлись «всѣ тѣ, кои въ городѣ старожилы, или родились, или поселились, или дома или иное строеніе, или мѣсто, или землю имѣютъ, или въ гильдіи, или въ цехъ записаны, и потому городу носятъ службу или тягость».

Такимъ образомъ, въ этомъ опредѣленіи городского общества взяты принципы всесословные: осѣдлость, владѣніе недвижимою собственностью, занятіе торгомъ и ремесломъ и городская служба.

Причисленіе къ городскимъ обывателямъ не совершается только по отношенію такихъ лицъ, которые обладаютъ всѣми этими данными въ совокупности; достаточно одного какого нибудь для того, чтобы быть правомочнымъ горожаниномъ. Это видно изъ того, какъ должна была составляться «обывательская книга», кто вписывается въ эту книгу. Городскіе обыватели въ этой книгѣ раздѣляются на шесть группъ: въ первую группу входятъ всѣ владѣльцы домовъ, строеній или земли въ городѣ, во 2-ю—лица, вписанные въ гильдію, въ 3-ю—лица, вписанные въ цехи, въ 4-ю—иногородніе и иностранные гости, въ 5-ю—именитые граждане (прослужившіе по выборамъ, ученые, художники и капиталисты) и въ 6-ю—посадскіе *).

Такое опредѣленіе городского общества, конечно, представляется весьма широкимъ, охватывающимъ разнородныя профессіи городского населенія и не закрывающимъ доступъ въ составъ городского общества людямъ интеллигентнымъ, живущимъ только своимъ личнымъ трудомъ и не владѣющимъ недвижимою собственностью.

Всѣ городскіе жители, записанные въ обывательскую книгу и отвѣчавшіе установленнымъ условіямъ (цензъ 50 р. дохода и 25-лѣтній возрастъ), составляли городское избирательное собраніе. Это собраніе, компетенція и устройство котораго точно не были опредѣлены, избирало разъ въ три года городского голову и другихъ должностныхъ лицъ, причемъ голоса подавались каждымъ избирателемъ—членомъ городского общества, а не по сословіямъ. Члены городского общества могли собираться по частямъ города для выбора кандидатовъ городского головы, но самый выборъ производился въ общемъ собраніи. Но, однако, устанавливался какъ бы пассивный

---

*) Пятая группа состояла изъ семи названій: 1) служившихъ по выборамъ, 2) имѣющихъ академическіе и университетскіе аттестаты, 3) художниковъ и артистовъ, имѣющихъ аттестаты, 4) владѣльцевъ капитала выше 50 тыс. руб., 5) банкировъ съ капиталомъ выше 100 тыс. руб., 6) оптовыхъ торговцевъ, не имѣющихъ лавокъ и 7) владѣльцевъ кораблей, плавающихъ заграницу. И. Дитятинъ. Ibid. стр. 422.

цензъ: освобождались отъ городской службы дворяне ради своего достоинства и военные и гражданскіе чины *).

Для избранія же въ члены Общей Думы, которая тоже должна была собираться одинъ разъ въ три года, горожане избирали по группамъ. Каждая группа собиралась отдѣльно, причемъ въ большихъ городахъ домовладѣльцы и мѣщане (посадскіе) составляли по территоріальнымъ участкамъ нѣсколько избирательныхъ собраній; купечество избирало по гильдіямъ, ремесленники—по цехамъ, иностранцы и иногородніе гости— «каждый народъ особо», именитые—отдѣльно отъ каждаго изъ семи «названій». Каждая часть, каждая гильдія, цехъ, народъ, «названіе» избирали по одному гласному. Но подача голосовъ въ Общей Думѣ, конечно, и при выборѣ въ члены шестигласной думы, производилась по группамъ. Гласные одной группы составляли одинъ голосъ. «Благодаря этому, какъ въ общей, такъ и особенно въ шестигласной думѣ долженъ былъ имѣть совершенное преобладаніе торговопромышленный классъ: купцы гильдій, цеховые, посадскіе, иногородніе гости, именитые граждане—тоже купцы, только капитальные («ученые» и художники отсутствовали тогда въ большинствѣ городовъ), имѣли на своей сторонѣ пять голосовъ, а домовладѣльцы, въ составъ которыхъ входило дворянство, имѣли одинъ» **).

Но можно только сожалѣть, что мысль Екатерины II о пріобщеніи къ «горожанамъ», надѣленнымъ общими правами по участію въ городскихъ дѣлахъ, представителей свободныхъ, интеллигентныхъ профессій не получила должнаго развитія и при послѣдующемъ законодательствѣ была упущена, не смотря на то, что общество, сама жизнь были болѣе приноровлены къ воспріятію этого начала, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ.

Двойственное направленіе въ законахъ, относящихся до городовъ и укрѣпляющихъ то сословный, то общественный характеръ городского населенія, несамостоятельность городового положенія Екатерины II, совершенно пассивный характеръ этого самоуправленія а усилившееся крѣпостное право, вмѣстѣ съ развитіемъ въ государственной жизни сословности, все это было непреодолимою помѣхою къ образованію городской общины. При такихъ условіяхъ, конечно, должно было ожидать, что дворяне и чиновники не воспользуются своимъ правомъ отказа отъ городской службы. При полномъ отсутствіи права самообложенія и при обязательныхъ расходахъ не могло вырости бюджетное право. Поэтому городскія нужды не удовлетворялись. При городскихъ избирательныхъ порядкахъ происходили злоупотребленія какъ при выборахъ всѣмъ правомочнымъ го-

---

*) И. Дитятинъ. Устройство и упр. т. I, стр. 435 и слѣд.

**) И. Дитятинъ. ibid. стр. 442. «Идея о равномѣрномъ представительствѣ интересовъ всѣхъ отдѣльныхъ сословій городскихъ обывателей была совершенно чужда законодательству», ibid, стр. 440.

родскимъ обществомъ городского головы, такъ и при избраніи членовъ шестигласной думы—группами городскихъ обывателей. Общія же думы не собираются. Въ виду такого плачевнаго положенія—учреждаются особые комитеты, куда передавались тѣ или другія дѣла, подвѣдомственныя городской думѣ. Вводятся чиновники въ составъ думъ. Производятся ревизіи. Жизнь требовала коренныхъ преобразованій, необходимость чего была признана въ 1821 году и государственнымъ совѣтомъ. Однако, проекты реформированія городского самоуправленія на болѣе прогрессивныхъ началахъ въ родѣ проекта Балугьянскаго или министерства внутреннихъ дѣлъ (1828 г.) для столицъ, не получили осуществленія *). Напротивъ, мало-по-малу закрѣплялся принципъ сословности. Дворяне, духовенство, чиновники, владѣющіе домами и землею, обязаны были нести городскія повинности, но участія въ городскихъ собраніяхъ не принимали. Законодательство стало признавать городское общество состоящимъ изъ трехъ сословій: купеческаго, мѣщанскаго и цехового. Только члены этихъ сословій дѣйствительно пользуются активнымъ и пассивнымъ правомъ избранія, если обладали имущественнымъ цензомъ: доходомъ съ капитала не менѣе 15 р. или 50 р. асс. въ годъ.

Но ко второй половинѣ XIX ст. наше законодательство стало отказываться отъ сословнаго начала въ организаціи городского самоуправленія. Въ городовомъ положеніи для Петербурга 1846 года принято было начало частью не сословное. По этому положенію городскіе избиратели, обладающіе доходомъ въ 100 руб., составляли пять сословныхъ группъ: двѣ изъ нихъ (1—потомственные дворяне и 2—личные дворяне, почетные граждане и разночинцы)—получали избирательное право по владѣнію недвижимымъ имуществомъ, а три остальныя (купцы, цеховые и мѣщане)—по припискѣ къ своимъ обществамъ. Выборы производились по сословіямъ. Такимъ образомъ, по закону 1846 года, возстановлена была только частью Жалованная Грамота Екатерины II. Но сословное направленіе было еще сильно въ русской жизни этого времени **).

Это Петербургское городовое положеніе, видоизмѣненное въ 1862 году учрежденіемъ двухстепенныхъ выборовъ, введено было въ 1863 году въ Москвѣ и Одессѣ, и въ 1866 году въ Тифлисѣ ***),

---

*) Проектируемое Балугьянскимъ „смѣшеніе сословій“ признавалось унизительнымъ для дворянства. Г. Джаншіевъ „Къ Ист. Гор. Сам“. Рус. Вѣд. 1895 г. № 234.

**) М. А. Безобразовъ счелъ оскорбленіемъ для дворянства званіе петербургскаго гражданина. За поднесеніе ему такого званія петербургская дума получила выговоръ. Г. Джаншіевъ ibid.

***) При примѣненіи петербургскаго положенія къ Москвѣ весьма большую роль игралъ Комитетъ, дѣйствовавшій въ 1860—62 годахъ, подъ предсѣдательствомъ П. А. Тучкова, и состоявшій изъ городского головы, представителей отъ купечества, предводителя дворянства и чиновниковъ

причемъ въ этихъ городахъ сословность еще болѣе умаляется допущеніемъ къ участію въ выборахъ владѣющихъ недвижимыми имуществами всякаго званія, значитъ, и крестьянъ.

Въ другихъ городахъ сама жизнь создавала незаконное самоуправленіе. Такое явленіе, напримѣръ, было, по свидѣтельству И. Аксакова, въ городѣ Мологѣ, гдѣ оффиціально городъ имѣлъ дохода 4 тыс. руб., а неоффиціально болѣе 20-ти тыс. руб., собираемыхъ складочнымъ способомъ и расходуемыхъ по самостоятельному приговору городского общества, которое составляло то законную общую думу, то незаконное вѣче *). Также существовало какое-то управленіе городовыхъ дѣлъ въ г. Крестцахъ Новгородской губ. и Домъ московскаго гражданскаго общества. (И. Дитятинъ).

Такимъ образомъ, несмотря на отказъ нашего законодательства отъ болѣе прогрессивныхъ началъ Жалованной Грамоты городамъ 1785 года, не смотря на закрѣпленіе сословности въ организаціи городского общества, жизнь требовала преобразованія городского самоуправленія. Это понятно, такъ какъ уже къ 60-мъ годамъ стали играть болѣе замѣтную роль тѣ разряды интеллигентныхъ людей, на которые такъ разсчитывала и надѣялась Екатерина II, и которые въ ея время въ большинствѣ городовъ отсутствовали. Движеніе 60-хъ годовъ къ коренному реформированію, въ прогрессивномъ смыслѣ, среди представителей городовъ было весьма замѣтно. Оно выразилось, между прочимъ, въ требованіи болѣе широкаго городского представительства. Стремленія эти только въ незначительной сравнительно части были удовлетворены въ 1870 году. Такъ, ни тогда, ни даже въ 1892 году лица интеллигентныхъ профессій не получили права на городское представительство, не смотря на столь сильное движеніе общественной мысли, выразившееся въ предложеніи дарованія квартиронанимателямъ права быть городскими избирателями и городскими избранниками **). И это тогда, когда интеллигентныя профессіи въ городахъ имѣютъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ это было въ 60-хъ годахъ. Неужели еще и теперь, черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ 1767 и 1785 годовъ, можно серьезно утверждать, что наше городское населеніе будто бы не доросло до участія въ городскомъ самоуправленіи.

Невольно приходится завидовать той смѣлости нашего законодательства въ XVIII столѣтіи, какая выразилась въ болѣе широкомъ пониманіи городского представительства.

Дмитрій Семеновъ.

Этотъ Комитетъ высказался за всесословное начало и за необходимость усиленія интеллигенціи. М. Щепкинъ. Общ. хоз. Москвы. ч. I вып. I, стр. 79—81.

*) В. Евр. 1884 г.

**) См. нашу статью „Расширеніе городского представительства" Истор. оч. 1862—1892 г. „Рус. Мысль" 1897 г. октябрь; а также „Составъ городскихъ избирательныхъ собраній при квартирномъ цензѣ". „Нов. Сл. 1896 г., ноябрь.

БАРОНЪ.

Повѣсть принца Эмиля Шёнайхъ-Каролата.

Перев. съ нѣм. Ал. и Ан. Рейнгольдтъ.

Въ столовой дипломатическаго клуба только что кончился обѣдъ и прислуга безшумно убирала съ широкаго, изящно-декорированнаго цвѣтами стола. Экономъ, скользя на подошвахъ своихъ лакированныхъ башмаковъ, подошелъ къ большому среднему окну и немного раздвинулъ тяжелую плюшевую занавѣсь: вечерніе лучи теплаго мартовскаго солнца брызнули на дубовыя панели и кожаные обои глубокой комнаты, здѣсь золотя кусочекъ карниза, тамъ сверкая въ граненой пробкѣ хрустальной бутылки; отраженіе лучей рисовало въ темномъ углу пестрыя поля на подобіе шахматной доски. Въ глубинѣ другихъ комнатъ, сквозь сигарный дымъ, пробивался зеленоватый, тусклый свѣтъ лампы; оттуда доносился, отъ времени до времени, протяжный голосъ, выкликавшій общую сумму ставокъ—тамъ играли въ банкъ.

Въ столовой, за столикомъ вблизи окна, сидѣлъ запоздалый гость—совѣтникъ посольства баронъ Роттбергъ. Это былъ человѣкъ вполнѣ корректной, пріятной наружности; волосы у него были все еще пышны, борода не лишена блеска; самый пристальный взоръ съ трудомъ замѣтилъ бы отдѣльныя серебристыя нити на вискахъ и чуть-чуть болѣе глубокія складки около глазныхъ угловъ. Это былъ баловень жизни—холодный, умный, богатый; въ недалекомъ будущемъ ему улыбался высокій дипломатическій постъ. Баронъ пользовался прекрасной репутаціей при дворѣ и въ лучшихъ кругахъ общества, онъ былъ предметомъ вниманія всѣхъ незамужнихъ дамъ первыхъ трехъ общественныхъ ранговъ и считался вообще образцомъ счастливаго человѣка, довольнаго своей судьбой. Причисленный, съ самаго начала служебной карьеры, къ министерству иностранныхъ дѣлъ, онъ привыкъ къ безшумной жизни уютной южно-германской столицы и вполнѣ отдался ея мягкому теченію, которое медленно донесло его до порога сорокового года. Но съ нѣкоторыхъ поръ, его душе-

вное равновѣсіе нарушалось мрачными моментами, когда ему было не по себѣ, когда на него нападало непонятное безпокойство, которое заставляло его крѣпко призадумываться. Теперь баронъ сидѣлъ откинувшись въ креслѣ, и выраженіе его лица было далеко не веселое и не привѣтливое; передъ нимъ стоялъ изысканный десертъ, къ которому онъ не прикасался. Теплый весенній день, послѣ краткой оттепели, такъ рѣшительно доканалъ зиму, что о возвратѣ ея нельзя было и думать: всѣмъ казалось, что вотъ уже пробивается первая зелень и трещатъ воображаемые птичьи голоса. Эти признаки весны очевидно подѣйствовали и на барона, вывели его изъ его обычнаго настроенія и привели его развинченные городскіе нервы въ непріятное колебаніе. Онъ положилъ тяжелую регалію, которую только что закурилъ, на край своей чашки и отодвинулъ ее отъ себя вмѣстѣ съ серебрянымъ сливочникомъ. Кровь прилила къ его головѣ, имъ овладѣло чувство удрученности; когда же это тягостное состояніе прошло, онъ почувствовалъ себя утомленнымъ, разстроеннымъ, разбитымъ.

Въ залу вошло нѣсколько юныхъ атапѐ съ моноклями и лысыми головами; они устало обмѣнялись двумя-тремя словами и, бросившись въ широкія кресла въ смежной комнатѣ, погрузились въ раздумье. Пришелъ, позвякивая шпорами, гвардейскій уланъ, держа въ рукахъ «Листокъ спорта»; онъ разсказалъ на офицерскомъ жаргонѣ, что его товарищъ, драгунъ, сдѣлалъ «здоровую» закупку лошадей, а въ Будапештѣ отбилъ у кого то Нинишу изъ «Belle de nuit»; потомъ онъ нѣсколько разъ зѣвнулъ и, наконецъ, унесъ свою изящную особу обратно въ игорную комнату. Когда этотъ шепелявый господинъ ушелъ, у барона опять возобновилось то неизъяснимое, подавляющее-непріятное состояніе. «Ужъ не боленъ ли я?» подумалъ про себя Роттбергъ, дѣлая усиліе, чтобы встать, «или это скука забрала меня въ свои когти, голая, безнадежная, давящая скука? Эта обстановка начинаетъ мнѣ претить, я тупѣю отъ этихъ вѣчныхъ обѣдовъ и картъ. Я дѣлаюсь пустымъ, похожимъ на манекена, я не живу, а прозябаю. Надо этому положить конецъ. Мнѣ кажется, пора бы и порвать съ этимъ образомъ жизни: я старѣю. И, пожалуй, самое лучшее было бы жениться. Многое упущено, многое потеряно безвозвратно... не поздно-ли?»

Онъ вздрогнулъ, его знобило. У него было такое чувство, словно по его могилѣ прошелъ гусляръ, какъ выражается народъ. Онъ налилъ себѣ въ рюмку шартрезу изъ стоявшей передъ нимъ пузатой бутылки и быстро осушилъ ее. Жидкость, пробѣжавъ по его тѣлу горячей струей; какъ будто вернула ему всѣ жизненныя силы. «Откройте окна!» кивнулъ онъ проходящему слугѣ.

«Жениться».

Любилъ ли онъ когда нибудь? Нѣтъ. На лбу матерей, ухаживавшихъ за нимъ, и юныхъ, улыбающихся, вскидывающихъ глазками, дамъ, онъ ясно различалъ предательскую складку, выдававшую заботу о приличномъ обезпеченіи. Неужели между многочисленными прелестными созданіями, которыя мелькали передъ нимъ на придворныхъ балахъ, во всѣ эти годы, не нашлось ни одного, которое приводило бы его въ радостное волненіе, мысль о которомъ, какъ о близкомъ ему существѣ, наполняла бы его гордостью? Неужели же у него не было воспоминанія, которое согрѣвало бы его холодное, свѣтское сердце, заставляло бы его биться сильнѣе? Нѣтъ, изъ сферы придворныхъ баловъ и другихъ торжествъ, изъ всей этой лживой искусственной жизни, связанной съ понятіемъ «общества», ему не удалось сохранить ни одного чистаго, сильнаго воспоминанія. Тѣмъ не менѣе, одно такое впечатлѣніе начало теперь оживать въ его памяти, но оно исходило не изъ залитыхъ свѣтомъ волнъ столичныхъ баловъ, не манило ослѣпительно-бѣлыми плечами, а отдѣлялось, скорѣе въ образѣ наяды, отъ зеленыхъ сумерекъ обширнаго лѣса; тамъ въ глуши, охраняемый дурными дорогами, возвышался когда-то ветхій замокъ стараго кузена Ирмельдингена. Безъ всякаго сомнѣнія, замокъ стоялъ и теперь еще на своемъ мѣстѣ, все такой же обветшалый, и Роттбергъ невольно улыбнулся при воспоминаніе о своемъ послѣднемъ визитѣ, нанесенномъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, непрактичному чудаку-кузену, этому типичному обитателю лѣсовъ, и его подвижной, жизнерадостной супругѣ. При этомъ онъ вспомнилъ и весь режимъ, въ который впрягли себя эти люди, среди древнихъ, своенравныхъ слугъ, подъ кровлей, которая въ нѣсколькихъ мѣстахъ пропускала дождь. Онъ припомнилъ разные случаи, которые тогда развеселили его, проницательнаго знатока жизни, подобно удачнымъ сценамъ комедіи; припомнилъ сконфуженность, съ какою хозяйка дома старалась скрыть разныя прорѣхи и недочеты по хозяйственной части, которые слишкомъ явно вызывали критику избалованнаго гостя.

Надъ не вполнѣ ясными очертаніями старомодныхъ людей, двигавшихся въ полупустыхъ комнатахъ между ободранной мебелью рококо, вырисовывался теперь все опредѣленнѣе, все привлекательнѣе, образъ единственной дочери этой несходной супружеской четы—прелестная фигура очень еще моловенькой дѣвушки съ ясными глазами и распущенными бѣлокурыми волосами, лучистыя пряди которыхъ едва сдерживались цвѣтною ленточкой. Странны, непривычно ласкающи, были мысли, которымъ сталъ отдаваться Роттбергъ. Если онъ не ошибался—ея имя было Габріэль и ее тогда звали Габи.

Какъ, должно быть, она похорошѣла съ тѣхъ поръ, стала величественна, стройна, нетронутый лѣсной цвѣтокъ. *Эту* не возили ко двору, не дрессировали для охоты на мужчинъ—и хорошо дѣлали. Въ самомъ дѣлѣ, если бы ему рѣшиться жениться, то только на Габріэли,—болѣе подходящей партіи ему никогда не найти. Положимъ, дѣла кузена были сильно разстроены, но все равно, семейство это, состоя въ дальнемъ родствѣ съ Роттбергами, всетаки было прекрасное. А возрастъ? Послѣ нѣкотораго соображенія Роттбергъ рѣшилъ, что Габріэли было теперь девятнадцать лѣтъ; стало быть, она вдвое моложе его. Все равно, это не могло быть слишкомъ большимъ препятствіемъ, и если бы Габріэль всетаки приняла во вниманіе эту разницу, то она, безъ сомнѣнія, убѣдилась бы, что Роттбергъ возмѣститъ ей эту маленькую ариѳметическую ошибку Провидѣнія богатствомъ и блестящимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Да, съ какой бы стороны ни смотрѣть на это дѣло, оно представлялось заманчивымъ и легко исполнимымъ. Роттбергъ упрекнулъ себя за то, что раньше не подумалъ протянуть руку къ этой жемчужинѣ, о существованіи которой не подозрѣвалъ ни одинъ искатель счастья, и которая выросла подъ охраной лѣсной глуши, словно тайкомъ приберегалась для него.

Въ саду, на сѣрыхъ дорожкахъ, на голыхъ платанахъ лежалъ какой то нѣжный, ласкающій блескъ; несомнѣнно, пришла весна. Уже гуляющіе толпой стремились къ городскому парку, дѣти предлагали маленькіе букетики крокуса и анемоновъ, вечернее солнце горѣло въ мансардныхъ окнахъ дальнихъ домовъ и съ неистощимой щедростью метало свои тонкія стрѣлы на все блестящее, сверкая, играя, освѣщая, бросая искры въ мундштуки и серебряныя части сбруи благородныхъ коней, стоявшихъ у подъѣзда передъ каретой Роттберга; они стояли неподвижно, только иногда навостряя уши, или нетерпѣливо вскидывая тонкія высокія головы. Вдали, за влажными, рыхлыми полями огромной равнины, совсѣмъ у горизонта, видимо только острому глазу, вырисовывались въ удивительно прозрачномъ вечернемъ воздухѣ высоты, окутанныя синеватой дымкой, а надъ ними бѣлѣли остроконечные, свѣтящіеся зубцы—Альпы. Тамъ находилось имѣніе Толленштейнъ, гдѣ баронъ не былъ уже нѣсколько лѣтъ; тамъ теперь навѣрно текутъ горные ручьи среди гудящихъ сосенъ, а на верхушкахъ тетерева бормочутъ и чуфыкаютъ въ холодномъ, утреннемъ вѣтрѣ. Тамъ находилась также усадьба Ирмельдингенъ. Роттбергъ велѣлъ принести себѣ бумаги, перо и чернилъ и написалъ своему начальнику: онъ просилъ его объ отпускѣ, извиняясь, по возмоможности, за свой нѣсколько ускоренный способъ. Затѣмъ онъ приказалъ приготовить чемоданы къ ноч-

ному поѣзду и, съ этой минуты—къ великому изумленію всей столицы—его больше не видали въ дипломатическомъ клубѣ.

. . . .

Когда, послѣ нѣсколькихъ часовъ ночной ѣзды, Роттбергъ вышелъ изъ вагона, оказалось, что заказанныя имъ почтовыя лошади еще не прибыли на станцію. Онъ обрадовался этому обстоятельству; поручивъ слугѣ заботу о багажѣ, онъ поднялся вверхъ по лѣсной дорогѣ, которая, какъ ему было извѣстно, послѣ двухчасовой ходьбы, кончалась по близости сторожки толленштейнскаго лѣсничаго. Еле брезжило утро. Вскорѣ дома спящаго мѣстечка лежали уже глубоко подъ нимъ. Мало по малу дорога становилась хуже, пересѣкалась кочками и извилистыми корнями и, едва узнаваемая, вела черезъ лѣсъ. Баронъ увѣренно продолжалъ путь въ избранномъ имъ направленіи. Онъ былъ достаточно знакомъ съ мѣстностью и зналъ, что найдетъ правильную дорогу, или придетъ къ болѣе знакомой ему части лѣса. Одинокая прогулка хорошо дѣйствовала на него. Сырой лѣсной воздухъ, пропитанный запахомъ сосновыхъ иглъ, освѣжалъ ему голову и члены. Усталость и притупленность его нервовъ смѣнились пріятнымъ, юношескимъ ощущеніемъ силы. Низачто не промѣнялъ бы онъ этой прогулки по кочкамъ и гніющимъ еловымъ вѣтвямъ на покой въ своей городской широкой постели съ балдахиномъ. Онъ твердо опирался на свою горную палку и шелъ быстро впередъ. День уже былъ близокъ и вершина горы не могла быть далеко. Сквозь огромные стволы, въ оврагахъ и выемкахъ просвѣчивали бѣловатыя снѣжныя поля, которыя не успѣлъ еще поглотить весенній вѣтеръ. Теперь проснулись голоса. Сначала послышалась звонкая пѣсня дрозда; затѣмъ, надъ каменными глыбами лѣсной полянки, внезапно, неожиданно, прозвучалъ шипящій боевой кличъ тетерева. Съ высотъ набѣжалъ вѣтеръ и спуталъ мокрыя верхушки сосенъ. Лѣсъ рѣдѣлъ, а на востокѣ загорался блестящій, блѣдноватый апрѣльскій день.

«Природа, какъ ты хороша», сказалъ себѣ Роттбергъ, глубоко дыша, «и какъ глупъ тотъ человѣкъ, который поздно, только въ полдень жизни, отыскиваетъ дорогу къ тебѣ».

Онъ шелъ дальше; передъ нимъ лежалъ рѣдкій высокоствольный лѣсъ, черезъ стволы котораго пробивались лучистыя стрѣлы восходящаго солнца. Опять послышались голоса. На этотъ разъ это были человѣческіе звуки. Около полянки лежали дрова, сложенныя для своза. На дубовыхъ полѣньяхъ сидѣлъ парень въ кожаной курткѣ и охотничьей шапкѣ, съ ружьемъ на спинѣ. Онъ жевалъ длинный стебелекъ, и рука, лежавшая на дровахъ, непрерывно сжималась и разжималась, какъ бы подъ вліяніемъ скрытаго возбужденія. Передъ нимъ сто-

яла дѣвушка въ крестьянской одеждѣ, но шею ея покрывалъ шелковый платочекъ, который мало подходилъ къ ея простому наряду. Она, повидимому, о чемъ-то настойчиво просила парня, потому что умоляюще воздѣвала къ нему руки, между тѣмъ какъ онъ угрюмо и нѣсколько смущенно смотрѣлъ въ землю. Наконецъ, онъ вскочилъ такъ быстро и сердито, что потащилъ за собой нѣсколько полѣньевъ.

— Теперь оставь меня, Модей,—вскричалъ онъ злобно,— я не могу и не хочу, это мое послѣднее слово, отъ котораго я не отступлюсь. А тебѣ стыдно бѣгать за мной и дѣлать меня посмѣшищемъ на весь міръ.

У нея вырвалось горячее слово, она хотѣла броситься ему на шею, но онъ рукою отстранилъ ее и такъ неловко толкнулъ въ плечо, что она потеряла равновѣсіе, споткнулась и упала на дрова, на которыхъ и осталась сидѣть, закрывъ лицо руками. Парень, махнувъ рукой, повернулся на каблукахъ и исчезъ между стволами.

— Любовная идиллія между дѣтьми природы,—сказалъ про себя Роттбергъ;—если я не ошибаюсь, я уже на толленштейнской землѣ и имѣю право спросить прелестное дитя, за что обидѣлъ ее этотъ болванъ.

Черезъ минуту онъ уже стоялъ около плачущей. «Богъ помочь», сказалъ онъ. Она быстро вскочила и хотѣла бѣжать, но манеры Роттберга и его привѣтливыя слова, слегка насмѣшливый оттѣнокъ которыхъ выражалъ, конечно, насколько его забавляетъ замѣшательство дѣвушки, скоро внушили ей довѣріе. Такъ какъ чужой господинъ видѣлъ, какъ она плакала передъ Андерлемъ и какъ грубо этотъ негодяй съ нею обошелся, то ужъ пусть онъ узнаетъ, что она любитъ этого безпутнаго человѣка. Только онъ ужасно гордый, хотя его гордость—гордость нищаго и онъ, бѣдный полѣсовщикъ, долженъ бы еще благодарить Бога, если богатый крестьянинъ хочетъ сдѣлать его своимъ зятемъ. Да и ей самой не приходится прятаться въ церкви, въ храмовые праздники. Не такая ужъ она безпутная. При этомъ она испытующе, съ полуулыбкой, взглянула на барона, какъ бы ожидая подтвержденія своему мнѣнію, съ каковымъ Роттбергъ и не замедлилъ согласиться. Дѣвушка казалась ему необычайно привлекательной для крестьянки; у нея былъ не слишкомъ грубый станъ, правильное лицо, на которомъ южные глаза блестѣли какъ черныя вишни. Онъ старался ее утѣшить, замѣтилъ, что полѣсовщикъ, который отказывается отъ такой славной дѣвушки, должно быть, страшно избалованный повѣса, и его господину—барону—слѣдовало бы ему хорошенько намылить голову. Просвѣтлѣвшее было личико дѣвушки сново приняло скорбное выраженіе.

— Если мнѣ надѣяться на это, сказала она, то придется ждать, пока Срѣтеніе на Пасху придется. Нашъ баронъ не думаетъ о своихъ горахъ; онъ разъѣзжаетъ въ столицѣ на резиновыхъ колесахъ и не заботится о насъ. А толленштейнскія горы такъ хороши, ахъ какъ хороши!

Роттбергъ засмѣялся, но истина, которую ему пришлось услышать, показалась ему таки порядочно горькой. За то въ душѣ онъ поклялся, что поможетъ Провидѣнію и исполнитъ горячее желаніе дѣвушки, если это хоть сколько нибудь будетъ возможно. А у него была твердая воля. Теперь же онъ спросилъ еще разъ имя своей кліентки... Модей изъ Висталя... и простился съ нею, обѣщавъ прислать ей скоро вѣсти объ Андерлѣ, и улыбаясь пошелъ дальше черезъ лѣсъ. Случай этотъ привелъ его въ хорошее настроеніе и вообще во время этой прогулки настоящее, міръ и будущее представлялись ему въ розовомъ свѣтѣ. Но мало по малу трудности дороги давали себя знать и будили въ немъ желаніе попасть на болѣе благоустроенную дорогу. Лѣсъ постепенно спускался подъ гору; между елями и лиственницами начали просвѣчивать бѣлые стволы буковъ. Узкая тропинка, окаймленная сухимъ дерномъ, пересѣкала чащу. Баронъ пошелъ по ней. Черезъ нѣсколько времени онъ услышалъ приближающіеся шаги; скрытый тѣнью, которую бросали стройные орѣшники, онъ увидѣлъ идущаго ему навстрѣчу человѣка, въ которомъ онъ тотчасъ же узналъ помощника лѣсничаго, того самаго, который часъ тому назадъ ссорился съ Модей. Парень шелъ задумчиво, съ поникшей головой; шапку онъ сдвинулъ на затылокъ и клокъ его рыжихъ волосъ выбивался изъ подъ полей на его мрачный лобъ. Теперь было видно, по узкой металлической коронѣ на его шляпѣ, что онъ былъ роттбергскій лѣсникъ. Когда онъ приблизился на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ, онъ вздрогнулъ и быстро схватился за ружье.

— Опоздалъ, милѣйшій,—засмѣялся баронъ.—Если бы я былъ браконьеръ, ты лежалъ бы у меня еще прежде, чѣмъ твое ружье спустилось бы съ твоего плеча. Да, конечно, легче нахальничать съ дѣвками въ лѣсу, нежели ловить браконьеровъ, неправда ли?

Лицо охотника густо покраснѣло, потомъ оно приняло выраженіе кипящей злобы.

— Чего вамъ тутъ нужно въ лѣсу, позвольте васъ спросить?—вспылилъ онъ.—Что вы тутъ дѣлаете, въ сторонѣ отъ дороги, здѣсь на охотничьей тропинкѣ? Шпіоните? Можетъ быть, тутъ вы не одни, и кто вы такой?

— Тише, голубчикъ,—сказалъ Роттбергъ сухо — не тебѣ спрашивать, это мое дѣло. Ты хотѣлъ бы знать, кто я? Если ты еще не видалъ своего барина, открой глаза и гляди. Это

я. А теперь покажи мнѣ дорогу къ Рисбахскому лугу, потому что оттуда я ужъ самъ дойду до сторожки лѣсничаго.

Лѣсникъ сорвалъ съ головы шляпу и выпрямился. Баронъ смотрѣлъ на него не особенно ласково. Лицо парня было некрасиво, ординарно, его волосы имѣли рыжеватый оттѣнокъ. Только взглядъ сѣрыхъ, какъ сталь, глазъ, казалось, выражалъ отвагу и умъ, но взглядъ этотъ былъ нехорошій, не смотря на смиренье, которое онъ выказывалъ въ эту минуту. Онъ произвелъ на барона дурное, почти жуткое впечатлѣніе. Кивкомъ головы Роттбергъ приказалъ ему идти впередъ и пошелъ за нимъ, всю дорогу не удостаивая своего проводника ни однимъ словомъ. Онъ охотно разспросилъ бы его о Модей и по возможности сейчасъ же объявилъ бы свою волю насчетъ упорядоченья ихъ отношеній, но человѣкъ этотъ былъ ему положительно противенъ. «И изъ за такого урода хорошенькая дѣвушка выплакиваетъ себѣ глаза», говорилъ онъ себѣ, продолжая идти. «Ну, воля этой деревенской феи будетъ исполнена, хотя я сомнѣваюсь, чтобы это послужило ей на счастье».

На Рисбахскомъ лугу баронъ повелительнымъ жестомъ разстался съ своимъ проводникомъ и скоро дошелъ до сторожки лѣсничаго. Великолѣпная такса лежала передъ дверью и бѣшенымъ лаемъ встрѣтила прибывшаго. У окна показался лѣсничій въ халатѣ, съ дымящейся трубкой, но онъ уронилъ ее отъ удивленія, при видѣ барона.

— Ваше сіятельство—да еще пѣшкомъ,—говорилъ онъ въ величайшемъ изумленіи, отворяя дверь конторы и извиняясь за свой утренній костюмъ.

Баронъ успокоилъ его и благодушно сталъ разсказывать, какъ онъ отъ станціи прошелъ сюда лѣсомъ; потомъ онъ спросилъ себѣ завтракъ и съ удовольствіемъ принялся за тушеное мясо и горькую настойку, горечь и жгучесть которой вызвала въ немъ дрожь, не смотря на все его самообладаніе.

— Не угодно ли вашей милости посмотрѣть мои ботаническіе реестры и аукціонные списки?—спросилъ лѣсничій въ служебномъ рвеніи добросовѣстнаго чиновника, чающаго похвалы.

Баронъ выразилъ согласіе; такъ какъ онъ винилъ себя въ томъ, что многое запустилъ, то ему хотѣлось на мѣстѣ познакомиться съ состояніемъ лѣсовъ. Занятіе заинтересовало его. Оказалось, что аукціоны были удачны и что въ лѣсной кассѣ находилась порядочная сумма. Черезъ нѣсколько часовъ баронъ прекратилъ ревизію и поспѣшилъ выразить лѣсничему свою похвалу.

— Ваше сіятельство пріѣхали на тетеревиный токъ?—осмѣлился спросить лѣсничій, — или господинъ баронъ желаютъ

вообще остаться у насъ на нѣкоторое время? Это было бы большимъ счастьемъ для имѣнья,—прибавилъ онъ,—потому что люди часто жалуются на то, что такъ рѣдко видятъ своего барина.

Баронъ снова почувствовалъ легкій упрекъ и отвѣтилъ не тотчасъ.

— Ну что, какъ у васъ личный составъ служащихъ,—спросилъ онъ уклончиво.—Есть между вашими полѣсовщиками нѣкій Андерль? Что, онъ дѣльный человѣкъ?

Лѣсничій отвѣчалъ утвердительно; онъ былъ удивленъ, что баронъ знакомъ съ составомъ служащихъ. Андерля можно похвалить безусловно; это исполнительный, трезвый человѣкъ, притомъ отличнѣйшій стрѣлокъ: выстрѣломъ тушитъ свѣчку на разстояніи шестидесяти шаговъ. Но у него есть и свои недостатки; къ нимъ принадлежитъ его чрезмѣрная суровость по отношенію къ браконьерамъ и порубщикамъ лѣса. За то и ненавидятъ же его во всемъ округѣ. Съ нѣкотораго времени, правда, онъ сталъ нѣсколько небреженъ и задумчивъ, но тутъ замѣшалась баба.

— Знаю,—прервалъ его баронъ,—связь съ висталькой Модей. Это богатая крестьянская дѣвушка?

Лѣсничій снова выпустилъ изъ рукъ свою трубку; почти сказочное знаніе интимнѣйшихъ обстоятельствъ, которое обнаруживалъ баронъ, до того изумило его, что онъ не могъ скрыть своего смущенія.

— Господину барону вѣроятно извѣстно также—продолжалъ онъ съ замѣшательствомъ, которое очень забавляло Роттберга,—что дѣвушка совсѣмъ одурѣла отъ любви къ парню и не отстаетъ отъ него ни на шагъ. Казалось бы, что этакій парень долженъ обѣими руками ухватиться за свое счастье, потому что дѣвка—какъ можетъ быть тоже извѣстно господину барону—кровь съ молокомъ, а отецъ ея, вистальскій крестьянинъ, старъ, такъ что бѣднякъ могъ бы надѣяться черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться собственникомъ и зажить припѣваючи. Такъ нѣтъ же, какъ изволитъ знать господинъ баронъ,—парень о женитьбѣ и слышать не хочетъ, говоритъ, что хочетъ остаться въ лѣсу. Съ Модей оставьте его въ покоѣ, она ему опостылѣла съ тѣхъ поръ, какъ дѣвка стала такъ охоча до него. На этомъ дурень стоитъ, а долженъ былъ бы еще радоваться, что нашлась дѣвчонка, которая его бережетъ. Вѣдь онъ подкидышъ, воспитанъ сельской общиной изъ милосердія. Онъ былъ пастухомъ и его кормили не столько хлѣбомъ, сколько побоями. Оттого-то ему и лучше всего въ лѣсу, онъ словно какъ бы боится крестьянскаго благополучія, потому что, какъ извѣстно господину барону, лягавая собака, которая получала одинъ черный хлѣбъ, убѣгаетъ и ворчитъ, когда ей суютъ жаркое.

Ну, а я смѣю думать, что нашъ пареневъ поступаетъ именно такъ, какъ песъ, котораго держали круто, и если онъ что нибудь вобьетъ себѣ въ голову, такъ ужъ тутъ ни побои, ни благодѣянія ничего не подѣлаютъ.

Роттбергъ тѣмъ временемъ откинулся въ креслѣ и игралъ оленьими рогами, которыми украшены были ручки кресла.

— Милѣйшій господинъ лѣсничій,—возразилъ онъ наконецъ,—все, что вы говорили, совершенно справедливо и хорошо. Но до сихъ поръ—здѣсь онъ откинулъ голову назадъ и закрылъ немного глаза—у меня было слишкомъ мало времени, чтобы вмѣшиваться во внутреннія дѣла Толленштейна и заботиться о благополучіи моихъ собственныхъ людей. Отнынѣ, надѣюсь, это измѣнится. И чтобы ужъ теперь приступить къ дѣлу, я не могу оставаться равнодушнымъ къ тому, что одинъ изъ моихъ служащихъ, съ одной стороны, подвергаетъ сплетнямъ порядочную дѣвушку, а съ другой—по простой глупости отталкиваетъ отъ себя счастье. Здѣсь надо вступиться, и я желаю, господинъ лѣсничій, чтобы вы убѣдили Андерля жениться на дочери висталъскаго крестьянина, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, если только старикъ, между нами будь сказано, не намнетъ ему бока.

— Этого не случится,—сказалъ задумчиво лѣсничій,—потому что старикъ пляшетъ по дудкѣ дочери. Все дѣло за Андерлемъ, только за нимъ. Впрочемъ позвольте, господинъ баронъ,—продолжалъ онъ, точно внезапно напавъ на мысль,—я знаю, на что его можно поймать, ужъ онъ у меня не отвертится, какъ бы ни фордыбачилъ. Крестьяне его терпѣть не могутъ, какъ извѣстно господину барону, за то, что онъ слишкомъ зорко слѣдитъ за порубщиками лѣса. Такъ что никто не взялъ бы его въ работники, даже задаромъ. Если же господинъ баронъ скажутъ ему: ты мнѣ больше не нуженъ, то Андерлю придется уходить изъ нашихъ мѣстъ, а это было бы для него смертью, потому что онъ очень привязанъ къ лѣсу, да и здѣсь въ сторожкѣ нашелъ себѣ какой ни на есть родной уголъ. Поэтому я думаю, что такимъ способомъ можно помочь дурню найти свое счастье. Я могъ бы сейчасъ поговорить съ нимъ, господинъ баронъ, теперь одиннадцать часовъ, а въ это время онъ возвращается съ обхода. Неугодно ли господину барону отдохнуть пока въ жилой комнатѣ? Когда мнѣ приходится говорить по душѣ съ моими людьми, то мнѣ удобнѣе оставаться съ ними съ глазу на глазъ.

Баронъ улыбнулся и послѣдовалъ приглашенію. Вскорѣ весь домъ задрожалъ отъ ужаснаго, громоваго голоса—это лѣсничій говорилъ по душѣ. Черезъ четверть часа онъ предсталъ передъ барономъ, красный и разгоряченный.

— Дѣло улажено, государь мой,—сказалъ онъ очень до-

вольный,—я урезонилъ парня. Мнѣ думается, впрочемъ, что онъ взялъ бы саму вистальскую старуху, лишь бы только не уходить изъ лѣсу. Ну-съ, теперь господинъ баронъ почти силою привели человѣка къ счастью. Трудненько было, во всякомъ случаѣ.

— А этотъ молодецъ еще здѣсь?—спросилъ баронъ съ довольной улыбкой.

Когда лѣсничій отвѣтилъ утвердительно, онъ пошелъ въ контору. Тамъ стоялъ Андерль; шляпу свою онъ скомкалъ въ рукахъ, какъ тряпку, а нижнюю губу прикусилъ зубами.

— Ну, Андерль, это умно, что ты одумался,—сказалъ баронъ ласково.—Но скажи мнѣ, почему ты такъ долго противился своему счастью, да еще такому хорошенькому?

Юноша поднялъ голову и посмотрѣлъ сначала на барона, а потомъ на лѣсничаго съ выраженіемъ сломленнаго, безсильнаго упрямства.

— Свободнымъ хотѣлъ я быть,—заговорилъ онъ страстно, съ жалобной яростью,—лѣсъ моя единственная любовь, у людей я не найду счастья.

— Ну еще бы,—засмѣялся баронъ,—счастье на собственный ладъ? Нѣтъ, мой милый, не всякому нужно счастье на этомъ свѣтѣ, а съ любовью дѣло и совсѣмъ дрянь. Есть только одна истинная любовь—она цвѣтетъ на небѣ. Постарайся найти ее.

Онъ всталъ, открылъ дверцу денежнаго шкафа и досталъ оттуда тысячную бумажку.

— Вотъ возьми себѣ,—сказалъ онъ,—чтобы тебѣ свататься за Модей не совсѣмъ ужъ бѣднымъ.

Юноша мрачно смотрѣлъ въ сторону.

— Руку поцѣлуйте барону,—закричалъ на него лѣсничій.

— Оставьте,—остановилъ его баронъ.—Можешь идти.

Потомъ онъ снова обернулся къ лѣсничему.

— Ничего новаго въ нашихъ мѣстахъ?—спросилъ онъ,—никакихъ споровъ или новыхъ размежеваній между сосѣдями?

— Въ Ирмельдингенѣ дѣло на ущербѣ съ господами,—сказалъ лѣсничій.—Старый баринъ не можетъ долѣе содержать имѣнье. Говорятъ, кредиторы хотятъ принудить стараго барина продать весь превосходный лѣсъ на корню. Обидно ужасно, и мнѣ право жаль его.

— Кого?—спросилъ небрежно баронъ.

— Чуднаго лѣса, господинъ баронъ.

— Да, да,—сказалъ баронъ.—Однако, вотъ и моя карета; будьте добры приказать не выносить моего багажа. Я поѣду дальше въ Ирмельдингенъ.

После продолжительной ѣзды черезъ покрытый почками

ясеневый лѣсъ, на которомъ лежало коричневато-голубое освѣщеніе весенняго дня, Роттбергъ увидѣлъ лукообразную башню Ирмельдингенскаго замка. Съ теченіемъ лѣтъ башня покривилась и стала необитаема. Но и надъ жилыми строеньями время, повидимому, прошло не безъ замѣтнаго слѣда. Когда подъѣхала карета, ничто не пошевелилось, чтобы встрѣтить ее. Дерганье за заржавѣвшую ручку звонка—оказалось безуспѣшнымъ, щелканье бича кучера тоже не вызвало ни одного живого существа. Только одинокій пѣтухъ гордо выступалъ по завядшему газону, да тощій черный котъ, лежавшій на пескѣ, подошелъ ближе и, съ высоко поднятымъ хвостомъ, сталъ тереться о ступени крыльца. Роттбергъ вышелъ изъ кареты, чтобъ самому приступить къ обозрѣнію; такъ какъ ему показалось, что изъ какого-то деревяннаго строенія, въ сторонѣ отъ въѣзда, доносились удары молотка, то онъ направился туда. Когда онъ отворилъ рѣшетчатую дверь, владѣлецъ Ирмельдингена предсталъ передъ нимъ собственной особой. Старикъ былъ въ одеждѣ рабочаго, съ зеленымъ глазнымъ зонтикомъ, который онъ сдвинулъ теперь на лобъ, чтобы лучше видѣть вошедшаго.

— Вы пріѣхали по поводу изобрѣтенія?—спросилъ онъ съ недовѣрчивымъ взглядомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ умоляющимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

— По поводу какого изобрѣтенія? — спроситъ баронъ въ изумленіи, смѣясь протягивая ему правую руку.—Развѣ вы не узнаете вашего стараго друга и двоюроднаго брата?

Лицо старика слегка исказилось отъ разочарованія, но потомъ его тонкія черты вновь приняли выраженіе мягкой любезности. Онъ пробормоталъ что-то о громадной и пріятной неожиданности и въ то-же время сконфуженно старался освободиться отъ большого фартука. Когда это ему, наконецъ, удалось, онъ заботливо заперъ рѣшетчатую дверь, и повелъ своего гостя къ жилому зданію.

— Простите за дурной пріемъ, дорогой кузенъ,—сказалъ онъ привѣтливымъ, нѣсколько усталымъ голосомъ.—Мои люди не слышали, какъ вы подъѣхали. У насъ старые, вѣрные, но нѣсколько глуховатые слуги, но я сейчасъ ихъ позову.

Съ этими словами онъ схватилъ висѣвшую рядомъ съ дверью проволоку, и, усиленно дергая за нее, привелъ въ сотрясеніе большой домовый звонокъ. Этотъ звонокъ, заржавѣлый или треснувшій, издавалъ такіе звуки, которымъ не могла бы противустоять никакая глухота. Изъ дверей поспѣшно выбѣжали три старообразныя фигуры и стали въ рядъ; дрожащія, покачивающіяся, но при всемъ томъ обладая привычной увѣренностью, всѣ трое отвѣсили свой поклонъ.

— Наша прислуга,—пояснилъ хозяинъ дома, сдѣлавъ рукой соотвѣтственное движенье.

Взгляды барона съ ожиданіемъ были прикованы къ двери. Превозмогая сильное сердцебіеніе, онъ прошелъ мимо этой оригинальной лейбъ-гвардіи, образовавшей шпалеру, и вошелъ въ домъ. Хозяинъ, между тѣмъ, отдавалъ свои приказанія.

— Вы, Непомукъ, понесете чемоданъ господина барона, садовникъ вамъ поможетъ, а вы, Доретта, идите опять въ кухню. Чемоданъ господина барона отнесете въ..... да, куда же? Гдѣ моя жена, Доретта?

— Благодарю васъ, баринъ, мнѣ сегодня лучше,—отвѣтила старуха, присѣдая.

— Я спрашиваю, гдѣ моя жена,—повторилъ господинъ фонъ Ирмельдингенъ такъ громко, какъ только могъ, приставивъ руку ко рту въ видѣ трубки.

— Я здѣсь, мой милый,—послышался пріятный женскій голосъ,—привѣтъ вамъ, кузенъ Роттбергъ.

Когда онъ обернулся, госпожа фонъ Ирмельдингенъ протянула ему для поцѣлуя свои пухлые пальцы въ черныхъ полуперчаткахъ. Это была еще моложавая, живая дама, со слѣдами былой замѣчательной красоты. Въ молодости она, въ качествѣ придворной дамы нынѣ умершихъ принцессъ, была украшеньемъ столицы, но, необдуманно выйдя замужъ по любви за уже въ то время небогатаго Ирмельдингена, она лишилась своего блестящаго положенія. Изъ періода, проведеннаго въ высшихъ и высочайшихъ кругахъ, она сохранила отблескъ придворнаго этикета, отпечатокъ грандеццы, который порой какъ-то странно противорѣчилъ ея теперешней, лишенной блеска, обстановкѣ.

Пріемный залъ Ирмельдингеновъ тоже не заслуживалъ названія блестящаго, и въ огромномъ пустомъ помѣщеніи какъ бы совершенно исчезали шесть высокихъ стульевъ съ неодинаковой обивкой, которые составляли почти единственную обстановку этой комнаты. При обмѣнѣ первыхъ привѣтствій Роттбергъ невольно направилъ свои взоры на дверь; онъ надѣялся, что вотъ она отворится и войдетъ давно ожидаемая дѣвушка въ свѣтломъ платьѣ. Но свѣтлое платье не появлялось; вмѣсто него, Роттбергъ, случайно повернувъ голову, замѣтилъ въ углу комнаты рядомъ съ собачьимъ ошейникомъ и заржавѣвшими охотничьими принадлежностями, висящую шинель пѣхотнаго офицера. Внезапное чувство подавленности легло на его молодую радость. Значитъ, онъ былъ не единственнымъ гостемъ; при вожделѣнномъ свиданіи будетъ присутствовать третье, въ лучшемъ случаѣ безучастное, лицо, но можетъ быть и... онъ не могъ докончить мысли:—Ты изнервничался до смѣшного,—сказалъ онъ себѣ.

— Какъ поживаетъ ваша дочь?—спросилъ онъ, быстро, почти неловко перебивая одно замѣчаніе словоохотливой баро-

нессы.—Она, должно быть, теперь большая; еще будучи ребенкомъ, она обѣщала современемъ походить на свою знаменитую мать.

Баронесса улыбнулась; она была польщена.

— Габріэль будетъ рада видѣть васъ, и вѣроятно была бы здѣсь, еслибы слышала, какъ вы подъѣхали Она въ саду съ кузеномъ Норбертомъ.

— А кто этотъ кузенъ Норбертъ, позвольте спросить? Такой же гость, какъ и я, или онъ имѣетъ счастье быть постояннымъ гостемъ въ Ирмельдингенѣ?

Баронесса быстро замѣтила, что нѣтъ.—Норбертъ,—объяснила она,—нашъ дальній родственникъ, происходитъ отъ боковой линіи нашего рода, и получилъ воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ. Съ тѣхъ поръ онъ служитъ офицеромъ въ пограничномъ полку и недѣли двѣ тому назадъ пріѣхалъ сюда на съемки. Какъ кажется, въ этой мѣстности предполагаются большіе маневры, и въ томъ случаѣ намъ предстоитъ помѣстить у себя много народу.

— Упаси Богъ,—сказалъ супругъ, искренно озабоченный,—кормить столькихъ людей и лошадей было бы для насъ совершенно невозможно.

Госпожа Ирмельдингенъ быстро перебила его, давъ разговору другое направленіе.

Роттбергъ не могъ болѣе скрыть своего нетерпѣнія.—Если позволите,—сказалъ онъ,—я пойду розыщу фрейлейнъ Габріэль, чтобы засвидѣтельствовать ей свое почтеніе; дорога въ садъ мнѣ съ давнихъ поръ знакома.

— Въ такомъ случаѣ, извините меня,—возразила баронесса.—Вашъ пріѣздъ для насъ неожиданная радость и я хотѣла бы сдѣлать кой-какія распоряженія, чтобы какъ можно лучше устроить такого дорогого гостя.

Роттбергъ просилъ не слишкомъ церемониться съ нимъ, увѣряя, что онъ чувствуетъ себя здѣсь хорошо и уютно, точно въ своей семьѣ. При этомъ онъ еще разъ почтительно поцѣловалъ протянутую ему руку бывшей придворной дамы и съ плохо скрытымъ нетерпѣньемъ отправился въ садъ.

Длинная буковая аллея вела въ глубину сада; послѣдній былъ первоначально разбитъ по грандіозному плану, но постепенно подвергся измѣненіямъ, сообразно требованьямъ пользы, о чемъ свидѣтельствовали многочисленныя гряды овощей и дико разросшіеся кусты малины. Надъ голымъ переплетомъ кустовъ, дальше въ сторону, возвышались черные ряды давно не стриженнаго тиса. Они окаймляли короткія, спутанныя дорожки, которыя, какъ остатки прежняго лабиринта, свидѣтельствовали о забытомъ искусствѣ садоводства и объ умолкнувшемъ веселіи предковъ. Передъ входомъ стоялъ скамью-

щійся Панъ изъ обсыпающагося песчаника; за лабиринтомъ дорога мягкимъ изгибомъ шла черезъ кустарникъ, который выросъ изъ корней срубленныхъ деревьевъ. Сквозь тонкіе стволы сверкали пестрые обшлага скромнаго мундира пѣхотинца; затѣмъ Роттбергъ издали увидѣлъ Габріэль и Норберта. Они медленно шли рядомъ, погруженные въ серьезный разговоръ; ихъ фигуры рѣзко оттѣнялись отъ сиреневаго цвѣта неба. У Роттберга сильно забилось сердце. Его скрипящіе по песку шаги нарушали послѣобѣденную тишину воздуха; гуляющіе съ удивленіемъ обернулись. Лицо Габріэли чуть-чуть покраснѣло, когда Роттбергъ назвалъ себя, но ея глубокій, свѣтлый взоръ не потупился отъ его взгляда, когда она подала ему руку, и ни тѣни смущенья не замѣчалось въ ея прекрасныхъ открытыхъ чертахъ. Напротивъ, голосъ Роттберга дрожалъ, и, всматриваясь въ нее, онъ произнесъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ съ такою торжественностью и важностью, какъ будто говорилъ съ королевой. Онъ тогда только вполнѣ овладѣлъ собою, когда Габріэль представила ему своего спутника. Мужчины внезапно ощутили въ себѣ невольное чувство соперничества, и манера, съ какою Роттбергъ подалъ руку молодому офицеру, вышла болѣе чѣмъ холодною. Такъ какъ вѣжливость требовала, чтобы мѣсто около Габріэли осталось за вновь прибывшимъ, то офицеръ откланялся, извиняясь неотложной работой.

Габріэль пошла по дорогѣ къ замку, Роттбергъ послѣдовалъ за нею. Онъ не сознавалъ того, что говорилъ—ея голосъ тоже звучалъ для него незнакомо и серебристо, точно издалека. Онъ чувствовалъ только, что онъ безконечно счастливъ и желалъ, чтобы прогулка ихъ никогда не кончилась. Габріэль была въ платьѣ изъ тонкой сѣрой шерстяной матеріи; апрѣльскій вѣтеръ, порывами набѣгавшій сквозь голыя вѣтви, трепалъ ея подолъ, отбрасывалъ его назадъ, обнажалъ нижнія части ея нѣжныхъ ногъ, храбро боровшихся съ вѣтромъ, и крѣпче и плотнѣе прижималъ платье къ ея стройному, гибкому стану. Онъ замѣтилъ, что по краямъ разрытыхъ, не воздѣланныхъ грядъ, изъ мокрой земли пробивались голубые цвѣты крокуса, и ему казалось, что шаги Габріэли оставляли на землѣ голубой волшебный слѣдъ, пробуждавшій весну.

Скоро передъ ними показался замокъ. Габріэль выбрала самый прямой путь, по которому они пришли обратно къ террасѣ. Тамъ стояла госпожа Ирмельдингенъ, которая, сознавая лежащія на ней обязанности хозяйки дома, начала разговоръ объ общихъ придворныхъ знакомыхъ; во время этой бесѣды Габріэль тихо удалилась. Было доложено, что комната барона готова, въ виду чего Роттбергъ просилъ позволенія удалиться и послѣдовалъ за своимъ провожатымъ. Войдя въ высокую

комнату, онъ сталъ шагать по ней взадъ и впередъ. Здѣсь стояла заботливо охраняемая и сто разъ чиненная мебель всѣхъ стилей послѣднихъ столѣтій. Изъ своего окна онъ увидѣлъ, какъ старый садовникъ семенящими шагами преслѣдовалъ одинокаго пѣтуха, который, въ жуткомъ предчувствіи своей участи, кудахтая и махая крыльями, старался убѣжать черезъ гряды и клумбы. Наконецъ раздается выстрѣлъ и садовникъ согбенной походкой возвращается обратно, таща за собой свою добычу, перья которой меланхолически свѣшиваются внизъ. Болѣе не было видно ни одного живого существа. Изъ сарая все еще доносилось усердное, непрерывное, таинственное постукиванье, а надъ замкомъ и садомъ лежала спящая тишина, серебристо-матовое освѣщеніе сырого, мягкаго апрѣльскаго дня.

Вечеръ тоже пролетѣлъ для Роттберга какъ сонъ, хотя въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ всѣ сидѣли вмѣстѣ за круглымъ столомъ, сдвинувшись къ свѣту единственной лампы, между тѣмъ, какъ остальная часть комнаты утопала во мракѣ. Норбертъ былъ молчаливъ; его можно было бы считать отсутствующимъ, еслибъ не его блестящія пуговицы и эполеты, которыя сверкали въ отдаленномъ полумракѣ. Старикъ Ирмельдингенъ тихо заснулъ въ креслѣ послѣ второй чашки чаю, и весь разговоръ велся его супругою, которая предлагала своему столичному гостю массу вопросовъ, относившихся къ тому времени, когда она была придворной дамой, и видно было, что она до того уходила въ воспоминанія объ этихъ блестящихъ дняхъ, что даже едва выслушивала отвѣты Роттберга.

Роттбергъ въ душѣ благодарилъ ее за то, что ея словоохотливость избавляла его отъ обязанности вести бесѣду, позволяя ему отдаться тому впечатлѣнію, которое производила на него Габріэль. Въ душѣ каждаго мужчины живетъ дополненіе его собственнаго существа въ видѣ идеала и носится передъ нимъ въ реальномъ образѣ, съ осязательной ясностью. Онъ понялъ теперь, почему Габріэль еще тогда, полуребенкомъ, произвела на него такое глубокое впечатлѣніе, почему воспоминаніе о полуразвившейся дѣвочкѣ продолжало въ немъ жить, не смотря на всѣ позднѣйшія встрѣчи съ блестящими представительницами женской красоты. Уже въ то время расцвѣтающій ребенокъ заключалъ въ себѣ задатки чарующей прелести, а теперь Габріэль явилась ему во всемъ очарованіи вполнѣ сложившейся красоты, которой долгіе годы жаждало все его существо, къ которой безсознательно рвалась его душа. Черты, нѣкогда дремавшія въ дѣтской округлости лица, теперь выступили явствено во всей ихъ благородной и своеобразной миловидности; вполнѣ опредѣлился красивый, тонко очерченный ротикъ, гордая, нѣсколько строгая, линія котораго— на-

слѣдіе старинной имперско-графской крови—смягчалась выраженіемъ большихъ темно-сѣрыхъ лучистыхъ глазъ. Ея низкій лобъ обрамляли мягкія волны пепельно-русыхъ волосъ. Теперь тонкій овалъ ея лица исчезалъ въ темнотѣ большой комнаты; только пальцы оставались въ освѣщенномъ кругу семейнаго стола, усердно работая надъ платкомъ изъ простой матеріи. Эту картину, залитую мягкимъ свѣтомъ рабочей лампы, какъ бы сіяніемъ окружавшимъ святое семейное счастье, унесъ Роттбергъ съ собой въ свой краткій, тревожный сонъ.

На другое утро моросилъ мелкій дождь; тѣмъ не менѣе глазамъ Роттберга представилось пріятное зрѣлище: онъ увидѣлъ черезъ окно, какъ Норбертъ, въ сопровожденіи солдата, выѣзжалъ верхомъ за ворота. Это не означало отъѣзда навсегда, а потому Роттбергъ не могъ подавить желанія, чтобы какой нибудь благодатный геній удержалъ уѣзжающаго возможно дольше за его топографическими работами. Часъ показался ему весьма раннимъ, а между тѣмъ онъ засталъ въ столовой уже все семейство за завтракомъ. Габріэль заваривала чай, раскладывала въ проволочной корзинкѣ ломтики домашняго хлѣба и нѣжно заботилась объ старикѣ отцѣ; сама она довольствовалась чашкой свѣжаго молока. Вотъ она откинула голову съ тяжелыми русыми косами, чтобы пить: въ этотъ моментъ она являла собой воплощеніе здоровой свѣжести и юной красоты. Маленькая бѣлая капля, точно маленькая жемчужина, остановилась въ уголкѣ ея тонкаго рта; когда она снабжала присутствующихъ всѣмъ необходимымъ, одному—подавая тарелку, другому—подкладывая недостающее—каждое движеніе ея было пластично въ своей гибкой силѣ и миловидности. Очевидно было замѣтно, что взгляды Роттберга восторженно покоились на ней, потому что госпожа фонъ Ирмельдингенъ любезно улыбнулась и сказала съ маленькимъ вздохомъ:

— Да, дорогой кузенъ, Габріэль всегда сохраняетъ энергію, всегда дѣятельна и бодра. Она—нашъ солнечный лучъ, который помогаетъ намъ переносить уединеніе и многія другія непріятности.

Старикъ положилъ свой хлѣбъ на столъ и кивнулъ утвердительно.—Это истинная правда,—сказалъ онъ горячо.—Габи—наше доброе, милое дитя, и я не знаю, какъ бы мы безъ нея перенесли все то тяжелое, что уже обрушилось на насъ. Право, она заслуживала бы лучшей доли, чѣмъ та, которую можетъ дать ей родительскій домъ.

Тихая краска загорѣлась на лицѣ Габріэли: «Не говори такъ, милый папа», проговорила она, быстро нагибаясь, чтобы поцѣловать его.

— Знаю, знаю, ты мой бодрый, всегда довольный това-

рищъ,—сказалъ старикъ, лаская ее, и потомъ снова обратился къ гостю.

— Вы не должны думать, дорогой кузенъ, что Габи, по обыкновенію всѣхъ барышень, заботится только о хозяйствѣ и кухнѣ; она также мой совѣтчикъ, мой секретарь и мой счетоводъ въ одно и тоже время. Конечно,—прибавилъ онъ, горестно мотнувъ головой,—самый лучшій управляющій ничего не подѣлаетъ, когда...

— Ты всегда клонишь къ пессимизму, — живо вставила его жена.—Я нахожу, что Габи кое что сдѣлала и добилась многихъ хорошихъ результатовъ.

Старикъ продолжалъ озабоченно кивать головою.—Ахъ,— мрачно пробормоталъ онъ,—обѣщать, умасливать, и опять обѣщать—все это тянется уже годы. Но потерпите,—сказалъ онъ вдругъ и глаза его восторженно заблестѣли, —еще немножко терпѣнья и мой трудъ будетъ оконченъ и мы полетимъ и подымемся высоко надъ всей этой горемычной возней нашего Ирмельдингена. Еще минуточку довѣрія старому папашѣ, и весь плачевный скарбъ нищенскаго величія...

— Милый мой, приди въ себя,—испуганно воскликнула баронесса. Габріэль вскочила и обняла обѣими руками голову отца.

— Успокойся, милый папа, — сказала она нѣжно — мы вполнѣ вѣримъ въ тебя.

Фигура старика опять согнулась. Онъ боязливо смотрѣлъ на жену и пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ, выдававшихъ его смущеніе.

— Я думаю, мнѣ уже пора идти въ мастерскую, — пробормоталъ онъ, вставъ изъ за стола и направляясь къ двери.

— Онъ говорилъ о какомъ то изобрѣтеніи?—шопотомъ спросилъ удивленный Роттбергъ.

Габріэль вышла изъ комнаты.

Госпожа фонъ Ирмельдингенъ вынула носовой платокъ и прижала его къ глазамъ.

— Вы давно могли замѣтить, милый кузенъ, что у насъ въ домѣ не все идетъ такъ, какъ бы слѣдовало. Въ послѣднее время мы дѣйствительно пережили много тяжелаго: мы проиграли нѣсколько процессовъ, пропустили давностный срокъ нѣкоторымъ нашимъ правамъ по взысканію долговъ, были также годы неурожая. Въ подобномъ положеніи оказываются, конечно, многіе въ государствѣ, но честь нашего имени мы всетаки умѣли поддерживать, не смотря на всѣ злоключенія. Но самое ужасное то, что всѣ эти затрудненія, которыя пришлось намъ испытать — страшно сказать—помрачили умъ моего бѣднаго дорогого мужа. Обезкураженный, онъ уже не можетъ и не хочетъ болѣе возиться съ имѣніемъ и проводитъ дни въ от-

даленномъ сараѣ, гдѣ онъ работаетъ надъ—смѣшно сказать, а въ сущности это грустная истина—надъ устройствомъ летательнаго снаряда. Онъ воображаетъ, что это изобрѣтеніе принесетъ намъ благосостояніе и богатство, тайкомъ пишетъ письма инженерамъ, приглашаетъ ихъ посмотрѣть его произведеніе и тѣмъ самымъ дѣлаетъ насъ смѣшными въ глазахъ людей. При этомъ сердце разрывается, когда видишь, какъ твердо вѣритъ мой добрый мужъ въ успѣхъ своего дѣла, какъ онъ огорчается, если кто нибудь позволяетъ себѣ сомнѣваться въ этомъ успѣхѣ и въ его мечтахъ о будущемъ. Сама я не могу управлять имѣніемъ, я ничего не понимаю въ счетахъ, да и воспитана я, какъ вамъ извѣстно, для другой жизни, чѣмъ та, которую я могу доставить моей бѣдной дочери. Но, повѣрите ли, что одною Габріэль только и держится все Ирмельдингенское владѣніе? Разумѣется, и мое бѣдное дитя, боюсь, не будетъ въ состояніи долго справляться со всѣми затрудненіями, которыя годами подготовлены беззаботностью и добродушіемъ моего бѣднаго мужа. Но, поговоримъ о чемъ нибудь болѣе радостномъ, дорогой кузенъ, и простите за тотъ оборотъ, который, противъ моей воли, принялъ нашъ разговоръ. Подобныя мелкія страданія не созданы для пониманія владѣльца Толленштейнскаго майората.

Роттбергъ поклонился и пробормоталъ нѣсколько словъ о старинной дружбѣ и родственномъ участіи. Онъ соображалъ, не рѣшиться ли ему тотчасъ же сказать: отдайте мнѣ руку Габріэли и я положу блестящій конецъ всѣмъ вашимъ заботамъ—но ему казалось неделикатнымъ и преждевременнымъ уже теперь выступить съ тѣмъ великимъ намѣреніемъ, которое охватило все его существо. Когда же онъ всетаки рѣшился на это, удобный моментъ былъ упущенъ, случай ускользнулъ. Пришло письмо для госпожи фонъ Ирмельдингенъ, на которое она тотчасъ же должна была отвѣтить; такимъ образомъ, Роттбергъ былъ вынужденъ отложить рѣчь, которая уже была у него на языкѣ.

Онъ пошелъ черезъ домъ и свернулъ на сырыя песочныя дорожки, надѣясь около голубыхъ цвѣтовъ крокуса, или еще дальше, во влажной глубинѣ сада, найти Габріэль.

Послѣ напрасныхъ поисковъ онъ медленно повернулъ назадъ. Въ аллеѣ, которая вела къ замку, онъ встрѣтилъ толленштейнскую телѣгу: на ней лежалъ олень, котораго онъ велѣлъ убить, желая оказать рыцарское вниманіе хозяйкѣ дома. Онъ подозрѣвалъ, что олень этотъ придется весьма кстати ирмельдингенской кухнѣ. Пока онъ предлагалъ нѣсколько вопросовъ кучеру, вернулся со своихъ съемокъ Норбертъ, передалъ свою верховую лошадь деньщику и обмѣнялся съ Роттбергомъ нѣсколькими словами относительно прекрасной масти лошадей,

запряженныхъ въ толленштейнскую охотничью телѣгу. Оба не пошли дальше нѣсколькихъ оффиціальныхъ фразъ; между ними стояла непреодолимая преграда. Случайно ли мелькнула у окна головка Габріэли, когда они молча подымались по лѣстницѣ замка? Роттбергъ мгновенно, инстинктивно почувствовалъ, что этотъ нѣмой привѣтъ относился не къ нему; и когда Норбертъ съ быстрымъ поклономъ удалился, баронъ еще порывистѣе и надменнѣе поднялъ голову.

— Если этотъ господинъ,—сказалъ онъ себѣ,—уже съумѣлъ пріобрѣсти благосклонность Габріэли и сдѣлать успѣхи, то остается только вытѣснить его изъ его позиціи.

Эта мысль занимала барона, пока онъ довершалъ свой предъобѣденный туалетъ; свои ордена онъ надѣлъ якобы въ честь ирмельдингенскаго родства, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы сгладить превосходство, сообщаемое Норберту его мундиромъ. Онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, какъ комтурскія кресты и сверкающая звѣзда св. Георгія идутъ къ его блѣдному, усталому лицу.

Столъ былъ накрытъ необычайно парадно. Внимательный глазъ легко замѣтилъ бы, какое трогательное остроуміе проявила организаторская рука хозяйки, чтобы скрыть многочисленные мелкіе изъяны такъ, чтобы они не бросались въ глаза. Здѣсь—ваза съ искусственными цвѣтами стояла на такомъ непривычномъ мѣстѣ, что можно было подозрѣвать, что она скрываетъ разорванное мѣсто въ скатерти; тамъ, у дамскихъ приборовъ, недоставало граненыхъ стакановъ, потому что дамы, какъ съумѣла предупредить госпожа фонъ Ирмельдингенъ, не пьютъ вина. Вотъ появилась суповая миска, заботливо завернутая въ салфетку, по всей вѣроятности потому, что внѣшній видъ ея былъ не совсѣмъ безукоризненъ. Роттбергъ не обратилъ вниманія на эти маленькія ухищренія; точно также онъ не замѣтилъ, что первое блюдо было, повидимому, произведеніемъ фабрики консервовъ. Только одинъ разъ онъ въ разсѣянности вздрогнулъ—глотнувъ отъ предполагаемаго бордо, которое наполняло его стаканъ.

— Брусничное, превосходное брусничное вино, — добродушно сказалъ старикъ Ирмельдингенъ,—моя дочь приготовляетъ его собственноручно.

Госпожа фонъ Ирмельдингенъ вспыхнула, а Роттбергъ поторопился попросить себѣ еще стаканъ. Старый слуга въ своемъ, нѣкогда канареечно-желтомъ фракѣ съ серебряными галунами и позументами на согнутыхъ плечахъ, съ трясущимися колѣнями, бѣгалъ вокругъ стола, съ трудомъ держа блюдо въ дрожащихъ рукахъ.

Существенную часть обѣда составлялъ застрѣленный пѣтухъ, который жесткостью своего мяса, казалось, хотѣлъ уто-

лить свою посмертную жажду мести. Наконецъ подали лимонный пуддингъ, который, повидимому, долженъ былъ представлять собою чудо кулинарнаго искусства, потому что всѣ, не исключая и старика, съ напряженіемъ ожидали его появленія, а по взглядамъ, которыми онъ обмѣнивался съ госпожею фонъ Ирмельдингенъ, не трудно было угадать, что Габріэль была виновницей этого художественнаго произведенія. Разговоръ поддерживался опять-таки, главнымъ образомъ, хозяйкой дома; при этомъ лицо Роттберга носило отпечатокъ нѣсколько искусственнаго оживленія. Его тревожная подозрительность ожила въ этой атмосферѣ, объединявшей Норберта и Габріэль, вспыхивала при каждомъ взглядѣ, каждомъ словѣ, которыми они обмѣнивались, находила себѣ пищу въ тысячѣ мелочей, которыя его возбужденная кровь старалась истолковать по своему. Онъ съ обостреннымъ инстинктомъ чувствовалъ, что улыбка Габріэли, ея мысли, чувства принадлежатъ не ему и это сознаніе заставило его испытать первые горькіе укусы невѣдомой ему дотолѣ ревности. Онъ рѣшилъ, что въ тотъ же вечеръ подвинетъ впередъ свое дѣло, сдѣлаетъ ясный намекъ на свое намѣреніе, и случай къ тому скоро представился. Рѣчь зашла объ одномъ господинѣ, который не побоялся жениться на избранной имъ женщинѣ, хотя шагъ этотъ навлекъ на него немилость монарха. Свѣтъ называлъ его дуракомъ и явно избѣгалъ его. Роттбергъ быстро положилъ ножикъ и вилку.

— Я отъ всего сердца пожалъ бы руку этому человѣку,— сказалъ онъ серьезно, необыкновенно твердымъ голосомъ.—Я безусловно становлюсь на его сторону, потому что и я взялъ бы себѣ въ жены только бѣдную дѣвушку.

Впечатлѣніе, произведенное этими словами, было различно. Открытое лицо Норберта слегка поблѣднѣло, между тѣмъ какъ Габріэль подумала, что слова Роттберга относятся къ предыдущему разговору за завтракомъ и что Роттбергъ хотѣлъ въ обязательной, рыцарской формѣ выразить, что незаслуженная бѣдность не есть порокъ въ его глазахъ. Поэтому она подарила его долгимъ благодарнымъ взглядомъ, теплота котораго влила въ его сердце опьяняющую надежду. Этотъ взглядъ какъ будто далъ ему новую жизнь; теперь онъ заговорилъ съ увлекательнымъ и искреннимъ оживленіемъ. Госпожа фонъ-Ирмельдингенъ вдругъ какъ то притихла и весь вечеръ не говорила ни слова, полная раздумья, словно она не въ силахъ была объять всю величину мысли, которая вдругъ зародилась въ ней.

— Завтра,—сказалъ себѣ Роттбергъ,—надо будетъ продолжать борьбу и быстрыми шагами вести ее къ развязкѣ.

Каждый выигранный часъ могъ увеличить вліяніе Нор-

берта, упрочить его права, если онъ таковыя имѣлъ, самому же ему принести упрекъ за то, что онъ вмѣшался въ уже почти существующія отношенія. Это соображеніе подкрѣплялось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ столовой не было никого, кромѣ кузена и госпожи фонъ Ирмельдингенъ; послѣдняя казалась утомленной, точно отъ безсонной ночи. Завтракъ прошелъ своимъ чередомъ, на дворѣ сильный вѣтеръ гнулъ мокрыя отъ дождя деревья парка.

— Гдѣ фрейлейнъ Габріэль?—спросилъ Роттбергъ тономъ, который звучалъ сурово и принужденно.

— Норбертъ хотѣлъ измѣрить поля сосѣдняго имѣнія, —взволнованно отвѣтила госпожа фонъ Ирмельдингенъ,—и она провожаетъ его черезъ садъ.

Роттбергъ поблѣднѣлъ.

— Кажется, лейтенантъ Норбертъ очень добросовѣстно исполняетъ свои топографическія обязанности,—сказалъ онъ.— Но не находите ли вы, что Габ... что участіе вашей дочери въ этихъ занятіяхъ способно давать поводъ къ нѣсколько своеобразнымъ, страннымъ предположеніямъ?

Онъ старался казаться равнодушнымъ, но дыханіе его было тяжело, а его черты имѣли выраженіе сильнѣйшей душевной боли. Баронъ внезапно закашлялъ; госпожа фонъ Ирмельдингенъ вскочила, подошла къ окну, постояла тамъ съ минутку, прижимая платокъ къ губамъ; потомъ она вернулась къ присутствующимъ съ яркой краской въ лицѣ.

— Прошу тебя милый,—обратилась она къ мужу въ рѣшительномъ тонѣ,—пойди на часокъ къ твоему... летательному снаряду, кузенъ Роттберъ извинитъ тебя.

Старикъ поторопился исполнить эту просьбу, причемъ лицо его просіяло отъ радости, такъ какъ онъ вообразилъ, что его изобрѣтеніе начинаетъ возбуждать интересъ. Когда онъ вышелъ, госпожа фонъ Ирмельдингенъ подошла къ Роттбергу и въ избыткѣ чувствъ протянула ему обѣ руки.

— Такъ вы любите Габріэль... это правда?

Они говорили долго и одушевленно; когда разговоръ кончился, Роттбергъ два раза поцѣловалъ госпожу фонъ Ирмельдингенъ въ лобъ, потомъ принялъ управляющаго толленштейнскими имѣніями, вызваннаго имъ съ нарочнымъ и углубился въ обстоятельную, практическую бесѣду съ этимъ дѣловымъ человѣкомъ. Когда управляющій удалился, онъ взглянулъ на часы и медленно пошелъ къ лабиринту, за которымъ торчали уродливыя очертанія тисовыхъ кустовъ, обрызганныхъ дождевыми каплями. Долго шагалъ онъ тамъ взадъ и впередъ, томимый муками ожиданья, ежеминутно надѣясь услышать знакомые легкіе шаги по песку и шуршанье платья Габріэли. Черезъ часъ госпожа фонъ Ирмельдингенъ пришла одна; ея

лицо было возбужденно и красно, но въ то же время оно носило отпечатокъ какой-то сугубой радости и нѣсколько напряженной увѣренности.

— Мужайтесь, милый другъ,—сказала она съ принужденной веселостью, — все обойдется къ лучшему. Вы должны извинить Габріэль, она мечтательна, застѣнчива и внезапное, неожиданное сообщеніе застало ее совершенно врасплохъ. Она должна сперва собраться съ мыслями, вникнуть въ честь вашего предложенія; къ тому же, молодыя дѣвушки, въ виду возможнаго счастья, охотно отдаются руководительству, пока онѣ еще мало знаютъ человѣка, который остановилъ на нихъ свой выборъ. Конечно, дорогой Роттбергъ, между нами сказать, ея чувства къ Норберту получили такое развитіе, какого я не предвидѣла и, явись вы еще немного позже, у меня возникли бы опасенія, серьезныя опасенія. Но благодаря Бога, теперь еще есть время, время для вашего обоюднаго счастья.

Они возбужденно пошли къ замку, гдѣ Роттбергъ простился съ хозяйкой дома. Онъ хотѣлъ остаться на воздухѣ, чтобы освѣжить свои виски, въ которыхъ непрерывно стучала кровь. Первый шагъ былъ сдѣланъ и поддержка госпожи фонъ Ирмельдингенъ была обезпечена; но онъ сознавалъ, что самая трудная, рѣшительная борьба еще предстоитъ ему. Сознаніе, что это будетъ борьба, а не блаженное срыванье цвѣтка счастья, заставляло его страдать, но вмѣстѣ съ тѣмъ вооружало его стойкимъ и мрачнымъ упорствомъ.—Нѣтъ счастья безъ усилія,—думалъ онъ,—нѣтъ обладанья безъ борьбы. Въ Габріэли не могло еще зародиться глубокое, несокрушимое чувство къ Норберту: когда она увидитъ, какъ непоколебимо, съ какимъ самозабвеніемъ я люблю ее, она должна будетъ уважать меня, а уваженіе есть первый шагъ къ любви. Позднѣе я сторицею возмѣщу ей то страданіе, которое, какъ безъ преувеличенія говоритъ госпожа фонъ Ирмельдингенъ, я принужденъ ей причинить теперь для ея же добра, для ея же счастья.

Съ такими мыслями онъ обошелъ замокъ и подошелъ къ развалившейся стеклянной бесѣдкѣ, за которой возвышалась деревянная стѣна. На ней, въ ожиданіи операціи, висѣлъ олень изъ толленштейнскаго имѣнья. Разсѣянно смотрѣлъ на животное баронъ; онъ былъ достаточно охотникъ, чтобы искать то мѣсто, куда попала смертельная пуля. На лопаткѣ виднѣлись двѣ круглыя ранки. Стрѣлокъ, для того ли, чтобы сократить предсмертныя муки оленя, или по инымъ соображеніямъ, далъ сразу два заряда, и пули сидѣли такъ близко одна возлѣ другой, что обѣ могли быть прикрыты талеромъ. Эту мастерскую пробу почти чудовищной ловкости могъ дать никто иной какъ Андерль. Да, непріятно было первое впечатлѣніе, которое вызвалъ охотникъ въ Роттбергѣ, а всетаки, когда теперь фи-

гура полѣсовщика встала въ его воображеніи и онъ вспомнилъ, съ какимъ убитымъ видомъ стоялъ этотъ плачущій парень передъ нимъ и лѣсничимъ, онъ почувствовалъ что-то вродѣ сожалѣнія о томъ, что онъ самовластной, желѣзной рукой вмѣшался въ жизнь этого простого человѣка. Передъ нимъ вставалъ роковой вопросъ: имѣетъ ли право сильный, которому дана власть, разрушать своимъ кулакомъ волю и жизненныя цѣли людей слабыхъ? Имѣетъ ли онъ право дѣлать это даже въ томъ случаѣ, когда имъ руководитъ желаніе добра и благородство? Не будетъ ли такой поступокъ самоуправствомъ, преступленіемъ противъ правды? Конечно, судьбою охотника Роттбергъ распорядился по наилучшему побужденію: для собственнаго блага неуклюжаго полѣсовщика приказалъ онъ сломить его волю и впречь его въ брачное ярмо. Но въ другомъ случаѣ, который теперь овладѣлъ всѣмъ его существомъ,—было ли то безкорыстіе, что заставляло его мечтать о томъ, чтобы дать жизни Габріэли другой оборотъ, заключить ее въ свои объятія какъ беззащитное дитя, и, противъ ея воли, вести ее къ жизненному счастью, блаженству, которое онъ считалъ возможнымъ для нея въ союзѣ съ нимъ, и которое онъ представлялъ себѣ кипучимъ, безпредѣльнымъ? Потомъ въ его мысляхъ мелькнуло опять то своеобразное утѣшеніе, которое онъ, почти съ издѣвательствомъ, бросилъ въ лицо рыдающему, сраженному парню: «Не всякому нужно счастье на этомъ свѣтѣ!» Вотъ чѣмъ долженъ былъ утѣшиться бѣдный лѣсникъ. А самъ онъ, имперскій баронъ и владѣтель Толленштейна, могъ ли онъ довольствоваться подобнымъ же утѣшеніемъ? Что же его самого всѣми силами толкало въ объятія эгоистичнаго, клокочущаго, опьяняющаго земного счастья, безъ заботы о томъ, не будутъ ли раздавлены имъ чужія, молодыя сѣмена, чужое счастье? Имъ овладѣло болѣзненное сознаніе тяжелой, громадной вины и предстоящаго возмездія. Каково будетъ искупленіе? Въ данную минуту его пугало, страшило только одно—необладаніе Габріэлью. Нѣтъ обладанья безъ борьбы, раздавался въ немъ бушующій голосъ страсти, подавляя, заглушая всѣ прочія чувства и мысли.

— Я мужчина, рѣшившійся обладать, — проговорилъ онъ громко,—и только безуміе могло внушить мнѣ мысль мѣрить мою личную судьбу на аршинъ ничтожнаго полѣсовщика.

Онъ пошелъ дальше на встрѣчу сѣрому замку, который съ своими тусклыми окнами стоялъ мокрый отъ дождя, въ раннихъ сумеркахъ. Вечеръ былъ также пасмурный. Габріэль не явилась къ столу и бесѣда шла принужденно, — слова отрывисто и однотонно раздавались въ темнотѣ огромной залы, точно въ склепѣ. Всѣмъ стало легче, когда старикъ завелъ рѣчь о запрещенной темѣ—изобрѣтеніи; сначала робко, но посте-

пенно поощряемый всеобщимъ молчаньемъ, онъ съ блестящими глазами сталъ излагать подробности своего летательнаго снаряда. Проливной дождь хлесталъ въ окна; тутъ Норбертъ, вдругъ вставъ съ мѣста, кратко объявилъ, что его служба вынуждаетъ его рано утромъ вернуться въ гарнизонъ. Онъ прибавилъ нѣсколько словъ благодарности за оказанное гостепріимство и любезный пріемъ, котораго онъ никогда не забудетъ, поцѣловалъ госпожѣ фонъ Ирмельдингенъ руку, и, принудивъ себя отвѣсить легкій поклонъ Роттбергу, онъ, какъ герой, вышелъ изъ комнаты, покинулъ поле сраженія.

Теперь для обитателей замка потянулись пасмурные дни. Снаружи стучалъ въ окна весенній дождь, а въ мрачныхъ, неуютныхъ покояхъ жили рядомъ люди подъ гнетомъ вынужденнаго общенія, пугливо и молчаливо, охваченные страстнымъ волненіемъ. Старикъ дѣлилъ общую неловкость, не понимая ея настоящей причины, Габріэль показывалась рѣдко, а госпожа фонъ Ирмельдингенъ половину дня проводила въ комнатѣ дочери, умоляя, уговаривая ее и проливая слезы. Во всѣ эти долгіе годы лишеній и тяжкой нужды, ея единственной надеждой было, что вотъ-вотъ Габріэль сдѣлаетъ богатую партію и тѣмъ освободитъ отъ долговъ и возстановитъ въ прежнемъ видѣ старыя владѣнія Ирмельдингеновъ, а ей самой, пожалуй, дастъ возможность опять увидѣть тѣ блестящіе круги, къ которымъ лежала вся ея душа. Едва вѣроятный счастливый случай не остался мечтою, заколдованный принцъ явился и, несмотря на всю ихъ бѣдность, просилъ руки Габріэли—а между тѣмъ, все это гордое зданіе будущаго должно рухнуть какъ карточный домъ, по милости глупой романтической любви, изъза дѣвичьяго каприза! Она обвиняла Габріэль въ неблагодарности и не рѣшалась признаться Роттбергу, какіе глубокіе корни пустила эта привязанность въ сердцѣ ея дочери, такъ какъ боялась, что Роттбергъ броситъ надежду и откажется отъ сватовства. Но тогда неслыханная, едва возможная перемѣна ихъ обстоятельствъ расплывется какъ марево. Этого нельзя было допустить. Габріэль обязана была принести имъ въ жертву свою неосмысленную сердечную привязанность; она не имѣла права отталкивать отъ себя счастье, которое, безъ сомнѣнія, не представится Ирмельдингенамъ во второй разъ.

Тѣмъ временемъ Роттбергъ, терзаемый всѣми муками страсти и всѣми побужденіями тупого упрямства, безпокойно бродилъ по усадьбѣ. Онъ надѣялся, что Габріэль будетъ побѣждена его терпѣливою стойкостью; тѣмъ не менѣе онъ глубоко стыдился своего поведенія и долженъ былъ самому себѣ сознаться, что роль Норберта, которому пришлось покинуть поле, была куда благороднѣе, честнѣе. Иногда онъ разсматривалъ въ зеркалѣ свои блѣдныя, усталыя черты и говорилъ себѣ,

что это аристократическое лицо заслуживаетъ пощечины честнаго человѣка.

Однажды, измученная гордость возмутилась въ немъ съ особенной силой и онъ рѣшилъ вернуть себѣ утраченное самоуваженіе, хотя бы цѣною отреченія и самоуничтоженія. Тайная, послѣдняя надежда подсказывала ему, что, быть можетъ, отрицающій счастье, безкорыстный поступокъ достигнетъ того, чего не могли добиться настойчивость и упорство. Когда, послѣ завтрака, онъ остался наединѣ съ дамами и молча наблюдалъ, какъ Габріэль съ заплаканнымъ лицомъ, усталымъ движеньемъ работала надъ какою то бѣлой тканью, онъ вдругъ рѣшительнымъ тономъ попросилъ госпожу фонъ Ирмельдингенъ удѣлить ему нѣсколько минутъ. Габріэль тотчасъ же встала и оставила комнату. Она задрожала при мысли, что этотъ разговоръ повлечетъ за собой новый натискъ со стороны ея матери. Ее проводилъ глубокій, полный страданья взглядъ Роттберга—это она еще успѣла замѣтить. Когда она вышла, баронъ обратился къ госпожѣ фонъ Ирмельдингенъ, сердце которой забилось такъ сильно, что она чувствовала близость обморока. У нея была только одна мысль... теперь конецъ всѣмъ мечтамъ о счастьѣ, все рушится и она опять погружается въ прежнюю безобразную нужду, на этотъ разъ безъ надежды на спасеніе и навсегда.

— Я буду кратокъ, уважемая кузина,—сказалъ Роттбергъ холодно и сдержанно.—Когда сладостное, неизгладимое воспоминаніе привело меня въ вашъ домъ, я надѣялся, что сердце и рука вашей дочери, которая была предметомъ этого воспоминанія, будутъ еще свободны. Насколько безпощадно и мучительно послѣдніе дни разрушили мою надежду, вы знаете такъ же хорошо, какъ и я. Я люблю фрейлейнъ Габріэль глубоко и страстно, но мое самолюбіе не позволяетъ мнѣ играть такъ долго роль терпимаго и грубо-навязчиваго жениха. У порядочнаго человѣка, конечно, только одна любовь, но и одна честь. Я глубоко благодаренъ вамъ за оказанное гостепріимство, и позволю себѣ еще прибавить, что я завтра же покидаю вашъ домъ. Но прежде,—сказалъ онъ быстро, замѣтивъ какъ поблѣднѣла госпожа фонъ Ирмельдингенъ,—прошу выслушать меня еще по одному чисто практическому дѣлу. Такъ какъ до сихъ поръ, къ моему стыду и убытку, я мало интересовался Толленштейномъ и сосѣдними съ нимъ владѣніями, то я только нѣсколько дней тому назадъ узналъ отъ своего управляющаго, что вашему имѣнью грозитъ большая бѣда. Быть можетъ, большая, чѣмъ вы въ эту минуту подозрѣваете. Вы много лѣтъ подъ рядъ старались выполнить неразрѣшимую задачу—всѣми силами спасти отъ погибили задолженное имѣнье; я самъ угадывалъ и видѣлъ, какъ рыцарски вы боролись съ обстоятель-

ствами, которыхъ, въ сущности, съ самаго начала нельзя было ни предвидѣть, ни предотвратить. Способъ, какимъ всѣ вы, особенно же—здѣсь голосъ его сдѣлался неувѣреннымъ и жесткимъ—фрейлейнъ Габріэль вели эту борьбу, внушаетъ мнѣ глубокое уваженіе. Но довольно объ этомъ. Въ ближайшемъ будущемъ, банкъ, въ которомъ заложенъ вашъ лѣсъ, будетъ продавать его съ молотка. Такъ какъ Ирмельдингенъ лѣсная дача, то вамъ остаются одни поля, непосредственно принадлежащія къ замку, и банкъ, разсчитывая на ваше критическое положеніе, надѣется и ихъ тоже пріобрѣсти за безцѣнокъ. Фирма дѣйствуетъ согласно дѣловымъ принципамъ, хотя и примѣняемымъ въ общежитіи, но, по своей низости, вполнѣ отвѣчающимъ печальнымъ теоріямъ нашего времени. Конечно, справедливость и христіанскій духъ давно уже сданъ въ архивъ рыцарями биржи. Благодаря Бога, я, въ качествѣ вашего ближайшаго сосѣда, могъ воспользоваться случаемъ и сказать свое слово. Я не могу допустить, чтоба усадьба, которая уже нѣсколько столѣтій принадлежитъ вашей семьѣ, попала въ грязныя руки биржевыхъ зайцевъ, не желать этого даетъ мнѣ право прадѣдовскій обычай, къ сожалѣнію, рѣдко соблюдаемый, по которому хорошіе дворяне должны стоять другъ за друга, когда необходимо поддержать древнее имя. Кромѣ того, я не хочу, чтобы въ лѣсу, который граничитъ съ Толленштейномъ, охотились финансовые бароны. По этой причинѣ я—онъ вынулъ изъ кармана документъ, снабженный множествомъ штемпелей—перевелъ на себя долгъ, лежащій на Ирмельдингенѣ; вотъ бумага, подтверждающая это. Теперь еще только одно: Богъ свидѣтель, что я надѣялся найти въ вашемъ домѣ счастье, такое богатое, какимъ еще не обладало мужское сердце. Я опоздалъ и видѣлъ только, какъ это счастье пронеслось мимо меня. Я не скрою, что уѣзжаю отсюда съ разбитой душою, и сомнѣваюсь, что когда нибудь буду въ состояніи превозмочь свое чувство—забыть. Тѣмъ не менѣе, я ухожу отсюда богаче, нежели пришелъ сюда, потому что я уношу съ собою облагороженную, великую и послѣднюю любовь. Воспоминаніе о Габріэли дастъ моей жизни освященіе, моему труду—высокія цѣли, и такъ какъ я хочу быть благодарнымъ всѣмъ вамъ, поймите—благодарнымъ безъ какихъ либо постороннихъ цѣлей, безъ оговорки,—то я дѣлаю это—онъ быстро разорвалъ документъ на четыре части—и могу теперь поздравить васъ, сударыня, съ новымъ, свободнымъ отъ долговъ, Ирмельдингеномъ.

Рыдающій звукъ былъ отвѣтомъ на слова барона: госпожа фонъ Ирмельдингенъ смотрѣла на Роттберга, словно она увидѣла лучезарный обликъ Спасителя. Изъ ея широко раскрытыхъ глазъ текли слезы; съ дрожащими губами, которыя не

могли выговорить ни слова, она выбѣжала изъ дверей, остановивъ Роттберга повелительнымъ, почти властнымъ жестомъ. Онъ опять сѣлъ, подперевъ голову рукой, какъ человѣкъ, сдѣлавшій послѣдній шагъ и покончившій съ земными разсчетами. Минуты шли. На дворѣ шумѣли въ весеннемъ вѣтрѣ деревья, а иволга усердно, неумолкая пѣла свою сладкую пѣснь. Дверь отворилась и Габріэль вошла въ комнату. Она была блѣдна, но въ ея большихъ темныхъ глазахъ свѣтился какой-то особенный блескъ. Она подошла къ Роттбергу, у котораго кровь стремительно прилила къ сердцу.

— Правда ли, — проговорила она съ дрожащими губами,—что вы возвратили намъ... что вы возвратили моимъ родителямъ Ирмельдингенъ? Правда ли, что вы сдѣлали это безъ всякихъ условій, безъ всякой оговорки?

— Да,—сказалъ онъ глухо,—безъ всякихъ условій.

Она протянула ему свою дрожащую руку.—Въ такомъ случаѣ я согласна быть вашей женой, — проговорила она съ усиліемъ, прерывающимся голосомъ.

Онъ вскрикнулъ и въ этомъ крикѣ вылилось все—отчаяніе, ожиданіе и восторгъ—все, что потрясло его сердце.

— Габріэль, — воскликнулъ онъ страстно,—будешь ли ты въ состояніи любить меня?

— Я буду благодарной и вѣрной женою,—сказала она тихо; губы ея начали дрожать точно отъ подступающаго, безконечно жестокаго, неимовѣрнаго страданія.

Онъ обнялъ рукою ея станъ и приникъ губами къ ея душистымъ волосамъ. На дворѣ апрѣльскій вѣтеръ трепалъ деревья; теплый проливной дождь лилъ надъ шумящимъ паркомъ и тисовыми кустами.

Черезъ нѣсколько дней Роттбергъ отправился за-границу помолодѣвшимъ, возрожденнымъ человѣкомъ, съ жаждой дѣятельности и счастья глядѣвшимъ въ будущее. Одинъ только разъ передъ его отъѣздомъ на его счастіе легла легкая тѣнь, но она исчезла, едва набѣжавши, и зазвучавшая было тихая нота раскаянія была заглушена громкими ударами сердца, увѣреннаго въ будущемъ. Роттбергъ послѣдовалъ за Габріэлью въ садъ, гдѣ онъ надѣялся найти ее на излюбленномъ ею мѣстѣ. Это была маленькая бесѣдка, которая лѣтомъ утопала въ зелени и давала прохладу, но теперь ея крестообразныя, бѣлыя рѣшетчатыя стѣнки виднѣлись на далекомъ разстояніи, сквозь покрытыя почками кусты, едва пробудившіеся отъ зимняго сна. Бесѣдка была пуста, но на грубо сколоченной садовой скамейкѣ лежала забытая узкая коробка съ преждевременно распустившимися блѣдными розами, изъ тѣхъ, что Ривьера посылаетъ на сѣверъ. Рядомъ лежалъ небольшой молитвенникъ. Не любопытство заставило Роттберга перелистывать его страницы, а благоче-

стивое желаніе прикоснуться къ предмету, который столько лѣтъ принадлежалъ молодой дѣвушкѣ, и къ которому, безъ сомнѣнія, перешелъ ароматъ и очарованіе ея личности. Истрепанныя страницы скрывали бумажку, которую рука Габріэли исписала бѣглыми строками. Нѣкоторыя подробности, заключавшіяся въ строчкахъ, намекали какъ будто на то, что стихи вылились подъ вліяніемъ ея собственнаго сердечнаго настроенія:

Нѣтъ, мнѣ не розъ благоуханье,
Что счастье избраннымъ сулитъ,
Цвѣтокъ мой осени дыханье
Къ землѣ холодной преклонитъ.

Пусть скажетъ онъ, какъ одиноко
Душа моя рвалась туда,
Гдѣ счастье было такъ глубоко,
И вдругъ исчезло навсегда.

Въ глазахъ Роттберга потухъ блескъ гордаго счастья, который сверкалъ въ нихъ со дня его успѣшнаго сватовства; но вернулось сознаніе побѣды и онъ снова высоко поднялъ голову.

— Немножко романтично настроена—подумалъ онъ съ тихой улыбкой;—бѣдное дитя, она страдала больше, чѣмъ я думалъ. Ну, она скоро убѣдится, что я не могъ избавить ея мягкаго, чувствительнаго сердца отъ этого небольшого горя и краткаго страданія; но, слава Богу, я въ достаточной степени знаю женщинъ, чтобы на этотъ счетъ не безпокоиться. Когда я буду посланникомъ въ Римѣ или Гаагѣ, она будетъ благодарить меня, что я выдержалъ испытаніе и съумѣлъ уберечь ее отъ скитаній и приключеній лейтенантской любви.

Два мѣсяца спустя въ Ирмельдингенѣ была отпразднована свадьба. Старый домъ въ короткое время испыталъ на себѣ весьма выгодныя перемѣны: великолѣпная мебель и тяжелые ковры наполнили большія, прежде столь неуютныя, комнаты. Опытная прислуга распоряжалась въ нихъ, а въ недавно еще пустыхъ конюшняхъ стояли статныя лошади. На свадьбу были приглашены только ближайшіе родственники обоихъ семействъ; нѣсколько высокопоставленныхъ лицъ изъ дипломатическихъ круговъ и одинъ генералъ-адъютантъ, въ качествѣ представителя главы государства, дополняли не очень многочисленное собраніе. Роттбергъ постарался соблюсти извѣстную мѣру въ пышности, проявить которую, повидимому, была не прочь госпожа фонъ Ирмельдингенъ; онъ постарался избѣжать слишкомъ большого блеска. Одно только особое распоряженіе жениха придало торжеству вполнѣ своеобразный отпечатокъ и было отмѣчено гостями,—то была неисчерпаемая масса великолѣпныхъ, рѣдчайшихъ розъ. Онѣ вились вокругъ алтаря сель-

ской церкви, вокругъ воротъ замка, тянулись гирляндами вдоль коррvидоровъ, горѣли на всѣхъ шкапахъ, во всѣхъ углахъ, благоухали изъ всѣхъ вазъ, окаймляли столъ пестрой, мягкой рамкой, погибали на паркетѣ и смѣялись даже изъ угловъ дорожнаго экипажа, который въ лѣтній вечеръ уносилъ Роттберга и его жену въ дальніе края. Онъ никому не открылъ, въ какомъ уголкѣ земли онъ намѣренъ скрыть свое, съ такимъ трудомъ завоеванное, счастье. Госпожа фонъ Ирмельдингенъ сильно изумилась, когда, наконецъ, пришли о нихъ вѣсти не съ освященныхъ преданьемъ береговъ швейцарскихъ озеръ, а совершенно неожиданно изъ самыхъ нѣдръ сѣвернаго островного государства.

Роттбергъ повезъ Габріэль къ Балтійскому морю; они проходили по тихимъ, древнимъ городамъ, гдѣ послѣдніе остатки жизни сосредоточились на приморской сторонѣ, гдѣ амбары и склады, построенные на сваяхъ, стояли въ грязной илистой водѣ шхеръ, гдѣ на тихихъ рыночныхъ площадяхъ заспанныя ратуши, казалось, грезили о могуществѣ цеховъ, о временахъ былого величія Ганзы. Они прогуливались по пустымъ улицамъ, между рядами домовъ, изъ оконъ которыхъ иногда поглядывали на нихъ удивленныя женщины; женщины эти были стройныя, высокія, и въ бѣлокурыхъ, густыхъ волосахъ носили массивные гребни изъ желтаго янтаря. Они останавливались передъ старинными домами, которые съ своими красиво причудливыми фронтонами стояли точно вымершіе, биткомъ набитые до самыхъ чердаковъ драгоцѣнною утварью изъ временъ патриціевъ. Не охотно покинули они эти молчаливые города, погруженные въ воспоминанія о древней эпохѣ владычества, города, гдѣ по улицамъ движутся задумчивые, неразговорчивые люди, а съ колоколенъ надъ мѣдными крышами смутно и разбито проносится отрывистый звонъ часовой игры. Подъ конецъ они поѣхали въ сѣверныя страны, черезъ тихія моря, бѣлѣющія въ блѣдномъ, прозрачномъ блескѣ палящаго лѣтняго солнца, въ другіе, чужіе города, построенные изъ дерева. Они видѣли мрачные, лѣсистые берега и могучіе фіорды, глубоко врѣзывающіеся въ грозно-прекрасную, дѣвственную страну; у яснаго, мореподобнаго зеркала этихъ фіордовъ торжественно свѣтились бѣлыя вершины невѣдомыхъ снѣжныхъ горъ. Они вернулись въ датскій архипелагъ, синимъ, сонливымъ плескомъ волнъ охватывающій зеленые берега Зеландіи, туда, гдѣ мелкіе островки лагуноподобно выростаютъ изъ моря, гдѣ внезапно изъ воды подымается дивное марево— деревня съ коричневыми крышами, посылающая жидкій, уносимый вѣтромъ звонъ своихъ колоколовъ черезъ сверкающую въ солнцѣ водяную пустыню. Съ датскаго залива Роттбергъ надѣялся вернуться домой, прежде чѣмъ позднее лѣто истра-

тить свои послѣднія яркія, горячія краски. Онъ хотѣлъ, съ наступленіемъ свѣжей, солнечной осени, привезти Габріэль въ Толленштейнъ. Длинное путешествіе оказало прекрасное дѣйствіе на молодую женщину, ея щеки покрылись свѣжимъ здоровымъ румянцемъ, она была оживлена, весела, прекраснѣе чѣмъ когда либо прежде. Еще въ послѣдній разъ сидѣли уѣзжающіе на сверкающемъ, запѣненномъ берегу; Габріэль смотрѣла блестящими глазами на катящіяся бѣлыя волны. Грудь ея радостно вздымалась. Она жадно пила морской воздухъ и солнечный свѣтъ, ея бѣлокурые волосы распустились и развѣвались въ сильномъ вѣтрѣ, подобно сіянью, вокругъ тонкаго, жизнерадостнаго лица.

— Какъ она хороша и—вся твоя,—думалъ про себя Роттбергъ.—*Вся* ли твоя? Эта мысль внезапно мелькнула въ его головѣ; ему показалось, будто рѣзкій, сверкнувшій какъ молнія, кликъ изъ далека донесъ до него эти слова. Онъ обернулся: одна только прибрежная трава шелестѣла своими стебельками отъ набѣгавшаго съ моря вѣтра, да высоко надъ сверкающими, расплывающимися волнами раскачивалась въ воздухѣ ослѣпительно бѣлая чайка. Счастливецъ вдругъ вперилъ свой взоръ вдаль, а потомъ медленно склонился къ Габріэли; его губы нѣсколько разъ порывались прошептать какія то слова, но слова замирали, какъ будто останавливались передъ отважнымъ рѣшеніемъ. Но вдругъ, впиваясь въ нее жаднымъ и горящимъ взглядомъ, онъ проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

Нѣтъ, мнѣ не розъ благоуханье,
Что счастье избраннымъ сулитъ—

Ея взоръ вдругъ потемнѣлъ; казалось, будто налетѣвшая тѣнь облака согнала съ ея лица всю радость и все солнце. Ея губы исказились, и она плотнѣе закуталась въ тонкую шаль, точно среди жары ее охватилъ ознобъ, холодный какъ смерть. Съ ея рѣсницъ медленно скатилась слеза; она бросила еще послѣдній взглядъ на потемнѣвшее море и затѣмъ встала, чтобы идти домой. Безпредѣльное напряженіе, лежавшее на чертахъ Роттберга, смѣнилось выраженіемъ внезапно вскипѣвшей муки. Самообманъ былъ великъ. Онъ цѣлыми мѣсяцами надѣялся, вѣрилъ, что Габріэль превозмогла свое прежнее чувство; теперь, въ послѣдній день, ему пришлось убѣдиться, что побѣда была еще далеко за горами. Его счастье не было полно, не было такое, какого онъ жаждалъ, потому что ему хотѣлось, чтобы Габріэль принадлежала ему всѣмъ ея существомъ, всѣми чувствами и помыслами, а между тѣмъ она все еще не принадлежала ему сердцемъ. Онъ стиснулъ зубы. «Мое нетерпѣніе поставило ей слишкомъ краткій срокъ», подумалъ онъ

про себя, «тѣмъ не менѣе я хочу овладѣть ею, хочу, чтобы она была моею, прежде чѣмъ вернусь домой, въ Толленштейнъ. Надо продолжить наше свадебное путешествіе, надо посмотрѣть, чего достигнетъ югъ съ его роскошью цвѣтовъ, своими чарующими красками». Онъ предложилъ поѣздку къ озеру Гарда. По прошествіи осени, онъ вернулся съ Габріэлью въ столицу, не отваживаясь повторить свой вопросъ. «Блескъ и роскошь окажутъ свое дѣйствіе», разсчитывалъ онъ, «и окруженная придворною атмосферою, избалованная поклоненіемъ, Габріэль пойметъ все значеніе своего общественнаго положенія и съ каждымъ днемъ будетъ все болѣе цѣнить блестящую судьбу, которую доставила ей моя любовь».

Если Роттбергъ разсчитывалъ на благодарность Габріэли, то онъ не обманулся. Замѣтивъ, какъ радовало супруга каждое ея торжество, какъ пріятно ему было видѣть ее предметомъ вниманія и поклоненія, молодая женщина рѣшила дѣлать все, что только было въ ея силахъ, чтобы удовлетворить, по крайней мѣрѣ, тщеславіе Роттберга, желавшаго, чтобы носительница его имени принадлежала къ числу первыхъ женщинъ высшаго общества. Нельзя сказать, чтобы исполненіе ея новыхъ свѣтскихъ обязанностей дѣлало ее счастливой, оно даже не удовлетворяло ея—у Габріэли была слишкомъ богатая, здоровая натура, чтобы въ мелкой суетѣ «общества», особенно въ искусственной атмосферѣ, которой дышали при дворѣ, чувствовать себя на своемъ мѣстѣ. Она была чуткая, правдивая натура; потому ей претили ежедневныя проявленія себялюбія и зависти, всѣ эти безконечно мелкіе уколы вражды, ложь, интриги, которыя преподносились съ улыбающимся лицомъ и медоточивыми рѣчами. Чувство человѣческаго достоинства страдало въ ней отъ всѣхъ этихъ присѣданій, поклоновъ, лепета, маневрированья и закатыванья глазъ людей, окружавшихъ высочайшихъ особъ. Случалось, что ея прекрасное, благородное лицо краснѣло за другихъ, когда, на ея глазахъ, раболѣпіе доводилось до крайнихъ предѣловъ, до полнаго отреченія отъ собственныхъ убѣжденій. Артисты и ученые, общество которыхъ всего болѣе привлекало Габріэль, рѣдко удостоивались приглашеній; дворъ былъ нѣмецкій, а потому высочайшимъ покровительствомъ пользовались тамъ исключительно только мундиры. Весело, съ безупречнымъ соблюденіемъ формъ переносила Габріэль, ради супруга, позолоченную, но весьма изрядную скуку; еслибы Роттбергъ настолько хорошо зналъ свою супругу, чтобы предоставить ей выборъ между столицей и зимнимъ тихимъ пребываніемъ въ деревнѣ, она съ восторгомъ и немедленно избрала бы занесенныя снѣгомъ ели Ирмельдингенскаго парка.

Что касается самого Роттберга, то однообразная и при-

томъ утомительная жизнь въ свѣтѣ нисколько не доставляла ему удовольствія, но у него была потребность видѣть блестящій успѣхъ жены, и потому онъ долженъ былъ присоединяться къ толпѣ почитателей, которыхъ она привыкла тащить за своимъ ослѣпительнымъ бархатнымъ шлейфомъ по всѣмъ бальнымъ заламъ столицы. Кромѣ того, онъ втайнѣ съ напряженнымъ выжиданіемъ и мрачнымъ упорствомъ преслѣдовалъ свою цѣль, путемъ постоянныхъ удовольствій и развлеченій вырвать изъ души Габріэли ту ея часть, которая, быть можетъ, все еще не была его неограниченной собственностью. Ради этого онъ съ веселой миной старался удовлетворять самымъ широкимъ требованіямъ, какія только предъявлялись къ его блестящему, всегда гостепріимному дому. Онъ заботился о томъ, чтобы Габріэль выдержала методическій лѣчебный курсъ забвенія. Сперва онъ хотѣлъ дать ей испить до дна чашу «сезона»; послѣ, когда ей надоѣдятъ все однѣ и тѣ же побѣды, онъ предполагалъ везти ее въ другую страну, въ новое общество, гдѣ должно было продолжаться лѣченіе. Онъ принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы до поры до времени обстоятельства препятствовали назначенію его на высокій заграничный постъ, который, понятно, обязалъ бы его покинуть столицу. Онъ этимъ повредилъ интересамъ нѣкоторыхъ своихъ сослуживцевъ, создалъ себѣ не мало враговъ и даже возбудилъ недоумѣніе въ высочайшихъ сферахъ. До этого ему не было никакого дѣла, разъ что рѣчь шла о планахъ и завѣтныхъ желаніяхъ, касающихся его интимнѣйшихъ отношеній къ Габріэли. Часто онъ говорилъ себѣ съ тонкой ироніей, что изъ числа его сослуживцевъ, какіе бы тонкіе дипломаты они ни были, едвали найдется одинъ настолько мудрый, чтобы вообще понять, что для него, Роттберга, которому, какъ мужу знаменитой красавицы, всѣ завидуютъ, — вся совокупность придворной жизни, титуловъ, карьеры, общественнаго значенія, словомъ все то, что для другихъ было сущностью и главной цѣлью бытія, что все это было для него не болѣе какъ только средствомъ для достиженія свой цѣли—пріобрѣсти сокровище, которымъ обладаетъ послѣдній бѣдный ремесленникъ: пріобрѣсть всецѣло сердце своей жены.

При такихъ обстоятельствахъ приближался конецъ зимы. На одномъ изъ послѣднихъ большихъ придворныхъ торжествъ, служебный разговоръ какъ-то задержалъ Роттберга въ игорныхъ комнатахъ. Возвращаясь въ большую залу, онъ вдругъ испугался, словно на бѣлой стѣнѣ замѣтилъ огненное видѣніе. Передъ Габріэлью стоялъ въ почтительной позѣ, съ серьезнымъ, счастливымъ лицомъ, Норбертъ. По странной случайности, Роттбергу никогда не приходила мысль о возможности новой встрѣчи съ кузеномъ жены. Онъ представлялъ себѣ мо-

лодого офицера прочно и неотлучно сидящимъ въ крѣпостномъ полку, на границѣ государства. Онъ подавилъ бурю мыслей и предположеній, возбужденную этимъ внезапнымъ появленіемъ, потому что легко могъ подробно узнать, чѣмъ объясняется присутсвіе Норберта. Комендантъ столицы, старый жовіальный генералъ, былъ на лицо,—вонъ онъ усердно болтаетъ съ нѣсколькими дамами. Энергичный смѣхъ потрясалъ густые эполеты на его плечахъ.

— Я очень радъ,—отвѣтилъ генералъ на вопросъ Роттберга, —что я самъ, такъ сказать, былъ причиной перемѣщенія господина фонъ Ирмельдингенъ. Мнѣ было высочайше предложено указать молодого, особенно дѣльнаго офицера изъ древней фамиліи. По тщательнѣйшемъ соображеніи, я могъ остановиться только на господинѣ фонъ Ирмельдингенъ. Вчера его прикомандировали, на одинъ мѣсяцъ, состоять при особѣ наслѣднаго принца; по окончаніи этого срока онъ, безъ сомнѣнья, будетъ назначенъ адъютантомъ его высочества. Способности Ирмельдингена вполнѣ заслуживаютъ такого необычайнаго назначенія; сверхъ того, меня радуетъ, что я имѣлъ возможность дать рекомендацію вашему родственнику. Вѣдь онъ, какъ мнѣ извѣстно, однофамилецъ вашей уважаемой супруги. Надо будетъ пойти и заявить ей о моей маленькой заслугѣ; отъ прекрасныхъ дамъ всегда пріятно получать благодарность.

Съ этими словами живой старичекъ поспѣшилъ къ Габріэли. Онъ подсѣлъ къ ней и началъ оживленно болтать. Тѣмъ временемъ Роттбергъ, скрывая свое волненіе, обратился къ молодому офицеру съ нѣсколькими словами, на которыя тотъ, съ серьезнымъ лицомъ, отвѣтилъ поклономъ. Во весь остальной вечеръ, въ то время какъ съ барономъ ежеминутно заговаривали, а онъ съ мрачными глазами, но съ любезнымъ видомъ раскланивался, его занимала одна мысль: какое вліяніе на его планы и на душевное состояніе Габріэли можетъ имѣть неожиданное прибытіе Норберта? Внутренній, непреложный голосъ говорилъ ему, что борьба за его счастіе, та истомляющая борьба, которую онъ ведетъ около года съ крайнимъ упорствомъ, съ подавленной страстностью, вступаетъ въ новую фазу. Его предчувствіе говорило ему, что долженъ будетъ произойти конфликтъ, что скоро и неизбѣжно должно случиться нѣчто такое, что сразу рѣшитъ все дѣло. Еще болѣе напрягая свое предчувствіе, желая проникнуть въ тайну ближайшаго будущаго, какъ это дѣлаютъ иногда наканунѣ поединка онъ, наталкивался на что-то тревожное, темное, неопредѣленное, что невольно говорило о возможности ранней смерти. Но такая мысль заставляла его только пожимать плечами. «Ты совсѣмъ изнервничался,— говорилъ онъ себѣ, и это неудивительно послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ душевнаго возбуж-

денія. Но этому возбужденію долженъ придти конецъ и я привѣтствую каждую минуту, которая можетъ ускорить мое избавленіе отъ всѣхъ этихъ сомнѣній. Я теперь радъ пріѣзду Норберта, онъ самъ поможетъ мнѣ заглянуть въ сердце Габріэли и въ послѣдній разъ подвергнуть испытанію счастье всей моей жизни».

Въ этотъ моментъ его привѣтствовало нѣсколько дамъ, которымъ нравилась роль страстныхъ поклонницъ искусства, особенно пока это искусство могло давать поводъ къ новымъ развлеченіямъ и общественнымъ затѣямъ. Дамы находили, что слѣдовало бы оживить сезонъ, блескъ котораго начинаетъ нѣсколько меркнуть, устройствомъ, въ концѣ праздниковъ, костюмированнаго вечера съ живыми картинами. Роттбергъ быстро согласился съ этой идеей и предложилъ свою собственную квартиру, которая по размѣрамъ и расположенію комнатъ была особенно удобна для указанной цѣли. Предложеніе его было принято съ восторгомъ, и возбужденныя дамы, счастливыя, что имъ удалось придумать кое-что новое, и что явился поводъ заказать новые туалеты, разбѣжались во всѣ стороны; ихъ красивыя головки занялись важными вопросами о предстоящихъ выборахъ комитета и репетиціяхъ въ костюмахъ съ музыкой или безъ оной. Роттбергъ посмотрѣлъ имъ вслѣдъ презрительнымъ и всетаки довольнымъ взглядомъ. Для него было важно, чтобы Габріэль по возможности чаще встрѣчалась съ Норбертомъ; если это могло происходить въ его собственномъ домѣ, то въ стратегическомъ отношеніи это было однимъ преимуществомъ больше. Когда вечеръ кончился и онъ безъ помощи лакеевъ собственноручно закутывалъ Габріэль въ ея тяжелые мѣха, на лицѣ его лежало полнѣйшее спокойствіе счастливаго супруга, довольнаго бальными успѣхами жены. Когда карета быстро неслась по занесеннымъ снѣгомъ, темнымъ улицамъ, онъ взялъ горячую руку Габріэли и, лаская ее, весело болталъ о впечатлѣніяхъ вечера и о приготовленіяхъ къ предстоящему празднику.

— Я очень доволенъ, что пріѣхалъ Норбертъ,—прибавилъ онъ спокойнымъ тономъ,—и отъ души радъ за него, что его перевели въ столицу. Онъ нашъ родственникъ и долженъ привыкнуть смотрѣть на нашъ домъ, какъ на свой собственный.

Карета мчалась дальше и только иногда косой свѣтъ газоваго фонаря быстро падалъ черезъ замерзшія окна. Роттбергъ не могъ видѣть лица Габріэли, но онъ чувствовалъ, какъ при его словахъ вздрогнулъ ея стройный станъ и затрепетали кончики ея тонкихъ пальцевъ, которые онъ крѣпко сжималъ своей рукою.

Былъ ли то болѣзненный трепетъ, или порывъ грѣховной, торжествующей радости? Кто могъ это разгадать?

Да, онъ жаждалъ разгадки. Онъ чувствовалъ, что въ ней заключается для него или жизнь, или смерть. Прошло много дней и Норбертъ ограничился лишь короткимъ визитомъ, котораго требовала холодная вѣжливость. Затѣмъ состоялась первая проба костюмированнаго вечера, на которой онъ снова появился. Театральный режиссеръ распредѣлялъ роли между участвующими, а профессоръ академіи началъ ставить первые нумера картинъ. Норбертъ и Габріэль не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Она казалась блѣдной и, повидимому, ей стоило большихъ усилій выполнять обязанности хозяйки дома, а молодой офицеръ, стоя въ глубинѣ залы, слушалъ объясненія профессора. Репетиція прошла натянуто и скучно, но участвовавшіе ожидали большаго отъ второй репетиціи, съ участіемъ оркестра. Она, дѣйствительно, имѣла большой успѣхъ; отъ третьяго вечера ожидали еще большаго. Хотя обострившаяся подозрительность Роттберга не замѣтила ни одного признака соглашенія между молодымъ офицеромъ и Габріэлью, онъ, тѣмъ не менѣе, ясно чувствовалъ по своему собственному безпокойству, что, не смотря на ихъ крайнюю сдержанность и кажущееся равнодушіе, между ними продолжали развиваться тайныя отношенія. Незамѣтныя, имъ однимъ уловляемыя движенія, слабые признаки, которые остались бы скрыты даже отъ зоркаго свѣта, подтверждали это несомнѣнно, приводили въ изумленіе его острое чутье. Неопредѣленное чувство привело его въ день репетиціи въ комнату Габріэли. Ея не было тамъ. На ея письменномъ столѣ лежалъ конвертъ, носившій простой гербъ Ирмельдингеновъ и порывисто разрѣзанный неувѣреннымъ движеньемъ перочиннаго ножика. Глаза Роттберга загорѣлись, когда онъ вытащилъ письмо изъ конверта. Передъ его глазами смутно запрыгали немногія слова:

«Милостивая кузина! Вашъ любезный призывъ дѣлаетъ меня безконечно счастливымъ. Въ назначенное время готовъ повиноваться. Вашъ благодарный

Норбертъ».

Онъ тихо, съ дрожащими губами, вышелъ изъ комнаты. «Она еще неопытна и открыто разбрасываетъ свои любовныя письма», сказалъ себѣ Роттбергъ. «Быть можетъ, скоро она сдѣлается искуснѣе, опытнѣе въ измѣнѣ», прибавилъ онъ, охваченный лихорадкой. «Значитъ, уже существуетъ переписка и пробѣлъ въ ней легко дополнить. Она обѣщала ему свиданіе, и такъ какъ ей недоступно другое мѣсто, то свиданіе будетъ происходить въ ея собственномъ домѣ. Мѣсто и время опредѣляются сами собой. Рядомъ со сценой находится зимній садъ. Здѣсь, конечно, можно будетъ легко заглушить первый восторженный крикъ тайной любви, съ удобствомъ схоронить честь довѣрчиваго супруга». Въ его глазахъ встало видѣніе

насилія и кровавой расправы. Онъ чувствовалъ, что развязка тяжело и неизбѣжно висѣла въ воздухѣ. Каковъ будетъ конецъ,—онъ не зналъ. Дуэль съ Норбертомъ? Безсмыслица, очевидная бессмыслица. Въ поединкѣ падаетъ тотъ, на чьей сторонѣ право. Ужъ лучше онъ предастъ оскорбителя своей чести проклятію, предоставитъ рукѣ высшаго правосудія. А Габріэль? Изъ его груди вырвался стонъ... Онъ слишкомъ любилъ ее... она должна остаться жить, должна продолжать блистать въ той роскоши, съ помощью которой онъ нѣкогда надѣялся завоевать ее, сдѣлать ее счастливою.

«Будемъ справедливы передъ концомъ», говорилъ онъ, межъ тѣмъ какъ кровь стучала у него въ вискахъ: «я непростительно тяжело искушалъ ее, я совершилъ насиліе надъ ея сердцемъ, насильно добился ея согласія, желѣзнымъ кулакомъ вырвалъ у нея купчую; теперь я, конечно, обмануть, но такъ должно было случиться. Не на одну ее падетъ вина, я ея соучастникъ, поэтому она должна жить, все, что принадлежитъ мнѣ, пусть перейдетъ къ ней. Я же не могу дышать безъ нея и не могу также передъ собственной совѣстью влачить презрѣнное, жалкое существованіе. Ужъ одна мысль объ этомъ заключаетъ въ себѣ адскую муку. Но какъ закончить эту жизнь? Долженъ ли послѣдній Толленштейнъ самъ съ собою покончить, какъ обанкрутившійся спекулянтъ?».

Въ комнатѣ стемнѣло. Со стороны улицы слышно было, какъ подъѣзжаютъ кареты, колеса которыхъ врѣзывались въ песокъ, насыпанный передъ подъѣздомъ. Въ нижнемъ этажѣ послышались звуки скрипокъ, настраиваемыхъ музыкантами. Хозяинъ дома вздрогнулъ, обмылъ водою свое искаженное лицо и пошелъ въ комнату, гдѣ одѣвалась его жена. Габріэль уже шла ему навстрѣчу, сверкая такою ослѣпительною красотою, что ему хотѣлось закричать отъ острой сердечной боли при мысли о потерѣ этого до безумія любимаго имъ существа. Онъ едва собрался съ силами, объяснилъ свой разстроенный видъ сильною головною болью и просилъ, чтобы Габріэль приняла гостей одна: онъ де получилъ увѣдомленіе изъ канцеляріи министерства и, быть можетъ, ему придется ѣхать на нѣсколько дней съ депешами къ сосѣднимъ дворамъ. Габріэль казалась удивленной и озабоченной и просила его беречь себя и отложить поѣздку. Онъ только слабо и какъ то странно усмѣхнулся. Они были одни въ комнатѣ, онъ раскрылъ свои объятія и, въ то время какъ его пронизывала лихорадка, онъ крѣпко, страстно прижалъ къ себѣ Габріэль, погрузивъ свои губы въ ея мягкіе волосы, какъ тогда, при первомъ поцѣлуѣ въ Ирмельдингенѣ. Когда она тихо высвободила голову изъ его объятій, онъ остановился и смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не исчезла въ широкихъ дверяхъ. Она обернулась и послала ему

взглядъ своихъ глубокихъ свѣтлыхъ глазъ, съ принужденной, нѣсколько задумчивой улыбкой на тонкомъ профилѣ.

Затѣмъ Роттбергъ осторожно пробрался въ сумракъ зимняго сада. Могучія породы пальмъ своими широкими, зубчатыми вѣтвями образовали зеленые своды, или выростали изъ за вѣерообразныхъ банановъ, стройныя, съ зубчатымъ гребнемъ изъ перьевъ. Вокругъ переплета стволовъ тянулись вьющіяся растенія, газовые рожки кое гдѣ бросали слабый свѣтъ на подобіе свѣтляковъ и теплое, сырое помѣщеніе дышало ванилью, подобно тропической ночи. Иногда изъ парадной залы доносилось forte оркестра, шумъ голосовъ или восторженные крики, а невидимый фонтанъ игралъ, вздымаясь и падая, сонливо струясь въ своемъ бассейнѣ.

Мечтательную тишину нарушили шаги двухъ приближающихся фигуръ, которыя шли, держа другъ друга за руку, совсѣмъ такъ, какъ однажды въ мокромъ, запущенномъ Ирмельдингенскомъ паркѣ. Габріэль присѣла на скамейку, Норбертъ почтительно остался стоять передъ нею.

— Вы сдѣлали меня счастливымъ, Габріэль,—были первыя слова, упавшія съ его дрожащихъ губъ.

— Наши минуты сочтены, дорогой другъ,—тихо сказала Габріэль глубокимъ голосомъ.—Вы достаточно знакомы съ жизнью, чтобы знать, на что я отважилась для того, чтобы видѣть васъ, говорить съ вами безъ свидѣтелей. Мою репутацію, мой домашній миръ я положила въ ваши руки. Я сдѣлала это не задумываясь, потому что знаю, что ваша непоколебимая честность будетъ мнѣ такою же вѣрною охраной, какъ сердце матери. Ради насъ обоихъ устроила я это свиданіе, не соображая, не заботясь о послѣдствіяхъ. Любить, Норбертъ, значитъ жертвовать...

— И никогда, Габріэль,—прервалъ ее молодой офицеръ съ выраженіемъ страстнаго увѣренія,—вы не будете раскаяваться въ этой жертвѣ. Ручательствомъ въ томъ послужитъ вамъ, вевеликодушной, вся моя жизнь, наполненная святого благоговѣнія въ вамъ.

— Вы ошибаетесь, мой другъ,—возразила она слабымъ голосомъ.—Вы обязаны принести большую, неизбѣжную жертву. Вы должны уѣхать, Норбертъ. Подъ какимъ нибудь предлогомъ вы должны уѣхать отсюда, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Точно громовой ударъ поразилъ молодого человѣка; онъ ничего не понималъ. Его губы дрожали, и онъ не былъ въ состояніи сказать что нибудь.—Я не понимаю васъ, Габріэль,— наконецъ сказалъ онъ, запинаясь.—Если вы хотѣли задать мнѣ страшную загадку, то я не могу понять ее, не могу найти къ ней ключа.

Ея голосъ дрогнулъ, но она твердо и ясно повторила слова, не оставлявшія ему никакой надежды.

— Я думала, плакала и боролась, Норбертъ. Я знаю ваше положеніе, вашу жизнь, ваши виды, никто не заглядывалъ глубже меня въ ваше сердце, и тѣмъ не менѣе я настаиваю на своемъ требованіи. Это будетъ стоить вамъ всѣхъ выгодъ вашего новаго положенія, это вынуждаетъ васъ проститься съ вашимъ блестящимъ будущимъ. Я все это знаю, и всетаки требую, чтобы вы покинули меня, чтобы вы немедленно уѣхали.

— Вы требуете невозможнаго,—умоляюще воскликнулъ онъ.—Поймите меня, я не дорожу блестящимъ положеніемъ, которое, конечно, имѣло бы громадное значеніе для всей моей послѣдующей жизни. Не въ немъ дѣло. Охотно отказался бы я отъ всякаго тщеславія, безропотно возвратился бы въ скромныя условія бѣднаго пѣхотнаго офицера, но я не могу разстаться съ вами, Габріэль. Вѣдь столица достаточно велика, я не буду бывать въ вашемъ домѣ, буду только изрѣдка встрѣчаться съ вами, только не запрещайте мнѣ иногда видѣть васъ издали. Не отнимайте у меня этой единственной радости. Она, вѣрьте мнѣ, послѣднее жизненное счастье отверженнаго.

Она на минуту приложила руку ко лбу, точно ее давила невыносимая душевная мука.

— Должна ли я вамъ сказать,—сказала она, наконецъ, устремляя на него свои лучистые глаза,—почему вамъ нельзя оставаться здѣсь. Потому что вы занимаете мѣсто въ моемъ сердцѣ, потому что ваша близость, ваше страданіе могли бы поколебать и болѣе сильную, чѣмъ я. Жить двойною жизнью между вами и Роттбергомъ—мнѣ не по силамъ, да и недостойно меня. Я жена Роттберга. Между нами стоитъ долгъ, этимъ все сказано. И мы оба останемся честными, хотя бы отъ этого и погибло наше сердце. Неправда ли, другъ мой?

Онъ поникъ головой, между тѣмъ какъ его глаза мучительно горѣли, а его мужественное, красивое лицо страшно поблѣднѣло.

— Я не могу забыть васъ, Габріэль,—простоналъ онъ.—Горе это слишкомъ велико.

— Кто же говоритъ о забвеніи, Норбертъ,—возразила она серьезно.—Я не хочу, чтобы вы забыли меня. Мы оба, разлученные, постараемся жить, не падая духомъ. Но мы будемъ помнить, что и намъ однажды сіяло чистое, незабвенное счастіе, которому не суждено было осуществиться. Его надо было принести въ жертву ради моихъ, но оно *было*—этого нашего достоянія не можетъ отнять у насъ никакая разлука, никакая земная сила. За это держись, Норбертъ, этимъ живи, если будешь чувствовать себя бѣднымъ и одинокимъ. Если мы

потомъ, черезъ много лѣтъ, опять увидимся, мы оба будемъ въ состояніи сказать себѣ, что мы не поникли головой, что мы остались храбры. А теперь, милый, милый другъ, оставь меня; Богъ да хранитъ и защититъ тебя.

Онъ бросился къ ея ногамъ.

— Габріэль, скажи мнѣ только одинъ разъ, что ты меня любила и еще любишь.

Она положила руку на его лобъ.

— Я любила тебя и моя любовь будетъ осѣнять чело твое, пока насъ не разлучитъ смерть.

Онъ низко склонилъ голову и втиснулъ ее въ складки ея платья.

— Благодарю тебя,—сказалъ онъ твердымъ голосомъ, быстро вскочивъ.—Да благословитъ тебя Господь за это слово и да дастъ онъ мнѣ силу явиться достойнымъ тебя.

Онъ еще разъ поклонился и быстро вышелъ изъ сада. Габріэль сложила руки, и губы ея шептали молитву. Она съ поникшей головою вышла изъ зеленыхъ сумерекъ пальмовой рощи, и ея высокая фигура исчезла въ бѣломъ морѣ свѣта, ворвавшагося изъ концертнаго зала въ молчаливый лѣсъ вѣтвей.

Изъ глубины оранжереи вышелъ Роттбергъ и съ наклоненной головою опустился на уединенную скамейку, закрывая руками измученное лицо.

«Кончено», простоналъ онъ глухимъ голосомъ,—«Габріэль, чистый ангелъ, который былъ для меня всѣмъ на этомъ свѣтѣ,—теперь я окончательно узналъ тебя и—окончательно потерялъ».

Онъ прижалъ лобъ къ спинкѣ садовой скамейки—онъ былъ уничтоженъ. Изъ залы доносилось страстное forte оркестра, и надъ неподвижно сидящимъ человѣкомъ пронеслись волны восторженно жизнерадостныхъ, смѣющихся и скорбно-рыдающихъ звуковъ вальса, въ мелодіи котораго слышалось трепетаніе счастья.

Въ Толленштейнъ! Эта мысль, которая пронизывала его голову, объятую лихорадкой, казалась ему избавленіемъ. Тамъ теперь стремятся въ долины горные ручьи, тамъ ели раскачиваютъ свои бушующія верхушки во влажной бурѣ, тамъ, на коричневомъ обрывѣ, цвѣтутъ вереска и круглолистникъ, и надъ обнаженными отъ снѣга верхушками проносится сердитое чуфыканье тетерева. Въ тихую, дикую, исцѣляющую природу тянуло его; южный вѣтеръ, размывшій послѣдній снѣгъ, быть можетъ, потушитъ и смягчитъ и глубокое человѣческое горе. Его уничтоженное сердце, быть можетъ, научится спокойнѣе и медленнѣе биться въ уединеніи, а его растерянная мысль придетъ къ какому нибудь ясному, обдуманному рѣшенію.

Онъ рѣшилъ немедленно ѣхать, воспользовавшись предлогомъ, о которомъ онъ упомянулъ въ разговорѣ съ Габріэлью. Ночной поѣздъ уносилъ его черезъ спящую равнину, навстрѣчу горамъ, и, какъ годъ тому назадъ, онъ на разсвѣтѣ вышелъ на станцію горной желѣзной дороги. На этотъ разъ карета ожидала его и безъ замедленія умчала въ Толленштейнъ. Но пребываніе въ немъ принесло одну муку. Цѣлыми часами бродилъ онъ по парку, надъ размытыми дорогами котораго вѣтеръ раскачивалъ голыя верхушки деревьевъ; въ наскоро натопленныя и приведенныя въ порядокъ комнаты замка онъ не рѣшался войти. Тамъ, по его приказанію, были сдѣланы огромныя перемѣны; вѣдь онъ предполагалъ въ годовщину своей помолвки, по окончаніи бальнаго сезона въ столицѣ, пріѣхать съ Габріэлью въ Толленштейнъ, ввести ее въ свое гордое родовое помѣстье, котораго она сдѣлалась владѣтельницей. Ея пріѣзда ожидала цѣлая амфилада покоевъ, обставленныхъ съ изысканной роскошью; жилыя комнаты, спальню, онъ избралъ предметомъ своей особенной заботливости, сосредоточилъ тамъ все, что могутъ создать богатство въ соединеніи съ изобрѣтательностью чуткой любви. Онъ провелъ ночь въ креслѣ около постели съ балдахиномъ, утопающей въ шелку и кружевахъ,—въ то время, какъ на дворѣ бушевала мартовская буря, потрясая столѣтніе вязы парка. На разсвѣтѣ онъ, терзаемый безсонницей, вышелъ пройтись; вѣтеръ все еще бушевалъ. Онъ жаждалъ утомленія, хотѣлъ попытаться посредствомъ физической усталости добыть себѣ глубокій сонъ, краткое забвеніе. Дорога вела мимо сторожки лѣсничаго. Домъ еще спалъ, укутанный влагой и сумерками; когда баронъ постучался въ дверь, собаки съ бѣшеннымъ лаемъ понеслись по корридору. Осторожно раздвинулась ставня; потомъ зазвенѣла замочная цѣпь, и лѣсничій, наскоро накинувшій на себя кое-какое платье, испуганно и недоумѣвающе встрѣтилъ ранняго гостя.

— Вы нездоровы, господинъ баронъ?—было первое привѣтствіе лѣсничаго при видѣ блѣднаго, постарѣвшаго лица Роттберга.

Послѣдній успокоилъ его своимъ хладнокровнымъ тономъ. Слишкомъ раннее вставаніе, замѣтилъ онъ, не всегда хорошо дѣйствуетъ; кромѣ того, зима, проведенная въ столицѣ, отнюдь не молодитъ человѣка.

— Но какъ у васъ тутъ дѣла?—перебилъ онъ себя.—Все ли въ порядкѣ въ вашемъ округѣ, не случилось ли чего нибудь особеннаго?

— Особеннаго ничего,—возразилъ лѣсничій,—развѣ что господинъ баронъ ничего не слышали о несчастіи, которое случилось съ Андерлемъ.

Роттбергъ на минуту забылъ о своемъ собственномъ горѣ и быстро поднялъ голову.

— Что съ нимъ?—спросилъ онъ въ изумленіи.—Какъ жилось ему послѣ того, какъ онъ женился?

— Скверно, къ сожалѣнію, сударь, такъ скверно, что не приведи Господи,—отвѣчалъ лѣсничій нерѣшительно.—Первыя недѣли шелъ у нихъ это кутежъ и Модей всѣмъ и каждому разсказывала, какъ она рада, что съ Андерлемъ у нея таки вышло такъ, какъ она хотѣла. А Андерль тѣмъ временемъ продолжалъ жить такъ, какъ будто ни жена, ни домъ до него не касается. Это злило Модей; кромѣ того, она, кажется, съизмала была падка до мужского полу. Словомъ, чуть только Андерль изъ воротъ, на службу, такъ любовники ужъ заднимъ ходомъ тутъ какъ тутъ. Такъ, впрочемъ, длилось не долго, скоро начались драки между Андерлемъ и Модей; поднялся такой содомъ, что старый висталъскій крестьянинъ въ одну прекрасную ночь бѣжалъ вонъ изъ дому. Съ хозяйствомъ дѣло пошло назадъ, съ Андерлемъ тоже. Службу онъ уже давно бросилъ; онъ еще разъ зашелъ ко мнѣ, въ бархатной курткѣ, съ золотыми пуговицами, но оборванный, полупьяный. Онъ и плакалъ и буянилъ. Говорилъ, будто я продалъ его и сдѣлалъ несчастнымъ, будто онъ сдѣлался дурнымъ человѣкомъ и вся вина въ томъ падаетъ на мою голову и на голову господина барона. «Лѣсничій», говоритъ, «тебѣ я прощаю, но если моя бѣдная душа будетъ горѣть въ чистилищѣ, то ты въ этомъ тоже виноватъ, не забудь этого». И я не забылъ, господинъ баронъ. Меня бросало и въ жаръ, и въ холодъ, и еслибъ я могъ знать годъ тому назадъ, что дѣло приметъ такой оборотъ, я бы сказалъ: «ваше сіятельство, вы нашъ господинъ, но принуждать Андерля, этого я не могу ни за какія блага». Ну, я радъ былъ, когда, наконецъ, спровадилъ парня. Съ этого времени дѣло пошло еще хуже. День за днемъ онъ игралъ въ карты и пьянствовалъ; домой онъ уже вовсе не возвращался. А вотъ уже нѣсколько недѣль какъ онъ и совсѣмъ исчезъ, никто его не видалъ. Нѣкоторые говорятъ, что онъ ушелъ въ имперію, помогаетъ подкрашивать табакъ, или охотится въ чужихъ лѣсахъ; другіе полагаютъ, и это вѣроятнѣе всего, что онъ наложилъ на себя руки. Такъ думаетъ и Модей. На кровлѣ висталъскаго двора ипотеки лежатъ такимъ толстымъ слоемъ какъ кирпичъ, а въ домѣ сидитъ чужой мужчина, скрипачъ изъ французовъ, у котораго, должно быть, скоро послѣдніе гульдены вылетятъ въ трубу. Да, милостивый господинъ, нехорошая вышла исторія и мнѣ жаль, что я не могу разсказать вашей милости что нибудь болѣе веселое. Вообще же въ округѣ все обстоитъ благополучно.

На лицѣ Роттберга, пока онъ слушалъ лѣсничаго, все явственнѣе выступало выраженіе острой душевной муки.

— Итакъ еще одна вина, еще одно горе, помимо твоей

собственной невыносимой тягости. Создатель, это ужъ слишкомъ; а всетаки надо посмотрѣть, какъ бы смягчить эту вину земными средствами, насколько это въ моихъ силахъ.

Онъ прижался лбомъ къ оконному стеклу и глядѣлъ въ разсвѣтающее утро. Лѣсничій удалился, зажегши сальную свѣчу, которая, коптя, освѣтила низкую комнату.

— Я долженъ постараться загладить мою вину передъ парнемъ,—сказалъ Роттбергъ, когда лѣсничій снова возвратился,—лишь бы не опоздать и застать человѣка еще въ живыхъ. Велите тотчасъ же помѣстить въ окружныхъ листкахъ объявленіе, въ которомъ исчезнувшій приглашается явиться къ вамъ по дѣлу о наслѣдствѣ, и въ то же время обѣщайте награду тому, кто доставитъ вамъ свѣдѣнія о мѣстопребываніи Андерля. Если его найдутъ, то я ему предлагаю на выборъ двѣ вещи: или мѣсто помощника лѣсничаго въ нижнемъ ущельѣ, или достаточную сумму, чтобы переселиться куда нибудь и начать новую жизнь, хотя бы въ Америкѣ. Вотъ вамъ—онъ вырвалъ листикъ изъ записной книжки—письменное удостовѣреніе. Да, мой любезный лѣсничій,—продолжалъ онъ необычайно торжественнымъ тономъ, замѣтивъ болѣе мягкое выраженіе на суровыхъ, почтительныхъ чертахъ старика,—я хотѣлъ сдѣлать добро, и надѣлалъ зла. Господь Богъ нашъ да будетъ мнѣ судьею благимъ, и въ своей милости проститъ и вамъ тоже небольшую вину. А теперь одолжите мнѣ ружье; мнѣ предстоитъ длинный путь и легко можетъ статься, что мнѣ попадется дичь, которая въ виду моего пріѣзда придется весьма кстати толленштейнской экономкѣ.

Лѣсничій поспѣшилъ принести ружье и Роттбергъ тщательно осмотрѣлъ спускъ.

— У замка нѣтъ предохранителя,—замѣтилъ онъ,—значитъ, надо быть осторожнымъ, а то легко можетъ произойти несчастіе. Будьте здоровы, любезный лѣсничій, и не забудьте объявленія въ окружномъ листкѣ.

— Совѣтую господину барону подняться по толленштейнской горѣ къ «образу на площадкѣ»,—сказалъ лѣсничій,—тамъ тетеревовъ видимо не видимо. Легко можетъ статься, что господинъ баронъ поспѣетъ еще къ утреннему токованію, если пойдетъ скорымъ шагомъ. Теперь у насъ новолуніе и солнце поздно доходитъ до «площадки» черезъ шраттенскую стѣну.

Роттбергъ кивнулъ ему и пошелъ въ лѣсной сумракъ. Большими шагами, не спуская глазъ съ дороги, шелъ онъ черезъ лѣсъ, медленно карабкался по крутому склону и одолѣлъ его послѣ труднаго, осторожнаго подъема. Лѣсъ позади него уходилъ внизъ, среди горныхъ сосенъ и можжевельника высились еще одинокіе сибирскіе кедры, а тамъ пахнулъ ему навстрѣчу, черезъ вершину, холодный, снѣжный воздухъ.

Темнота спадала, на фонѣ стального утренняго неба оттѣнялись рѣзкіе контуры зазубренныхъ и изрѣзанныхъ горъ. Снѣжныя поля покрывали землю; между искалѣченными кустами можжевельника шла, мимо глубокаго ущелья, узкая дорога черезъ вершину; она вела въ сторону, къ долинѣ, гдѣ стояло нѣсколько бѣдныхъ хижинъ; въ зимнее время онѣ были необитаемы. Это мѣсто, у «образа на площадкѣ», было однимъ изъ наиболѣе уединенныхъ, неприступныхъ пунктовъ всего толенштейнскаго имѣнія. Около самой дороги, къ подгнившему столбу было придѣлано изображеніе Богоматери, съ деревянной скамейкой у подножія, для колѣнопреклоненія. Образъ Пречистой былъ сдѣланъ изъ дерева примитивно; любящія руки одѣли ее въ простую, теплую одежду; на головѣ она носила высокую корону изъ мишурнаго золота. На ея раскрашенномъ, улыбающемся, кукольномъ лицѣ сіяли два большихъ, карихъ стеклянныхъ глаза съ загадочнымъ взглядомъ; изображеніе было вставлено въ грубо-сколоченный деревянный ящикъ, вокругъ котораго висѣлъ съ прошлой осени высохшій вѣнокъ. Это была мадонна для очень бѣдныхъ, очень скромныхъ и безхитростныхъ людей. Вѣроятно изъ набожности какой-нибудь странствующій стекольщикъ пожертвовалъ ей стекло, которое и вставилъ спереди въ ящикъ; такимъ образомъ она красовалась защищенная и прикрытая отъ дождя и нечистыхъ рукъ. Черезъ каменистую пустыню, подъ косымъ лучемъ утренняго солнца, смотрѣла она на взбирающагося путника, и онъ остановился подъ ея взглядомъ. Здѣсь ничто не мѣшало ему, здѣсь онъ былъ одинъ съ Пречистой. Съ тяжелымъ сердцемъ снялъ онъ съ плеча ружье, прислонилъ его сбоку къ столбу и опустился на колѣни на узкой скамейкѣ.

Ему пришло въ голову, что въ дѣтствѣ его мать, благочестивая женщина, часто говарила ему: если тебя давитъ горе, молитва сниметъ его съ твоего сердца. Онъ выросъ съ новымъ поколѣніемъ, которое ничего не хочетъ знать о Богѣ, которое съ насмѣшкой или усталой улыбкой бросается навстрѣчу вѣчному ничто; тридцать лѣтъ свѣтской жизни, развлеченій, стремленій къ карьерѣ, успѣховъ—до-тла выжгли его сердце; теперь то слово ожило, поднялось изъ пепла. «О, благодатная,—вздыхалъ онъ,—дай мнѣ преклонить голову на твои колѣни, такъ же тихо, такъ же довѣрчиво, какъ нѣкогда я бросался въ мягкія объятія покойной матери».

Изъ карихъ стеклянныхъ глазъ Богоматери словно ниспадалъ къ нему теплый, благодатный лучъ, и тутъ онъ отдался горькой, мучительной усладѣ самобичеванья. Въ полголоса, въ страстныхъ, взволнованныхъ словахъ изливалъ онъ то, что давило его; точно дитя, послѣ долгихъ странствованій возвратившееся домой, исповѣдывалось во всемъ, что оно испытало

среди людей, вдали отъ материнскаго сердца. Пестро-раскрашенному образу съ страннымъ человѣческимъ взглядомъ говорилъ онъ о своей любви къ Габріэли, каялся въ своей винѣ, описывалъ свою борьбу, а также всю свою безпомощность и глубокую душевную муку. И въ то время, какъ онъ стоялъ колѣнопреклоненный, вѣрующій, какъ бѣдный грѣшникъ, онъ съ восторгомъ и изумленіемъ замѣтилъ, что всѣ сомнѣнія, всѣ вопросы, всѣ судороги мучительной страсти, отъ которыхъ изныло его сердце, постепенно затихали, исчезали. Его жизнь, его судьба, здѣсь, у подножія креста, казалась ему удивительно проясненной. Изъ сковывавшей его тѣни мрачнаго эгоизма отчетливо высвобождался образъ Габріэли; онъ медленно возносился въ недосягаемую для него жизненную даль. Онъ чувствовалъ, что такъ должно было быть; онъ не имѣлъ права самовольно приковывать къ себѣ это чистое существо, распоряжаться имъ; онъ не смѣлъ дольше молить ее о любви, которая была предназначена не ему, которой суждено было пронестись мимо него, остаться несбыточной для него въ этой жизни. Могъ ли онъ еще сомнѣваться въ этомъ, соединять съ этими сомнѣніями безумныя надежды? Съ внезапнымъ содроганьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ святымъ спокойствіемъ почувствовалъ онъ, что у него отнимаются всѣ надежды, всѣ горделивыя желанья, что съ нимъ совершается святое, великое чудо. Нѣжно и безболѣзненно божественная рука вынула изъ его сердца все упрямство, весь произволъ, омрачающія страсти. Самая трудная, мучительная борьба была осилена; безъ потрясенія, почти безъ боли, дошелъ онъ до отреченія. Его путь былъ ясно предначертанъ. Съ благодушной, слегка грустной мягкостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ восхищеніемъ думая о принесенной жертвѣ, принялъ онъ рѣшеніе относительно будущаго. Онъ хотѣлъ испросить для себя постъ по ту сторону океана, въ Пекинъ или Вашингтонъ. Габріэль должна быть свободна, онъ найдетъ средство разорвать узы, ставшія для нея мучительными, деликатнымъ и нисколько не оскорбительнымъ для нея способомъ. Весь блескъ богатства остается ей, его безупречное имя она будетъ носить до тѣхъ поръ, пока не перемѣнитъ его на фамилью Норберта. Для него самого борьба, конечно, еще не кончена; въ мрачные моменты вернутся искушенье и жажда счастья; нестерпимо будетъ онъ страдать при мысли о томъ, что Габріэль любима, окружена поклоненіемъ и жизненнымъ солнцемъ и принадлежитъ другому. Все это онъ перенесетъ въ искупленіе своей тяжкой вины. Искушавшую было его мысль о самоубійствѣ онъ теперь совершенно отбросилъ и былъ увѣренъ, что уже не вернется къ ней серьезно. Да и къ чему? Его отреченіе было равносильно смерти, оно сломало, отняло у него то, что было въ немъ

стараго и мрачнаго. Онъ благодарилъ Бога за такую неожиданно легкую, нестрашную, быструю смерть. «Дай благодатная», закончилъ онъ, обращая свое кроткое лицо къ образу Маріи, «чтобы теперь, когда я принесъ свою жертву, и эта усталая, земная оболочка сподобилась быстрой, избавительной смерти, и да будетъ она вѣрнымъ вѣстникомъ твоего прощенья, твоей милосердной любви».

Сострадательные каріе глаза мадонны смотрѣли такъ пристально и въ то же время такъ ласково черезъ его голову на вершину скалы; на гребень вершины порывами набѣгалъ теплый вѣтеръ, который опрокидывался въ долину и далеко внизу въ еляхъ распѣвалъ свою пѣсню о возвращеніи весны. Вершина, свободная отъ снѣга, лежала въ солнечномъ блескѣ, зеленыя низкорослыя сосны колебались и наклонялись подобно сотнѣ машущихъ рукъ; вѣтеръ бушевалъ въ нихъ, но они тѣснились и сгибались удивительно однообразно, какъ будто сквозь кусты протискивалось тяжело дышащее постороннее тѣло, какое нибудь хищное животное, которое, чуя кровь, подкрадывается къ своей жертвѣ.

«Дай мнѣ вѣчный миръ,» говорилъ колѣнопреклоненный, подымая голову. «Дай, милосердная, богатое, неизмѣримое счастье Габріэли»...

Тамъ, у стѣны, что-то сверкнуло, и, пораженный таинственной пулей въ самое сердце, Роттбергъ упалъ мертвый. По вершинѣ проползло дымное облако, погоняемое вѣтромъ, и изъ низкорослыхъ сосенъ поднялась дикая, оборванная фигура Андерля.—«Не всякому нужно счастье,—послышалось оттуда, «а съ любовью дѣло и совсѣмъ дрянь на этомъ свѣтѣ! Ну, теперь иди и посмотри, найдешь ли ты настоящую любовь— на небесахъ».

Современныя теоріи строенія живого вещества.

I.

Субстратомъ всѣхъ жизненныхъ явленій, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ, тѣмъ первичнымъ элементомъ, къ которому, какъ къ единицѣ, должно быть сведено все наблюдаемое разнообразіе организованныхъ формъ, является живая клѣтка,—вотъ та мысль, которая, съ нѣкоторыми оговорками, можетъ быть признана лежащей въ основѣ естествознанія послѣдняго пятидесятилѣтія. Хотя открытіе клѣтки восходитъ еще къ 17-му вѣку, когда сначала англичанинъ Робертъ Гукъ, впервые примѣнившій микроскопъ къ наблюденію растительныхъ тканей, а затѣмъ итальянскій ботаникъ Мальпиги усматривали въ ней маленькое пустое тѣльце, снабженное самостоятельной оболочкой, однако, постепенно разроставшіяся о ней свѣдѣнія оставались разрозненными и неопредѣленными до первой четверти текущаго столѣтія. Лишь благодаря трудамъ Брауна, а особенно Дюжардена, Моля и Шванна было обнаружено, что заполняющая клѣтку жидкость или слизь, которую до тѣхъ поръ смѣшивали съ клѣточнымъ сокомъ, есть живое *организованное* вещество, что это вещество, названное сначала саркодой, а позже протоплазмой, содержитъ въ себѣ in potentia если не всѣ, то многіе принципы или начала, которыми принято одарять живыя тѣла сравнительно съ тѣлами мертвыми. Лишь тогда было установлено, что клѣтки представляютъ собой полные элементарные организмы, группировка которыхъ образуетъ болѣе высокіе организмы; когда же оказалось, что клѣтка встрѣчается повсюду и въ животномъ царствѣ, тогда крайне плодотворное понятіе о клѣткѣ, выведенное изъ изученія однихъ только растеній, расширилось въ своемъ содержаніи, обобщилось и распространилось на всѣ безъ исключенія живыя существа. Такимъ образомъ была обоснована такъ называемая *целлюлярная* или *клѣточная теорія*, по которой всѣ ткани образованы изъ клѣтокъ, а всѣ клѣтки происходятъ другъ отъ друга и первоначально изъ яйца, которое и само есть не что иное, какъ клѣтка.

Сравнительная анатомія (растительная и животная), равнымъ образомъ гистологія и эмбріологія развивались въ той мѣрѣ, въ

какой укрѣплялась клѣточная теорія. Пышный расцвѣтъ морфологическаго знанія, которымъ отличается естествознаніе послѣдняго времени, возможно точное проникновеніе въ процессы развитія отдѣльной особи отъ яйца до взрослаго организма, раскрытіе того механизма, которымъ происходитъ столь своеобразное въ мірѣ живыхъ существъ и замѣчательное явленіе воспроизведенія себѣ подобныхъ,—все это, какъ и многое другое, относящееся къ области *общей біологіи*, т. е. той сравнительно молодой дисциплины, которая имѣетъ цѣлью изучить жизненныя проявленія въ ихъ общей формѣ,—все это есть плодъ того неустаннаго вниманія, съ которымъ натуралисты наблюдали элементъ всего живущаго—клѣтку. Нѣсколькими строками выше было сказано, что признаніе клѣтки субстратомъ жизни, или, правильнѣе, признаніе ея тѣмъ практическимъ объектомъ, надъ которымъ необходимо работать, чтобы возможно правильнѣе разрѣшить многочисленныя проблемы, требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Такая оговорка касается прежде всего физіологіи. Въ то время, какъ морфологія организма, ограничивавшаяся сначала описаніемъ грубыхъ частей тѣла и крупныхъ органовъ, переходила постепенно къ разложенію этихъ частей и органовъ на составляющія ихъ ткани, а затѣмъ, по мѣрѣ развитія клѣточнаго ученія, и къ разложенію тканей на образующіе ихъ элементарные организмы—клѣтки; въ то время, какъ, слѣдовательно, сравнительная анатомія растеній и животныхъ все болѣе и болѣе обращалась въ клѣточную анатомію, физіологія преслѣдовала свою старую задачу—прослѣдить, такъ сказать, массовыя функціи тѣхъ или иныхъ органовъ, охватить такія крупныя дѣятельности (какъ дыхательныя, пищеварительная), которыми поддерживается совокупная жизнь организма. Несомнѣнно, на этомъ пути физіологія въ рукахъ Людвига, Клодъ-Бернара, Вирхова, Дю Буа Реймона, Германна и др. сдѣлала блестящія открытія; механика «грубыхъ», какъ говоритъ М. Ферворнъ, отправленій тѣла намъ болѣе или менѣе подробно извѣстна; мы знаемъ законы, регулирующіе кровеобращеніе, дыханіе и пр. Но дальнѣйшая разработка физіологическихъ задачъ на старомъ пути и тѣми методами, при помощи которыхъ совершались великія открытія только что названныхъ ученыхъ, можетъ лишь расширить отдѣльныя частности пріобрѣтенныхъ результатовъ, можетъ детальнѣе развить вытекающія изъ мысли «великихъ мастеровъ» слѣдствія. Она не можетъ дать что либо новое, не способна объяснить *общія элементарныя жизненныя явленія*, т. е. именно то, что составляетъ прямую задачу физіологіи въ обширномъ смыслѣ этого слова. А вѣдь въ этихъ *простѣйшихъ процессахъ* жизни, обнаруживающихся по всей необозримой лѣстницѣ организованныхъ существъ, начиная микроскопической и безсложной бактеріей или амебой и кончая крайне расчлененнымъ, глубоко диференцированнымъ тѣломъ человѣка, и заключена собственно вѣковая загадка жизни. Эта загадка не разрѣшена. Она до сихъ

поръ стоитъ на очереди и неумолимо зарождается въ умѣ всякаго натуралиста, пытающагося однимъ взглядомъ охватить совокупность жизненныхъ явленій. Она возродила, казалось, навсегда похороненный призракъ жизненной силы, заставила такого ученаго, какъ Бунге, выбросить потускнѣвшее истертое знамя витализма и воскликнуть, что всѣ до сихъ поръ объясненныя въ физіологіи явленія вовсе не жизненныя явленія.

Неожиданное появленіе на научной аренѣ этого призрака, по природѣ своей туманнаго и, пожалуй, мистическаго, тотъ шумъ, которымъ сопровождалось его появленіе и, наконецъ, тотъ успѣхъ, который оно имѣло среди нѣкоторыхъ видныхъ ученыхъ, указываетъ, по мнѣнію Ферворна, Ле-Дантека и др., на то, что въ физіологіи наступилъ поворотный пунктъ. Оно показываетъ, что пути и методы, которыми шло развитіе физіологіи до сихъ поръ, исчерпались, достигли конечной точки своей; что считавшійся такъ долго достаточнымъ физико-химическій пріемъ изученія органовъ и ихъ отправленій, *какъ онъ примѣнялся до настоящаго времени*, создавалъ лишь «иллюзію» истиннаго знанія, поддерживаемую наружнымъ блескомъ физіологическихъ открытій, но обнаружилъ свое полное безсиліе въ разъясненіи сущности жизни. Жизненная сила, управляющая дѣятельностью организма, виталистическій принципъ, если только можно назвать принципомъ то расплывчатое, сверхчувственное «нѣчто», которое разлетается, какъ дымъ, при первой попыткѣ поближе опредѣлить его, положенный (т. е. принципъ) въ основу біологическихъ построеній,—что̀ это, какъ не признакъ *decadence*'а въ естествоиспытательскихъ сферахъ, того самого decadence'а, который столь широкой волной залилъ искусство и литературу западной Европы, разбился тамъ на многочисленные отдѣльные рукава и въ одинъ изъ нихъ захватилъ научную мысль, представъ предъ ней въ соблазнительномъ свѣтѣ «неовитализма», обѣщающаго дать отвѣтъ на тѣ запросы, которые въ теченіе вѣковъ терзали пытливые умы? Помпезно возвѣщенное академикомъ Брюнетьеромъ «банкротство науки» и предложенный имъ на смѣну какой то безъ-идейный, сказали бы мы, «идеализмъ» оказываются, такимъ образомъ, не самостоятельной выдазкой кающагося въ своихъ увлеченіяхъ католическаго homme des lettres, а лишь искаженнымъ, потерявшимъ свои первоначальныя очертанія отраженіемъ той чистой струйки разочарованія, которая грустно звучитъ въ устахъ нѣкоторыхъ натуралистовъ, подводящихъ итоги работы истекающаго столѣтія. Мы говоримъ о струйкѣ разочарованія, о нѣкоторыхъ штрихахъ скептицизма, которые не только не затѣняютъ всей картины, представляемой современнымъ научнымъ движеніемъ, а, напротивъ, сами являются на этой картинѣ мѣстнымъ ограниченнымъ оттѣнкомъ, находящимъ, что касается его происхожденія, достаточныя психологическія объясненія; но мы не говоримъ о волнѣ отчаянія въ наукѣ, поколебленной будто-бы въ своихъ устояхъ; не говоримъ

о какомъ-либо властномъ потокѣ, подобномъ тому, который свободно прошелся по спеціально литературной и художественной нивѣ нашего времени и въ своей погонѣ за безтѣлесной, отрѣшенной отъ реальности «идеей» замѣнилъ чудную музыку звуковъ, цвѣтовъ и красокъ, которою мы не можемъ вдоволь насладиться у великихъ творцовъ, какими-то безсмысленными, каррикатурно-грубыми завываньями и пятнами. О такомъ потокѣ не можетъ быть и рѣчи въ естествознаніи; слишкомъ дисциплинирована прошедшая его суровую школу научная мысль, слишкомъ могучи результаты ея безустанной мозговой и нервной работы, слишкомъ много говорила она уму и сердцу стремящагося впередъ человѣческаго духа, чтобы можно было нѣсколькими росчерками пера отпугнуть эту мысль, смести въ уголъ, какъ негодную ветошь, пріобрѣтенные результаты и лишить духъ тѣхъ источниковъ жизни, которыми онъ до сихъ поръ питался.

Нарожденіе неовитализма, сказали мы, указываетъ, что въ физіологіи наступилъ моментъ, когда ей нужно ступить на новый путь изслѣдованія и, такимъ образомъ, открыть себѣ новые горизонты. Каковъ этотъ путь? Представляетъ ли онъ собой нѣчто совершенно новое, неизвѣданное, или же онъ сводится къ перенесенію въ одну область тѣхъ пріемовъ и методовъ, которые уже съ успѣхомъ примѣнялись въ другихъ сопредѣльныхъ областяхъ знанія? Ферворнъ ясно ставитъ вопросъ и столь же ясно разрѣшаетъ его въ послѣднемъ именно смыслѣ. *) «То, говоритъ онъ, къ чему приводитъ насъ разсмотрѣніе каждой отдѣльной функціи тѣла, есть клѣтка. Въ мускульной клѣткѣ лежитъ загадка движенія сердца, сокращенія мышцы; въ желѣзистой клѣткѣ находятся причины выдѣленія; въ эпителіальной клѣткѣ, въ бѣлой кровяной клѣткѣ лежитъ проблема принятія пищи, а въ гангліозной клѣткѣ покоятся тайны психеи. Клѣточное ученіе уже давно показало, что клѣтка есть элементарный строительный камень живого тѣла, «элементарный организмъ», въ которомъ имѣютъ мѣсто жизненные процессы; уже давно сознали анатомія и исторія развитія, зоологія и ботаника значеніе этого факта, и ужъ давно могущественный расцвѣтъ этихъ наукъ блестяще доказалъ плодотворность *целлюлярнаго* способа изслѣдованія. Только въ физіологіи почти до новѣйшаго времени не было введено, по крайней мѣрѣ на практикѣ, столь простое и съ логической строгостью представляющееся слѣдствіе, что, если физіологія считаетъ своей задачей изслѣдованіе жизненныхъ явленій, то она должна изслѣдовать жизненныя явленія тамъ, гдѣ они имѣютъ свое пребываніе, гдѣ находится очагъ жизненныхъ процессовъ, т. е. *въ клѣткѣ*. Если поэтому физіологія не хочетъ ограничиться просто тѣмъ, чтобы углублять далѣе до сихъ поръ пріобрѣтенныя познанія относительно грубыхъ дѣятельностей человѣческаго тѣла, но стре-

*) Max Verworn „Allgemeine Physiologie" (есть рус. перев. 1-ой части).

мится къ тому, чтобы объяснить дѣйствительнымъ образомъ элементарныя жизненныя явленія, то она можетъ достичь этого только, какъ *целлюлярная* (клѣточная) *физіологія*». Изъ физіологіи *органовъ* ей необходимо обратиться въ физіологію *клѣтки*, т. е. положить въ основу своего изученія тотъ самый принципъ, который почти сорокъ лѣтъ тому назадъ былъ провозглашенъ Вирховомъ въ его знаменитой «целлюлярной патологіи».

Итакъ, на клѣтку или, какъ ее еще иначе называютъ, пластиду, самостоятельную, свободноживущую, въ видѣ одноклѣточнаго организма, или же связанную въ какую либо ткань высшаго органа, словомъ—на клѣтку, въ которой совершаются *общіе элементарные жизненные процессы*, обращено вниманіе всего естествознанія. Въ ней усматриваютъ послѣднюю инстанцію, къ которой можно апеллировать при рѣшеніи основныхъ проблемъ жизни. Понятенъ, поэтому, тотъ интересъ, который возбуждаетъ вопросъ о строеніи клѣтки, правильнѣе, ея *протоплазматическаго* содержанія; понятно то упорство, съ которымъ натуралисты предаются изученію ея на различныхъ стадіяхъ развитія, отмѣчаютъ отдѣльныя морфологическія части, улавливаютъ самомалѣйшее ея волокно или зернышко. Вѣдь жизнедѣятельность клѣтки или протоплазмы находится въ тѣснѣйшей связи съ ея строеніемъ, съ группировкой ея отдѣльныхъ частей, и физіологія протоплазмы возможна лишь въ той мѣрѣ, въ какой разработана ея анатомія, въ какой выяснена ея физическая организація. Въ возможно детальномъ изученіи послѣдней заключается ближайшая задача біологіи клѣтки, и выполненію этой задачи послѣднія два десятилѣтія посвятили немало силъ. Плоды такого изученія теперь на лицо: господствовавшее почти вплоть до 80-хъ годовъ воззрѣніе на клѣтку, на ея структуру теперь значительно измѣнилось. Очень многимъ изъ читателей вѣроятно памятно еще то время, когда клѣтка опредѣлялась, какъ микроскопическое тѣльце, образованное изъ протоплазматической массы, окруженное оболочкой и содержащее въ себѣ ядро; въ послѣднемъ заключается меньшихъ размѣровъ ядрышко. Что касается протоплазмы, то она считалась студенистой массой, одаренной жизнью, *однородной* и составленной изъ различныхъ бѣлковыхъ веществъ, крайне сложныхъ и неопредѣленныхъ.

Наблюденія новѣйшаго времени обнаружили, однако, несостоятельность этого опредѣленія. При достаточно сильномъ увеличеніи и при употребленіи особыхъ, выработанныхъ микроскопической техникой реактивовъ, протоплазма различныхъ клѣтокъ являетъ различную конфигурацію: то она кажется однородной, безпрерывной массой, мѣстами усѣянной тонкими зернышками; то она представляется цѣлой совокупностью зеренъ, которыя образуютъ ея главную массу и которыя погружены въ небольшое количество однороднаго, индифферентнаго вещества; то она напоминаетъ собой пѣнистую массу, составленную изъ громаднаго числа особыхъ

камеръ; то, наконецъ, она принимаетъ видъ нѣжной сѣти съ чрезвычайно утонченными петлями, причемъ одни полагаютъ, что сѣть составлена изъ развѣтвленныхъ, соединенныхъ между собой волоконъ протоплазматическаго происхожденія, другіе же полагаютъ, что эти волокна раздѣльны. ' Всѣ эти конфигураціи,— говоритъ Делажъ,—неоспоримы и въ большей или меньшей степени реальны. Но теоретики никогда не бываютъ эклектиками, а за натуралистомъ-наблюдателемъ всегда, особенно въ Германіи, скрывается теоретикъ; поэтому, натуралисты разбились на пять группъ, изъ которыхъ каждая утверждаетъ, что лишь *одинъ* ею избранный видъ протоплазмы является истиннымъ или, по крайней мѣрѣ, онъ одинъ важенъ, такъ какъ резюмируетъ въ себѣ то, что есть существеннаго въ структурѣ протоплазмы. Такимъ образомъ, теперь имѣются *пять* теорій строенія, а именно теоріи однороднаго, сѣтчатаго, волокнистаго, ячеистаго и зернистаго строенія протоплазмы. Всѣ эти теоріи получились въ результатѣ *непосредственнаго наблюденія* надъ клѣткой. Это замѣчаніе, на первый взглядъ совершенно излишнее, получаетъ однако свой смыслъ въ виду того, что рядомъ съ ними существуетъ не мало «теорій» строенія, *созданныхъ* авторами со спеціальными цѣлями объяснить какой либо рядъ біологическихъ явленій, т. е. «теорій», въ которыхъ сила воображенія, не опирающаяся на фактическую картину, играетъ несоразмѣрно крупную роль. Мы коснемся ихъ ниже; теперь же обратимся къ первымъ пяти теоріямъ.

Изъ нихъ теорія однороднаго строенія, когда то пользовавшаяся всеобщимъ признаніемъ, все болѣе и болѣе теряетъ подъ собой почву. Приверженцы ея имѣются еще между ботаниками. По этой теоріи волокна иногда дѣйствительно встрѣчаются въ протоплазмѣ, но они непостоянны и не имѣютъ важнаго значенія, равно какъ и зернистыя образованія или *микрозомы*.—Теорія сѣтчатаго строенія утверждаетъ, что протоплазма состоитъ изъ двухъ веществъ: одно, сравнительно твердой консистенціи, образуетъ сѣть съ очень малыми петлями, а другое—вязкое, не имѣющее собственной формы, расположено въ петляхъ сѣти. Сѣть постоянно присутствуетъ, но она нисколько не препятствуетъ движеніямъ протоплазмы, такъ какъ можетъ измѣнять свой видъ. Относительно жизненной роли, которую играетъ та и другая составная часть протоплазмы, существуютъ различныя воззрѣнія; нѣкоторые усматриваютъ въ сѣтчатой части истинно живую и активную протоплазму, а въ прочей однородной или гіалиновой части видятъ лишь инертную массу, имѣющую назначеніемъ заполнить петли первой: другіе утверждаютъ какъ разъ обратно: въ ихъ глазахъ сѣтчатое вещество (*спонгіоплазма*) играетъ только роль опоры, остова, на которомъ держится единственно живое и активное вязкое вещество (*гіалоплазма*).—Теорія волокнистаго строенія признаетъ иногда наличность сѣтчатой структуры; но она утверждаетъ, что въ протоплазмѣ имѣются на лицо

постоянныя отдѣльныя волокна, которыя своимъ пересѣченіемъ образуютъ видъ сѣти. Существеннымъ элементомъ нужно считать независимыя другъ отъ друга волокна; сѣть же есть часто искусственное образованіе, зависящее отъ употребляемыхъ въ дѣло реактивовъ. Волокна—вотъ истинная протоплазма, обладающая сократительными свойствами; полужидкая, распространенная между ними однородная масса есть вещество инертное.—Теорія зернистаго строенія кладетъ въ основу своего воззрѣнія на протоплазму встрѣчающіяся въ ней зерна или микрозомы. Хотя послѣднія уже давно наблюдались въ клѣткахъ, но, такъ какъ ихъ находили только въ отдѣльныхъ пунктахъ, то имъ и не приписывалось особаго значенія. Позднѣйшія изслѣдованія, однако, показали, что зернистыя образованія имѣются и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ протоплазма на первый взглядъ кажется однородной. Было выведено заключеніе, что эти образованія суть постоянный и количественно преобладающій элементъ протоплазмы. Соотвѣтственно этому измѣнился взглядъ и на роль ихъ въ жизнедѣятельности клѣтки. Нѣкоторые ученые пытались доказать, что зернистость не только не есть придаточная инертная часть клѣточнаго тѣла, а, напротивъ, представляетъ настоящій и единственно живой элементъ протоплазмы. *Гранулы*, какъ называетъ зерна Альтманнъ, суть, по ихъ мнѣнію, элементарные образовательные органиты (т. е. организованныя части) протоплазмы; въ нихъ коренятся основныя свойства послѣдней. Органиты воспроизводятся и размножаются дѣленіемъ; они окружены незначительнымъ слоемъ однороднаго вещества, которое, въ свою очередь, можетъ быть составлено изъ мельчайшихъ, неуловимыхъ даже для микроскопа зернышекъ. Сторонники зернистой теоріи не отрицаютъ наличности въ протоплазмѣ ячеекъ, сѣти, волоконъ; но они говорятъ, что подобныя структурныя расположенія не играютъ важной роли.—Теорію ячеистаго или, правильнѣе, *пѣнистаго* строенія протоплазмы, какъ она предложена нѣмецкимъ ученымъ Бючли, мы изложимъ ниже, такъ какъ она составляетъ главный предметъ настоящей статьи.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что біологи еще далеко не согласны между собой относительно того, каково истинное строеніе протоплазмы. Но почти всѣ согласны въ томъ, что послѣдняя не есть просто *органическое* химическое вещество; почти всѣ они думаютъ, что протоплазма, напротивъ, *организована*, т. е. обладаетъ особой, ей, какъ живому веществу, свойственной структурой. Въ тѣхъ морфологически раздѣльныхъ частяхъ, комбинаціей которыхъ создается та или иная структура, нужно искать послѣднія элементныя единицы, въ которыхъ заключена жизнь. Если клѣтка, которая лежитъ въ основѣ всего живущаго, должна быть названа, какъ того требовалъ еще Брюкке, «элементарнымъ организмомъ», то понятіе о клѣткѣ—*организмѣ* логически можетъ быть сравнено съ понятіемъ о любомъ высшемъ организмѣ, составленномъ изъ совокупности клѣтокъ. Но любой высшій организмъ представляетъ диф-

ференцированную въ различные ткани и органы массу живого вещества; въ немъ наблюдаются многія отдѣльныя части съ различнымъ функціональнымъ значеніемъ, генетически связанныя другъ съ другомъ; цѣльность организма, сохраненіе его индивидуальности, полнота его жизненныхъ дѣйствій служитъ лишь внѣшнимъ выраженіемъ приспособленія и взаимодѣйствія, въ которомъ находятся между собой эти отдѣльныя части. Нельзя ли съ подобной же мѣркой подойти и къ клѣткѣ? нельзя ли и въ ней, какъ въ организмѣ, хотя и элементарномъ, предположить наличность столь дифференцированныхъ частей, чтобы можно было приписать ея протоплазмѣ «крайне высокое и сложное строеніе», одарить каждую часть какимъ либо специфическимъ качествомъ и сдѣлать ее, такимъ образомъ, скрытымъ носителемъ особыхъ свойствъ высшаго организма?

Фактическія данныя, которыя даетъ наблюденіе, отчасти уполномочиваютъ на это; въ протоплазмѣ клѣтки встрѣчаются, какъ мы видѣли, различныя, болѣе или менѣе постоянныя образованія, въ видѣ зеренъ, волоконъ и т. д. Однако, число этихъ частей не такъ велико, чтобы, основываясь на нихъ однихъ, можно было протоплазму счесть «высокоорганизованной матеріей» въ какомъ либо особомъ, спеціально жизненномъ смыслѣ. Недостатокъ наблюденіемъ пріобрѣтенныхъ данныхъ приходится замѣнить гипотетическими допущеніями, вмѣсто точнаго опыта прибѣгнуть къ помощи воображенія, неистощимаго въ своихъ построеніяхъ, и путемъ чисто логическимъ достигнуть того, что не поддается опредѣленію другимъ способомъ. Въ пользу гипотезы, хотя бы и очень смѣлой, говоритъ прежде всего то общее соображеніе, почерпнутое изъ исторіи научнаго развитія, что истинно научная гипотеза, изъ какихъ бы «воображаемыхъ» частей она ни состояла, зачастую оказываетъ наукѣ гораздо болѣе услугъ, чѣмъ самое тщательное изученіе такихъ второстепенныхъ въ теоретическомъ смыслѣ вопросовъ, которые, такъ сказать, доступны непосредственнымъ «мѣрѣ и вѣсу». Для этого гипотеза должна удовлетворять слѣдующимъ двумъ требованіямъ: во 1-хъ) не противорѣчить ни одному положительно установленному въ данной наукѣ факту, и во 2-хъ) объяснять возможно большое число фактовъ, ждущихъ своего разрѣшенія. Но помимо указаннаго только что соображенія, въ пользу принятія произвольной гипотезы говоритъ еще и самый характеръ проблемъ, которыя ставитъ себѣ біологія. Самая общая изъ нихъ та, которая касается сущности жизни, ея происхожденія, непрерывности и развитія и которая заключаетъ въ себѣ, какъ частные члены, вопросы о движеніи протоплазмы, дѣленіи клѣтки (т. е. воспроизведенія), образованіи видовъ и т. д.

Но при современномъ уровнѣ біологическихъ знаній *прямое* рѣшеніе этой проблемы представляется невозможнымъ, можно сказать— недоступнымъ, а такъ какъ умъ натуралиста никоимъ образомъ не-

можетъ отвлечь себя отъ нея; такъ какъ она, напротивъ, дѣйствуетъ на него со всей той могучей притягательной силой, которой обладаютъ неизвѣданныя еще общеміровыя задачи, то ему ничего не остается другого, какъ создать гипотезу, или, если хотите, даже выдумать ее.

Не слѣдуетъ думать, что натуралиста, видящаго свою задачу въ возможно точномъ наблюденіи и возможно точномъ описаніи наблюденнаго, отпугиваетъ такого рода «выдумка». Нисколько. Дарвинъ, уже послѣ того, какъ онъ подарилъ міру свою теорію происхожденія, допустилъ «выдумку» въ гипотезѣ пангенезиса, низводившаго клѣтку на степень инертнаго, неспособнаго къ развитію и однообразнаго комка протоплазмы и концентрировавшаго всю жизнеспособность и оригинальную, къ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, самодѣятельность живого вещества въ особыхъ крайне малыхъ, разлитыхъ по всему организму тѣльцахъ, которыя онъ назвалъ *геммулами*. И Дарвинъ былъ только «однимъ изъ первыхъ», такъ какъ на этомъ пути онъ былъ предупрежденъ Спенсеромъ. Но ни тотъ, ни другой не остались на немъ одинокими. И послѣ нихъ всякій крупный біологъ, если онъ не былъ узкимъ спеціалистомъ, считалъ своимъ долгомъ коснуться основной проблемы жизни и слѣдовательно такъ или иначе «построить» протоплазму; для такого «построенія» онъ или принималъ, въ нѣсколько исправленномъ видѣ, чужую «выдумку», или же создавалъ свою собственную, разъ къ тому его побуждала собственная фантазія. Встрѣчались, конечно, біологи, которые не отдавали себѣ яснаго отчета въ томъ, какова истинная цѣнность выставляемой ими гипотезы; выдавая ее за чистую монету, они не замѣчали въ ней того, что Адольфъ Вейсманнъ называетъ «условно-формальнымъ характеромъ» ея. Но не всѣ были таковы; многіе обосновывали свои гипотетическія «выдумки» соображеніями обще-критическаго свойства и производили такимъ образомъ болѣе или менѣе правильную расцѣнку своихъ построеній. Къ ихъ числу слѣдуетъ отнести вышеупомянутаго, талантливаго ученаго Вейсманна, котораго, кажется, съ полнымъ правомъ можно назвать самымъ искуснымъ архитекторомъ протоплазмы, такъ какъ въ ея построеніи онъ обнаружилъ недюжинныя строительныя способности и мощную силу воображенія.

Указавъ на чисто формальный характеръ теоріи пангенезиса Дарвина, онъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: *) «Я думаю, что есть теоріи двоякаго рода: ихъ можно назвать теоріями идеальными и реальными. На практикѣ ихъ трудно расчленить, такъ какъ онѣ часто бываютъ смѣшаны въ одной и той же теоріи; тѣмъ не менѣе ихъ слѣдуетъ отличать. Идеальныя теоріи стремятся объяснить данный кругъ явленій при помощи *произвольно допу-*

---

*) «Essais sur l'hérédité et la sélection naturelle», см. ст. Sur quelques problèmes actuels (франц. изданіе).

щеннаго принципа, независимо отъ той мѣры реальности, какой обладаетъ принципъ. Идеальная теорія желаетъ лишь показать, что *есть* предположенія, позволяющія понять или охватить подлежащія ей явленія. Реальная теорія, напротивъ, не дѣлаетъ *какихъ либо* предположеній; она допускаетъ лишь тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ опредѣленную степень вѣроятія, такъ какъ желаютъ дать не одно лишь формальное, а по возможности точное объясненіе. Вильямъ Томсонъ задумалъ объяснить разсѣяніе (дисперсію) свѣтовыхъ лучей и для этого *вообразилъ* молекулу, состоящую изъ связанныхъ между собою концентрическихъ слоевъ. Но знаменитый физикъ не полагалъ же въ самомъ дѣлѣ, что подобныя молекулы существуютъ; онъ хотѣлъ лишь показать, что есть такія предположенія, съ помощью которыхъ дисперсія становится понятной. Въ томъ же смыслѣ и Дарвинъ сначала видѣлъ въ своемъ пангенезисѣ «провизорную» гипотезу, позже, однако, онъ приписывалъ ей вполнѣ реальное значеніе. Геммулы Дарвина кажутся мнѣ *фантастическимъ* изобрѣтеніемъ, какъ и молекули Томсона, гипотезой, которая не можетъ претендовать на реальность, но которая должна показать, какія предположенія или догадки можно сдѣлать для объясненія явленій наслѣдственности.

«Должно ли считать подобныя теоріи лишенными всякой цѣнности? Конечно, нѣтъ. Онѣ составляютъ тотъ первый шагъ, большей частью неизбѣжный, который намъ нужно сдѣлать, чтобы придти къ пониманію явленій; онѣ образуютъ основную канву, на которой лишь постепенно можетъ образоваться реальная теорія; онѣ же побуждаютъ насъ требующія объясненія факты подчинить одной только реальности. Я, быть можетъ, не возымѣлъ бы никогда идеи оспаривать наслѣдственность пріобрѣтенныхъ качествъ, если бы пангенезисъ Дарвина не показалъ мнѣ, что эта наслѣдственность можетъ быть объяснена лишь съ помощью гипотезы постояннаго виталкиванія, циркуляціи и новой группировки геммулъ, т. е. съ помощью гипотезы, которую очень трудно допустить».

Относительно своей собственной теоріи строенія протоплазмы, которую Вейсманнъ далъ съ той же цѣлью объяснить явленія наслѣдственной передачи однихъ признаковъ и не передачи другихъ, онъ высказывается полурѣшительно; онъ относитъ ее къ теоріямъ смѣшаннаго типа, содержащаго въ себѣ черты реальной и идеальной теоріи. «Я далекъ—говоритъ онъ—отъ мысли утверждать, что мнѣ удалось совершенно разрѣшить проблему наслѣдственности... Я болѣе всякаго другого убѣжденъ, что мы не въ состояніи еще объяснить общихъ явленій. Но я пытался на мѣсто идеальной теоріи поставить реальную, и потому ограничивался такими гипотезами, которыя соотвѣтствуютъ реальности вещей... Быть можетъ, путь, на который я ступилъ, позволитъ мало-по-малу придти къ удовлетворительному разрѣшенію многочисленныхъ вопросовъ, связанныхъ съ наслѣдственностью; быть можетъ, дальнѣйшія изслѣдо-

ванія обнаружать, что этотъ путь нужно, напротивъ, оставить. Никто не можетъ этого знать. Мои идеи о наслѣдственности (и, прибавимъ отъ себя, о строеніи протоплазмы) суть только начало, а не заключеніе; онѣ не составляютъ законченной теоріи, претендующей на полное уясненіе указанной совокупности вопросовъ; мои изслѣдованія могутъ лишь привести раньше или позже, прямо или косвенно, къ болѣе точному знанію, *къ реальной теоріи*». Самое причудливое смѣшеніе «выдумки» съ твердо установленными фактами, сдѣлавшими имя Вейсманна извѣстнымъ всему образованному міру, составляетъ дѣйствительно характерный признакъ его теоріи. Разсмотрѣніе послѣдней, особенно въ виду тѣсной связи ея съ вопросомъ о наслѣдственности, не можетъ найти себѣ здѣсь мѣста. Но руководясь его же собственнымъ указаніемъ на необходимость различать въ теоріи элементы реальные отъ элементовъ идеальныхъ, *произвольно принятыхъ*, приходится отмѣтить, что въ теоріи строенія протоплазмы, данной Вейсманномъ, фантастическая «выдумка» занимаетъ несоразмѣрно больше мѣста, чѣмъ фактическія данныя, что эта «выдумка» всей своей тяжестью ложится и на ту часть теоріи, которая имѣетъ опытное происхожденіе; приходится признать, что и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ теоріей «условно-формальной» или «идеальной».

Сравнительная бѣдность частей, дифференцированныхъ въ протоплазмѣ и открываемыхъ прямымъ микроскопическимъ наблюденіемъ, не позволяетъ еще, какъ сказано было выше, считать протоплазму «высокоорганизованной матеріей», морфологически крайне сложной. А между тѣмъ дѣятельность клѣтки—организма такъ разнообразна, жизненныя отправленія ея столь многостороннія, что невольно напрашивается мысль о скрытомъ отъ нашего взора богатствѣ ея внутренняго содержанія. Если, съ одной стороны, нельзя остановиться на ясно видимыхъ нитяхъ, волокнахъ, камерахъ, зернахъ и т. д. и видѣть въ нихъ послѣднія элементарно жизненныя единицы, такъ какъ ихъ очевидное однообразіе не въ состояніи объяснить жизненнаго многообразія; если съ другой стороны, какъ то утверждаетъ большинство біологовъ, нельзя ограничиться однимъ физико-химическимъ анализомъ живой матеріи, какъ бы онъ ни былъ плодотворенъ, потому что въ этомъ случаѣ живая матерія приравнивается мертвой, и біологическая проблема теряетъ всю свою остроту,—то остается путь средній между этими двумя крайностями: *можно* предположить, что въ организованной матеріи существуютъ единицы низшія, чѣмъ волокна или зерна, и высшія, чѣмъ простыя физико-химическія молекулы; *можно* предположить, что опредѣленная группировка этихъ постоянныхъ и неразложимыхъ, въ біологическомъ смыслѣ, единицъ сообщаетъ протоплазмѣ предполагаемую въ ней сложную структуру, и что перераспредѣленіе въ этой группировкѣ, какое нибудь иное сочетаніе единицъ измѣняетъ структуру протоплазмы и тѣмъ самымъ обусловливаетъ

разнообразіе живого вещества. Можно создать цѣлую гамму такихъ все болѣе усложняющихся единицъ, крайне тонкихъ и неуловимыхъ, одарить ихъ самыми различными свойствами, аналогичными, конечно, тѣмъ, которыя наблюдаются у взрослыхъ организмовъ, и такимъ образомъ придти къ теоріи *предопредѣленія* всего развитія отдѣльнаго индивида и даже цѣлаго вида тѣми структурными особенностями, которыя заложены еще въ исходной клѣткѣ или яйцѣ. Къ такой теоріи предопредѣленія или эволюціи, въ первоначальномъ смыслѣ этого слова, пришелъ, напр., Вейсманнъ со своими послѣдователями. Его структурная теорія, кладущая въ основу жизни элементарные біофоры, сложные и организованные сравнительно съ химическими молекулами, а затѣмъ группирующая біофоры въ детерминанты, детерминанты въ иды, и иды въ иданты (послѣдніе видимы въ микроскопѣ), напоминаетъ собою многоэтажную готическую постройку, поражающую своимъ архитектоническимъ ритмомъ и строго выдержанной стройностью. Но она потому такъ стройна, что, созидая ее, архитекторъ не стѣснялъ своей «выдумки».

Любопытно отмѣтить, что первый шагъ въ сторону не только ясной формулировки, но и конкретной разработки вопроса объ «организаціи» однородной на внѣшній видъ протоплазмы принадлежитъ не натуралисту, а философу—Герберту Спенсеру. Еще въ 1864 г. онъ утверждалъ, что клѣтки не могутъ считаться послѣдними организованными элементами, изъ которыхъ составлены живыя существа, что для этого они слишкомъ далеко отстаютъ отъ ординарной совокупности химическихъ элементовъ. Между химическими единицами (молекулами) и морфологческими единицами (клѣтками), долженъ содержаться третій родъ единицъ, составленный изъ молекулъ и въ свою очередь составляющій клѣтки. Спенсеръ назвалъ ихъ *физіологическими единицами*. Крайне малыя по размѣрамъ и въ тоже время крайне сложныя по своему строенію, онѣ представляютъ тѣ самомалѣйшія частицы, на которыя способна разбиться живая матерія, подъ условіемъ сохраненія своей жизненности. Эти частицы соединяются межъ собой въ огромномъ количествѣ, чтобы образовать организмы, и форма послѣднихъ зависитъ отъ ихъ аранжировки. Онѣ составлены изъ химическихъ молекулъ, собранныхъ въ сложные аггрегаты; и такъ какъ малѣйшее измѣненіе въ природѣ, числѣ и группировкѣ образовательныхъ молекулъ измѣняетъ все строеніе, то число физіологическихъ единицъ можетъ быть почти безконечно. Подобно молекуламъ минеральной матеріи, способной принять ту или иную кристалическую форму, физіологическія единицы обладаютъ *полярностью*, т. е. такой силой, которая заставляетъ ихъ размѣщаться въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ размѣщаются молекулы въ кристалѣ. Но полярность этихъ единицъ отличается своей большей чувствительностью и меньшей энергичностью, чѣмъ полярность неорганическаго вещества;

она требуетъ для своего проявленія стеченія многихъ благопріятныхъ условій, и потому она, съ одной стороны, даетъ мѣсто очень сложнымъ формамъ, съ другой—легко измѣняетъ молекулярное зданіе, группировку въ немъ единицъ и, слѣдовательно, связанную съ группировкой форму. За исключеніемъ этого различія, полярность физіологическихъ единицъ, производящая форму организмовъ, вполнѣ сходна съ химической полярностью, обусловливающей кристализацію. Спенсеръ готовъ сказать, что развитіе и ростъ организма есть не что иное, какъ кристализація живого вещества. Предполагаемыя физіологическія единицы, принадлежащія одному индивиду или даже одной и той же расѣ (животной или растительной), *тождественны* между собой съ точки зрѣнія ихъ полярности; всѣ онѣ одного и того же рода, различія ихъ касаются лишь второстепенныхъ признаковъ. Окончательная форма вполнѣ развитаго организма есть результатъ взаимныхъ притяженій *во всей совокупности* единицъ, составляющихъ организмъ, и если число этихъ единицъ ниже опредѣленнаго минимума, то ожидаемая форма не реализуется *).

Делажъ **), дающій крайне рельефную сводку, которою мы отчасти пользуемся въ нашемъ изложеніи, всѣхъ теорій строенія протоплазмы, на примѣрѣ Спенсера показываетъ всю полезность новаго понятія о спеціальныхъ частицахъ или первоначальныхъ элементахъ живого вещества, занимающихъ среднее мѣсто между молекулами и клѣтками. Онъ называетъ Спенсера отцомъ этого «счастливаго» понятія и говоритъ, что всѣ послѣдующіе біологи, не исключая Дарвина, испытали на себѣ вліяніе англійскаго философа. Спенсеръ открылъ «широкую научную борозду, которую другимъ оставалось только разрывать глубже и исправлять». Тѣмъ больше сожалѣвій, говоритъ Делажъ, несогласный съ теоріей Спенсера, вызываютъ заблужденія, въ которыхъ очутилась его, въ сущности, геніальная мысль, заблужденія, логически вытекающія изъ тѣхъ умственныхъ привычекъ, которыя свойственны Спенсеру, какъ метафизическому философу.

Одинаковая полярность физіологическихъ единицъ, ихъ полная взаимная эквивалентность составляетъ характерный признакъ теоріи Спенсера. Если перемѣстить единицы, говоритъ онъ, напр., поста-

---

*) Взглядъ на тождественность физіологическихъ единицъ и на совокупное ихъ дѣйствіе, собственно говоря, диктуется Спенсеру тѣми принципами, которые заложены въ его основаніяхъ философіи; тамъ онъ говоритъ: «развитіе организма изъ *аморфной* бластемы зародыша есть спеціализація частей, различіе между которыми увеличивается *по мѣрѣ* увеличенія ихъ сложности; каждая изъ нихъ становится органомъ, обладающимъ извѣстными отличіями *не иначе*, какъ подъ условіемъ связи съ другими, которыя превращаются въ различные органы *единовременно* съ нею». (см. русск. переводъ Алексѣева, гл. вторая.

**) La structure du protoplasma et les téories sur l'hérédité et les grands problèmes de la biologie générale", par Yves Delage.

вить впереди или вверху тѣ, которыя находились позади или внизу, если перевести въ сердце тѣ единицы, которыя находились въ печени, или въ конечности тѣ, которыя находились въ головѣ, форма тѣла и размѣщеніе самыхъ мелкихъ частей отъ этого нисколько не измѣнится. Эта основная мысль Спенсера не была, однако, принята позднѣйшими теоріями. Біологи ухватились за идею о «сложности» протоплазмы, увидѣли въ ней ту нить, которая способна вывести ихъ изъ многочисленныхъ затрудненій, но ихъ «выдумка» шла дальше того, что предлагалъ авторъ идеи. *Можно* предположить, и натуралисты не замедлили это сдѣлать, что протоплазма составлена не изъ эквивалентныхъ другъ другу физіологическихъ единицъ, а изъ частицъ многочисленныхъ и разнообразныхъ видовъ, имѣющихъ, если не каждая порознь, то въ небольшой групповой совокупности, различныя функціи. Никакая изъ этихъ частицъ не представляетъ собой полнаго организма, жизнь не есть итогъ *равныхъ* элементарныхъ дѣйствій, но результатъ многообразныхъ дѣйствій, скомбинированныхъ на тысячу ладовъ. Эти частицы нельзя считать простыми химическими молекулами, обладающими обыкновенными физическими свойствами, ни даже сложными ассоціаціями подобныхъ молекулъ (хотя нѣкоторые біологи и придерживаются подобныхъ воззрѣній); нѣтъ, каждая изъ нихъ представляетъ опредѣленную часть тѣла или какой-нибудь его признакъ, является носительницей тѣхъ *элементарныхъ* (а не конкретныхъ) свойствъ и характеровъ, которые, различно комбинируясь въ различныхъ точкахъ, создаютъ впослѣдствіи самыя сложныя функціи и качества отдѣльныхъ частей организма, какъ клѣтокъ или ихъ частей, тканей или органовъ. Задачу позднѣйшихъ теорій «строенія» можно, слѣдовательно, формулировать такъ: свести безчисленныя и крайне спутанныя свойства и признаки взрослаго организма къ ограниченному числу элементарныхъ свойствъ и признаковъ, и къ каждому изъ послѣднихъ присовокупить соотвѣтствующую ему матеріальную частицу. Группировка такихъ частицъ сообщитъ протоплазмѣ особенности ея организаціи, а въ протоплазмѣ in potentia будутъ заключаться всѣ свойства будущаго организма. Такое сведеніе многихъ сложныхъ свойствъ на сравнительно немногія элементарныя даетъ возможность обойти одно капитальное затрудненіе, съ которымъ сталкивается всякая теорія «представительныхъ частицъ», а именно: если всякому характеру или признаку высшаго организма соотвѣтствуетъ матеріальная частица въ протоплазмѣ первоначальной клѣтки, то число этихъ частицъ должно быть также велико, какъ велико число соотвѣтственныхъ признаковъ; но послѣдніе, можно сказать, неисчислимы, и столь же неисчислимы и различны между собой должны быть протоплазматическія частицы; но при такомъ изобиліи частицъ трудно представить себѣ, какъ сохраняется ихъ опредѣленный порядокъ, необходимый для правильной дѣятельности живого вещества. Понятіе объ элементарныхъ признакахъ устраняетъ это затрудненіе, такъ какъ ограничиваетъ число мате-

ріальныхъ факторовъ. Нэгели, обнаружившій удивительную силу воображенія въ построеніи своей системы, высчиталъ даже, что 2,000 элементарныхъ признаковъ (и соотвѣтственно—матеріальныхъ частицъ) совершенно достаточно для того, чтобы своеобразными комбинаціями этихъ элементовъ составить *всѣ* внѣшніе признаки высокоразвитого организма. Къ сожалѣнію, Нэгели не опредѣляетъ ближе, въ чемъ заключаются эти элементарные признаки и какова ихъ природа; поэтому нельзя судить о томъ, достаточно ли избранное имъ число.

Де-Фризъ, задумавшій исправить теорію Дарвина и поставить на ея мѣсто «межклѣточный пангенезисъ», въ общемъ примыкаетъ къ воззрѣнію Нэгели, послужившему прототипомъ для многихъ подобныхъ воззрѣній. Теперь, говоритъ названный ученый, нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что признаки живыхъ существъ и ихъ органовъ суть выраженіе ихъ матеріальной конституціи. Форма и свойства клѣтокъ вытекаютъ изъ ихъ протоплазмическаго состава совершенно также, какъ свойства неорганическихъ тѣлъ вытекаютъ изъ ихъ химической природы. Слѣдуетъ ли однако допустить столько же видовъ протоплазмъ, сколько есть родовъ клѣтокъ въ организованныхъ существахъ? *) Стоитъ только представить себѣ, какъ велико разнообразіе клѣтокъ въ одномъ и томъ же существѣ и какъ различны гомологичныя клѣтки даже близкихъ между собой видовъ, чтобы понять нелѣпость подобнаго допущенія: вѣдь въ такомъ случаѣ число этихъ протоплазмъ должно быть неисчислимо. Повидимому, мы здѣсь встрѣчаемся съ непреодолимымъ затрудненіемъ. Но его легко обойти при помощи очень простого соображенія: стоитъ разложить безчисленныя свойства и признаки, живыхъ существъ на немногія элементарныя свойства и признаки, многоразличная комбинація которыхъ можетъ съ успѣхомъ привести къ тому почти безконечному разнообразію, которое мы наблюдаемъ въ дѣйствительности. Подобно тому какъ съ помощью тридцати буквъ мы можемъ образовать всѣ слова человѣческаго языка, точно также съ помощью элементарныхъ свойствъ, абсолютное число которыхъ, однако, еще довольно значительно, мы можемъ воспроизвести всѣ признаки живыхъ существъ, во всей ихъ пестрой сложности. Для того *достаточно* допустить, что эти элементарные признаки и свойства представлены соотвѣтственнымъ количествомъ матеріальныхъ частицъ, *и тогда проблема разрѣшена*. Какъ видитъ читатель, разсужденіе

---

*) A. Gautier допускаетъ утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ основываясь на нѣкоторыхъ опытахъ съ виноградной лозой, онъ рѣшается утверждать, что «видимыя гистологическія измѣненія въ *протоплазмахъ* суть лишь внѣшнее выраженіе происходящихъ въ нихъ молекулярно-химическихъ процессовъ». См. его крайне интересный этюдъ «Le mécanisme de la variation des races». Де Фризъ не представляетъ себѣ такого разнообразія протоплазмъ, опираясь на нѣкоторыя совершенно произвольныя соображенія.

Де Фриза, быть можетъ, нѣсколько наивно, но за то вполнѣ откровенно: разъ для того, чтобы обойти затрудненіе, является необходимость выдумать цѣлую серію элементарныхъ качествъ и приклеить ихъ къ параллельному ряду гипотетическихъ единицъ, по природѣ своей недоступныхъ ближайшему изслѣдованію, то эту «выдумку» нужно допустить безъ всякихъ колебаній. Де Фризъ такъ и поступаетъ.

Частицы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, суть *пангены*. Эти невидимые въ микроскопъ «органиты», составленные изъ неизмѣримо большого числа химическихъ молекулъ, отличаются отъ самыхъ сложныхъ химическихъ веществъ тремя свойствами, которыя общи имъ всѣмъ и характеризуютъ въ то же время живую матерію: они питаются, ростутъ и размножаются дѣленіемъ. Кромѣ этихъ общихъ свойствъ, которыя дѣлаютъ пангены живыми молекулами, онѣ обладаютъ еще частными качествами, зависящими отъ ихъ химическаго состава, различными для каждой пангены и неразрывно связанными съ ней. Такимъ образомъ вездѣ, гдѣ встрѣчается пангена, обнаруживается и спеціально свойственный ей признакъ, разъ тому не препятствуютъ внѣшнія и внутреннія условія. Скрыто или явно признакъ существуетъ тамъ, гдѣ находится соотвѣтствующая пангена. Всякая клѣтка содержитъ большое число такихъ активныхъ пангенъ; характерныя свойства клѣтки суть равнодѣйствующая элементарныхъ свойствъ пангенъ, подобно тому какъ анатомическія и физіологическія особенности взрослаго индивида суть равнодѣйствующая анатомическихъ и физіологическихъ особенностей тѣхъ клѣтокъ, которыя составляютъ индивидъ. Клѣточную протоплазму должно представить себѣ, какъ огромное собраніе пангенъ, погруженныхъ въ жидкость, въ которой растворены различныя химическія вещества. Ядро клѣтки обыкновенно содержитъ всѣ роды пангенъ, находящихся въ индивидѣ, тогда какъ остальная часть протоплазмы (цитоплазма) заключаетъ въ себѣ лишь тѣ нѣкоторые роды пангенъ, которыя эмигрируютъ въ нее изъ ядра. Внимательное разсмотрѣніе фактовъ показываетъ, что элементарные признаки организмовъ независимы другъ отъ друга; въ пользу этого особенно говоритъ способность ихъ къ самосостоятельному измѣненію. Нѣтъ ни одного признака, который былъ бы столь тѣсно связанъ съ другими, чтобы онъ не могъ варьировать отдѣльно. Признаки оказываются независимыми не только относительно своего присутствія или отсутствія, но и относительно степени своего развитія: одинъ и тотъ же признакъ можетъ встрѣтиться въ существахъ близкихъ или отдаленныхъ другъ отъ друга, въ различной степени интенсивности, колеблющейся въ широкихъ предѣлахъ. Очевидно, что если признаки независимы, то они представлены *столь же независимыми* матеріальными факторами, способными соединяться въ любыя комбинаціи и создавать сложные признаки. Де Фризъ утверждаетъ, что всякій, кто хочетъ объяснить дѣйствіе ядра и за-

висящія отъ него явленія наслѣдственной передачи признаковъ посредствомъ воспроизведенія, *неизбѣжно* долженъ принять его гипотезу: онъ долженъ признать наличность элементарныхъ свойствъ и приписать ихъ особымъ матеріальнымъ частицамъ—пангенамъ, которыя занимаютъ среднее положеніе между химическими молекулами и клѣтками. Въ такомъ случаѣ, необозримое разнообразіе организмовъ объясняется почти безконечной цѣпью всевозможныхъ комбинацій пангенъ; эти пангены заключены въ скрытомъ состояніи въ ядрѣ, которое передаетъ ихъ оплодотворенному яйцу и каждой клѣткѣ въ отдѣльности; наконецъ эти пангены выходятъ изъ ядра, распространяются въ массѣ протоплазмы, которой онѣ сообщаютъ свои особенныя качества, и вызываютъ клѣточную дифференцировку, такъ какъ каждая протоплазма воспринимаетъ только тѣ пангены, которыя необходимы для ея спеціальной эволюціи и ея спеціальныхъ функцій.

Подобно Нэгели, Де Фризъ не перечисляетъ подробно тѣхъ элементарныхъ признаковъ, на которые разлагаются у него конкретныя качества организмовъ. Такое «воздержаніе» съ одной стороны дѣлаетъ его теорію несовсѣмъ опредѣленной, а съ другой стороны въ нѣкоторомъ родѣ неуязвимой, такъ какъ лишаетъ критику возможности концентрировать свое вниманіе на центральномъ пунктѣ. Приходится, какъ это и дѣлаетъ Делажъ, разсматривать аргументацію теоретиковъ пангенезиса en bloc и испытать ея чисто логическую состоятельность. Гипотеза Де Фриза основывается на томъ, что признаки организмовъ не связаны между собой, что они могутъ варьировать независимо и затѣмъ комбинироваться самыми различными способами, создавая такимъ образомъ тѣ результаты, которые мы наблюдаемъ. Но все это, однако, нисколько не доказываетъ, что признаки представлены отдѣльными матеріальными факторами, заключенными въ протоплазмѣ и ядрѣ. Вполнѣ возможно, что они и связаны между собой, и представлены одной матеріальной частицей, но что диссоціацію ихъ производимъ мы сами нашими умственными операціями и тѣмъ облегчаемъ себѣ ихъ изученіе. Существуетъ множество примѣровъ, показывающихъ воочію, какъ мы, въ виду опредѣленныхъ цѣлей, раздѣляемъ то, что на самомъ дѣлѣ нераздѣлимо, какъ мы производимъ, такъ сказать, научную вивисекцію. Перенесемъ разсужденіе Де Фриза въ область неорганической природы и посмотримъ, къ чему оно приводитъ. Положимъ, предъ нами рядъ металловъ; возьмемъ одинъ изъ нихъ— мѣдь. Она имѣетъ извѣстную плотность, обладаетъ опредѣленною ковкостью и тягучестью; цвѣтъ ея красно-желтый; онъ распространяетъ особый запахъ, когда ее растираютъ; она окисляется при нѣкоторыхъ условіяхъ, даетъ различные сплавы и соединенія и т. д. и т. д. Всѣ эти свойства мѣди—металла самостоятельны, такъ какъ они варьируютъ независимо одни отъ другихъ. Напримѣръ, цвѣтъ независимъ отъ плотности, потому что золото свѣт-

лѣе мѣди, а плотность его выше плотности мѣди, свинецъ же ещё плотнѣе, хотя цвѣтъ его ни желтый, ни красный. Плотность въ свою очередь независима отъ твердости, такъ какъ болѣе плотный свинецъ отличается мягкостью, и олово, хотя менѣе плотно, въ то же время менѣе мягко; а желѣзо и платина, изъ которыхъ первое болѣе плотно, а вторая менѣе плотна, чѣмъ олово, оба тверже послѣдняго. Можно было бы до безконечности комбинировать и сравнивать индивидуальные признаки отдѣльныхъ металловъ; изъ такого сравненія, слѣдуя аргументаціи Де Фриза, надлежало бы вывести заключеніе, что всѣ эти качества—плотность, цвѣтъ, твердость, запахъ и т. д. независимы другъ отъ друга и представлены самостоятельными матеріальными факторами. Поэтому, металлы не суть простыя тѣла, а комплексы особыхъ частицъ, изъ которыхъ однѣ приносятъ цвѣтъ, другія—плотность, третьи—ковкость и т. д.; различные металлы суть различныя смѣси такихъ элементарныхъ частицъ. Подъ такимъ выводомъ не подпишется ни одинъ химикъ.

Несомнѣнно, возраженіе Делажа очень остроумно; его одного достаточно для того, чтобы признать «теорію» Де Фриза совершенно не обоснованной. Но она грѣшитъ еще и съ другой стороны: она не показываетъ, какія причины производятъ отборъ пангенъ, проникающихъ изъ ядра въ протоплазму, не показываетъ, почему изъ двухъ клѣтокъ, содержащихъ одинаковыя ядра съ одинаковыми пангенами, одна становится мускульной, а другая—нервной. Этотъ вопросъ очень важенъ, и пока на него не дано отвѣта, система Де Фриза объясняетъ очень немногое. Пользуясь картиннымъ выраженіемъ Делажа, можно сказать, что Де Фризъ даетъ артистически сложенный инструментъ, въ которомъ на лицо всѣ необходимыя части—трубы и клавиши, который можетъ играть самыя разнообразныя аріи. Но и такой инструментъ самъ по себѣ не начнетъ звучать; для того нужно, чтобы клавиши были ударяемы въ опредѣленномъ порядкѣ и съ надлежащимъ ритмомъ; если для этого есть какой либо особый механизмъ, то его слѣдовало описать и доказать, что его одного достаточно для приведенія въ дѣйствіе инструмента. Де Фризъ не описалъ механизма и потому оставилъ безъ разъясненія важнѣйшій пунктъ своей системы.

Мы бы еще долго не кончили, еслибъ вздумали изложить хотя бы значительную часть теорій, системъ, гипотезъ, задающихся трудной задачей «построить» протоплазму. Каждый авторъ считалъ долгомъ внести свою лепту вымысла въ ту вычурно-фантастическую постройку живого вещества, которая воздвигалась совокупной работой многихъ талантливыхъ и смѣлыхъ умовъ. Находясь лицомъ къ лицу съ аморфнымъ на первый взглядъ комкомъ протоплазмы, представляющей изумительную комбинацію различныхъ физически и химически веществъ, видя всю ту, крайне разнообразную и неустанную дѣятельность, которую этотъ комокъ проявляетъ, окидывая

взоромъ безпредѣльную лѣстницу всѣхъ тѣхъ жизненныхъ формъ, которыя онъ то надѣваетъ, то сбрасываетъ съ себя, усматривая въ немъ первопричину жизни, которую человѣческій духъ напрасно ищетъ впродолженіе столѣтій,—біологъ преклоняется предъ этимъ комкомъ, дѣлаетъ его своимъ богомъ. Его воображеніе, не сдерживаемое тисками фактическаго анализа, пока еще не примѣнимаго въ должной мѣрѣ къ протоплазмѣ, населяетъ послѣднюю безконечно длиннымъ роемъ особыхъ частицъ, по самой природѣ своей жизненныхъ и разнообразныхъ, дѣлаетъ ее вмѣстилищемъ и особыхъ *направляющихъ* силъ, регулирующихъ наслѣдственность, измѣнчивость, приспособленіе и т. д. и носящихъ претенціозное, но малопонятное названіе «силъ біологическихъ». Въ комкѣ протоплазмы, думаетъ біологъ, обладающей скрытой отъ насъ, крайне сложной структурой, заключены всѣ тѣ признаки и особенности, которые имѣютъ появиться въ взросломъ организмѣ; эти особенности заранѣе *предопредѣлены* въ первоначальной клѣткѣ, и развитіе послѣдней сводится къ одному только «развертыванію» того, что въ нее заранѣе было вложено природой; ничего новаго въ этомъ развитіи не прибавляется. Такое преклоненіе предъ «структурой» совершенно ослѣпляетъ приверженцевъ ея, дѣлаетъ ихъ неспособными достаточно внимательно отнестись къ тому, что лежитъ внѣ этой «структуры». Они совершенно позабываютъ, что на клѣтку въ процессѣ ея эволюціи дѣйствуютъ современныя физико-химическія силы, что собственно онѣ-то и являются факторами эволюціи. Они упускаютъ изъ виду, что, если теплота, свѣтъ, тяжесть, влага и пр. считаются могущественными агентами измѣненій въ неорганической матеріи, то рѣшительно непонятно, почему имъ не остаться таковыми же и въ воздѣйствіяхъ своихъ на матерію организованную, какими бы свойствами они ее еще ни одаряли. Да и проблема жизни не разрѣшается нисколько тѣмъ, что протоплазму дѣлаютъ обиталищемъ таинственныхъ, «незримыхъ духовъ». Передъ нами взрослый организмъ, въ высшей степени дифференцированный и сложный; онъ представляетъ «загадку», которая ставитъ насъ въ тупикъ; мы переносимъ эту загадку въ клѣтку или протоплазму. Но развѣ отъ этого мы что нибудь выиграемъ, развѣ загадка прибижается къ разгадкѣ? Нисколько, мы лишь тѣшимся словами, любуемся тѣмъ міромъ, въ который насъ уноситъ фантазія, забывая, что этотъ чудный міръ есть не что иное, какъ дѣтскій карточный домикъ. Мы ребячески увлекаемся капризной игрой неуловимыхъ единицъ, всѣхъ этихъ пангенъ, идіобластовъ, мицеллей, плазомъ, біофоръ и детерминантовъ, увлекаемся съ такой же силой, съ какой увлекались игрой добродѣтельныхъ фей и злыхъ волшебницъ, овладѣвавшихъ нашимъ умомъ, когда мы слушали чудныя сказки старушки-няни. Пока мы силимся разрѣшить загадку взрослаго организма, мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ, доступнымъ опыту и наблюденію, мы должны считаться съ дѣйствитель-

ностью; но когда загадка перенесена въ область таинственныхъ единицъ, которыя для большей импозантности окрещены греческими названіями, мы совершенно теряемъ подъ ногами реальную почву, мы свободно носимся въ пространствѣ и «выдумки» нашей разгоряченной фантазіи принимаемъ за нѣчто очень цѣнное.

II.

Когда намъ въ началѣ статьи пришлось характеризовать пять теорій протоплазматическаго строенія, непосредственно наблюдаемаго въ микроскопъ, мы намѣренно не говорили объ одной, чтобы заговорить о ней теперь. Это теорія ячеистаго или *пѣнистаго* строенія протоплазмы, строенія, напоминающаго собой внѣшній видъ пчелиныхъ сотъ. Авторъ ея, извѣстный натуралистъ Бючли, выгодно отличается отъ вышеназванныхъ «структуристовъ» тѣмъ, что онъ не увлекся крайней легкостью созданія гипотетическихъ единицъ и той нестѣсненной ничѣмъ игрой, которою ихъ можно надѣлить. Свободному и удобному пути фантазіи онъ предпочелъ тяжелый трудъ наблюденія и опыта; онъ твердо помнилъ, что структура протоплазмы *прежде всего* физическаго характера, и обнаруживается она, слѣдовательно, физическими признаками. Онъ возымѣлъ мысль создать искусственно структуру, подобную протоплазматической, и нашелъ, что послѣдняя построена по типу жидкой пѣны. Свою теорію онъ назвалъ поэтому «пѣнистой» теоріей строенія; онъ не далъ ей греческаго наименованія, и, быть можетъ, сдѣлалъ здѣсь промахъ, такъ какъ подъ античнымъ флагомъ она нашла бы себѣ вѣроятно больше приверженцевъ. Взгляды Бючли на протоплазму настолько отличны отъ обычно циркулирующихъ на ея счетъ взглядовъ, что мы считаемъ нелишнимъ остановиться на нихъ подробнѣе, хотя они и труднѣе для пониманія, такъ какъ привлекаютъ къ себѣ на помощь цѣлыя главы физики, и главы, нужно прибавить, нелегкія. Мы постараемся, однако, быть по возможности яснѣе.

Обратимся къ трудамъ Бючли. Еще въ 1876 г. онъ указывалъ на то, что «*явленія элементарной жизни станутъ понятны лишь чрезъ познаніе физико-химическихъ условій ея возникновенія и исчезновенія*», и тогда же онъ, пытаясь раскрыть механизмъ дѣленія клѣточнаго тѣла, первый остановилъ свое вниманіе на одномъ, чрезвычайно важномъ, по его мнѣнію, свойствѣ жидкаго тѣла—на *поверхностномъ натяженіи*. Позже, критикуя работы Фроманна, Гейцмана и др., Бючли утверждалъ, что то сѣтчатое, состоящее изъ сплетенныхъ межъ собой волоконъ, строеніе, которое они принимали, какъ присущее протоплазмѣ, было на самомъ дѣлѣ лишь кажущимся, такъ какъ оно представляло *оптическій разрѣзъ* строенія ячеистаго (альвеолярнаго), сходнаго съ строеніемъ пчелиныхъ сотъ. Произведенныя Бючли затѣмъ изслѣдованія надъ морскими корненожками, различными инфузоріями и другими низшими организмами

убѣдили его въ томъ, что ячеистое строеніе не есть случайное явленіе, характеризующее ту или иную протоплазму той или иной ткани, а что оно имѣетъ такое же, такъ сказать, первоосновное значеніе для построенія живого вещества, какое клѣтка имѣетъ для построенія дифференцированнаго организма. Убѣжденность во всеобщемъ распространеніи такой структуры плазмы привела Бючли къ выводу, что въ ней именно и лежитъ источникъ нѣкоторыхъ особыхъ свойствъ живой матеріи, до сихъ поръ являвшихся физіологической загадкой. Этотъ выводъ блистательно подтвердился тѣми экспериментальными изысканіями, которыми, какъ справедливо замѣтилъ Ферворнъ, «Бючли безпрерывно поражалъ послѣдніе годы научный міръ», и которыя онъ публиковалъ въ своей книгѣ «О микроскопическихъ пѣнахъ и протоплазмѣ» *). Книга эта, въ которой, по сознанію самого Бючли, даны лишь нѣкоторые матеріалы для рѣшенія вопроса о *физическихъ* условіяхъ жизненныхъ явленій, есть безусловно классическое, хотя до сихъ поръ еще не оцѣненное по достоинству, произведеніе; оно, безъ сомнѣнія, займетъ выдающееся мѣсто въ ряду твореній тѣхъ умственныхъ корифеевъ XIX ст., которые, вслѣдствіе крупнаго размаха преслѣдуемой ими идеи, какъ-то сразу и надолго выводили изъ мертвой точки ту или иную отрасль знанія, сообщали ей поступательное движеніе впередъ и, возбуждая вокругъ себя всегда ожесточенную полемику, держали въ напряженномъ состояніи научную самодѣятельность; оно будетъ служить крайне рельефнымъ памятникомъ какъ геніальности современнаго естественно-научнаго замысла, широты охвата его, такъ и того великаго мастерства, съ какимъ этотъ замыселъ приводится въ исполненіе не при помощи спекулятивной игры ума, а при помощи *цѣлесообразно направленнаго* (т. е. руководимаго общей научной идеей) и въ то же время строго обоснованнаго опыта.

Основная мысль Бючли такова: построеніе протоплазмы соотвѣтствуетъ микроскопически тончайшей *пѣнѣ*, съ тѣмъ лишь различіемъ, что содержаніе камеръ обыкновенной пѣны есть воздухъ, а содержаніе камеръ плазматической пѣны—водяная жидкость. Если мы разсматриваемъ протоплазму клѣтки, содержащую много, такъ называемыхъ, вакуолей (пузырьковъ), или жидкихъ капель и пріобрѣтающую поэтому пѣнистый видъ, при сильномъ микроскопическомъ увеличеніи, то мы не видимъ указаннаго только что густого скопленія пузырьковъ, а видимъ лишь нѣкоторую сѣть, составленную изъ отдѣльныхъ нитей, болѣе или менѣе правильно сплетенныхъ между собой; другими словами, то изображеніе, которое мы получаемъ при наблюденіи пузырчатой протоплазмы *подъ микроскопомъ*, рѣзко отличается отъ того внѣшняго habitus'а, который

*) O. Bütscli. «Untersuchungen über mikroskopische Schäume und Protoplasma». Versuche und Beobachtungen zur Lösung der Frage nach den physikalischen Bedingungen der Lebenserscheinungen.

мы замѣчаемъ, когда наблюдаемъ ту же протоплазму *непосредственно*. Такое различіе въ наружномъ видѣ обусловливается собственно тѣмъ, что подъ микроскопомъ мы видимъ обыкновенно не самое тѣло, а оптическій разрѣзъ его; пѣна же въ такомъ разрѣзѣ даетъ сѣтчатую картину.

Эти общія соображенія и привели Бючли къ заключенію, что то крайне тонкое сѣтевидное строеніе, которое обнаруживаетъ при слабыхъ увеличеніяхъ видимо-однородная протоплазма нѣкоторыхъ клѣтокъ, есть лишь оптическое выраженіе столь же тонкой пузырчато-пѣнистой структуры; поэтому,—и здѣсь именно кроется все глубокое значеніе работъ Бючли,—такая микроскопическая пѣна, еслибъ только ее удалось получить искусственно, обнаружила бы, можетъ быть, свойства тождественныя съ нѣкоторыми особенностями живой плазмы. Задача такимъ образомъ сводилась къ тому, чтобы образовать микроскопически тонкую пѣну, и разрѣшеніе этой нелегкой задачи, чисто физической, такъ какъ она тѣсно примыкала къ явленіямъ молекулярной физики (капиллярности), взялъ на себя Бючли. Первые опыты, къ которымъ онъ приступилъ, по его словамъ, «съ такимъ же смутнымъ чувствомъ, какимъ были волнуемы старые алхимики въ своихъ безнадежныхъ поискахъ философскаго камня» *), оказались не совсѣмъ удачны, такъ какъ, за отсутствіемъ какого-либо общаго техническаго пріема, онъ не могъ получить *эмульсіи*, т. е. жидкости, наполненной суспензированными въ ней каплями. Ему приходилось выработать самый методъ приготовленія искусственныхъ пѣнъ, до сихъ поръ почти не затронутыхъ физическими изслѣдованіями, и лишь послѣ долгаго, гадательнаго блужданія онъ попалъ на истинный путь и положилъ начало тому новому *біофизическому методу*, который идетъ на смѣну методу непосредственнаго микроскопическаго наблюденія, исчерпавшаго, такъ сказать, всѣ свои рессурсы, и даетъ возможность познать протоплазму путемъ совершенно отличнымъ отъ того, какимъ это познаніе шло до сихъ поръ, а именно, путемъ искусственнаго воспроизведенія отдѣльныхъ явленій, свойственныхъ живому веществу **).

Нѣкоторымъ толчкомъ, показавшимъ Бючли направленіе, въ какомъ нужно вести работы, послужили для него сообщенія гейдельбергскаго физика Квинке по диффузіи водныхъ жидкостей сквозь жирныя масла и докладъ того же физика о движеніи протоплазмы ***). Руководясь общими соображеніями о диффузіи, Бючли растиралъ

---

*) „Untersuch. über mikrosk. Schäume und Protop.“ (4).

**) Н. Чермакъ «О построеніи живого вещества». (Гипотеза живыхъ молекулъ—вихрей), стр. 11—12.

***) Quincke. «Ueber Protoplasmabewegung u. verwandte Erscheinungen»; въ этомъ докладѣ Квинке настаиваетъ уже на аналогіи между явленіями теченія въ плазмѣ и такими же теченіями въ масляныхъ капляхъ и указываетъ на *поверхностное натяженіе*, какъ на общую причину тѣхъ и другихъ.

въ агатовой ступкѣ возможно-тонко какое-либо растворимое въ водѣ вещество (сахаръ, поваренную соль), прибавлялъ каплю стараго оливковаго масла и превращалъ эту смѣсь въ густое тѣсто. Маленькія капли послѣдняго наносились на покровное стеклышко, которое опрокидывалось надъ другимъ предметнымъ стеклышкомъ, содержащимъ каплю воды. Тотчасъ же начинался живой и правильный диффузіонный обмѣнъ между маслянистымъ тѣстомъ и водой, который легко было обнаружить прибавленіемъ къ смѣси туши и который выражался въ томъ, что въ верхней области вода со всѣхъ сторонъ притекала къ каплѣ, а въ нижней, наоборотъ, радіально истекала отъ капли. Такіе потоки (Strömungen) находили себѣ объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что ближайшій къ каплѣ слой воды, благодаря диффузіи, насыщается заключенной въ смѣси солью, становится удѣльно тяжелѣе, опускается внизъ и, распространившись по предметному стеклу, течетъ отъ капли, въ верхней же части въ это время происходитъ замѣщеніе ушедшаго слоя чистой водой, которая притекаетъ къ каплѣ. Если приготовленную такимъ образомъ каплю маслянистаго тѣста оставить на 24 часа во влажной камерѣ, то она становится молочно мутной, непрозрачной; въ ней появляются мѣстами жидкія капельки, которыя, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются *пѣнистыми*. Опыты съ чистымъ масломъ и каплей воды приводили къ тому же результату, т. е. образованію чрезвычайно тонкихъ жидкихъ капелекъ и обращенію всего масла въ мелкую пѣну, что нужно было приписать присутствію въ маслѣ небольшого количества раствореннаго мыла, которое притягивало диффундирующую воду и, становясь тогда нерастворимымъ въ маслѣ, выпадало въ видѣ мельчайшихъ капель.

Важное вліяніе мыла на образованіе пѣны видно было изъ того, что прибавленіе къ маслу поташа, который обмыливалъ масло, усиливало энергію диффузіоннаго процесса и позволяло увидѣть новые факты въ движеніи пѣнистыхъ капель. Бючли впослѣдствіи для полученія микроскопически тонкой пѣны всегда обращался къ долго выдержанному маслу и поташу, потому что съ этими веществами получались наилучшіе препараты. Въ такой тѣстообразной массѣ, лишь только она приходила въ прикосновеніе съ водой, сейчасъ начинались особыя движенія, такъ какъ частицы поташа выходили наружу, растворялись въ водѣ и вызывали въ маслѣ *потоки истеченія* (Ausbreitungsströme); въ ней замѣчалось постепенное образованіе жидкихъ капелекъ, которыя мутили массу и, выходя на свободную поверхность, часто извергались въ окружающую среду. По прошествіи нѣкотораго времени, изверженія и потоки прекращались, маслянистая капля округлялась, приходила въ покой и представляла тогда очень тонкую однообразную пѣну. Такая микроскопическая пѣна, совершенно тождественная по строенію своему съ макроскопической (крупной) мыльной или пивной пѣной, подъ

микроскопомъ, который даетъ только *и оскій разрѣзъ черезъ пѣну*, кажется составленной изъ многихъ полигональныхъ фигуръ сѣткой.

Какъ уже было упомянуто, одно изъ раннихъ воззрѣній на строеніе протоплазмы утверждало, что протоплазма состоитъ изъ основного вязкаго вещества и многихъ зернышекъ, получившихъ впослѣдствіи названіе «микрозомъ». Первоначально этимъ зернышкамъ отводилась подчиненная роль въ жизнедѣятельности клѣтки; но Альтманнъ недавно показалъ, что они распространены повсемѣстно, и умозаключилъ отсюда, что ихъ значеніе должно быть самое крупное; а именно, онъ видитъ въ этихъ зернахъ (*гранулахъ*) основные жизненные элементы, доступные нашему глазу, и сравниваетъ ихъ съ бактеріями; онъ думаетъ даже, что то, незначительное по своему объему, количество однороднаго вещества, которое замѣчается въ протоплазмѣ рядомъ съ гранулами, на самомъ дѣлѣ представляетъ скопленіе ультра-микроскопическихъ зернышекъ; эти послѣднія въ конечномъ счетѣ, подъ именемъ *біобластовъ*, являются элементарными единицами всякаго живого вещества, хранителями его общихъ и наслѣдственныхъ чертъ. Конечно, фактъ существованія въ протоплазмѣ крупныхъ зеренъ (микрозомъ) не подлежитъ сомнѣнію; но въ такомъ случаѣ и производимая Бючли микроскопическая пѣна, по типу которой будто бы построена протоплазма, должна заключать въ себѣ нѣкоторую зернистость, иначе пѣнистая теорія окажется не выдерживающей и первой направленной противъ нея критики. И Бючли дѣйствительно наблюдалъ въ микроскопической пѣнѣ зернистыя включенія, совершенно напоминающія собой зерна протоплазмы; ихъ происхожденіе въ пѣнѣ онъ объясняетъ причинами, такъ сказать, *оптическаго* свойства, зависящими отъ тѣхъ орудій, при помощи которыхъ производится наблюденіе, и аргументируетъ слѣдующимъ образомъ: пѣна, какъ извѣстно, представляетъ систему тонкихъ жидкихъ пластинокъ; каждыя три пластинки встрѣчаются въ одной грани, образуя между собою уголъ въ 120°, а каждыя три грани встрѣчаются въ одной особой узловой точкѣ (Knotenpunkt). Изслѣдованіе тонкой пѣны показываетъ, что сохраненіе равновѣсія системы требуетъ изгиба пластинокъ, что, вслѣдствіе изгиба, грани становятся немного толще самихъ пластинокъ; еще толще и плотнѣе оказываются узловыя точки, въ которыхъ встрѣчаются грани; вотъ эти уплотненія въ граняхъ и узловыхъ точкахъ придаютъ пѣнѣ, разсматриваемой при слабомъ увеличеніи микроскопа, зернистый видъ. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ оптической иллюзіей.

На первый взглядъ кажется, что ея легко было бы избѣгнуть при посредствѣ точной установки микроскопа; но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Напротивъ, иллюзія усиливается еще больше, благодаря тому обстоятельству, что при всякой установкѣ микроскопа зернистость не перестаетъ обнаруживаться; это постоянство ея присутствія объясняется тѣмъ, что подлежащая изученію пѣна,

какъ бы сжата она ни была, представляетъ всегда нѣсколько слоевъ, расположенныхъ другъ подъ другомъ и неравномѣрно удаленныхъ отъ микроскопа; слѣд., установить одновременно микроскопъ въ желательной мѣрѣ относительно всѣхъ слоевъ невозможно, а въ такомъ случаѣ въ полѣ зрѣнія всегда будутъ находиться мѣста болѣе темныя и болѣе свѣтлыя, напоминающія собой зерна.

Подробности, касающіяся строенія пѣнистыхъ капель, образованія на ихъ поверхности особаго ячеистаго (альвеолярнаго) слоя, лучистаго расположенія токовъ, поразительно сходнаго съ наблюдаемой часто лучистостью въ протоплазмѣ, и многія другія крайне любопытныя свойства микроскопическихъ пѣнъ, мы должны, конечно, обойти молчаніемъ. Но намъ нужно остановить свое вниманіе на весьма характерныхъ для масляно-мыльной пѣны явленіяхъ теченія. Хорошо удавшаяся пѣнистая капля, будучи промыта водой подъ покровнымъ стекломъ, начинаетъ медленно двигаться въ какомъ либо опредѣленномъ направленіи, часто мѣстами образуются выпячиванія, которыя сопровождаются потоками содержимаго капли извнутри наружу. Наблюдаемыя въ каплѣ явленія теченія происходятъ слѣдующимъ образомъ: съ верхняго края, который касается покровнаго стекла, и съ нижняго, который лежитъ на объективѣ, *поверхностные* токи движутся лучисто во всѣ стороны къ экватору, гдѣ они соединяются и текутъ вмѣстѣ къ центру капли; здѣсь этотъ *центростремительный* токъ изгибается вверхъ и внизъ и переходитъ въ вышеупомянутыя поверхностныя теченія. Малыя капли, находящіяся на днѣ объектива, обнаруживаютъ еще и другое теченіе, въ которомъ осевой потокъ идетъ извнутри къ одному пункту экватора, расщепляется во всѣ стороны и въ поверхностныхъ областяхъ капли течетъ внизъ, гдѣ опять обращается въ осевое теченіе. Послѣднее обыкновенно связано съ *движеніемъ впередъ* капли въ направленіи осевого потока, который часто возникаетъ послѣдовательно въ различныхъ точкахъ края капли и заставляетъ ее двигаться въ различныя стороны. Въ большихъ капляхъ, которыя подверглись прессованію, можно вызвать такія же явленія теченія, что и въ малыхъ капляхъ. Средней величины капли, имѣющія одинъ центръ истеченія, принимаютъ продолговато-овальную форму, съ болѣе широкимъ переднимъ концомъ, на которомъ находится центръ. Движеніе капли впередъ, въ направленіи осевого потока, движеніе, провѣряемое посредствомъ микроскопическаго винта, *вполнѣ сходно съ движеніемъ амебы*. Двѣ сосѣднія капли обыкновенно склонны къ встрѣчному движенію; онѣ сталкиваются центрами истеченія, вслѣдствіе чего теченіе въ обѣихъ капляхъ становится сильнѣе, затѣмъ совершенно сливаются, образуя новый центръ истеченія, и наконецъ мѣняютъ свою форму. Движущаяся капля, приближаясь къ покойной каплѣ, вызываетъ въ послѣдней соотвѣтствующій центръ истеченія. Большія капли могутъ образовать многіе центры исте-

ченія; Бючли наблюдалъ, напр., каплю съ 11 такими центрами, развившимися въ цѣлые псевдоподическіе отростки; изъ нихъ нѣкоторые, послѣ того, какъ они особенно сильно вытянулись, отдѣлялись отъ главной массы и двигались, какъ самостоятельныя капли.

Чѣмъ объяснить теченіе пѣнистыхъ капель? Припомнимъ строеніе послѣднихъ; онѣ представляютъ систему масляныхъ пластинокъ, петли которой наполнены водянистой жидкостью; эта жидкость состоитъ изъ воднаго раствора поташа и калійнаго мыла, образующагося дѣйствіемъ поташа на свободныя жирныя кислоты масла. Явленія теченія капель могутъ найти себѣ объясненіе въ измѣненіи такъ называемаго *поверхностнаго натяженія* или напряженіи. Скажемъ нѣсколько словъ о немъ. Факты капиллярности показываютъ, что между молекулами любой жидкости существуетъ взаимное притяженіе, распространяющееся отъ поверхности на очень незначительную толщину и выражающееся въ молекулярномъ давленіи *). Если требуется произвести какую либо деформацію (измѣненіе формы) въ поверхности жидкости, находящейся въ равновѣсіи, то для этого нужно, чтобы воздѣйствующія извнѣ силы совершили извѣстную работу, преодолѣли нѣкоторое сопротивленіе; когда жидкость предоставлена самой себѣ, то она приходитъ къ своей первоначальной формѣ, т. е. внутреннія силы, вызванныя къ дѣятельности деформаціей, производятъ работу, равную и противоположную предшествовавшей. Эта работа есть величина постоянная и особая для каждой жидкости (constante capillaire). Можно поверхность жидкости уподобить эластичной перепонкѣ, подвергнутой во всѣхъ своихъ точкахъ *натяженію*, равному той работѣ, которая совершается сокращеніемъ перепонки **). Форма капли жидкости зависитъ отъ величины поверхностнаго натяженія въ разныхъ мѣстахъ капли; если натяженіе вездѣ одинаково, то капля принимаетъ форму сферическую, но если оно въ какой либо точкѣ уменьшается и тѣмъ нарушаетъ равновѣсіе системы, то все содержимое капли направляетгя къ этой точкѣ, въ которой происходитъ соотвѣтствующее расширеніе. Такія двѣ жидкости, какъ вода и ртуть, напр., помѣщенныя въ одинъ и тотъ же сосудъ, другъ съ другомъ не смѣшиваются, и потому поверхность раздѣленія между ними выступаетъ очень отчетливо; эту поверхность можно уподобить натянутой, растяжимой перепонкѣ, препятствующей смѣшенію жидкостей; сопротивленіе растяженію эластичной перепонки (фиктивной) и называется *поверхностнымъ натяженіемъ* ртути въ касаніи съ водой. Въ зависимости отъ величины натяженія поверхность раздѣла выражена рѣзче или слабѣе; но въ

*) «Cours de physique», par Jamin et Bouty, t. I (Phénomènes capillaires).

**) «Строеніе матеріи», лекціи и рѣчи Вильяма Томсона (см. капиллярное притяженіе).

томъ и другомъ случаѣ измѣненіе этой величины влечетъ за собой деформацію поверхности, т. е. движенія жидкости.

Опытъ показываетъ, что движенія въ пѣнистыхъ капляхъ, на которыя еще до рѣшающихъ работъ Квинке и Бючли указывалъ Бертольдъ *), какъ и движенія эмульсіи, неизмѣнно наступаютъ тогда, когда поверхностное натяженіе одной жидкости (въ данномъ случаѣ масляной капли), помѣщенной въ какую либо однородную среду, уменьшается въ одной или нѣсколькихъ точкахъ, вслѣдствіе односторонняго касанія съ другой жидкостью. Опытъ производятъ такъ, что къ масляной каплѣ на покровномъ стеклышкѣ впускаютъ съ одной стороны мыльный растворъ. Прибавленіе къ препарату черной туши сейчасъ же обнаруживаетъ явленія энергичнаго теченія: въ мѣстѣ касанія замѣчается притекающій изнутри масляной капли осевой потокъ, который, достигая поверхности, стекаетъ по обѣ стороны, замедляетъ свое теченіе и на заднемъ концѣ капли опять переходитъ въ осевой потокъ; подобное же теченіе имѣетъ мѣсто въ окружающей каплю водѣ.

Одновременно съ этимъ происходитъ и *поступательное движеніе впередъ* капли; она движется къ мыльному раствору и принимаетъ мало-по-малу овальную форму съ заостреннымъ переднимъ концомъ. Такъ какъ поверхностное натяженіе между масломъ и растворомъ мыла меньше, чѣмъ натяженіе между масломъ и водой, то при одностороннемъ касаніи съ растворомъ мыла равновѣсное состояніе натяженія на поверхности капли нарушается; та эластичная натянутая перепонка, о которой мы говорили выше, извѣстнымъ образомъ стягивается въ мѣстѣ касанія съ водой, такъ какъ здѣсь натяженіе больше, и вызываетъ оттеканіе масла съ передняго конца на задній. Но при этомъ должна мѣняться и форма капли; въ самомъ дѣлѣ, пока капля находится въ водѣ, она, вслѣдствіе равнаго со всѣхъ сторонъ поверхностнаго натяженія, принимаетъ шаровидную форму, ибо только при такой формѣ направленное внутрь капиллярное давленіе вездѣ равно (это давленіе дѣйствуетъ перпендикулярно къ кривизнѣ поверхности и обратно пропорціонально радіусу кривизны). Но если какой либо край капли касается мыльнаго раствора, то натяженіе здѣсь уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и направленное внутрь давленіе; поэтому, смоченное мыльнымъ растворомъ мѣсто капли перестаетъ уравновѣшивать ту часть поверхности ея, которая водой не смочена и въ которой слѣд. давленіе осталось неизмѣненнымъ; для возстановленія равно-

*) «Studien über Protoplasma-Mechanik»; авторъ приписываетъ протоплазмѣ строеніе чрезвычайно-сложной эмульсіи, состоящей изъ множества химическихъ веществъ, другъ въ другѣ нерастворимыхъ; помѣщенная въ жидкую среду, эта эмульсія служитъ мѣстомъ безпрерывнаго осмотическаго обмѣна, устанавливающаго концентрическое расположеніе слоевъ вещества и обусловливающаго болѣе или менѣе правильное возростаніе или убываніе поверхностнаго натяженія слоевъ.

вѣсія смоченное мѣсто должно немного искривиться, выпятиться впередъ,—и, дѣйствительно, опытъ показываетъ, что капля принимаетъ соотвѣтствующую форму.

Описанныя только что явленія теченія ясно указываютъ, что потоки маслянопѣнистыхъ капель вызываются также мѣстнымъ уменьшеніемъ поверхностнаго натяженія. Изъ образованія пѣны видно, что жидкость, наполняющая камеры или соты пѣны, есть водный растворъ мыла; какъ черезъ диффузію, такъ и черезъ разрывъ поверхностныхъ камеръ, мыльный растворъ выступаетъ наружу, вызываетъ мѣстныя пониженія поверхностнаго натяженія, и вмѣстѣ съ тѣмъ явленія истеченія и поступательнаго движенія капли. Наблюдаемыя въ пѣнистыхъ капляхъ особыя циркуляціонныя теченія объясняются такимъ образомъ: выступающій наружу мыльный растворъ имѣетъ не вездѣ одинаковую концентрацію, пониженіе поверхностнаго натяженія различно,—отсюда явленія правильныхъ круговыхъ теченій въ каплѣ.

Мы разсмотрѣли, по необходимости, очень бѣгло строеніе и нѣкоторыя свойства пѣнистыхъ капель. Остается указать теперь на изслѣдованія Бючли протоплазматической структуры. Выше уже было замѣчено, что микроскопическая пѣна подъ микроскопомъ, дающимъ обыкновенный оптическій разрѣзъ наблюдаемаго тѣла, представляется въ видѣ сѣти съ утолщенными узлами, поэтому, если протоплазма построена по типу пѣны, то и въ ней мы должны подъ микроскопомъ увидѣть сѣтчатое строеніе, на которое еще указывалъ Гейцманнъ, а за нимъ и Лейдигъ. Въ дѣйствительности, такой сѣтчатый остовъ въ протоплазмѣ и наблюдается; изученныя Бючли сосущія и рѣсничныя инфузоріи въ живомъ состояніи обнаруживаютъ рѣзкую сѣтчатую картину; подъ внѣшней оболочкой лежитъ направленный радіально къ поверхности особый альвеолярный слой (т. е. ячеистый слой, напоминающій собой ячейки пчелиныхъ сотъ); изъ другихъ простѣйшихъ особенно любопытны нѣкоторыя радіоляріи и снабженныя известковой скорлупой морскія корненожки, такъ какъ ихъ внѣшній видъ и движенія поразительно сходны съ тѣми видомъ и движеніями, которые представляются искусственной маслано-мыльной пѣной; здѣсь также ясно видны и отдѣльныя петли, и узловыя точки, и лучистые слои. Но не только протоплазма одноклѣтчатыхъ организмовъ, а вмѣстѣ съ ними и бактерій (строеніе которыхъ Бючли раскрылъ еще въ 1890 г.), обнаруживаютъ сѣтчатое строеніе; яйцевыя клѣтки, особенно въ періодѣ ихъ дѣленія, когда у нихъ наблюдается замѣчательное лучистое явленіе, красныя кровяныя тѣльца, эпителіальныя клѣтки, гангліозныя клѣтки спинного мозга и др.,—всѣ онѣ показываютъ одно и тоже: болѣе или менѣе слабо выраженное сѣтчатое строеніе, зернистость и радіально расположенный поверхностный слой, который, если иногда и кажется безструктурнымъ, то только потому, что эта структура крайне тонка и трудно уловима. Отсюда тотъ выводъ, что всякая

клѣточная протоплазма, которая, по причинамъ чисто оптическаго свойства, кажется сѣтчатой или зернистой, представляетъ пѣнистую массу, составленную изъ отдѣльныхъ камеръ; камеры эти наполнены особой жидкостью, несмѣшивающейся съ стѣнками камеръ. Протоплазма есть полужидкое вещество или, правильнѣе, смѣсь разнородныхъ жидкихъ веществъ, т. е. эмульсія, построенная по типу физической пѣны,—вотъ та основная мысль, которая вытекаетъ изъ біофизическихъ изслѣдованій Бючли. Многія, если не всѣ, жизненныя явленія простѣйшей клѣтки находятъ себѣ объясненіе въ пѣнистомъ строеніи ея, и отнынѣ всякая дѣйствительно научная теорія, которая не думаетъ тѣшить себя причудливой пляской выдуманныхъ ad hoc органитъ, элементовъ, единицъ, подъ какими бы греческими названіями они ни фигурировали, но которая хочетъ серьезно приблизиться къ разрѣшенію первоначальныхъ проблемъ біологіи, не можетъ игнорировать такой крупный фактъ, какъ *физическое* строеніе протоплазмы; она должна считаться съ нимъ, должна слѣд. опять, и быть можетъ теперь наиболѣе плодотворнымъ образомъ, призвать на свою помощь физику. «Міровая загадка» жизни можетъ быть разгадана лишь совокупными усиліями отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ, которыя представляютъ различныя стороны дѣятельности одного и того же человѣческаго духа.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

И. Брусиловскій.

СВѢТЛЫЙ ЛУЧЪ *).

Повѣсть.

I.

Въ длинномъ, полутемномъ корридорѣ, тянувшемся во весь подвальный этажъ огромнаго больничнаго зданія, шаги отдавались глухо и исчезали въ замысловатыхъ многогранныхъ сводахъ, населенныхъ какими-то причудливыми тѣнями, страннымъ образомъ пересѣкавшимися между собою. Отъ земляного пола, посыпаннаго пескомъ, поднималась сырость, которая чувствовалась, какъ чувствуется въ утренній часъ послѣ дождливой ночи, туманъ, поднимающійся съ поля. Воздухъ затхлый, промозглый, пропитанный густымъ запахомъ лѣкарствъ и дезинфекціи. Влажныя стѣны, въ иныхъ мѣстахъ покрытыя сѣрыми и зелеными грибками сырости, угрюмо надвигались съ обѣихъ сторонъ. Изрѣдка однообразіе нарушалось широкими сводчатыми входами налѣво—безъ дверей. Тамъ подымались чугунныя лѣстницы, которыя вели въ палаты для больныхъ. Протянутыя всюду проволочныя сѣтки, въ видѣ предосторожности на случай паденія, свидѣтельствовали, что больные принадлежатъ къ неспокойнымъ.

Иногда навстрѣчу попадался больничный служитель съ ведромъ или шваброй въ рукахъ. Иногда, неизвѣстно откуда, долеталъ и замиралъ дикій, сдавленный крикъ, какъ будто въ этой темной дырѣ кого-нибудь душили...

Привычной, неторопливой поступью шла Надежда Ивановна въ самый дальній конецъ корридора, гдѣ помѣщалась сборная комната для врачей. Лицо ея при подвальномъ освѣщеніи казалось мертвенно-блѣднымъ, и это противорѣчило ея живымъ, энергичнымъ движеніямъ и, можетъ быть, нѣсколько излишней полнотѣ ея фигуры.

Какъ бы защищаясь отъ сырости, она плотно прижимала къ своимъ плечамъ черный платокъ и въ то же время снимала перчатки. Вотъ узкій поворотъ направо, желтая дверь съ блестящими мѣдными ручками. Она надавила ручку и вошла.

---

*) Начало этой повѣсти было напечатано въ журналѣ «Новое Слово» *Ред.*

Сразу на нее пахнули—шумъ голосовъ, густой табачный дымъ и многолюдство. Комната была невелика. Три окна, наполовину спускавшихся ниже уровня мостовой, недостаточно ярко освѣщали ее. Но все же здѣсь было неизмѣримо больше свѣта, чѣмъ въ корридорѣ, и этотъ свѣтъ показалъ, что на щекахъ ея не только не было блѣдности, но, напротивъ, игралъ яркій, здоровый румянецъ.

Здѣсь было всего семеро, но казалось, что ихъ гораздо больше. Они о чемъ-то спорили. Но она не вникала, потому что привыкла уже каждый день слышать здѣсь неинтересныя вещи.

Почти машинально подала она всѣмъ руку, и, занявъ мѣсто за длиннымъ столомъ у самаго дальняго края, сидѣла молча.

— А вы никогда не опаздываете, Надежда Ивановна, — вскользь, какъ бы вспомнивъ, что надо оказать дамѣ любезность, сказалъ ей высокій, стройный, щеголеватый докторъ Черницынъ, въ коротенькомъ пиджакѣ, съ франтоватымъ пестрымъ галстухомъ на шеѣ, въ бѣлоснѣжномъ воротничкѣ рубахи какой-то необыкновенно модной формы.

Она не отвѣтила; ей и не нужно было отвѣчать, потому что онъ тотчасъ же забылъ о ней и продолжалъ споръ. Она никакъ не могла понять, въ чемъ дѣло. Всякій разъ, когда она входила въ эту комнату, ей надо было приложить много труда, чтобы понять общій, обыкновенно очень шумный разговоръ. Здѣсь она уже три мѣсяца и никакъ не можетъ свыкнуться съ мыслью, что въ больницѣ, въ докторской комнатѣ, всегда говорятъ о чемъ угодно, только не о медицинѣ и не о больныхъ. Слышала она здѣсь споры объ интересномъ процессѣ, который шелъ въ судѣ, о новомъ балетѣ, новой пьесѣ. Здѣсь много занимались разсказами изъ частной жизни товарищей, немало посвящали времени анекдотамъ, которые иногда и ее смѣшили до слезъ; но больше всего говорили здѣсь о скачкахъ и бѣгахъ. Можно было подумать, что здѣсь клубъ спортсменовъ. Говорили не по дилеттантски, а съ большимъ знаніемъ дѣла; въ особенности отличался Сторѣцкій, давній больничный служака, состоявшій при ней уже лѣтъ двадцать пять и пользовавшійся репутаціей опытнаго врача. Онъ, правда, никогда не горячился, а всегда говорилъ спокойно, съ разстановкой и достоинствомъ, но его знанія въ этомъ дѣлѣ были поразительны.

Онъ и теперь, весь утопая въ дымѣ своей папиросы, отстаивалъ отъ общихъ нападеній какую-то «Травіату», которая на вчерашнихъ бѣгахъ обманула общія ожиданія.

— Для меня,—говорилъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ,— въ лошади важно не то, выиграла она или нѣтъ, а только

порода. Въ лошади порода, это—все. Я признаю только аристократическую породу.

Маленькій, широкоплечій толстякъ, съ клинообразной темной бородкой, которая у него вертѣлась изъ стороны въ сторону, точно на пружинѣ, Тетюшинъ, постоянно то снимавшій, то опять надѣвавшій на носъ золотые очки, какъ-то комически кряхтя, замѣтилъ на это своимъ хриплымъ голосомъ:

— А по моему, пусть это будетъ хоть ломовой битюгъ, лишь бы пришелъ первымъ и далъ мнѣ выигрышъ.

Споръ разгорался. Двое совсѣмъ молодыхъ врачей, только въ этомъ году вмѣстѣ съ Надеждой Ивановной поступившіе въ больницу безъ жалованья, единственно для практики, очевидно изъ благородныхъ побужденій присоединились къ Сторѣцкому и доказывали вмѣстѣ съ нимъ, что истинный спортсменъ вовсе не долженъ играть, а только наслаждаться красотой бѣга.

— Такъ что по вашему самый интересный спортсменъ, это—Надежда Ивановна, потому что она не только не играетъ, но даже на бѣга не ѣздитъ!—сказалъ Тетюшинъ съ видомъ самаго непобѣдимаго довода.

Надежда Ивановна посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ. Впрочемъ, недоумѣніе было свойственно ея взгляду. Ея глаза всегда какъ будто о чемъ-то спрашивали.

— Э,—отозвался Черницынъ,—Надежда Ивановна еще вся впереди. Она теперь еще душой въ Цюрихѣ, а годика черезъ два изъ нея выйдетъ такая же заядлая тотошница, какъ Дарья Пантелѣевна.

Надежда Ивановна пожала плечами.

— Господа,—сказала она какимъ-то необыкновенно звонкимъ, здоровымъ голосомъ,—когда вы перестанете быть скучными?

Сторѣцкій всталъ, подошелъ къ ней и, отечески взявъ ее за локоть, не безъ комизма произнесъ:

— Милый мой другъ, именно тогда, когда вы насъ развеселите!

Всѣ разсмѣялись. Разговоръ о бѣгахъ на минуту прервался. Кто-то взглянулъ на часы и высказалъ мысль, что Семенъ Ивановичъ, старшій врачъ, вѣроятно сегодня опоздаетъ къ обходу.

Вошелъ служитель и положилъ на столъ три письма. Сторѣцкій взялъ ихъ, повертѣлъ въ рукахъ, одно передалъ Тетюшину, прибавивъ:—«вамъ всегда женской рукой адресы пишутъ»,—другое взялъ себѣ и третье отдалъ Надеждѣ Ивановнѣ.

Пока занимались чтеніемъ писемъ, другіе молчали. Кто-то изъ молодыхъ смотрѣлъ въ окно и насвистывалъ. Въ это время вошло еще двое врачей, и зашуршали шелковыя юбки

Дарьи Пантелѣевны Кульковой, на пышной груди которой, рядомъ съ двумя живыми розами, красовался докторскій знакъ. Къ Надеждѣ Ивановнѣ подходили, подавали руку, она отвѣчала тѣмъ же, но ни на кого не обращала вниманія и не видѣла даже лицъ. Она читала письмо, которое было изъ Вильны.

«Милый другъ, Надежда Ивановна, пишу тебѣ это письмо въ самомъ скверномъ настроеніи. Такая тоска, такая пустота! Дѣла, дѣла много, но нельзя же жить однимъ дѣломъ. Я женщина, и мнѣ нужны люди, живые люди. А люди здѣсь такіе же, какъ и вездѣ, и такіе точно, какъ тѣ, о которыхъ ты мнѣ пишешь. Мелькнуло, было, одно явленіе, но какъ метеоръ исчезло. Я уже писала тебѣ о Барвинскомъ. Онъ пріѣхалъ сюда мѣсяца четыре тому назадъ; помнишь, я не пожалѣла красокъ на изображеніе моего восторга, и я не беру ни одного слова назадъ. О, нѣтъ, я и до сихъ поръ иногда думаю, что это мнѣ снилось. Что за свѣтлая душа! Нѣтъ словъ, чтобъ выразить тебѣ то высокое чувство, какое онъ вселилъ въ меня. Но все хорошее не долго бываетъ среди насъ. Я уже объ этомъ писала тебѣ: мѣсяца полтора тому назадъ онъ исчезъ съ моего горизонта. Онъ заболѣлъ и съ тѣхъ поръ не показывался у насъ; даже никто изъ товарищей его не видалъ. Жена его куда-то увезла. Я думала, что все же увижу его. Но сейчасъ узнала, что онъ больше не пріѣдетъ. Онъ перевелся въ Петербургъ и, кажется, въ вашу больницу. Если это правда, то ты счастливѣе меня. Впрочемъ, ты сама увидишь и поймешь. Повѣрь, что если бы онъ былъ зауряднымъ явленіемъ, я бы не написала тебѣ тѣхъ писемъ, которыя вылились у меня изъ души. Пожалуйста, напиши мнѣ все, что узнаешь о немъ...»

— Ахъ, да, господа! — донесся до ея слуха хриплый голосъ Тетюшина: вы знаете кто къ намъ перевелся?

— Кто такой?—спросили нѣсколько голосовъ.

— Бобочка Барвинскій.

— Да неужели? Такъ онъ отыскался?

— Но какъ же! Сегодня былъ у меня. Раннимъ утромъ, едва я только протеръ глаза, слышу—звонокъ. Признаться, я даже выругался, вообразивъ, что или какой-нибудь шальной паціентъ, или—еще того хуже—въ больницѣ какая-нибудь катастрофа. Кто такой? Ба! Это и оказался Бобочка! Я его принялъ въ объятія. Какими судьбами? спрашиваю. Да очень простыми, говоритъ. Соскучился по Петербургу, вотъ и пріѣхалъ. А кромѣ того, диссертацію хочу защищать.

Надежда Ивановна внимательно прислушивалась къ этимъ словамъ и не вѣрила ушамъ своимъ. Изъ Вильны она получала письма каждую недѣлю. У нея есть нѣсколько писемъ отъ Строевой, ея товарки по факультету въ Цюрихѣ,—посвя-

щенныхъ Барвинскому. Строева—человѣкъ съ большими требованіями. Ей тридцать пять лѣтъ, она много жила, много испытала, знаетъ людей. Она говоритъ о Барвинскомъ, какъ о какомъ-то необыкновенно свѣтломъ явленіи. Вѣдь эти письма лежатъ у нея въ шкатулкѣ, она ихъ не выдумала. И тамъ есть факты, въ самомъ дѣлѣ поразительные факты.

Но какъ же это совмѣстить? Барвинскій въ то же время другъ Тетюшина, этого добраго малаго, никогда, однако, не подымавшагося выше увлеченія тѣми дамами, которыя пишутъ ему письма, да скаковыми фаворитами. И онъ для Тетюшина оказывается Бобочкой.

Разговоръ продолжался.

— Ну, что же онъ? Все тотъ же?

— Безъ перемѣны! Съ виду постарѣлъ немного, лобъ увеличился,—значитъ лысѣть начинаетъ, въ бородѣ бѣлизна появилась. Ну, да вѣдь ему, господа, за тридцать, какъ и мнѣ грѣшному. Ничего,. ничего,—прибавилъ онъ, какъ-то особенно подмигивая ей и Дарьѣ Пантелѣевнѣ,—я передъ дамами своихъ лѣтъ не скрываю. Лѣта не мѣшаютъ мнѣ быть интереснымъ... Все такой же весельчакъ,—продолжалъ онъ,—остритъ по прежнему, великолѣпно разсказываетъ анекдоты, много новыхъ анекдотовъ привезъ и завтра ужъ на бѣгахъ будетъ...

— Слушайте, Тетюшинъ, — вдругъ, почти помимо своей воли, обратилась къ нему Надежда Ивановна:—это тотъ, что былъ въ Вильно?

— А вы знаете? Ахъ, да, у васъ тамъ корреспондентк есть. Ну, да, тотъ самый. Мы вѣдь съ нимъ вмѣстѣ кіевскі университетъ кончили. Вотъ онъ васъ расшевелитъ, Надежд Ивановна... Только берегитесь, опасенъ. Это не намъ чета. Мы, знаете, люди простые и намъ простыя женскія души симпатизируютъ, а вы натура сложная, нераскусимая, а Бобочка какъ-то особенно умѣетъ нераскусимыхъ раскусывать.

Какое-то чувство оскорбленія сдавило горло у Надежды Ивановны. Она вдругъ почувствовала что-то враждебное и къ Тетюшину, и къ Барвинскому. Ей даже стало непріятно, когда Тетюшинъ прибавилъ:

— А онъ, можетъ быть, сегодня заѣдетъ сюда. Ахъ, да, вообразите, лошадей завелъ Бобочка, да еще какихъ! Лошади вѣдь всегда были его страстью!

— Да откуда же это все взялось?—спросилъ Черницынъ:— вѣдь у него денегъ никогда не было.

— Ахъ, развѣ я вамъ не сказалъ? Вѣдь онъ женился. Какъ же! Уже лѣтъ шесть будетъ. Ну, жена лѣтъ на восемь старше его,—онъ самъ говорилъ мнѣ это,—но это ничего. За-то у нея прекрасное имѣніе въ Гродненской губерніи и домъ въ

Москвѣ. Впрочемъ, этого онъ мнѣ не сказалъ, это я изъ другихъ источниковъ знаю.

— Ага, молодчина Бобъ! Не ожидалъ, что онъ такъ хорошо устроится.

Сторѣцкій не принималъ участія въ этомъ разговорѣ; у него былъ странный видъ, какъ будто этотъ разговоръ былъ ему даже непріятенъ. Онъ стучалъ пальцами по столу и часто посматривалъ на часы, какъ будто нетерпѣливо ждалъ обхода, который обыкновенно не слишкомъ интересовалъ его. Потомъ онъ вдругъ поднялся и сказалъ такимъ тономъ, словно нарочно хотѣлъ прекратить этотъ разговоръ:

— Ну, господа, я думаю, что мы сегодня Семена Ивановича не дождёмся и сдѣлаемъ обходъ безъ него. Я подозрѣваю, что его экстренно вызвали въ судъ для экспертизы, тамъ какъ разъ теперь какихъ-то психопатовъ судятъ...—Онъ мелькомъ взглянулъ на Надежду Ивановну и прибавилъ:—что это у васъ такое недовольное лицо? Это даже не идетъ къ вашимъ розовымъ щечкамъ.

Она не отвѣтила. Всѣ поднялись и вышли въ корридоръ, потомъ повернули направо и стали подыматься по лѣстницѣ.

Надежда Ивановна поровнялась съ Сторѣцкимъ.

— Вы знаете Барвинскаго?—спросила она его.

— А что? Васъ онъ интересуетъ? Вотъ женщина! Не хочетъ оставить въ покоѣ даже того, который еще только, такъ сказать, in spe!..

Но Надежда Ивановна видѣла, что онъ хочетъ отшутиться.

— Да, меня онъ интересуетъ!—промолвила она:—Я хочу только знать, подходитъ онъ подъ характеристику Тетюшина?

— А, вотъ что! Ну, какъ вамъ сказать! И да, и нѣтъ.

— Что же это значитъ?

— А, впрочемъ, сами увидите. Признаться, онъ и у меня былъ сегодня. Вотъ кончимъ обходъ и вѣроятно найдемъ его внизу; вѣдь онъ здѣсь не новичекъ. Онъ въ нашей больницѣ начиналъ свою карьеру.

— Правда, что онъ женатъ на старшей себя?

— Это правда.

— И она богата?

— И это, кажется, правда. Лошади, дѣйствительно, у него прекрасныя. Что это вы такъ спрашиваете, словно у васъ съ нимъ романъ былъ? Ну, женщина!

— О, что вы! Я его никогда не видала.

— Странно! Если бы романъ былъ, такъ я еще понялъ бы, а такъ не понимаю.

Они вошли въ переднюю, потомъ въ палату.

II.

Послѣ обхода Надежда Ивановна никого новаго внизу не встрѣтила. Барвинскій, очевидно, въ этотъ день въ больницу не пришелъ.

До вечера она была свободна, а вечеромъ ей надо было начать дежурство въ женскомъ отдѣленіи. Она вышла вмѣстѣ съ другими. Сторѣцкій отправился къ старшему врачу узнать, почему тотъ не пришелъ. Нѣкоторые зашли въ сборную комнату. Двое молодыхъ врачей тотчасъ сѣли на извозчика. Она осталась съ Черницынымъ.

— Довезти васъ?—спросилъ тотъ, подзывая извозчика.

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ надо зайти въ два мѣста!—отвѣтила Надежда Ивановна.

— Практика?

— Да, практика.

— Я говорилъ, что женщины-врачи отобьютъ у насъ кусокъ хлѣба.

— Развѣ вы безъ куска хлѣба сидите?

Онъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, я шучу, я всегда за женщинъ. Развѣ вы не знаете, что я всегда за женщинъ?

Онъ простился и уѣхалъ. Надеждѣ Ивановнѣ дѣйствительно надо было зайти въ два мѣста. Но если бы даже было и не такъ, она съ Черницынымъ не поѣхала бы.

Онъ былъ ей непріятенъ. Слишкомъ ужъ много самоувѣренности было въ этомъ человѣкѣ. Красивая наружность дала ему много легкихъ побѣдъ надъ женщинами, и потому онъ сталъ считать себя неотразимымъ. Теперь онъ за женщинами уже не ухаживалъ, а какъ бы предоставлялъ себя въ ихъ распоряженіе. Онъ словно только выбиралъ между ними, а затѣмъ, когда выборъ былъ сдѣланъ, ему оставалось только взглянуть, чтобъ побѣдить.

Дарья Пантелѣевна Кулькова давно уже была его жертвой. По всей вѣроятности, онъ и Надежду Ивановну «выбралъ», потому что уже на третій день послѣ ея поступленія въ больницу онъ говорилъ съ ней такимъ тономъ, какъ будто выслушалъ отъ нея объясненіе въ любви. Онъ получилъ рѣзкій отпоръ, но не разсердился. А она уже не могла съ тѣхъ поръ говорить съ нимъ иначе, какъ рѣзко и даже слегка презрительно.

Но сегодня, кромѣ того, ее страшно занималъ вопросъ о Барвинскомъ. Она никакъ не могла понять этого противорѣчія между письмами Строевой и тѣмъ, что о немъ говорили.

Иногда она задавала себѣ вопросъ: почему это такъ ее

интересуетъ? Вѣдь Барвинскаго она никогда не видала, онъ не игралъ въ ея жизни никакой роли.

— Почему? Почему? Отвѣтъ такъ простъ: потому, что нѣтъ людей, а такъ надо, такъ необходимо встрѣтить человѣка. Строева права. Мы, женщины, не можемъ довольствоваться однимъ дѣломъ, какъ бы оно ни было прекрасно и полезно. Намъ нуженъ человѣкъ, живая душа нужна. И что означаютъ неопредѣленные отвѣты Сторѣцкаго, и почему онъ такъ сосредоточенно молчалъ, когда Тетюшинъ говорилъ о Барвинскомъ? Не можетъ же до такой степени ошибаться Строева.

Но, быть можетъ, она не такъ поняла ея письма? Быть можетъ, въ нихъ была иронія, которой она не разглядѣла?

И Надежда Ивановна торопилась поскорѣе окончить свои два визита. Она спѣшила домой. Ее тянуло къ шкатулкѣ, гдѣ хранились письма.

Отъ больницы она жила довольно далеко. Она занимала двѣ небольшія комнаты съ кухней, обставленныя какъ только можно скромно. Но скромность эта зависѣла не отъ вкуса, а только отъ средствъ. Одна комната была спальней, другая гостиной и въ то же время пріемной,—на всякій случай, если будетъ практика,—но практика пока шла слабо. И рѣдко появлялся посторонній человѣкъ въ этой пріемной. Ее это не печалило, у нея были небольшія средства, которыя позволяли ей обходиться и безъ практики. Она довольствовалась малымъ.

Въ гостиной стояло піанино, на немъ лежала куча нотъ: Моцартъ и Бетховенъ, Шуманъ и Шопенъ въ красивыхъ переплетахъ. У стѣны помѣщался солидный шкапъ съ книгами. Журналъ въ сѣрой обложкѣ лежалъ на кругломъ столикѣ передъ диваномъ. Подъ нимъ газета и жиденькій медицинскій журналъ.

Ей отперла горничная нѣмка. — Никто не приходилъ?— спросила Надежда Ивановна по нѣмецки.

— Никого не было!—отвѣтила горничная.

Она нарочно взяла нѣмку, чтобъ говорить съ нею по нѣмецки. Она боялась забыть этотъ языкъ, на которомъ училась медицинѣ.

Она сняла свою коротенькую шубку; вошла въ гостиную, оставила тамъ шляпу, положивъ ее на піанино, потомъ прошла въ спальню—и усѣлась надъ хорошенькой шкатулкой, отдѣланной серебромъ. Ей хотѣлось поскорѣй провѣрить себя. Такъ ли поняла она письма Строевой? не звучитъ ли въ нихъ между строкъ шутка, насмѣшка, или горечь? Что такое, наконецъ, этотъ Барвинскій, которымъ такъ заставили ее интересоваться? Можетъ быть, онъ совсѣмъ этого не стоитъ, можетъ

быть, онъ такой же заурядный, какъ всѣ эти Тетюшины, Черницыны и прочіе.

Свѣтлое явленіе! Развѣ можно въ этомъ ошибиться? Вѣдь все свѣтлое непремѣнно сейчасъ же будетъ замѣтно на сѣромъ, страшно, безконечно, сѣромъ фонѣ дѣйствительности.

Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ, она ошибается. Какъ? Она забыла? Сколько было заблужденій! Развѣ Сторѣцкаго она не принимала за свѣтлое явленіе, потому что у него такіе простые, симпатичные глаза, потому что онъ такъ внимателенъ къ людямъ, такъ дружески говоритъ со всѣми, кто къ нему обращается. А когда ближе разсмотрѣла, ничего въ немъ не оказалось. Да одинъ ли Сторѣцкій? сколько прошло ихъ передъ нею! Къ сколькимъ она обращала свои пытливые взоры и какъ скоро должна была отворачиваться!

Она открыла шкатулку. Вотъ письмо отъ 10 августа, это — первое впечатлѣніе Строевой, она описываетъ его наружность. Это не важно, а вотъ сентябрьское письмо... О, сколько здѣсь увлеченія! Неужели же это иронія? «Наконецъ-то я увидѣла человѣка, который на двѣнадцать головъ выше всѣхъ, всѣхъ, всѣхъ, кого я встрѣчала въ жизни. Ты не вѣришь? Ты думаешь, что я увлекаюсь? Но еслибъ ты могла его видѣть среди другихъ,—какими маленькими они кажутся передъ нимъ! Это просто какіе-то червяки, ползущіе по землѣ...»

Вѣдь нѣтъ-же, нѣтъ въ этомъ ни ироніи, ни шутки. И все письмо такъ написано, все оно дышетъ какимъ-то восторгомъ передъ чѣмъ-то необычайно свѣтлымъ. Вотъ еще письмо, ужъ это октябрьское. И ни одного слова, ни одного намека на то, чѣмъ изобразилъ его Тетюшинъ. Неужели-же она была слѣпа? Ну, были-бы, по крайней мѣрѣ, какія-нибудь оговорки, сожалѣнія, что вотъ, молъ, всетаки и ему свойственны слабости. Или онъ ее дурачилъ, или, можетъ быть, въ ней говорило личное чувство? Вотъ еще одно письмо: ужъ онъ заболѣлъ, она его больше не видитъ, и это письмо полно скорби. Оно точно написано человѣкомъ, вдругъ осиротѣвшимъ.

Было еще одно, она знаетъ это хорошо. Неужели оно затерялось? Надежда Ивановна перебираетъ всѣ бумаги. Высокой колонкой лежатъ одно надъ другимъ пачки писемъ. Бумага разныхъ форматовъ и цвѣтовъ. Все небольшія пачки, перевязанныя тонкой ленточкой. Въ каждой заключается цѣлая поэма. Все это ея увлеченія. Сначала ясное утро, залитое яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Скоро надвигается жаркій полдень, набѣгаютъ тучи и солнце скрывается за ними навсегда, чтобъ больше не появляться. И все такъ кончается.

Все это были короткія исторіи. Разочарованіе такъ близко стояло отъ очарованія, что некогда было даже придти въ себя. Есть письма съ нѣмецкимъ почеркомъ. Вотъ и послѣднее, оно

тоже написано кудрявыми нѣмецкими буквами. Эти письма еще не связаны. Исторія эта началась мѣсяца за два до ея отъѣзда изъ Цюриха. Герой ея молодой врачъ, собирающійся дѣлать ученую карьеру. Съ минуту это письмо задержалось въ ея рукахъ, она какъ бы дѣлала испытаніе своему чувству. Сердце бьется ровно и спокойно. Въ головѣ мелькаютъ слова послѣдняго письма. Кончается періодъ «формировки души» и пошла рѣчь о конкурренціи, о способахъ выдвинуться впередъ, пробить дорогу къ лучшему мѣсту... Нѣтъ, надо и эти письма перевязать ленточкой, чтобъ и съ ними покончить...

Она ищетъ письмо Строевой. Оно въ самомъ низу.

«Вотъ что произошло. Мы всѣ шли изъ больницы. Насъ было пятеро. На улицѣ морозъ и вьюга. Барвинскій жался отъ холода. У него какія-то странныя головныя боли съ легкой лихорадкой. Онъ ими страдаетъ день и ночь. Онъ дрожалъ и кутался въ свою шубу, поднявъ воротникъ. На перекресткѣ мы встрѣтили женщину въ лохмотьяхъ. Она держала за руку дѣвочку лѣтъ семи, съ посинѣвшими отъ холода руками и лицомъ. Ноги ея были почти босыя. Женщина жалобно смотрѣла и даже не просила словами, а только протянула руку. Одинъ изъ товарищей, старикъ, очень почтенный и уважаемый въ городѣ, сказалъ:—ахъ, какая бѣдняжка!—вынулъ кошелекъ и далъ ей гривенникъ. Я тоже стала рыться въ сумкѣ, но ничего не могла найти; отъ холода руки кочснѣли. Барвинскій подошелъ къ женщинѣ, а намъ сказалъ и какъ-то при этомъ смотрѣлъ исподлобья:—Идите, господа, я хочу съ нею поговорить, я догоню васъ!—Не знаю почему, мы ему повѣрили и отошли. Голосъ у него былъ какой-то странный, повелительный. Мы отошли шаговъ на двѣсти, но онъ все не догонялъ насъ. Мнѣ захотѣлось оглянуться.—Господа, взгляните, что онъ дѣлаетъ!—воскликнула я. Всѣ оглянулись. Барвинскій снялъ съ себя свою длинную шубу, надѣлъ ее на женщину и подавалъ ей на руку ребенка и закутывалъ его полами шубы.—Что онъ дѣлаетъ? Это сумасшествіе! Я и старшій товарищъ, тотъ самый, что далъ гривенникъ, бросились обратно.—Антонъ Михайловичъ! Что вы дѣлаете? Вы простудитесь на смерть, вы и такъ не здоровы!—Идите, господа, идите, вы ничего не понимаете. Идите себѣ!—Вотъ все, что онъ сказалъ намъ; потомъ онъ прибавилъ, обращаясь къ женщинѣ:—Пойдемъ! И взялъ ее за руку и повелъ къ себѣ на квартиру.—Женщина смотрѣла на него съ глубокимъ недоумѣніемъ. Но слезы катились у нея изъ глазъ. Я смотрѣла на него съ ужасомъ и въ тоже время съ какимъ-то благоговѣніемъ. И странно, какъ странно! онъ не дрожалъ теперь. Казалось, холодъ, отъ котораго онъ кутался, когда былъ въ шубѣ, теперь на него не дѣйствовалъ. Онъ какъ-то

сурово молча кивнулъ намъ головой и быстро повелъ ихъ по переулку. Я была потрясена. Мнѣ стало стыдно. Вѣдь я этого не сдѣлала и не могла бы сдѣлать; а вѣдь у меня подъ шубой еще былъ теплый платокъ, я могла бы отдать ей платокъ, закутать ребенка, но мнѣ это не пришло въ голову. Вотъ это самое главное, что не пришло въ голову. Намъ такъ всосалось въ плоть и кровь пользованіе исключительными благами. Есть множество мыслей, которыя мы легко, безъ особой жертвы могли бы осуществить, но онѣ не приходятъ намъ въ голову. Я и теперь потрясена. Я его видѣла еще два раза. Но онъ былъ суровъ и молчаливъ... Потомъ онъ заболѣлъ. Можетъ быть, отъ этого? Но еслибъ ты видѣла, какимъ свѣтлымъ огнемъ горѣли его глаза...»

Это писано рукой Строевой. Въ этомъ нѣтъ ни тѣни шутки. Это такъ гармонируетъ съ другими письмами о немъ.

Что же все это значитъ?

Она уложила письма на мѣсто и закрыла шкатулку. Странное ощущеніе! Какъ будто въ тотъ моментъ, когда опустилась крышка шкатулки, и этотъ міръ отъ нея отдалился. Словно какая-то туманная полоса стала между ею и имъ. Тамъ, въ больницѣ, интересъ къ Барвинскому былъ подогрѣтъ письмомъ Строевой и разговоромъ о немъ, здѣсь этими письмами. Но почему она такъ волнуется? Что за неотложная задача для нея этотъ Барвинскій? Она увидитъ его завтра или на дняхъ и сама опредѣлитъ, что онъ такое.

И ей вдругъ показалось смѣшнымъ это странное увлеченіе человѣкомъ, который ей чуждъ, котораго она узнала съ чужихъ словъ. Можетъ быть, нервы ея утомились этой работой въ одномъ направленіи, но она уже теперь была совсѣмъ спокойна и ощущала голодъ.

Генріета въ это время превращала гостиную въ столовую, накрывая для завтрака круглый столъ, звеня тарелками и ножами.

— Что у васъ сегодня, Генріета?—спросила Надежда Ивановна.

— Я сдѣлала вамъ омлетъ съ ветчиною!

— Отлично. Давайте же поскорѣе вашъ омлетъ съ ветчиною! А пиво есть?

— Какъ же! И пиво есть,—холодное, какъ вы любите.

— Ну, давайте скорѣе, я голодна.

И вотъ Генріета торопится, и Надежда Ивановна уже сидитъ за столомъ и съ здоровымъ, завиднымъ аппетитомъ ѣстъ и запиваетъ пивомъ.

Генріета разсказываетъ какой-то смѣшной случай, который ей сообщили на рынкѣ. Надежда Ивановна звонко смѣется. Немного надо, чтобъ разсмѣшить ее. Она любитъ смѣяться и

смѣется отъ души—весело, звонко, и ея крупные, ровные зубы такъ и блестятъ своей бѣлизной.

Послѣ завтрака она пробѣгаетъ медицинскій журналъ, который принесли безъ нея, дѣлаетъ двѣ-три отмѣтки карандашемъ на поляхъ.

Принесли письмо съ заграничной маркой. А, это изъ Цюриха! Еще не такъ давно она ждала этихъ писемъ съ замираніемъ сердца, и многое въ нихъ казалось ей откровеніемъ. Но какъ-то такъ всегда съ нею бываетъ, что у нея вдругъ словно глаза начинаютъ какъ-то иначе смотрѣть. И это письмо она прочитала съ лѣнивымъ вниманіемъ, неохотно и положила его на круглый столикъ. Тутъ сообщалось о какомъ-то успѣхѣ, о разбитомъ конкуррентѣ. Боже, и этотъ человѣкъ казался ей чѣмъ-то большимъ и свѣтлымъ! Должно быть, нѣтъ на свѣтѣ ничего большого и свѣтлаго, а все сѣрое и маленькое.

Стало темнѣть. Раннія зимнія сумерки торопились спуститься на землю, а было всего четыре часа,—до восьми, когда она должна была ѣхать въ больницу, времени оставалось много.

Иногда она въ эти часы уходила изъ дому, забѣгала къ знакомымъ или дѣлала небольшія покупки. Но чаще оставалась дома. Она любила свою маленькую квартирку, гдѣ было такъ тихо и на всемъ лежалъ отпечатокъ нѣмецкой аккуратности и чистоты. Эти качества принадлежали не ей, а Генріетѣ. Сама она была безпорядочна, но во время заграничной жизни научилась любить порядокъ и цѣнила это въ своей горничной.

Послѣ завтрака ее тянуло къ дремотѣ, но она очень рѣдко позволяла себѣ сомкнуть глаза тутъ же на диванѣ, подложивъ подъ голову маленькую вышитую шелкомъ подушку. Она знала, что отъ этого толстѣютъ, и не хотѣла толстѣть. У нея было къ этому предрасположеніе и она этого боялась.

Генріета зажгла лампу и поставила на столъ. Свѣтъ пробудилъ Надежду Ивановну отъ лѣни.

— Зажгите свѣчи у піанино, Генріета!—сказала она.

— Госпожа будетъ играть?—спросила Генріета, и на лицѣ ея появилось сіяніе.

Нѣмецкая душа Генріеты обожала музыку, а игра Надежды Ивановны, которую ей приходилось слышать рѣдко, казалась ей верхомъ совершенства. А главное, что удовольствіе предстояло длинное. Ужъ если Надежда Ивановна садится за піанино, то не встанетъ долго, нѣсколько часовъ подрядъ.

Свѣчи были зажжены. Надежда Ивановна сѣла за піанино и полились звуки. Она играла съ ошибками, пальцы не всегда повиновались ей, но въ этой игрѣ слышалось что-то артистическое.

Когда-то (охъ, какъ давно это было!) она увлекалась музыкой и мечтала быть виртуозкой. Здѣсь же, въ этомъ городѣ, она два года посѣщала консерваторію и у нея находили талантъ.

Но въ жизни ея явились новыя лица, а съ ними и новыя увлеченія. Артистическія мечты поблѣднѣли, а на ихъ мѣсто стали другія; она оставила музыку и принялась за латынь.

Было у нея два года неопредѣленныхъ колебаній, пробовала она поступить на курсы. Но ее мучила жажда какого-то живого, реальнаго дѣла. Въ это время она сошлась со Строевой, которая имѣла на нее рѣшительное вліяніе. Надеждѣ Ивановнѣ было тогда двадцать два года, а Строева уже пережила тогда семейную драму, ей было подъ тридцать. Она была человѣкъ убѣжденный и твердо знала, чего хотѣла. Она звала Надежду Ивановну съ собой, за границу, учиться медицинѣ. Это было рѣшено и онѣ уѣхали.

Но Надежда Ивановна не забыла взять съ собой толстыя тетради въ красивыхъ переплетахъ; Моцартъ и Бетховенъ, Шуманъ и Шопенъ остались ея друзьями. На нихъ она и застыла. Новая музыка ея не коснулась: ей некогда было изучать ее.

Но въ Цюрихѣ, среди спѣшныхъ усидчивыхъ занятій, изъ небольшой комнаты съ двумя кроватями, одну изъ которыхъ занимала Строева, иногда лились музыкальные звуки, полные силы и огня.

Толстыя тетради привезла она съ собой и сюда. Она никогда имъ не измѣняла... Но она чувствовала, что время какъ бы наложило путы на ея пальцы, и съ каждымъ годомъ путы эти затягивались все туже и туже. Уже давно она была недовольна своей игрой и не разъ мелькала у нея мысль, которая могла придти въ голову только требовательному къ себѣ артисту, мысль навсегда отказаться отъ музыки. Но проходила недѣля, другая и ее тянуло къ клавишамъ, она садилась и забывала свои ошибки.

Часы пробили восемь. Надежда Ивановна прервала мелодію на половинѣ фразы; она не замѣтила, какъ прошло время.

— Генріета, шубу, шапку, скорѣе!

Генріета бѣжала изъ передней, исполняя приказаніе.

— Зачѣмъ вы мнѣ не сказали, что такъ поздно?

Она посмотрѣла въ лицо Генріетѣ. Въ большихъ сѣрыхъ глазахъ блѣднаго лица тевтонки еще и теперь сохранялось выраженіе мечтательности, навѣянное музыкой.

— О, я слушала, я заслушалась!—отвѣтила Генріета, помогая ей надѣвать шубу.

«Это очень лестно,—шутя подумала Надежда Ивановна,— но едва ли выгодно имѣть прислугу, склонную къ мечтательности».

Выходя изъ дому, она прибавила: — я сегодня ночую въ больницѣ.

III.

На другой день Надежда Ивановна въ обходѣ не принимала участія. Оказалось, что Семенъ Ивановичъ схватилъ гриппъ и за него обходилъ больницу Сторѣцкій. Остальные были совсѣмъ ненужны, но такой былъ заведенъ обычай. На обходъ являлись почти всѣ врачи, состоявшіе при больницѣ. Сторѣцкій, Тетюшинъ и Черницынъ занимали штатныя должности. Кулькова считалась временнымъ врачомъ и получала небольшой окладъ. Остальные работали по своему желанію и безвозмездно.

Когда Сторѣцкій съ товарищами вошли въ женское отдѣленіе, Надежда Ивановна издали старалась разглядѣть, нѣтъ ли между ними новаго человѣка. Но все были знакомыя лица.

«Значитъ, онъ и сегодня не появился»,—рѣшила она.

Впрочемъ, эта мысль о Барвинскомъ пришла ей въ ту минуту, когда вошли врачи, но раньше она о немъ не думала. Ночью было много работы и она почти не спала. Съ одной больной сдѣлался бурный припадокъ, надо было принимать мѣры, изолировать ее, успокоивать. Теперь ей страшно хотѣлось спать и она мечтала только о томъ, чтобы поскорѣе сдать дежурство.

Ее должна была замѣнить Кулькова. Она подошла къ ней.

— Дарья Пантелѣевна, вы сегодня не опоздаете?

Кулькова разсмѣялась. Вопросъ былъ поставленъ правильно: Дарья Пантелѣевна постоянно опаздывала. Въ день дежурства она или поздно засиживалась на бѣгахъ, а потомъ обѣдала часовъ до десяти, или умудрялась сходить въ театръ и являлась къ полуночи!..

— Голубушка, а я хотѣла сегодня въ баню сходить.

— Дарья Пантелѣевна, сходите завтра!

— А что, вы торопитесь?

— Нѣтъ, но я страшно устала. Всю ночь не смыкала глазъ.

— Бѣдняжка! Ну, хорошо, я въ баню не пойду, я явлюсь къ восьми.

И Надежда Ивановна ждала ее съ нетерпѣніемъ. Но Кулькова, не смотря на искреннее желаніе быть аккуратной, не могла всетаки не опоздать,—у нея всегда находилось какое-нибудь неотложное обстоятельство. Притомъ же она какъ-то не умѣла наблюдать время. Она пришла въ половинѣ десятаго, въ полной увѣренности, что еще нѣтъ восьми.

— Боже, но увѣряю васъ, я не знала, что такъ поздно. И какъ это время проходитъ, просто удивительно.

Но на нее нельзя было сердиться. Она была полна слабостей, но все дѣлала съ открытымъ сердцемъ, безъ хитрости и всѣ свои слабости сама всѣмъ выдавала и громко ихъ осмѣивала. По возрасту, она была лѣтъ на десять старше Надежды Ивановны и на столько же лѣтъ давнѣе была ея врачебная карьера, но она все еще была на положеніи начинающей и никто серьезно не относился къ ней, какъ къ врачу. Это была счастливая, беззаботная натура, вѣчно веселая, вѣчно довольная и собой, и всѣмъ міромъ. Она всѣмъ нравилась, и даже суровый Семенъ Ивановичъ, очень строго относившійся къ своимъ обязанностямъ и требовавшій того же отъ другихъ, говорилъ про нее:

— Ну, на Дарью Пантелѣевну у кого же рука подымется!

Надежда Ивановна сдала дежурство и поѣхала домой. На столѣ лежали газеты, но она не взглянула на нихъ, а тотчасъ же раздѣлась и легла въ постель.

Обладая цвѣтущимъ здоровьемъ, прекраснымъ аппетитомъ и завиднымъ сномъ, она совсѣмъ не выносила физическихъ лишеній. Не спать ночь, не ѣсть пять-шесть часовъ было для нея страданіемъ. Это ее мучило, иногда она презирала себя за такое преобладаніе матеріальной стороны въ ея натурѣ надъ духовной. Но борьба съ этимъ была безполезна.

На другой день она встала поздно. Ей только хватило времени, чтобъ одѣться, выпить стаканъ кофе, и она поспѣшила на обходъ.

Торопливой походкой шла она полутемнымъ корридоромъ,— обычный путь, который она совершала каждый день,—и ей казалось, что позади раздаются чьи-то тяжелые шаги.

Она оглянулась, — то былъ Семенъ Ивановичъ, старшій врачъ больницы. Она замедлила шаги. Значитъ, не къ чему было торопиться, если онъ еще здѣсь.

Средняго роста, худощавый, съ совершенно сѣдыми, низко остриженными волосами и въ то же время съ черной густой бородой, онъ былъ въ своемъ коричневомъ рабочемъ пиджакѣ.

— Вы уже здоровы, Семенъ Ивановичъ? — спросила она его.

— Не совсѣмъ. Но не настолько-же боленъ, чтобы сидѣть дома. Вы знаете, я не люблю этого.

Они пошли рядомъ и вмѣстѣ вошли въ сборную комнату. Тамъ всѣ столпились въ одну группу, повидимому, окруживъ кого-то. Семенъ Ивановичъ прищурилъ глаза. Его раздражалъ табачный дымъ. Самъ онъ курилъ только одну сигару въ день, послѣ обѣда.

При его появленіи, шумъ сразу понизился на нѣсколько тоновъ. Семенъ Ивановичъ никогда не принималъ начальническаго вида. Напротивъ, онъ держался со всѣми по товари-

нически. Но его необыкновенная ровность, выдержка и серьезность такъ дѣйствовали на всѣхъ, что при немъ какъ-то неудобно было распускаться.

— А вотъ и начальство! — сказалъ Тетюшинъ, который всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ оставался вѣренъ своей шутовской манерѣ.—Позвольте вамъ представить, Семенъ Ивановичъ, новаго ординатора!—промолвилъ онъ пресерьезнымъ тономъ, очевидно разсчитывая на особенный эффектъ.

Семенъ Ивановичъ еще больше прищурилъ глаза и сталъ всматриваться въ группу.

— А, Антонъ Михайловичъ! Батюшка мой, я очень радъ, очень радъ вашему возвращенію къ намъ!—сказалъ онъ очень радушно и просто и подалъ кому-то руку.

Надежда Ивановна стояла вдали и была зрительницей. Кто-то уже подошелъ къ ней и поздоровался, но она отвѣтила невнимательно. Она пристально разсматривала новое лицо. Теперь онъ выступилъ нѣсколько впередъ и держалъ за руку Семена Ивановича.

Ну, да, это, конечно, былъ онъ; было произнесено его имя, да и по внѣшности онъ подходилъ къ описанію Строевой.

Почти высокаго роста, плотный, но далеко не стройный, съ туловищемъ, слегка наклоненнымъ впередъ, онъ казался крѣпко сложеннымъ. Сильная мускулистая рука его жала руку Семена Ивановича. Высокій лобъ, какъ короной увѣнчанный капризно вьющимися прядями густыхъ русыхъ волосъ, надъ висками характерныя углубленія. Густыя брови рѣзко очерчивали широкія орбиты, въ которыхъ покоились странные глаза. Цвѣтъ ихъ былъ неопредѣленный,—не то голубой, не то сѣрый, а иногда казались они темными. Но онъ, какъ можно было думать, не видѣлъ того, на что смотрѣлъ; что-то безпокойное, неровное было въ этихъ глазахъ; но когда имъ удавалось на минуту сосредоточиться на чемъ-нибудь, тогда въ нихъ являлось выраженіе какого-то страшнаго упорства, какой-то дикой силы. И много ума свѣтилось въ этихъ глазахъ.

Черты лица его по формѣ были почти грубы. Толстыя губы, широкій выдавшійся подбородокъ, выдающіяся скулы. Только носъ у него былъ тонко очерченъ. Красивой линіей онъ начинался у едва замѣтной переносицы и кончался тонкими, часто, при малѣйшемъ волненіи вздрагивавшими ноздрями.

Но на всемъ лицѣ его, обрамленномъ кудрявой русой бородой, постоянно играла тонкая, чуть замѣтная усмѣшка, придававшая грубоватымъ чертамъ оттѣнокъ мягкости и симпатіи. Онъ говорилъ отрывистымъ, басистымъ голосомъ, какъ показалось Надеждѣ Ивановнѣ, слегка запинаясь.

— Вотъ опять подъ ваше начало, Семенъ Ивановичъ! Старину вспомнилъ!

— И прекрасно сдѣлали, мой добрый, прекрасно сдѣлали! Работы у насъ масса. У насъ, батюшка, на шестьсотъ мѣстъ народа около двухъ тысячъ навалено, такъ тутъ есть гдѣ развернуться.

— Но вѣдь это безобразіе, Семенъ Ивановичъ!

— А, разумѣется, безобразіе! Но что же мы подѣлаемъ? Для насъ нѣтъ денегъ. Для мостовъ и всякихъ тамъ электричествъ есть, а для больной души человѣческой нѣтъ. Я, батюшка, говорилъ уже, говорилъ, да и усталъ, языкъ заболѣлъ. Такъ очень радъ, очень радъ! Ну, что у васъ новаго, Григорій Игнатьевичъ?—обратился онъ къ Сторѣцкому: — вѣдь я сорокъ восемь часовъ провелъ въ постели.

Сторѣцкій подалъ ему какую-то бумагу, онъ читалъ и подписывалъ, но въ то же время, не поднимая головы, продолжалъ, обращаясь все къ тому же собесѣднику:

— А вы, я слышалъ, женились? А? Вотъ какъ! Что-жъ, и дѣтки есть, а?

— Нѣтъ, дѣтей у меня нѣтъ, Семенъ Ивановичъ. Я вѣдь dégénéré... Развѣ вы не знаете? мой родъ осужденъ на прекращеніе...

— О, пустое, пустое, какой вы тамъ dégénéré! Я этому не вѣрю, пустое. А чьи это тамъ, скажите пожалуйста, лошади я видѣлъ у подъѣзда?—обратился онъ больше къ Сторѣцкому:—славная пара.

— Это мои, Семенъ Ивановичъ!—отвѣтилъ Барвинскій.

— О, такъ вы разбогатѣли?

— За женой взялъ.

— А, вотъ что. Ну, отлично, отлично. Когда-нибудь прокатите. А то у насъ, знаете, казенныя, на нихъ скучно ѣздить. Ну, пойдемте, господа. Перемѣнъ никакихъ не увидите, Антонъ Михайловичъ; только народу вдвое больше стало, а удобствъ не прибавилось. А васъ не познакомили? Надежда Ивановна, позвольте вамъ представить. Барвинскій, нашъ старый товарищъ. Славный малый и отличный работникъ. А Надежда Ивановна у насъ цюрихская. Тоже дѣло любитъ, только мало еще смыслитъ. Она у насъ еще подростокъ!

Всѣ разсмѣялись, а Надежда Ивановна покраснѣла.

Она подала руку Барвинскому и почувствовала его сильное пожатіе.

— Ахъ, я уже имѣю о васъ свѣдѣнія!—чрезвычайно просто сказалъ Барвинскій.

— Отъ Строевой?—спросила Надежда Ивановна, почему-то еще болѣе краснѣя и въ то же время вглядываясь въ его

глаза, напрасно стараясь уловить основное ихъ выраженіе. Оно ускользало отъ нея.

— Да, да, отъ Анны Сергѣевны! Она отъ васъ въ восторгѣ.

— Но и мы тоже, и мы тоже!—воскликнулъ Тетюшинъ:— Мы всѣ въ восторгѣ отъ Надежды Ивановны.

Надежда Ивановна строго посмотрѣла на добродушнаго толстяка, а тотъ по обыкновенію комически подмигнулъ ей.

— Нечего, нечего строгіе глаза дѣлать! — тутъ же и выдалъ онъ ее:—Вотъ возьму и разскажу Антону Михайловичу, какъ вы тутъ три дня уже о немъ справки наводите. Ага, а что? покраснѣли? Ха-ха-ха!

— Обо мнѣ?—спросилъ Барвинскій.

— Да, мнѣ писала Строева, что вы пріѣдете!—страшно сконфузившись, сказала Надежда Ивановна.

— Ахъ, Строева, Строева! Она очень мила и прекрасный товарищъ, но въ ней еще слишкомъ много экзальтаціи!

— Экзальтаціи?—спросила Надежда Ивановна.

— Да, экзальтаціи, восторженности, если хотите. Въ ея годы пора бы ужъ перестать быть ребенкомъ.

Они шли корридоромъ, потомъ обычной дорогой начали обходъ. Въ палатахъ разговоръ не продолжался. Семенъ Ивановичъ на этотъ разъ какъ будто дѣлалъ все для Барвинскаго, все къ нему обращался и давалъ ему свои объясненія. Онъ помнилъ его, какъ страстнаго, горячаго работника и очень жалѣлъ, когда больница потеряла, было, этого молодого врача, на котораго тогда возлагались надежды.

Сторѣцкаго онъ любилъ, какъ стараго товарища, съ которымъ онъ велъ дѣло уже четверть вѣка, уважалъ его знанія, честность, зналъ, что всегда можно положиться на него и ни на кого не промѣнялъ бы его. Но иногда—и очень нерѣдко, у него чувствовалась потребность въ болѣе энергичномъ и смѣломъ помощникѣ, и въ такомъ случаѣ онъ всегда вспоминалъ Барвинскаго.

Остальныхъ онъ почти не принималъ въ разсчетъ. Тетюшинъ бралъ своимъ добродушіемъ, а Черницынъ, въ сущности, смотрѣлъ въ лѣсъ, все поджидая, когда выищетъ болѣе самостоятельное мѣсто въ другой больницѣ. Что касается Кульковой и молодыхъ ординаторовъ, то все это еще были неопредѣленныя надежды.

И Семенъ Ивановичъ былъ искренно радъ «возвращенію блуднаго сына», какъ онъ самъ говорилъ объ этомъ.

Надежда Ивановна шла позади всѣхъ. У нея не выходилъ изъ головы отзывъ Барвинскаго о Строевой, и она чувствовала, что въ душѣ у нея было холодно. Она думала: «кажется, все это сводится къ простой преувеличенной оцѣнкѣ

Прибавится еще одинъ хорошій разсказчикъ анекдотовъ и знатокъ лошадиныхъ породъ, вотъ и все».

Во время обхода ей пришлось отстать. Одна изъ сестеръ обратилась къ ней за какими-то разъясненіями; это отняло у нея минутъ десять.

Она догнала всѣхъ въ женскомъ отдѣленіи и была очень удивлена, услышавъ строгій голосъ Семена Ивановича, при общемъ молчаніи врачей и больныхъ.

— Матушка моя, такъ не дѣлаютъ, — внушительно говорилъ старшій врачъ:—Вѣдь это я тоже захочу поѣхать на охоту и оставлю больницу на произволъ судьбы! Случается и мнѣ уѣзжать, такъ тогда я передаю дѣло Григорію Игнатьевичу, и вы могли попросить кого-нибудь, ну, хоть Надежду Ивановну, она не отказалась бы. Такъ нельзя, такъ нельзя. Ничего не случилось? такъ что-жъ изъ этого? Но могло случиться. А вы даже дежурному ординатору не сказали.

Надежда Ивановна подошла ближе и увидѣла Кулькову, которая въ величайшемъ смущеніи стояла передъ старшимъ врачемъ. На ней была мѣховая накидка и круглая котиковая шапочка, а на обѣихъ рукахъ перчатки. Она сейчасъ же догадалась, въ чемъ дѣло.

Кулькова, очевидно, вспомнила о какомъ-нибудь—неотложномъ обстоятельствѣ и «сбѣгала на минутку», оставивъ отдѣленіе на произволъ судьбы. Она была увѣрена, что будетъ отсутствовать дѣйствительно всего «минутку» и разсчитывала вернуться до обхода, но, по своему обыкновенію, ни разу не взглянула на часы и лицомъ къ лицу встрѣтилась съ Семеномъ Ивановичемъ.

Кончилось тѣмъ, что Семенъ Ивановичъ махнулъ рукой и вышелъ, а за нимъ послѣдовали и всѣ. На лѣстницѣ онъ ворчалъ, что придется отнять у Кульковой дежурство, а это значило лишить ее небольшого оклада, который она получала.

Всѣ переживали непріятное состояніе духа и такимъ образомъ дошли до сборной комнаты. Здѣсь тяжелая атмосфера нѣсколько разсѣялась. Семенъ Ивановичъ удалился къ крайнему окну справа—мѣсто, гдѣ обыкновенно велись серьезныя совѣщанія, и, взявъ подъ руку Сторѣцкаго, о чемъ-то говорилъ въ полголоса; потомъ они подозвали Барвинскаго и стали говорить громче. Оказалось, что они распредѣляли обязанности, такъ какъ Барвинскій долженъ былъ вступить въ должность второго старшаго ординатора.

Обязанности эти временно исправлялъ Черницынъ и тяготился ими, потому что не разсчитывалъ оставаться въ этой больницѣ. Строгая требовательность Семена Ивановича ему не нравилась. Притомъ же у него былъ какой-то ходъ въ

высшихъ сферахъ, и онъ надѣялся получить на свои руки цѣлую больницу, которая еще строилась.

— Ну, значитъ, вы теперь свободны, Алексѣй Петровичъ!—обратился къ нему Семенъ Ивановичъ, когда окончилось совѣщаніе:—Вотъ вы жаловались, что много работы; теперь будетъ поменьше.

Черницынъ церемонно поклонился. При Семенѣ Ивановичѣ онъ вообще велъ себя далеко не такъ развязно, какъ безъ него. А Семенъ Ивановичъ всегда очень косо посматривалъ на его франтоватый пиджачекъ и ослѣпительный галстухъ. Между ними была тайная вражда, основанная не на конкуренціи, не на какихъ-нибудь личностяхъ, а единственно на противоположности вкусовъ.

Пора было расходиться. Семенъ Ивановичъ уже началъ прощаться и при этомъ просилъ Сторѣцкаго забѣжать къ нему на минуту.

— Семенъ Ивановичъ, я хочу просить васъ о величайшей милости!—сказалъ Барвинскій:—и всѣхъ товарищей тоже—и старыхъ, и новыхъ.

— Милости?—спросилъ Семенъ Ивановичъ.

— Ну да, это будетъ милость, если вы не откажетесь сегодня пообѣдать у меня вмѣстѣ съ другими. Надѣюсь, господа, что всѣ согласны?—прибавилъ онъ, обратившись къ другимъ.

— Само собою, Бобочка!—отвѣтилъ за всѣхъ Тетюшинъ:—мы всѣ согласны обѣдать. У насъ всѣ каждый день обѣдаютъ.

— Ахъ, батюшка, да вѣдь я еще хриплю, сами видите, куда же мнѣ? Притомъ вы обѣдаете поздно, а я въ четыре часа. А? Какъ же быть-то? И отказаться не хочется, и того...

Тутъ всѣ начали упрашивать его, а въ особенности Тетюшинъ.

— Для Бобочки можно измѣнить привычки, Семенъ Ивановичъ. Ну, какъ же мы будемъ безъ васъ? Мы безъ васъ, словно безъ головы будемъ. А у Бобочки, Семенъ Ивановичъ, какое шато-марго есть—пальчики оближете! Онъ мнѣ говорилъ...

Семенъ Ивановичъ, дѣйствительно, питалъ слабость къ «шато-марго», но всетаки продолжалъ отговариваться. Онъ видимо былъ въ затрудненіи. Не любилъ онъ торжественныхъ обѣдовъ. А обѣдъ у Барвинскаго, у теперешняго Барвинскаго, судя по лошадямъ и экипажу, долженъ быть торжественнымъ.

— Да вотъ что еще,—сказалъ онъ, очевидно хватаясь за новую отговорку:—вѣдь никого при больницѣ не останется.

— Я останусь, Семенъ Ивановичъ. Кстати, я «шато-марго» не употребляю,—шутя сказалъ Сторѣцкій.

— Ну, какъ же! Зачѣмъ же вамъ? Вы и такъ работаете,

Григорій Игнатьевичъ! — началъ опять отдѣлываться старшій врачъ.

Но его убѣждали. Будетъ дежурный изъ молодыхъ врачей, Сторѣцкій посидитъ до восьми, девяти часовъ. Наконецъ, рѣшили, что Семенъ Ивановичъ не будетъ обѣдать, а пріѣдетъ попозже, а Сторѣцкій будетъ часто навѣдываться.

Когда уже всѣ расходились, Барвинскій подошелъ къ Надеждѣ Ивановнѣ.

— Простите, пожалуйста, я не успѣлъ сдѣлать вамъ визита, но я его сдѣлаю потомъ. Надѣюсь, вы пріѣдете сегодня?

— Благодарю васъ.

— Ну, вотъ спасибо, моя жена будетъ очень рада.

Всѣ вышли. У подъѣзда стояла элегантная новая коляска, запряженная красивой парой. Кучеръ, увидѣвъ Барвинскаго, съ шикомъ подкатилъ.

— Тетюша, садись, довезу!—предложилъ Барвинскій.

— Довези, Бобочка! Я, братъ, на своихъ лошадей еще не разжился. На нашей душевно-больной практикѣ не разживешься. На извозчикахъ ѣзжу. А оно какъ-то лестно прокатиться на собственныхъ, хоть и на чужихъ!

И толстый Тетюша усѣлся первымъ. Барвинскій еще разъ подошелъ къ Надеждѣ Ивановнѣ, вѣжливо приподнялъ шапку и сказалъ, пожимая ея руку:

— Такъ мы будемъ ждать! Я живу на Кирочной, 23. А вы?

— Я на Большой Конюшенной, 12.

— Такъ ждемъ, непремѣнно ждемъ.

Онъ поднялъ бобровый воротникъ шубы и усѣлся.

— Пошелъ!—крикнулъ онъ кучеру и тотъ пустилъ лошадей быстрой рысью.

Надежда Ивановна съ минуту стояла на ступенькахъ крыльца у подъѣзда, и смотрѣла вслѣдъ быстро удалявшемуся экипажу. Она думала: «Или это странная, непонятная ошибка со стороны Строевой, или онъ загадка».

И ее опять охватилъ какой-то непонятный, непобѣдимый интересъ къ этому человѣку. Онъ рѣшительно ничѣмъ не проявилъ себя. Онъ не высказалъ ни особеннаго ума, ни пошлости. Онъ говорилъ самыя обыкновенныя вещи, держался нѣсколько повыше Тетюшина и Черницына, что совсѣмъ нетрудно. Но этого еще слишкомъ мало, чтобы попасть въ «свѣтлыя явленія».

И потомъ этотъ шикарный экипажъ, эти тысячныя лошади. Какъ все это совмѣстить съ тѣмъ эпизодомъ, который такъ глубоко потрясъ Строеву?

Она ѣхала домой, на Конюшенную, и все время думала о сегодняшнемъ вечерѣ. Ей хотѣлось, чтобъ поскорѣй прошло время, чтобъ увидѣть, какъ онъ живетъ, какъ держитъ себя дома, увидѣть его жену, обстановку.

Ее нагналъ быстро мчавшійся лихачъ и кто-то крикнулъ: «стой»! Она оглянулась. Это былъ Черницынъ.

— Надежда Ивановна, вы поѣдете къ Барвинскимъ?

— Поѣду.

— Неужели? Вотъ странно! Вѣдь онъ у васъ не былъ?

— Я поѣду!—нетерпѣливо сказала она и прибавила кучеру, который остановился:—поѣзжай.

— Постойте минутку. А можно за вами заѣхать? Не одной же вамъ ѣхать въ самомъ дѣлѣ!

— Нѣтъ, я одна поѣду. До свиданья!

— Какъ вамъ угодно!—сказалъ Черницынъ и съ видомъ пренебреженія поднялъ воротникъ франтоватаго пальто. Лихачъ быстро обогналъ ихъ, а извозчикъ Надежды Ивановны поплелся поспѣшной рысцой.

IV.

Въ бельэтажѣ большого дома, на Кирочной, вотъ уже нѣсколько дней происходила оживленая возня.

Въ квартирѣ было шесть комнатъ и всѣ надо было отдѣлать и обставить заново. Отдѣлка кончилась съ недѣлю тому назадъ, еще до пріѣзда новыхъ жильцовъ, но по ихъ указаніямъ. Это стоило большихъ хлопотъ. Управляющій домомъ долженъ былъ посылать въ Вильну образцы обоевъ для каждой комнаты, карнизовъ и багетъ, потому что все подбиралось по какому-то особенному плану, ему неизвѣстному. Въ квартирѣ, напримѣръ, не было допущено ничего бѣлаго. Огромная зала была оклеена голубовато-сѣрыми обоями, а потолки ея были росписаны въ темныхъ краскахъ, точно такъ же, какъ и въ другихъ комнатахъ. Двери вездѣ были перекрашены изъ бѣлыхъ въ другіе цвѣта, подходящіе къ обоямъ.

Но особенно много хлопотъ доставилъ кабинетъ. Тутъ все тщательно подбиралось, даже форма карнизовъ передѣлывалась, согласно странному вкусу хозяевъ. Въ обояхъ не должно было попадаться ни одного краснаго или бѣлаго пятнышка.

А когда пріѣхала хозяйка и увидѣла блестящія мѣдныя ручки на дверяхъ, то почему-то страшно заволновалась, тотчасъ же всѣ велѣла вынуть и сдѣлать ихъ матовыми. Затѣмъ началась отдѣлка квартиры.

У пріѣхавшихъ жильцовъ, повидимому, не было готовой обстановки. Она навѣрно была, но они не хотѣли тащить ее изъ Вильны. И все покупалось заново. Хозяйка всю недѣлю проявляла лихорадочную дѣятельность, а хозяинъ, какъ казалось, не только не вмѣшивался, но даже не интересовался.

Онъ занимался только кабинетомъ, этими двумя огромными

книжными шкапами, въ которыхъ собственноручно, въ ему только извѣстномъ порядкѣ, разставлялъ книги. Книгъ этихъ привезено было множество, нѣсколько сундуковъ. Всѣ онѣ были въ изящныхъ переплетахъ. Вообще видно было, что книгами въ этомъ домѣ занимаются съ любовью.

Но многаго, очевидно, недоставало, и хозяинъ то и дѣло ѣздилъ въ книжный магазинъ, прикупалъ, иногда разыскивалъ у букинистовъ и отдавалъ въ переплетъ. Хозяйка же только и дѣлала, что ѣздила по мебельнымъ магазинамъ и устанавливала пріобрѣтенныя вещи.

Мебельщики, обойщики всю недѣлю владѣли квартирой, и, наконецъ, все приняло видъ законченности. Во всемъ былъ виденъ вкусъ, на всемъ лежалъ отпечатокъ какой-то мягкости, не было ничего рѣзкаго, раздражающаго.

— Ну, теперь смотри, Антонъ! Ты доволенъ?—спросила хозяйка у своего мужа, когда отдѣлка квартиры была кончена.

Онъ посмотрѣлъ довольно равнодушно и разсѣянно и отвѣтилъ:

— О, да, доволенъ; я всегда тобой доволенъ, моя малютка!

Онъ называлъ ее малюткой не только изъ нѣжности, а можетъ быть и потому, что она была удивительно миніатюрна. Чрезвычайно маленькаго роста, худая и блѣднолицая, она въ самомъ дѣлѣ походила на замореннаго ребенка. На лицѣ ея всегда было выраженіе какого-то безпокойства. Глубокая грусть свѣтилась въ ея мягкихъ темныхъ глазахъ.

Но выраженіе это далеко не соотвѣтствовало ея характеру. Никакой слабости она не проявляла. Напротивъ, всегда озабоченная, всегда энергичная, она держала весь домъ въ своихъ рукахъ, никогда не уставала, ни передъ чѣмъ не становилась втупикъ, не опускала рукъ. Казалось, энергія этой маленькой женщины не имѣла границъ.

— Ну, теперь ты можешь звать своихъ товарищей на обѣдъ!—сказала она.

— Ахъ, да, я и забылъ объ этомъ. Я даже позабылъ, что надо заявиться въ больницу и вообще начать тамъ работу!— откликнулся мужъ.

— Ну, что-жъ, это и хорошо, что ты забылъ. По крайней мѣрѣ, ты, дѣйствительно, отдохнулъ за эти три недѣли.

А онъ въ самомъ дѣлѣ отдыхалъ, занимаясь своими книгами. Онъ немного скучалъ, потому что изъ деревни еще не доставили лошадей, безъ которыхъ онъ не могъ обходиться. Но вотъ и лошади прибыли. Ихъ всего было три. Остальныя (а было всѣхъ около десятка) были пока въ деревнѣ. Здѣсь онѣ не были нужны. Пара предназначалась для экипажной ѣзды, а одна—удивительно красивый темно-сѣрый жеребецъ—для верховой.

Антонъ Михайловичъ обожалъ эту лошадь, которую жена подарила ему годъ тому назадъ въ день именинъ. Самымъ высшимъ наслажденіемъ для него было вскочить въ сѣдло и кататься на любимой лошади, которую онъ почему-то называлъ Букой.

И когда привели лошадей, Антонъ Михайловичъ первымъ дѣломъ осѣдлалъ своего Буку и прокатился по островамъ, и эту прогулку онъ совершалъ каждое утро.

Онъ кончилъ установку книгъ въ своихъ шкапахъ и рѣшилъ заявиться въ больницу. Назначенъ былъ обѣдъ, и Нина Александровна—такъ звали его жену—съ утра въ этотъ день хлопотала, чтобъ принять товарищей мужа какъ слѣдуетъ.

Странная женщина! Казалось, все, что она съ такой видимой энергіей дѣлала, выходило у нея механически, въ силу какой-то необходимости, но совсѣмъ не интересовало ее. Лицо ея сохраняло постоянный оттѣнокъ грусти, а въ глазахъ свѣтились мысли, далекія отъ всего того, что передъ нею совершалось. Точно какая-то неустанная забота камнемъ лежала на ея сердцѣ, и никому она не могла показать эту заботу и должна была вѣчно носить ее въ своей груди.

Но еще болѣе странно было видѣть ее въ обществѣ Антона Михайловича. Онъ казался передъ нею такимъ беззаботнымъ, веселымъ и довольнымъ, ни передъ чѣмъ не задумывающимся, спокойнымъ. Онъ зналъ, что все совершается такъ, какъ надо, и ему ни во что не надо вмѣшиваться.

Но и она мѣнялась при немъ. Лицо ея, какъ будто, становилось другимъ. Появлялась на губахъ улыбка, глаза внимательно смотрѣли въ его глаза. Только въ глубинѣ этихъ глазъ все таки оставалось выраженіе грусти, но оно уходило куда-то далеко-далеко, какъ бы прячась отъ его вниманія, и надо было пристально наблюдать, чтобъ уловить его.

Къ этому дню уже была нанята прислуга, и всѣ готовились къ пріему гостей. Нина Александровна ждала мужа, чтобы узнать навѣрное, принято ли приглашеніе. Онъ вернулся часамъ къ четыремъ, такъ какъ заѣзжалъ къ товарищамъ, которыхъ не успѣлъ посѣтить раньше. Были и другія знакомства изъ прежнихъ, онъ торопился возобновить ихъ.

— Ну, что?—спросила его Нина Александровна.

— Будутъ, всѣ будутъ. И Семена Ивановича уломалъ. Онъ дикій, нелюдимый старикъ, но славный малый, и дамы будутъ—цѣлыхъ двѣ.

Тогда суета еще увеличилась. Нина Александровна стала одѣваться. Ея туалетъ былъ несложный. Темное шерстяное платье, кружевца на шеѣ и на плечахъ, простая прическа, тонкая брошь съ мелкими изумрудами, къ которымъ она питала пристрастіе.

Первымъ явился Тетюшинъ. Онъ тотчасъ же нашумѣлъ въ квартирѣ и началъ обращаться съ Ниной Александровной, какъ старый пріятель. Онъ какъ-то безсознательно переносилъ свои дружескія чувства съ мужа на жену.

Прежде всего онъ вскользь мимоходомъ извинился, что жена его не можетъ пріѣхать, что она нездорова; но, въ сущности, Антонъ Михайловичъ зналъ, что для этого были совсѣмъ другія причины, и не ждалъ ея.

— Эхъ, да у васъ славная квартира!—воскликнулъ онъ, обводя глазами комнаты,—и какая чудная гостиная! У кого заказывали, а? Ахъ, какой буфетъ необыкновенный! Я давно мечтаю о такомъ буфетѣ! Сколько заплатили? Ну, это дорого, съ васъ слупили. Напрасно вы не прихватили меня съ собой, совсѣмъ другая цѣна была бы.

— Да какъ тебя прихватить, когда ты такой толстый!— пошутилъ Антонъ Михайловичъ.

— Толстый? Во первыхъ, до этого еще далеко—я намѣренъ еще вдвое потолстѣть. А во вторыхъ, милый Бобочка, я необыкновенно легокъ. Ты спроси извозчика, когда онъ меня везетъ. Я совсѣмъ легонькій. Это оттого, что у меня мозгъ маловѣсный. Ха-ха-ха! Да, да, оттого! Вотъ у тебя, Бобочка, я знаю, мозгъ тяжелый, ибо ты у насъ умница. И почему онъ Бобочка?—обращался онъ къ Нинѣ Александровнѣ:—неизвѣстно! Зовутъ его Антономъ, а изъ Антона, какъ ни верти, ни по какой филологіи Бобочки не выйдетъ. А такъ вотъ, безъ всякихъ основаній пошелъ онъ у насъ за Бобочку, да такъ и до сихъ поръ остается. Меня, напримѣръ, товарищи назвали: «старый подосинникъ», потому что я всегда такой толстый былъ, и, знаете, похожъ на старый грибъ, когда три дня дождь шелъ, и онъ надулся и еле держится... Вы извините, что я вашего мужа Бобочкой называю; это ничего, это по старой дружбѣ...

Нина Александровна смотрѣла на него съ той улыбкой, которая всегда играла у нея на губахъ, когда она была не одна, улыбкой, которую, казалось, наложила на ея уста посторонняя рука, какъ маску или гримъ.

Она была очень рада, что Тетюшинъ все время говоритъ и не требуетъ отъ нея репликъ. А Тетюшинъ могъ говорить цѣлые часы и дѣйствительно говорилъ обо всемъ: и о больницѣ, и о больныхъ, и о врачахъ, и о публикѣ. Тутъ всѣмъ досталось. Добродушно смѣялся онъ надъ слабостями Семена Ивановича и Сторѣцкаго, къ которымъ относился съ уваженіемъ, довольно зло издѣвался надъ франтовствомъ и самоувѣренностью Черницына, разсказывалъ смѣшные эпизоды изъ жизни Кульковой, описывалъ наивность Надежды Ивановны. Никто не уцѣлѣлъ, потому что у него было много времени, чтобъ говорить, и хозяева не мѣшали ему.

Послѣ пяти часовъ стали появляться другіе гости. Явилась Кулькова въ сопровожденіи молодого врача, съ которымъ у нея былъ недавно начатый романъ; потомъ еще двое изъ молодыхъ. Затѣмъ пріѣхалъ Сторѣцкій, стали подходить старые знакомые, не служившіе въ больницѣ. Явилось два офицера, которые приходились дальними родственниками Нинѣ Александровнѣ; какая-то молоденькая дѣвушка, собиравшаяся на курсы; студентъ медицинской академіи. Пріѣхалъ и Черницынъ.

Около шести часовъ прибыла Надежда Ивановна. Она была непріятно поражена, когда, стоя еще на площадкѣ лѣстницы, услышала гулъ множества голосовъ. Она вовсе не хотѣла пріѣзжать послѣдней. Это могло имѣть дурной видъ чего-то преднамѣреннаго.

Но дѣлать было нечего, она позвонила и вошла. Ей отперъ слуга, она сняла верхнее платье и появилась въ гостиной. Въ первую минуту ее ослѣпилъ яркій свѣтъ, такъ какъ уже были зажжены лампы, но глаза скоро привыкли.

Антонъ Михайловичъ всталъ и пошелъ ей навстрѣчу. Онъ подвелъ ее къ Нинѣ Александровнѣ и познакомилъ:

— Вотъ, Нина, еще одинъ мой товарищъ, Надежда Ивановна Мальвинская!

Нина Александровна поднялась и подала Надеждѣ Ивановнѣ свою миніатюрную руку. Надежда Ивановна посмотрѣла ей въ глаза и едва ли ей удалось скрыть на лицѣ своемъ удивленіе, такими странными показались ей глаза хозяйки.

Она сѣла рядомъ, и у нихъ завязался тотъ общій во всѣхъ такихъ случаяхъ разговоръ, который обыкновенно никого изъ собесѣдниковъ не интересуетъ.

— Вы вѣдь не здѣсь кончили? вы слишкомъ молоды для этого!—сказала Нина Александровна.

Она нѣсколько затягивала слова, и голосъ у нея былъ слабый. Приходилось очень внимательно прислушиваться, чтобы все разслышать.

— О, нѣтъ, конечно!—отвѣтила Надежда Ивановна:—я кончила въ Цюрихѣ всего два года тому назадъ.

— Но какимъ образомъ вы получили права въ Россіи? это, должно быть, очень трудно!—продолжала Нина Александровна, очевидно, мало интересуясь своимъ вопросомъ.

— Я выдержала экзаменъ въ Казани. А вы до сихъ поръ вѣдь не жили въ Петербургѣ?

— Я жила здѣсь давно, еще маленькой дѣвочкой. Мой отецъ служилъ здѣсь, онъ былъ военный...

И такой разговоръ тянулся у нихъ минутъ пять, видимо затрудняя обѣихъ.

— Слушай, Нина, кажется, уже всѣ собрались. Семенъ

Ивановичъ вѣдь пріѣдетъ поздно; онъ дома обѣдаетъ!—сказалъ Антонъ Михайловичъ, и это выручило обѣихъ.

Нина Александровна встала:—Въ такомъ случаѣ я попрошу всѣхъ въ столовую, тамъ все готово.

Всѣ поднялись и перешли въ столовую. Это была обширная комната, раздѣленная на двѣ неравныя части высокой аркой. Столъ былъ богато сервированъ и ярко освѣщенъ тремя канделябрами. У одного изъ широкихъ, полукруглыхъ оконъ съ синими стеклами стоялъ небольшой столъ, уставленный закусками. Туда хозяинъ приглашалъ всѣхъ.

— Господа, пьющіе водку,—громкимъ басомъ говорилъ Антонъ Михайловичъ:—обращаю ваше вниманіе вотъ на эту старку; мы вывезли ее изъ деревни, Нина Александровна держала ее лѣтъ восемь въ своемъ погребѣ.

— А, старка, старка! — подхватилъ Тетюшинъ: — должно быть, что нибудь великолѣпное!

И онъ сталъ пробовать. Черезъ минуту онъ повторилъ, а потомъ и третью выпилъ.

— Только я, братъ, безъ хозяина пить не стану,—говорилъ онъ, приставая съ рюмкой къ Барвинскому.

Тотъ отказывался, но потомъ нерѣшительно взялъ и почему-то оглянулся. Нина Александровна смотрѣла на него тревожнымъ взглядомъ.

— Можно, Нина?—спросилъ онъ.

Она покачала головой.—Не слѣдуетъ, Антонъ. Лучше не надо, вѣдь ты же знаешь себя.

— Не велятъ!—сказалъ Антонъ Михайловичъ и поставилъ рюмку на столъ. На лицо его набѣжала легкая тѣнь; Нина Александровна замѣтила это и поспѣшно подошла къ нему.

— Если тебѣ очень хочется, Антонъ, выпей!—сказала она и съ видомъ виноватости посмотрѣла ему въ глаза.

— Нѣтъ, вовсе не хочется, мой другъ!—просто отвѣтилъ Барвинскій.—Это ему хочется, Тетюшѣ.

Она отошла отъ него, а онъ не выпилъ водки.

Тетюшинъ между тѣмъ пробовалъ уже другіе сорта. Потомъ, закусывая въ сторонкѣ, кивалъ головой по направленію къ буфету и говорилъ Кульковой и Черницыну, стоявшимъ около него:—Нѣтъ, вы посмотрите, какой буфетъ!—Я за такой буфетъ позволилъ бы вырѣзать себѣ два фунта жиру!

Тѣ смѣялись. Вокругъ закусочнаго стола было оживленіе. Сторѣцкій даже подсѣлъ къ нему и съ увлеченіемъ занимался какими-то маринованными перепелками, находя ихъ превосходными. У него была слабость къ закускамъ.

Надежда Ивановна не подходила къ столу; ей навязали кусочекъ омара, и она разсѣянно ѣла его.

Она чувствовала какое-то странное тревожное волненіе.

Отъ ея внимательнаго взгляда не ускользнуло ни одно движеніе хозяйки. Она видѣла, какъ Нина Александровна, заботливо, хотя почти машинально, предлагая гостямъ разныя закуски, въ то же время не спускала глазъ съ Антона Михайловича, слѣдя за нимъ, какъ будто чего-то боясь. И у Надежды Ивановны было такое ощущеніе, что вотъ-вотъ должно произойти что-то странное, непонятное, таинственное, можетъ быть, страшное.

Но ничего не произошло. Всѣ усѣлись за столъ, и стали подавать кушанье за кушаньемъ.

За столомъ сидѣло душъ пятнадцать. Оживленіе, начавшееся послѣ пріема старки, не только не уменьшалось, но, напротивъ, росло. Вина были прекрасныя. Антонъ Михайловичъ рекомендовалъ ихъ, какъ привезенныя изъ деревни, гдѣ они пролежали много лѣтъ. Онъ наливалъ гостямъ, въ особенности же Сторѣцкому и Тетюшину и самъ пилъ, хотя гораздо меньше ихъ, но все же немало.

Тревожное выраженіе не покидало лица Нины Александровны, хотя она старалась, чтобы улыбка оставалась на ея губахъ. Выходило что-то странное, отчего Надежда Ивановна переживала мучительное состояніе.

Она силилась понять, въ чемъ тутъ дѣло, что такъ заботитъ эту бѣдную женщину? Почему ея лицо такъ блѣдно? Почему въ волосахъ такъ много сѣдинъ, а на лбу и подъ глазами и надъ углами рта такія частыя, мелкія, но глубокія морщины, которыя рельефно выступали при яркомъ освѣщеніи?

Подали сладкое, Антонъ Михайловичъ обратился къ женѣ:

— Нина, а что же ты... ты намъ не дашь... шипучаго?

У Нины Александровны на мгновеніе сдвинулись брови, но только на мгновеніе, а затѣмъ лицо ея сдѣлалось прежнимъ. Да и Надежду Ивановну поразило то обстоятельство, что Барвинскій сталъ какъ будто заикаться. Она вглядывалась въ его лицо, — на немъ не было уже прежняго выраженія мягкой иронiи, которое ей такъ понравилось. Глаза его горѣли какимъ-то безпокойнымъ блескомъ.

Нина Александровна встала. — Сейчасъ будетъ!—сказала она, и голосъ ея звучалъ точно изъ могилы. Она вышла, и минуты двѣ не появлялась.

Явился лакей съ бутылкой, завернутой въ салфетку, тихо откупорилъ ее и сталъ разливать вино въ бокалы.

— Ну, вотъ, это... это другое... дѣло,—воскликнулъ Антонъ Михайловичъ, и Надежда Ивановна уже могла съ увѣренностью сказать, что онъ теперь заикается. Слово «другое» ему не удалось даже сразу произнести.

— Господа!—продолжалъ Антонъ Михайловичъ:—что же это д...дамы не... не пьютъ? Дамы должны пить. Это не...

неравноправность!—Сосѣди подхватили это и стали подливать вино дамамъ. Только теперь Надежда Ивановна замѣтила, что ея сосѣдомъ справа былъ Черницынъ. Она припомнила, что онъ уже давно говорилъ съ нею, и она ему что-то отвѣчала, но какъ-то до сихъ поръ не узнала, кто это былъ. Она была вся поглощена наблюденіями за хозяйкой.

— Выпьемте съ вами, суровый товарищъ!—сказалъ ей Черницынъ, протягивая ей свой бокалъ.

— Выпьемте, если вамъ хочется!—сказала Надежда Ивановна.

— Хочется, страшно хочется, именно съ вами!

— Почему же со мной?

— О, почему? Потому что этого требуютъ мои чувства къ вамъ.

— Странныя чувства, которыя требуютъ выпить...

— А, вы не понимаете...

И онъ говорилъ что-то очень долго о чувствахъ, которыя требуютъ, чтобы выпить вмѣстѣ. Онъ уже выпилъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, языкъ у него развязался, и онъ былъ откровененъ. До слуха Надежды Ивановны долетали слова, изъ которыхъ она узнала, что Черницыну надоѣли слишкомъ легкіе успѣхи у женщинъ, и потому ему особенно нравятся женщины, которыя не поддаются. Онъ говорилъ объ особенной прелести добиваться того, что достается съ трудомъ.

Она слушала его смутно, потому что въ это время появилась Нина Александровна и опять заняла свое мѣсто. Лицо ея было еще блѣднѣе прежняго и выраженіе на немъ каменное. И мучительно было смотрѣть на это блѣдное лицо, на которомъ всетаки упорно оставалась неизмѣнная прежняя улыбка. Было ясно, что она переживала какую-то глубокую муку.

Между тѣмъ Антонъ Михайловичъ уже провозгласилъ тостъ за товарищей, уже чокнулись и выпили, и Сторѣцкій, поднявъ бокалъ, говорилъ что-то витіеватое и комическое, подводя свою рѣчь къ тому, чтобы кончить тостомъ за хозяевъ. Его часто прерывали смѣхомъ. Потомъ чокались и пили. Опять началъ говорить Барвинскій и при этомъ страшно, страшно заикался. Затѣмъ Кулькова что-то сказала о медицинѣ и женскомъ сердцѣ. Въ рѣчахъ, въ смѣхѣ, въ общемъ говорѣ ясно слышалось какое-то пьяное, преувеличенное оживленіе.

Надежда Ивановна послѣ каждаго тоста машинально пила и чувствовала, что у нея голова тоже не въ порядкѣ. Уже всѣ перемѣнили мѣста, только Черницынъ что-то упорно жужжалъ около нея. Всѣ теперь пили безъ тостовъ, чокались только съ сосѣдями.

Антонъ Михайловичъ всталъ и, не совсѣмъ твердой походкой пройдя мимо всѣхъ, направился къ Нинѣ Александровнѣ.

Онъ подошелъ къ ней и, обнявъ ея тонкую шею своей тяжелой, аляповатой рукой, промолвилъ:

— Ну, что... Что... моя маленькая малютка!.. Что?.. Что ты уныло смотришь? Ну, ну.. все равно... Жизнь коротка!..

Она посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ, полнымъ и нѣжности, и безконечной печали. Онъ поцѣловалъ ее въ волосы, потомъ отвернулся и махнулъ рукой.

— Э, ну... Ты все свое... Ну тебя... Господа! — вдругъ возвысилъ онъ голосъ и взялъ въ руки бокалъ:—Давайте жить!.. Давайте жить, какъ слѣдуетъ! полно киснуть...

— Какъ киснуть?—спросила Кулькова:—Развѣ мы киснемъ?

— А то что-жъ? Конечно, киснете... Давайте жить, какъ слѣдуетъ...

— Антонъ, Антонъ! — послышался слабый, тревожный, опасливый голосъ.

— А, ну тебя... Слушайте, господа!... тостъ за женщинъ... Пью за женщинъ... Тетюша, пей за женщинъ...

Тостъ былъ подхваченъ. Антонъ Михайловичъ подошелъ къ Кульковой, чокнулся съ нею, потомъ къ Надеждѣ Ивановнѣ.

— Вы все молчите?..—сказалъ онъ, немного наклонившись къ ней.—Я даже не знаю, какой у васъ голосъ.Если онъ такъ же прекрасенъ, какъ ваши глаза, то...

Вдругъ онъ оглянулся. Тонкая, худая рука Нины Александровны лежала на его плечѣ, а глаза ея смотрѣли на него строго.

— Ахъ, малютка!.. А ты тутъ-какъ-тутъ! Ха, ха! Она у меня всегда тутъ-какъ-тутъ.. Инспекторы!..

Онъ поймалъ ея руку и поцѣловалъ. Надежда Ивановна, смущенная, подавленная, искала словъ, чтобъ какъ-нибудь откликнуться на все это. Она обратилась къ Нинѣ Александровнѣ.

— Сколько мы вамъ хлопотъ доставили! Вы утомлены, кажется?

— О, нѣтъ, право, нисколько! Я всегда такая... Не перейти ли намъ въ гостиную? Они здѣсь курятъ и шумятъ!—прибавила она съ своей принужденной улыбкой.

Надежда Ивановна быстро поднялась, Барвинскій отступилъ на шагъ, какъ бы давая ей дорогу. Она, не глядя на него, пошла къ двери и, не дожидаясь хозяйки, прошла въ гостиную. Здѣсь она подошла къ зеркалу и поправила волосы и, увидѣвъ, что ея щеки страшно красны, пришла въ ужасъ.

Черезъ минуту вошла Кулькова, очевидно, ее тоже пригласила хозяйка, а самой Нины Александровны еще не было.

— Сторѣцкій поѣхалъ навѣдаться въ больницу! — сказала Кулькова,—должно быть, скоро и Семенъ Ивановичъ пріѣдетъ. Вамъ весело?

— Да!—кратко отвѣтила Надежда Ивановна.

— Мнѣ страшно весело. Этотъ Барвинскій премилый.

— Да?

— Ну, да-да! А вы развѣ не находите?

— Я его совсѣмъ не знаю.

— Ну, конечно, и я не знаю. А такъ, съ виду... Только у него странные глаза, не правда ли?

— Да, я тоже нахожу.

— Какъ будто онъ хочетъ сказать или сдѣлать одно, а говоритъ или дѣлаетъ другое.

«А какъ она хорошо опредѣлила! Это совсѣмъ такъ, совсѣмъ такъ»,—подумала Надежда Ивановна.

— А какъ вы находите хозяйку?—продолжала Кулькова.

— Она ни въ чемъ не проявилась.

— Мнѣ кажется,— сказала Кулькова тихо и придвигаясь къ ней:—мнѣ кажется, что она его угнетаетъ.

— Какъ угнетаетъ?

— Да такъ. Вѣдь она гораздо старше его. Вы замѣтили, какія у нея морщины на лицѣ? Я думаю, ей подъ сорокъ.

— А вамъ сколько, Дарья Пантелѣевна?—съ улыбкой спросила Надежда Ивановна.

— Мнѣ?—Кулькова разсмѣялась.—Я этого никому не говорю и вамъ не скажу. Но вѣдь я всетаки сохранилась, вѣдь правда—сохранилась? А про нее этого нельзя сказать. А онъ еще совсѣмъ молодой и, кажется, не прочь поухаживать. А она ревнуетъ его страшно. Она слѣдитъ за нимъ, какъ шпіонъ. Вы замѣтили?

— Нѣтъ.

— А я замѣтила.

— Простите, я васъ однихъ оставила!—промолвила, входя въ гостиную, Нина Александровна.—Здѣсь, по крайней мѣрѣ, хоть воздухъ есть. Мы еще не совсѣмъ устроились. Цвѣтовъ нѣтъ еще. Но я своихъ не хотѣла перевозить, пожалѣла. Они отъ этого портятся. А здѣсь не знаю, гдѣ лучше купить.

— Конечно, у Эйлерса... Ужъ это вы мнѣ повѣрьте!

Завязался разговоръ о цвѣтахъ. Кулькова оказалась спеціалисткой. Она въ самомъ дѣлѣ очень много занималась цвѣтами.

Надежда Ивановна почти все время молчала. Она мало понимала въ цвѣтахъ и была очень довольна, что отъ нея не требовали ея мнѣнія. Но ее удивляло, что Нина Александровна такъ много говоритъ, и она думала: «Правда ли, что тебя интересуютъ цвѣты?»

Ей казалось, что и о цвѣтахъ Нина Александровна говоритъ какъ-то машинально, просто потому, что она была хозяйкой и надо было о чемъ нибудь говорить.

Въ столовой было шумно. Иногда можно было разслышать и узнать отдѣльные голоса. Нерѣдко слышался голосъ Антона Михайловича и тогда по лицу Нины Александровны пробѣгала тѣнь. Она на секунду запиналась, какъ будто этотъ возгласъ прерывалъ ея мысли, но затѣмъ опять овладѣвала собой и продолжала о цвѣтахъ.

Но вотъ оттуда послышался общій громкій крикъ, что-то похожее на «ура». Кого-то привѣтствовали.

— Это, должно быть, Семенъ Ивановичъ пріѣхалъ!—предположила Кулькова.

Надежда Ивановна поднялась и Нина Александровна тоже. Черезъ минуту Антонъ Михайловичъ, слегка пошатываясь, ввелъ въ гостиную Семена Ивановича.

— Вотъ, Нина, представляю тебѣ—мое начальство. Дамы... дамы займутъ Семена Ивановича! Онъ для насъ слишкомъ трезвъ...

— Ну, полно, полно! вотъ еще выдумали!—возражалъ Семенъ Ивановичъ:—Если нужно, я прикинусь пьянымъ. Впрочемъ, я всему на свѣтѣ предпочитаю дамское общество!—прибавилъ онъ, пожимая руку хозяйкѣ.

Нина Александровна тотчасъ завладѣла имъ, усадила около себя и начала занимать его. Она удивительно ловко умѣла это дѣлать. Какъ-то быстро находила она темы, которыя подходили къ случаю. Съ Семеномъ Ивановичемъ она уже говорила объ охотѣ, разсказывала о дичи, которая водится въ ихъ мѣстахъ. А онъ былъ страстный охотникъ, правда, давно уже оставившій этотъ спортъ, но очень еще интересовался имъ.

Антонъ Михайловичъ вернулся въ столовую и сейчасъ же снова явился, но не одинъ, а въ сопровожденіи всего общества. Онъ шелъ впереди, неся два бокала. За нимъ шли всѣ съ бокалами. Нѣкоторые принесли бокалы дамамъ и тотчасъ же передали имъ.

— Господа,—сказалъ Антонъ Михайловичъ:—Здр... здоровье начальства!

Раздалось «ура», всѣ чокались съ Семеномъ Ивановичемъ и пили. Послѣ этого мужчины уже не вернулись въ столовую, а остались здѣсь.

Опять Черницынъ сидѣлъ около Надежды Ивановны, а рядомъ съ Кульковой тотъ молодой врачъ, который привезъ ее. Шумъ стоялъ невообразимый. Ничего нельзя было понять изъ того, что говорилось.

Часовъ въ одиннадцать опять раздался залпъ привѣтствій, вернулся Сторѣцкій. Бутылки изъ столовой перешли сюда. Вмѣстѣ съ тѣмъ подавали кофе.

Надежда Ивановна подняла голову и увидѣла передъ собой Барвинскаго.

— А вы, барынька, неприступны только для простыхъ смертныхъ, — говорилъ онъ, сильно запинаясь, — а красавца Черницына близко допускаете. Позвольте мнѣ сѣсть между вами...

— Пожалуйста!—сказала Надежда Ивановна и, отодвинувшись, дала ему мѣсто рядомъ съ Черницынымъ. Онъ сѣлъ.

— Вы это напрасно, барынька, расточаете передъ нимъ благосклонность!—продолжалъ Антонъ Михайловичъ,—онъ уже насыщенъ и пресыщенъ, потому что всѣ женщины передъ нимъ склоняются во прахѣ. Дарить улыбку Черницыну, вѣдь это все равно, что подать милостыню Ротшильду. Ему и не нужно.

— Давайте говорить о чемъ нибудь другомъ, Антонъ Михайловичъ!—почти строго сказала ему Надежда Ивановна.

— А развѣ съ нимъ вы говорили о другомъ? Ха-ха ха! Да развѣ съ Черницынымъ можно говорить о другомъ? Съ нимъ только о любви говорятъ. Ну, да, съ Черницынымъ о любви, а съ нашимъ братомъ-толстогубымъ — о серьезныхъ предметахъ. Это возмутительно! Со мной женщины всегда говорятъ о серьезныхъ предметахъ, а я не хочу говорить о серьезныхъ предметахъ, я хочу говорить о любви. Давайте говорить о любви.

И онъ схватилъ ея руку.

— Антонъ Михайловичъ, ради Бога...

Надежда Ивановна встала и отошла нѣсколько шаговъ. Позади себя она услышала голосъ Черницына: — Это чортъ знаетъ что такое.

Потомъ она слышала, какъ Барвинскій говорилъ съ Черницынымъ что-то о покушеніи на его права и хлопалъ его по плечу. Черницынъ сердился и что-то возражалъ. А затѣмъ ироническій голосъ Барвинскаго:—Другой пѣтухъ забрался въ его курятникъ и онъ уже нахохлился... ха-ха-ха!

Она больше ничего не слышала. Она прошла въ столовую, подошла къ окну и близко приникла къ нему лицомъ. Ей хотѣлось закрыть уши, чтобъ не слышать этого шума. Она думала о письмѣ Строевой: «Что же это? что же это? Я никогда не видала ничего безобразнѣе этого человѣка. И это идеалъ, это «свѣтлое явленіе»... О, Боже, какъ можно заблуждаться!»

Тихіе шаги позади заставили ее вздрогнуть. Она оглянулась. Передъ нею стояла Нина Александровна. Лицо ея было мертвенно-блѣдно, тонкія губы вздрагивали...

— Простите ему... ради всего святого, простите ему!.. Вы видите, онъ... онъ не отвѣтственъ за свои слова!.. Вы это видите!

— О, да, о, да! Я вижу... Я и не думаю.. —поспѣшно, горячо сказала Надежда Ивановна.

— Его слова оскорбительны, но не оскорбляйтесь... Это только слова...

— Я знаю, знаю... Ради Бога, вы успокойтесь...

— Благодарю васъ!

Она протянула Надеждѣ Ивановнѣ руку, которая была холодна, да и въ лицѣ ея былъ все тотъ же прежній холодъ.

Нина Александровна вернулась, а она осталась въ столовой. Было уже за полночь, когда среди громкаго шума, смѣха и говора въ гостиной произошло какое то новое движеніе.

— Ѣдемъ, конечно, ѣдемъ!—слышались голоса.

— Дорога плоха!—возражалъ кто-то.

— О, на островахъ отличная дорога! Я вчера тамъ былъ...

— Да ѣдемъ же, раз... разумѣется, ѣдемъ... Тутъ и разсуждать нечего. Я хочу развернуться... Я хочу развернуться!..—Это былъ голосъ Антона Михайловича.

Надежда Ивановна поспѣшила въ гостиную и остановилась въ дверяхъ. Она видѣла, что большая группа собиралась въ дорогу. Семенъ Ивановичъ говорилъ о чемъ-то со Сторѣцкимъ, который стоялъ передъ нимъ съ видомъ человѣка, тоже торопящагося; онъ очевидно ѣхалъ съ другими.

Нина Александровна стояла у рояля. Ея блѣдныя руки были скрещены на груди, она не спускала глазъ съ группы, въ центрѣ которой былъ ея мужъ. Казалось, она своимъ пронизывающимъ взглядомъ хотѣла заставить его опомниться, вернуться къ ней и сказать: я остаюсь. Но онъ не чувствовалъ ея взгляда.

Они уже шли къ дверямъ. Въ это время она быстро обогнала ихъ и была уже въ передней. Мужчины одѣвались. Нина Александровна стояла у стѣны, плотно прижавшись къ ней и какъ будто чего-то ждала.

Вотъ ея глаза встрѣтились съ его глазами, онъ былъ уже въ шубѣ. Онъ сдѣлалъ два шага и приблизился къ ней.

— Ну, что, малютка? Что глядишь? Вернусь цѣлъ и невредимъ. Господа, ручайтесь!

— Ручаемся! — воскликнулъ Тетюшинъ: — Моей головой ручаюсь!

— Ручаемся!—крикнули другіе.

— Ну, вотъ. Прощай, малютка!

И онъ вышелъ на лѣстницу. Надежда Ивановна стояла тутъ же. Дверь на лѣстницу была полуотворена. Она съ какой-то необъяснимой тревогой прислушивалась, и до ея слуха оттуда ясно долетѣли слова:

— Да вѣдь у васъ нѣтъ красивыхъ женщинъ! Вотъ въ Вильнѣ... Такъ, я тебѣ скажу, Тетюша, тамъ...

Голоса замерли. Лакей захлопнулъ дверь.

Въ гостиной въ это время было движеніе. Тамъ остались

Семенъ Ивановичъ, Кулькова и молодой врачъ, съ которымъ она пріѣхала. Они искали хозяйку, чтобъ проститься.

Нина Александровна вдругъ точно проснулась, провела рукой по лбу и быстро направилась въ гостиную. Кулькова и ея кавалеръ первые простились и ушли.

— А я васъ довезу, Надежда Ивановна; я вѣдь на казенной лошади!—сказалъ Семенъ Ивановичъ и притомъ какъ то угрюмо смотрѣлъ внизъ. Повидимому, ему было совѣстно за все то, что произошло здѣсь.

Надежда Ивановна ничего не возразила и стала одѣваться. И всетаки на лицѣ хозяйки, когда она ихъ провожала, была та самая улыбка, съ которой она ихъ встрѣтила.

— А Антонъ Михайловичъ все тотъ же!—сказалъ, прощаясь съ ней, Семенъ Ивановичъ:—Неукротимый весельчакъ

Нина Александровна улыбнулась и молча пожала ему руку.

Они вышли. Молча проѣхали они до Аничкова моста. Наконецъ, Надежда Ивановна произнесла:

— Семенъ Ивановичъ, объясните мнѣ, что все это значитъ!

— А что, матушка?

— Все это. Эта поѣздка! Неужели вы находите, что все здѣсь такъ, какъ слѣдуетъ?

— Матушка моя, люди слабы. А когда жена имѣетъ несчастье быть старше мужа лѣтъ на десять, то оно еще понятнѣй! А у нихъ еще дѣтей нѣтъ. Ну, и скучно вдвоемъ.

«Только всего? Такъ просто!»—думала Надежда Ивановна.

— Да и вообще,—тономъ размышленія продолжалъ Семенъ Ивановичъ:—Семейный режимъ начинаетъ вырождаться. Устарѣлая форма! Надо выдумать что нибудь новое. Вотъ отчего я и остался холостякомъ. Нѣтъ, матушка моя, Надежда Ивановна, не выходите замужъ, не стоитъ! Право, не стоитъ.

— Нѣтъ, это все не то, Семенъ Ивановичъ! Дѣло не въ этомъ.

— Да, конечно. Тутъ простая порядочность хромаетъ. Пить можно, и напиться иногда дозволяется. Но для этого есть трактиръ, а то дома, при женѣ... Это оскорбляетъ... И опять—уѣзжать изъ дому послѣ полуночи. Да, нехорошо, нехорошо. Онъ всетаки испортился! Всегда у него были эти склонности, но все же владѣлъ собой.

Онъ замолчалъ, а она больше ни о чемъ его не спрашивала. Скоро они были на Конюшенной, и Надежда Ивановна съ нимъ простилась.

V.

Она проснулась поздно, съ тяжелой головой. Первое ощущеніе у нея было такое, какъ будто наканунѣ случилось что-то ужасное. Она стала припоминать.

Ничего не случилось, кромѣ простого разочарованія. Да и разочарованіе въ чемъ? То было очарованіе съ чужихъ словъ, какое-то ожиданіе чего то прекраснаго, идеальнаго и высокаго. Но прекраснаго, идеальнаго и высокаго не оказалось, это въ порядкѣ вещей.

Она уже давно начала думать, что сильныхъ людей въ дѣйствительности нѣтъ. Они есть, но только въ сферѣ личныхъ отношеній, маленькихъ повседневныхъ дѣлъ. Но сильные ли они въ самомъ дѣлѣ? Не кажутся ли они сильными и большими только потому, что сама эта сфера повседневныхъ дѣлъ такъ мелка и незначительна?

Но какое это счастье, что все такъ сразу открылось, съ первой встрѣчи! Должно быть, было что нибудь такое, что ввело въ заблужденіе Строеву,—опытную Строеву, видавшую на своемъ вѣку всякихъ людей. Эта сцена съ бѣдной женщиной и съ ребенкомъ... О, да вѣдь въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ вчера, онъ способенъ снять съ себя не только шубу, но и вовсе раздѣться на морозѣ. Ну, и, очевидно, въ описаніи Строевой что-то пропущено. Не изъ больницы они шли, или не всѣ они шли изъ больницы. Можетъ быть, они его встрѣтили, когда онъ шелъ изъ другого мѣста и былъ въ томъ состояніи, когда способенъ былъ на все. Пьяную дурь она приняла за сознательный высокій подвигъ! О, какъ все это пошло и миверно!

И представилась ей вдругъ маленькая, худенькая женщина съ блѣднымъ лицомъ, съ множествомъ сѣдыхъ волосъ на головѣ, съ странными глазами, казалось, превратившимися въ одно выраженіе грусти.

Да, конечно, это самое несчастное существо! Она вся въ немъ. Она любитъ его беззавѣтно, какъ слѣпая. И если она слышала тѣ слова, которыя онъ произнесъ на лѣстницѣ, то она страшно несчастна. Какая гадость!

Возмущенная, она встала, быстро одѣлась и, не спросивъ себѣ кофе, сѣла за столъ и стала писать Строевой.

«Ты отличилась! Твое знаніе людей, которое было для меня несомнѣнно, которому я завидовала, больше въ моихъ глазахъ не существуетъ. Да, я, наконецъ, увидѣла твоего героя, этого доктора Барвинскаго, котораго ты произвела въ «свѣтлое явленіе». Онъ такъ ничтоженъ, какъ и всѣ. Но онъ пошлѣе всѣхъ. Его цинизмъ превосходитъ все, что я до сихъ

поръ видѣла. Возьми скорѣе свои слова назадъ, потому что я возмущена. Я чувствую негодованіе противъ него за вчерашній вечеръ. Еслибы я не смотрѣла на него твоими глазами, то я ничему не придала бы значенія. Я только поставила бы его въ рядъ съ другими. Но я отъ него ждала, ждала и... Нѣтъ, я разскажу тебѣ все, какъ было. Я посмотрю, какіе ты сдѣлаешь выводы».

И она въ этомъ же нервномъ тонѣ, выдававшемъ ея глубокое негодованіе, описала весь вчерашній вечеръ.

Было около двѣнадцати часовъ, когда письмо ея подходило къ концу. Въ передней раздался звонокъ. Генріета кому-то докладывала, что она еще спитъ. Генріета была убѣждена въ этомъ. Но она встала и вышла въ переднюю.

Кто это? Тетюшинъ? Это поразительно! Онъ былъ у нея всего только одинъ разъ.

— Вы?

— Голубушка, я! Ей-Богу, я! — жалобнымъ тономъ отвѣтилъ Тетюшинъ:—Можно?

— Конечно, можно. Но чѣмъ объяснить это?

— Объясните, чѣмъ хотите, только дайте стаканъ воды! Адская жажда! Знаете, съ перепою. Голова трещитъ неистово; а то квасу, если есть.

— Входите, входите.

Она притворила дверь въ спальню, гдѣ былъ безпорядокъ. Тетюшинъ снялъ пальто въ передней и вошелъ.

— Генріета, дайте мнѣ кофе, а доктору достаньте квасу.

— Благодѣтельница! Ну, просто благодѣтельница! — воскликнулъ Тетюшинъ, схватилъ ея руку и поцѣловалъ:—А голосъ-то, голосъ! Обратите вниманіе!

Голосъ, дѣйствительно, у него былъ убійственный, да и на лицѣ отразились всѣ признаки безсонной и пьяной ночи.

— Садитесь же. Откуда вы?

— Откуда? Ха! а вотъ дайте хорошенько подумать! Во всякомъ случаѣ, не изъ хорошаго мѣста.

— Зачѣмъ же вы мнѣ объ этомъ говорите?

— А вы же спрашиваете! Э, Надежда Ивановна, это пустое! Въ приличныхъ выраженіяхъ можно все сказать. Это ничего! Можно сказать, что былъ въ нехорошемъ мѣстѣ, когда дѣйствительно былъ. А вотъ, что былъ, это нехорошо.

— Это гадость!

— Именно-съ гадость. Но вѣдь это уже сдѣлано и раздѣлать нельзя.

— Ну, объясните же, по крайней мѣрѣ, почему вы изъ нехорошаго мѣста прямо ко мнѣ? Надѣюсь, что между этими двумя обстоятельствами нѣтъ никакой связи.

— Изъ нехорошаго да прямо въ хорошее! Это такъ! А почему? Да потому, что вы добрая.

— Не понимаю.

— Объяснюсь вкратцѣ. У меня имѣется жена. Вамъ это извѣстно...

— Я думаю. Я знакома съ Марьей Степановной.

— Да-съ, такъ имѣется жена. Прекрасная женщина—моя жена, но съ порокомъ: ревнива, какъ сорокъ тысячъ Отеллъ. Чуть новое знакомство, гдѣ есть женщина, какъ уже она ненавидитъ. И что ревновать, посмотрите на меня, есть ли тутъ что ревновать? Ну-съ, и я ужъ ее, если куда зовутъ, съ собой не беру, потому что непремѣнно скандалъ устроитъ: либо въ глаза вцѣпится, либо въ истерику упадетъ. И вотъ теперь, какъ вамъ уже вѣдомо, я дома не ночевалъ и, слѣдовательно, такъ какъ я ея характеръ прекрасно знаю, она будетъ ходить, а можетъ быть уже и ходитъ по всѣмъ знакомымъ и разыскиваетъ, а дома такое мнѣ сраженіе устроитъ, что я рискую потерять остатки моихъ волосъ.

— Неужели вы деретесь?

— Случается, голубушка, случается. Такъ вотъ, къ вамъ и пришелъ. Я уже всѣхъ прочихъ предупредилъ: ежели спроситъ, что и какъ—ей извѣстно, что я на обѣдъ къ Бобу поѣхалъ—такъ скажите, голубушка, что въ одиннадцать часовъ вечера васъ внезапно къ больной позвали. Роды, понимаете, трудные роды! А вы за мной на подмогу послали, понимаете? Ну, и вотъ тамъ я провелъ всю ночь. Съ больной промучился, понимаете? А ей даже сторублевку отдамъ, которую якобы получилъ за визитъ, отступного!

Надежда Ивановна невольно неудержимо разсмѣялась.

— Боже, до чего доводитъ семейное счастье! Но, послушайте, вѣдь вы спеціалистъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. Я, положимъ, тоже, но какъ женщину-врача меня могли позвать,—но вы-то зачѣмъ туда попали?

— Все равно, это ничего! Такой случай... не было по близости акушера. Ну, однимъ словомъ, согласны?

Надежда Ивановна подумала.—Не нравится мнѣ это. Я не понимаю, какъ вамъ пришло въ голову. Почему именно я?

— Потому что у васъ добрая душа, и вы хорошій товарищъ. Я бы могъ попросить Кулькову, да вѣдь она перепутаетъ все, еще хуже будетъ. У нея дырявая голова.

Надежда Ивановна встала и начала задумчиво ходить по комнатѣ.

— Послушайте, у васъ есть дѣти?

— Какъ же, трое, голубушка, трое. И какіе молодцы!

— И вы... Ахъ, впрочемъ, это безполезно. Что вы за странные люди, господа! Неужели у васъ нѣтъ ничего завѣтнаго,

ничего святого? Неужели нѣтъ у васъ въ душѣ такой грани, за которую уже не можетъ переходить дрянность вашей натуры?

— Браните, браните, милая, такъ и слѣдуетъ... Такъ согласны? Понимаете, этимъ же вы сохраните семейный миръ...

— Семейный миръ! Какъ вамъ не стыдно! Развѣ онъ у васъ есть? Развѣ можетъ быть миръ въ семействѣ, гдѣ мужъ ѣздитъ въ какія-то мѣста?.. Ну, хорошо. Я скажу такъ, если меня спросятъ. Это глупо и дурно, но я скажу, потому что мнѣ жаль вашу жену. Хорошо...

— Вотъ спасибо! Голубушка! Я говорилъ, что у васъ добрая душа. Ага, вотъ и квасъ. У васъ и нѣмочка добрая! Ну, вотъ выпью квасу и на обходъ. А вы не поѣдете?

— Нѣтъ, мнѣ нездоровится сегодня. Постойте... Я хочу васъ спросить. Вы давно знаете Барвинскаго?

— Да что это вы такъ имъ интересуетесь? Откуда это?

— Это все равно для васъ. Вы его давно знаете?

— Да, мы съ нимъ товарищи.

— И онъ всегда былъ такой?

— Всегда. Рѣшительно всегда.

— И никогда съ нимъ не бывало перемѣнъ?

— Видите, не перемѣна... Что называть перемѣной?.. Во время студенчества я ничего не замѣчалъ, но лѣтъ восемь назадъ съ нимъ, дѣйствительно, случилось что-то странное. Мы даже думали, что мозговая форма. Сталъ всѣхъ дичиться, и мѣсяца полтора прятался отъ людей. Потомъ прошло. А затѣмъ, лѣтъ шесть тому назадъ, онъ вдругъ исчезъ и какъ-то внезапно, и я его съ тѣхъ поръ не видалъ.

— Такъ что, значитъ, онъ всегда былъ такой?

— Удивительно счастливый этотъ Бобъ! Не успѣлъ появиться, какъ уже имъ интересуются! Непремѣнно разскажу ему.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не разсказывайте, прошу васъ.

— Нельзя? Ну, хорошо, не буду! Коли нельзя, такъ и не буду. А попался таки нашъ Бобъ. Видѣли?

— Что?

— Да жена-то, жена у него! Я думаю, еще почище моей будетъ... Ха-ха-ха! А надо мной смѣялся, вотъ и попался самъ.

— Развѣ она дурная?

— То есть, что значитъ дурная? Моя почтенная половина вовсе не дурная женщина, а очень даже хорошая дама. Я ее уважаю. Но знаете, у нея, у Бобочкиной супруги, у нея такіе инспекторскіе глаза, что не дай ты, Господи.

— Но послушайте, неужели вы хотите, чтобы женщина, которая любитъ, оставалась спокойна, когда вы дѣлаете такія гадости?

— Да вѣдь она, голубушка, на десять годиковъ старше его!

— Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ женятся люди? Если старше, если это мѣшаетъ любви... ну, и... вѣрности... не надо жениться. Вообще, извините меня, но я вамъ прямо скажу, что всѣ вы такіе негодяи...

Она это сказала съ искреннимъ негодованіемъ, но Тетюшинъ добродушнѣйшимъ образомъ разсмѣялся.

— Ха-ха-ха! Да, есть, есть это въ насъ! Эхъ, ну, да что... Духъ бодръ, голубушка, а плоть немощна. Ну, такъ прощайте: уповаю на васъ, какъ на каменную скалу.

Онъ допилъ квасъ, опять поцѣловалъ ея руку и исчезъ.

Надежда Ивановна отослала Строевой письмо и въ этотъ день никуда не выходила. Это былъ для нея тяжелый день, но потомъ все вошло въ норму. Она ходила въ больницу, встрѣчала все тѣхъ же товарищей. Барвинскій вступилъ въ отправленіе обязанностей.

Надежда Ивановна часто заходила въ больницу въ неурочные часы и почти всегда встрѣчала тамъ Барвинскаго. Его можно было видѣть постоянно въ какой-нибудь палатѣ съ больными. Семенъ Ивановичъ указывалъ на него, какъ на примѣръ усердія. Казалось, что онъ любилъ свое дѣло и посвящалъ ему много времени.

Не разъ присутствовала она въ сборной, когда подымался какой-нибудь спеціальный споръ. Уже это было новостью, что здѣсь говорили иногда не о лошадяхъ и не о балетѣ, а о медицинѣ. Прежде это случалось только тогда, когда бывалъ Семенъ Ивановичъ. При немъ лошадиный спортъ былъ неумѣстенъ. Теперь и Барвинскій вносилъ нѣкоторую серьезность.

Въ первое время Черницынъ началъ, было, самоувѣренно, авторитетно возражать ему, но Барвинскій сразу обнаружилъ его невѣжество; тотъ покраснѣлъ и больше не спорилъ. У него была особенная манера. Онъ очень любилъ показать свое превосходство, и онъ, дѣйствительно, зналъ свою спеціальность лучше многихъ. Но дѣлалъ онъ это какъ-то незамѣтно, не выставляясь и не подчеркивая своихъ знаній. Оппонентъ признавалъ самъ себя побѣжденнымъ и замолкалъ... «Онъ всетаки серьезнѣе другихъ», думала себѣ въ утѣшеніе Надежда Ивановна: «знаетъ свой предметъ и, дѣйствительно, много работаетъ. Но отъ этого до того идеала, какимъ выставляла его Строева, очень далеко».

Прошло уже около мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ появился Барвинскій. Надежда Ивановна составила себѣ о немъ определенное мнѣніе: хорошій врачъ, неглупый человѣкъ, но рѣшительно ни чѣмъ не выдающаяся личность. Слабъ, склоненъ къ компромисамъ, увлекается такими же пустяками, какъ и

другіе, какъ бѣга и скачки. Вообще въ немъ была сильно развита страсть къ лошадямъ, онъ часто говорилъ о своемъ Букѣ и однажды даже пріѣхалъ верхомъ въ больницу, вызвалъ всѣхъ товарищей во дворъ и показывалъ имъ своего коня.

Нина Александровна дня черезъ два послѣ обѣда сдѣлала ей визитъ. Она посидѣла буквально пять минутъ, поговорила о музыкѣ и исчезла. А Антонъ Михайловичъ все какъ-то не успѣвалъ побывать у нея и чуть не каждый день извинялся передъ нею. Наконецъ, однажды она ему сказала съ нѣкоторой даже досадой:

— Но право же, это не обязательно, Антонъ Михайловичъ! можно обойтись и безъ этого.

Это было черезъ мѣсяцъ послѣ обѣда. И на другой день послѣ этого разговора онъ къ ней явился. Она этого не ожидала и была крайне удивлена.

— Ага, вотъ видите!—говорилъ онъ.—Вы сказали, что можно обойтись, я и устыдился. Вотъ и пришелъ. Но знаете, я давно—давно собирался извиниться передъ вами. Но это было такъ скверно, что даже извиняться совѣстно...

— О чемъ вы говорите, Антонъ Михайловичъ?—спросила она.

— О томъ вечерѣ, у насъ, помните?.. Я наговорилъ вамъ какихъ-то дрянностей!..

— Да, вы вели себя тогда отвратительно.

— Ну, вотъ спасибо, что вы, по крайней мѣрѣ, прямо это сказали. Такъ извините. Но я очень ужъ перепилъ тогда. Обыкновенно я мало пью. Мнѣ жена не позволяетъ. А тутъ перешелъ грань. Есть такая грань, до которой я—человѣкъ, а чуть переступлю одинъ миллиметръ, какъ превращаюсь въ животное. Вотъ тогда это и случилось. Что же вамъ пишетъ Строева изъ Вильны?

— Строева?

Надежда Ивановна почему-то вздрогнула. Ей сейчасъ же припомнились письма Строевой о немъ и та разница, какую она сама нашла. Ею вдругъ овладѣла рѣшимость не пропустить этого случая и поговорить съ нимъ о немъ самомъ.

— Ахъ, да, Строева!—сказала она.—Я помню вашъ отзывъ о ней. Помните, вы сказали, что въ ней много экзальтаціи. Это правда! Еслибъ вы знали, что она мнѣ писала о васъ! О, гораздо лучше, чѣмъ вы есть въ дѣйствительности.

— О, дѣйствительность! Почемъ они знаютъ, гдѣ моя дѣйствительность?

— Какъ?

Онъ произнесъ эту фразу страннымъ тономъ, какъ будто не ей говорилъ, а просто для себя.

— Кто они?—спросила она еще разъ.

— Они всѣ. И Строева, и вы въ томъ числѣ. Да даже хотя бы и я самъ.

— Я этого не понимаю... Развѣ это не дѣйствительность, то, что я вижу, какъ живемъ мы всѣ каждый день?

— Мы не живемъ. Развѣ мы живемъ?

— Но что же?

— Жизнь, это что-то сильное, прямолинейное, органическое! Живетъ растеніе Ему нужно тянуться вверхъ, и оно тянется неуклонно. Никогда оно не растетъ въ сторону или внизъ, а всегда—всегда вверхъ. Никогда листья его не бываютъ синіе или розовые, а всегда зеленые. Потому что такими они должны быть, это ихъ свойство, это ихъ природа... А мы, мы постоянно уклоняемся, виляемъ, лавируемъ, ничего не доводимъ до конца. На каждомъ шагу уступки, уступки, уступки... Мы подчиняемся нашимъ слабостямъ, потому что у насъ нѣтъ никакой силы... Мы какія-то швабры, которыми подметаютъ полъ. Постойте... Къ чему это я говорю? Давайте, поговоримъ о музыкѣ. Кстати, вотъ піанино и вы музыкантша.

— Нѣтъ, нѣтъ...

Она уже вся насторожилась. Она услышала отъ него новыя слова, не похожія на все то, что до сихъ поръ онъ говорилъ и какъ дѣйствовалъ.

— Нѣтъ, я хочу говорить объ этомъ...

— Да зачѣмъ? Вѣдь все равно не станемъ расти прямо, какъ дерево, а будемъ норовить внизъ и вбокъ. Давайте говорить о музыкѣ!

Она смотрѣла на него и что то новое находила она и въ лицѣ его. Какая-то скорбная складка. Сердце у нея забилось сильно.

Слова, которыя онъ говорилъ, въ сущности, ничего замѣчательнаго не представляли. Такихъ словъ она слышала много и отъ многихъ, и говорились они съ красивымъ пафосомъ, возвышеннымъ голосомъ. Но у него они какъ будто отрывались отъ больного мѣста, отъ раны, и были окрашены кровью.

«Пусть говоритъ, пусть говоритъ! надо чтобъ онъ высказался, надо узнать его... Что это за человѣкъ»?

— Слушайте, Антонъ Михайловичъ!—промолвила она съ видимымъ волненіемъ: — вѣдь надо говорить о томъ, о чемъ заговорилось... Заговорилось само собой, значитъ—такъ и надо...

— Да что-жъ, вы, можетъ быть, разсчитываете услышать отъ меня новое слово?—произнесъ онъ съ иронической усмѣшкой и отрицательно покачалъ головой:—такъ это напрасно! новыхъ словъ вовсе не бываетъ, да и не нужно. Слишкомъ много и старыхъ хорошихъ словъ, которыя остаются только словами... А старыя вы, конечно, всѣ знаете...

— Иногда бываетъ необходимо напоминать старое...

— Что-жъ, извольте... Вотъ я говорю, что живетъ дерево. Да, это вѣрно. Я хочу сказать этимъ, что въ жизни дерева есть несокрушимая логика. Ему надо расти вверхъ, и оно растетъ вверхъ, не смотря ни на что. Поставьте ему препятствіе— оно пробьетъ его, или само погибнетъ; пробьетъ, если окажется по силамъ, погибнетъ—если свыше силъ, потому что оно не можетъ идти противъ себя. Подрѣжьте вѣтки внизу, помѣшайте ему выпустить ростки тамъ, гдѣ ему удобнѣе, оно выброситъ ихъ въ другомъ мѣстѣ, вверху. Оно не можетъ отказаться отъ своей природы. Это его логика, по которой оно живетъ, и безъ которой дерево—не дерево, а что-то другое. У звѣря тоже есть логика. Львица любитъ дѣтей и, если имъ грозитъ опасность, защищаетъ ихъ до смерти. Любить, такъ ужъ до самой смерти, вотъ въ чемъ неотразимая логика! Я долженъ, и потому иду во что бы то ни стало до конца, долженъ почему бы то ни было, по природѣ ли, или потому, что это мое убѣжденіе—это все равно. А мы—мы вѣдь всѣ порядочные люди. Посмотрите кругомъ—вѣдь среди насъ нѣтъ отъявленныхъ негодяевъ. Никто изъ насъ не любитъ зло. Спросите, кого хотите: меня, васъ, Тетюшина, Кулькову, кого угодно, и всѣ скажутъ добросовѣстно, что они противники всякаго зла, всѣ любятъ добро, и это правда: въ самомъ дѣлѣ, мы добро предпочитаемъ злу. Но дѣлаемъ мы на каждомъ шагу зло. Еслибы у насъ была такая же логика, органическая логика, логика жизни, какъ у растенія, какъ у львицы, мы должны были бы идти къ добру до смерти... Но мы не идемъ, а постоянно уклоняемся. Чуть для добра требуется усиліе, а, главное,—лишеніе, мы сейчасъ куда нибудь въ сторону, сейчасъ какой-нибудь софизмъ, вродѣ того, что это, молъ, глупо, что никто, молъ, не обязанъ жертвовать и проч. И всетаки мы хорошіе люди, всѣ насъ такъ считаютъ, и мы сами тоже...

— Но почему же это такъ? Почему?

— Почему? Гм... Да вѣдь вы скажете, что я сумасшедшій. Хотите знать, почему? Да вотъ вамъ: потому что мы слишкомъ здоровы. Да, да, удивляйтесь, сколько вамъ угодно. Я говорю: потому что мы слишкомъ здоровы.

— Я не понимаю этого, Антонъ Михайловичъ.

— Не понимаете, и не надо!—сказалъ онъ гораздо менѣе энергичнымъ тономъ, какъ бы уже нѣсколько уставая.

— Но какъ же это? Здоровье, вѣдь это идеалъ, это то, къ чему мы стремимся. Мы съ вами врачи, Антонъ Михайловичъ. Мы посвятили жизнь свою на борьбу съ болѣзнями.

— Не понимаете, не понимаете, это правда! Ну, и не понимаете-то вы оттого, что вы слишкомъ здоровы. О, вонъ ка-

кія у васъ щеки: кровь съ молокомъ! Какъ же вамъ понять? Ха-ха-ха! Какъ дойти до этого?

Она почувствовала, какъ кровь прилила къ ея щекамъ, и онѣ загорѣлись. Но она на это ужъ не обратила вниманія. Она только видѣла, что онъ, сперва заговорившій съ нею тономъ положительнымъ и твердымъ, теперь какъ бы началъ сдавать, и страшно боялась, что онъ чего-то не доскажетъ и, можетъ быть, чего-то самаго главнаго. А между тѣмъ ей нужно было понять всю его странную мысль. Она чувствуетъ, что если онъ уйдетъ, не досказавши все до конца, она замучится.

— Такъ объясните же, Антонъ Михайловичъ. Зачѣмъ вы остановились на полусловѣ?—воскликнула она.

Онъ усмѣхнулся.

— Объяснить, объяснить!.. Женщины всегда съ вопросомъ... Вѣчно у нихъ недоумѣніе, все имъ объяснять надо. Да и объяснить-то это нельзя. Нельзя вотъ на этомъ столѣ сыграть симфонію. Вѣдь нельзя? Пусть у васъ есть и талантъ, и техника, и знаніе, а всетаки симфоніи не сыграете на этомъ столѣ, потому что въ немъ струнъ нѣтъ, а струны именно и нужны; а у стола нѣтъ струнъ...

— Значитъ, вы думаете, что я не смогу понять васъ...

— Понять? Отчего же! Мы все отлично понимаемъ. Ума у насъ много, и мы прекрасно имъ владѣемъ. Мы хорошо знаемъ, что должны и чего не должны, что благородно, честно, возвышенно и что подло. Это теперь уже всякій гимназистъ третьяго класса знаетъ! Но знать и дѣлать и жить, это совсѣмъ разныя вещи. Не понимать тутъ надо, Надежда Ивановна, а чувствовать. Прочувствовать надо всѣмъ своимъ существомъ, насквозь, до послѣдней капли,—вотъ что надо тутъ. Ну, а вотъ этого-то у васъ и не найдется. Потому что... кровь съ молокомъ... Вы говорите: здоровье, это — идеалъ... Такъ,—но идеалъ чего? — идеалъ спокойной, нормальной, буржуазной жизни. Я ничего не имѣю противъ буржуазной жизни и противъ этого слова. Слово хорошее, право, прекрасное слово! Оно означаетъ, что всего въ домѣ много, большой запасъ и крупы, и муки, и дровъ, и масла, всегда на столѣ кусокъ мяса есть, всегда есть теплая одежда и удобная постель. Это все очень хорошо, но только тогда это хорошо, когда есть у всѣхъ; тогда не надо ни подвиговъ, ни жертвъ. Но когда у одного все это есть въ изобиліи, а у другого нѣтъ ничего, тогда нужны жертвы. А здоровье и жертва, это—враги. Здоровье предъявляетъ страшныя требованія. Оно требуетъ мягкой постели, вкусной пищи, пріятныхъ удовольствій, нормальнаго восьмичасового сна, теплоты, комфорта, музыки, поэзіи. Оно этимъ питается, этимъ живетъ. Попробуйте отнять у себя двѣ ночи сна, здоровье сейчасъ запротестуетъ, потребуетъ реванша и свалитъ васъ въ

постель и прикуетъ васъ къ подушкѣ. Оно начнетъ протестовать ломотой во всемъ вашемъ тѣлѣ, мигренью... Попробуйте не ѣсть лишнихъ пять часовъ, здоровье потребуетъ васъ къ столу, къ обильной пищѣ...

— Такъ вы хотите сказать, что надо бороться съ здоровьемъ, надо быть больнымъ?— съ широко раскрытыми глазами спросила Надежда Ивановна.

— Да, да...

И онъ вдругъ поднялся и протянулъ ей руку.

— Прощайте! Я знаю, что мои слова показались вамъ безсмысленнымъ бредомъ... Пожалуй, они и похожи на бредъ, но... Надо быть хоть немножко больнымъ, чтобы понять.

— А вы... вы развѣ...

— Я? Вы хотите сказать: развѣ я больной? О, нѣтъ, я здоровъ! Вы же видите? Ну, прощайте, Надежда Ивановна. Надѣюсь, вы не забудете, что на Кирочной улицѣ живетъ лѣкарь Барвинскій... Кланяйтесь Строевой. У нея, право, хорошая душа, только она... Она тоже черезчуръ здорова...

Онъ ушелъ. Надежда Ивановна проводила его, потомъ вернулась въ комнату, присѣла на диванѣ и долго смотрѣла въ одну точку, и въ головѣ ея были какія-то неопредѣленныя, неясныя мысли.

Потомъ она быстро встала, прошла къ письменному столу, взяла бумагу и перо и поспѣшно начала писать Строевой.

И. Потапенко.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Генри Джорджъ, какъ экономистъ *).

Послѣднее столѣтіе ознаменовалось крупнѣйшими техническими изобрѣтеніями и блестящими усовершенствованіями во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства. Франція, напримѣръ, по вычисленіямъ министерства общественныхъ работъ, обладаетъ въ видѣ различныхъ машинъ 100 милліонами человѣческихъ силъ; между тѣмъ тамъ насчитываютъ всего около 10 милліоновъ взрослыхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, благодаря примѣненію машинъ, производительныя силы Франціи увеличились въ 10 разъ; другими словами, каждый взрослый французъ имѣетъ къ своимъ услугамъ 10 рабовъ въ видѣ машинъ, и при правильномъ распредѣленіи богатствъ всѣ французы могли бы жить такъ же свободно и привольно, какъ жилъ средній римскій патрацій **). Если бы какой-нибудь мыслитель прошлыхъ вѣковъ могъ, созерцая будущее, представить себѣ тѣ великія силы, какія XIX-му столѣтію удастся покорить на пользу человѣчества,—какое мнѣніе онъ долженъ былъ бы составить себѣ относительно этого будущаго общественно-экономическаго строя? Въ его воображеніи, несомнѣнно, рисовалась бы картина всеобщаго благоденствія: нищета и страданія стали «сказкой миновавшихъ дней», порокъ и преступленія ушли въ область преданія, осуществились завѣтные идеалы. ***).

---

*) Умершій въ концѣ прошлаго года Генри Джорджъ родился 2 сентября 1839 г. Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ былъ всѣмъ обязанъ исключительно самому себѣ. Перебывавъ наборщикомъ, матросомъ, золотоискателемъ, онъ вновь вернулся къ дѣятельности наборщика, а, поселившись въ Санъ-Франциско, сталъ понемногу заниматься газетной работой и въ качествѣ писателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усиленно занимался самообразованіемъ. Въ 1871 г. онъ издалъ брошюру „Our Land and Land Policy", не обратившую, однако, на себя большого вниманія. Совсѣмъ иначе была встрѣчена изданная имъ въ 1879 г. книга „Progress and Poverty". Джорджъ сразу сталъ знаменитостью. И хотя послѣдующія его сочиненія уже далеко не производили такого впечатлѣнія, но популярность его все росла. Въ 1886 г. онъ выступилъ кандидатомъ на должность нью-іоркскаго мэра, но потерпѣлъ неудачу. Въ прошломъ году онъ повторилъ эту попытку но въ самый разгаръ избирательной борьбы умеръ. Предлагаемая статья нашего, тоже уже покойнаго, сотрудника посвящена разбору главнаго сочиненія Джорджа. *Ред.*

**) Charles Gide, «Principes d'économie politique», 3-me ed., стр. 375.

***) Генри Джорджъ, „Прогрессъ и бѣдность", стр. 1—2.

Но что жъ мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Въ самыхъ богатыхъ центрахъ нашей цивилизаціи мы рядомъ съ богатствомъ встрѣчаемъ и бѣдность, рядомъ съ роскошью и изобиліемъ встрѣчаемъ нищету и страданія. Если въ послѣднее время мы и встрѣчаемъ нѣкоторыя улучшенія въ положеніи рабочаго класса, напр., сокращеніе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы и т. п., то это, конечно, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, чего можно бы было ожидать отъ этого крупнаго роста производительныхъ силъ. Тѣ самыя техническія изобрѣтенія, которыя, казалось, должны были бы сократить и облегчить трудъ рабочей массы, которыя должны были-бъ обезпечить ей болѣе прочное существованіе, вели только къ тому, чтобы сдѣлать трудъ болѣе монотоннымъ и тягостнымъ, чтобы расшатать семейные устои, привлекая на фабрики женщинъ и дѣтей, чтобы сдѣлать положеніе рабочихъ болѣе шаткимъ и непрочнымъ, выбрасывая ихъ каждый разъ на улицу, какъ ненужныя, излишнія руки, то благодаря новому усовершенствованію, то благодаря кризисамъ, повторяющимся съ какой то лихорадочной періодичностью.

Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ появленія «Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ» Ад. Смита начинается знаменитый споръ между Годвиномъ и Мальтусомъ о причинахъ бѣдности и средствахъ для ея искорененія. Этотъ споръ ведется въ теченіе всего XIX-го столѣтія, онъ проходитъ красною нитью чрезъ всю экономическую литературу. И вотъ, въ концѣ XIX-го вѣка, послѣ того, какъ у насъ накопился такой богатый матеріалъ фактовъ и наблюденій, послѣ многихъ блестящихъ научныхъ изслѣдованій, озарившихъ свѣтомъ истины явленія общественной жизни, освѣтившихъ наше прошедшее и настоящее, поднявшихъ даже до нѣкоторой степени завѣсу будущаго, мы, увы! все еще не замѣчаемъ полнаго согласія въ объясненіи причинъ бѣдности, въ разрѣшеніи великой загадки, которую «Сфинксъ Судьбы задалъ нашей цивилизаціи».

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду познакомить читателя съ попыткой разрѣшить эту проблему, сдѣланной талантливымъ американскимъ писателемъ Генри Джорджомъ, главное сочиненіе котораго «Прогрессъ и бѣдность» вышло недавно въ двухъ русскихъ переводахъ *).

---

*) *Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность.* Переводъ съ англійскаго С. Д. Николаева. Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева, 1896 г. Цѣна 2 руб.

Переводъ Г. Николаева сдѣланъ довольно хорошимъ языкомъ.

Генри Джорджъ. Прогрессъ и бѣдность. Переводъ А. Г. Сахаровой, подъ редакціею А. К. Шеллера (Михайлова) Спб. Изданіе книжнаго магазина М. М. Ледерле, 1896 г. Цѣна 2 руб.

Этотъ переводъ чрезвычайно слабъ; рѣчь неправильна, мѣстами совершенно безграмотна. Кто прочтетъ Джорджа въ этомъ изданіи не получитъ о талантливомъ американскомъ публицистѣ даже самаго отдаленнаго представленія.

Генри Джорджъ, пріобрѣвшій за короткое время весьма громкую извѣстность не только на своей родинѣ, но во всемъ цивилизованномъ мірѣ, не глубокій мыслитель, проникающій своимъ анализомъ въ самый корень изучаемыхъ имъ явленій, не серьезный ученый, хорошо знакомый съ экономической и финансовой наукой въ ея прошломъ и настоящемъ, а талантливый публицистъ, блестящій писатель, вліяющій своею сильной и образной рѣчью скорѣе на чувство, чѣмъ на умъ читателя. Что касается его общихъ соціальныхъ воззрѣній, то его иногда смѣшивали съ соціалистами. Такое смѣшеніе основано на грубомъ заблужденіи. Хотя проектъ Джорджа, если бы было мыслимо его осуществленіе, долженъ внести глубокія измѣненія въ нашъ современный экономическій строй, или, точнѣе, въ нашу финансовую систему, но съ соціализмомъ онъ не имѣетъ ничего общаго. Джорджъ самъ, въ своемъ открытомъ письмѣ къ папѣ Льву XIII, открещивается руками и ногами отъ соціализма, называя себя его принципіальнымъ противникомъ. И дѣйствительно, онъ признаетъ частную собственность на орудія производства священной, онъ выступаетъ защитникомъ начала свободной конкурренціи, является сторонникомъ частно-хозяйственной организаціи производства, наконецъ, ставитъ самыя невинныя мѣры рабочаго законодательства на счетъ соціализму. Итакъ, посмотримъ, какъ этотъ американскій экономистъ-самоучка, стоявшій близко къ жизни, вынесшій на собственныхъ плечахъ всѣ тяжести современной борьбы за существованіе, разрѣшаетъ проблему нашего времени.

Джорджъ поставилъ себѣ задачей: 1) отыскать законъ, который связываетъ бѣдность съ прогрессомъ и 2) найти объясненіе часто повторяющихся торгово-промышленныхъ кризисовъ, составляющихъ характерную черту нашего современнаго хозяйства. Свое изслѣдованіе онъ начинаетъ съ критики различныхъ теорій, коими экономисты пытались объяснить существованіе и ростъ бѣдности среди возростающаго богатства. Онъ даетъ намъ прежде всего весьма талантливую критику знаменитой теоріи фонда заработной платы, занимавшей столь видное мѣсто въ системѣ экономистовъ-классиковъ. Теорія эта, какъ извѣстно, заключается въ слѣдующемъ: въ каждый данный моментъ, учили сторонники этой теоріи, у каждаго предпринимателя въ отдѣльности и у всѣхъ предпринимателей, взятыхъ вмѣстѣ, опредѣленная часть капитала предназначается на уплату вознагражденія рабочимъ; эта часть капитала, представляющая собою твердую и неизмѣнную величину, есть фондъ заработной платы, т. е. фондъ, изъ котораго рабочіе черпаютъ свое вознагражденіе. Высота заработной платы зависитъ отъ отношенія между этимъ фондомъ и количествомъ рабочихъ, плата каждаго рабочаго есть ничто иное, какъ частное, получаемое отъ дѣленія фонда на число рабочихъ. Изъ этой теоріи, очевидно, вытекали весьма важные выводы: никакія усилія ни самихъ

рабочихъ и ихъ союзовъ, ни государственной власти, ни даже самихъ предпринимателей, не въ состояніи повысить заработную плату; если однимъ рабочимъ будетъ дано вознагражденіе свыше нормы, опредѣляемой отношеніемъ между фондомъ и числомъ рабочихъ, то это неминуемо должно повести къ сокращенію платы другихъ рабочихъ. Если въ настоящее время заработная плата низка, учили эти теоретики, то это результатъ не человѣческаго произвола, а общихъ и неизмѣнныхъ экономическихъ законовъ; положеніе рабочихъ можетъ улучшиться только тогда, когда либо самый фондъ увеличится, либо количество рабочихъ сократится Вотъ противъ этой-то теоріи Джорджъ прежде всего направляетъ свою блестящую критику.

Если бы заработная плата, говоритъ онъ, дѣйствительно зависила отъ капитала, предназначеннаго на вознагражденіе рабочихъ, то, очевидно, плата должна была бы быть низка тамъ, гдѣ мал. капиталовъ, и высока тамъ, гдѣ капиталовъ много. Между тѣмъ всѣмъ бросается въ глаза тотъ фактъ, что въ новыхъ странахъ, какъ напр., въ Америкѣ, гдѣ капиталовъ мало и процентъ высокъ, заработная плата также высока, гораздо выше, чѣмъ въ Англіи, гдѣ капиталовъ несравненно больше, что доказывается болѣе низкимъ процентомъ. Но этого мало. Основная посылка, на которой опирается теорія фонда заработной платы, заключается въ томъ, что заработная плата берется изъ капитала. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого положенія. Заработная плата берется не изъ капитала, а изъ продуктовъ, созданныхъ трудомъ самого рабочаго. Рабочіе своимъ собственнымъ трудомъ создаютъ тотъ фондъ, изъ котораго они черпаютъ свое вознагражденіе. Во многихъ случаяхъ это ясно до очевидности. «Если, напр., я посвящаю свой трудъ на собираніе птичьихъ яицъ или дикихъ ягодъ, то яйца или ягоды, которыя я такимъ образомъ соберу, суть моя заработная плата». Вознагражденіемъ крестьянина или мелкаго фермера служитъ урожай, т. е. результатъ ихъ собственныхъ трудовъ. Тамъ, гдѣ продуктъ труда рабочаго составляетъ собственность другого лица, но рабочій получаетъ вознагражденіе натурой, не менѣе очевидно, что вознагражденіе рабочаго создается имъ самимъ, напр., при системѣ половничества. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вознагражденіе рабочаго уплачивается деньгами, можетъ съ перваго взгляда показаться, что здѣсь плата выдается изъ капитала. При болѣе внимательномъ анализѣ оказывается, что и здѣсь плата берется изъ продуктовъ труда. Вѣдь трудъ всегда предшествуетъ полученію заработной платы; предприниматель уплачиваетъ послѣднюю послѣ того, какъ трудъ рабочаго уже вложенъ, послѣ того, какъ трудъ уже присоединилъ извѣстную цѣнность къ тѣмъ сырымъ матеріаламъ или полуфабрикатамъ, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. Предприниматель, выдавая рабочему плату, возвращаетъ ему лишь часть той цѣнности, которая уже

создана послѣднимъ. Рабочій по отношенію къ предпринимателю похожъ на банковаго вкладчика: какъ банковый вкладчикъ, вынимая деньги, которыя онъ предварительно внесъ, не уменьшаетъ капитала банка, такъ и рабочіе, получая вознагражденіе, не уменьшаютъ капитала своихъ хозяевъ.

У читателя, пожалуй, останется еще нѣкоторое сомнѣніе: въ тѣхъ случаяхъ, когда трудъ создаетъ такого рода богатство, которое не можетъ быть быстро реализировано, когда строятся, напр., желѣзныя дороги, доки, грандіозныя зданія и т. п., въ этихъ случаяхъ скажутъ, пожалуй, что заработная плата берется изъ капитала, такъ какъ до начала работъ долженъ существовать запасъ средствъ продовольствія, необходимыхъ для поддержанія рабочихъ во время этой работы. И противъ этого положенія Джорджъ выставляетъ рядъ возраженій. Прежде всего, этотъ запасъ средствъ продовольствія, говоритъ Джорджъ, вовсе не долженъ находиться въ рукахъ капиталистовъ; этимъ запасомъ могутъ обладать сами рабочіе. Что работникъ не можетъ идти на работу безъ завтрака и безъ платья, это вѣрно; за то совершенно невѣрно, будто этотъ завтракъ и это платье должны быть непремѣнно доставлены хозяевами изъ ихъ запасовъ. Но еще гораздо важнѣе другое возраженіе, дѣлаемое Джорджемъ: предположеніе, будто до начала производства требуется запасъ продовольствія для содержанія рабочихъ во все время, пока они будутъ работать, противорѣчитъ фактамъ дѣйствительной жизни. Рабочіе, производящіе предметы, которые не могутъ быть немедленно утилизируемы, получаютъ свое содержаніе не изъ накопленныхъ раньше запасовъ, а изъ благъ, создаваемыхъ одновременно другими рабочими въ другихъ отрасляхъ производства. «Подобно тому, какъ содержаніе рабочихъ, которые строили пирамиды, получалось не изъ заранѣе накопленныхъ запасовъ, а изъ періодически собираемыхъ урожаевъ Нильской долины; подобно тому, какъ современныя правительства, предпринимая крупныя работы, требующія для своего выполненія нѣсколькихъ лѣтъ, ассигновываютъ на нихъ не произведенныя уже богатства, а богатство, которое еще только имѣетъ быть произведено; такъ и содержаніе рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ, которое не даетъ непосредственно продовольствія, берется изъ тѣхъ средствъ существованія, которыя одновременно производятся другими».

Мы остановились такъ подробно на критикѣ теоріи фонда заработной платы, такъ какъ эти страницы составляютъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ отдѣловъ книги Генри Джорджа. Правда, эта теорія достаточно опровергнута рядомъ другихъ талантливыхъ экономистовъ, начиная съ Германа, Родбертуса, Маркса, Брентано, Джевонса, Уокера и кончая Тойнби и Бемъ-Баверкомъ. Слѣдуетъ также замѣтить, что Джорджъ въ своей критикѣ заходитъ ужъ слишкомъ далеко, когда утверждаетъ, что для капиталистовъ не требуется никакого запаса; предпринимателю всетаки

нуженъ нѣкоторый запасъ, если не въ средствахъ продовольствія, то въ деньгахъ. Невѣрно также, будто все продовольствіе рабочихъ берется всегда только изъ того, что *одновременно* производится другими рабочими; стоитъ только вспомнить, что главный предметъ продовольствія—хлѣбъ—собирается разъ въ годъ, рабочіе, слѣдовательно, питаются плодами уже раньше собраннаго урожая *). Но при всемъ этомъ нужно признать, что, быть можетъ, никому изъ экономистовъ не удалось представить критику теоріи фонда заработной платы въ такой простой, ясной и убѣдительной формѣ, какъ это сдѣлалъ Генри Джорджъ.

Выводъ изъ приведенныхъ разсужденій вполнѣ ясенъ; разъ заработная плата получается не изъ капитала, разъ она создается трудомъ самого рабочаго, то причину низкой заработной платы, а слѣдовательно и бѣдности, нужно искать не въ неблагопріятномъ, будто бы, отношеніи, существующемъ между капиталомъ и количествомъ рабочихъ, а въ какихъ либо другихъ обстоятельствахъ. Быть можетъ, причина бѣдности заключается въ томъ обстоятельствѣ, что средства продовольствія растутъ медленнѣе, чѣмъ населеніе? Здѣсь Джорджъ подходитъ къ другой теоріи, тѣсно связанной съ предыдущей, именно къ извѣстной теоріи Мальтуса. «Я утверждаю,—говоритъ Джорджъ, — что факты, обыкновенно приводимые въ примѣръ переполненія народонаселеніемъ, не выдерживаютъ критики. Самые крупные изъ этихъ фактовъ доставляютъ Индія, Китай и Ирландія». Но въ каждой изъ этихъ странъ нужду и голодъ, отъ которыхъ страдаютъ многочисленныя группы населенія, слѣдуетъ объяснять не чрезмѣрнымъ ростомъ населенія, а исключительно общественно-политическими условіями. «Многомилліонное населеніе Индіи гнуло спину подъ игомъ множества завоевателей, но всего хуже пришлось ему отъ неумолимаго, всесокрушающаго бремени англійскаго владычества, — бремени, которое буквально отымаетъ жизнь у милліоновъ людей». То же самое слѣдуетъ сказать о Китаѣ и Ирландіи: причиной бѣдности въ этихъ странахъ является не скупость природы, а хищничество человѣка, произволъ и тираннія. «Оглядите весь міръ,—восклицаетъ Джорджъ, — просмотрите исторію, и вы тщетно будете искать хотя бы одинъ примѣръ сколько-нибудь значительной страны, въ которой бѣдность и нужду, по справедливости, можно бы было приписать давленію увеличивающагося народонаселенія. Народонаселеніе постоянно стремится выйти за предѣлы средствъ существованія. Какже тогда могло случиться, что наша земля, послѣ столькихъ тысячъ, а какъ теперь думаютъ, милліоновъ лѣтъ, которыя человѣкъ проводилъ на ней, населена еще такъ слабо?» Джорджъ вообще высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы народонаселеніе земного шара, въ его цѣломъ, было теперь больше, чѣмъ въ ка-

*) Stöpel, „Soziale Reform“, Leipzig. 1886, стр. 13 и слѣд.

кую либо предшествующую эпоху. Только относительно Европы можно сказать съ увѣренностью, что она заключаетъ въ себѣ теперь болѣе плотное населеніе, чѣмъ когда-либо прежде. Народонаселеніе Америки, пожалуй, также увеличилось, но не настолько значительно, какъ обыкновенно думаютъ. За-то въ Африкѣ теперь несомнѣнно меньше населенія, чѣмъ въ древнія времена; относительно же Азіи также есть основаніе думать, что ея населеніе уменьшилось.

Въ подтвержденіе мальтусовской доктрины, продолжаетъ Джорджъ, обыкновенно приводится аналогія между человѣкомъ, съ одной стороны, растеніями и животными—съ другой: подобно тому, какъ каждый видъ растительнаго и животнаго царства, при отсутствіи препятствій, могъ бы въ короткое время покрыть весь земной шаръ, народонаселеніе также имѣетъ тенденцію рости до безконечности, основнымъ препятствіемъ служитъ недостатокъ средствъ существованія. Но основательна ли подобная аналогія? Прежде всего, разъ человѣкъ получаетъ свою пищу изъ растительнаго и животнаго царства, то бо̀льшая энергія производительной силы среди растеній и животныхъ, чѣмъ среди людей, доказываетъ именно способность средствъ къ жизни рости быстрѣе, чѣмъ ростетъ народонаселеніе. Но, помимо этого, человѣкъ обладаетъ такими свойствами, которыя дѣлаютъ вышеуказанную аналогію совершенно несостоятельною. Въ то время, какъ растенія и животныя не въ состояніи увеличивать необходимой для нихъ пищи, берутъ только то, что они находятъ, въ то время, какъ ихъ размноженіе совершается на счетъ ихъ пищи, человѣкъ искусственно увеличиваетъ свои средства продовольствія, размноженіе человѣка въ самомъ себѣ уже заключаетъ увеличеніе его пищи. «И коршунъ, и человѣкъ ѣдятъ цыплятъ, но чѣмъ больше является коршуновъ, тѣмъ меньше бываетъ цыплятъ, тогда какъ чѣмъ больше является людей, тѣмъ больше бываетъ цыплятъ». Другое отличіе человѣка отъ животнаго, подрывающее упомянутую аналогію, заключается въ томъ, что человѣкъ является единственнымъ животнымъ, желанія котораго растутъ по мѣрѣ того, какъ они удовлетворяются. «Потребности всякаго другого живого существа однообразны и постоянны. Волъ въ наше время желаетъ не болѣе того, чего желалъ волъ въ то время, когда человѣкъ впервые надѣлъ на него ярмо». У человѣка же послѣ удовлетворенія однѣхъ потребностей развиваются другія, болѣе тонкія; не успѣетъ онъ удовлетворить своихъ животныхъ потребностей. потребности въ пищѣ, своихъ воспроизводительныхъ инстинктовъ и проч., какъ у него уже возникаютъ духовныя потребности. Дайте растенію или животному больше пищи, предоставьте имъ больше жизненныхъ удобствъ, и они будутъ лишь размножаться. Человѣкъ же будетъ совершенствоваться, будетъ расширять свои духовныя потребности. Факты показываютъ, что въ человѣческомъ обществѣ «стремленіе къ размно-

женію ослабѣваетъ, лишь только становится возможнымъ болѣе высокое развитіе личности и обезпечивается существованіе расы».

Теорія Мальтуса опирается, далѣе, на томъ положеніи, будто ростъ населенія имѣетъ тенденцію уменьшать то количество богатства, какое можетъ быть произведено опредѣленнымъ количествомъ труда. Чѣмъ больше требуютъ отъ природы, утверждаютъ сторонники этой теоріи, тѣмъ скупѣе удовлетворяетъ она эти требованія; поэтому, удваивая трудъ, мы не удвоимъ количества продуктовъ. И это положеніе, говоритъ Джорджъ, противорѣчитъ фактамъ дѣйствительной жизни. Когда населеніе Англіи увеличивалось въ размѣрѣ двухъ процентовъ въ годъ, ея богатство росло еще въ гораздо большей мѣрѣ. Когда въ Соединенныхъ Штатахъ населеніе удваивалось каждыя 29 лѣтъ, богатства ихъ удваивались въ гораздо болѣе короткіе сроки. Причина этого явленія вполнѣ понятна. «Чѣмъ плотнѣе народонаселеніе, тѣмъ болѣе дробное возможно дѣленіе труда, тѣмъ болѣе экономичнымъ становятся производство и распредѣленіе, и, стало быть, если что вѣрно, то какъ разъ прямо противоположное тому, что утверждаетъ доктрина Мальтуса». Общій выводъ, къ которому приходитъ Джорджъ, состоитъ въ слѣдующемъ: разъ причина бѣдности, или низкой заработной платы, заключается не въ скудости капитала и не въ скудости природы, которая вознаграждаетъ трудъ, разъ эту причину нельзя, слѣдовательно, найти въ законахъ производства богатства, то ея должно искать въ законахъ, которые управляютъ распредѣленіемъ. Къ изслѣдованію этихъ законовъ онъ и переходитъ.

При современныхъ условіяхъ народнаго хозяйства весь продуктъ, создаваемый производствомъ, раздѣляется на 3 части: на земельную ренту, процентъ съ капитала и заработную плату. Въ своихъ воззрѣніяхъ на земельную ренту Джорджъ вполнѣ примыкаетъ къ общепринятой рикардовской теоріи. Земельная рента не есть вознагражденіе за трудъ землевладѣльца, а составляетъ долю въ произведенныхъ продуктахъ, которую собственникъ получаетъ, благодаря исключительному праву пользованія естественными богатствами. Рента съ данной земли, говоритъ Джорджъ, опредѣляется излишкомъ производимаго этой землею въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ быть получено при тѣхъ же условіяхъ съ наименѣе производительныхъ земель, находящихся въ употребленіи. Само собою понятно, что чѣмъ больше доля, получаемая землевладѣльцами въ видѣ ренты, тѣмъ меньше остается на долю процента и заработной платы, взятыхъ вмѣстѣ. Гдѣ рента низка, гдѣ земля имѣетъ малую цѣнность, какъ, напр., въ новыхъ странахъ, тамъ, не смотря на слабый ростъ богатства, заработная плата и процентъ высоки; наоборотъ, гдѣ земельная рента высока, гдѣ земельные участки цѣнятся дорого, тамъ, не смотря на обильное производство богатства, заработная плата и процентъ низки, какъ мы это видимъ въ старыхъ странахъ. Если намъ удастся доказать,

продолжаетъ Джорджъ, что во всѣхъ прогрессивныхъ странахъ рента растетъ такъ же быстро, какъ растутъ производительныя силы, то причина низкой заработной платы, а слѣдовательно, и бѣдности, намъ станетъ вполнѣ понятна, и лучъ свѣта озаритъ то, что намъ казалось раньше темной загадкой.

Но, можетъ быть, причина низкой заработной платы заключается не только въ томъ, что растетъ земельная рента, но и въ томъ, что доля, получаемая капиталистами, становится все больше и больше? Можетъ быть, заработная плата потому не увеличивается съ ростомъ производительныхъ силъ, что между трудомъ и капиталомъ существуетъ антагонизмъ, что капиталъ отнимаетъ все большую и большую часть изъ того, что остается за вычетомъ земельной ренты? Нѣтъ! категорически отвѣчаетъ Джорджъ. Между трудомъ и капиталомъ существуетъ полная гармонія, «трудъ и капиталъ суть лишь различныя формы одного и того же,—человѣческаго усилія»; они поэтому во всемъ раздѣляютъ одну и ту же судьбу: процентъ на капиталъ высокъ, когда высока и заработная плата, когда же заработная плата низка, низокъ и процентъ,—въ этомъ можно убѣдиться, если сравнить Соединенные Штаты съ Англіею.

Въ чемъ же всетаки заключается источникъ процента, и почему вообще существуетъ процентъ на капиталъ? Причину существованія процента, говоритъ Джорджъ, слѣдуетъ искать въ вѣчныхъ и естественныхъ законахъ вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что я сберегаю вино; черезъ годъ я буду имѣть возросшую цѣнность, ибо вино улучшится въ качествѣ. Предположимъ далѣе, что я держу овецъ, свиней или крупный скотъ; черезъ нѣкоторое время я также буду имѣть приростъ. «То, что даетъ приростъ, въ этихъ случаяхъ есть нѣчто такое, что хотя вообще и требуетъ труда, чтобы быть утилизированнымъ, но тѣмъ не менѣе есть нѣчто отличное и отдѣлимое отъ труда,—дѣятельная сила природы, начало роста, воспроизведенія, которымъ повсюду характеризуются всѣ формы того таинственнаго явленія или условія, которое мы называемъ жизнью. И мнѣ кажется, что именно эта-то сила и есть причина процента» *). Читатель, однако, недоумѣваетъ: допустимъ, скажетъ онъ, что полученіе процентовъ съ нѣкоторыхъ видовъ капитала можетъ быть объяснено тѣмъ, что эти блага обладаютъ естественными производительными силами; но вѣдь извѣстно, что проценты получаются одинаково изъ всѣхъ видовъ

*) Рядомъ съ производительными силами природы Джорджъ указываетъ на одно основаніе, которымъ объясняется существованіе процента на капиталъ, именно „утилизированіе различій въ силахъ природы или человѣка, которое выполняется обмѣномъ"; это „утилизированіе различій" ведетъ къ „приросту, нѣсколько напоминающему приростъ, производимый жизненными силами природы". Считаемъ лишнимъ останавливаться на разборѣ этого довольно туманнаго источника процента на капиталъ.

капитала, и изъ тѣхъ,которые не обладаютъ никакими производительными силами; какъ же объяснить процентъ въ послѣднемъ случаѣ? «Существованіе обмѣна,—отвѣчаетъ Джорджъ, необходимо ведетъ къ распредѣленію между всѣми видами богатства какой либо особой выгоды, которая вытекаетъ изъ владѣнія однимъ какимъ либо видомъ богатства, ибо никто не сталъ бы держать капиталъ въ данной формѣ, когда онъ могъ бы превратить его въ другую, болѣе выгодную... И такимъ образомъ, способность къ приросту, которую воспроизводительныя или жизненныя силы природы даютъ нѣкоторымъ видамъ капитала, должна выравниваться между всѣми видами его». Джорджъ логически приходитъ къ тому заключенію, что процентъ на капиталъ не есть что либо произвольное, а нѣчто вполнѣ естественное и справедливое; процентъ— не результатъ извѣстной общественной организаціи, а результатъ вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ природы.

Между капиталомъ и трудомъ, продолжаетъ Джорджъ, существуетъ полная солидарность; они оба одинаково страдаютъ отъ того, что земельная рента поглощаетъ все большую и большую долю народнаго богатства. «Убѣдившись, что антагонизмъ интересовъ существуетъ не между трудомъ и капиталомъ, какъ это обыкновенно думаютъ, а, въ сущности, между трудомъ и капиталомъ съ одной стороны и землевладѣніемъ—съ другой, мы достигли заключенія, которое должно повести къ самымъ важнымъ практическимъ результатамъ». «*Рента поглощаетъ всю выгоду и пауперизмъ является спутникомъ прогресса*». И дѣйствительно, всѣ измѣненія, изъ которыхъ слагается прогрессъ, ростъ населенія, улучшенія въ техникѣ производства и обмѣна, усовершенствованія въ наукахъ, въ государственномъ устройствѣ и управленіи, въ нравахъ и обычаяхъ—все рѣшительно, утверждаетъ Джорджъ, содѣйствуетъ тому, что земельная рента все растетъ и увеличивается, а доли, получаемыя въ видѣ процента и въ видѣ заработной платы, становятся все меньше и меньше. Увеличеніе земельной ренты, благодаря росту населенія, «вытекаетъ не столько изъ необходимости для растущаго населенія обращаться къ обработкѣ худшихъ земель, сколько изъ увеличенной производительности, какую дастъ возросшее народонаселеніе землѣ, уже бывшей въ употребленіи. Самыми цѣнными землями на свѣтѣ, землями, дающими наивысшую ренту, являются не тѣ земли, которыя обладаютъ чрезвычайнымъ природнымъ плодородіемъ, а тѣ, которымъ чрезвычайная полезность придана была ростомъ народонаселенія». Росту земельной ренты способствуютъ также усовершенствованія въ техникѣ производства и обмѣна *), Въ самомъ дѣлѣ, усовершенствованія

---

*) Съ особенной силой подчеркивалъ это же самое положеніе Робертъ Мальтусъ („Principles of Political Economy", глава III). Рикардо согласился съ мнѣніемъ Мальтуса, что усовершенствованія въ техникѣ

должны вести къ увеличенію суммы богатства, а для производства богатства требуются трудъ и земля. Усовершенствованія вызываютъ поэтому все большій и большій спросъ на землю, люди переходятъ къ обработкѣ земель менѣе плодородныхъ или «доводятъ обработку тѣхъ же самыхъ земель до уровня меньшей естественной производительности»,—все это ведетъ къ повышенію ренты. Такъ какъ всѣ улучшенія въ дѣлѣ воспитанія, управленія, обычаевъ и нравовъ косвеннымъ образомъ содѣйствуютъ увеличенію производительныхъ силъ, то они оказываютъ на земельную ренту такое же дѣйствіе, какъ и техническія усовершенствованія, «все то благо, которое они приносятъ съ собою, въ концѣ концовъ, монополизируется владѣльцами земли».

Кромѣ перечисленныхъ выше факторовъ прогресса, Джорджъ указываетъ еще на одну спеціальную причину, которая также содѣйствуетъ увеличенію земельной ренты. Причина эта заключается во вліяніи надеждъ: во всѣхъ прогрессирующихъ странахъ твердая надежда на повышеніе цѣнности земельныхъ участковъ «создаетъ какъ бы стачку между землевладѣльцами и ведетъ къ тому, что земля, подъ вліяніемъ надежды на болѣе высокія цѣны, остается внѣ обработки, и предѣлъ культуры, такимъ образомъ, оттѣсняется далѣе, чѣмъ это требуется естественными условіями производства». Страницы, посвященныя этому вопросу, т. е. вліянію надеждъ, порождаемыхъ прогрессомъ на земельную ренту, въ высшей степени интересны: онѣ знакомятъ насъ съ той лихорадочной земельной спекуляціею, которая играетъ такую роль въ Америкѣ. Итакъ, все способствуетъ тому, что рента растетъ и увеличивается; въ этомъ заключается основная причина не только пауперизма, но и торгово промышленныхъ кризисовъ. «Великая основная причина промышленныхъ застоевъ,—говоритъ Джорджъ, — кроется въ спекулятивномъ ростѣ земельныхъ цѣнностей». На развитіи этой мысли мы останавливаться не будемъ, такъ какъ этотъ отдѣлъ изложенъ у Джорджа довольно неясно; вообще вся его теорія кризисовъ должна быть признана совершенно несостоятельной.

Въ монополизаціи земельной собственности, въ присвоеніи немногими земельными собственниками земельной ренты, ростъ которой обязанъ увеличенію населенія и общественному прогрессу, въ этомъ, по мнѣнію Джорджа, заключается далѣе основная причина развращенности нашего общества, ухудшенія состава законодательныхъ учрежденій, продажности суда и администраціи и вообще паденія общественной нравственности. Сильной, мастерской рукой онъ рисуетъ намъ картину всеобщаго паденія нравовъ въ Соединенныхъ Штатахъ; благодаря неравномѣрному распредѣленію

даютъ возможность земельной рентѣ въ будущемъ, когда населеніе увеличится возрасти въ значительной степени (глава 32-я „Основ. полит. эк.“). Эту мысль подробно развилъ Ст. Милль.

богатства, являющемуся, по его мнѣнію, результатомъ монополизаціи земельной собственности, политическое и гражданское равенство превратилось въ свободной Америкѣ въ пустой звукъ, демократія вырождается въ тиранію. Если во время не принять мѣръ, если не уничтожить коренной причины все возрастающей бѣдности, нашу цивилизацію постигнетъ такая же участь, какая выпала на долю древняго Рима. Немногими штрихами Джорджъ набрасываетъ страшную картину того мрачнаго будущаго, зловѣщіе признаки котораго уже даютъ себя чувствовать въ самыхъ блестящихъ центрахъ нашей цивилизаціи...

Но какъ уничтожить бѣдность со всѣми страшными ея послѣдствіями? Какъ предохранить нашу цивилизацію отъ грозящаго ей паденія? Послѣ всего вышесказаннаго отвѣтъ Джорджа ясенъ самъ собою: «есть только одинъ путь устранить зло, это — устранить причину зла». Вся возрастающая земельная рента должна принадлежать не нѣсколькимъ частнымъ лицамъ, а должна сдѣлаться достояніемъ всего общества; только тогда исчезнетъ коренная причина всѣхъ нашихъ бѣдствій. Никакія другія средства не дѣйствительны. Ни большая экономія въ правительственныхъ расходахъ, ни распространеніе образованія, трудолюбія и бережливости среди рабочихъ классовъ, ни рабочіе союзы, ни потребительныя или производительныя ассоціаціи, ни государственное вмѣшательство—ничто рѣшительно не въ состояніи «вырвать съ корнемъ пауперизмъ». Всѣ упомянутыя сейчасъ средства ведутъ главнымъ образомъ къ тому, что увеличиваютъ производительныя силы труда. Но подобно тому, какъ ростъ знанія и прогрессъ техники нисколько не улучшили положенія рабочаго класса, всѣ эти мѣры также не могутъ содѣйствовать увеличенію заработной платы, пока земельная рента будетъ поглощать всю выгоду.

Чтобы сдѣлать земельную ренту общественнымъ достояніемъ, говоритъ Джорджъ, вовсе не слѣдуетъ прибѣгать къ такому сильному средству, какъ уничтоженіе частной земельной собственности. «Я не предлагаю ни выкупать, ни конфисковать право частной собственности на землю. Первое было бы несправедливо, второе безполезно». Пусть собственность на землю остается въ рукахъ теперешнихъ землевладѣльцевъ, но пусть земельная рента переходитъ въ руки общества. Этого мы достигнемъ, если земельная рента будетъ отбираться государствомъ въ видѣ налога. «Когда рента была бы взята государствомъ въ видѣ налоговъ, земля, все равно, на чье бы имя она ни была и изъ какихъ бы мелкихъ владѣній она ни состояла, сдѣлалась бы въ сущности общей собственностью, и каждый членъ общества участвовалъ бы въ выгодахъ, которыя даетъ право собственности на землю. Далѣе, такъ какъ обложеніе ренты или земельныхъ цѣнностей должно по необходимости увеличиться по стольку, по скольку мы уничтожимъ прочіе налоги, то мы можемъ придать этому предложенію практиче-

скую форму, предложивъ: *отмѣнить всѣ налоги, кромѣ налога на земельныя цѣнности*. Итакъ, средство, которое, по мнѣнію Джорджа, должно служить панацеей противъ всѣхъ нашихъ общественныхъ неурядицъ, сводится просто-на-просто къ крупной финансовой реформѣ, къ замѣнѣ всѣхъ существующихъ налоговъ единымъ земельнымъ налогомъ, поглощающимъ всю земельную ренту.

Отъ этой финансовой реформы Джорджъ ждетъ не только хорошихъ, а какихъ-то необычайно благодѣтельныхъ результатовъ. Благодаря уничтоженію многочисленныхъ налоговъ, тормозящихъ производство и обмѣнъ, промышленность и торговля получили бы сильный толчекъ къ развитію и процвѣтанію. Когда единый налогъ будетъ поглощать всю земельную ренту, тогда ни у кого не будетъ интереса владѣть землею, не пользуясь ею, и земля, находящаяся въ настоящее время безъ употребленія, сдѣлается повсюду доступной для надлежащаго пользованія. Всякій, желающій обрабатывать землю могъ бы тогда найти свободные земельные участки. Торгово-промышленные кризисы и связанная съ ними потеря занятій для сотенъ и тысячъ рабочихъ перешли бы въ область преданія. «Если бы естественныя богатства такимъ образомъ были открыты для труда; если бы капиталъ и его примѣненіе къ землѣ были изъяты отъ налога, а обмѣнъ освобожденъ отъ ограниченій, тогда нельзя было бы встрѣтить людей, желающихъ, но не могущихъ направить свой трудъ на добываніе того, въ чемъ они нуждаются; повторяющіеся отъ поры до времени пароксизмы промышленнаго застоя прекратились бы». Передача земельной ренты въ пользу общества посредствомъ единаго налога поведетъ, по мнѣнію Джорджа, къ вполнѣ справедливому распредѣленію богатствъ. Все богатство, производимое въ странѣ, будетъ какъ бы распадаться на двѣ части: одна, обнимающая заработную плату и процентъ на капиталъ, распредѣлялась бы между отдѣльными производителями, «соотвѣтственно той долѣ участія, которую каждый имѣетъ въ дѣлѣ производства»; другая поступала бы всему обществу въ цѣломъ въ видѣ единаго земельнаго налога, и этой второй частью, все увеличивающейся благодаря прогрессу, пользовались бы одинаково всѣ члены общества.

Еще важнѣе тѣ крупныя перемѣны, которыя должны послѣдовать въ общественной организаціи и общественной жизни. Сколько тратится теперь правительствомъ силъ и денегъ на собираніе многочисленныхъ налоговъ, на предупрежденіе и наказаніе за уклоненіе отъ нихъ, на учетъ и контроль доходовъ, получаемыхъ гражданами изъ множества разнообразныхъ источниковъ. Совершенно не поддаются вычисленію тѣ потери, которыя несетъ общество вслѣдствіе соціальнаго неустройства, осуждающаго обширные классы населенія на праздность и преступленія, вызывающаго страшныя цифры смертности, въ особенности въ дѣтскомъ возрастѣ, порождающаго бродяжничество, проституцію и пороки всякаго рода. Но всѣ эти

потери ничтожны въ сравненіи съ той огромной растратой умственныхъ силъ, къ которой ведетъ неравномѣрное распредѣленіе богатствъ. «Какъ безконечно малы еще всѣ тѣ силы, которыя двигаютъ теперь цивилизацію, сравнительно съ тѣми силами, которыя еще остаются въ бездѣйствіи. Какъ ничтожно число мыслителей, изслѣдователей, изобрѣтателей, организаторовъ, сравнительно съ огромной силой всего народа. А, тѣмъ не менѣе, такіе люди родятся въ изобиліи, и только лишь жизненныя условія позволяютъ развиться столь немногимъ... Обратитесь къ жизни великихъ людей и посмотрите, какъ легко могло бы случиться, что о нихъ никто ничего и не слышалъ бы. Произойди Цезарь изъ семьи пролетарія; явись на свѣтъ Наполеонъ нѣсколькими годами ранѣе; вступи Колумбъ въ церковь вмѣсто того, чтобы уйти въ море; будь Шекспиръ отданъ въ сапожники или въ трубочисты, а Исаакъ Ньютонъ обреченъ судьбой на то, чтобы быть воспитаннымъ и трудиться подобно земледѣльческимъ рабочимъ; будь Адамъ Смитъ рожденъ углекопомъ, а Гербертъ Спенсеръ принужденъ зарабатывать себѣ пропитаніе въ качествѣ фабричнаго рабочаго; и какую бы цѣну имѣли ихъ таланты?» Дайте всѣмъ классамъ общества досугъ, благосостояніе и независимость, и таланты, теперь скрытые, доблести, не подозрѣваемыя, выступили бы наружу, чтобы сдѣлать человѣческую жизнь богаче, полнѣе и счастливѣе.

Итакъ, замѣна всѣхъ существующихъ налоговъ единымъ налогомъ на землю значительно упроститъ правительственный механизмъ, возвыситъ народную нравственность, сократитъ расходы на правосудіе и на полицію, поведетъ къ болѣе справедливому распредѣленію богатствъ и такимъ образомъ уничтожатся страшныя растраты денегъ и силъ, подрывающихъ ростъ и могущество нашего общества. Богатое воображеніе Джорджа уже рисуетъ это свѣтлое будущее, гдѣ, благодаря установленію единаго земельнаго налога, нѣтъ болѣе нужды и страданій, любовь къ ближнему вытѣснила зависть и себялюбіе, жадность къ богатству исчезла, всѣ трудятся съ любовью и увлеченіемъ. «Когда, такимъ образомъ, не станетъ нужды и страха предъ нуждой, тогда ослабнетъ и преклоненіе предъ богатствомъ, и люди станутъ добиваться уваженія и одобренія своихъ собратьевъ иначе, чѣмъ пріобрѣтеніемъ и выставленіемъ богатства». Скажутъ, пожалуй, что изгнать нужду и страхъ предъ нуждой значитъ уничтожить всякій стимулъ къ труду. Это — старинный рабовладѣльческій аргументъ, что людей можетъ принудить къ труду лишь одинъ кнутъ. Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого взгляда. Какъ бы ни былъ обезпеченъ человѣкъ, у него всегда будутъ неудовлетворенныя желанія. Въ этомъ отношеніи человѣкъ—ненасытное животное. Стимулъ къ труду, поэтому, всегда будетъ силенъ въ человѣкѣ. Трудъ, кромѣ того, есть физическая потребность человѣка; человѣкъ долженъ постоянно упражнять свои мускулы и свои нервы. Если при современныхъ условіяхъ трудъ является проклятіемъ, то это объ-

исчезаетcя лишь тѣмъ, что люди вынуждены трудиться свыше своихъ силъ, и за этотъ тягостный трудъ они едва получаютъ крайне необходимое для жизни. «Но избавленные отъ такой необходимости, люди стали бы работать и сильнѣе, и лучше». «Подумайте обо всемъ этомъ,—восклицаетъ Джорджъ,—и тогда скажите, точно ли преобразованіе, которое я предлагаю, не будетъ на пользу каждому человѣку, хотя бы даже самому крупному землевладѣльцу?»

Мы шагъ за шагомъ прослѣдили основныя воззрѣнія Генри Джорджа. Что объясненіе, данное имъ пауперизму, крайне одностороннее, что средства, предлагаемыя имъ для исцѣленія нашего общества отъ самыхъ тяжелыхъ его недуговъ, совершенно недостаточны, что ожиданіе какихъ то удивительно благодѣтельныхъ результатовъ отъ финансовой реформы, хотя и очень крупной, изобличаетъ большую наивность—таково, я увѣренъ, будетъ непосредственное впечатлѣніе всякаго, кто внимательно прочтетъ блестяще и увлекательно написанную книгу талантливаго американскаго публициста. Но намъ слѣдуетъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ непосредственномъ впечатлѣніи, важно указать, въ чемъ именно заключается слабая сторона его ученія и почему онъ пришелъ къ такимъ ошибочнымъ выводамъ.

Скажемъ сейчасъ же, что основныя заблужденія Джорджа объясняются чрезвычайной слабостью его теоретическихъ воззрѣній, въ особенности его ошибочнымъ взглядомъ на процентъ съ капитала. Вспомнимъ объясненіе, данное Джорджемъ этому экономическому явленію. Процентъ на капиталъ, утверждаетъ онъ, не есть вычетъ изъ заработной платы, онъ обязанъ своимъ существованіемъ причинамъ естественнаго характера. Вино отъ лежанія улучшается въ качествѣ, отъ коровы рождается теленокъ, овцы и свиньи даютъ приплодъ, сѣмя превращается въ растеніе; такъ какъ каждый капиталистъ въ состояніи вымѣнять свой капиталъ на такія блага, которыя даютъ возможность пользоваться производительными силами природы, то каждый капиталъ, естественно, долженъ доставлять своему владѣльцу извѣстный приростъ или процентъ.

Уже не въ первый разъ дѣлается попытка объяснить процентъ на капиталъ естественными причинами, производительными силами природы, въ особенности земли. Такое объясненіе находимъ у Gabriel Biel'а въ началѣ XVI столѣтія; этотъ же аргументъ приводилъ Кальвинъ противъ каноническаго воспрещенія процентовъ *), а у физіократовъ, какъ извѣстно, ученіе о производительности почвы составляло краеугольный камень всей ихъ

*) Diehl, Conrad's «Jahrbuch für Nationalökonomie», 1892, стр. 519

системы. Ученіе Джорджа отличается отъ теоріи физіократовъ лишь въ томъ отношеніи, что послѣдніе приписывали производительныя силы только землѣ, а процентъ на капиталъ они объясняли тѣмъ, что капиталистъ имѣетъ возможность пріобрѣсти на свой капиталъ участокъ земли, который ему будетъ доставлять чистый доходъ; Джорджъ же приписываетъ производительныя силы нѣкоторымъ видамъ капитала, вину, пчеламъ, коровѣ и т. п.*). Еще ближе къ Джорджу стоитъ Іеремія Бентамъ. Возражая Аристотелю, осуждавшему взиманіе процентовъ на томъ основаніи, что монета безплодна, Бентамъ замѣчаетъ: правда, одна монета не можетъ рождать другую, но человѣкъ, взявшій взаймы монету, можетъ купить на нее овецъ, которыя родятъ ему двухъ-трехъ ягнятъ въ годъ; возвращая занятую монету и одного ягненка въ видѣ процентовъ, должникъ остается еще въ выигрышѣ **).

Хотя Джорджъ и признаетъ, что безъ труда не могутъ возникать никакія блага, что даже для «утилизированія производительныхъ силъ природы» требуется трудъ, однако онъ находитъ возможнымъ различать два вида производства: «въ такихъ отрасляхъ производства, которыя состоятъ только въ измѣненіи формы или мѣста вещества, какъ струганіе досокъ или добываніе каменнаго угля... одинъ только трудъ является дѣйствующей силой», въ другихъ же отрасляхъ производства, примѣры которыхъ мы приводили выше, дѣйствуютъ, кромѣ того, и производительныя силы природы. Въ этомъ разграниченіи различныхъ видовъ производства мы встрѣчаемся со старымъ предразсудкомъ, лежавшимъ въ основаніи физіократической системы. Естественныя науки давно доказали, что нѣтъ той отрасли производства, гдѣ можно было бы обойтись безъ содѣйствія силъ природы: мы пользуемся то силами сцѣпленія и упругости, то силами пара и вѣтра, то давленіемъ воздуха, то силою притяженія, то солнечнымъ свѣтомъ и теплотой и проч.; было бы совершенно безполезно искать, гдѣ именно силы природы дѣйствуютъ въ большей или меньшей степени.

Но оставимъ въ сторонѣ этотъ грубый предразсудокъ Генри Джорджа и спросимъ, можно ли объяснять такое явленіе, какъ процентъ на капиталъ, естественными причинами, содѣйствіемъ производительныхъ силъ природы? Прежде всего, какъ-то невольно возникаетъ вопросъ, почему продукты, обязанные своимъ происхожденіемъ производительнымъ силамъ природы, должны принадлежать владѣльцамъ капиталовъ? Разъ безъ труда природа ничего не даетъ, а это признаетъ и Джорджъ, то вѣдь естественнѣе было бы, чтобы эти продукты поступали въ пользу тѣхъ, которые

---

*) Böhm-Bawerk, „Kapital und Kapitalzins“, B. I., стр. 473.
**) Bentham, „Lettres sur la défense de l'usure. Collection des princip. économistes“, v. 15, стр. 550.

приложили трудъ, т. е. въ пользу рабочихъ. Но гораздо важнѣе слѣдующее: какъ, спрашивается, примирить подобное объясненіе процента на капиталъ съ трудовой теоріею цѣнности, которую, повидимому, принимаетъ Джорджъ. Трудовая теорія цѣнности учитъ, что только продукты человѣческаго труда имѣютъ цѣнность, а услуги природы, какъ бы онѣ ни были полезны, оказываются всѣмъ людямъ даромъ и въ цѣнности продуктовъ не оплачиваются. Каждое благо, согласно этой теоріи, цѣнится лишь постольку, поскольку въ немъ воплощенъ человѣческій трудъ: выдержанное вино цѣнится дороже новаго, такъ какъ потребовалось извѣстное количество человѣческаго труда для его сохраненія; теленокъ имѣетъ цѣнность постольку, поскольку человѣческій трудъ нуженъ былъ для его кормленія, охраненія, ухода за нимъ и проч. Цѣнности, получаемыя капиталистами въ видѣ процентовъ, составляютъ поэтому не продуктъ природы, такъ какъ послѣдняя никакихъ цѣнностей не создаетъ, а продуктъ человѣческаго труда; такой же продуктъ человѣческаго труда, какимъ является земельная рента, получаемая землевладѣльцами. Подобно земельной рентѣ, процентъ на капиталъ является, такимъ образомъ, однимъ изъ видовъ прибавочной цѣнности, т. е. той суммы цѣнности, которая создается рабочими, когда они трудятся сверхъ времени, необходимаго для возстановленія цѣнности ихъ рабочей силы. Еслибы Джорджъ оставался послѣдовательнымъ, онъ долженъ былъ бы связать свою теорію процента съ трудовой теоріею цѣнности. Онъ тогда не сталъ бы противопоставлять земельную ренту съ одной стороны, процентъ и заработную плату—съ другой; онъ долженъ былъ бы включить земельную ренту и процентъ въ одну экономическую категорію, какъ доходъ, основанный на владѣніи орудіями производства, а этому виду дохода онъ долженъ былъ бы противопоставить заработную плату, т. е. доходъ, основанный на трудѣ. Вотъ это-то коренное теоретическое заблужденіе, объясненіе процента на капиталъ какими-то естественными причинами, является роковымъ для всей системы Генри Джорджа.

Изъ указаннаго теоретическаго заблужденія вытекаетъ мнѣніе Джорджа, будто между трудомъ и капиталомъ существуетъ полная гармонія: гдѣ процентъ низокъ, тамъ низка и заработная плата; гдѣ процентъ высокъ, тамъ и заработная плата высока. Факты дѣйствительной жизни говорятъ противное. Правда, въ новыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Америкѣ, процентъ и заработная плата одновременно выше, чѣмъ въ старыхъ странахъ, но это объясняется цѣлымъ рядомъ особыхъ причинъ, дѣйствующихъ въ новыхъ странахъ, и прежде всего—болѣе высокой производительностью труда. Наблюденія надъ старыми странами подтверждаютъ положеніе, вытекающее изъ трудовой теоріи цѣнности, что между процентомъ и заработной платой существуетъ антагонизмъ. Въ Англіи процентъ ниже, чѣмъ въ Германіи, а заработ-

ная плата выше; въ Россіи, наоборотъ, заработная плата ниже а процентъ на капиталъ выше. «Въ странахъ старой культуры,— говоритъ Ruhland,—высокая заработная плата обыкновенно совпадаетъ съ низкимъ процентомъ, а низкая плата—съ высокимъ процентомъ. Это вѣрно относительно Германіи 70-хъ годовъ въ сравненіи съ теперешнимъ положеніемъ, относительно балканскихъ государствъ, Египта и Индіи въ сравненіи съ Центральной Европой» *). Если сравнить одну и ту же страну въ различныя эпохи, то мы не замѣтимъ, чтобы заработная плата и процентъ раздѣляли одну и ту же судьбу, какъ это увѣряетъ Джорджъ. Въ Англіи между 1715—60 г. процентъ на капиталъ упалъ, а заработная плата возрасла, между 1790—1815 г. процентъ удвоился, а заработная плата упала, между 1846—1882 г. процентъ оставался неподвижнымъ, а заработная плата увеличилась **).

Незнаніемъ истиннаго источника процента на капиталъ объясняется также та страстная и односторонняя критика, съ которой Джорджъ выступилъ противъ земельной ренты, какъ единственной виновницы всѣхъ нашихъ золъ. По его мнѣнію, капиталъ и трудъ одинаково изнемогаютъ подъ гнетомъ земельной ренты; съ ходомъ культуры трудъ и капиталъ получаютъ все меньше и меньше, такъ какъ земельныя ренты поглощаютъ львиную долю народнаго дохода. Оставляя въ сторонѣ трудъ, скажемъ, что та невинная и страдальческая роль, которую Джорджъ приписываетъ капиталу, есть плодъ его фантазіи. Уровень процента можетъ понижаться съ ходомъ культуры, но сумма, получаемая всѣми капиталами страны въ видѣ процентовъ, становится все больше и больше. Невѣрно также, будто капиталъ страдаетъ отъ гнета земельной ренты. Если говорить о чьемъ-либо гнетѣ, то ужъ скорѣе можно говорить о гнетѣ капиталистовъ по отношенію къ землевладѣльцамъ. Кому неизвѣстно, что задолженность землевладѣнія во всѣхъ странахъ достигаетъ громадныхъ цифръ, что эта задолженность растетъ съ каждымъ годомъ? Сливки земельныхъ доходовъ снимаются представителями движимаго капитала ***), а землевладѣлецъ очень часто играетъ лишь жалкую роль управляющаго имѣніемъ, фактически принадлежащимъ капиталисту-кредитору.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что весь діагнозъ болѣзни, поставленный Джорджемъ, ошибоченъ, объясненіе причинъ бѣдности сдѣлано крайне односторонне. Присвоеніе земельной ренты въ частную собственность нельзя считать основной и единствен-

---

*) Ruhland, «Tübinger Zeitschrift für gesammte Staatswissenschaft» 1887 г. (В. 43), стр. 300.

**) Toynbee, «Lectures on the industrial revolution in England», стр. 142—143.

***) Въ Россіи землевладѣльцамъ приходится уплачивать ежегодно свыше 70 милліоновъ въ пользу капиталистовъ, т. е. владѣльцевъ выпущенныхъ банками закладныхъ листовъ.

ной причиною бѣдности, такъ какъ земельная рента является лишь однимъ изъ видовъ прибавочной цѣнности, и притомъ въ настоящую эпоху, быть можетъ, наименѣе важнымъ. Прошло то время, когда главныя богатства странъ заключались въ земельныхъ владѣніяхъ, когда землевладѣніе являлось основнымъ факторомъ политической и общественной жизни. Начиная съ конца среднихъ вѣковъ, когда значительно расширяются торговыя сношенія, когда усложняются мѣновыя и кредитныя сдѣлки, когда начинаетъ развиваться обработывающая промышленность, торговый, биржевой и промышленный капиталъ стали играть все большую и большую роль, а въ настоящее время движимый капиталъ совершенно отодвинулъ на второй планъ недвижимыя богатства. Если взять, напр., статистику подоходнаго налога въ Англіи, то мы замѣтимъ, что богатства капиталистовъ увеличиваются быстрѣе, чѣмъ богатства землевладѣльцевъ *). Какимъ-то страннымъ анахронизмомъ является поэтому та страстная критика, съ которой Джорджъ обрушился на представителей недвижимаго капитала. Только совершеннымъ незнакомствомъ съ новѣйшей экономической литературой, непониманіемъ основъ современнаго хозяйства, можно объяснить его односторонніе выводы. Ясно далѣе, что экспропріація земельной ренты въ пользу общества не «вырветъ съ корнемъ пауперизма», не уничтожитъ института наемнаго труда, не устранитъ свободной конкурренціи, не упразднитъ дохода безъ труда **). Останется поэтому неравномѣрное распредѣленіе богатства со всѣми вытекающими изъ него вредными послѣдствіями, которыя Джорджъ нарисовалъ въ столь яркой картинѣ. Народное хозяйство будетъ и впредь подвергаться періодическимъ потрясеніямъ, носящимъ названіе кризисовъ, такъ какъ частно-хозяйственная организація производства останется неизмѣнной, производство будетъ вестись отдѣльными предпринимателями на свой страхъ и рискъ, не сообразуясь ни съ размѣрами производства своихъ конкуррентовъ, ни съ размѣрами спроса.

Скажутъ, пожалуй, что если предлагаемая реформа и не вызоветъ тѣхъ благихъ результатовъ, какіе рисуются въ пылкой фантазіи Джорджа, то за нею всетаки нельзя отрицать крупныхъ достоинствъ: замѣна единымъ налогомъ всѣхъ существующихъ налоговъ, въ особенности косвенныхъ, такъ сильно тормозящихъ производство и обмѣнъ, падающихъ всей своей тяжестью,

---

*) Toynbee, 142—143.

**) Въ своемъ открытомъ письмѣ къ папѣ Льву XIII Джорджъ прямо заявляетъ, что система заработной платы возникла, благодаря обоюдному удобству капиталистовъ и рабочихъ, являясь какъ бы нѣкоторой формой коопераціи; что же касается неограниченной конкурренціи, то онъ не видитъ въ ней никакого зла; напротивъ, она столь же необходима для процвѣтанія соціальнаго организма, какъ свободное кровеобращеніе необходимо для здоровья тѣла.

главнымъ образомъ, на бѣдные классы, требующихъ такихъ крупныхъ расходовъ по взиманію, пріучающихъ гражданъ къ утайкѣ, контрабандѣ и мошенничествамъ всякаго рода,—эта крупная финансовая реформа все-жъ-таки должна привести къ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ. Итакъ, остановимся немного на проектируемомъ единомъ земельномъ налогѣ. Замѣтимъ прежде всего, что Джорджъ грубо заблуждается, когда утверждаетъ, что единый налогъ, поглощающій всю земельную ренту, въ состояніи покрыть весь бюджетъ современныхъ цивилизованныхъ странъ, и такимъ образомъ можно будетъ уничтожить всѣ существующіе налоги. Если даже взять Великобританію, гдѣ цѣна земли и рента выше, вѣроятно, чѣмъ гдѣ-либо на земномъ шарѣ, то и здѣсь экспропріаціею всей земельной ренты нельзя было бы покрыть всѣ существующіе налоги и сборы, этотъ единый налогъ едва покрылъ бы $^3/_5$ бюджета соединеннаго королевства *). Но, не говоря уже объ этомъ ошибочномъ разсчетѣ Джорджа, можно ли, спрашивается, смотрѣть на единый налогъ, какъ на здоровую и осуществимую въ настоящее время финансовую мѣру? Правда, установленіе единаго налога значительно сократило бы крупные расходы по взиманію, освободило бы промышленность и торговлю отъ тѣхъ безчисленныхъ стѣсненій и формальностей, которыя связаны съ существованіемъ множества разнообразныхъ налоговъ, наконецъ, граждане получили бы болѣе ясное и точное представленіе о томъ, сколько имъ приходится тратить на общественныя нужды. Въ исторіи финансовой политики мы, поэтому, ясно замѣчаемъ тенденцію къ все большему и большему сокращенію количества налоговъ. Многочисленные и разнообразные сборы, коими характеризуется податная политика прошлыхъ вѣковъ, замѣняются по мѣрѣ приближенія къ нашему времени немногими простыми налогами: въ Англіи въ концѣ прошлаго вѣка было болѣе 200 акцизовъ, а въ настоящее время всего 4.

Указанныя преимущества объясняютъ намъ, почему единый налогъ представлялся такой привлекательной мѣрой для многихъ экономистовъ. Уже Вобанъ предлагалъ замѣнить множество налоговъ «королевской десятиной», хотя онъ допускалъ рядомъ съ этой «dime royale» умѣренный налогъ на соль, таможенныя и гербовыя пошлины. Въ системѣ физіократовъ ученіе о единомъ земельномъ налогѣ занимало очень видное мѣсто. Между воззрѣніями физіократовъ и взглядами Джорджа на единый земельный налогъ есть, однако, существенныя различія. Физіократы проектировали единый земельный налогъ не потому, чтобы они считали земельный доходъ несправедливымъ, такъ какъ они далеко не были противниками земельной собственности; они здѣсь руковод-

*) И. Янжулъ, «Открытое письмо Г. Джорджа къ Папѣ Льву XIII». Сѣв. Вѣстн.", 1892 г., кн. 1-ая, стр. 292.

ствовались, главнымъ образомъ, соображеніями цѣлесообразности. Такъ какъ, согласно ихъ ученію, всѣ налоги, все равно, въ концѣ концовъ, перелагаются на земельныхъ собственниковъ, то гораздо дешевле и лучше, ужъ просто въ интересахъ самихъ землевладѣльцевъ, обращаться за налогомъ прямо и непосредственно къ земельнымъ собственникамъ. Иное дѣло Генри Джорджъ. Онъ руководствуется при данномъ проектѣ соображеніями справедливости: такъ какъ, по его мнѣнію, земельная рента является продуктомъ общественнаго прогресса, а не труда и усилій землевладѣльцевъ, то она по справедливости должна принадлежать всему обществу. Поэтому-то единый налогъ долженъ, согласно его проекту, поглощать *всю* ренту, между тѣмъ какъ физіократы думали отнимать при помощи impôt unique лишь *часть* земельнаго дохода. И въ XIX-мъ стол. мы находимъ цѣлый рядъ писателей среди англичанъ, американцевъ и французовъ, являющихся сторонниками единаго налога.

Исторія, однако, не знаетъ ни одного примѣра, чтобы единый налогъ былъ осуществленъ въ дѣйствительности. Законодательство великой французской революціи сдѣлало попытку приблизиться къ единому налогу: уничтоживъ всѣ налоги на потребленіе, оно установило налогъ на доходъ, но сохранило рядомъ съ нимъ таможенныя и гербовыя пошлины. Однако и эта попытка была весьма недолговѣчна. Единый налогъ, дѣйствительно, имѣетъ массу слабыхъ сторонъ, которыя дѣлаютъ его совершенно непригоднымъ, по крайней мѣрѣ для настоящаго времени. Дѣло въ томъ, что взиманіе всякаго налога связано съ ошибками и несправедливостями: неправильная оцѣнка, несправедливая декларація, утайка и проч. Когда существуетъ нѣсколько налоговъ, то эти ошибки и несправедливости до нѣкоторой степени нейтрализуются. При единомъ же налогѣ малѣйшая ошибка со стороны финансовыхъ агентовъ, малѣйшая несправедливость со стороны плательщиковъ сдѣлали бы неравномѣрность налога слишкомъ чувствительной и оправдали бы слова Прудона, считавшаго единый налогъ идеальной несправедливостью *). Слѣдуетъ также имѣть въ виду то обстоятельство, что законы переложенія налоговъ до сихъ поръ еще остаются темными и неизслѣдованными: государство никогда не можетъ знать съ точностью, на кого именно въ концѣ концовъ падаетъ данный налогъ. Словомъ, при современной частно-хозяйственной организаціи производства, при существованіи самыхъ разнообразныхъ источниковъ дохода, при неразработанности финансовой науки, единый налогъ долженъ быть признанъ неосуществимымъ идеаломъ.

Но допустимъ, что намъ удалось преодолѣть всѣ указанныя

*) P. Leroy-Beaulieu, «Traité de la science des finances». 1892 г., стр. 174—220.

финансовыя трудности, допустимъ, что намъ посчастливилось организовать единый налогъ на землю такъ, что онъ не нарушаетъ требованій равномѣрности, что онъ дѣйствительно падаетъ на землевладѣльцевъ, поглощая лишь земельную ренту *). Какихъ мы можемъ ожидать результатовъ отъ этой крупной финансовой реформы? Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что единый налогъ, падающій всей своею тяжестью на землю, сразу разоритъ всѣхъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ, которые и безъ того едва выдерживаютъ конкурренцію болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, работающихъ съ болѣе крупными капиталами и примѣняющихъ болѣе усовершенствованные техническіе пріемы. Земля мелкихъ собственниковъ перейдетъ, слѣдовательно, въ руки капиталистовъ, а сами они лишь увеличатъ все растущую армію пролетаріата. Не менѣе разорительной эта финансовая мѣра окажется и для крупныхъ землевладѣльцевъ. Если уже въ настоящее время земельныя богатства, благодаря все усиливающейся задолженности землевладѣльцевъ, все болѣе и болѣе переходятъ въ руки капиталистовъ, то установленіе тяжелаго земельнаго налога сразу дастъ сильный толчекъ къ обезцѣненію земель, и всѣ онѣ перейдутъ къ представителямъ движимаго капитала, которымъ собственно онѣ въ значительной степени и фактически уже принадлежатъ. Эта реформа должна оказаться въ особенности гибельной для землевладѣльцевъ въ настоящее время, когда, благодаря измѣнившимся условіямъ мірового рынка, замѣчается повсемѣстное паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, а потому и пониженіе цѣнъ на земельныя владѣнія. «Реформа, предлагаемая Джорджемъ и другими сторонниками націонализаціи земли,—говоритъ проф. Конрадъ,—является просто насмѣшкой (Hohn) въ настоящее время, когда масса землевладѣльцевъ едва покрываетъ издержки производства, когда землевладѣльцы съ трудомъ извлекаютъ даже самый умѣренный процентъ на вложенные въ землю капиталы, а объ увеличеніи земельной ренты уже не можетъ быть никакой рѣчи» **).

Но, можетъ быть, установленіе единаго земельнаго налога окажется благодѣтельнымъ для рабочихъ классовъ? Дѣйствительно, съ нихъ снимаются всѣ тяготѣющіе надъ ними прямые и косвенные налоги. Но кто въ концѣ концовъ, воспользуется этимъ облегченіемъ, рабочіе или предприниматели-капиталисты, — благодаря возможности понизить заработную плату,—это составляетъ большой вопросъ, въ особенности, если принять во вниманіе, что реформа поведетъ къ усиленію значенія и власти движимаго

---

*) Замѣтимъ, что Джорджъ представляетъ себѣ дѣло слишкомъ просто, когда утверждаетъ, что не встрѣтится особенныхъ трудностей отдѣлить въ доходѣ землевладѣльцевъ чистую земельную ренту отъ процентовъ на вложенные въ землю капиталы.

**) Conrad, «Jahrbuch. für Nationalökon.». 1887 (B. 49), стр. 162.

капитала. Если въ настоящее время существуетъ рѣзкій антагонизмъ между представителями труда, съ одной стороны, и представителями недвижимаго и движимаго капитала, съ другой, но и въ предѣлахъ этой второй категоріи мы далеко еще не видимъ полной солидарности. Эта противоположность интересовъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ очень часто, какъ показываетъ исторія, служила на пользу рабочему классу. Многія благодѣтельныя для рабочаго класса реформы, какъ, напримѣръ, рабочее законодательство, могли осуществиться лишь благодаря тому, что онѣ нашли поддержку въ лицѣ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ въ виду не столько интересы рабочихъ, сколько желаніе нанести ущербъ интересамъ капиталистовъ.

Уничтоженіе всѣхъ налоговъ, падающихъ на капиталъ, установленіе тяжелаго единаго налога, разорительнаго для мелкихъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, послужитъ главнымъ образомъ на пользу движимаго капиталъ. Борьба съ представителями движимаго капитала, которые благодаря единому налогу, получатъ большую силу, не встрѣчая болѣе противодѣйствія со стороны землевладѣльцевъ, станетъ, конечно, для рабочаго класса несравненно труднѣе. Итакъ, финансовая реформа, предлагаемая Джорджемъ, будетъ имѣть своимъ результатомъ разореніе мелкихъ и крупныхъ собственниковъ, усиленіе могущества движимаго капитала и весьма сомнительныя выгоды для рабочаго класса. Поэтому-то представители интересовъ рабочаго класса, напр., въ Германіи, относятся весьма скептически къ предлагаемой Джорджемъ и его послѣдователями націонализаціи земли. Они справедливо указываютъ на то, что проведеніе въ жизнь этой реформы, въ виду сильнаго противодѣйствія со стороны многихъ заинтересованныхъ классовъ населенія, потребуетъ отъ пролетаріата такой сильной затраты энергіи, какая едва ли окупится для него сомнительными результатами этой реформы.

Можемъ теперь резюмировать нашъ взглядъ на ученіе Генри Джорджа. Его попытка разрѣшить великую проблемму современной цивилизаціи оказалась совершенно неудачной. Хотя онъ и представилъ сильную критику современныхъ экономическихъ и общественныхъ условій, равно какъ и различныхъ экономическихъ теорій, оправдывающихъ эти условія, его собственная теорія не ушла на много дальше этихъ теорій. Онъ оказался совершенно не въ силахъ всесторонне обнять всѣ условія современнаго хозяйства, оцѣнить относительное значеніе каждаго изъ факторовъ этого хозяйства. Выводамъ его поэтому не достаетъ цѣльности, они отличаются поразительной односторонностью. Условія американской жизни могутъ до нѣкоторой степени служить объясненіемъ этихъ поверхностныхъ и одностороннихъ выводовъ. Лихорадочная земельная спекуляція въ Америкѣ, поразительный ростъ земельной ренты, въ особенности въ быстро растущихъ американскихъ городахъ, гдѣ

рядомъ съ этимъ растетъ бѣдность и нищета, должны были сильно поразить живой и впечатлительный умъ американскаго публициста. И вотъ онъ, не подготовленный къ серьезному экономическому изслѣдованію, слабо знакомый съ экономической и финансовой наукой въ ея прошломъ и еще менѣе съ новѣйшими изслѣдованіями въ этой области, дѣлаетъ поспѣшное и наивное заключеніе, что въ ростѣ земельной ренты заключается коренная причина все возрастающей бѣдности; стоитъ уничтожить земельную ренту и наступить «золотой вѣкъ, который воспѣвалъ поэтъ и о которомъ говорили въ образахъ вдохновенные пророки».

Б. Эфруси.

ФОНТАНЪ.

(Очеркъ).

— Ну, что, какъ дѣла, Петръ Евсѣевичъ?

Маленькій, круглый старичекъ, къ которому относились эти слова, пріостановился, отеръ потъ съ лица грязнымъ, бумажнымъ платкомъ и сдвинулъ со лба запыленную фуражку. Его темнокрасное лицо, поросшее густой, сѣденькой бородкой, немного сморщилось, въ черныхъ глазахъ засвѣтилось напряженіе.

— Номеръ четвертый работаетъ хорошо, Юрій Дмитріевичъ, благодареніе Богу,—сказалъ онъ, глядя въ сторону.

— Да нѣтъ,—громко возразилъ молодой человѣкъ, котораго онъ назвалъ Юріемъ Дмитріевичемъ.—Номеръ четвертый извѣстенъ всѣмъ промысламъ, хорошая буровая! Я говорилъ о номерѣ шестомъ.

— Да что!—подхватилъ съ болью въ голосѣ Петръ Евсѣевичъ.—Сто восемьдесятъ три сажени вырыли. Тридцать лѣтъ служилъ на промыслахъ, а такой вышки не видывалъ. Хозяинъ говорилъ: «ставь, фонтанъ будетъ». А, по моему, къ чему было торопиться!.. Эхъ!..

— А вамъ-то что, Петръ Евсѣевичъ! — перебилъ его съ легкой насмѣшкой Юрій Дмитріевичъ.—Не ваша!.. Жалко вамъ, что ли, его милліоновъ? У вашего Абрамьянца изъ 15 вышекъ, пожалуй, 12 фонтановъ было. Мало ему?..—Онъ выговорилъ все это залпомъ, бѣлая фуражка сбилась совсѣмъ на затылокъ, въ сѣрыхъ глазахъ сверкнула искра, и онъ прибавилъ шагу.

Черныя, грязныя вышки, похожія на остроконечныя шапки, густымъ лѣсомъ тянулись по обѣимъ сторонамъ узкой дороги. Онѣ толпились непрерывной массой, почти налѣзая одна на другую, словно торопясь къ старикамъ—облѣзшимъ, выцвѣтшимъ буровымъ, которыя, покрытыя налетомъ пыли, хмуро столпились у небольшого озерка соленой воды, почти пересохшаго, и замерли въ созерцаніи своихъ отраженій.

А за этой густой массой лѣзла одна за другой молодежь, самонадѣянная и не видавшая бурь, напоминая собой ново-

бранцевъ, которые стараются не ударить въ грязь передъ старыми солдатами.

Въ этой бѣшеной скачкѣ, въ погонѣ за старыми ветеранами, многіе поотстали и, задыхаясь отъ усталости, тяжело переводили дыханіе, выбрасывая съ глухимъ шумомъ цѣлые клубы паровъ и дыма. Между молодежью, которую не трудно было узнать, въ ярко-желтыхъ досчатыхъ вышкахъ, отливавшихъ на солнцѣ янтаремъ, какъ зрѣлые персики, стояли, облитыя нефтью, величавыя, какъ разжирѣвшіе бюрократы, буровыя, находящіяся въ работѣ, а между ними равнодушныя, какъ столѣтніе старики—вышки, гдѣ уже давно не тартали,—скрывавшія яму, въ которой нѣкогда трепеталъ буравъ. Покрытыя пылью, словно поросшія сѣдиной, онѣ не слышали шума локомобилей и ждали момента, когда имъ дозволено будетъ рухнуть въ могилу.

— А вы то, лучше меня?—усмѣхнулся Петръ Евсѣевичъ, догоняя собесѣдника.—Небось, тоже не спали и не ѣли, какъ слышали шумъ бурава?.. А вѣдь тоже было не ваше.

— Вы почему знаете?—глухо отозвался молодой человѣкъ, убавляя шагъ,—можетъ и мое!

— Полно!—откликнулся Петръ Евсѣевичъ,—вы сами человѣкъ служащій.

Юрій Дмитріевичъ остановился, снялъ фуражку, обнаживъ свою красивую, круглую голову, покрытую густой, темной шевелюрой, и посмотрѣлъ передъ собой нѣсколько загадочнымъ взглядомъ.

— Ну, я другое дѣло...—сказалъ онъ. — Я просто люблю это ожиданіе первой вѣсти — глухой рокотъ земли... Понимаете, люблю!

Петръ Евсѣевичъ зажмурилъ глаза и тихо сказалъ:

— Ну, и я люблю эту нефть, когда она плещется, словно въ ней мелкая рыбка играетъ: блеснетъ, какъ золото, и бухъ на дно... За ней другая, третья... Хорошо, такъ бы и смотрѣлъ въ этотъ чанъ!

Юрій Дмитріевичъ засмѣялся и его преждевременно состарѣвшееся лицо помолодѣло. Сѣрые глаза въ упоръ смотрѣли на размечтавшагося старика.

— А схватить ее, эту золотую рыбку небось не хочется?—произнесъ онъ, игриво подмигивая старику.

— Нѣтъ, не хочется, — съ непоколебимой увѣренностью отвѣтилъ старикъ, и затѣмъ добавилъ, безпечно махнувъ рукой:—пусть ее играетъ!..

Они снова зашагали по пыльной дорогѣ.

— Куда вы меня, собственно, ведете? — спросилъ послѣ нѣкотораго молчанія Юрій Дмитріевичъ.

— У Нобеля, — заговорилъ старикъ, повидимому, погру-

женный въ свои мысли,—у Нобеля, чай слышали, на 190 саженяхъ буровая дала такую нефть, чистую, легкую, бѣлую. У Бэкбэкова на 163 саженяхъ показалась нефть, положимъ, что не совсѣмъ чистая (съ водой), но всетаки хорошая буровая.

— А ваша то, за номеромъ шестымъ?—слегка поддразнивая, перебилъ его Юрій Дмитріевичъ.

— Вотъ къ ней то мы съ вами и идемъ! — спохватился Петръ Евсѣевичъ.—Вонъ она, подлая, сколько денегъ съѣла!..

Они оба остановились передъ распахнутой дверцей вышки. Ручеекъ темной жидкости игриво журчалъ въ канавѣ.

— А что? хорошо?—съ горечью окликнулъ Петръ Евсѣевичъ своего спутника. Тотъ опытнымъ взглядомъ окинулъ журчащій ручеекъ, который каждый разъ пугливо вздрагивалъ, когда мѣдная желонка выливала въ него свое содержимое.

— Эге-гэ-гэ!—протянулъ онъ съ насмѣшкой.

— Нѣтъ, вы только взгляните! — сталъ просить Петръ Евсѣевичъ, схвативъ его за руку, и потащилъ его къ распахнутой двери. Они оба погрузились въ созерцаніе. Мѣдная желонка вынырнула изъ земли, вылила темную, грязную жидкость и снова скрылась. Это повторялось въ теченіе трехъ разъ, прежде чѣмъ они рѣшились прервать молчаніе.

— Ишь ты!—со злобой сорвалось у Петра Евсѣевича, когда желонка въ четвертый разъ подарила журчащій ручеекъ грязной жидкостью, смѣшанной съ темножелтой липкой массой.

— Дрянь!—слетѣло вдругъ съ губъ Юрія Дмитріевича, который не спускалъ глазъ съ желонки и тихо чесалъ затылокъ.—Тутъ и нефти то почти нѣтъ—вода!

— Ужъ именно дрянь!—обрадовался Петръ Евсѣевичъ, которому это слово какъ будто развязало языкъ.—А сколько денегъ съѣла, проклятая! То трубы остановятся, то камни... Хаджи!—обратился онъ къ татарину, возившемуся подлѣ желонки:—покажи-ка ихъ.

Татаринъ быстро скрылся въ темнотѣ вышки и вынесъ цѣлую пригоршню камней въ рукѣ.

— Хозяинъ говоритъ: «ставь № 6, земля хорошая, такъ и дрожитъ, когда на нее ступаю. Чувствую—фонтанъ будетъ!»—продолжалъ онъ послѣ того, какъ камни были осмотрѣны.—Что ни спорилъ—ставь, и конецъ. Молодъ больно. Старикъ былъ поопытнѣе, оттого и милліоны...

— Что жъ,—соображалъ Юрій Дмитріевичъ:—бурите дальше. Сто восемьдесятъ три сажени не великая глубина.

— Вотъ оно... Ужъ и я теперь говорю, надо дальше бурить. Больше потратили,—еще немного. Не надо, говоритъ... Эхма! татарчата и тѣ надъ нами смѣются. Сунетъ свою морду и спрашиваетъ: почемъ похлебку продаешь?—Одно слово, дрян-

ная нефть! Надо бы поглубже захватить, а хозяинъ упрямится хочу, говоритъ, черпать воду, вы мнѣ не указъ.

Они смолкли и стали смотрѣть на дорогу, уходившую въ степь. По дорогѣ медленно подъѣзжалъ фаэтонъ, въ которомъ сидѣла дама.

— Куда вы?—окликнулъ Юрій Дмитріевичъ, видя, что старикъ собирается уходить.

— Трубы спускать. Пожалуй, хозяинъ пріѣдетъ на промысла!

Юрій Дмитріевичъ снова взглянулъ на дорогу. Медленно ступали бѣлыя лошади съ выкрашенными въ желтую краску хвостами и гривами. Фаэтонъ, который онѣ тащили, неловко подпрыгивалъ по кочкамъ. Сонный татаринъ, правившій лошадьми, спокойно любовался своимъ художествомъ, взирая на ярко желтыя ноги своихъ лошадей, словно одѣтыя въ гамаши. Лошади слегка трясли хвостами и шевелили гривами, вылинявшими на солнцѣ въ свѣтлорозовый цвѣтъ, съ трудомъ ворочая свои шеи, опутанныя хомутами изъ синихъ бусъ.

— Адада!—заоралъ благимъ матомъ фаэтонщикъ, хотя никого не было на дорогѣ.—Адда!.. Ададада!..

Хриплый, непріятный голосъ татарина заставилъ даму, сидѣвшую въ фаэтонѣ, непріятно поморщиться. Это была еще молодая женщина и, судя по туалету, пріѣзжая. Одѣтая въ черную шерстяную юбку и голубую рубашечку изъ прозрачной кисеи съ мелкимъ розовымъ узоромъ, крѣпко перетянутая голубымъ шелковымъ кушакомъ, она издали казалась очень эффектной. Бѣлая соломенная шляпа, украшенная гирляндой крупныхъ цвѣтовъ, огромнымъ бантомъ и стоячимъ, развѣвающимся перомъ, удобно сидѣла на головѣ, опираясь на узелъ туго скрученныхъ свѣтлыхъ волосъ. Неправильности румянаго, круглаго лица, съ слишкомъ тонкими нервными губами и упрямо вздернутымъ носомъ, выкупались прекрасными синими глазами, взглядъ которыхъ тревожно перебѣгалъ отъ одной вышки къ другой. Наконецъ, барыня подняла зонтикъ и сдѣлала имъ кому то знакъ.

Юрій Дмитріевичъ невольно оглянулся, ища того, къ кому относился этотъ призывъ. На самомъ краю безлюдной дороги сидѣлъ персіянинъ, грязный, лохматый, въ рубахѣ, сшитой изъ тряпокъ, и вкусно чавкалъ, обѣдая зеленымъ тархуномъ, завернутымъ въ ломоть чурэка. Сидя спиной и къ дорогѣ, и къ фаэтону, онъ съ аппетитомъ жевалъ тархунъ, наслаждаясь сильнымъ запахомъ этой травы и острымъ, пикантнымъ вкусомъ. Нѣтъ, звали не его, да онъ и не могъ видѣть этого знака, а кромѣ этого персіянина ни было ни одной живой души.

Юрій Дмитріевичъ опять взглянулъ на подъѣзжавшую ба-

рыню. Она снова махнула зонтикомъ. Его взяло сомнѣніе, ужъ не его ли она зоветъ.

— Послушайте, идите сюда!—закричала она, разсерженная его неподвижностью, и, видя его нерѣшительность, подтвердила раздраженно:—васъ зову... васъ!

Онъ неохотно направился къ фаэтону, остановившемуся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Его слегка задѣлъ этотъ безцеремонный тонъ; въ его головѣ мелькнуло подозрѣніе, не принимаетъ ли его эта развязная барыня за рабочаго.

— Что угодно?—сухо спросилъ онъ, еле касаясь рукою фуражки, и готовый при первомъ безцеремонномъ окликѣ дать рѣзкій отпоръ.

Дама вскинула на него своими длинными, свѣтлыми рѣсницами, складка, залегшая между бровями, исчезла, и она, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ остановила свои бархатные глаза на его лицѣ. Сильный, рослый, красиво сложенный, онъ безмолвно стоялъ передъ ней и разсматривалъ ее съ вызывающей развязностью. Проницательный взглядъ его свѣтло-сѣрыхъ глазъ пронизывалъ ее насквозь.

— Вы съ промысловъ?—мягко спросила она, польщенная тѣмъ, что вызвала такой интересъ.

— Да.

— Можно мнѣ посмотрѣть промысла?—еще мягче продолжала она свои разспросы, кокетливо глядя ему въ лицо.

— Пожалуйста.—Онъ отвѣтилъ сдержанно, стараясь угадать съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Вы будете такъ любезны и покажете мнѣ, куда идти... быть можетъ, вы меня сами проводите?..

Она легко выпрыгнула изъ фаэтона и стала рядомъ съ Юріемъ Дмитріевичемъ. Она оказалась женщиной высокаго роста и прекрасно сложенной, не смотря на всю пышность своего стана.

— Сдѣлайте милость, съ удовольствіемъ,—отозвался онъ по прежнему сухо.

— Ты, послушай! Подожди!—крикнула барыня зѣвавшему во весь ротъ фаэтонщику. Онъ мотнулъ головой и медленно отъѣхалъ въ сторону.

— Сюда?—продолжала она болтать, указывая рукой на вышку № шестой.—А почему не сюда?—спросила она, когда Юрій Дмитріевичъ повелъ ее дальше.

— Мало даетъ. Нефть плохая.

Онъ говорилъ неохотно, предоставляя ей вести разговоръ.

— Вы служите?—интересовалась она, шагая рядомъ съ нимъ по дорогѣ.

— Я служилъ у братьевъ Грибаевыхъ, управлялъ промыслами.

— Но вѣдь Грибаевы продали свои промысла барону Сталю?

— Да, я самъ улаживалъ это дѣло и теперь ухожу.

— Значитъ, остались безъ мѣста?

— О, нѣтъ!—отвѣтилъ онъ, тряхнувъ головой:—у меня уже три предложенія.

— Вы техникъ?—не выдержала она, бойко впер ивъ въ него свои голубые глаза.

— Я по профессіи химикъ,—улыбнулся онъ,—университетъ окончилъ въ Петербургѣ, и самъ сѣверянинъ.

— Да какъ вы попали на промыселъ?—изумилась она.

Онъ уклонился отъ отвѣта.

— Здѣсь я служу уже лѣтъ шесть. Старшій Грибаевъ мой школьный товарищъ.

— А прежде?

— Прежде служилъ въ Москвѣ, на заводѣ.

Онъ отвѣчалъ холодно, словно читалъ протоколъ.

— Отчего же вы уѣхали изъ Москвы? О, влюбились, по глазамъ вижу, что влюбились!

Юрій Дмитріевичъ громко расхохотался. Она вспыхнула, смущенная его внезапной веселостью.

— Вы угадали,—съ тонкой улыбкой успокоилъ онъ ее.— Я влюбился страстно и безъ всякой взаимности...

— А теперь?—приставала она, не спрашивая себя, на сколько умѣстно ея любопытство.

Онъ взглянулъ ей въ лицо и, усмѣхнувшись, спокойно отвѣтилъ:—все тоже...

— Мы пришли!—и онъ предложилъ ей руку, чтобъ облегчить ей взбираться въ то деревянное зданіе, куда онъ ее велъ. Она приняла его руку безъ всякаго колебанія.

— Это что?

— Здѣсь добывается паръ.

Не успѣли они переступить порогъ, какъ горячая атмосфера дохнула имъ въ лицо огнемъ. Задыхаясь отъ душнаго спертаго воздуха и ослѣпленные яркимъ пламенемъ мазута, они не могли говорить. Шумъ и ревъ, доносившійся изъ круглыхъ топокъ—оглушилъ ее, и она попыталась закрыть уши. Три огромныхъ печи смотрѣли на нихъ огненными очами, разогрѣвая цилиндръ съ водой. По временамъ въ ихъ очахъ загорались кровавыя искры.

— Здѣсь невыносимо,—прошептала она, слѣдуя за нимъ къ выходу.—Брр... вотъ адъ!.. А это что?

— Труба, по которой идетъ паръ. Онъ приводитъ въ движеніе машины, вѣдь бурятъ и тартаютъ при помощи пара. Я веду васъ къ Грибаевымъ, хочу показать вамъ тартаніе.

Она кивнула головой.

— Я съ удовольствіемъ пройдусь.

— Можетъ быть, вамъ угодно посмотрѣть, какъ бурятъ?— спохватился онъ.

Она отказалась.

— Я уже видѣла это на Биби-Эйбатѣ. Мнѣ предлагали показать и тартанье, но былъ такой сильный нордъ, онъ унесъ въ море мою мантилью, оборвалъ шляпу, и у меня такъ сильно разболѣлась голова, что я поспѣшила уѣхать домой.

— А что фонтана тамъ нѣтъ?

— Былъ одинъ, да утихъ.

— Это я знаю.

Они снова пошли по дорогѣ. Съ лѣваго края дороги, въ канавѣ протекала мутная вода, покрытая рыжими пятнами нефти. Трубы нефтепроводовъ ложились на землю длинными змѣями, сталкивались и снова разбѣгались въ разныя стороны. Кое-гдѣ попорченныя трубы, по которымъ шелъ паръ, выбрасывали маленькіе фонтаны, вздымавшіеся сѣрой, шипящей струйкой.

— А что же вы не спросите, кто я?—кокетничала молодая женщина, игриво заглядывая ему въ лицо.

Онъ закусилъ губы и боялся попасть въ просакъ. Этотъ вопросъ и его сильно занималъ.

— Вы свѣтская женщина,—осторожно отвѣтилъ онъ.

— Это правда,—засмѣялась она, угадывая, что онъ говоритъ съ опаской.—А сколько мнѣ лѣтъ?

Онъ нѣсколько смутился. Ей могло быть и тридцать, и тридцать пять, и даже всѣ сорокъ. Блондинки прекрасно сохраняются. Онъ сдержанно отвѣтилъ:

— Я годы узнаю только по уму и опыту, по наружности я не умѣю угадывать.

— Значитъ, умныя женщины кажутся вамъ всегда старше, да? А я же что? Я вамъ кажусь очень молодой?

— Вы женщина среднихъ лѣтъ, — произнесъ онъ съ улыбкой.

Она тряхнула головой и звонко разсмѣялась.

— Мнѣ еще нѣтъ сорока, вы правы.

И, ловко перепрыгивая черезъ трубы, которыя лежали поперекъ дороги, напоминая сѣрыхъ ужей, грѣющихся на солнцѣ, она не выдержала и стала разсказывать о себѣ, словно угадывая, что онъ притворяется равнодушнымъ, а на самомъ дѣлѣ ломаетъ голову, напрасно стараясь отгадать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— У меня имѣніе въ Кіевской губерніи,—беззаботно щебетала она съ самоувѣренностью хорошенькой женщины, привыкшей, чтобъ ею интересовались.—Мой мужъ умеръ, и я теперь вольный казакъ... Онъ прежде служилъ въ министерствѣ,

а потомъ поселился въ деревнѣ. Онъ былъ добрякъ, но мы съ нимъ не сходились. Я бросила его, когда онъ построилъ конный заводъ. Ну и лошади жъ были, прости Господи! последними приходили къ старту! Насилу меня уговорили вернуться. Что за скука въ деревнѣ! Не долго, впрочемъ, я прожила: мужъ объѣзжалъ молодую лошадь, тутъ и бѣда приключилась... Дѣтей у меня не было... Что это, мы уже никакъ пришли?

— Пришли.

Они остановились передъ вышкой, въ глубинѣ которой чувствовалось движеніе. Изъ открытой двери высунулась голова, и молодой человѣкъ, въ ботфортахъ, залитыхъ нефтью, выскочилъ имъ на встрѣчу.

— Юрій Дмитричъ, давно пріѣхали?.. успѣли по дѣлу?. вы вѣдь по дѣлу ѣздили въ Петербургъ?

— Какъ же, успѣлъ.

— Давеча англичане были, ну ужъ и восторгались этой вышкой. Первая буровая на всѣхъ промыслахъ!—поспѣшно сообщилъ молодой человѣкъ, словно боясь, что ему не дадутъ договорить.—Кто, спрашиваютъ, ставилъ ее? Нюхъ, говорятъ, есть. Да и точно, у васъ, Юрій Дмитричъ, нюхъ есть.

На лицѣ Юрія Дмитріевича вспыхнулъ румянецъ. Видимо польщенный, онъ яснымъ взоромъ окинулъ вышку и невольно вспомнилъ, какъ ее ставилъ, волновался и лихорадочно слушалъ скрипъ спускавшихся въ землю желѣзныхъ трубъ. Онъ не разслышалъ вопроса своей спутницы, которая, указавъ рукой на валявшійся невдалекѣ отъ вышки длинный металлическій цилиндръ, второй уже разъ спрашивала у него:

— Что это?

— Это—желонка, сударыня! — любезно отозвался юноша, пригибаясь къ землѣ.—Ею черпаютъ нефть. Изволите видѣть: вверху она открыта, а внизу клапанъ, вотъ!..—Съ этими словами онъ изъ всѣхъ силъ потянулъ рукою клапанъ и, разводя перепачканными руками, продолжалъ объяснять, видимо радуясь случаю блеснуть своими познаніями.—Какъ только желонка коснется поверхности нефти, клапанъ откроется и, когда желонка наполнится нефтью, жидкость своею же тяжестью закроетъ клапанъ.

Барыня любезно поблагодарила его. Онъ галантно снялъ передъ ней фуражку и попрощался съ ея спутникомъ.

— Пойдемте,—словно очнувшись отъ сна, произнесъ тотъ, помогая ей вскарабкаться на маленькій холмъ рыхлой земли, на которомъ стояла вышка. Барыня остановилась у распахнутой двери, переводя дыханіе.

— Хорошенькій мальчикъ, — сказала она, посмотрѣвъ на удалявшагося юношу.

— Это студентъ-технологъ, онъ у насъ на практикѣ.

Они перешагнули порогъ. Тьма охватила ихъ, и прошло нѣсколько секундъ прежде, чѣмъ барыня смогла оріентироваться. Сквозь щели деревянныхъ досокъ прорывались струйки свѣта.

— Осторожнѣе,—прозвучалъ предостерегающій голосъ ея спутника.

Неслышно вращались освѣщенныя яркой полоской свѣта колеса машины. Они быстро мчались, словно разжигаемыя соревнованіемъ. Переднее колесо, еслибъ на то его воля, давно уже было бы за предѣлами вышки; второе, стоявшее позади, терзаемое завистью, старалось его обогнать, опередить, но оба, повинуясь сильной волѣ безконечнаго ремня, стянувшаго ихъ сѣрой лентой, плавно вращались, не смѣя рвануться впередъ. Края безконечнаго ремня свѣтились бѣлымъ сіяніемъ.

Спиной къ этимъ вѣчно двигающимся колесамъ, на высокомъ, деревянномъ помостѣ, неподвижно, какъ индійскій богъ, сидѣлъ татаринъ, управлявшій всею машиной. Онъ не оглядывался назадъ, давно привыкшій къ этому бѣшеному соревнованію колесъ, и почти не видѣлъ того, что находилось передъ нимъ. Равнодушный, какъ богъ, которому ничего не надо, онъ спокойно взиралъ на трепетъ мчавшагося въ бездну металлическаго каната, на огромный чанъ, наполненный нефтью, на жолобъ, куда она стекаетъ непрерывной струей, искрясь на солнцѣ, врывающемся сквозь огромную щель. Въ черной гривѣ волосъ, спадавшихъ густой бахромой на его бронзовое, тонкое лицо, онъ слегка наклонилъ впередъ свою бритую макушку, спрятанную въ желтую ермолку, и не шевелился. Черные, огненные глаза устало взглянули на вошедшихъ и, нисколько не смущаясь своимъ туалетомъ, который состоялъ изъ грязныхъ, холстинковыхъ брюкъ и давно уже нестиранной рубахи, широко раскрытой на загорѣвшей груди, онъ не измѣнилъ позы и равнодушно отвелъ свой взглядъ.

— Я ничего не вижу,—сказала дама, съ любопытствомъ смотря передъ собой, на землю, изъ которой торчала широкая, заржавѣвшая труба, жадно вбиравшая металлическій, толстый канатъ.

— Станьте сюда... дайте руку...—отозвался ея спутникъ:— сюда... приподнимите платье, здѣсь цѣлая лужа нефти.

Дама быстро подняла подолъ юбки и, шелестя шелкомъ, осторожно ступила на деревянную доску, лежавшую на землѣ, залитой нефтью. Она очутилась рядомъ съ мужчиной, который ее велъ. Стоя на узкой, грязной доскѣ, все глубже уходившей въ липкій грунтъ, они оба впились глазами въ канатъ. Теплая и немного удушливая атмосфера заставила барыню поблѣднѣть, и она сама схватила его руку.

Канатъ легко и плавно шелъ вверхъ. Быстро, почти неожиданно вспорхнула желонка, мѣднокрасная и блестящая, и ушла въ глубину вышки. Газы вырвали изъ нея цѣлый дождь брызгъ, сверкнувшихъ на солнцѣ, какъ осколки стекла. Желонка спустилась надъ деревяннымъ чаномъ, ударилась клапаномъ о край выдвинувшейся доски и съ глухимъ рокотомъ вылила въ него свое содержимое. Нефть потекла въ желобокъ, который толстой жилой впивался въ чанъ, забурлила и покрылась шипящей пѣной. А канатъ уже снова летѣлъ внизъ, съ трудомъ поспѣвая за мчащейся въ бездну желонкой.

Юрій Дмитріевичъ выпрямился, тонкая судорога волной пробѣжала по его лицу, онъ сдвинулъ на затылокъ фуражку и задумался. Дама, затаивъ дыханіе, не открывала глазъ, безмолвно любуясь вынырнувшей желонкой, которая снова скрылась въ дождѣ сверкающихъ искръ, потомъ, вся розовая, словно вспыхнувшая отъ волненья, скользнула внизъ къ грязному чану, который жадно глотнулъ черную нефть. Липкая почва, на которой они стояли, всасывала доску, торопясь поглотить и людей. Они чувствовали жадность этой земли, не знавшей покоя, ни днемъ, ни ночью.

— Вода нэтъ!.. нэтъ вода!—произнесъ внезапно татаринъ, сидѣвшій на помостѣ и удивленный ихъ молчаніемъ.

— Да, какъ же, чистая нефть, ни капли воды,—проронилъ Юрій Дмитріевичъ, заслоняя глаза отъ ударившаго солнца.— Хорошая буровая, рѣдкая, до восьми тысячъ пудовъ даетъ въ сутки...

Сѣрый канатъ быстро разворачивался, вспыхивая бѣлымъ свѣтомъ. Солнце швыряло золотые букеты, ослѣпляя своими лучами и Юрія Дмитріевича, и его спутницу, которая не отрывала глазъ отъ черного ручейка, который тихо смѣялся, рѣзвясь въ желобкѣ. Татаринъ сердито жмурилъ свои сонные глаза. Опять высоко взлетѣла желонка и швырнула вверхъ цѣлый фонтанъ брызгъ, послышался легкій свистъ разсѣкаемаго воздуха. Казалось, что она вся загорѣлась страстью, сорвала съ себя золотую чадру, чадра развернулась легкой прозрачной тканью, испещренной причудливымъ узоромъ, и разсыпалась роемъ золотыхъ искръ. Желонка подставила свое лицо горячему солнцу и затѣмъ, вспыхивая, склонилась надъ чаномъ и принялась покорно его поить. Брызги попадали внизъ, словно золотой песокъ, обдали нефтью изящный туалетъ пріѣзжей барыни, парусиновую куртку стоявшаго рядомъ съ нею мужчины и обильно смочили землю.

— Золотыя пчелки, ишь, какъ роятся, — любовно протянулъ Юрій Дмитріевичъ, нисколько не смущаясь этимъ душемъ и всматриваясь въ тьму, изъ которой падали эти капли.

Ихъ взоры встрѣтились. Въ ея глазахъ вспыхнулъ огонекъ. Казалось, они поняли другъ друга.

— Эта почва засасываетъ, — тихо прошептала она, чувствуя, какъ жадно тянетъ липкая земля доску, на которой она стоитъ.

Онъ не скоро отвѣтилъ. Когда желонка выбросила снова, словно дразня, рой золотыхъ капель и стала покорно поить ненасытный чанъ, онъ сказалъ тихимъ, сдавленнымъ голосомъ: засасываетъ, о, какъ засасываетъ!

Желонка рванулась внизъ, торопясь къ клокочущей нефти, не успѣвая удовлетворить жадный чанъ и грязную землю, которая въ напрасной борьбѣ пила проливавшуюся нефть, торопливо вбирая и доски, и осколки камней, стараясь отнять хоть часть похищаемыхъ у нея сокровищъ. Все работало днемъ и ночью: люди, желонки, грязные желоба и канавы. И надъ цѣлымъ лѣсомъ задыхающихся отъ усталости буровыхъ, стоялъ сѣрый дымъ, набрасывавшій на все прозрачный покровъ. Свистъ пара, глухое пыхтѣніе машинъ, горячее дыханіе локомобилей сообщали страсть этимъ грязнымъ доскамъ и ржавому желѣзу. Вездѣ одна и та же глухая погоня за наживой, вездѣ соревнованіе: вышки, лѣзущія одна на другую, клубы дыма, вспыхивающіе въ перегонку всѣми цвѣтами, начиная съ блѣдно-розоваго и кончая темно-лиловымъ, пары, бросающіеся, очертя голову, изъ отверстій попорченныхъ трубъ, чаны, торопливо пьющіе нефть, никогда не переполняющіяся канавы... И, словно олицетворяя эту вѣчную суету, быстро мчались колеса машины, не зная отдыха и покоя, скользя подъ безконечнымъ ремнемъ.

— Теперь я покажу вамъ тотъ второй чанъ, куда струится нефть изъ этого желобка.

Они оба перевели дыханіе, переступивъ порогъ буровой и очутившись на вольномъ воздухѣ. Юрій Дмитріевичъ увѣреннымъ шагомъ подвелъ барыню къ высокому, деревянному чану, такому же, какъ тотъ, который стоялъ подъ желонкой, и связанному съ нимъ деревяннымъ жолобомъ.

Шурша шелковой юбкой, барыня твердо ступила на липкую землю и приникла всей грудью къ деревянному чану. Онъ стоялъ на землѣ, скользкій и лоснящійся отъ жира, наполненный темнокоричневой нефтью почти до самыхъ краевъ, и спокойно поилъ ручеекъ, который, тихо журча, протекалъ въ узкой канавѣ, неся свое содержимое въ глубокій земляной амбаръ. Барыня жадно глядѣла въ чанъ и тихо шевелила губами, какъ будто собираясь глотнуть эту нефть, которая пѣнилась, какъ старый медъ. Юрій Дмитріевичъ молча глядѣлъ въ чанъ опытнымъ взоромъ любителя-знатока. Солнце зажигало въ нефти милліоны искръ, словно бросая въ нее золотой пе-

сокъ. Огромный деревянный бокалъ, черный, какъ будто высѣченный изъ базальта, могъ бы, казалось, утолить жажду гиганта, а людямъ было все мало, они безъ конца опоражнивали этотъ чанъ и не знали удовлетворенія. Драгоцѣнная жидкость, покрытая свѣтлошеколадной пѣной, переходила въ желобокъ, который, нагло впившись въ чанъ, сосалъ изъ него нефть, чтобъ перелить ее въ канаву.

Барыня пошла теперь вдоль канавы, по теченію ручья. Юрій Дмитріевичъ съ трудомъ поспѣвалъ за нею. Нефть, взволнованная быстрымъ полетомъ въ желонкѣ и дикой скачкой въ желобахъ, билась въ канавѣ, покрытая пѣной. Пѣна вспухала и морщилась, какъ покрывало, подъ которымъ мечется кто-то, охваченный лихорадочнымъ бредомъ. Чѣмъ дальше уходила нефть отъ чановъ, тѣмъ тише становилась она, тѣмъ прозрачнѣе колеблющаяся тонкая пѣна.

Барыня ловко переходила по деревяннымъ доскамъ, переброшеннымъ черезъ нефтяной ручей, вязла въ липкой землѣ, не заботясь болѣе о своемъ туалетѣ. Желтыя ботинки покрылись грязью, платье было забрызгано рыжими, жирными пятнами. Она не разспрашивала Юрія Дмитріевича, который шелъ рядомъ съ ней. Ручей привелъ ихъ къ громадной квадратной ямѣ, наполненной нефтью, задумчивой и спокойной, глядѣвшей въ небо и сбросившей съ себя пушистое покрывало. Гладкая, коричневая поверхность отливала темносинимъ отсвѣтомъ. Неподвижно стояло озеро въ земляномъ резервуарѣ, который носилъ названіе амбара. Укрощенная нефть смиренно вступала затѣмъ въ трубы, безъ сопротивленія подымалась въ гигантскіе металлическіе чаны нефтепровода и безропотно переходила въ другія трубы, которыя ползли по землѣ, перепрыгивали черезъ канавы и уходили въ даль. Словно черная, испорченная кровь, струилась она въ этихъ венахъ, которыя тяжело врѣзывались въ землю, сплетались между собой, лѣзли одна на другую, неся ее въ дымную лабораторію для очистки, въ самое сердце Чернаго Города.

— Однако... какъ это на васъ дѣйствуетъ... — удивленно замѣтилъ молодой человѣкъ своей спутницѣ, увидя, какъ у нея потемнѣли глаза и дрожатъ руки.

Она не отвѣтила.

— А сколько даетъ фонтанъ?—спросила она, когда они повернули обратно.

— До 800 тысячъ пудовъ въ сутки. А такъ какъ онъ бьетъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, то,—даже стихая порой до 400 тысячъ пудовъ... посчитайте-ка, сударыня...

— Сколько же стоятъ 800 тысячъ пудовъ, если ихъ продать сію минуту?

— Среднимъ числомъ до 60 тысячъ рублей.

Она вздрогнула, какъ отъ сильнаго электрическаго удара, и продолжала отрывисто разспрашивать.

— А здѣсь, вотъ здѣсь, бываютъ фонтаны?

— Бывали, да еще какіе. Теперь они рѣдки, да и меньше даютъ.

— Отчего?

— Почва истощена.

— А бываетъ, чтобъ фонтанъ остановился, а потомъ сталъ бить опять?

— Бываетъ.

— А на Биби-Эйбатѣ часты фонтаны?

— Да.

Они оба задумались, механически подвигаясь къ тому мѣсту, гдѣ ждалъ ее фаэтонъ.

Все здѣсь, на промыслѣ, напоминало удивительную небрежность чудака-милліонера, который безумно швыряетъ свои деньги, не вѣря въ истощеніе своихъ богатствъ. Рядомъ съ никуда негодными, ржавыми локомобилями, брошенными на краю дороги, погнувшимися трубами, разломанными желонками, валялись трубы, въ которыхъ струилась нефть. Онѣ вились по проѣзжей дорогѣ тяжелыми сѣрыми шнурами, а тамъ, въ степи никто не слѣдилъ за ними, и часто случалось, что какой нибудь контрабандистъ выкачивалъ нефть, которая не успѣвала дойти до лабораторіи. Желонки, ныряя изъ земли, плевали нефтью, какъ будто бы эта нефть была сущая дрянь. Желоба и чаны протекали; не только канавы, по которымъ шла нефть, но даже земляные амбары не были цементированы. Никто не заботился о попорченныхъ трубахъ, которыя безпечно тратили силу пара, обильно выбрасывая его сквозь щели. Чувствовалось, какъ здѣсь легко достается богатство.

— А здѣсь, по близости, нѣтъ земель, которыя дали-бъ фонтанъ?

Онъ вздрогнулъ.

— Какъ не быть! Взгляните, сударыня, вонъ тамъ, видите степь! Хорошая земля! можетъ подарить такимъ богатствомъ... Ее скоро начнутъ разрабатывать... Особенно двѣ десятины! Жаль, что владѣлецъ безпеченъ, а не то давно бы у него хлесталъ фонтанъ. Вонъ эти десятины...—Онъ указалъ рукою на степь, которая убѣгала вдаль.

Барыня вся встрепенулась, взглянувъ по указанному направленію.

— Это мои десятины!—отозвалась она какъ-то страстно. Юрій Дмитріевичъ рѣзко попятился назадъ.

— Не можетъ быть! — почти крикнулъ онъ, поблѣднѣвъ. Дама обидѣлась.

— Что же я вру? Меня зовутъ Анна Ивановна Терпи-

рогова. Не слышали? Я завтра-же начну работы. Да, завтра, завтра! Медлить нечего. Вотъ вы увидите.

— Такъ вы Анна Ивановна Терпирогова...—повторилъ онъ за ней и сталъ пристально разглядывать ее загорѣвшимся взглядомъ.—Я не сомнѣваюсь, я просто удивился,—оправдывался, онъ, продолжая вглядываться въ ея нервное лицо и потемнѣвшіе страстные глаза.

— Всѣ говорятъ, что земля на славу. Только такой тюфякъ, какъ мой мужъ, могъ спустить почти все состояніе на конный заводъ,—торопливо говорила она, быстро идя впереди него и словно радуясь тому, что она можетъ высказать накипѣвшее негодованіе.—Собственно это и было началомъ нашей ссоры, которая произошла вскорѣ послѣ смерти моего отца. Какъ только я взяла вторую закладную на домъ въ Петербургѣ, я поскакала сюда... Однако... какая здѣсь странная атмосфера... Меня бьетъ лихорадка...

Дѣйствительно, она слегка вздрагивала, точно, въ самомъ дѣлѣ, въ пароксизмѣ.

— Да, послушайте!—рѣзко обернулась она къ Юрію Дмитріевичу, на губахъ котораго застыла недобрая усмѣшка,—вы вѣдь безъ мѣста теперь, поступайте ко мнѣ. Я привезла техника, но у него заболѣла жена, и онъ уѣзжаетъ въ Москву. Я боюсь взять армянина, они всѣ бѣшеные. Ну, что вамъ стоитъ! Вы любите это дѣло! Васъ, не правда-ли, должна вчужѣ интересовать эта вышка, которая дастъ огромный фонтанъ. Ну, что же?—по рукамъ! Заѣзжайте ко мнѣ завтра утромъ въ гостиницу. Объ условіяхъ и говорить нечего,я заранѣе согласна!..

Онъ молчалъ, какъ будто оглушенный этимъ оригинальнымъ предложеніемъ; потомъ вдругъ спохватился и представился, особенно подчеркивая свою фамилію:

— Юрій Дмитріевичъ Андреевъ, — отчетливо произнесъ онъ, низко снимая фуражку, и затѣмъ повторилъ, глядя ей пытливо въ лицо:—Андреевъ, Юрій Дмитріевичъ.

— Анна Ивановна Терпирогова, — кокетливо отозвалась она, дѣлая легкій реверансъ и видимо радуясь тому, что ей удается завербовать этого увѣреннаго и красиваго человѣка, который ей сразу понравился.—Ахъ, я такъ плохо запоминаю фамиліи! — прибавила она тономъ балованнаго ребенка, садясь въ фаэтонъ. — Вы, пожалуйста, не обижайтесь, если я когда-нибудь переврy и вашу...—И, принявъ удобную позу, она добавила съ игривымъ смѣхомъ: я съ трудомъ запомнила и свою...

— Такъ до завтра! — крикнула она, когда фаэтонъ уже тронулся.—Не забудьте же — гостиница «Метрополь»... «Метрополь», не забудете?

— Хорошо, я приду! — отозвался онъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ:—Завтра, утромъ, въ десять часовъ.

Она кивнула ему головой, и фаэтонъ быстро помчался въ городъ.

Онъ безмолвно стоялъ и смотрѣлъ вслѣдъ уѣзжавшему фаэтону. Лицо его опять постарѣло, глаза были странны, недобрая усмѣшка играла на его губахъ.

Ѣхавшій на дорогомъ иноходцѣ татаринъ взглянулъ на него и громко щелкнулъ языкомъ, относя это одобреніе къ эффектной блондинкѣ, которую тотъ провожалъ глазами. Юрій Дмитріевичъ вздрогнулъ, а татаринъ, выпрямившись сразу, какъ стальная пружина, уже летѣлъ во весь духъ въ селеніе, ныряя въ облакѣ пыли.

— Батюшка, Юрій Дмитріевичъ!—вывелъ его изъ задумчивости голосъ Петра Евсѣевича. Старикъ съ краснымъ отъ волненья лицомъ, торопливо бѣжалъ къ нему, держа въ рукѣ комокъ сѣрой глины. Онъ остановился, съ трудомъ дыша, совалъ Юрію Дмитріевичу эту глину и сыпалъ словами.—Глину-то пощупайте, масло—сѣрое масло! Нефти-то сколько! Да вы помните въ рукѣ. Какова? Это не наша. Это изъ буровой Бабадъ-Оглы, того рослаго, молодого татарина. Они тамъ всѣ головы потеряли... Да и шумъ въ буровой сильный... Ждутъ фонтанъ, готовятся, готовятся, батюшка, Юрій Дмитріевичъ...

И старикъ мялъ глину, измазывая свои руки.

— А мой-то,—радостно прибавилъ онъ,—вѣдь дозволилъ бурить дальше въ шестомъ-то номерѣ, — пояснилъ старикъ, встрѣтивъ разсѣянный взглядъ Юрія Дмитріевича.—Какъ же, какъ же, будемъ бурить... Нѣтъ, вы посмотрите только, какая глина!.. Боже мой!

II.

— Куда вы пропали съ самаго утра? Все дѣло стоитъ изъ за васъ! Шатается безъ конца! Это, наконецъ, безобразіе!..

Анна Ивановна выкрикнула все это сразу, безъ передышки и подступила къ Юрію Дмитріевичу, крѣпко сжавъ кулаки. Теперь онъ былъ уже не Юрій Дмитріевичъ Андреевъ, тотъ интересный господинъ, который водилъ ее показывать промысла; она видѣла въ немъ своего служащаго и давала волю нервамъ.

— У насъ тутъ цѣлая исторія приключилась...проклятье, да и только! До какихъ поръ вы намѣрены шататься Богъ знаетъ гдѣ?

Она захлебнулась и на минуту смолкла, указывая бѣлой, обнаженной по локоть рукой на деревянную вышку, подлѣ которой они стояли.

Маленькій, сѣрый осликъ, бѣжавшій по пыльной дорогѣ и тащившій на своей спинѣ глиняные кувшины съ водой, пріостановился и неистово заржалъ, но шедшій рядомъ съ нимъ татаринъ-погонщикъ рѣзко потянулъ его за поводъ, затѣмъ, прислушавшись къ сердитому голосу взбѣшенной женщины, набожно взглянулъ на востокъ. Должно быть, онъ мысленно поблагодарилъ Аллаха, который такъ унизилъ мусульманку, что лишилъ ее права голоса, приказалъ ей чтить своего мужа и молиться ему, какъ Богу. Затѣмъ, когда осликъ смолкъ, татаринъ влѣзъ на него и, свѣсивъ ноги поверхъ глиняныхъ кувшиновъ, предоставилъ ему идти по хорошо извѣстной имъ обоимъ дорогѣ. Но громкій голосъ выходившей изъ себя женщины привлекъ снова его вниманіе, и онъ съ любопытствомъ оглянулся.

Бѣлая, досчатая вышка, которой уже не въ первый разъ приходилось присутствовать при подобныхъ сценахъ, сиротливо глядѣла въ степь, по которой въ различныхъ направленіяхъ скучились промысла.

— Что же, вамъ не угодно отвѣчать на вопросъ? — продолжала Анна Ивановна совершенно охрипшимъ голосомъ.—Я полагаю, что вы вѣдь мой управляющій. Или я ошибаюсь? Служите вы или нѣтъ?

Давно привыкшій къ подобнымъ выходкамъ, онъ спокойно разсматривалъ ея судорожно сведенное гнѣвомъ лицо и, повидимому, забавлялся.

— Анна Ивановна! — возразилъ онъ, пронизывая ее сѣрыми, блестящими глазами и не стараясь скрыть набѣжавшую на его губы улыбку.—Не вы ли сегодня утромъ приказали мнѣ ѣхать въ городъ? Вы сказали, что я профанъ и что вы сами лучше меня знаете буренье. Въ чемъ же дѣло?

— Да, конечно, все я! Не успѣли вы уѣхать, какъ трубы стали; вы должны были предвидѣть—вы управляющій... Какъ только что-нибудь, вы сейчасъ: моя хата съ краю!

— А мнѣ показалось, что и теперь бурятъ, — улыбнулся онъ, прислушиваясь.

— Ну, да—бурятъ. Пришлось позвать Петра Евсѣевича. Онъ намъ помогъ...

Ее видимо раздражало спокойствіе управляющаго, котораго даже не задѣвалъ ея крикъ.

Солнце садилось, и проволока въ стеклянныхъ колпачкахъ фонарей быстро накалялась, готовая вспыхнуть электрическимъ свѣтомъ.

— У насъ все не такъ, какъ у другихъ,—продолжала она свои упреки, и въ доказательство справедливости своего негодованія стала перечислять промысловыя новости тономъ хорошо вытвердившаго попугая:—У Ротшильда бьетъ фонтанъ—

бурить начали въ одно время съ нами. У Бэкбэкова періодическій фонтанъ. У Алаева,—а онъ началъ, куда позже насъ,—тартаютъ. У Сельникова, признаки нефти. А у насъ, что? Камни, да камни, трубы гнутся, въ землю не лѣзутъ. А все вы... Такая изумительная халатность!

— При чемъ тутъ я?—удивился Юрій Дмитріевичъ.—Не я швырялъ въ землю камни, не я гнулъ ваши трубы, не я, наконецъ, рожаю эту нефть.—И, словно наслаждаясь эффектомъ своихъ словъ, онъ съ насмѣшкой произнесъ, пронизывая ее глазами:—Да, и кто, наконецъ, вбилъ вамъ въ голову, что у васъ непремѣнно долженъ быть фонтанъ? Мало здѣсь люди денегъ прорыли, получивъ одни камни!

Она вздрогнула, какъ ужаленная.

— Вы мой управляющій,—крикнула она, блѣднѣя,—и я требую работы. Вы не дѣлаете ночного обхода! Ночью работа стоитъ... Я-то думала: сокровище. Вы просто обыкновенный россійскій байбакъ...

Онъ тонко улыбнулся, словно радуясь тому, что попалъ въ больное мѣсто, и зашагалъ по направленію къ буровой. Анна Ивановна послѣдовала за нимъ, и они оба почти одновременно вступили въ вышку, гдѣ шло буренье. Буравъ тщетно рылся на глубинѣ 214 саженъ, ища той артеріи, которая, разорванная его острымъ ножомъ, хлеснула бы вверхъ нефтянымъ фонтаномъ.

Анна Ивановна окинула довольнымъ взглядомъ мчащіяся колеса машины, радуясь тому, что обстановка ея буровой не хуже, чѣмъ у другихъ. Тотъ же, сидящій спиной къ вращающимся колесамъ флегматичный татаринъ, та же ржавая, торчащая труба, погруженная въ землю, какъ въ огромный сифонъ. Молодая женщина инстиктивно чувствовала по медленному движенію металлическаго штанга, какъ страшно страдаетъ эта терзаемая земля, когда острый буравъ рветъ на части ея тѣло.

Второй рабочій, согнувшійся въ три погибели, крѣпко нажимая руками широкія лопасти мѣднаго рычага, который браслетомъ охватилъ штангъ, налегалъ то правой, то лѣвой рукой, вращая его вмѣстѣ съ буравомъ. Потъ струился съ него градомъ. Не напоминалъ ли этотъ, задыхающійся отъ усталости татаринъ, тупоумнаго палача, который пытаетъ преступника въ то время, какъ инквизиторы страстно ждутъ рокового признанья?

Тьма сгустилась въ вышкѣ. Вспыхнули электрическіе фонари. Флегматичный татаринъ, сидѣвшій на помостѣ, равнодушно глядѣлъ на своего согбеннаго коллегу и затянулъ пѣсню. Громко пронеслись горловые звуки и перешли въ страстныя рыданья, которыми востокъ одинаково выражаетъ и радость,

и горе. Казалось, что этотъ дикарь плачетъ вмѣсто земли, которая, не смотря на пытку, хранитъ величавое молчаніе.

Все громче рыдалъ татаринъ, захлебываясь отъ слезъ, воспѣвая радости жизни, любовь и черноокихъ дѣвъ, тихо скрипя, аккомпанировали ему колеса машины, а рабочій, согнувшійся въ три погибели надъ ржавой трубой, тихо стоналъ, не смѣя расправить наболѣвшую спину.

Властнымъ движеніемъ подхватила Анна Ивановна своего управляющаго, причисляя его къ прочимъ деталямъ своей буровой, вцѣпилась пальцами въ широкій рукавъ его сюртука и увлекла на просторъ. Степь въ сгущавшихся сумеркахъ казалась огромнымъ столомъ, перекрытымъ сѣрой, пеньковой скатертью, а черныя, почти исчезавшія вышки силуэтами гигантскихъ самоваровъ, гостепріимно пыхтящихъ въ ожиданіи многочисленныхъ гостей.

Крѣпко опираясь на руку своего невольнаго кавалера, молодая женщина, чувствуя потребность загладить прежнюю грубость, заговорила, обращаясь къ нему мягкимъ, ласковымъ голосомъ:

— Вы не сердитесь, Юрій Дмитріевичъ, что я такъ давеча погорячилась. Переживите съ мое, тогда посмотримъ, какъ уцѣлѣютъ ваши нервы. Ахъ, сколько мнѣ пришлось бороться!.. Да что вы все отъ меня какъ будто уходите?—окончила она, перемѣнивъ тонъ.

Онъ взглянулъ на нее, удивленный этимъ страннымъ упрекомъ, потому что шелъ рядомъ съ нею въ ногу.

— Да!—продолжала она, гуляя взадъ и впередъ передъ буровой, изъ которой по прежнему неслась пѣсня. — Вы отъ меня уходите... О, мы, женщины, это всегда отлично чувствуемъ.

Ея настроеніе перемѣнилось. Ей опять нравился этотъ непроницаемый взглядъ сѣрыхъ глазъ, эта злобная усмѣшка, подчасъ кривившая его губы, и ядовитыя слова, которыми онъ ее кололъ, какъ булавками. Въ немъ чувствовала она сильную волю и была не прочь ей покориться. А онъ, какъ въ первый день ихъ знакомства, былъ такъ же равнодушенъ и словно не понималъ, что побѣда за нимъ.

Молодая женщина остановилась, ожидая отвѣта.

Юрій Дмитріевичъ равнодушно смотрѣлъ на степь, сморщивъ брови и сильно занятый какимъ-то интереснымъ соображеніемъ. Вышка свѣтила имъ, какъ лампа, и они ясно видѣли другъ друга.

— Ахъ, сколько мнѣ пришлось перестрадать изъ за этой земли, — начала опять молодая женщина жалобнымъ тономъ обиженнаго и страдающаго ребенка. Она пробовала различныя средства: грубость, презрѣнье, страстность, теперь она прибѣгала къ послѣднему и ловко входила въ роль. Голосъ

ея былъ гибокъ и нѣженъ, и онъ съ интересомъ прислушивался къ ея новой манерѣ. Она являлась уже ему спортсменкой, увлекающейся гонками, велосипедомъ и яхтъ-клубомъ. Затѣмъ она обратилась въ разлѣнившуюся помѣщицу, гостепріимную, радушную; затѣмъ рѣзко перемѣнила тонъ, заговорила съ цинизмомъ накрашенной пѣвицы, поражая его дикими и подчасъ неумѣстными эксцентричностями. Подъ конецъ она уже дала волю своему необузданному характеру, топала ногами, говорила грубости... Онъ сталъ еще холоднѣе. Это ее испугало: ей захотѣлось оправдаться, разсказать, какъ ее трепала жизнь, развинчивая нервы; она искренно принялась болтать ему о своемъ глупомъ мужѣ, деспотичномъ отцѣ, о вѣчной борьбѣ, которую ей приходилось вести. Это былъ послѣдній ходъ. Она поняла, что имѣетъ дѣло съ сильнымъ характеромъ, и взять его можно, только притворившись слабой, разбитой, нуждающейся въ покровительствѣ благороднаго и сильнаго человѣка.

Она остановилась передъ нимъ и стала разсказывать.

— Юрій Дмитріевичъ! эта земля, которую вы видите, принадлежала моей матери, она была родомъ съ Кавказа. Когда началась здѣсь добыча нефти, я была замужемъ, а мать давно умерла. Я вспомнила, что у меня есть земля, когда на нефти стали наживать милліоны. Оказалось, что мой отецъ, не смотря на то, что земля была моей по завѣщанію матери, отдалъ ее какому-то проходимцу въ уплату ничтожнаго карточнаго долга. Отца уже не было въ живыхъ, когда я начала процессъ: Еслибъ не одинъ извѣстный адвокатъ, который мнѣ помогъ, я бы навѣрное проиграла. Проиграла... мой мужъ не соглашался судиться, такой дуракъ! Три года тянулось дѣло: сколько я мучилась, сколько страдала, пока удалось согнать этого наглеца, который прочно разсѣлся на моей землѣ и началъ даже бурить. Замѣтьте, я, женщина, все это сдѣлала, я побѣдила его, онъ ушелъ отсюда нищ...

Она вдругъ смолкла. Передъ ней было блѣдное лицо съ искривленнымъ судорогой ртомъ и горящими ненавистью глазами. Вся дрожа, она не спускала съ него глазъ, словно очарованная змѣинымъ взглядомъ.

— Такъ это вы?—глухимъ, подавленнымъ голосомъ спросила она.

— Да, это я!..

Они съ ненавистью глядѣли другъ на друга.

— Я васъ не боюсь,—страстно отозвалась она, смѣривъ его ироническимъ взглядомъ.

Ихъ глаза встрѣтились—и казалось, что въ темнотѣ сверкнула искра отъ столкновенія этихъ людей, съ одинаково сильными характерами и волей.

Мало-по-малу оба пришли въ себя.

— Объясните, какая цѣль руководила вами, когда вы поступили ко мнѣ?—спросила она повелительнымъ тономъ.

Онъ отвѣтилъ уклончиво.

— Есть люди, которые особенно дорожатъ тѣмъ домомъ, гдѣ умеръ дорогой человѣкъ, другіе, напротивъ, бѣгутъ изъ него, боясь связанныхъ съ нимъ воспоминаній.

— Да и я то хороша!—спохватилась она.—Не догадалась! Проклятая память: Андреевъ, Алексѣевъ, Александровъ,—все это такъ похоже. Къ тому же, мнѣ говорили, что вы, проигравъ дѣло, застрѣлились. И вдругъ воскресли... Давно вы здѣсь? Вѣдь съ тѣхъ поръ прошло добрыхъ три года.

— Ахъ, молоды вы,—какъ будто жалѣя его, вздохнула она.—Надо было уступить. Какая польза тратить жизненную энергію въ безплодной борьбѣ? За меня было право, законъ... Вы вѣдь знали, что не можете выиграть?

— Вѣрныхъ дѣлъ нѣтъ,—холодно отвѣтилъ онъ.

Она подумала, и, перебирая старыя воспоминанія, сказала:

— Пожалуй, что вы правы... О, мой мужъ ни за что не соглашался на судебный процессъ!..

— Откуда же вы въ такомъ случаѣ взяли деньги?—спросилъ онъ, въ свою очередь, глядя ей въ глаза.

— Не ваше дѣло,—отвѣтила она гнѣвно...

— Ааа...—иронически протянулъ онъ:—другъ-адвокатъ давалъ не одни совѣты, но и средства...—Но она уже оправилась и на ея лицѣ не замѣтно было смущенія.

— Допустимъ,—кинула она холодно и вызывающе посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Отчего же вы такъ медлили? Я терпѣнье потерялъ, ожидая, когда вы начнете бурить!

— Такъ вы меня караулили?—Она взглянула на него съ любопытствомъ.—У меня не было денегъ...

— Ну, а другъ-адвокатъ, почему онъ не помогъ дальше?

Она отвѣтила просто:

— Въ то время одинъ милліонеръ прорылъ все свое состояніе, это насъ отрезвило... Самъ онъ тоже нѣсколько запутался... Я выжидала...

— Напрасно. Если бы вы согласились тогда на мои условія, мы оба были бы уже богаты.

Молодая женщина громко расхохоталась.

— Ну, нашли дуру!—сказала она съ грубымъ цинизмомъ и снова засмѣялась.

Ей стало весело, она добилась своего: заинтересовала этого сильнаго человѣка, у котораго отняла землю. Онъ видимо изучалъ ее, какъ изучаютъ врага, съ которымъ надо считаться.

— Такъ вотъ она, ваша несчастная, безнадежная любовь!

Она разсматривала его съ новымъ интересомъ, удивляясь своему волненію. Она знала, что отнынѣ они враги, и тѣмъ не менѣе ее тянуло къ нему, она не старалась скрыть, что онъ ей нравится.

— Что ни говорите, а страсть великое дѣло... Она кладетъ свою особую печать. Посмотрите на себя въ зеркало,— вы, право, интересны: блѣдность, отдающая синевой, тонкая судорога въ лицѣ, въ глазахъ огонекъ, готовый вспыхнуть пожаромъ. Право, я повѣрила, что вы безумно влюблены въ женщину! Впрочемъ, вѣдь можно же имѣть страсть къ вину, къ картамъ! Почему не имѣть страсти и къ нефти?.. Мнѣ очень нравятся такія лица... А?.. Признайтесь, вы меня очень ненавидите? Вы бы много дали, чтобъ меня задушить?..

Она говорила быстро и возбужденно, показывая свою гибкую и красивую шею.

— Къ чему?—равнодушно отозвался онъ, пожимая плечами.

Она напоминала человѣка, который переворачиваетъ золу потухшаго камина, напрасно стараясь найти тлѣющій уголекъ.

— Что жъ, если я сдѣлала несправедливость, я готова загладить. Тогда было одно, теперь другое. Я бы вамъ, пожалуй, дала пай... но вѣдь вы откажетесь...

Онъ засмѣялся.

— Пай?.. Во первыхъ, я вамъ не вѣрю, а во вторыхъ, я у васъ дѣйствительно ничего не возьму...

— Что жъ! Если вы меня такъ хорошо изучили...—Она вдумчиво и пытливо посмотрѣла на него.

Да, онъ ее изучилъ, это была правда. Онъ держался, какъ тонкій политикъ, молодая женщина понимала, что если онъ терпѣлъ ея грубости, покорно бурилъ ту землю, которая нѣкогда принадлежала ему, ждалъ съ нетерпѣніемъ фонтана, не спалъ по ночамъ,—то здѣсь была какая то тайна. А тайну эту она не могла разгадать. Ее разжигала эта глухая борьба, ей представлялось, что это испанская дуэль въ темной пустой комнатѣ, гдѣ оба противника бѣшено наносятъ другъ другу удары ножомъ. Ея управляющій ловокъ, но за то и она сильна, потому что за нее законъ. Она наслаждалась, чувствуя, какъ мнетъ его на землѣ и топчетъ ногами. Убей онъ ее, все равно, милліоны перейдутъ къ ея наслѣдникамъ, и онъ останется нищимъ. Онъ скоро смирится, запроситъ пощады, тогда...

Рѣзкій говоръ смѣнилъ пѣсню, и затѣмъ татаринъ, сидѣвшій на помостѣ, сталъ громко звать. Юрій Дмитріевичъ, задумчиво глядѣвшій въ степь, по которой кучами звѣздъ разсыпались электрическіе фонари, встрепенулся и со всѣхъ ногъ бросился къ буровой. Анна Ивановна, не понимавшая горло-

вого нарѣчія своихъ рабочихъ, послѣдовала за нимъ въ увѣренности, что опять случилась какая-нибудь бѣда. Татаринъ привсталъ на помостѣ и что то торопливо говорилъ, второй рабочій бросилъ буравъ и, отойдя въ сторону, скалилъ зубы, бѣлые, какъ у овцы. Въ два прыжка очутился Юрій Дмитріевичъ надъ желѣзной трубой, почти припалъ ухомъ къ металлическому штангу, который длиннымъ шнуромъ уходилъ въ землю, и кровь бросилась ему въ лицо. Теперь и Анна Ивановна поняла: она тоже склонилась рядомъ съ нимъ надъ трубой, почти касаясь лицомъ его лица, припала щекой къ безпомощно свѣсившемуся рычагу, толстыя ручки котораго были испачканы клейкимъ потомъ грязнаго рабочаго, и затаила дыханіе. А земля кричала имъ въ эту гигантскую трубу, какъ въ рупоръ. Она говорила не членораздѣльной рѣчью, молила о томъ, чтобъ ее перестали терзать, обѣщала фонтанъ. Глухой шумъ все росъ, словно въ чьей то груди кипѣлъ сильный гнѣвъ.

Она первая отпрянула назадъ, сообразивъ, что теперь нельзя тормозить работы: татаринъ снова уперся въ рычагъ, налегъ обѣими руками на его короткія плечи и, ворочая его, то вправо, то влѣво, сталъ опять терзать буравомъ глубоко вздыхавшую землю.

Молодая женщина закрыла лицо руками и страстно промолвила, тяжело переводя духъ:

— Это онъ, онъ... Ахъ, поскорѣе бы, что ли!..

Затѣмъ она вся выпрямилась и впилась широко раскрытыми глазами въ металлическій штангъ.

Татаринъ, сидѣвшій на помостѣ, мечталъ о смѣнѣ. Вся вышка была ярко озарена электричествомъ, которое лило свѣтъ изъ тонкихъ стеклянныхъ колпачковъ и тихо мигало. Юрій Дмитріевичъ, блѣдный, съ торжествующей улыбкой на губахъ, неумѣстной и даже странной, побѣжалъ дѣлать распоряженія. Надо было позаботиться обо всемъ, построить земляной амбаръ, приготовить балки и стальныя плиты.

А хозяйка буровой ничего не видѣла, кромѣ этой ржавой трубы, которая врѣзалась въ землю.

Татаринъ снова попробовалъ коротать время горловой пѣсней, но она сердито оборвала его движеньемъ руки.

Страшная мысль мелькнула въ ея головѣ. А вдругъ, когда брызнетъ фонтанъ... Достаточно одной искры, чтобъ всю нефть обратить въ море огня. Юрій Дмитріевичъ ей врагъ, открытый, открытый врагъ! Одна искра, и все погибло. Отказать ему — глупо. Степь велика, онъ будетъ все равно здѣсь. Нѣтъ, она не уѣдетъ въ городъ, останется, чтобы слѣдить за нимъ, не выпускать его изъ глазъ. Какъ змѣя, она будетъ ползти туда, куда онъ пойдетъ. Малѣйшее движеніе, и она вцѣпится въ его

горло... Она задыхалась отъ страха. А если онъ подкупитъ кого нибудь изъ рабочихъ?..

Онъ появился на порогѣ.

— Я, Анна Ивановна, распоряжаюсь насчетъ амбаровъ и стальныхъ плитъ.

Онъ проговорилъ все это спокойнымъ голосомъ, на его лицѣ была радость. Словно угадавъ ея мысли, онъ гордо посмотрѣлъ ей въ глаза.

— Анна Ивановна!—сказалъ онъ, наклоняясь къ ея лицу, и такъ тихо, чтобъ его не могли слышать рабочіе:—Анна Ивановна! чѣмъ заслужилъ я у васъ такое оскорбительное подозрѣніе?

— Откуда я знаю, что вы тамъ еще придумали! Вы—врагъ...

— Если я захочу мстить,—возразилъ онъ холодно и спокойно,—то нанесу ударъ при всѣхъ. Только подлецы любятъ тьму... Къ тому же, вы умная женщина, но плохо соображаете. Если я сожгу или испорчу одинъ фонтанъ, то завтра тысяча рукъ помогутъ вамъ поставить вторую буровую. Эта месть была бы просто глупа!

Она взглянула на него, и ея страхъ разсѣялся. Онъ стоялъ передъ ней такой гордый, спокойный, онъ не могъ быть низкимъ поджигателемъ. Къ тому же такая искренняя радость свѣтилась въ его глазахъ. Чему онъ радовался? Неужели фонтану?

— Юрій Дмитріевичъ!—обратилась она къ нему, крѣпко сжимая свои руки:—Я не поѣду домой ночевать. У васъ здѣсь двѣ комнаты, вы мнѣ уступите одну. «Онъ» вѣдь можетъ вырваться ночью... И это скоро, вопросъ всего нѣсколькихъ дней. Нѣтъ, я въ городъ не поѣду, я останусь на промыслахъ.. Я вѣрю, что это будетъ ночью...

Теперь она не лукавила и дѣйствительно хотѣла остаться ради фонтана. Фонтанъ представлялся ей чѣмъ-то живымъ, могучимъ и щедрымъ. Этотъ взглядъ былъ не новъ. Такъ смотрѣли на него всѣ работавшіе на промыслахъ. Когда онъ вырывался изъ земли, грязный, грубый, въ сдвинутой на затылокъ бѣлой папахѣ изъ клокочущей пѣны—всѣ разомъ теряли головы. Онъ нагло кричалъ, богохульствуя, забрызгивалъ церковь, скромно стоявшую на краю промысловъ, шипѣлъ, ругался, швырялъ песокъ. Ему все прощали. Передъ нимъ всѣ раболѣпствовали. Онъ не терпѣлъ огня, и въ угоду этому неистовствующему деспоту на промыслѣ старались не зажигать огней и ѣли холодную пищу. Никто не смѣлъ подумать о папиросѣ. А хозяинъ радостно принималъ этого грубаго нахала, какъ почетнаго гостя, и говорилъ знакомымъ, захлебываясь отъ восторга: «А у насъ фонтанъ»!

О немъ говорили. Онъ былъ настоящимъ новорожденнымъ героемъ...

Какъ ему радовались! Милліонеры, оглушенные его бранью, бѣгали передъ нимъ взадъ и впередъ, какъ лакеи. Но ему нельзя было угодить. Онъ плевалъ имъ въ лицо, а они тихо вытирали его плевки въ надеждѣ на щедрую подачку. У него былъ цѣлый штатъ придворныхъ, почетная стража изъ дикихъ грузинъ, которые уже за версту не допускали къ нему никого и, преданные ему, какъ янычары, хватались за кинжалъ всякій разъ, когда имъ казалось, что его хотятъ оскорбить, чиркнувъ спичкой. Одни тащили ему стальныя плиты, другіе доставляли балки, третьи расчищали песокъ.

Наконецъ, собравшись съ духомъ, его прикрывали толстой, стальной плитой, которую съ трудомъ поддерживали огромныя балки. Тогда онъ начиналъ злиться и принимался сверлить въ ней дыру, буравилъ круглое отверстіе и, рванувшись впередъ, взлеталъ широкимъ столбомъ, покрытымъ ревущей пѣной. Плиту замѣняли новой, а люди не только на него не сердились, но даже радовались его аппетиту и, гордясь его силой, говорили: «Онъ съѣлъ плиту въ двадцать четыре часа».

Ему предоставляли портить вторую, третью... и, наконецъ, опьяненный собственнымъ гуломъ, уставшій, какъ нажравшійся удавъ, онъ утихалъ. Его охватывало желаніе отдохнуть. Онъ уходилъ въ землю и иногда временно переставалъ бить.

На промыслахъ всѣ переводили дыханіе, хозяинъ считалъ барыши, а про него говорилъ: «Фонтанъ теперь спитъ».

Онъ же, зарывшись въ землю, переваривалъ эти стальныя плиты, и, если его опять охватывало тщеславіе, онъ величественно появлялся, вырвавшись съ дикимъ ревомъ изъ своей берлоги.

Иногда, впрочемъ, онъ спалъ долго, тогда люди испуганно переглядывались между собой и рѣшали, что его надо будить. Наглая, сверкающая желонка влетала въ его берлогу и, если онъ не заползъ въ самую глубь земли, то, увидя ее, бѣшеный выскакивалъ на поверхность и опять принимался неистовствовать. Онъ ревѣлъ, потому что гнѣвъ разрывалъ его грудь, захлебывался пѣной и оглушалъ весь промыселъ.

Со всѣхъ домовъ грязными каплями стекала нефть, земля покрывалась липкимъ жиромъ.

Съ нимъ приходилось считаться, съ этимъ богачемъ-самодуромъ. Его чудачествамъ не было конца. Угадать, что его могло разозлить, было невозможно. Иногда онъ вставалъ съ лѣвой ноги, и ни съ того, ни съ сего, уходилъ обратно въ землю, забивая отверстіе трубы грудой камней, не желая слышать криковъ отчаянія, которыми его провожали. Тогда за

нимъ опять начинали ухаживать, чтобы выманить его изъ подъ земли.

Но это было еще одно изъ самыхъ безобидныхъ его чудачествъ. Порой онъ одѣвался въ огненную ризу, загорѣвшись отъ извѣстной ему одному причины, и его бѣлыя кудри вились по небу огромными клубами дыма. Все бѣжало... Вышки загорались одна за другой, какъ свѣчи... А самъ фонтанъ, какъ гигантскій факелъ, озарялъ промыселъ и прилегающій городъ, пугая не только людей, но даже самую ночь, которая въ ужасѣ торопилась уйти.

Онъ радовался, дико, необузданно хохоталъ, видя, что за версту отъ него стоятъ люди и глазѣютъ, не смѣя къ нему подойти.

Онъ кичился передъ ними, обращался въ огромный золотой столбъ, блестящій, какъ имперіалъ, вышедшій первый разъ изъ государственнаго банка, трясъ длинными, бѣлыми, слегка позолоченными кудрями дыма, а въ серединѣ, отъ самой трубы, тонкой струей подымалась вверхъ не успѣвавшая загорѣться нефть и тянулась безконечной ниткой чернаго жемчуга.

Толпа зѣвакъ глазѣла, вздыхала и мысленно подводила итогъ, во сколько милліоновъ рублей должна обойтись эта дикая выходка.

Потомъ ему пріѣдалось и это, тогда онъ опять мѣнялъ одежду и весь, сверху до низу, одѣвался въ красное или вспыхивалъ ослѣпительнымъ бѣлымъ свѣтомъ магнія.

Онъ самъ пьянѣлъ отъ своего рева и блеска. Дико кричалъ совершенно охрипшимъ голосомъ, швыряя въ небо пригоршни бѣлыхъ, крупныхъ бриллiантовъ, которые каждый разъ съ трескомъ взлетали вверхъ милліонами цвѣтныхъ огней, отливая иногда тонкимъ, голубымъ свѣтомъ.

Но люди, ждавшіе его появленія, надѣялись, слыша, какъ онъ шумитъ въ землѣ, что онъ выползетъ въ хорошемъ расположеніи духа, въ затрапезномъ костюмѣ, обрызганный черною нефтью, съ непричесанными волосами изъ клокучущей пѣны. Они готовились встрѣтить его съ подобострастной улыбкой, какъ встрѣчаютъ лакеи моднаго ресторана самодура-купца, зная, что онъ всѣхъ обругаетъ, перебьетъ зеркала и посуду, но щедро заплатитъ за все и подаритъ много на чай.

На промыслахъ уже провѣдали, что въ буровой, которая одиноко стоитъ въ степи, ждутъ фонтана, и всѣ сломя голову хлынули къ ней. Вокругъ трубы собрался цѣлый консиліумъ, всѣ жадно слушали шумъ и радостно поздравляли хозяйку, увѣряя ее, что эта почва родитъ богатыря.

III.

Прошло нѣсколько дней. Наступила одна изъ тѣхъ ночей, которыми вообще славится Закавказье. Небо покрылось тусклыми звѣздами, какъ будто ихъ залили слезы, и хмуро смотрѣло на землю, прислушиваясь къ свисту норда, который сопѣлъ, словно двигая огромный корабль. Слышался шумъ парусовъ, которые судорожно бились, порванные въ клочья. Волны воздуха клубились въ пространствѣ и ревѣли, какъ океанъ во время шторма. Тьма облекала непроницаемой тайной этотъ хаосъ, который происходилъ гдѣ-то наверху, надъ землей; небо плакало, роняя крупныя слезы, а нордъ молодецки свистѣлъ, подбодряя кого-то, который тонулъ въ этомъ разгулявшемся воздухѣ. Вихрь подымалъ песокъ, ставилъ запруды, сметая его въ холмы, и швырялъ кому-то вдогонку мелкіе камни.

Огонь въ лампѣ, стоявшей на столѣ, каждый разъ ярко вспыхивалъ, когда вѣтеръ влеталъ на веранду, гдѣ она находилась. Это былъ крайній домъ на всѣхъ промыслахъ, и буря, рѣзвившаяся въ степи, особенно яростно набрасывалась именно на него. Не смотря на поздній часъ (уже близилось утро), на верандѣ гулко отдавались шаги человѣка, который быстро ходилъ взадъ и впередъ, заложивъ за спину руки. Этотъ человѣкъ, которому не спалось, былъ Юрій Дмитріевичъ Андреевъ, управляющій Анны Ивановны Терпироговой. За эти нѣсколько дней онъ замѣтно похудѣлъ и сталъ очень нервнымъ. Онъ задумался и не слышалъ сердитаго норда, забылъ, что скоро будетъ восходъ. Спать ему не хотѣлось...

Особенно сильный порывъ съ громкимъ стукомъ распахнулъ дверь, которая вела въ комнату. Юрій Дмитріевичъ подошелъ къ ней, чтобы ее закрыть, но вдругъ на порогѣ появилась фигура, какъ будто внезапно родившаяся въ темнотѣ. Онъ вздрогнулъ, невольно подавшись назадъ, но Анна Ивановна (это была она), заговорила съ нимъ и разсѣяла своимъ голосомъ то жуткое чувство, которое было вызвано ея неожиданнымъ появленіемъ. Она, дѣйствительно, походила на призракъ. Небрежно наброшенный бѣлый батистовый пенюаръ, почти не застегнутый, падалъ съ ея плечъ широкими складками, облекая ее, какъ саванъ. Толстый жгутъ отъ туго скрученныхъ волосъ свѣсился длинной струей на плечо, придерживаемый одной шпилькой, которая уже еле держалась. Широко раскрытыми, воспаленными глазами она старалась пронизать тьму, которая сгустилась вокругъ освѣщенной веранды, и глухо стонала, трепеща отъ страха, когда злобный нордъ принимался свистѣть.

— Мнѣ что-то не спится... Въ такія ночи у меня пересыхаетъ горло, и я пью безъ конца...

Она пошевелила пересохшими губами и быстро подошла къ краю веранды. Она смотрѣла въ степь, изрѣдка подаваясь назадъ, когда грубый вѣтеръ бросалъ ей въ лицо пескомъ.

— Юрій Дмитріевичъ! Уже четверть часа, я слышу... вы ничего не слышите, Юрій Дмитріевичъ?

Она снова насторожилась.—Нѣтъ, это не можетъ быть вообраҗеніе; слышно такъ ясно.

Онъ остановился и сталъ прислушиваться.

— Нѣтъ, это вамъ кажется.

Она снова насторожила уши, потомъ вдругъ рванулась впередъ, бросилась къ лѣстницѣ, чтобы бѣжать въ степь.

Но онъ быстро остановилъ ее, схвативъ за руки и притянулъ къ себѣ. Истолковавъ это внезапной заботливостью, она усмѣхнулась...

— Пустите... Это «онъ»... мнѣ ничего не сдѣлается въ степи...

Онъ молчалъ. Озадаченная этимъ молчаніемъ и тѣмъ, что онъ все сжималъ ея руку, она сказала нервно:

— Какъ это глупо! Пустите же, наконецъ!

— Мнѣ нужно потолковать съ вами о дѣлѣ, Анна Ивановна!

— Ахъ, да теперь не время... Слышите, слышите... это фонтанъ!.. Пустите!

Вѣтеръ стихалъ и теперь уже ясно слышался шумъ точно отъ огромнаго водопада. Она не ошиблась. Но онъ еще крѣпче сжалъ ея руку, глядя прямо въ глаза страннымъ остановившимся взглядомъ.

— Анна Ивановна,—отчеканилъ онъ, старательно произнося каждое слово.—Куда вамъ торопиться?.. Мнѣ, положимъ, лестно ваше вниманіе, но... позвольте васъ спросить, какое вамъ дѣло до *моего* фонтана?

Она онѣмѣла отъ удивленія.

— Юрій Дмитріевичъ! вы бредите!..

Онъ наклонилъ къ ней свое блѣдное лицо, съ искаженнымъ судорогой ртомъ и горящими глазами.

— Нѣтъ, сударыня, я не сумасшедшій.

— Боже мой! Я этого и не говорила,—испуганнымъ голосомъ прошептала она. — Кто говоритъ, что вы сумасшедшій? Но... вы нездоровы, у васъ лихорадка.

Въ сущности, она уже не сомнѣвалась, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ...

— Вы останетесь, Анна Ивановна! — спокойно произнесъ онъ.—Мы сведемъ нѣкоторые счеты.

— Ну, что-жъ,—сказала она безпомощно, не стараясь уже

освободиться. — Счеты... да... конечно... ну, хорошо, будемъ сводить счеты...

У нея заплетался языкъ.

— Ну, такъ слушайте же,—началъ онъ.—Я буду говорить, а вы поправляйте.

Она съ отчаяніемъ повернула голову, ища глазами фонтанъ, который ревѣлъ въ темнотѣ, и всетаки покорилась.

— Я служилъ въ Москвѣ, Анна Ивановна, когда встрѣтился со старикомъ—генераломъ Васильевымъ, вашимъ отцомъ. Онъ предложилъ мнѣ принять двѣ десятины земли въ уплату карточнаго долга, т. е. тѣ пресловутыя двѣ десятины, изъ за которыхъ мы тягались съ вами въ теченіе трехъ лѣтъ. Никто не зналъ о томъ, что эта земля нефтеносна, и я долго колебался, боясь оскорбить генерала отказомъ. Въ это время подвернулся Грибаевъ, который только ставилъ первую вышку въ этой степи: онъ убѣдилъ меня взять землю... Я написалъ купчую крѣпость, и мы ударили по рукамъ. Генералъ вскорѣ умеръ. Дѣла Грибаевыхъ пошли блестяще. За нимъ стали бурить другіе, явился промыселъ. Какъ только я получилъ маленькое наслѣдство, я тоже поспѣшилъ сюда...

Она, нетерпѣливо тряхнувъ головой, попробовала его оборвать.

— Да, да! но я вѣдь все это знаю. Къ чему вспоминать? Я была слишкомъ безпечна, но потомъ спохватилась и начала процессъ. Земля осталась за мной. Вы сломали вышку... все это уже извѣстно.

— Совершенно вѣрно,—подхватилъ онъ, не позволяя ей двинуться съ мѣста.—Все это, дѣйствительно, извѣстно. Проигравъ процессъ, я поступилъ къ Грибаеву и сталъ поджидать. Я не могъ уѣхать, Анна Ивановна. Понимаете: не могъ! Я хотѣлъ видѣть, что дастъ эта земля, которую вы отняли. Вы,—помните?—думали, что я влюбленъ. Да, это и была любовь, страстная и безнадежная... Тогда она была безнадежна, Анна Ивановна!

Она зорко слѣдила за нимъ, значительно успокоенная ровнымъ тономъ его рѣчи, и снова попробовала его оборвать:

— Хорошо, хорошо. Но у меня нѣтъ времени выслушивать эти лирическія изліянія. Пустите меня или пойдемте вмѣстѣ... Слышите... Какъ «онъ» однако шумитъ!

Юрій Дмитріевичъ смѣрилъ ее глазами и продолжалъ тихимъ голосомъ.

— Одно странное обстоятельство бросилось въ глаза моему адвокату, и, когда я проигралъ дѣло въ послѣдней инстанціи, онъ далъ мнѣ добрый совѣтъ.

— Какой совѣтъ? Какое обстоятельство? — переспросила она съ легкимъ безпокойствомъ.

— Было что-то странное въ поведеніи вашего мужа. Онъ былъ противъ процесса, онъ не далъ вамъ денегъ на веденіе дѣла (это знали всѣ) и, внезапно заболѣвъ, уѣхалъ за границу. Вашъ отецъ, такой честный человѣкъ, такой строгій и притомъ формалистъ до мозга костей, какъ могъ онъ продать мнѣ ту землю, на которую не имѣлъ никакого права, и для чего? Вѣдь онъ тогда имѣлъ достаточно денегъ, чтобъ заплатить долгъ въ нѣсколько сотенъ рублей...

Она насупилась и молчала.

— Мой отецъ выжилъ изъ ума!—сорвалось съ ея губъ.— А мой мужъ былъ извѣстный дуракъ...

Онъ смѣрилъ ее ироническимъ взглядомъ.

— Такъ ли, Анна Ивановна? Я долго искалъ и нашелъ въ одномъ селеніи, недалеко отсюда, одного старика, который отлично зналъ и генерала, и генеральшу Васильевыхъ.

Онъ сдѣлалъ паузу. Анна Ивановна вся сжалась, какъ будто увидѣвъ надъ собой сильную руку, и готовилась отразить ударъ.

— Ну такъ что-же?—процѣдила она сквозь зубы.

— Этотъ старикъ прекрасно зналъ землю, которая принадлежала вашей матери и должна была перейти къ вамъ. Онъ привелъ меня, — вы слышите, Анна Ивановна? — въ селеніе, которое находится здѣсь по близости. Старикъ зналъ хорошо дорогу. Мы вступили въ огромный заброшенный виноградникъ, въ которомъ росли, между прочимъ, гранатовыя деревья и винныя ягоды. Домъ былъ заколоченъ и почти сгнилъ. «Вотъ это», сказалъ онъ и потомъ прибавилъ: генеральша была грузинкой, это ея земля, а вотъ тутъ, видите ли это разросшееся дерево, на него часто влѣзала ея малютка — дочь... Что вы скажете, Анна Ивановна, объ этихъ воспоминаніяхъ дѣтства?

Она съ силой вырвалась изъ его рукъ и кусала губы.—Я скажу,—произнесла она съ дѣланнымъ спокойствіемъ, стараясь овладѣть своимъ волненіемъ.—Я скажу, что я не умѣю ухаживать за больными. Я не знаю, что съ вами дѣлать? У васъ тифъ!

Онъ засмѣялся короткимъ смѣхомъ.

— А знаете, какъ называется то, что у васъ?

— Что такое?

— Захватъ чужой земли.

Она поблѣднѣла и вздрогнула.

— Вы говорите чушь!—крикнула она, теряя терпѣніе.— Вы сумасшедшій! Земля моя! Мнѣ ее отдалъ судъ.

— Да, это правда, Анна Ивановна, у васъ есть земля, но мы говоримъ на разныхъ языкахъ. Вашъ отецъ продалъ мнѣ свою собственную землю, а та земля, которая осталась вамъ послѣ матери, ее никто и не думалъ у васъ отнимать...

Но, знаете ли, вы плохая хозяйка: изъ за чужихъ фонтановъ вы слишкомъ запустили свои виноградники...

— У моего отца не было земли,—отвѣтила она спокойно.

— Нѣтъ, была.

— А гдѣ документы? — спросила она, впиваясь въ него глазами.—Документы гдѣ?

— Къ чему документы?—возразилъ онъ, мысленно удивляясь ея спокойствію.—У меня есть свидѣтели. Они докажутъ, что вашъ отецъ владѣлъ этой землей свыше десяти лѣтъ и что это именно та земля, изъ за которой мы съ вами тягались.

— А кто ваши свидѣтели?—продолжала она, и голосъ ея становился все холоднѣе и жестче.—Татары?.. Персы?..

— Да, татары, очень уважаемые и даже престарѣлый мулла.

Она засмѣялась.

— Ну, я вамъ не совѣтую заваривать каши. Вы опять проиграете, какъ и въ тотъ разъ съ вашими покупными свидѣтелями.

— Вы ошибаетесь,—они мусульмане, на ложную клятву они не способны.

Она презрительно пожала плечами.

— Если они покажутъ то, что вы говорите—они солгутъ. Но, можетъ быть, у васъ въ виду что нибудь другое?

— Я обвиняю васъ, Анна Ивановна, въ томъ, что вы, начавъ дѣло, отлично все знали и поступили недобросовѣстно. Вы мнѣ заплатите за всѣ убытки, отдадите сполна весь вашъ фонтанъ.

Она взглянула на него исподлобья.

— Вы сами не знаете, что говорите. Богъ знаетъ, что пришло вамъ на умъ...

Съ этими словами она круто повернулась и быстро направилась къ лѣстницѣ, но онъ загородилъ ей дорогу.

— Вы не все сказали? Ну, что тамъ еще?..

Онъ посмотрѣлъ на нее и усмѣхнулся.—Ничего,—произнесъ онъ съ ироніей.—Я только хотѣлъ поблагодарить васъ.

— За что?—удивилась она, чувствуя новый ходъ.

— А за то, что вы мнѣ помогли. Откровенно говоря, вы оказали мнѣ большую услугу. Между прочимъ, адвокатъ... вашъ интимный другъ...

Она невольно подалась назадъ.—Что же дальше?

— Дальше ничего. Вамъ слѣдовало больше заботиться о друзьяхъ.

— Что такое?

— Онъ сильно запутался.

Она вздрогнула.

— Потомъ—слѣдуетъ исполнять обѣщанія. Вы ему обѣщали

пай...—Юрій Дмитричъ продолжалъ спокойно, пронизывая ее глазами:—Конечно, глупо было вѣрить обѣщаніямъ. Вы вѣдь обѣщали и мнѣ... Помните... Но всетаки онъ жалокъ, я кое какъ помогъ ему, заплативъ за него долгъ.

— Вы? Съ какою цѣлью?

— О, я дорожу вашими друзьями. Притомъ же, тысяча рублей совершенные пустяки. Вы хорошо сдѣлали, Анна Ивановна, что отдали другу на сохраненіе такія важныя бумаги и письма. Я оцѣнилъ ваше довѣріе!

Она запуталась, и затѣмъ, схвативъ его за руку, стала, задыхаясь, кричать:

— Это мерзость!.. Это подлогъ!.. Какія письма?.. Какія бумаги? Я ничего не знаю, я ничего не понимаю... О, какая подлость!.. Подлость, подлость какая!..

Онъ далъ ей нѣсколько успокоиться.

— Что-жъ, судъ разберетъ,—замѣтилъ онъ.

— Да, да, конечно, судъ разберетъ!—кричала она, но значительно тише.—Но вы? Вы то!.. Зачѣмъ вы поступили ко мнѣ? Кто васъ звалъ? Какіе низкіе пріемы!..

— Я вамъ представлялся, я два раза повторилъ свою фамилію, вы знали, кто я.

— Неправда, я не знала! Мало ли Андреевыхъ на бѣломъ свѣтѣ? Мнѣ говорили, что вы застрѣлились... Какъ это подло выпытывать у слабой, несчастной женщины, рыть ей яму. Іезуитъ! какой бѣсъ гналъ васъ ко мнѣ?

— Анна Ивановна!—произнесъ онъ съ большимъ достоинствомъ.—Я уже тогда зналъ, что эта земля не ваша. Я рылъ мою землю. Я потому къ вамъ пошелъ. Все равно, ваша игра была и тогда потеряна. Объ адвокатѣ я зналъ и безъ васъ, гораздо раньше. Мое дѣло правое. Я не могу проиграть.

— Лжете! Все это ложь! Я подамъ въ судъ. Вы сочинили подложные документы, это подлогъ... Это дьявольская сѣть интригъ и низкой измѣны!

Мгновенно краска отлила у него съ лица, онъ, потерявъ самообладанье, крикнулъ ей побѣлѣвшими отъ гнѣва губами:

— До какихъ поръ вы будете повторяться?.. Вы затоптали въ грязь имя отца и мужа. Посмотримъ, что вы запоете, когда вашъ близкій родственникъ, престарѣлый графъ Ельскій, подтвердитъ все, что я говорю. А другіе... Мало ихъ? Васъ всѣ знаютъ, и нѣкоторые разскажутъ, цѣлуя крестъ, то, о чемъ теперь считаютъ нужнымъ молчать.

Она сорвалась, какъ раненый звѣрь, и въ какомъ-то забытьи обѣими руками стала растегивать воротъ пенюара.

— Ельскій!..—она задыхалась.—Ельскій!.. И это еще... Откуда вы знаете еще это?..

— Онъ на колѣняхъ умолялъ васъ не дѣлать этой подлости.

Если вы забыли о томъ, что у матери была земля, поросшая виноградомъ, а у отца голая степь, то онъ вамъ объ этомъ напомнилъ.

— О, іезуитъ!—шипѣла она.—Проклятый іезуитъ...—Ей казалось, что онъ изъ невидимой паутины свилъ толстый шнуръ и приготовилъ петлю...—Кто вамъ указалъ на Ельскаго? Тоже мой другъ адвокатъ?.. Говорите же, говорите, кто указалъ вамъ на Ельскаго? Какой демонъ столкнулъ васъ съ этимъ выжившимъ изъ ума Мешади Рустемъ Оглы?

— А! такъ вы знаете, что меня водилъ въ ваши виноградники Мешади Рустемъ Оглы?

Онъ усмѣхнулся, а она схватилась руками за голову.

— О чемъ думаетъ смерть? Зачѣмъ живутъ эти старики? О, проклятье! Какая интрига и какая неосторожность... Этотъ дуракъ адвокатъ... Продать бумаги за тысячу рублей! Я дала бы ему десять... Но нѣтъ, нѣтъ, вѣдь онъ сжегъ ихъ на моихъ глазахъ...

Юрій Дмитріевичъ безмолвно наблюдалъ ее, отступая къ столу.

— Какія у васъ письма?—заговорила она вдругъ, подымая голову.—Неужели то письмо моего мужа, въ которомъ этотъ оселъ умоляетъ замять дѣло?.. А другое?.. Да отчего вы молчите? Ну да, это земля отца! Но, что же... Я только слишкомъ мало знала васъ. Это была борьба... Я виновата только въ оплошности...

Онъ опять усмѣхнулся.

— Вы такъ и скажите на судѣ. Аргументъ очень сильный!

Она вздрогнула, услышавъ его слова, и, какъ безумная, стала оглядываться по комнатѣ, глядѣла въ темноту, заглядывала даже подъ столъ. Волосы ея разсыпались по плечамъ, платье было въ безпорядкѣ, глаза смотрѣли испуганно и дико.

— Вы спрятали свидѣтелей,—прошептала она, задыхаясь отъ бѣшенства.—Вы выпытали все и они слышали? Ты спряталъ ихъ?.. говори!

Онъ молчалъ, пораженный ея изступленіемъ.

— Свидѣтели?.. Какіе свидѣтели?..—спросилъ онъ, наконецъ, съ удивленіемъ.

Она глубоко вздохнула, какъ человѣкъ, просыпающійся отъ кошмара, и вдругъ съ нею произошла новая перемѣна. Она стихла.

Блѣдное лицо не сохранило никакихъ слѣдовъ недавней бури; синіе, потемнѣвшіе глаза устремились на стоящаго передъ нею противника.

— О, какъ это ужасно, какъ это унизительно и гадко,—прошептала она тихо, съ невыразимой печалью и потомъ со странной горечью добавила:—А я васъ такъ любила, Юрій Дмитріевичъ.

Это было такъ неожиданно и такъ далеко отъ недавней сцены, что онъ растерялся. Онъ не былъ приготовленъ къ этому объясненію въ любви, подъ аккомпаниментъ вѣтра и гулъ сорвавшагося фонтана.

Она ждала отвѣта, поправляя волосы и раскинувъ ихъ длинными, свѣтлыми струями вокругъ своего интереснаго и блѣднаго лица. Потомъ, рѣзкимъ движеніемъ взявъ его за руку и притянувъ къ себѣ, она продолжала съ глубокой, захватывающей мольбой:

— Какіе счеты съ безумно влюбленной женщиной? Борьба неравна... Милый мой, я твоя, все твое... Какой судъ, какая борьба?.. Будь ты судьей, произнеси мой приговоръ! Неужели ты ненавидишь меня?.. Я твоя... Я въ твоихъ рукахъ... Неужели ты оттолкнешь меня оттого, что я была горда, что я боролась съ тобой и... съ собой...

Онъ съ презрѣніемъ вырвалъ у нея свою руку и оттолкнулъ ее.

— А, такъ вотъ какъ,—простонала она, схватившись обѣими руками за столъ...—Конечно, любовь—удѣлъ немногихъ. Вы предпочитаете деньги? Пусть будетъ такъ!..

Она сверкнула на него глазами.

— Двадцать тысячъ!

Онъ засмѣялся.

— Весь доходъ, который дастъ фонтанъ въ теченіе первыхъ сутокъ... Двухъ, трехъ?.. На что же вы разсчитываете? Я богата... Вы думаете меня испугать, но я ради этого дѣла не тронусь даже съ мѣста. Я выдвину вмѣсто себя адвоката Григорьева.

Она перевела дыханіе и взглянула на него съ торжествомъ.

— Да, Григорьева! Это свѣтило, эту знаменитость. Мы знакомы. Для меня онъ превзойдетъ себя...

— Къ сожалѣнію, — отвѣтилъ онъ холодно и просто — вамъ придется поискать кого-нибудь другого. Григорьевъ—адвокатъ съ моей стороны...

Она пошатнулась и закрыла лицо руками.—Да, да!.. Конечно, не вамъ все это пришло въ голову. Во всемъ видна опытная рука... Это онъ руководилъ вами изъ Петербурга. Свидѣтели... документы... присяга... Ельскій... все это его дѣло.

Она уперлась обѣими руками объ столъ, ея грудь тяжело дышала.

— Это грабежъ!—простонала она, наконецъ.—Это вымогательство, это шантажъ!.. Но... я побѣждена! Берите компанейскій пай... Вы сами предлагали это, когда я начинала процессъ. Ну, что же вы молчите? Я вамъ даю пай... слышите?

На его лицѣ бродила та же холодная улыбка.

— Анна Ивановна! вы думаете облагодѣтельствовать меня,

отдавая половину моей же земли. Слышите: моей? Ну, не глупо ли это? Впрочемъ, дѣло уже въ судѣ...

Она дрогнула вся и внезапно кинулась къ нему. Это была уже не женщина, которая владѣла еще недавно собой и искусно вела атаку, высматривая слабыя стороны противника. Это было изступленное животное. Ему казалось, что онъ видитъ нелѣпый сонъ. Ея глаза горѣли у его лица, ея тонкіе, холодные пальцы впивались въ его шею, какъ піявки... Она хрипѣла сдавленнымъ отъ бѣшенства голосомъ:

— А! Ты думалъ проглотить меня... Нѣтъ. Подавишься, какъ пожадничавшій щенокъ, у котораго большая кость стала поперекъ горла... Ну, говори все... Говори, какія у тебя бумаги...

Почти задыхаясь, онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы освободиться отъ страннаго кошмара. Рискуя сломать ея тонкіе пальцы, которые сплелись вокругъ его шеи, онъ оторвавъ отъ себя ея руки и толкнулъ ее. Она упала на полъ и застонала, но, пролежавъ нѣсколько секундъ почти неподвижно, сразу вскочила на ноги и опять стояла передъ нимъ съ широко раскрытымъ ртомъ, какъ вытащенная изъ воды рыба; ея дрожащія губы, казалось, напрасно ловили воздухъ, который не хотѣлъ входить въ ея грудь... Она задыхалась... Волосы космами окружили ея лицо. Тонкая обнаженная шея сливалась съ бѣлой сорочкой, которая выползла изъ растегнутаго пенюара и билась на груди, какъ будто ее рвалъ сильный вѣтеръ...

III.

Неизвѣстно, какая еще сцена готовилась въ этихъ четырехъ стѣнахъ, между двумя людьми, въ которыхъ, казалось, переселилась теперь вся ярость и все бѣшенство рвавшагося изъ подъ земли фонтана.

На столѣ стояла лампа, освѣщая блѣднымъ свѣтомъ ихъ искаженныя лица. Въ открытыя двери глядѣла темнота, и вмѣстѣ съ степнымъ вѣтромъ лился все возраставшій гулъ и неистовый крикъ бурнаго фонтана. Онъ былъ далеко, но имъ обоимъ казалось, что онъ тутъ у самаго окна, даже въ этой комнатѣ. Казалось, его неистовый ревъ наполняетъ всю тишину испуганной ночи и отдается въ ихъ сердцахъ, охваченныхъ ненавистью и злобой...

Подлѣ лѣстницы, которая вела на веранду, одинокой звѣздой сверкнулъ огонекъ фонаря; рабочій-татаринъ, задыхавшійся и усталый, поднялся по лѣстницѣ и схватился за выступъ веранды...

Появленіе неожиданнаго свидѣтеля заставило ихъ отрез-

виться. Юрій Дмитріевичъ очнулся первый, Анна Ивановна провела рукой по спутаннымъ волосамъ и, словно просыпаясь, спросила уставшимъ голосомъ:

— Ты пришелъ сказать о фонтанѣ... фонтанъ?.. что жъ, пойдемъ... Я сейчасъ...

Она направилась къ лѣстницѣ, но у ея ступеней остановилась:

— Я буду бурить дальше... Я вамъ не уступлю ничего... Понимаете: ни пяди земли, ни одной капли нефти... Посмотримъ.

Затѣмъ она быстро сошла внизъ и направилась туда, откуда неслись звуки, напоминавшіе прибой морскихъ волнъ. Татаринъ побѣжалъ съ фонаремъ впереди, чтобъ освѣтить хозяйкѣ дорогу. Юрій Дмитріевичъ, не торопясь, послѣдовалъ за ними.

Небо свѣтлѣло. Воздухъ былъ холоденъ и чистъ, какъ это часто бываетъ передъ восходомъ солнца. Не смотря на ранній часъ, вся степь жила. Промыселъ, который не зналъ отдыха, потому что работалъ ночью при электричествѣ такъ же, какъ днемъ при солнцѣ, посылалъ со всѣхъ сторонъ депутатовъ къ этому новорожденному богатырю-фонтану.

Женщины, ребятишки, бодрые, какъ воробьи, рабочіе съ промысловъ,—всѣ бѣжали, сломя голову. Между ними виднѣлись шведскія куртки техниковъ, которые шли степенно, отрывисто переговариваясь между собой, возбужденныя лица практикантовъ, дивившихся чуду. На таратайкѣ мчались недавно пріѣхавшіе на промыселъ англійскіе инженеры. Представитель одного изъ самыхъ крупныхъ нефтяныхъ товариществъ скакалъ на лошади, заставляя толпу податься въ сторону. Онъ торопился, потому что у нихъ, тамъ, рядомъ былъ участокъ земли. И надо всѣмъ стоялъ гулъ отъ голосовъ. Потомъ вдругъ все смолкло, и толпа разступилась. Она безпрекословно отдавала почтеніе богатству; со всѣхъ сторонъ посыпались привѣтствія: это шла хозяйка фонтана. На ходу она успѣла привести себя въ порядокъ. Застегнула пенюаръ и крѣпко опутала розовой лентой свою гибкую талію, свернула подобранные волосы въ узелъ и они держались безъ всякой шпильки, такъ сильно скрутила ихъ эта рука... Молодая женщина шла съ достоинствомъ королевы, облеченной въ бѣлое платье, длинный шлейфъ котораго волочился за ней по землѣ.

— Счастливая!—слышалось въ толпѣ.

— Какой фонтанъ!.. Какой фонтанъ!

Всѣ одинаково торопились къ ней и съ завистью говорили: «До милліона пудовъ бьетъ! Слышите, какъ хлещетъ»?

Степь казалась громадной сценой, на которой подвизались фонтанъ да вѣтеръ. Вѣтеръ пѣлъ тонкимъ теноркомъ, и каждый разъ изъ его горла вырывался пронзительный свистъ, когда

онъ не умѣлъ взять верхней ноты. Ему вторилъ могучій басъ фонтана, оглушая всю степь, какъ будто возвѣщая кому то безконечное многолѣтіе.

Толпа остановилась. Теперь «онъ» былъ виденъ. Огромный столбъ жидкости, шириной въ 24 дюйма, стоялъ въ воздухѣ, окутанный бѣлой пѣной, словно обѣднѣвшая франтиха, нарядившаяся въ модную мантилью, сшитую изъ кружевныхъ лохмотьевъ. Онъ вздымался сердитый, какъ смерчь, не оставивъ уже и слѣда отъ вышки. Разбитыя доски валялись, какъ огромныя ребра, фонтанъ обращалъ ихъ въ щепки, земляной амбаръ быстро наполнялся, въ канавахъ шипѣли ручьи и разбѣгались въ разныя стороны.

Вдругъ фонтанъ сердито плюнулъ кому-то въ лицо, и веселый смѣхъ всей толпы привѣтствовалъ его выходку. Теперь шли съ опаской, вытирая заплеванныя лица и скользя по влажной землѣ. Подойти къ нему не было возможности. Толпа остановилась. Впереди виднѣлась группа англичанъ, они столпились вокругъ одного, который держалъ въ рукѣ стеклянную пробирку, и громко спорили.

Молодой нѣмчикъ, политехникъ, розовый, какъ восемнадцатилѣтняя дѣвушка, наклонился надъ журчащей канавой, зачерпнулъ въ эмалированный стаканчикъ пѣнистую жидкость, поднесъ стаканчикъ къ носу, понюхалъ, окунулъ палецъ въ стаканъ, попробовалъ каплю, повисшую слезой на его пальцѣ, сплюнулъ и опять сталъ пробовать жидкость.

Маленькіе ребятишки-татары раздобыли откуда-то доску, перебросили ее черезъ канаву, въ которой клубилась пѣна и ревѣла, какъ горная рѣка, падающая съ высоты. Они быстро мчались взадъ и впередъ по этой доскѣ, радуясь импровизированному мосту, и оглашали воздухъ веселыми, горловыми звуками. Шустрый мальчишка, лѣтъ восьми, босой, въ красномъ, грязномъ бешметѣ и пурпуровой ермолкѣ, присѣлъ на корточки передъ хорошенькимъ черным̆ъ козликомъ съ остренькой бѣлой мордочкой и, глядя ему въ глаза, уговаривалъ его не упрямиться и ступить на доску. Но козелъ каждый разъ пятился назадъ, когда брызги обдавали его дождемъ, и мальчикъ, который велъ его на пастбище, гладилъ его маленькіе, загнутые рожки, чуть не плача отъ отчаянія, потому что боялся оставить козла одного, и молилъ его хоть одинъ разъ перейти этотъ мостъ.

Громкій, горловой говоръ рабочихъ-татаръ заглушался ревомъ фонтана. Толпа раздѣлилась на группы, пялила глаза и восхищалась. По какой-то случайности она выдвинула Юрія Дмитріевича и онъ стоялъ рядомъ съ Анной Ивановной. Они не замѣчали другъ друга. Никому не приходило на умъ, что эта женщина, которой земля даритъ фонтанъ, захватчица, и что

не пройдетъ и мѣсяца, какъ она будетъ обвиняться въ судѣ. А рядомъ съ ней человѣкъ въ парусиновой курткѣ и въ высокихъ ботфортахъ, котораго никто не замѣчаетъ, есть именно настоящій хозяинъ, неузнанный, какъ наслѣдный принцъ, путешествующій въ одеждѣ нищаго. Мнимая хозяйка, забывъ недавній разговоръ, ушла въ созерцаніе несмѣтнаго сокровища и не видѣла ничего, кромѣ ревущаго высокаго столба, который шелъ изъ желѣзной трубы, глубоко впившейся въ землю. И надъ всей этой толпой стоялъ гулъ фонтана, который громко, дико смѣялся. А въ воздухѣ носились отдѣльныя слова заглушенныхъ рѣчей и кружилась лохмотьями бѣлая пѣна.

Все было занято фонтаномъ... Только поодаль отъ всѣхъ, спиной къ нему, стоялъ высокій старикъ мусульманинъ въ вылинявшемъ синемъ бешметѣ, украшенномъ бѣлыми, огромными заплатами, босой. Его бритая голова была повязана цвѣтнымъ, бабьимъ платкомъ. Морщинистое лицо обрамлялось сѣдой бородой, края которой еще сохранили ярко рыжій цвѣтъ, въ который она нѣкогда была выкрашена. Онъ не обращалъ вниманія на толпу и тихо шевелилъ губами. Онъ читалъ утреннюю молитву. Невдалекѣ отъ него стояла цвѣтная арба. Лошадь спокойно поджидала хозяина, который везъ на базаръ арбузы.

Небо покрывалось блѣднымъ золотомъ, кое гдѣ пробивались лучи. Было свѣтло, но солнце только собиралось взойти.

Старику видѣлась прекрасная, благоуханная Мекка. Его мечта унеслась далеко. Онъ рвался въ святой городъ, гдѣ родился Магометъ, и странно двигалъ руками, какъ будто разсѣкая воздухъ. Теперь онъ распростерся ницъ, припалъ лбомъ къ липкой землѣ и замеръ въ экстазѣ. Онъ благоговѣйно шепталъ: «сбрасываетъ душа моя будничную одежду, облекается душа моя въ бѣлый саванъ», и ему казалось, что онъ богомолецъ-хаджи, и что онъ съ непокрытой головой, не смотря на палящее солнце, въ бѣлой одеждѣ покойника вступаетъ въ Мекку. Онъ задыхался отъ счастья. Губы твердили молитву, которую не могъ не слышать Аллахъ. Онъ возвратится въ селеніе, и всѣ будутъ его отнынѣ звать «хаджи». Онъ копилъ въ теченіе всей жизни деньги. Мечта скоро станетъ дѣйствительностью. О, да будетъ благословенъ всесильный Аллахъ и его пророкъ Магометъ, самый великій изъ всѣхъ пророковъ!

Старикъ не шевелился. Солнце подымалось на небѣ, розовые, горячіе лучи скользили по его дырявому платью, пробираясь черезъ всѣ дыры его ветхихъ лохмотьевъ. А старику казалось, что это чьи-то теплые, нѣжные пальцы, которые ласкаютъ его изношенное тѣло.

Анна Ивановна очнулась отъ грезъ. Рядомъ съ ней стоялъ Юрій Дмитріевичъ. Ихъ взгляды встрѣтились. Въ глазахъ женщины

было столько пламенной ненависти, что онъ, выдержавъ ея взглядъ, сказалъ тихо:

— Вы не прочь бы, кажется, нанять убійцу? Не правда ли?

Она отвѣтила страстнымъ шепотомъ:

— Двухъ... десять... Сколько понадобится!

Фонтанъ, громко смѣясь, обдалъ ихъ обоихъ брызгами. Нѣсколько крупныхъ капель попало ему на руку... Онъ посмотрѣлъ на нихъ, лицо его сразу измѣнилось и, не обращая на нее вниманія, кинулся вдругъ къ группѣ, гдѣ громко спорили техники-англичане.

Толпа объяснила его порывъ тѣмъ, что онъ, по распоряженію хозяйки, собирается накрывать фонтанъ.

Юрій Дмитричъ, задыхаясь, остановился подлѣ англичанъ. Теперь онъ замѣтилъ Петра Евсѣевича, который, стоя безъ шапки, красный, громко говорилъ, стараясь перекричать фонтанъ:

— Земля шутки шутитъ! Хоть бы ротъ закрыла, безстыжая! Вишь, какъ смѣется, словно родила антихриста...

Увидѣвъ Юрія Дмитріевича, старикъ нѣсколько растерялся и пробормоталъ, встрѣтивъ его вопрошающій взглядъ: Ну, да, да... что говорить: дѣло-то скверно...

Хмурый англичанинъ, не спѣша, приблизился къ Юрію Дмитріевичу, поднялъ стеклянную пробирку, наполненную бѣлой, прозрачной жидкостью, подержалъ ее противъ свѣта, щелкнулъ пальцемъ и отрѣзалъ: «Ни капли нефти!»

За нимъ подбѣжалъ и нѣмчикъ съ эмалированнымъ стаканчикомъ въ рукѣ: «Не угодно ли попробовать,—предлагалъ онъ любезно, краснѣя до самыхъ ушей,—холодная, но совсѣмъ соленая...»

Юрій Дмитріевичъ стоялъ оглушенный и растерянный. Вокругъ него толпились, спорили, объясняли что-то...

Слышался смѣхъ. Нѣкоторые подмигивали глазами и тонко улыбались.

Одинъ только Петръ Евсѣевичъ былъ суровъ и взволнованъ.

— Чего тутъ смѣяться?—говорилъ онъ съ негодованіемъ.— Смѣяться нечего. Хоть бы глотку закрыла, негодница! Пятьдесятъ тысячъ съѣла, а теперь, вишь ты... Помяните мое слово, шутитъ дьяволъ съ людьми... Свѣтопреставленіе близко...

Степенный англичанинъ досталъ толстую гавану и, помявъ ее во рту, чиркнулъ спичкой.

Дикій крикъ пронизалъ воздухъ.

— Не смѣйте! Вы съ ума сошли!.. Сію минуту бросьте!

Молодая женщина, привлеченная этой группой, которая смѣялась и оживленно спорила, подошла къ нимъ и теперь изо всей силы трясла его руки, стараясь потушить горящую спичку.

Толпа тоже грозно подвинулась къ англичанину, но онъ равнодушно отвѣтилъ, кивнувъ головой по направленію фонтана: «Да. вѣдь, это—вода, сударыня!..»

И для доказательства, онъ швырнулъ спичку на влажную землю; пламя сразу потухло. Толпа, у которой этотъ поступокъ вызвалъ сначала цѣлую бурю, сразу подалась назадъ и притихла. «Вода... вода...»

Молодая женщина выпустила его руку и смотрѣла на него обезумѣвшими глазами.

А онъ спокойно зажигалъ спички одну за другой и любовался, какъ онѣ тухли, падая на влажную землю.

Наконецъ, сообразивъ, въ чемъ дѣло, она схватилась за грудь и заметалась, какъ подстрѣленная птица.

— Это ничего не значитъ,—спокойно утѣшалъ ее англичанинъ, затягиваясь сигарой.—Это скорѣе доказываетъ, что здѣсь есть нефть.

Она билась и глухо стонала въ рукахъ у кого-то изъ техниковъ.

— Позвольте, я вамъ помогу, сударыня!—наивно обратился къ ней нѣмчикъ, предлагая ей эмалированный стаканчикъ,— Выпейте!.. выпейте!.. Вода, правда, соленая, но очень холодная. Это васъ освѣжитъ.

Молодая женщина вырвала у него стаканчикъ и швырнула ему въ голову. «Оселъ!»—со злостью прокричала она, пошатнулась и сразу зарыдала всей грудью, закрывъ лицо руками.

Наивный юноша чуть не плакалъ, поспѣшно скрываясь въ толпѣ, которая провожала его дружнымъ смѣхомъ.

Кто-то поднялъ брошенный стаканчикъ и вся толпа подвинулась ближе къ канавѣ, стаканъ ходилъ по рукамъ, и неизбалованный народъ, привыкшій вообще къ соленой водѣ, жадно глоталъ эту холодную воду и находилъ ее очень вкусной. Нѣкоторые черпали ее руками, обливали голову и, радостно фыркая, умывались. Теперь этотъ фонтанъ сталъ настоящимъ героемъ. Толпа прибывала и смѣялась, не вѣря своимъ глазамъ.

Юрій Дмитріевичъ, блѣдный и взволнованный, бесѣдовалъ съ кѣмъ-то изъ опытныхъ техниковъ.

— Неужели здѣсь нѣтъ нефти?

Но старикъ качалъ головой.

— Не думаю, нефть должна быть гдѣ нибудь поблизости.

Къ нимъ подошелъ управляющій богатаго нефтяного товарищества.

— Увидимъ, увидимъ!—произнесъ онъ, ухарски сдвигая на бокъ фуражку.—Мы завтра ставимъ свою вышку. Наша земля вотъ тутъ, сейчасъ, близко...

— Да и мы тоже,—отозвался энергичный армянинъ, вращая черными, какъ уголь, глазами и показывая на землю, ко-

торая примыкала къ десятинамъ Терпироговой.—Отъ другихъ не отстанемъ. Тоже будемъ бурить.

— Конечно, падать духомъ не дѣло, бурить надо,—подбодряли иностранные инженеры хозяйку, которая съ безсильно опущеными руками тупо глядѣла на бьющій фонтанъ.

Петръ Евсѣевичъ недовѣрчиво пожималъ плечами и, плюя на землю, твердилъ:

— Кто ее знаетъ, нефть-то есть, это такъ, только гдѣ она... Да и земля опалѣла...—онъ грустно махнулъ рукой.

Солнце начинало припекать. Татаринъ, возвращавшійся изъ дачи въ городъ, заинтересованный всей этой суетой, остановилъ фаэтонъ и степенно подошелъ къ толпѣ. Всѣ смолкли, увидя этого милліонера, котораго чтили за строгую, религіозную жизнь больше, чѣмъ за его милліоны. Онъ сразу все понялъ, когда ему поднесли стаканчикъ съ водой, но на его красивомъ, загорѣломъ лицѣ, обросшемъ шелковистой бородкой, не отразилось ровно никакого изумленія; черные спокойные глаза продолжали смотрѣть по прежнему устало, и онъ неторопливой походкой приблизился къ тупо глядѣвшей женщинѣ, чтобъ сказать ей нѣсколько словъ, которыя могли бы ее утѣшить. Стройный, какъ чинара, облеченный въ черный бешметъ изъ дорогого сукна и перетянутый серебрянымъ поясомъ, онъ казался еще выше, потому что на головѣ его плотно сидѣла высокая баранья шапка. Онъ тихо сказалъ привѣтствіе и осторожно взялъ молодую женщину за руку.

Толпа придвигалась все ближе, чтобъ слышать, что скажетъ этотъ строгій мусульманинъ, котораго ни въ чемъ нельзя было упрекнуть, и жадно ловила каждое слово.

— Зачѣмъ ты плачешь?—сказалъ онъ съ напѣвомъ, немилосердно коверкая русскую рѣчь.—Зачѣмъ убиваешься? Аллахъ избавилъ тебя отъ большого грѣха. Ты хотѣла присвоить чужое. Вѣдь нефть не твоя...

Она вздрогнула, какъ отъ удара хлыстомъ, и, казалось, впервые замѣтила, что рядомъ съ ней стоитъ человѣкъ. Она обратила къ нему свое лицо, но сейчасъ же снова перевела свой взглядъ на фонтанъ.

— У насъ такъ сказано: нефть и соль принадлежатъ одному пророку. Никто изъ правовѣрныхъ мусульманъ не пойдетъ воровать чужого, но грабить пророка, о, какой грѣхъ! Добывать нефть и соль могли бы одни сеиды, потомки Али, и то, еслибы они собрались въ одну семью. Но это невозможно. Аллахъ разсѣялъ ихъ по землѣ, какъ золотыя зерна пшеницы. Радуйся этому водяному фонтану! Ты не взяла чужого. Не оскорбляй пророка, возврати землю тому, кому она принадлежитъ. Нефть не твоя... все принадлежитъ ему одному...

Она поняла одно, что вышелъ кто-то изъ толпы, чтобъ

громко, всенародно обвинить ее въ преступленіи, и она, точно въ бреду, вырвала у него свою руку и стала дико кричать: «Молчи!.. Ты не смѣешь!.. Я не захватчица!.. Онъ вретъ... онъ наглецъ!.. все... все мое... я буду бурить дальше, дальше... Я получу нефть... Докажи захватъ!.. Докажи захватъ!..

Всѣ притихли и въ недоумѣніи переглядывались. Захватъ, кто говоритъ о захватѣ? Какъ это ей пришло въ голову? Кто претендуетъ на ея землю?

Татаринъ поблѣднѣлъ и схватился рукой за кинжалъ, оскорбленный ея дикимъ крикомъ. Онъ истолковалъ эти слова, какъ презрѣніе къ тому, что онъ не европеецъ, значитъ, человѣкъ некультурный, но потомъ спохватился и, рѣшивъ, что на эту обезумѣвшую женщину нечего обижаться, произнесъ съ достоинствомъ восточнаго мудреца: «У насъ такъ написано: чѣмъ богаче дерево фруктами, тѣмъ ниже оно клонитъ свои вѣтви къ землѣ. Такимъ долженъ быть человѣкъ. Чѣмъ богаче онъ знаніями, опытомъ и умомъ, тѣмъ скромнѣе онъ долженъ держать себя, тѣмъ ниже клонить свою голову и не подымать ее къ небу».

Онъ величаво направился къ фаэтону, провожаемый одобрительнымъ шепотомъ и низкими поклонами.

А фонтанъ все ревѣлъ, выбрасывая больше и больше воды и заставляя людей отступать. Земля гудѣла и злобно смѣялась, радуясь, что она смогла отомстить за всѣ муки, за всѣ терзанія, которымъ ее подвергали. Не напоминалъ ли этотъ фонтанъ ловкаго самозванца, который вступилъ на королевскій престолъ и вошелъ въ роль? Онъ ничѣмъ не отличался отъ нефтянаго фонтана. Тотъ же огромный, бушующій столбъ, дикій ревъ, грубый голосъ, плевки и ругательства, таже влажная пыль и косматые, развѣвающіеся по вѣтру волосы. Онъ громко кричалъ и злобно смѣялся, щедро наполняя земляные амбары чистой водой.

Наконецъ въ толпѣ раздались голоса: «Его надо забить, иначе будетъ потопъ. Непремѣнно забить»!

Но вниманіе всей толпы вскорѣ привлекла на себя коляска, появившаяся на пыльной дорогѣ; въ ней, вытянувшись во весь ростъ, стоялъ чиновникъ особыхъ порученій при особѣ губернатора и радостно махалъ шляпой.

Какъ только на промыслѣ послышался гулъ фонтана, поспѣшили протелефонировать въ клубъ, гдѣ губернаторъ благодушествовалъ за карточнымъ столомъ, играя съ городскимъ головой и начальникомъ округа въ преферансъ.

Они рѣшили привѣтствовать молодую женщину. Тутъ, къ счастью, подвернулся вездѣсущій чиновникъ особыхъ порученій и онъ съ радостью согласился, не смотря на то, что только брезжило утро, поѣхать на промыселъ.

Онъ улыбался, оглушенный фонтаномъ и, размахивая шляпой, громко кричалъ, завидя въ толпѣ молодую женщину. «Всѣ такъ рады. Меня начальство отрядило васъ поздравить. Уже послана министру внутреннихъ дѣлъ телеграмма о томъ, что открыты новыя нефтеносныя земли. Всѣ, всѣ къ вамъ собираются. Поздравляютъ, безъ конца поздравляютъ».

Онъ перевелъ духъ, сказавъ все, что было велѣно передать начальствомъ. Онъ помолчалъ и въ то время, какъ кучеръ осаживалъ губернаторскихъ лошадей, онъ рѣшилъ, что ему надо прибавить отъ себя что-нибудь особенно трогательное. Послѣ нѣкоторой паузы онъ придумалъ пожеланіе и, сходя на землю, сказалъ съ большимъ чувствомъ:

— Дай вамъ Богъ побольше такихъ фонтановъ!

Е. Боргова.

Народно-хозяйственные наброски.

Междусословная мобилизація земель въ 45 губерніяхъ, въ 1893-мъ г.

«Сословное распредѣленіе поземельной собственности у насъ въ Россіи, въ противоположность западной Европѣ, до сихъ поръ не утратило хозяйственнаго значенія. Три важнѣйшихъ сословія землевладѣльцевъ—дворяне, купцы и крестьяне — различаются между собой какъ по отношенію къ обложенію земель, къ формамъ поземельнаго кредита, такъ и къ способамъ хозяйственнаго пользованія землей». *) Междусословная мобилизація земельныхъ участковъ не остается безъ вліянія на весь строй хозяйственныхъ и общественныхъ отношеній. Концентрація большихъ пространствъ въ рукахъ той или другой группы населенія передаетъ ей значительную власть, вліяніе на всю ту массу, которая по необходимости соприкасается съ ней, вступая въ арендныя отношенія, продавая ей свой трудъ, сбывая ей продукты своего ремесленнаго и фабричнаго производства; земельный цензъ обусловливаетъ ея значеніе въ мѣстномъ самоуправленіи и много другихъ видовъ воздѣйствія на мѣстныя дѣла и отношенія, которые даже невозможно учесть. Едва-ли поэтому нужно останавливаться на выясненіи важности изученія тѣхъ процессовъ, которые совершаются въ области движенія русской поземельной собственности по сословіямъ. Давно извѣстно, что дворянское землевладѣніе у насъ за послѣднее 30-лѣтіе значительно уменьшилось и продолжаетъ уменьшаться. Очевидно, кто нибудь покупаетъ дворянскія земли. Въ какихъ же размѣрахъ совершается теперь ликвидація дворянскаго хозяйства; въ какой мѣрѣ это сословіе выпускаетъ изъ своихъ рукъ всю ту силу, которая бываетъ сопряжена съ положеніемъ владѣльца земли; лишается-ли земли оно одно или съ нимъ конкуррируетъ въ этомъ еще какое нибудь другое сословіе; кто является наслѣдниками, дѣлящими между собой земельное дворянское наслѣдство; въ какой мѣрѣ пользуется этимъ процессомъ вся масса земледѣльческаго

---

*) *А. Ѳ. Фортунатовъ.*—Распредѣленіе поземельной собственности въ Европейской Россіи. М. 1886. стр. 20.

населенія, обрабатывающая своими руками землю для потребительныхъ цѣлей и въ какомъ количествѣ дворянскія имѣнія переходятъ въ руки отдѣльныхъ представителей коммерческаго или ростовщическаго капитала—все это вопросы, рѣшеніе которыхъ въ каждую данную минуту имѣетъ крупную важность для уясненія динамики нашихъ хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній между разными классами. Кто та грядущая сила, которой судьба вручаетъ бразды правленія въ дѣлѣ распредѣленія земли между съемщиками крестьянами, въ ней нуждающимися, въ дѣлѣ опредѣленія положенія земледѣльческихъ рабочихъ, не могущихъ существовать безъ заработка, во всѣхъ отрасляхъ земскаго самоуправленія, кто можетъ пріобрѣтать все большее и большее вліяніе въ дѣлахъ смежныхъ и часто зависимыхъ отъ нихъ въ хозяйственномъ смыслѣ деревень и т. п.—кто-же они, съ которыми приходится уже отчасти теперь считаться въ разныхъ углахъ нашей страны и съ которыми, очевидно, придется считаться еще гораздо больше въ будущемъ? Значительный свѣтъ на рѣшеніе вопроса проливаютъ недавно вышедшіе подъ редакціей *А. Е. Рейнбота — Матерьялы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи; вып. I; Спб. 1896.*—При нѣкоторыхъ техническихъ недостаткахъ этой работы и, не смотря на то, что данныя, сообщаемыя ею, относятся только къ одному году (1893), масса разнообразнаго матерьяла, заключающагося въ ней, представляетъ рѣдкое богатство и рѣдкую детализацію, въ силу чего она позволяетъ сдѣлать немало весьма цѣнныхъ выводовъ.

Происхожденія этого матерьяла таково. Какъ узнаемъ изъ предисловія, «при обсужденіи весной 1895 года въ Соединенныхъ Департаментахъ Государственнаго совѣта составленнаго въ Министерствѣ Финансовъ проекта новаго устава Крестьянскаго банка нѣкоторыми членами Совѣта, принимавшими участіе въ преніяхъ по означенному проекту, возбужденъ былъ вопросъ о томъ, можетъ-ли расширеніе операцій Крестьянскаго банка вредно отразиться на распредѣленіи вообще поземельной собственности въ государствѣ и не слѣдуетъ ли въ виду этого отказаться отъ проектированной уставомъ покупки земель за счетъ банка.—Неимѣніе достаточныхъ данныхъ для всесторонняго обсужденія вопроса имѣло своимъ послѣдствіемъ разномысліе, каковое положено было представить на разрѣшеніе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта». Для выясненія возникшихъ недоумѣній «на почвѣ положительныхъ фактовъ» министръ финансовъ поручилъ г. Рейнботу «заняться собраніемъ и разработкой разнаго рода статистическихъ данныхъ, касающихся распредѣленія землевладѣнія между сословіями и тѣхъ перемѣнъ, которыя происходятъ въ немъ съ теченіемъ времени». Въ результатѣ и появился названный трудъ. Для его исполненія использованы были свѣдѣнія о переходахъ недвижимыхъ имуществъ не только по купчимъ крѣпостямъ, но, что важно, и по даннымъ

на имущества, продаваемыя съ публичнаго торга. Послѣднее обстоятельство позволило включить въ разработку и свѣдѣнія о продажѣ общинныхъ земель, которыя, вѣроятно, чаще всего ускользаютъ изъ рукъ задолжавшихъ общинъ путемъ продажи ихъ крестьянскимъ земельнымъ банкомъ. Всѣ эти данныя взяты изъ сенатскихъ объявленій, гдѣ они публикуются. Въ теченіе 1893 г. такихъ сдѣлокъ состоялось значительное число (34,443), по каждой названныя объявленія заключаютъ сословіе или званіе продавца и покупателя, количество проданной земли и стоимость недвижимости по крѣпостному акту. Всѣ эти свѣдѣнія и сведены въ табличной формѣ подъ редакціей г. Рейнбота.—Мы постарались разработать абсолютныя цифры «Матерьяловъ», изучить выясняющіяся изъ нихъ зависимости и сдѣлать въ послѣдующемъ нѣсколько выводовъ, дающихъ посильной отвѣтъ на поставленные выше вопросы. Притомъ мы, однако, совсѣмъ не касались данныхъ о цѣнахъ земельныхъ участковъ, въ виду того, что въ крѣпостныхъ актахъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выставляется дѣйствительная продажная цѣна участка, съ цѣлью уменьшить платежъ причитающихся пошлинъ. За то данныя о размѣрахъ мобилизируемыхъ имѣній, представляющія полную точность и выдающійся общественный интересъ, мы стремились использовать возможно полнѣе и взять изъ нихъ по возможности все, что они могутъ дать для указанной цѣли.

Какъ уже упомянуто, въ матерьялѣ встрѣчаются и нѣкоторые недочеты. Къ нимъ слѣдуетъ прежде всего отнести его неполноту. Данныя сведены по 45 губерніямъ. Опущены губерніи прибалтійскія, Архангельская и Астраханская. Свѣдѣнія о мобилизаціи земель въ первыхъ были бы весьма интересны для сравненія ихъ съ аналогичными свѣдѣніями по прочимъ губерніямъ въ силу особенностей хозяйственнаго строя и крестьянскаго землевладѣнія въ той окраинѣ; цифры по остальнымъ двумъ названнымъ губерніямъ важны были-бы потому, что они характеризовали-бы особенности посословной земельной мобилизаціи въ мѣстностяхъ съ весьма слабо развитымъ дворянскимъ землевладѣніемъ.—Далѣе, можно-бы сдѣлать нѣкоторыя возраженія и противъ классификаціи продавцевъ и покупателей. Такъ, неясенъ составъ группы 4-й—«профессіональныя званія безъ означенія сословій», что это за группа? Сюда вошелъ, вѣроятно, и «кандидатъ правъ» и, напр., «сынъ псаломщика», словомъ, люди самыхъ разнообразныхъ профессій и общественныхъ положеній. Эту группу слѣдовало-бы раздѣлить на подгруппы, которыя точнѣе опредѣлили-бы ея содержаніе и раздѣлили одну отъ другой неоднородныя ея части. Равнымъ образомъ слѣдовало-бы раздѣлить и группу 9-ю—«казаки, колонисты и друг. сельскіе обыватели на особомъ положеніи» — въ которую должны были войти столь разнородные по своему хозяйственному положенію элементы, какъ полтавскіе казаки и многоземельные нѣ-

мецкіе колонисты Екатеринославской или Таврической губерній.— Приходится также пожалѣть о томъ, что не разбита на подгруппы и группа 10-ая—«иностранные подданные»; среди нихъ имѣются, конечно, и продавцы, и покупатели съ весьма разнороднымъ характеромъ землевладѣнія; при смѣшеніи ихъ въ одну и ту-же графу могли попасть земли и кн. Гогенлоэ и какого нибудь колониста-крестьянина, не успѣвшаго еще перечислиться въ русское подданство. Въ группахъ 6-ой и 8-ой (мѣщане и нижніе чины) хотѣлось-бы отграничить личныя покупки и продажи земли отъ товарищескихъ, какъ это сдѣлано для группы 7-ой (крестьяне).

Тѣмъ не менѣе, сводъ матерьяловъ, сгруппированный подъ редакціей г. Рейнбота, весьма содержателенъ и даетъ довольно полную картину той эволюціи, которую переживаетъ русское землевладѣніе, прослѣдить которую составляетъ задачу послѣдующихъ страницъ.— Повторяемъ, онъ касается мобилизаціи земель, правда, всего въ теченіе одного года. Но выбранный годъ (1893) не представлялъ собой какихъ либо особенныхъ уклоненій отъ обычнаго теченія хозяйственной жизни страны въ ту, или другую сторону. Не было ни голода, ни войны. Вліяніе предшествующихъ голодовокъ могло сильнѣе всего сказаться на сокращеніи покупательной силы крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей, наиболѣе пострадавшихъ въ началѣ 90-хъ годовъ, но это сословіе, взятое въ его цѣломъ, даже при такихъ условіяхъ, какъ увидимъ ниже, все-же является главнѣйшимъ покупателямъ дворянскихъ земель. Можетъ быть, подъ давленіемъ 1891 и 1892-хъ годовъ въ иныхъ мѣстахъ сократились покупки земель массой рядового крестьянства—сельскими общинами, но эти покупки крайне слабы во всѣхъ 45 губерніяхъ, а слѣдовательно и въ тѣхъ, которыя не испытали на себѣ вліянія голода. Такимъ образомъ, тѣ отношенія, которыя выясняетъ нашъ матерьялъ, должны быть признаны болѣе или менѣе типичными, характерными, способными въ общихъ чертахъ дать представленіе о тѣхъ хроническихъ процессахъ, которыя имѣются въ этой области въ переживаемое время. Къ сказанному можно бы сдѣлать лишь одно замѣчаніе. Извѣстно, что убыль земельной площади, находящейся въ рукахъ дворянства, происходитъ гораздо сильнѣе въ періоды высокихъ цѣнъ, нежели въ то время, когда стоятъ низкія цѣны на хлѣбъ *).—Въ 1893-мъ году паденіе хлѣбныхъ цѣнъ уже началось и потому земельныя потери дворянъ должны были быть нѣсколько *меньше* того ихъ размѣра, который имѣлъ мѣсто раньше и котораго, вѣроятно, онѣ достигнутъ теперь, если теперешній подъемъ цѣнъ на хлѣбъ пріобрѣтетъ нѣкоторую устойчивость.

Составитель дѣлитъ продавцовъ и покупателей земельныхъ участковъ на слѣдующія группы:

А. И. Чупровъ. — Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ на движеніе земельной собственности.—Вліяніе урож. и хл. цѣнъ на нѣкотор. стор. русск. нар. хоз. т. I, стр. 461.

А) *Отдѣльныя лица, односословные союзы, товарищества и общества.*

1. Дворяне, чиновники и офицеры; 2) духовенство; 3) почетные граждане; 4) профессіональныя званія безъ означенія сословій; 5) купцы; 6) мѣщане, цеховые и городскіе рабочіе люди; 7) крестьяне лично, товариществами и обществами; 8) нижніе воинскіе чины, 9) казаки, колонисты и друг. сельскіе обыватели на особомъ положеніи; 10) иностранные подданные; 11) прочіе и неизвѣстнаго званія.

Б) *Разносословные союзы и товарищества изъ лицъ:*

12) отъ 1-й до 5-й группъ; 13) отъ 6-й до 9-й группъ; 14) прочіе съ участіемъ дворянъ; 15) безъ участія дворянъ.

16) В) *Юридическія лица, кромѣ вышепоименованныхъ.*

Въ виду того, что мобилизація земель нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ группъ въ 1893 году была весьма невелика, мы соединяемъ ихъ въ болѣе крупныя, болѣе или менѣе однородныя группы. Такихъ получается слѣдующія семь:

I) дворяне; II) почетные граждане и купцы (по нумераціи г. Рейнбота—гр. 3 и 5); III); мѣщане, крестьяне, нижніе чины, казаки и пр. и товарищества, составленныя изъ лицъ этихъ сословій (группы 6, 7, 8, 9 и 13-я); IV) товарищества разносословныя безъ участія дворянъ (группа 15); V). Иностранные подданные (группа 10); VI) юридическія лица (группа 16) и VII) всѣ прочія мелкія группы (2, 4, 11, 12 и 14). — Соединеніе мѣщанъ, крестьянъ, нижнихъ чиновъ и казаковъ въ одну группу подсказываетъ намъ группа 13-я г. Рейнбота, въ которой показаны вмѣстѣ товарищества изъ лицъ всѣхъ этихъ сословій. Но это мы дѣлаемъ только временно, стараясь ниже подробнѣе изучить движеніе спеціально крестьянскаго землевладѣнія.

Роль, которую играетъ въ мобилизаціи земельныхъ участковъ каждое отдѣльное сословіе (или отдѣльныя группы крестьянскаго сословія особо), мы узнаемъ путемъ вычисленія *разностей* между числомъ купленныхъ и проданныхъ этимъ сословіемъ или группой десятинъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ у насъ получается плюсъ или минусъ, которые, въ концѣ концовъ, и опредѣляютъ, какія сословія или группы земли лишились и въ какомъ относительномъ количествѣ, и какія подѣлили её между собой, и въ какихъ доляхъ. Этотъ пріемъ мы и употребляемъ во всѣхъ послѣдующихъ вычисленіяхъ, имѣя дѣло, такимъ образомъ, только съ разностями и процентными ихъ отношеніями, а не съ абсолютными цифрами г. Рейнбота. Для того, чтобы не загромождать изложенія цифрами, мы даже постараемся приводить въ послѣдующемъ возможно менѣе абсолютныхъ цифръ нашихъ разностей, ограничиваясь почти всегда лишь сообщеніемъ относительныхъ количествъ.

Въ перечисленныхъ выше нашихъ семи сословныхъ группахъ въ теченіе 1893 года въ предѣлахъ 45 губерній *три* потеряли часть своей земли, а *четыре* раздѣлили эту потерю между собой. Къ первымъ принадлежатъ группы I—дворяне, V—иностранные подданные и VII, составленная изъ пяти мелкихъ группъ г. Рейнбота; ко вторымъ: группа II—почетные граждане и купцы, III—крестьяне и пр., IV—товарищества безъ участія дворянъ и VI—юридическія лица. Доли, въ которыхъ распредѣляются между ними земельныя потери и пріобрѣтенія, далеко не одинаковы. Изъ общей суммы десятинъ, ускользнувшихъ изъ рукъ членовъ каждой группы, взятыхъ въ цѣломъ, менѣе всего принадлежало группѣ VII (составной)—всего 3,9%, нѣсколько болѣе—иностраннымъ подданнымъ 9,9%, слѣдовательно—обѣимъ группамъ вмѣстѣ менѣе 14%; остальные 86,2%, т. е. болѣе 6/7, принадлежали дворянамъ. Это сословіе потеряло около 1 милл. дес. (987 тыс.) и явилось, такимъ образомъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ поставщикомъ земельныхъ участковъ на рынкѣ. Тѣ, которые выиграли отъ этой междусословной мобилизаціи земель, дѣлили между собой почти исключительно одно дворянское наслѣдство. Изъ нихъ юридическія лица получили относительно меньше всего—7,8%, а остальные 92,2% распредѣлились такъ: крестьяне получали почти 2/3 (59,6%, почетные граждане и купцы—30,6% и разнословныя товарищества безъ участія дворянъ (т. е. вѣроятно составленныя почти всегда изъ лицъ, входящихъ въ составъ тѣхъ же двухъ группъ—крестьянъ, казаковъ, мѣщанъ, нижнихъ чиновъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ)—2,0%. Какъ мы сейчасъ увидимъ, есть основаніе полагать, что такія товарищества составлены преимущественно изъ лицъ, входящихъ въ составъ нашей третьей группы (крестьяне и пр.).

Такимъ образомъ, переходъ земель отъ однихъ сословій къ другимъ состоялъ главнѣйшимъ образомъ въ продажѣ земель дворянами въ руки: 1) крестьянъ и пр. и 2) купцовъ съ почетными гражданами. Тѣ и другіе при этомъ захватили (92,2%) не только всю ускользнувшую отъ дворянъ землю (86,2%), но и прихватили часть (почти половину) площади, утерянной другими сословіями (иностранцами и группой VII).—Скажемъ сначала два слова о группахъ, принимающихъ въ этой мобилизаціи сравнительно ничтожное участіе, чтобы къ нимъ болѣе не возвращаться и сосредоточить затѣмъ все свое вниманіе на только-что названныхъ важнѣйшихъ агентахъ интересующаго насъ процесса.

Потеря земель группы VII (сборной), вообще говоря, совершенно ничтожна. Значеніе ея на рынкѣ нѣсколько возвышается въ нечерноземной полосѣ (5,4%) и сокращается до незначительной величины (1,8%) на черноземѣ.—Нѣсколько замѣтнѣе значеніе на рынкѣ земель иностранцевъ. Относительные размѣры утерянной ими площади, въ противоположность группѣ VII, весьма малы въ нечерноземной полосѣ (всего 1%), но значительно увеличиваются въ чер-

ноземной, гдѣ имъ принадлежало болѣе одной пятой (22,4%) всѣхъ земель, вышедшихъ изъ владѣнія разныхъ сословій и перешедшихъ къ другимъ.—Слѣдуетъ также указать на то обстоятельство, что эти среднія величины значительно колеблются по отдѣльнымъ группамъ губерній. *)—Въ трехъ изъ нихъ иностранные подданные даже увеличили размѣры своего землевладѣлія, хотя и весьма немного: въ сѣверной (1,5%), малороссійской (0,4%) и въ группѣ центральныхъ черноземныхъ губерній (0,1%); въ Псковской губ. они пріобрѣли больше, чѣмъ продали, на 5 слишкомъ тыс. дес., а въ Пермской—почти на 2½ тысячи. Но за то ихъ потеря значительнѣе пріобрѣтеній земли во всѣхъ остальныхъ группахъ губерній. Эта отрицательная разность особенно большую роль играетъ на двухъ противоположныхъ окраинахъ европейской Россіи, гдѣ потери дворянства на земельномъ рынкѣ были сравнительно слабы (потому-ли, что мобилизація дворянскаго землевладѣнія шла тамъ въ 1893 году медленнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, потому-ли, что этотъ видъ землевладѣнія представленъ тамъ относительно слабо). Эти окраины—юго-западная и восточная. Въ первой земли иностранцевъ составляютъ ²/₅ всѣхъ земель, ускользнувшихъ отъ разныхъ сословій (40,2%), а во второй—даже болѣе ⁹/₁₀ (92,7%). Особенно крупны цифры потерь этой группы землевладѣльцевъ въ губерніяхъ Волынской (30 тыс. дес.) и Оренбургской (болѣе 56,3 тыс.).—Приводя эти данныя, мы не имѣемъ подъ руками никакихъ указаній на то, почему именно существуютъ по данному признаку столь крупныя различія между группами губерній и отдѣльными губерніями, вліяютъ ли въ этомъ случаѣ въ иныхъ мѣстахъ какія либо законодательныя ограниченія или иныя какія либо причины. Значительный

---

*) Г. Рейнботъ дѣлитъ 45 губерній европейской Россіи на слѣдующія восемь группъ:

I Нечерноземная полоса:

1) Центральныя (Московская, Владимірская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Смоленская, Тверская, Ярославская), 2) сѣверныя: (С.-Петербургская, Вологодская, Вятская, Новгородская, Олонецкая, Пермская, Псковская) и 3) западныя: (Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская).

II Черноземная полоса:

4) Центральныя (Воронежская, Казанская, Курская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская), 5) Малороссійскія (Полтавская, Харьковская, Черниговская), 6) юго-западныя (Кіевская, Подольская, Волынская) 7) южныя степныя (Бессарабская, Екатеринославская, Донская область, Херсонская, Таврическая) и 8) восточныя (Самарская, Уфимская, Оренбургская).

Противъ такого дѣленія можно-бы возразить, что оно страдаетъ нѣкоторой произвольностью. Въ гр. 2-й приозерный край смѣшанъ съ сѣверо-востокомъ, значительно отличающимся отъ него по своимъ хозяйственнымъ особенностямъ; въ группѣ 4-й къ губерніямъ сѣверной части черноземной полосы присоединена, напр., губ. Казанская.—Оставляемъ, однако, такую группировку, такъ какъ измѣненіе ея весьма значительно осложнило-бы нашу вычислительную работу.

свѣтъ на вопросъ пролила бы болѣе детальная разработка цифръ этой группы, если бы она была произведена въ нашемъ матерьялѣ.

Пріобрѣтенія юридическихъ лицъ, какъ указано, составляютъ небольшую величину (менѣе 8%) пріобрѣтеній всѣхъ упомянутыхъ выше группъ. Значеніе ихъ на рынкѣ весьма ничтожно во всей нечерноземной полосѣ (лишь 1%) и возвышается почти до $^1/_6$ (15,4%) въ черноземной. На эту послѣднюю величину вліяютъ крупныя относительныя цифры для центральныхъ черноземныхъ и въ особенности для юго-западныхъ губерній (22,1% и 51,1%). Совпаденіе крупнаго приращенія землевладѣнія этой категоріи съ крупной его убылью у иностранцевъ на юго-западѣ наводитъ на предположеніе, не служать-ли оба явленія слѣдствіемъ обращенія какихъ либо промышленныхъ предпріятій (напр., сахарныхъ заводовъ) изъ единоличныхъ въ акціонерныя? Впрочемъ, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ указаній на причины указаннаго явленія.— Встрѣчаются даже двѣ группы губерній (западная и восточная), въ которыхъ юридическія лица уменьшили количество принадлежавшей имъ земли (минусъ 5,4% и 2,4%). Отсутствіе детальной группировки продавцовъ и покупателей, входящихъ въ составъ этой категоріи, не позволяетъ ничего узнать ближе о причинахъ такихъ колебаній. *).

Наконецъ, пріобрѣтенія разносословныхъ товариществъ безъ участія дворянъ, какъ упомянуто, весьма невелики (всего 2,0%). Колебанія этой средней цифры имѣютъ то характерное свойство, что она представляетъ большое сходство съ колебаніями цифры пріобрѣтеній лицъ, входящихъ въ составъ группы III-й (крестьяне и пр.). Ихъ максимумъ, какъ у тѣхъ, находится въ южныхъ степныхъ губерніяхъ (7,3%); какъ и въ III-й группѣ, цифра эта относительно высока въ центральныхъ нечерноземныхъ (6,6%); какъ и у нихъ, она опускается ниже всего въ двухъ группахъ: юго-западной (до+0,1%) и сѣверной (до—1,5%). Необходимо допустить, что главнѣйшій контингентъ этихъ товариществъ состоитъ изъ тѣхъ-же группъ населенія, которыя входятъ въ составъ группы III-й (крестьяне и пр.) и что, слѣдовательно, причины колебаній размѣровъ земельныхъ пріобрѣтеній и потерь этой категоріи должны быть одинаковы съ тѣми, которыя обусловливаютъ собой колебаніе величины товарищескаго крестьянскаго землевладѣнія. О нихъ рѣчь ниже.

Послѣ сказаннаго, переходимъ къ изученію деталей главной части междусословной мобилизаціи земель—къ переходу земельныхъ участковъ отъ группы I-й (дворяне, чиновники, офицеры) къ группамъ II-й (купцы и почетные граждане) и III-й (крестьяне, казаки,

---

*) Въ Оренбургской губ. юридическими лицами утеряно почти 3,6 тыс. дес., въ Минской 3,7, въ Витебской 7,3 тыс., а пріобрѣтено ими въ Курской 7,2 тыс., въ Саратовской—почти 18 тыс., въ Волынской болѣе $39^1/_2$ тыс.

мѣщане и проч.). Въ этомъ и заключается наибольшій интересъ дѣла.

Выше уже указано, что въ 1893 году дворяне потеряли въ 45 губерніяхъ около 1 милл. дес. Купцы и почетные граждане выиграли 350,7 тыс. дес., а крестьяне и проч.—почти вдвое больше—692,8 тыс. Первая изъ этихъ цифръ составляетъ 30,6% всѣхъ земельныхъ пріобрѣтеній разныхъ сословій, а вторая—59,6%. Или, допуская небольшую неточность, можно сказать, что изъ каждыхъ *десяти* утерянныхъ разными сословіями дес. *три* куплены были купцами и почетными гражданами, а *шесть*—крестьянами и пр. *) Въ нечерноземной полосѣ дворяне упустили изъ своего владѣнія около 2/3 указаннаго количества (627,1 тыс. дес.), а въ черноземной—около 1/3 (359,9 тыс.), т. е. вдвое менѣе, въ первой—купцы и граждане захватили 2/5 (40,9%) потерь другихъ сословій (на 10% выше общерусской средней), а во второй—только одну шестую (16,2%); крестьяне пріобрѣли тамъ—57,0%, а здѣсь—почти 2/3 (65,2%). Такимъ образомъ, на черноземѣ дворяне теряютъ земли абсолютно меньше, бо́льшая ея доля попадаетъ въ руки крестьянъ и проч., и относительно меньшая въ руки купцовъ и почетныхъ гражданъ, чѣмъ на нечерноземѣ. Можно думать, что въ этомъ явленіи сказывается необходимость большихъ затратъ по обработкѣ земли на черноземѣ, которая и толкаетъ менѣе состоятельныхъ дворянъ чаще ликвидировать свои земельныя владѣнія. Съ другой стороны, вѣроятно по той же причинѣ, тамъ покупка земельныхъ участковъ бываетъ даже по силамъ менѣе обезпеченнымъ покупщикамъ-крестьянамъ, чѣмъ болѣе «капитальнымъ» купцамъ. И наоборотъ, потребность въ меньшихъ затратахъ на обработку земли на черноземѣ чаще позволяетъ здѣсь дворянамъ удерживать свои имѣнія, а на покупку продаваемыхъ участковъ предъявляется большая конкурренція со стороны менѣе состоятельныхъ покупщиковъ (по сравненію съ купцами), крестьянъ.

Обращаясь къ распредѣленію тѣхъ-же цифръ по группамъ губерній, находимъ слѣдующія высоко интересныя сопоставленія. Относительные размѣры потерь дворянъ и пріобрѣтеній двухъ другихъ группъ выражаются такими рядами:

I. потери дворянъ:		II. пріобрѣтенія купцовъ:		III. пріобр. крест. и пр.:	
1) Центр. черноз.	99,4%	1) Сѣверныя . .	66.3%	1) Сѣверныя . .	29,1%
2) Малороссійск.	98,7 »	2) Центр. черноз.	36,0 »	2) Юго-западныя	35,4 »
3) Сѣверныя . .	97,0 »	3) Малороссійск.	20,8 »	3) Центр. черноз.	39,4 »
4) Центр. нечерн.	90,0 »	4) Западныя . . .	18,0 »	4) Малороссійск.	72,3 »
5) Западныя . . .	80,3 »	5) Юго-западныя	13,4 »	5) Восточныя . .	73,5 »
6) Южн. степныя	76,7 »	6) Восточная .	12,8 »	6) Центр. нечерн.	79,8 »
7) Юго-западныя.	57,4 »	7) Центр. нечерн.	9,6 »	7) Западныя . .	81,5 »
8) Восточныя. . .	4,9 »	8) Юж. ст. *минусъ*	1,0 »	8) Южныя степи.	89,7 »

*) Какъ увидимъ ниже, почти *пять* изъ нихъ куплены только одними крестьянами (кромѣ тѣхъ, которые принимаютъ участіе въ разносословныхъ товариществахъ).

Два первые ряда составлены въ убывающемъ порядкѣ, а третій— въ увеличивающемся—и всѣ три сходны между собой въ той послѣдовательности, въ которой расположились въ нихъ группы губерній. Первыя мѣста въ нихъ занимаютъ центральныя черноземныя, малороссійскія и сѣверныя губерніи, а южныя степныя и восточныя размѣщаются во вторыхъ ихъ половинахъ; особенно близки между собой ряды второй и третій—въ нихъ только юго-западныя и западныя губерніи слегка нарушаютъ полное тожество послѣдовательности рядовъ. Изъ этого мы должны заключить прежде всего, что въ 1893 году пріобрѣтенія обѣихъ группъ покупателей колебались въ обратномъ отношеніи между собой. *Чѣмъ больше пріобрѣли купцы и почетные граждане, тѣмъ меньше пріобрѣли крестьяне и проч.*, *и наоборотъ*. Другими словами, обѣ эти категоріи покупателей конкуррируютъ между собой. Въ сѣверныхъ, напр., губерніяхъ, гдѣ $^2/_3$ пріобрѣтеній достались въ руки купцовъ, крестьяне пріобрѣли менѣе 30%, въ западныхъ, гдѣ послѣднимъ удалось получить болѣе 80%, первые взяли менѣе 10%, а въ южныхъ степныхъ губерніяхъ, гдѣ крестьяне захватили почти 90%, землевладѣніе купцовъ даже нѣсколько уменьшилось.

Отъ какихъ-же причинъ зависитъ успѣхъ каждаго изъ конкуррентовъ? Сопоставленіе двухъ послѣднихъ рядовъ съ первымъ даетъ нѣкоторое объясненіе въ этомъ вопросѣ. Мы уже замѣтили значительное соотвѣтствіе въ порядкѣ расположенія группъ губерній въ первыхъ двухъ рядахъ. Въ центральныхъ черноземныхъ, малороссійскихъ и сѣверныхъ губерніяхъ мы встрѣтили гораздо больше земельныхъ потерь дворянъ, чѣмъ въ юго-западныхъ, восточныхъ и южныхъ степныхъ; совершенно аналогично этому земельныя пріобрѣтенія купцовъ и почетныхъ гражданъ гораздо значительнѣе въ первыхъ трехъ группахъ, чѣмъ въ послѣднихъ трехъ. Т. е. *чѣмъ больше потеряли дворяне, тѣмъ больше выиграли купцы*, *и наоборотъ. Съ уменьшеніемъ дворянскихъ потерь уменьшаются и земельныя пріобрѣтенія купцовъ, но въ то-же время почти вездѣ увеличиваются пріобрѣтенія крестьянъ, которые въ то-же время кое гдѣ пополняютъ ихъ еще болѣе отъ потерь другихъ сословныхъ группъ* (напр. иностранцевъ въ южныхъ степныхъ, восточныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ).

Изъ сказаннаго надо заключить, что продавцы дворяне чаще стремятся передать свои имѣнія въ руки купцовъ и почетныхъ гражданъ, чѣмъ крестьянъ. Если это замѣчаніе справедливо, то объясненіемъ ему могутъ служить слѣдующія данныя объ относительныхъ размѣрахъ участковъ, купленныхъ обѣими категоріями покупателей. Среди крестьянъ *) пріобрѣтеніе участками до 50 дес. и отъ 50 до

---

*) Въ этомъ случаѣ *только* однихъ крестьянъ, безъ мѣщанъ и проч. Пріобрѣтенія однихъ крестьянъ составляютъ 70,3% всѣхъ пріобрѣтеній нашей третьей группы.

100 дес. (за вычетомъ проданныхъ ими) составили почти одинаковую величину, нѣсколько превышающую 10% (12,6 и 11,2%), пріобрѣтенія участками въ 100—500 дес.—больше $^2/_5$ (42,8%), а всего, въ суммѣ—ровно $^2/_3$ (66,6%), всѣхъ крестьянскихъ пріобрѣтеній, У купцовъ же съ почетными гражданами эта величина оказалась совершенно ничтожной—всего 3,3% дес. при чемъ участками до 50 дес. купцы даже *утеряли* 5,2 тыс. дес., а участками отъ 50 до 100 дес. утеряли 1,3 тыс. Въ противоположность такой крупной разницѣ, величина пріобрѣтеній участками отъ 500 до 1000 дес. оказалась весьма близкой у тѣхъ и другихъ (у крестьянъ—17,2% а у купцовъ—12,2%). Наконецъ, разница въ пріобрѣтеніяхъ болѣе крупными участками обнаруживается снова весьма большая, но лишь въ обратную сторону: крестьяне участками отъ 1000 до 10 тыс. дес. выиграли только 16,2%, а свыше 10 тыс.—ни одной дес., а купцы—свыше 1000 дес.—84,5%. Иными словами—двѣ трети земли, которую получили крестьяне излишкомъ надъ проданной ими, пріобрѣтены ими участками сравнительно меньшихъ размѣровъ—до 500 дес., а 85% земли, которую получили излишкомъ купцы, пріобрѣтено ими въ видѣ крупныхъ участковъ—болѣе 1000 дес.; участками до 500 дес. выиграли купцы только 3,3% дес., а участками свыше 1000 дес. выиграли крестьяне всего 16,2%.—Слѣдовательно, пріобрѣтенія купцовъ были гораздо крупнѣе крестьянскихъ, что указываетъ на значительно большія средства и значительно большую кредитоспособность господствующаго типа покупателей первой группы сравнительно съ покупателями второй. А если это такъ, то имъ, съ одной стороны, доступны болѣе крупныя затраты на обработку земли, а съ другой—доступно пріобрѣтеніе имѣній большаго размѣра. Понятно, гдѣ требуется больше затратъ въ земледѣліи и гдѣ, по техническимъ условіямъ хозяйства, имѣнія чаще предлагаются въ продажу въ полномъ составѣ *), тамъ крестьянамъ, какъ менѣе состоятельнымъ покупщикамъ, труднѣе конкуррировать съ купцами и почетными гражданами, а продавцамъ дворянамъ легче имѣть дѣло съ послѣдними, чѣмъ съ первыми. Не смотря на всю настоятельную нужду крестьянъ въ землѣ и на все страстное стремленіе ихъ увеличивать свое землевладѣніе, предоставленные въ этомъ дѣлѣ своимъ собственнымъ силамъ, они почти ничѣмъ не могутъ себѣ помочь и почти не пріобрѣтаютъ участковъ общинами, по отсутствію для этого покупательныхъ средствъ. А тотъ верхній, болѣе состоятельный слой крестьянства, который предъявляетъ

*) Какъ это должно быть, напр., въ «сѣверныхъ» губерніяхъ (отъ Петербургской до Пермской включительно), гдѣ въ интересахъ организаціи хозяйства трудно отдѣлить для продажи часть пашни, пашню изъ сѣнокоса, обработываемую землю отъ лѣса, удобную землю отъ неудобной и т. п. въ противоположность, напр., южнымъ степнымъ губерніямъ, гдѣ почти вся земля гораздо болѣе однородна, годна для земледѣльческой культуры, что и допускаетъ значительно болѣе легкое ея дробленіе на мелкіе участки.

требованіе на земли, группируясь въ товарищества, или въ лицѣ единоличныхъ покупателей, въ массѣ случаевъ все-же, очевидно, принужденъ въ извѣстныхъ частяхъ Россіи отступить передъ болѣе «солидными» покупателями—купцами. Нельзя, правда, не замѣтить, что отслоеніе сельскаго населенія пошло настолько далеко, что нѣкоторымъ «крестьянамъ» уже доступны участки весьма крупныхъ размѣровъ. Такъ, выигрышъ единоличныхъ покупателей крестьянъ участками въ 1000—5000 дес. составляетъ въ 45 губерніяхъ почти 35 тыс. дес. (34,215), а крестьянскихъ товариществъ—даже болѣе 52 тыс. дес. Хотя первая группа въ 1893 году *потеряла* на участкахъ отъ 5000 до 10,000 дес.—болѣе 6000 дес., но уже самая наличность этой цифры указываетъ на то, что латифундіи этихъ размѣровъ уже появились на *крестьянскомъ* *) земельномъ рынкѣ въ куплѣ-продажѣ на правѣ частной собственности. Очевидно, такіе «крестьяне» могутъ заткнуть за поясъ многихъ купцовъ и почетныхъ гражданъ и съ успѣхомъ конкуррировать съ ними. Но приведенныя выше данныя и соображенія убѣждаютъ въ томъ, что число такихъ еще сравнительно невелико (напомнимъ, что ихъ земельный выигрышъ=16,2% всего крестьянскаго выигрыша) и что въ массѣ случаевъ верхнему отслою деревни, покупающему земли, еще не подъ силу конкурренція съ купцами и почетными гражданами въ большинствѣ мѣстностей.

Такимъ образомъ, указанный процессъ коротко можетъ быть выраженъ такимъ образомъ. Больше всѣхъ теряютъ земли дворяне; имъ принадлежитъ подавляющее большинство всѣхъ земельныхъ, потерь. Ихъ наслѣдство распредѣляется главнымъ образомъ между купцами и крестьянами. При этомъ первые берутъ себѣ большія и, вѣроятно, болѣе цѣнныя имѣнія, не допуская до конкурренціи менѣе состоятельныхъ (въ массѣ) покупщиковъ крестьянъ. Все или почти все, что затѣмъ остается изъ потерь всѣхъ сословій на земельномъ рынкѣ, берется крестьянами и составляетъ въ общемъ долю пріобрѣтеній значительно большую (особенно на черноземѣ), чѣмъ тѣ, которыя дѣлаютъ всѣ прочіе покупщики, вмѣстѣ взятые.

Переходя, далѣе, къ выясненію отношеній, въ которыхъ стоятъ по губерніямъ размѣры потерь дворянъ къ размѣрамъ дворянскаго землевладѣнія и размѣры пріобрѣтеній купцовъ и крестьянъ къ размѣрамъ землевладѣнія этихъ сословій, находимъ слѣдующее.

Изъ 45 губерній дворяне утеряли въ 1893 г. не во всѣхъ. Въ трехъ землевладѣніе ихъ нѣсколько увеличилось (въ Ковенской на 389 дес., въ Пензенской—на 312 дес. и въ Бессарабской на 845 дес.), а въ одной Оренбургской—оно возросло даже на значительную величину 23,829 дес., т. е. на 2,4% всей своей площади.

---

*) Цифры эти вычислены *только* для крестьянъ, при чемъ всѣ мѣщане, колонисты и проч. изъ нихъ исключены.

Что касается до первыхъ, то и географическая ихъ разбросанность, и ничтожность приведенныхъ цифръ дворянскихъ земельныхъ пріобрѣтеній указываетъ на то, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ случайнымъ явленіемъ. Что-же касается до послѣдней, то указанное исключительное приращеніе земельной собственности дворянъ объясняется, вѣроятно, какими либо мѣстными причинами, указаній на которыя мы не имѣемъ.

Во всѣхъ остальныхъ (41) губерніяхъ дворянское землевладѣніе уменьшилось. Больше всего это наблюдается въ губерніяхъ Пермской (207,5 тыс. дес.) и Минской (79,6); менѣе всего—въ Московской, Рязанской и Олонецкой (менѣе 5 тыс. дес. въ каждой); во всѣхъ остальныхъ—отъ 5 до 60 тыс. дес. Географическое расположеніе губерній съ большими и меньшими потерями дворянъ весьма характерно. Тѣ изъ нихъ, въ которыхъ эти потери превышаютъ 20 тыс. дес. въ каждой (16 губерній), тянутся почти безпрерывной полосой отъ Саратовской черезъ Новороссію, Малороссію, Волынь, сѣверо-западъ, приозерный край, Вологодскую губ. до Пермской включительно. Съ нѣкоторой натяжкой сюда-же можетъ быть причислена и Самарская губ., гдѣ дворяне потеряли также *почти* 20 тыс. дес. (19.082), и такимъ образомъ мы получаемъ, почти замкнутый кругъ губерній *), внутри котораго и расположено значительное большинство тѣхъ, въ которыхъ потери дворянъ были меньше указаннаго размѣра. Сопоставляя эти данныя съ тѣми свѣдѣніями, которыя мы имѣемъ о распространенности частнаго землевладѣнія изъ обслѣдованія 1877 г., замѣчаемъ между ними немалое сходство. Въ указанномъ году имѣлось 20 губерній (не считая прибалтійскихъ), въ которыхъ названный видъ землевладѣнія получилъ наибольшее распространеніе и занималъ отъ 40 до 58½ площади каждой губерніи; въ числѣ ихъ мы и находимъ 12 изъ перечисленныхъ губерній съ наибольшими земельными потерями дворянъ, съ другой стороны изъ 13 губерній съ наименьшими потерями этого сословія (до 10 тыс. дес. въ каждой) десять находятся въ группѣ съ сравнительно меньшей распространенностью частновладѣльческихъ земель (менѣе 40%). Съ 1877 года до 1893-го времени прошло много—за 15 лѣтъ относительные размѣры землевладѣльческихъ группъ успѣли измѣниться, вѣроятно, довольно существенно. Поэтому большого совпаденія между обѣими серіями данныхъ нельзя ожидать. Но и того, что мы имѣемъ, достаточно, чтобы сказать, что *дворянство теряетъ земель больше именно тамъ, гдѣ относительно большимъ количествомъ ихъ оно и владѣло, и наоборотъ*. Припомнимъ къ тому-же, что наикрупнѣйшая часть частновладѣльческихъ земель (болѣе 90%)

---

*) Самарская, Саратовская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская, Полтавская, Черниговская, Волынская, Минская, Виленская, Могилевская, Смоленская, Псковская, Новгородская, Тверская, Вологодская, Пермская.

принадлежала дворянамъ (кромѣ прибалтійскихъ) именно въ нѣкоторыхъ губерніяхъ сѣверо и юго-западныхъ. Если принять эту зависимость, то приходится заключить, что причины, побуждающія дворянъ ликвидировать свое землевладѣніе, дѣйствуютъ на пространствѣ всѣхъ 45 губерній (за ничтожными исключеніями) приблизительно съ одинаковой силой, *гдѣ шире развиты его владѣнія, приблизительно тамъ же выше и цифры его потерь*, *и наоборотъ*.

Провѣрить такой выводъ можно вычисленіемъ *относительныхъ* размѣровъ этихъ потерь. Если сказанное вѣрно, то нельзя ожидать, чтобы процентное отношеніе ихъ къ оставшейся въ распоряженіи дворянъ земельной площади могло значительно колебаться; оно должно мало измѣняться по отдѣльнымъ губерніямъ и сильно приближаться къ обще-русской средней. Такъ-ли это въ дѣйствительности, мы не можемъ сказать точно, такъ какъ нѣтъ данныхъ о распредѣленіи землевладѣнія по сословіямъ въ 1893 году. Мы не можемъ даже рѣшить эту задачу для *всѣхъ* 45 губерній, если сопоставимъ дворянскія потери указаннаго года съ посословными данными, относящимися къ 1887 году, такъ какъ до сихъ поръ (въ теченіе 10 лѣтъ) они опубликованы лишь по 14 губерніямъ (не считая привислянскихъ). Но за неимѣніемъ иного пріема для нашей цѣли мы поневолѣ должны удовольствоваться тѣмъ, что намъ даютъ такія сопоставленія по этимъ 14 губерніямъ (изъ которыхъ одну—Оренбургскую—мы при этомъ должны исключить, такъ какъ въ ней не было уменьшенія площади дворянскихъ земель). И слѣдуетъ признать, что приведенный выводъ подтверждается этимъ путемъ довольно прочно. Въ самомъ дѣлѣ, оказывается, что количество утерянной дворянами земли составляетъ только въ одной губерніи (Харьковской) выдающуюся величину—почти 5% (4,9%) всей площади дворянскаго землевладѣнія, въ трехъ около 3% (Тверская 3,2%, Смоленская 3,1%, Псковская 2,7%), а во всѣхъ остальныхъ—отъ 2 до 1% (въ Московской 0,9%). Такія колебанія должны быть признаны весьма незначительными; и это особенно важно потому, что въ числѣ этихъ губерній мы имѣемъ такія, которыя разбросаны въ весьма разнообразныхъ полосахъ Россіи: здѣсь есть и Московская съ Калужской, и Казанская, и Могилевская, и Саратовская, и Полтавская съ Черниговской, и Таврическая съ Херсонской. Если во всѣхъ этихъ губерніяхъ дворянскія земельныя потери колеблются всего въ ничтожныхъ предѣлахъ отъ 2 до 1% въ годъ, то это указываетъ на то, что размѣры эти типичны для большого числа губерній, вѣроятно—для всѣхъ 45, Увѣренность въ этомъ мы почерпаемъ и изъ слѣдующаго соображенія. Общерусской средней въ этомъ случаѣ мы вывести, понятно, не можемъ, пока мы имѣемъ данныя о землевладѣніи лишь по 14 губерніямъ. Мы пытаемся поэтому составить себѣ понятіе о ней окольнымъ путемъ. Относимъ сумму потерь дворянъ къ площади ихъ земель въ 1877 году (73,2 милл. дес.) и получаемъ, что въ 1893 г. изъ ихъ рукъ ускользнуло 1,3% всей

этой площади; но съ тѣхъ поръ количество ихъ земель сократилось; слѣдовательно—и процентъ потерь ихъ долженъ былъ нѣсколько подняться. Какъ велико это повышеніе, опредѣлить невозможно, но едва ли можно ошибиться, если признать, что въ 1893 году процентъ потерь не могъ превышать 1,6—1,7% *). Очевидно, приведенныя выше колебанія весьма близки къ этой средней или— эта средняя измѣняется сравнительно мало по губерніямъ. А изъ сказаннаго слѣдуетъ, что дворянская земля продается тѣмъ больше, чѣмъ ея больше; что она продается тѣмъ чаще, чѣмъ ее легче продать; что задерживающіе моменты задерживаютъ такую ликвидацію во всѣхъ 45 губерніяхъ весьма мало. Другими словами— надо думать, что почти вся дворянская земля, такъ сказать, объявлена въ продажу и непродается больше приведенныхъ ея количествъ лишь потому, что нельзя больше продать сколько-нибудь прилично, по отсутствію достаточнаго контингента лицъ, обладающихъ надлежащей покупательной способностью. И это—послѣ семи лѣтъ, протекшихъ съ основанія дворянскаго поземельнаго банка... При такой тенденціи дворянскаго землевладѣнія, какую картину показало бы намъ аналогичное изслѣдованіе, которое было бы произведено теперь, когда цѣны на хлѣбъ поднялись впервые послѣ ряда лѣтъ съ весьма низкими цѣнами? Не найдено ли было бы, что ликвидація дворянскаго землевладѣнія, еще болѣе начинаетъ ускорять свой темпъ? Очевидно, приспособляемость дворянства къ современнымъ хозяйственнымъ условіямъ остается столь же слабой, какой она была лѣтъ 25—30 назадъ, въ эпоху «Оскудѣнія», описанную Сергѣемъ Атавой.

Незамѣтно, чтобы и основаніе дворянскаго банка сколько-нибудь ощутительно помогло предотвращенію этого явленія. Но тогда объясняли это черезчуръ рѣзкимъ переходомъ отъ строя крѣпостного хозяйства къ такому, которое приходилось организовать на трудѣ наемномъ; тогда говорили, что нельзя было и требовать отъ поколѣнія дворянъ-хозяевъ, воспитанныхъ въ условіяхъ дореформеннаго режима, чтобы оно сразу могло оріентироваться среди новыхъ условій, созданныхъ положеніемъ 19 февраля; что второе ихъ поколѣніе, выросшее въ 60 и 70-хъ годахъ, съумѣетъ иначе управиться съ своимъ хозяйствомъ, что оно менѣе страдаетъ абсентеизмомъ, «садится на землю» и что ему суждено пріостановить ликвидацію дворянскихъ имѣній. Къ тому же на помощь явился и дворянскій банкъ.

Но осуществились ли эти ожиданія? Выводы, на которые на-

*) Если допустить ежегодную потерю дворянъ (по примѣру 1893 года) въ 1 милл. дес., то къ этому году площадь дворянскаго землевладѣнія должна была уменьшиться на 15 милл., т. е. до 58 милл. дес. Если отправиться отъ этой цифры, то потери этого сословія въ 1893 г. составятъ 1,7.

талкиваетъ нашъ матерьялъ, заставляютъ насъ сильно въ этомъ сомнѣваться. Потеря въ 1 милл. дес. въ годъ—это такой темпъ, при которомъ черезъ полстолѣтія дворянское землевладѣніе должно исчезнуть совершенно въ 45 губерніяхъ. Можно ли думать, что потери дворянъ въ 1893 году были почему нибудь исключительно велики? Нѣтъ, ибо годъ былъ изъ нормальныхъ. Есть основанія думать что земельная ликвидація должна была въ тотъ годъ даже нѣсколько замедлиться, такъ какъ предшествующіе два голодные года и уже начинавшееся въ то время паденіе хлѣбныхъ цѣнъ должно было сократить покупательныя средства крестьянъ въ значительной части Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и уменьшить «дѣйствительный спросъ» земли... А сверхъ того, какъ уже замѣчено выше, то-же удешевленіе хлѣба должно было даже нѣсколько задержать мобилизацію дворянскихъ земель. Такимъ образомъ, приспособляемость и слѣдующихъ за паденіемъ крѣпостного права поколѣній дворянъ къ новымъ условіямъ хозяйства оказывается едва ли сильнѣе, чѣмъ какою отличалось поколѣніе, пережившее эпоху 1861 года. Въ этомъ нельзя видѣть вліянія какихъ-нибудь такихъ условій, которыя тормазили бы развитіе въ Россіи капиталистическаго хозяйства вообще. Такое предположеніе невѣрно потому, что на смѣну землевладѣнію дворянъ, какъ ниже убѣдимся, идетъ не общинное-крестьянское, а тоже капиталистическое купеческое и единолично-крестьянское, постоянно выигрывающее площадь своего распространенія. Для этихъ капиталистовъ современныя хояйственныя условія оказываются благопріятными и даютъ имъ возможность отвоевывать у дворянъ ежегодно массы ихъ земель. Коньюнктуры, гибельныя для послѣднихъ, даютъ твердую почву для первыхъ, хотя и тѣ и другіе основываютъ свое хозяйство на наемномъ трудѣ. Очевидно, здѣсь дѣло не въ какихъ либо препятствіяхъ развитію капитализма въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, а въ какихъ то особенностяхъ самого дворанства, какъ сословія, (изученіе ихъ не входитъ въ задачу этой статьи), обусловливающихъ рѣшительный упадокъ его народно-хозяйственнаго значенія въ странѣ.

Переходимъ къ погубернскому распредѣленію пріобрѣтеній купцовъ и крестьянъ.

Первые потерпѣли въ нѣсколькихъ губерніяхъ земельный ущербъ. Въ трехъ они потеряли весьма немного (въ Нижегородской—8 дес. въ Рязанской 74, въ Ковенской 217), въ трехъ — значительно больше (въ Черниговской 1,2 тыс., Бессарабской—2,2 и Ярославской—3,3 т.). а въ одной—даже довольно значительно (въ Донской обл. 7218 дес.). Кромѣ того, въ пяти губерніяхъ (Московской, Тверской, Пензенской, Воронежской и Гродненской) они выиграли весьма мало (менѣе 1000 дес. въ каждой). Maximum купеческихъ пріобрѣтеній (за вычетомъ проданныхъ ими земель) встрѣчаемъ въ губерніяхъ Новгородской (24,9 т.), Смоленской (24,6 т.), Ко-

стромской (22,0 т.) и еще въ шести другихъ (отъ 20 до 10 т. въ каждой) *).

Крестьянское землевладѣніе потерпѣло ущербъ въ губ. Самарской (3,6 т.), Нижегородской (3,3 т.) и Курской (3,2 т.) и почти ничего не пріобрѣло въ Бессарабской (+129 дес.); въ 22 губерніяхъ оно увеличилось на 1000—10,000 дес. въ каждой, а въ остальныхъ **) еще болѣе—максимумъ въ Новороссійской (33½ т. дес.) и Костромской (35,3 т.).

Если мы взглянемъ на карту, то убѣдимся, что географическое расположеніе губерній съ наибольшими (болѣе 10 т. дес. на губернію) пріобрѣтеніями купцовъ и крестьянъ весьма сходно съ такимъ же расположеніемъ ихъ по признаку дворянскихъ потерь. Это—тотъ же почти замкнутый кругъ отъ средней Волги черезъ Новороссію, западный край, приозерную область и Вологодскую губерніи до Уральскаго хребта. Внутри этого круга расположены почти всѣ губерніи съ меньшими пріобрѣтеніями покупателей этой категоріи. Характерно, однако, что кругъ этотъ въ данномъ случаѣ имѣетъ перерывъ въ губерніяхъ Черниговской, Полтавской и Волынской, въ которыхъ абсолютныя цифры пріобрѣтеній купцовъ и крестьянъ не особенно велики (менѣе 10,000 дес. въ каждой, но болѣе 1000 дес.). Крестьяне покупаютъ здѣсь мало, очевидно, потому же, почему они покупаютъ немного въ сѣверной части средней черноземной полосы: это наиболѣе малоземельное ядро Европейской Россіи, гдѣ средній уровень благосостоянія сельской массы и долженъ былъ быть ниже въ теченіе всего періода, начиная съ 1861 года. Правда, въ Полтавской губерніи покупаютъ земли (кромѣ крестьянъ) еще и казаки. Гр. 9-я г. Рейнбота, въ которой они, къ сожалѣнію, смѣшаны съ колонистами и иными многоземельными частями сельскаго населенія, пріобрѣла въ названной губерніи довольно крупное количество (10,6 т.) земли; но въ Черниговской эта цифра сократилась на половину (5,8 т.), а въ Волынской она даже опускается до отрицательной величины (—50 дес.). Пріобрѣтенія «нижнихъ чиновъ» во всѣхъ этихъ мѣстахъ совершенно ничтожны. Слѣдовательно, остается вѣрнымъ, что вся та масса, которая вошла въ составъ нашей *третьей* группы, выигрываетъ въ указанномъ районѣ сравнительно мало земель, въ зависимости отъ низкой своей первоначальной земельной обезпеченности, и нарушаетъ географическую правильность очерченнаго пояса. Мало пріобрѣтаютъ (за вычетомъ прошлогодняго) въ тѣхъ же мѣ-

*) Въ уменьшающемся порядкѣ: Минская (19, т.), Харьковская, Самарская, Саратовская, Вологодская, Виленская (10,3 т.).

**) Кромѣ двухъ максимальныхъ,—въ уменьшающемся порядкѣ: Минская (29,1 т.), Могилевская, Смоленская, Оренбургская, Тверская, Харьковская, Донская, Уфимская, Псковская, Ярославская, Екатеринославская, Таврическая, С.-Петербургская, Вологодская, Виленская, Витебская и Херсонская (10,7 т.).

стахъ и купцы съ почетными гражданами. Мы не имѣемъ никакихъ данныхъ для объясненія того, почему мѣстное сельское хозяйство привлекаетъ къ себѣ сравнительно мало коммерческихъ капиталовъ, почему именно въ тѣхъ же губерніяхъ возрастаетъ конкурренція разносословныхъ товариществъ (въ Волынской—болѣе 4 т. дес., въ Полтавской и Черниговской—болѣе 5 тыс.).

Характерно далѣе распредѣленіе по отдѣльнымъ частямъ указаннаго круга пріобрѣтеній купцовъ и крестьянъ въ отдѣльности. Изъ всѣхъ губерній, входящихъ въ его составъ, только въ одной Самарской замѣчается крупный земельный выигрышъ первыхъ, сопровождаемый потерей земель вторыхъ, и еще въ одной—Саратовской сопровождаемый слабымъ приростомъ ихъ землевладѣнія. Во всѣхъ же остальныхъ мы встрѣчаемся съ крупными пріобрѣтеніями крестьянъ (за вычетомъ проданныхъ ими земель). Находятся они и на востокѣ (Уфимская, Оренбургская), и во всей Новороссіи, кромѣ Бессарабіи, и въ губерніи Харьковской, и во всѣхъ вышепоименованныхъ сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ. Отличіе въ данномъ случаѣ между упомянутыми двумя восточными и новороссійскими губерніями, съ одной стороны, и всѣми остальными, съ другой, однако, заключается въ томъ, что въ первыхъ крупный приростъ купеческаго землевладѣнія совершенно отсутствуетъ. Изъ близъ лежащихъ—въ одной только Харьковской губерніи обѣ категоріи покупщиковъ получили относительно замѣтныя площади земель—и нигдѣ больше на югѣ и востокѣ (кромѣ Самарской и Саратовской, какъ указано). Встрѣчается такое же положеніе и въ части сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ губерній *). За то въ другой ихъ части, и именно въ тѣхъ губерніяхъ, которыя занимаютъ наибольшія территоріи, выигрышъ крестьянъ сопровождается крупнымъ же выигрышемъ купцовъ. Здѣсь, очевидно, и происходитъ, главнымъ образомъ, конкурренція капиталовъ купеческихъ и крестьянскихъ, склоняющаяся въ пользу первыхъ и заставляющая отступать на второй планъ болѣе скромныхъ капиталистовъ второго изъ названныхъ сословій. Это губерніи Вологодская, Новгородская, Костромская, Смоленская, Минская, Виленская. Къ нимъ же, какъ упомянуто, примыкаетъ и одна южная губернія—Харьковская.

Вглядываясь въ нихъ ближе, замѣчаемъ, что это въ большинствѣ случаевъ—тѣ самыя губерніи, въ которыхъ замѣчалось значительное распространеніе купеческаго землевладѣнія и раньше—еще въ 70-хъ годахъ. По даннымъ для 1877 г., тогда были 4 губерніи съ максимальнымъ его развитіемъ (болѣе 20% площади губерніи—Олонецкая, Владимірская, Вятская, Самарская) и 19 губерній съ 20—10%. Минимальное его распространіе находилось

*) Ярославская, Тверская, С.-Петербургская, Псковская, Витебская, Могилевская.

тогда въ бѣлорусскомъ краѣ, юго-западномъ и особенно—въ литовскомъ (Ковенская—0,5%, Виленская—0,2%). Сравнивая эти данныя съ тѣми группировками, которыя мы можемъ сдѣлать на основаніи матеріала г. Рейнбота, видимъ между ними большое подобіе. Почти всѣ только что поименованныя губерніи съ наибольшимъ приростомъ купеческой земли входятъ въ составъ первыхъ двухъ группъ, по даннымъ 1877 г. Сюда же относятся и тѣ губерніи, въ которыхъ чистый земельный выигрышъ этого сословія простирается отъ 5 до 10 т. дес. (Владимірская, Таврическая, Уфимская, Оренбургская).—Но, на что слѣдуетъ обратить вниманіе, сверхъ того этотъ выигрышъ наблюдается и въ нѣкоторыхъ западныхъ губерніяхъ, въ которыхъ купеческое землевладѣніе раньше было ничтожно (Виленская, Минская, Ковенская). Равнымъ образомъ, то же явленіе встрѣчается и въ упомянутой выше Харьковской губерніи, дающей въ 1893 г. весьма крупный приростъ купеческихъ земель, одинъ изъ наибольшихъ. Правда, оно распространяется не на всѣ мѣстности, въ которыхъ такихъ земель было мало: въ Ковенской наблюдается даже ихъ убыль (на 217 дес.), въ Гродненской—прибыль ничтожна (310 дес.), но это не мѣшаетъ намъ вывести заключеніе, что *купеческое землевладѣніе продолжаетъ развиваться не только тамъ, гдѣ оно пустило прочные корни въ первые 1½—2 десятка лѣтъ со времени крестьянской реформы, но и продолжаетъ завоевывать себѣ мѣсто и въ другихъ губерніяхъ, и даже тамъ, гдѣ оно было тогда весьма невелико.* Особеннаго развитія оно достигаетъ, повидимому, тамъ, гдѣ къ земледѣльческимъ цѣлямъ покупки имѣній присоединяются еще и другія, обѣщающія выгодныя коммерческія операціи — вырубка лѣса, разработка торфа, камня и т. п.

Къ сожалѣнію, мы лишены возможности точно опредѣлить темпъ, съ которымъ идутъ эти завоеванія. Выше уже указано отсутствіе матерьяловъ о сословномъ распредѣленіи землевладѣнія въ 1893 г. Приходится прибѣгать опять къ окольному пути. Выигрышъ купцовъ въ названномъ году составляетъ 3,6% всей той площади земли, которой они владѣли въ 1877 г. Конечно, эта цифра должна быть нѣсколько понижена для начала 70-хъ годовъ—можетъ до 2,5%*). Этотъ размѣръ представляется, конечно, довольно значительнымъ и во всякомъ случаѣ гораздо большимъ, чѣмъ тотъ, съ какимъ мы сейчасъ встрѣтимся у ихъ конкуррентовъ—крестьянъ. Относя, наконецъ, цифры пріобрѣтеній купцовъ къ размѣрамъ ихъ землевладѣнія въ 1887 году для указанныхъ ранѣе 14 губерній, по которымъ опубликованъ соотвѣтственный матерьялъ, мы получаемъ весьма крупныя колебанія (въ противоположность дворянскимъ потерямъ) отъ

*) Если бы купцы выигрывали по 650 тыс. въ годъ, какъ въ 1893 г., то размѣры ихъ землевладѣнія въ этомъ году опредѣлялись бы цифрой около 15 милл. дес.

9,0% въ Харьковской и 5,2% въ Смоленской—до менѣе 0,5% въ Херсонской, Тверской и Московской. Смыслъ и значеніе этихъ колебаній можно будетъ уяснить себѣ только тогда, когда будетъ опубликованъ аналогичный матерьялъ для всѣхъ 50 губ.

Что касается до прироста крестьянскаго землевладѣнія, то географическое расположеніе губерній, стоявшихъ въ 1893 г. въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ, указываетъ на несомнѣнную связь его развитія съ размѣрами первоначальнаго надѣленія разныхъ разрядовъ крестьянъ землей въ 1861, 1865 и 1866 годахъ. За вычетомъ прибалтійскихъ и Астраханской, у насъ было 30 губерній, въ которыхъ средній надѣлъ на 1 ревизскую душу, безъ различія разрядовъ крестьянъ, составлялъ 4 и болѣе десятинъ. Изъ нихъ—въ 23-хъ находимъ *максимальное* увеличеніе площади крестьянскихъ земель (болѣе 10 т. въ каждой) и притомъ, что важно, *ни одна* изъ имѣющихъ столь значительный приростъ ихъ не имѣла средняго надѣльнаго обезпеченія менѣе 4 дес. на душу. Центральное наше малоземельное ядро (сѣверная часть черноземной полосы) имѣетъ сравнительно меньшій, и часто даже ничтожный, земельный приростъ у крестьянъ. Къ нему примыкаютъ лишь 7 губерній съ первоначальнымъ обезпеченіемъ—выше 4-хъ десятинъ, такъ какъ, очевидно, не одинъ размѣръ надѣловъ обусловливалъ большее или меньшее приращеніе крестьянскихъ земель. Не безъ вліянія остались здѣсь и колебанія урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ въ разныхъ мѣстахъ, и размѣры дѣятельности отдѣленій крестьянскаго банка, и особенности предложенія земель въ продажу, и сила конкурренціи купеческихъ капиталовъ и другія причины. Но указанная связь между размѣрами надѣловъ на ревизскую душу и приростомъ земель крестьянъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ размѣры эти были крупнѣе, крестьянство было въ среднемъ обезпеченнѣе, обладало большими покупательными средствами и, по мѣрѣ умаленія своего земельнаго фонда съ возрастаніемъ населенія, могло легче удовлетворять своей увеличивающейся потребности въ расширеніи землевладѣнія. Кто получилъ пять талантовъ, могъ при нуждѣ легче получить еще пять, а кто получилъ два, тому труднѣе было пріобрѣсти хотя пару новыхъ... На этомъ дѣло не останавливается. Мы убѣдимся ниже, что дифференцирующее вліяніе крупныхъ разницъ въ размѣрахъ надѣловъ сказывается не только въ различіяхъ прироста земли между губерніями, но среди разныхъ крестьянскихъ группъ въ предѣлахъ одной и той же губерніи. Это наблюденіе имѣетъ весьма крупный интересъ для освѣщенія динамики хозяйственнаго быта крестьянъ и оно заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія, для чего нужны данныя, подобныя матерьялу г. Рейнбота, не за одинъ годъ.

Провѣрить справедливость высказаннаго положенія можно бы

на колебаніяхъ процентнаго отношенія прироста крестьянскихъ земель къ общей ихъ площади. Если мало-по-малу, годъ за годомъ, нужда въ землѣ увеличивалась вездѣ, если къ началу 90-хъ годовъ она достигла большой интенсивности во всѣхъ 50 губерніяхъ, и притомъ крестьяне *могли* покупать абсолютно большее число десятинъ тамъ, гдѣ они больше ихъ и имѣли, и наоборотъ, то колебанія цифры, выражающей отношеніе прироста къ площади землевладѣнія, должны быть ничтожны. Откуда же быть ихъ большему размѣру? *Желанія* купить вездѣ—хоть отбавляй; а возможность купить пропорціональна прежней площади ихъ земли: *процентъ* прироста долженъ быть вездѣ почти одинаковъ. *Это и наблюдается въ дѣйствительности* въ тѣхъ выше упомянутыхъ 14 губерніяхъ, для которыхъ опубликованы данныя о посословномъ распредѣленіи землевладѣнія въ 1887 году. На нихъ приведенное предположеніе подтверждается съ большой отчетливостью. Колебанія названныхъ процентныхъ отношеній представляются тамъ совершенно ничтожными. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянскія земельныя пріобрѣтенія (за вычетомъ проданныхъ ими земель) въ 1893 г. составляютъ къ площади ихъ владѣнія въ 1888 г.—въ Могилевской губ.,—1,4%, въ Смоленской—1,1%, въ 10 губерніяхъ—отъ 0,8% до 0,2% и въ одной (Казанской)—0,02%. Самое придирчивое отношеніе къ этимъ цифрамъ не можетъ поколебать устойчивости этихъ величинъ. Въ 10 губерніяхъ изъ 13 колебанія ихъ не превышаютъ ничтожной величины—0,6%, да и остальныя три примыкаютъ къ нимъ весьма близко. Доказательность приведенныхъ цифръ возростаетъ еще значительнѣе въ зависимости отъ того факта, что, какъ упомянуто было выше (по поводу дворянскихъ потерь), эти губерніи разбросаны въ разныхъ полосахъ Россіи, и, какъ прибавимъ теперь, среднее надѣльное обезпеченіе ихъ весьма различно. Среди нихъ есть и 2 западныхъ, и 3 малороссійскихъ, и 2 новороссійскихъ, и 2 восточныхъ, и 3 центральныхъ, и 1 приозерной области; средніе надѣлы ихъ на 1 ревизскую душу колеблются весьма значительно, между 2,5 дес. (въ Полтавской губ.) и 9,4 дес. (въ Таврической); приростъ крестьянской земли въ 0,5% наблюдается одинаково въ губерніяхъ—Московской, съ надѣломъ въ 3,2 дес. на 1 рев. душу, Калужской, съ надѣломъ въ 3,7 дес., въ Харьковской, съ надѣломъ въ 4,1 дес. и въ Таврической съ надѣломъ 9,4 дес. И т. д. Чѣмъ больше крестьяне обезпечены землей, тѣмъ больше и покупаютъ, и наоборотъ.

Остается прибавить, что относительные размѣры крестьянскихъ пріобрѣтеній все-же остаются весьма ничтожными, какъ это уже можно замѣтить изъ предыдущаго. Въ 1893 году крестьяне выиграли площадь земли, составляющую всего 0,5% всей площади ихъ землевладѣнія въ 1877 году. У купцовъ, какъ мы видѣли, цифра эта возвышается до 3,6%, т. е. больше въ 7 съ лишнимъ разъ. Если принять во вниманіе, что за 15 лѣтъ, протекшіе съ 1877 г.

общій размѣръ площади крестьянскихъ земель нѣсколько увеличился, то приведенная величина должна уменьшиться еще болѣе—быть можетъ, до 0,4% *). Если мы скажемъ, забѣгая впередъ, что общественная покупка составляетъ весьма скромную часть крестьянскихъ земельныхъ покупокъ вообще, то не трудно видѣть, какъ, въ сущности, сравнительно ничтожно то количество земли, на которое увеличиваются ежегодно владѣнія наиболѣе нуждающихся въ ней малоземельныхъ крестьянъ. Возьмемъ примѣръ. Изъ тѣхъ 13 губерній, для которыхъ мы можемъ съ нѣкоторымъ приближеніемъ вычислить отношеніе площади прироста къ площади землевладѣнія, максимальный процентъ, какъ уже упомянуто, получается въ губерніи Могилевской—1,4%; средній надѣлъ на 1 ревиз. душу тамъ къ тому-же не изъ мелкихъ — 4,9 дес. (одинъ изъ самыхъ крупныхъ для тѣхъ-же 13 губерній); беремъ 1,4% отъ 4,9 дес., получаемъ 0,069 дес., т. е. отъ пріобрѣтеній 1893 г. могилевскій крестьянинъ увеличилъ свое землевладѣніе въ среднемъ менѣе, чѣмъ на 0,07 дес. Это микроскопическое увеличеніе является на самомъ дѣлѣ даже для могилевскаго крестьянина большимъ дѣйствительнаго, такъ какъ мы относили цифры пріобрѣтеній 1893 г. къ цифрамъ землевладѣнія 1887 г.; если-бы мы знали цифры послѣдняго для 1893 г., то получили-бы отношеніе меньшее, чѣмъ 1,4% и слѣдовательно—при нашемъ вычисленіи цифру меньшую, чѣмъ 0,07 дес. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, на *наличную* душу размѣръ земельнаго надѣла теперь менѣе указаннаго болѣе, чѣмъ на ⅓. Но если-бы мы даже могли ввести сюда обѣ эти поправки, то полученная нами дѣйствительная величина для Могилевской губерніи для массы мѣстностей все-же была бы черезчуръ высокой. Мы взяли приростъ въ 1,4% въ то время, какъ *средній* приростъ для 1893 г. надо считать не выше 0,4%, т. е. въ 3½ раза меньше. Эти соображенія указываютъ, какія «безконечно малыя» величины получаются въ видѣ прироста крестьянскаго землевладѣнія въ среднемъ. Послѣ сказаннаго очень понятно, что *масса* въ концѣ концовъ отъ него не получаетъ *никакого* увеличенія своего благосостоянія, такъ какъ и крестьяне имѣютъ свои латифундіи. Къ изученію *распредѣленія* земельнаго выигрыша между крестьянами мы и переходимъ. Результаты группировокъ относящихся сюда данныхъ изъ матеріала г. Рейнбота даютъ яркое освѣщеніе той народно-хозяйственной эволюціи, которая совершается въ переживаемый нами моментъ. Крестьяне увеличили въ 1896 году свои земельныя владѣнія въ трехъ формахъ—общинами, товариществами и единолично. Относительные размѣры площадей, пріобрѣтенныхъ въ 45 губерніяхъ поку-

*) Если предположить, что въ теченіе 15 лѣтъ крестьяне выигрывали (какъ въ 1893 г.) по 693 тыс. дес., то въ томъ году общая площадь крестьянскаго землевладѣнія должна была увеличиться до 146,8 милл. дес.

патедями каждой изъ этихъ категорій были, однако, далеко неравны между собой. Больше всѣхъ получили товарищества—290,9 тыс. дес.), $^3/_5$ (59,7%) всѣхъ крестьянскихъ покупокъ (за вычетомъ земель, проданныхъ ими), затѣмъ личные собственники—155,6 тыс. дес., почти $^1/_3$ (32,0%), а меньше всѣхъ—общины (40,4 тыс. дес.), успѣвшія захватить всего $^1/_{12}$ (8,3%). Такимъ образомъ, почти вся земля, пріобрѣтенная крестьянами, распредѣлилась между первыми двумя группами, при чемъ на долю первой пришлось почти вдвое болѣе, чѣмъ на долю второй.

Товарищескія пріобрѣтенія, по своимъ относительнымъ размѣрамъ, были почти одинаковы въ обѣихъ крупныхъ полосахъ; цифры одной и другой весьма мало отличаются отъ приведенной средней (на нечерноземѣ 59,2%, а на черноземѣ—61,3%). Нѣсколько больше колебанія тѣхъ же количествъ для покупокъ крестьянъ личныхъ владѣльцевъ; эти покупки значительно распространеннѣе въ черноземной полосѣ (37,7%), чѣмъ въ нечерноземной (28,2%). Наконецъ, еще болѣе крупное различіе между полосами находимъ въ отношеніи общинныхъ пріобрѣтеній земли; поднимаясь на нечерноземѣ нѣсколько выше средней—до 12,5%, цифра эта падаетъ на черноземѣ до ничтожныхъ размѣровъ—1,0%. Здѣсь приращеніе личнаго крестьянскаго землевладѣнія произошло на счетъ общиннаго, почти совсѣмъ не увеличившагося.

Детализируя, далѣе, тѣ-же цифры по отдѣльнымъ группамъ губерній, мы получаемъ слѣдующіе ряды, въ которыхъ сказывается взаимная зависимость крестьянскихъ земельныхъ пріобрѣтеній между собой. Располагаемъ названныя группы въ увеличивающемся порядкѣ величинъ, выражающихъ такія пріобрѣтенія общинъ и товариществъ (за вычетомъ земель, проданныхъ тѣми и другими) и въ уменьшающемся порядкѣ аналогичныхъ величинъ для пріобрѣтеній личныхъ (за такимъ же вычетомъ).

1. *Общины.*	%	2. *Товарищества.*	%	3. *Личные собственники.*	%
1) Юго-западн. губ. .	0,0	1) Западн. губ. .	44,5	1) Южныя степныя губ. .	45,0
2) Южн. степн. » .	1,7	2) Южн. степн. » .	53,3	2) Западныя » .	43,8
3) Центр. черноземн. . . . . » .	6,9	3) Малороссійс. » .	54,4	3) Малоросс. » .	38,1
4) Малороссійск. » .	7,5	4) Центр. черноземн. » .	55,5	4) Центр. черноземн. » .	37,6
5) Сѣверныя . . » .	8,5	5) Центр. нечерноземн. » .	52,0	5) Юго-западн. » .	36,6
6) Западныя . . » .	11,7	6) Юго-западн. » .	63,6	6) Центр. нечерноземн. » .	21,8
7) Восточныя . » .	14,5	7) Восточныя » .	67,3	7) Сѣверныя » .	20,2
8) Центр. нечерноземн . . » .	16,3	8) Сѣверныя » .	71,6	8) Восточныя » .	17,9

Ряды эти представляются весьма характерными и заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Группы, на которыя раздѣлены всѣ 45 губерній, расположились здѣсь весьма систематично. Прежде всего отмѣтимъ, что есть у насъ одна такая область, въ которой общины

не пріобрѣли ничего *)—юго-западъ, и что нигдѣ общинныя пріобрѣтенія не превысили скромной цифры 16 съ небольшимъ процентовъ. Притомъ максимумъ ихъ меньше минимума пріобрѣтеній личныхъ, но максимумъ этихъ почти не превышаетъ минимума пріобрѣтеній 'товарищескихъ, а въ сѣверныхъ губерніяхъ послѣдніе охватили болѣе $^{7}/_{10}$ всѣхъ земель, выигранныхъ крестьянами. Такова послѣдовательность, въ которой располагаются эти формы пріобрѣтеній по относительнымъ размѣрамъ ихъ площадей.

Далѣе, мы замѣчаемъ сходство въ расположеніи группъ по признаку роста общиннаго и товарищескаго землевладѣнія—оба его вида увеличиваются приблизительно параллельно въ однѣхъ и тѣхъ-же мѣстностяхъ. Если мы взглянемъ на первыя четыре группы губерній въ каждомъ изъ двухъ первыхъ нашихъ рядовъ, то увидимъ, что три изъ нихъ тождественны между собой; тоже самое наблюдается и во вторыхъ половинахъ тѣхъ-же рядовъ. Выходитъ, что въ южныхъ степныхъ губерніяхъ, центральныхъ черноземныхъ и малороссійскихъ одновременно и общинныя, и товарищескія покупки доставили крестьянамъ земли относительно меньше, чѣмъ въ сѣверныхъ, восточныхъ и центральныхъ нечерноземныхъ. Эту общую схему не нарушила бы и группа шести западныхъ губерній, въ которыхъ при минимальныхъ товарищескихъ пріобрѣтеніяхъ слабо развиты и общинныя, если-бы въ средѣ ихъ не встрѣтилось всего одной губерніи (Могилевской), въ которой цифра послѣднихъ, по какимъ-то причинамъ, не выясняющимся изъ матеріала, поднялась до значительной величины **). Такимъ образомъ, связь между пріобрѣтеніями общинъ и товариществъ несомнѣнно существуетъ въ томъ смыслѣ, что колеблются ихъ размѣры параллельно въ большинствѣ мѣстностей: тамъ, гдѣ увеличиваются однѣ, растутъ и другія. Зависимость эта, однако, нарушается въ губерніяхъ запада и юго-запада; нельзя не отмѣтить также, что товарищескія покупки въ сѣверныхъ губерніяхъ значительно больше, а въ центральныхъ нечерноземныхъ,—значительно менѣе, чѣмъ то можно-бы ожидать на основаніи относительныхъ размѣровъ ихъ общинныхъ пріобрѣтеній.

Обращаясь-же къ сличенію второго ряда съ третьимъ, мы находимъ между ними полную обратную зависимость. Чѣмъ большую роль играютъ пріобрѣтенія личныхъ собственниковъ изъ крестьянъ, тѣмъ меньшую—пріобрѣтенія товариществъ, и наоборотъ. Наибольшее значеніе получаютъ личныя покупки и наименьшее—товарищескія въ губерніяхъ степного юга и запада, за ними слѣдуютъ малороссійскія и центральныя черноземныя, еще далѣе—юго западныя и центральныя не черноземныя, и наконецъ—наименьшее значеніе личныхъ и наи-

---

*) Онѣ даже потеряли тамъ 9,3 тыс. дес.

**) Пріобрѣтенія общинъ въ Могилевской губ. составляютъ 83% общинныхъ пріобрѣтеній во всѣхъ западныхъ губерніяхъ.

большее—товарищескихъ пріобрѣтеній . наблюдается въ губерніяхъ сѣверныхъ и восточныхъ. Т. е. личныя покупки относительно увеличиваются, а товарищескія относительно сокращаются отъ сѣвера и востока къ югу и западу.

Смыслъ всѣхъ этихъ колебаній и зависимостей можетъ быть уясненъ изъ того промежуточнаго характера, который носятъ товарищескія покупки земель между общинными, съ одной стороны, и личными—съ другой. Дѣло представляется намъ въ такомъ видѣ. Крестьяне пріобрѣтали-бы землю, вѣроятно, гораздо чаще общинами, чѣмъ товариществами, если-бы это было имъ по силамъ, если-бы матеріальное обезпеченіе или кредитныя условія всей массы ихъ были лучше обставлены. Такія покупки были-бы выгодны всѣмъ членамъ каждой данной общины и потому онѣ имѣли-бы при иной обстановкѣ гораздо большее распространеніе, чѣмъ теперь. Но матеріальныя условія массы не позволяютъ ей покупать земли за свои деньги, а помощь крестьянскаго банка ничтожна по сравненію съ наличной потребностью крестьянъ въ землѣ. Отсюда и вытекаетъ то обстоятельство огромной важности для русскаго народнаго хозяйства, что общинное землевладѣніе почти не получаетъ никакого приращенія. Наиболѣе малоземельная масса, болѣе всѣхъ нуждающаяся въ увеличеніи своей земельной площади, получаетъ лишь ничтожныя крохи изъ того количества десятинъ, которыя теряетъ дворянство и проч. сословныя группы. На этомъ дѣло, конечно, не можетъ кончиться, если существуетъ предложеніе земельныхъ участковъ въ продажу. Бѣдность большинства не можетъ удержать отъ расширенія своего землевладѣнія того меньшинства, которое можетъ покупать земли при помощи распродажи части инвентаря, разныхъ кредитныхъ сдѣлокъ, и пр., и пр. Это, конечно, болѣе состоятельные домохозяева деревни, болѣе кредитоспособные, болѣе оборотистые, болѣе «хозяйственные». Они еще не настолько оперились, чтобы покупать единолично большіе участки, и потому соединяются въ группы и образуютъ товарищества. Въ зависимости отъ средствъ и количества участниковъ, товарищества могутъ быть болѣе или менѣе состоятельны, могутъ захватывать большіе или меньшіе участки. Могутъ соединяться нѣсколько не особенно богатыхъ крестьянъ, которымъ удалось «поднять» небольшое число десятинъ, а могутъ быть и капиталисты, покупающіе по нѣскольку сотъ десятинъ на пайщика. Между обоими типами, конечно, должна существовать цѣлая лѣстница типовъ промежуточныхъ, приближающихся то къ одному, то къ другому, то едва «становящихся на ноги», то заправскихъ капиталистовъ, покупающихъ земли съ цѣлью эксплотаціи ихъ исключительно, или почти исключительно, наемнымъ трудомъ. Нерѣдко присоединяется и стремленіе къ земельному барышничеству (покупка земель для перепродажи мелкими участками по усиленной цѣнѣ; покупка съ единственной

цѣлью раздавать землю мелкими дѣлянками въ наемъ по очень высокой цѣнѣ тѣмъ изъ окрестныхъ крестьянъ, которые по мѣстнымъ условіямъ не могутъ обойтись безъ аренды именно этого участка и т. п.). *). Засимъ, шагъ далѣе и передъ нами уже возвышается отслой этого отслоя—крестьянинъ, покупающій землю единолично. Не считая губерній съ господствующимъ подворнымъ землевладѣніемъ, гдѣ происходитъ мобилизація земель мелкихъ собственниковъ между собой, это бываетъ часто уже человѣкъ «капитальный», располагающій сотнями и тысячами десятинъ. Мы сейчасъ увидимъ, что мелкія единоличныя пріобрѣтенія распространены болѣе всего на западѣ и юго-западѣ, крупныя—въ губерніяхъ общинныхъ. Такимъ образомъ, товарищества являются промежуточной формой между общиной и крестьянами частными собственниками. Будучи продуктомъ малоземелія и слабой обезпеченности массы, служа показателемъ усиленія ея дифференціаціи, они прежде всего и развиваются, конечно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ всеобщая нужда въ землѣ сказывается сильнѣе и гдѣ въ то-же время имѣется предложеніе земель. Общины берутъ себѣ изъ этого предложенія, что могутъ, но товарищества, какъ группы, составленныя только изъ лицъ болѣе состоятельныхъ и находящіяся поэтому въ болѣе выгодныхъ условіяхъ конкурренціи, захватываютъ себѣ изъ него львиную долю. Но, съ другой стороны, тамъ, гдѣ деревенскій отслой дѣйствуетъ *еще* группами, это должно значить (въ общинныхъ губерніяхъ), что отдѣльныя лица, накопившія себѣ болѣе или менѣе крупныя (для крестьянина, иногда даже и для не крестьянина) состоянія, появляются *сравнительно* рѣдко. И наоборотъ, гдѣ такой классъ пріобрѣлъ уже себѣ значительное распространеніе, тамъ ему уже уступаютъ мѣсто товарищескія группы. Мы и видѣли, что оба типа землевладѣнія находятся по своимъ относительнымъ размѣрамъ въ обратномъ отношеніи: чѣмъ больше приростъ земель однихъ, тѣмъ меньше приростъ другихъ, и наоборотъ. Малоземелie и проч. неблагопріятныя хозяйственныя условія обогащаютъ товарищества на счетъ общинъ, а затѣмъ крестьяне—личные владѣльцы обогащаются на счетъ товариществъ.

Такой процессъ идетъ еще глубже, чѣмъ можно предполагать. Въ средѣ самыхъ общинъ распредѣленіе прироста общинной земли происходитъ крайне неравномѣрно. Общая его сумма (40,408 дес.) дѣлится на двѣ почти равныя части. Первую изъ нихъ (19,4 тыс. дес.) захватили такія общины, которымъ оказались подъ силу болѣе крупные участки (болѣе 1000 дес. каждый). Это, конечно, общины болѣе состоятельныя, болѣе многолюдныя. Но такія встрѣчаются далеко не вездѣ; онѣ пріобрѣли земли (за вычетомъ проданныхъ) всего

*) Товарищескія и единоличныя *аренды* у насъ также носятъ весьма часто барышническій характеръ (см. мою книгу «Крестьянскія вненадѣльныя аренды» стр. 195 и слѣд.).

въ пяти губерніяхъ изъ 45. *) Повторяемъ, на долю этихъ пришлась цѣлая *половина* всего общиннаго прироста земель. Другую половину получила вся та масса общинъ, которая покупала земли участками отъ 50 до 1000 дес. Ихъ очень мало, онѣ встрѣчаются въ 35 губерніяхъ, но пріобрѣли всѣ вмѣстѣ всего 21,1 тыс. дес. Очевидно, выигрышъ ихъ гораздо скромнѣе выигрыша первыхъ.—Но это еще не все. Складывая обѣ приведенныя цифры (19,4+21,1 тыс. дес.), получаемъ въ суммѣ 40,5 тыс., тогда какъ выше было указано, что *всю* крестьянскія общины пріобрѣли 40,4 тыс. Откуда же взялась лишняя сотня десятинъ? Это — не цифровая ошибка, читатель. Это значитъ, что наиболѣе мелкія общины, тѣ, которымъ подъ силу было пріобрѣтать только малые участки—до 50 дес., не только ничего не пріобрѣли, но *даже потеряли* 108 десятинъ. Цифра эта разлагается такъ: на нечерноземѣ онѣ выиграли 1409 дес., а на черноземѣ потеряли 1517 дес. Изъ нечерноземныхъ группъ губерній онѣ выиграли въ двухъ — въ центральной нечерноземной **) (+1216 дес.) и въ западныхъ (+316 дес.), а проиграли въ одной, сѣверной (—123 дес.). ***) Изъ черноземныхъ группъ выиграли онѣ только въ одной (югозападной+11 дес.) и проиграли во всѣхъ остальныхъ (отъ 736 дес. въ центральной черноземной до 36 дес. въ степной). Явленіе это есть, конечно, результатъ вольныхъ и невольныхъ продажъ крестьянскихъ земель, пріобрѣтенныхъ при помощи крестьянскаго банка, что служитъ еще одной яркой иллюстраціей тѣхъ ненормальныхъ условій, которыя создаются имъ для своихъ заемщиковъ. И вотъ фактъ, и фактъ крупнаго общественнаго значенія, на лицо: даже тѣ небольшія земельныя пространства, которыя перепали на долю общинъ, послужили въ 1893 году къ приращенію землевладѣнія такихъ, которыя могли покупать крупные участки, больше всего; гораздо менѣе—къ увеличенію земельной площади тѣхъ общинъ, которыя средствами поскромнѣе, и, наконецъ, совсѣмъ не увеличили земельнаго фонда мелкихъ, малоземельныхъ общинъ, которымъ подъ силу покупать лишь небольшіе участки до 50 дес. Эти даже уменьшили свое земельное обезпеченіе... Крестьянское малоземеліе даетъ, въ концѣ концовъ, не только тѣ отслоенія внутри общины, о которыхъ сказано было выше, но, если можно такъ выразиться, дифференцируетъ общины между собой, парализуя средства къ улучшенію своего положенія бѣднѣйшихъ, и тѣмъ создавая еще большее неравенство между средними уровнями обезпеченности от-

---

*) Въ Волынской 10,0 тыс. дес., въ Оренбургской - 4,5 тыс., въ Харьковской—3 тыс., въ С-Петербургской 1,3 тыс. и въ Симбирской—0,6 тыс.

**) Но даже и здѣсь проиграли—въ Московской (136 дес.), Нижегородской (32), Ярославской (27) и Владимірской (15).

***) Здѣсь выиграли въ С.-Петербургской (71 дес.), Новгородской (62), и Вятской (14).

дѣльныхъ общинъ. Пусть будутъ рядомъ двѣ общины: одной не подъ силу кусокъ земли всего въ 50 дес., а другой — подъ силу и въ 1500 дес.; первая не можетъ увеличить своего землевладѣнія, въ то время, какъ второй это удается. Выходитъ, что прежнее отношеніе между размѣрами ихъ обезпеченности нарушилось въ ущербъ первой. Кто имѣлъ пять талантовъ, получилъ еще пять, а кто имѣлъ одинъ, не получилъ ничего; у того даже меньше стало...

Вѣроятно, въ значительной степени вслѣдствіе именно такой тенденціи приведенныхъ цифръ, у насъ имѣется немало губерній, въ которыхъ замѣчается (въ послѣднемъ счетѣ среди общинъ со всякими размѣрами покупокъ и продажъ) *потеря* общинныхъ земель или почти полное отсутствіе ихъ прироста. Такихъ губерній насчитывается *девятнадцать* изъ 45 (безъ малаго *половина*); онѣ захватываютъ огромную площадь какъ нечерноземной, такъ и черноземной полосы. Рядъ ихъ начинается съ губерніи Олонецкой, захватываетъ Вологодскую, Вятскую, Пермскую и Самарскую, проходитъ черезъ сѣверную часть чернозема (Рязанская, Пензенская, Воронежская, Тамбовская, Курская) въ Малороссію, юго-западъ (Полтавская, Черниговская, Подольская, Волынская) и Новороссію (Бессарабская Херсонская, Таврическая и Екатеринославская); къ нимъ примыкаетъ и Ковенская. Въ этой громадной области сельскія общины выиграли по нѣскольку десятинъ только въ трехъ (въ Рязанской 64, въ Подольской 36 и въ Олонецкой 1 дес.), не выиграли, но и не проиграли—въ двухъ (въ Ковенской и Бессарабской), и *потеряли* во всѣхъ остальныхъ четырнадцати—отъ 2 дес. въ Вологодской до 1479 дес. въ Самарской, 2577 дес. въ Курской и 9507 дес. въ Волынской.—Значительный приростъ общинныхъ земель (болѣе 2500 дес. на губернію) замѣчается только въ 8 губерніяхъ: въ пяти на сѣверо-западѣ (Могилевская—9758, Смоленская—8103, Тверская—5195, *) Новгородская и Петербургская), въ двухъ на востокѣ (Уфимская и Оренбургская) и въ губ. Харьковской.—Весьма характерно, что географическое расположеніе прироста *товарищескаго* землевладѣнія весьма сильно напоминаетъ то, что мы видѣли сейчасъ. Въ 15 губерніяхъ оно или уменьшилось, **) или не увеличилась совсѣмъ, ***) или-же, наконецъ, уменьшилась весьма мало, по сравненію съ прочими (менѣе 2500 дес. въ каждой). Изъ всѣхъ этихъ губерній—десять входятъ въ списокъ тѣхъ, въ которыхъ уменьшилось общинное землевладѣніе, а четыре—въ число такихъ, гдѣ пріобрѣтенія общинъ оказались тоже невелики (100—500 дес.). Съ другой стороны, изъ трехъ губерній съ приростомъ товарищеской земли болѣе 15 тыс. дес. въ каждой (Новгородская 22,0 тыс. дес., Тверская 15,6 тыс. и Костромская

*) Во всѣхъ остальныхъ отъ 2500, но не болѣе 500 дес. въ каждой.

**) Въ Курской на 1090 дес. и въ Бессарабской на 30 дес.

***) Въ Олонецкой и Таврической.

21,2 тыс.), двѣ первыя входятъ въ составъ той области, гдѣ мы нашли наибольшій приростъ общинный. Очевидно, отсюда слѣдуетъ заключить, что отслоившимся товарищескимъ группамъ затруднительнѣе расширять свои земельныя пріобрѣтенія тамъ, гдѣ и общины могутъ покупать земель меньше. Въ однихъ мѣстахъ это можетъ зависѣть просто отъ недостаточнаго предложенія земель въ продажу вообще; въ другихъ—отъ недостаточнаго предложенія участковъ, посильныхъ товарищескимъ средствамъ; но въ иныхъ—причиной долженъ служить слабый средній уровень крестьянскаго благосостоянія. Чѣмъ беднѣе община, тѣмъ въ ней долженъ получиться меньшій отслой, тѣмъ слабосильнѣе онъ долженъ быть. Словомъ, безспорно найдутся мѣстности съ общимъ обнищаніемъ почти всѣхъ членовъ общины, кромѣ совсѣмъ изолированныхъ единицъ. При этихъ условіяхъ, конечно, и товариществамъ бываетъ труднѣе образоваться и развернуться. Наконецъ, можно предположить и такой случай. При сравнительно крупныхъ размѣрахъ надѣловъ отдѣльные богатые домохозяева могутъ находить для себя возможнымъ, такъ сказать, миновать товарищескую фазу, а стремиться прямо къ конечной своей цѣли—къ пріобрѣтенію земли въ личную собственность. Интересно сопоставить по этому признаку, напр., три новороссійскія губерніи—Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую. Во всѣхъ нихъ количество общинныхъ земель, какъ мы видѣли, нѣсколько уменьшилось. Въ этомъ ихъ сходство. Крупное же различіе состоитъ въ томъ, что въ болѣе многоземельной Таврической губ. товарищества не пріобрѣли ни одной десятины, крестьяне-же личные собственники пріобрѣли почти 15 тыс. дес., а въ меньше-земельныхъ Херсонской и Екатеринославской товаварищества пріобрѣли сравнительно гораздо больше (8992 дес. и 9350 дес.), личные-же собственники—гораздо меньше (1687 дес. и 2874 дес.). Разница получается довольно значительная. Можетъ быть и Таврическая губернія сначала пережила эту «товарищескую фазу» прежде, чѣмъ перейти къ «личной»? Замѣчается-ли анологичная послѣдовательность и въ другихъ губерніяхъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, надо-бы имѣть матерьялъ, аналогичный нашему, за болѣе или менѣе продолжительный рядъ лѣтъ, а такового, къ сожалѣнію, не имѣется.

Эти соображенія приводятъ насъ къ знакомству съ господствующими размѣрами товарищескихъ и личныхъ участковъ, увеличившихъ собой въ 1893 году землевладѣніе обоихъ этихъ видовъ. Если существуетъ указанное соотношеніе между среднимъ уровнемъ обезпеченности всей массы сельскаго населенія, съ одной стороны, и формами и количествомъ отслоеній—съ другой, то наиболѣе крупные размѣры участковъ товарищескихъ и личныхъ пріобрѣтеній должны встрѣчаться въ области большихъ надѣловъ, большихъ арендъ, большаго обезпеченія крестьянъ инвентаремъ, словомъ—въ области лучшаго хозяйственнаго обезпеченія массы, и

наоборотъ. Такъ ли это въ дѣйствительности? Посмотримъ, что говорятъ вычисленія, сдѣланныя надъ нашимъ матеріаломъ.

Мы рѣшительно не можемъ привести въ журнальной статьѣ всей той массы цифръ, которыми располагаемъ въ данномъ случаѣ. Мы разбили товарищескія пріобрѣтенія по размѣрамъ ихъ участковъ на 5 группъ (50 дес., 50—100, 100—500, 500—1000 и больше 1000 дес.), а личныя (крестьянскія) на 6 группъ (до 25, 25—50, 50—100, 100—500, 500—1000 и больше 1000), вычислили въ процентахъ относительные размѣры земельнаго прироста каждой изъ этихъ группъ пополосно и по группамъ губерній. Составились таблицы, приводить которыя мы не будемъ; сообщимъ лишь выводы, къ которымъ приводятъ цифровыя комбинаціи.

Прежде всего замѣчаемъ, что товарищескія пріобрѣтенія первыхъ трехъ группъ (до 50 дес., 50—100, 100—500 дес.) колеблются въ прямомъ отношеніи между собой, въ тѣхъ районахъ, гдѣ увеличиваются цифры для одной, ростутъ цифры и двухъ другихъ, и наоборотъ. Двѣ же послѣднія колеблются въ обратномъ отношеніи къ первымъ: гдѣ эти увеличиваются, тамъ тѣ уменьшаются, и наоборотъ. Очевидно, хозяйственное значеніе товарищескихъ пріобрѣтеній менѣе 500 дес. неособенно различествуетъ между собой въ разныхъ мѣстностяхъ; разница въ размѣрахъ участковъ въ этомъ случаѣ зависитъ, вѣроятно, больше отъ численнаго состава членовъ товариществъ, чѣмъ отъ разнообразія средствъ, которыми они обладаютъ. Иное дѣло—двѣ послѣднія группы, у которыхъ, надо думать, есть крупное различіе съ первыми въ имущественныхъ средствахъ, а отсюда—и въ диффренцированномъ ихъ положеніи въ средѣ той массы, изъ которой они вышли. Желая раздѣлить эти категоріи, называемъ *мелкими* пріобрѣтеніями участками до 500 дес., *средними*—участками въ 500—1000 дес. и *крупными* больше 1000. Въ какихъ же группахъ губерній (по принятому дѣленію г. Рейнбота) распространенъ каждый изъ этихъ типовъ? Располагаются они слѣдующимъ образомъ. Пріобрѣтеній *мелкаго* типа встрѣчается много (т. е. больше средней величины) въ центральныхъ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерніяхъ, малороссійскихъ, юго-западныхъ и отчасти въ западныхъ; встрѣчается ихъ сравнительно мало (т. е. меньше средней величины) отчасти въ губ. сѣверныхъ, но гораздо менѣе—въ южныхъ степныхъ и менѣе всего въ восточныхъ. Картина эта очень знакома. Мелкія товарищества распространены болѣе всего въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя входятъ въ составъ нашего наиболѣе малоземельнаго и малоарендналго ядра,—въ сѣверной части черноземья, Малороссіи и юго-запада, къ нимъ же примыкаетъ и нечерноземный центръ, мало чѣмъ отличающійся отъ перечисленныхъ областей по признаку земельнаго обезпеченія крестьянъ. По направленію къ окраинамъ (къ западу, сѣверу, югу и востоку) вмѣстѣ съ ростомъ первоначальныхъ размѣровъ надѣловъ мелкія товарищескія пріобрѣ-

тенія сокращаются; самый типъ ихъ крупнѣетъ *). Схема распространенія пріобрѣтеній *крупныхъ* товарищескихъ участковъ (болѣе 1000 дес.) представляется совершенно обратной. Ихъ мало (т. е. меньше средней величины) въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, малороссійскихъ, юго-западныхъ и западныхъ; ихъ много (т. е. больше средней) главнымъ образомъ на степномъ югѣ и востокѣ, затѣмъ на сѣверѣ и отчасти въ центральныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ.

Пріобрѣтенія крестьянъ личныхъ собственниковъ *мелкаго* типа (до 500 дес.) распространены болѣе (выше средней величины) въ губерніяхъ малороссійскихъ, центральныхъ черноземныхъ и западныхъ. Изъ этой группы пріобрѣтенія самыя мелкія (до 25 дес.) встрѣчаются въ весьма большомъ количествѣ на юго-западѣ (21,1%). Менѣе всего они распространены на сѣверѣ, востокѣ и степномъ югѣ. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ прежняя схема остается въ силѣ. Личныя пріобрѣтенія мельче въ областяхъ съ меньшимъ обезпеченіемъ землей на рев. душу, и наоборотъ. Въ большеземельныхъ ихъ меньше и типъ ихъ опять таки крупнѣетъ **). Во всѣ стороны отъ указаннаго малоземельнаго ядра господствующій типъ пріобрѣтеній крестьянами земель въ личную собственность растетъ. Въ однѣхъ изъ нашихъ группъ губерній получилъ преобладаніе (больше средней) типъ крупный (югъ степной и западъ), въ другихъ средній (востокъ), въ третьихъ оба одновременно (сѣверъ и юго-западъ); а въ малоземельномъ ядрѣ—оба эти типа распространенія не получили: въ центр. черноземныхъ губерніяхъ приращенія крупнаго невелики, а средній потерпѣлъ даже ущербъ (ок. 100 дес), въ малороссійскихъ—крупный не имѣетъ совсѣмъ прироста, а средній—также потерпѣлъ уменьшеніе и приблизительно въ томъ же размѣрѣ.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ крестьянскія пріобрѣтенія, товарищескія и личныя, по размѣрамъ участковъ растутъ тамъ, гдѣ первоначальное надѣльное обезпеченіе было больше, гдѣ больше развиты аренды, т. е. гдѣ средній уровень благосостоянія массы могъ въ теченіе времени опускаться медленнѣе. По мѣрѣ уменьшенія среднихъ размѣровъ надѣловъ на наличную душу вслѣдствіе прироста населенія въ этихъ мѣстахъ легче могутъ образовываться группы, обладающія все-же нѣкоторыми средствами для покупки земель. Оставляя прочую массу прогрессивно бѣднѣть, по причинѣ постепеннаго сокращенія надѣльнаго фонда на душу, эти группы легче успѣваютъ выдѣлиться и запастись большими участками пу-

*) На востокѣ, напр., пріобрѣтенія до 50 дес. составляютъ 1,1%, 50—100 дес.—3,3%, а 100—500 дес.—29,1%; на степномъ югѣ (въ томъ-же порядкѣ): 1,7%, 4,8%, 32,0%, а на западѣ: 12,7%, 15,4% и 55,3%.

**) Хотя крестьянскія пріобрѣтенія въ нѣсколько сотъ десятинъ и не могли-бы быть названы мелкими, но оставляемъ это названіе опять потому-же, что всѣ четыре группы (до 25 дес., 25—50, 50—100 и 100—500) колеблются въ прямомъ отношеніи между собой.

темъ покупокъ. Отслой такимъ путемъ долженъ совершаться удобнѣе. Изъ этихъ группъ затѣмъ уже легче выдѣляться единицамъ, доходящимъ до покупки участковъ въ личную собственность; размѣры этихъ участковъ могутъ при тѣхъ-же условіяхъ легче расти и доходить даже до латифундій. При болѣе слабомъ надѣльномъ обезпеченіи на ревизскую душу, процессъ болѣе быстраго обѣднѣнія массы долженъ сокращать численный составъ группъ болѣе состоятельныхъ. Какъ упомянуто, имъ труднѣе захватывать болѣе крупные участки; и единичные покупатели изъ крестьянъ являются, по всей вѣроятности, въ общей массѣ менѣе «солидными», т. е. менѣе состоятельными. Могутъ быть и при этихъ условіяхъ крупные капиталисты, составившіе себѣ состоянія путемъ ростовщическихъ или коммерческихъ операцій; эти, конечно, могутъ также становиться владѣльцами латифундій. Но отдѣльныхъ крестьянъ, нажившихся путемъ капиталистическаго хозяйства, должно быть въ этихъ мѣстностяхъ значительно меньше. Почва для развитія этого класса здѣсь менѣе благопріятна. И вотъ, въ результатѣ деревенскій отслой можетъ увеличивать свое землевладѣніе, товарищеское и личное, участками значительно меньшихъ размѣровъ въ мѣстностяхъ съ меньшими первоначальными надѣлами, съ меньшими арендами, съ меньшимъ уровнемъ хозяйственной обезпеченности массъ.

Резюмируя въ двухъ словахъ все то, что намъ удалось добыть изъ интереснаго матеріала г. Рейнбота, получаемъ слѣдующую общую схему посословной мобилизаціи у насъ земельной собственности. — Главнымъ, почти исключительнымъ поставщикомъ земель на рынокъ является у насъ дворянство. Теряетъ оно свои земельныя владѣнія не въ какой нибудь отдѣльной полосѣ или мѣстности, но въ предѣлахъ 45 губерній повсемѣстно, за ничтожными, единичными исключеніями, и притомъ теряетъ больше именно тамъ, гдѣ прежде владѣло большими пространствами, и наоборотъ.—Раздѣлъ этого дворянскаго наслѣдства (въ 1893-мъ году около 1 милліона десятинъ) происходитъ почти исключительно между купцами и почетными гражданами, съ одной стороны, и крестьянами, съ другой. Въ 1893-мъ году первые получили около ½ этого наслѣдства, а вторые—около ²/₃. Въ мѣстностяхъ, гдѣ потери дворянскихъ имѣній больше, развиваются значительнѣе купеческія земельныя пріобрѣтенія, что можно объяснить необходимостью большихъ капиталовъ для покупокъ цѣлыхъ имѣній, чѣмъ отдѣльныхъ участковъ. Конкурренція купцовъ отодвигаетъ здѣсь на второй планъ покупателей крестьянъ. При этомъ наблюдается, что районъ замѣтнаго прироста купеческаго землевладѣнія значительно расширился по сравненію съ тѣмъ, который имѣлъ мѣсто въ 70-хъ годахъ: купцы завоевываютъ себѣ новыя площади земли не только тамъ, гдѣ они уже обладали ими тогда, но и въ другихъ губерніяхъ. Пріобрѣтенія крестьянъ развиваются въ обратномъ отношеніи съ купеческими — гдѣ послѣднихъ меньше, тамъ первыхъ больше, и наоборотъ. Они увели-

чиваются по мѣрѣ уменьшенія купеческой конкурренціи. Рядомъ съ этимъ тѣ же пріобрѣтенія находятся въ прямой зависимости отъ первоначальныхъ размѣровъ надѣленія крестьянъ землею на ревизскую душу. Гдѣ такое обезпеченіе было слабѣе, пріобрѣтенія крестьянъ и въ 1893-мъ году были меньше; послѣднія увеличивались съ ростомъ среднихъ размѣровъ надѣльнаго землевладѣнія. Это вліяніе различій въ надѣленіи крестьянъ землею при крестьянской реформѣ идетъ гораздо дальше и сказывается на распредѣленіи прироста землевладѣнія крестьянъ между отдѣльными ихъ группами. Наиболѣе нуждающаяся въ землѣ масса общинниковъ не получаетъ почти ничего. Даже то небольшое количество земли, которое увеличило собою общинно - земельный фондъ, пріобрѣтено болѣе крупными или болѣе состоятельными общинами, менѣе крупныя и менѣе состоятельныя даже потеряли часть пріобрѣтеннаго ими раньше (что особенно замѣтно въ черноземной полосѣ). Вся остальная масса земель, составляющихъ приростъ крестьянскаго землевладѣнія, распредѣлилась между товариществами и личными собственниками. Обѣ эти группы владѣльцевъ, составляя отслой болѣе состоятельныхъ домохозяевъ деревни, образовывались чаще тамъ, гдѣ надѣльное обезпеченіе было выше и аренды—развитѣе. Чѣмъ выгоднѣе были названныя условія, тѣмъ больше получали эти группы средствъ къ тому, чтобы пріобрѣтать большіе участки и въ большемъ числѣ. Въ 1893-мъ году не только товариществамъ, но даже отдѣльнымъ лицамъ изъ крестьянъ были уже доступны покупки и продажи латифундій свыше 5000 десятинъ.

Послѣ паденія крѣпостного права дворянство не съумѣло приспособиться къ новымъ капиталистическимъ условіямъ хозяйства. Даже основаніе дворянскаго банка не пріостановило процесса ликвидаціи земельныхъ владѣній этого сословія. На ряду съ этимъ отсутствовали мѣры, которыя обезпечивали бы переходъ ускользающихъ изъ дворянскихъ рукъ земель въ руки наиболѣе нуждающейся въ землѣ массы населенія. Поэтому и открылось обширное поле для увеличенія землевладѣнія тѣхъ слоевъ населенія, въ рукахъ которыхъ скоплялись денежные капиталы. Первымъ по времени, по одному характерному выраженію, «наступило купечество» съ почетными гражданами. А за нимъ пошелъ и тотъ отслой состоятельныхъ крестьянъ, который неминуемо долженъ былъ образоваться на почвѣ нужды и малоземелья прочихъ крестьянскихъ группъ. Средствами онъ еще пока въ общемъ побѣднѣе купцовъ, хотя уже теперь отдѣльные его представители не уступятъ имъ и по этому признаку. Съ теченіемъ времени, вѣроятно, имущественная разница между ними будетъ постепенно сглаживаться и тѣмъ болѣе будетъ выростать пропасть между разными категоріями бывшихъ однородными крестьянъ. Массѣ предоставляется прогрессивное обнищаніе, а къ этимъ представителямъ новаго хозяйства переходитъ все вліяніе на земскія и всякія иныя мѣстныя дѣла...

Н. Карышевъ.

Новыя книги.

Гете, Фаустъ. Переводъ **А. И. Мамонтова.** Москва. 1897.

Гете, Фаустъ. Переводъ **Н. П. Маклецовой.** Саратовъ. 1897.

У насъ нѣтъ перевода „Фауста", соперничества съ которымъ могли бы бояться новые переводчики великой трагедіи: всѣ существующіе переводы приблизительно на одномъ уровнѣ; вездѣ переводчики проявили извѣстную степень таланта и нѣкоторое вниманіе, приличествующее литературному и культурному значенію знаменитаго оригинала; всѣ переводы, наряду съ разнообразными недостатками, отличаются нѣкоторыми достоинствами, которыхъ не лишенъ даже извѣстный съ дурной стороны переводъ Фета: онъ риѳмованъ, какъ и оригиналъ, и въ немъ есть удачныя мѣста. Къ сожалѣнію, разнообразіе русскихъ переводовъ не имѣетъ той хорошей стороны, которую должно бы имѣть: оно не выражаетъ собой разнообразія точекъ зрѣнія на „Фауста". Въ нихъ просто нѣтъ этой опредѣленной, своей точки зрѣнія на оригиналъ, нѣтъ своего характера; они не поэтичны и, за очень рѣдкими исключеніями, въ нихъ не видно искры вдохновенія, которая наложила бы индивидуальный отпечатокъ на трудъ переводчика. Можно смѣшать ихъ—какъ смѣшиваютъ провинціальные трагики разнообразные переводы „Гамлета", вставляя въ сцену „по Кронебергу" монологъ „изъ Полевого", — можно смѣшать ихъ, и никто не замѣтитъ, что Струговщиковъ смѣнился Губеромъ, Губеръ—Фетомъ и т. д.

Не рѣшаютъ вопроса о переводѣ „Фауста" и новыя работы, лежащія передъ нами. Какъ ни мало похожи онѣ другъ на друга, какъ ни обидно для труда г-жи Маклецовой какое бы то ни было сравненіе съ чудовищной поэтической „вольностью" г. Мамонтова, ихъ все-же сближаетъ, такъ сказать, прозаическое отношеніе къ оригиналу, недостаточное знакомство съ нѣмецкимъ языкомъ, съ внутреннимъ смысломъ трагедіи. Г-жа Маклецова не поняла, напримѣръ, такого центральнаго, значительнаго мѣста, какъ слова Духа Земли: «Du gleichst dem Geist, den du begreifst, nicht mir», и передала его: „Подобенъ ты—другому (?), но не мнѣ". Она переводитъ „Nilpferd" (бегемотъ)—„нильская лошадь" и, смѣшивая Handel и Händel, говоритъ о лавкахъ тамъ, гдѣ у Гете говорится о дракѣ. Но ея переводъ съ честью выдерживаетъ сравненіе съ существующими переводами. Онъ сплошь риѳмованъ и иногда поистинѣ поэтиченъ; его будутъ читать съ удоволь-

ствіемъ всѣ, лишенные счастія непосредственнаго знакомства съ подлинникомъ, о которомъ онъ вообще даетъ надлежащее представленіе. Г-жу Маклецову можно упрекнуть въ томъ, что она подчасъ вѣритъ въ размѣръ больше, чѣмъ во внутренній смыслъ словъ, и въ погонѣ за риѳмой грѣшитъ противъ истиннаго тона произведенія; оттѣнки выраженія часто не то ускользаютъ отъ нея, не то гибнутъ жертвой формѣ. Но вдохновеніе не разъ навѣщало ее во время работы, и если она будетъ продолжать трудиться надъ своимъ переводомъ, не считая его совершеннымъ, то ея произведеніе сравнится даже съ переводами Павлова и Холодковскаго.

Отъ этой дальнѣйшей работы можетъ считать себя избавленнымъ г. Мамонтовъ; его переводу ничто помочь не можетъ, и чѣмъ скорѣе его поглотитъ медленная Лета, тѣмъ лучше для переводчика, взявшагося не за свое дѣло.

Задавшись „цѣлью по возможности дословно передать содержаніе подлинника", г. Мамонтовъ принесъ въ жертву этой цѣли всѣ необходимыя свойства литературнаго произведенія, начиная отъ человѣческой рѣчи и кончая обыкновеннымъ здравымъ смысломъ. Рабская дословность въ косолапомъ примѣненіи неумѣлаго переводчика становится наилучшимъ средствомъ внушить читателю совершенно извращенное представленіе о подлинникѣ. Словечекъ вродѣ „скучитъ", „наслѣдный", „правовѣдство", „скатеретку" „глохлыя комнаты", „съ прекрасной дитяткой" — не оберешься. Версификація г. Мамонтова—нѣчто убійственное. „Не въ силахъ сохранить стихотворную форму" подлинника, переводчикъ „былъ вынужденъ прибѣгнуть къ вольному бѣлому стиху, по возможности придерживаясь, однако, подлинника въ переходахъ размѣра". Этимъ г. Мамонтовъ внушаетъ совершенно ложную идею, будто Гете не зналъ основныхъ правилъ стихосложенія; будто онъ, подобно своему московскому переводчику, переходилъ отъ одного размѣра къ другому въ предѣлахъ одного стиха и зналъ такіе размѣры:

„Скажите-жъ мнѣ, однако, чучелы вы треклятыя,
„Вы что за мѣсиво крутите тамъ?"

Или:

„Да, этому послѣдуй, только старому ты изреченью, да кумѣ моей, змѣѣ".

Стихъ въ *двѣнадцать* стопъ—небывалое открытіе въ версификаціи. „Это шестъ, а не стихъ—какъ говоритъ редакторъ у Успенскаго—этимъ шестомъ только голубей гонять". Знаменитое „Посвященіе", вообще удававшееся нашимъ переводчикамъ и усвоенное нашей литературѣ великолѣпнымъ подражаніемъ Жуковскаго, начинается у г. Мамонтова такими классически—нескладными виршами:

„Вы приближаетесь вновь,
Вы, образы, что такъ колеблетесь,
Что нѣкогда и рано такъ,
Предъ смутнымъ взоромъ показались!“

И такъ далѣе—до послѣдней строки этого литературнаго курьеза.

Комментаріи къ „Фаусту“ Карьера, Куно-Фишера и Дюнцера приведены въ отрывкахъ по выбору переводчика, безъ указанія, какому автору что принадлежитъ.

Самая идея дать въ переводѣ что либо изъ богатой литературы о „Фаустѣ“ заслуживаетъ полнаго одобренія. Въ этой области мы имѣемъ только оригинальную, но не полную работу покойнаго Юрьева и переводъ статьи Куно Фишера. Слѣдовало-бы перевести еще что нибудь, напримѣръ, интересный, подробный и полный, хотя и мало самостоятельный комментарій Бойезена. Пора пересмотрѣть и переводъ книги Льюиса, содержаніе которой со времени выхода русскаго перевода измѣнилось въ Германіи весьма значительно. Мы, впрочемъ, вскорѣ будемъ имѣть переводъ новѣйшей книги о Гете (Бельшовскаго), горячо одобренной нѣмецкой критикой.

С. А. Андреевскій. Стихотворенія. Изданіе второе. Спб. 1898.

Рецензенты, какъ извѣстно, народъ ворчливый и весьма рѣдко изливающійся въ восторгахъ. Выпадаютъ, однако, счастливыя минуты, когда и ихъ суровыя лица озаряются торжествующей улыбкой, и на ихъ нахмуренномъ челѣ разглаживаются морщины. Одну изъ такихъ свѣтлыхъ минутъ подарилъ имъ небезъизвѣстный пѣвецъ чистаго искусства, г. Андреевскій, выпустившій на-дняхъ второе изданіе своихъ стихотвореній.

Стихи г. Андреевскаго не такъ давно еще печатались на страницахъ „лучшихъ“ нашихъ журналовъ, а имя обязательно упоминалось всѣми историками и обозрѣвателями „новѣйшей“ русской поэзіи. Правда, это нимало не мѣшало тѣмъ же историкамъ и читателямъ тѣхъ же журналовъ преусердно зѣвать при чтеніи стиховъ г. Андреевскаго, но, какъ бы то ни было, по какому-то недоразумѣнію, онъ занималъ на нашемъ Парнасѣ довольно видное мѣсто; выйди 2-е изданіе его стихотвореній *просто*, безъ всякихъ авторскихъ комментаріевъ, намъ, рецензентамъ, пришлось бы съ нимъ серьезно считаться, т. е. серьезно доказывать, что г. Андреевскій поэтъ безцвѣтный и посредственный, или же — при нежеланіи „развѣнчивать кумиръ“—наговорить кучу банальныхъ фразъ и сомнительныхъ похвалъ. Но скромный поэтъ счелъ нужнымъ выручить изъ этой бѣды гг. рецензентовъ и, какъ мы уже сказали, доста-

вить имъ радостную минуту. Въ авторскомъ предисловіи мы прочли: „Вотъ уже десять лѣтъ, какъ я не пишу стиховъ, и *никогда болѣе къ нимъ не возвращусь*".

Признаемся откровенно, мы лично совсѣмъ не замѣтили столь долгаго отсутствія г. Андреевскаго на горизонтѣ нашей литературы, но, тѣмъ не менѣе, мы порадовались при чтеніи этихъ откровенныхъ строкъ: вѣдь такъ рѣдко, въ самомъ дѣлѣ, приходится встрѣчать безпощадное осужденіе авторами собственныхъ твореній! А г. Андреевскій довольно-таки безпощадно разбираетъ далѣе свои поэтическія вдохновенія. Онъ настолько отъ нихъ отдалился, что могъ бы написать критическую статью — всѣ ихъ недостатки ему отлично извѣстны. Даже переводы подвергаются, повидимому, строгому осужденію: переложеніе въ стихи тургеневскаго „Довольно" признается „дерзостью" и „грѣхомъ"; переводъ „Ворона" Поэ—вещью непоправимо неудавшейся, а „Ночей" Мюссе—диллетантски-легковѣсной...

Все это прекрасно; но зачѣмъ же—спроситъ читатель—счелъ г. Андреевскій нужнымъ издавать, въ такомъ случаѣ, свою книжку вторымъ изданіемъ? Почему онъ не предпочелъ, оставаясь послѣдовательнымъ, похоронить грѣхи юности „въ нѣмомъ кладбищѣ памяти своей"? Въ томъ-то вотъ и дѣло, что—почему и зачѣмъ... Только что давъ торжественное обѣщаніе „никогда больше не возвращаться къ стихамъ", г. Андреевскій довольно не логично продолжаетъ въ томъ же предисловіи: «*Однако же* еще въ текущемъ году *какіе-то* любители пріобрѣтали послѣдніе экземпляры моихъ старыхъ стихотвореній. *Это* побудило меня привести въ порядокъ мой прежній сборникъ, отчасти сократить, отчасти *дополнить* его» (т. е., значитъ, пришлось исправлять и вновь сочинять, иными словами—„возвращаться" къ стихамъ?). А что, если теперь, послѣ выхода 2-го изданія, найдутся „какіе нибудь любители", которые выразятъ въ печати сожалѣніе по поводу намѣренія г. Андреевскаго покинуть поэзію? Не побудитъ ли его *это* отмѣнить трагическое рѣшеніе и выпустить еще 3-е, а быть можетъ, и 4-е изданіе съ новыми дополненіями и пр.? Правда, онъ находитъ, напр., свой переводъ „Ночей" Мюссе диллетантски легковѣснымъ, но... тутъ же и оговаривается, что „Ночи" Мюссе и въ оригиналѣ отличаются „не столько отдѣлкою и содержательностью подробностей, сколько именно—*взмахомъ и легкимъ полетомъ вдохновенія*", и что „*съ этой стороны*" оригиналъ переданъ имъ довольно близко...

Вотъ почему мы спѣшимъ поддержать г. Андреевскаго въ его самокритикѣ: да, поэтъ, вы правы, когда называете себя легковѣснымъ диллетантомъ поэзіи, но вы ошибаетесь, полагая, что обладаете, тѣмъ не менѣе, какимъ либо „взмахомъ

и полетомъ вдохновенія". Ваши оригинальные стихи съ ихъ неглубокой, чисто-салонной меланхоліей и внѣшнимъ, опять-таки чисто-салоннымъ изяществомъ, слишкомъ прѣсны и безцвѣтны, чтобы могли оставлять въ душѣ читателя хоть какое-нибудь впечатлѣніе...

Вотъ одинъ изъ самыхъ характерныхъ образчиковъ поэзіи г. Андреевскаго:

Я ревнивъ къ этой зелени нѣжной,
Первой зелени вешнихъ лѣсовъ,
И до самой зимы бѣлоснѣжной
Любоваться бы ею готовъ.
И въ концѣ плодотворнаго мая,
Примѣчая богатство листвы,
Я ужъ думаю, грустно мечтая:
«Гдѣ ты, юность! О, юность... увы!»

Какъ это удивительно шаблонно и мелко! Какая скудость идей и блѣдность образовъ у поэта конца XIX столѣтія, имѣющаго своими предшественниками—не говоримъ ужъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова, но—Тютчева, Фета, Ал. Толстого, Майкова!

Пѣвецъ изящныхъ чувствъ и приличныхъ мыслей, г. Андреевскій, на свое несчастье, и стихомъ-то владѣетъ далеко не въ совершенствѣ. Такъ, изображая первый снѣгъ, онъ пишетъ:

Къ твоей косѣ *подкрался онъ въ косынку*,
Сѣдую пыль *въ* (?) рѣсницы заронилъ,
На край щеки принесъ тебѣ слезинку,
И все рѣзвѣй, все гуще (чаще?) *семенилъ* (fi donc!),
Какъ будто вдругъ онъ *весь* пустился *въ танецъ*.

Справедливость заставляетъ насъ, однако, сказать, что нѣкоторые изъ переводовъ г. Андреевскаго недурны; такъ, изъ Гамерлинга имъ переведена живописнымъ и трогательнымъ стихомъ небольшая пьеска „Счастье":

О, не теряй на счастье упованья!
. . . .
Подъ сводомъ ли удушливой темницы
Надежда крылья разобьетъ—
Оно, какъ тѣнь залетной голубицы,
Въ душѣ унылой промелькнетъ.
Когда его ты въ юности не встрѣтилъ,
Узнаешь въ зрѣлые года:
Его приходъ не меньше будетъ свѣтелъ,
Не будетъ поздникъ никогда!
Оно прольетъ по жиламъ опьяненье
У старца, чуждаго мечтамъ,
И можетъ дать въ предсмертныя мгновенья
Блаженство стынущимъ устамъ!

За то переводы г. Андреевскаго изъ французскихъ поэтовъ,

къ которымъ онъ по преимуществу обращается, намъ кажутся неудачными. Такъ, извѣстное бодлэровское стихотвореніе „*Амуръ* и черепъ (старинная виньетка)“ онъ переводитъ: „*Любовь* и черепъ“, и получается такая картина:

У человѣчества безсмѣнно
Любовь на черепѣ сидитъ
И съ наглымъ хохотомъ надменно
На тронѣ пламенномъ царитъ.
И т. д.

Извольте представить себѣ такую виньетку!..

Корнетъ Отлетаевъ. Повѣсть кн. **Г. Бугушева.** Спб. 1897 г.

Повѣсть эта, переизданная въ нынѣшнемъ году г. Суворинымъ, имѣетъ уже слишкомъ сорокъ лѣтъ отъ роду, и самого автора ея давно нѣтъ въ живыхъ. Она была напечатана еще въ половинѣ 50-хъ годовъ въ „Русск. Вѣстникѣ“ и имѣла среди тогдашней публики довольно значительный успѣхъ. Да и теперь „Корнетъ Отлетаевъ“ можетъ быть прочтенъ не безъ удовольствія, если искать не высокаго художественнаго наслажденія, а легкаго и пріятнаго коротанья досуга—въ вагонѣ желѣзной дороги, на станціи въ часы скучнаго ожиданія поѣзда и т. п.

Главная фигура повѣсти, именемъ которой она названа и которая, въ сущности, и создала ей успѣхъ, обрисована довольно удачно, яркими, вполнѣ жизненными чертами. Такими безумными прожигателями силъ, денегъ, здоровья, молодости, талантовъ и чести кишѣла русская жизнь дореформеннаго періода, и за обрисовку этого типа брались не только второстепенные, но и многіе изъ перворазрядныхъ нашихъ писателей. Не заходя въ глубь временъ, вспомнимъ хотя бы тургеневскаго Веретьева; встрѣчается этотъ же характеръ въ разсказахъ Чужбинскаго, гр. Соллогуба и другихъ мелкихъ беллетристовъ. Разновидностей типа было, конечно, много. Въ наши дни, съ обѣднѣніемъ дворянства и съ переходомъ его богатства и силы въ руки купечества, онъ потерялъ тотъ блескъ и то изящество, какія придавало ему поверхностно пріобщившееся къ европейской культурѣ барство; купеческіе сынки, бьющіе по трактирамъ зеркала и посуду, прожигаютъ, главнымъ образомъ, тятенькины капиталы, а не свои духовныя силы, которыхъ было такъ много у блестящаго Печорина, Веретьева, Отлетаева и другихъ. Исчезаетъ постепенно и бреттерскій духъ, который создавала и поддерживала военная служба, обычное занятіе нашего стараго дворянства. Впрочемъ, бреттерскаго задора и заносчивости почти уже нѣтъ и у героя разбираемой нами повѣсти; напротивъ, оригинальной чертой корнета Отлетаева,—

натуры не менѣе своихъ родичей даровитой и тоже азіатски-бурнопламенной,—является его чисто русское добродушіе. Онъ очень, въ сущности, незлобивъ и отходчивъ сердцемъ, этотъ бѣшеный корнетъ, и если, тѣмъ не менѣе, онъ причиняетъ окружающимъ массу жестокаго и непоправимаго зла, то вина этого зла скорѣе лежала на крѣпостномъ правѣ, деморализующее дѣйствіе котораго создавало всѣхъ безумныхъ самодуровъ того безумнаго времени. Махровый цвѣтокъ дореформенной эпохи, распустившійся на даровыхъ хлѣбахъ рабовладѣльчества, не знающій цѣны деньгамъ и бросающій тысячи рублей по малѣйшей прихоти своей необузданной фантазіи, онъ съ тѣмъ же легкимъ сердцемъ и даже съ нѣкоторой дозой веселаго юмора встрѣчаетъ и весь ужасъ незамѣтно подкравшагося разоренія. Заключительная сценка повѣсти необыкновенно характерна для нашихъ корнетовъ Отлетаевыхъ: получивъ отъ вотчима пятнадцать рублей на пріобрѣтеніе сапогъ, обнищавшій корнетъ тутъ же, при выходѣ изъ воротъ дома, покупаетъ совсѣмъ ненужную ему лягавую собаку — и веселъ, веселъ безконечно отъ этой нелѣпой покупки, оставившей его въ дырявыхъ сапогахъ!..

Съ художественной стороны повѣсть не выдерживаетъ и самой слабой критики: она расплывчата и, несмотря на малый объемъ, мѣстами сильно растянута; многія фигуры отзываются явнымъ шаржемъ и водевильностью; самая форма разсказа отъ перваго лица, имѣющаго очень косвенное отношеніе къ описываемымъ событіямъ и играющаго роль какого-то deus ex machina, выбрана крайне неудачно. Такъ и чувствуется, что содержаніе повѣсти представляетъ рабское воспроизведеніе дѣйствительности со всѣми тѣми лишними чертами и деталями, которыя въ жизни неизбѣжны, но которыя рука истиннаго художника умѣетъ искусно сокращать, сглаживать или даже вовсе отметать въ сторону.

В. Д. Смирновъ. Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россіи и за границей. Біографическіе наброски. Спб. 1897.

Содержаніе книги удачно опредѣлено въ подзаголовкѣ, приданномъ ей авторомъ: „біографическіе наброски“. Въ самомъ дѣлѣ, она не даетъ ни полной біографіи Герцена, ни— тѣмъ менѣе — всесторонней оцѣнки его трудовъ и дѣятельности, а представляетъ собою лишь живой и бойкій разсказъ важнѣйшихъ эпизодовъ его жизни, снабженный бѣглыми характеристиками. Лица, знакомыя съ подлинными сочиненіями героя разсказа г. Смирнова и съ воспоминаніями г-жи Пассекъ, не встрѣтятъ въ этомъ разсказѣ ничего почти новаго для себя,

но и въ такомъ своемъ видѣ онъ является далеко не лишнимъ въ нашей литературѣ. „Вмѣсто предисловія“ авторъ говоритъ о подготовкѣ крестьянскаго освобожденія, какъ главномъ дѣлѣ интеллигентныхъ кружковъ 40-хъ годовъ, и о пониманіи ими этого освобожденія, какъ „призывъ къ полному обновленію жизни и прощанія со всѣмъ старымъ“. Затѣмъ онъ излагаетъ дѣтскіе и юношескіе годы Герцена, наиболѣе подробно останавливаясь на семейной обстановкѣ, окружавшей его въ это время, и на дружбѣ его съ Огаревымъ. Особыя главы заняты разсказомъ объ университетской жизни Герцена, первомъ времени послѣ университета, ссылкѣ, любви къ Н. А. Яковлевой и жизни послѣ брака съ нею во Владимірѣ, Петербургѣ, Новгородѣ и Москвѣ. Далѣе, въ отдѣльной главѣ авторъ даетъ краткую, пожалуй, даже черезчуръ краткую, характеристику литературной дѣятельности Герцена въ Россіи, а въ двухъ послѣднихъ небольшихъ главахъ описываетъ періодъ его заграничной дѣятельности, продолжавшейся съ 1847 г. до 1870 г., года смерти Герцена. Интересъ разсказа, заключеннаго въ этихъ внѣшнихъ рамкахъ, нѣсколько ослабляется реторичностью, въ какую впадаетъ подчасъ г. Смирновъ и какая въ иныхъ случаяхъ соединяется у него съ чрезмѣрною поспѣшностью и малою продуманностью выставляемыхъ имъ положеній. Порою то и другое разрѣшается неожиданно комическими эпизодами. Говоря объ Огаревѣ, авторъ замѣчаетъ, что „его предсмертные стихи почти такъ же страшны, какъ знаменитые „Къ сивухѣ“ Полежаева“ (42). Къ сожалѣнію, „знаменитые“ стихи Полежаева не сохранились и мы знаемъ объ нихъ лишь со словъ Герцена, не имѣвшаго, однако, случая сравнить ихъ съ предсмертнымъ стихотвореніемъ Огарева, такъ что проводимая г. Смирновымъ параллель врядъ ли была здѣсь возможна. Огаревъ же даетъ г. Смирнову поводъ для своего рода пророчествъ, неизвѣстно на чемъ основанныхъ и для чего нужныхъ. „Если бы — говоритъ авторъ — Герценъ былъ женщиной или мистикомъ, Огаревъ сталъ бы великимъ поэтомъ; если бы Герцена не было совсѣмъ, Огаревъ пошелъ бы по дорогѣ Ивана Кирѣевскаго вплоть до Оптиной пустыни“ (43). Излишне доказывать, что такія странныя гаданія, служа лишь мнимой красотѣ рѣчи, мало помогаютъ уясненію характеризуемаго лица. Въ своемъ введеніи г. Смирновъ замѣчаетъ по поводу манифеста объ освобожденіи крестьянъ, что „мы плохо знаемъ его содержаніе“ (6), и дѣйствительно доказываетъ этотъ тезисъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ себѣ самому, упорно спутывая манифестъ съ Положеніемъ 19 февраля 1861 г. Въ письмахъ невѣсты Герцена къ послѣднему, по мнѣнію г. Смирнова, „то въ формѣ наивнаго дѣтскаго лепета, то истиннаго лиризма, изливается свѣтлый источникъ лучшаго женскаго чувства—

материнства“ (63). Не будемъ приводить другихъ примѣровъ, но скажемъ, что и нѣкоторыя изъ заключеній автора, носящихъ болѣе серьезный характеръ, представляются намъ слишкомъ торопливыми и спорными. Онъ склоненъ большую долю вліянія на образованіе характера и мнѣній Герцена отводить его незаконному происхожденію и, по его словамъ, именно думы о послѣднемъ „быть можетъ, поставили Герцена навсегда въ противорѣчіе съ приличнымъ обществомъ. Онъ не долюбливалъ его, не посѣщалъ никогда“ (33—4). Это не совсѣмъ вѣрно. Герценъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ посѣщалъ „приличное общество“, имѣлъ въ немъ даже друзей, если же не долюбливалъ это общество въ массѣ, то на это были другія причины, болѣе серьезныя, чѣмъ фактъ внѣ-брачнаго рожденія знаменитаго писателя. Едва ли можно вполнѣ согласиться съ авторомъ и въ томъ, что исключительно ссылка, „обидѣвшая“ Герцена, вызвала и его эмиграцію, „и страшный душевный расколъ, который эмиграція принесла за собой“ (58). Въ главныхъ чертахъ Герценъ успѣлъ опредѣлиться уже до ссылки; съ другой стороны, за время первой ссылки въ немъ еще не успѣло накопиться много ненависти. Можно пожалѣть, что авторъ, изображая этотъ періодъ исключительно по „Былому и Думамъ“, не обратилъ достаточнаго вниманія на цѣнную работу Анненкова: „Идеалистъ тридцатыхъ годовъ“. Равнымъ образомъ и общее изображеніе русскихъ интеллигентныхъ кружковъ 40-хъ годовъ сдѣлано г. Смирновымъ въ несовсѣмъ ясныхъ и правильныхъ чертахъ. Среди западниковъ онъ не выдѣляетъ круга лицъ, не сочувствовавшихъ соціальнымъ воззрѣніямъ Герцена, у славянофиловъ отрицаетъ опредѣленную программу и утверждаетъ, что они, „какъ теперь Левъ Толстой, проповѣдывали свое знаменитое „захотѣть“... (95). Въ очеркѣ литературной дѣятельности Герцена, данномъ авторомъ, также встрѣчаются странныя положенія, вродѣ заявленія, что „Записки доктора Крупова“ лучшее произведеніе Герцена (118), или утвержденіе, что за границей „отъ проповѣди, отъ зова впередъ онъ перешелъ къ исповѣди“ и „вскорѣ прошлое стало главной, почти единственной темой его думъ“ (134). Рядомъ съ подобными утвежденіями читатель найдетъ, однако, здѣсь въ сжатомъ и бѣгломъ, но содержательномъ изложеніи передачу важнѣйшихъ воззрѣній Герцена, поскольку они поддавались такой передачѣ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить несовсѣмъ хорошей манеры г. Смирнова говорить въ своемъ разсказѣ отъ себя чужими словами; такъ онъ пользуется не только Герценомъ, но и г-жею Пассекъ. Всѣми этими замѣчаніями мы не хотѣли бы оттолкнуть читателя отъ книги г. Смирнова. Несомнѣнно, избранный имъ для своего очерка дѣятель заслуживалъ болѣе вдумчиваго отношенія къ

себѣ и болѣе тщательной оцѣнки, но при бѣдности нашей литературы и разбираемая книга можетъ имѣть свой немалый интересъ и сослужить службу для лицъ, интересующихся общественнымъ движенiемъ 40-хъ годовъ и его ближайшими результатами.

Историческое Обозрѣнiе. Сборникъ Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакцiей Н. И. Карѣева. Томъ IX. Спб. 1897.

Вновь вышедшiй томъ изданiя Петербургскаго Историческаго Общества заключаетъ въ себѣ очень разнообразное содержанiе. Открывается онъ статьею г. Тураева: „Новѣйшiе успѣхи и современное состоянiе египтологiи". Въ ней авторъ излагаетъ исторiю производившихся въ Египтѣ, въ теченiе послѣдняго пятнадцатилѣтiя, раскопокъ, перечисляетъ каталоги и изданiя музеевъ, хранящихъ египетскiя древности, и даетъ очеркъ новѣйшихъ трудовъ, посвященныхъ языку, религiи, географiи и общей исторiи древняго Египта. Къ сожалѣнiю, именно эта послѣдняя часть статьи, по сравненiю съ двумя первыми, слишкомъ кратко изложена, благодаря чему внѣшнiе успѣхи науки нашли себѣ у автора болѣе ясное и полное изображенiе, нежели внутренняя перемѣна, происшедшая въ ней, и ея современное состоянiе. Слѣдующая статья, принадлежащая г. Шурякову, носитъ названiе „Аграрный строй Пруссiи въ серединѣ XVIII вѣка" и заслуживаетъ вниманiя лицъ, интересующихся историческими судьбами землевладѣнiя и положенiемъ европейскаго крестьянства въ эпоху крѣпостного права. Въ своей работѣ г. Шуряковъ стремится выяснить организацiю поземельной собственности и институтъ крестьянской зависимости въ Пруссiи XVIII в., равно какъ отношенiе къ этимъ явленiямъ общественнаго самосознанiя и государственной власти. Эта любопытная программа, впрочемъ, не во всѣхъ своихъ частяхъ разработана имъ съ тою полнотой, какая была бы желательна, и нѣкоторыя его мнѣнiя остаются не вполнѣ доказанными. Такъ, расходясь съ Кнаппомъ во взглядѣ на такъ называемое „ласситское владѣнiе" (Lassbesitz), авторъ недостаточно мотивируетъ это различiе взглядовъ и свою оцѣнку даннаго вида крестьянскаго землевладѣнiя. Подобнымъ образомъ изложенiе автора страдаетъ нѣкоторой неопредѣленностью и излишней бѣглостью тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отношенiи прусскаго общества прошлаго столѣтiя къ крестьянскому вопросу и о правительственныхъ мѣрахъ, принятыхъ для устройства крестьянскаго быта при Фридрихѣ Вильгельмѣ и Фридрихѣ В. Такiе частные недостатки не уничтожаютъ, конечно, значенiя работы г. Шурякова, интересъ которой еще

увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нашей литературѣ сравнительно наименѣе разработанною является именно исторія нѣмецкаго крестьянства. Три послѣднія статьи сборника посвящены русской литературѣ и исторіи. Г. Пташицкій даетъ продолженіе своей работы „Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ", начатой еще въ VI томѣ „Ист. Обозрѣнія". Разсчитанная преимущественно на вниманіе спеціалистовъ, работа эта, въ которой авторъ производитъ тщательное сличеніе различныхъ текстовъ повѣстей, представляетъ мало интереса для большей части публики. Равнымъ образомъ по преимуществу спеціалистовъ, надо думать, заинтересуетъ и напечатанная въ настоящемъ томѣ сборника большая статья покойнаго историка, А. Г. Ильинскаго: „Городское населеніе Новгородской области въ XVI вѣкѣ", являющаяся детальнымъ изслѣдованіемъ, основаннымъ на свѣдѣніяхъ писцовыхъ книгъ названной эпохи. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ статьею В. И. Семевскаго „Изъ жизни общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка". Подобно большинству работъ, выходящихъ изъ подъ пера уважаемаго историка, статья эта представляетъ выдающійся интересъ не только для лицъ, занимающихся русской исторіей, но и для болѣе широкихъ круговъ читателей. Авторъ указываетъ, что „въ исторіи русскаго общества XVIII и XIX столѣтій (до крестьянской реформы) мы замѣчаемъ два наиболѣе выдающихся теченія: съ одной стороны стремленіе къ ограниченію крѣпостного права, съ другой—стремленіе къ реформамъ въ области государственнаго устройства". Въ своей статьѣ онъ и даетъ сжатый, но богатый содержаніемъ очеркъ этихъ двухъ теченій и ихъ взаимныхъ отношеній между собою на протяженіи указаннаго періода, причемъ съ наибольшею подробностью останавливается на первой четверти нашего столѣтія, когда либеральное политическое теченіе особенно сильно давало себя чувствовать. Въ характеристикѣ этой эпохи, даваемой авторомъ, читатель найдетъ не мало и совершенно новыхъ свѣдѣній. Такъ, г. Семевскій обстоятельно передаетъ никѣмъ ранѣе не изложенное еще въ литературѣ содержаніе плана устройства судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи, составленнаго Сперанскимъ въ 1803 г. Планъ этотъ сильно отличается отъ проекта 1809 г., въ свою очередь, изложеннаго у автора съ большею точностью, нежели у предъидущихъ изслѣдователей. Прослѣдивъ развитіе въ русскомъ обществѣ со временъ Петра В. и до 60-хъ годовъ нашего вѣка идей соціальной и политической реформы, авторъ кончаетъ свою статью такими строками: „Изученіе крестьянскаго вопроса въ теченіе столѣтія до его окончательнаго разрѣшенія возбуждаетъ бодрость и

даетъ вѣру въ то, что дѣятельность во имя дѣйствительныхъ интересовъ трудящихся классовъ никогда не останется безплодною, и что если извѣстная идея соотвѣтствуетъ потребностямъ общества и народа, то настанетъ время, когда она будетъ во что бы то ни стало осуществлена".

---

9. Ренанъ. Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей. Томъ II. Переводъ В. И. Штейна. Изданіе М. М. Ледерле. (Моя библіотека).

Второй томикъ этого интереснаго сборника статей знаменитаго французскаго историка, знакомаго нашей читающей публикѣ почти исключительно по слухамъ, занятъ главнымъ образомъ обширными отрывками изъ его „Histoire des origines du christianisme"—изъ „Les Apôtres", „L A'ntéchrist". „Les évangiles", „Marc-Aurèle" и др. Выборки изъ сочиненій Ренана сдѣланы удачно и даютъ яркія характеристики Нерона, Траяна и Марка-Аврелія въ связи съ ихъ эпохой. Отдѣльно отъ этихъ историческихъ статей стоитъ критическій этюдъ о картинѣ Ари Шеффера „Искушеніе Христа" и вступительная рѣчь Ренана, по случаю избранія его въ члены Французской Академіи, посвященная, по обычаю Академіи, восхваленію предшественника новаго академика, Клода Бернара. Это, вѣроятно, лучшій литературный портретъ великаго физіолога, рисующій его не какъ спеціалиста, не какъ лабораторнаго изслѣдователя, но какъ мыслителя и замѣчательнаго писателя. Нѣсколько злыхъ, но справедливыхъ словъ, брошенныхъ мимоходомъ въ этой рѣчи по адресу Бисмарковской Германіи, были встрѣчены тамъ, какъ сообщилъ Ренану одинъ его нѣмецкій другъ, „какъ гласъ врага". Отвѣтное письмо Ренана, также переведенное въ лежащемъ предъ нами сборникѣ, даетъ, быть можетъ, наиболѣе удачную параллель между Германіей Веймара и Германіей Берлина. Изъ за второй и въ наше время слишкомъ часто и несправедливо забываютъ первую; гораздо больше, чѣмъ Франціи, обязаны мы этой Германіи, „широкой, умной и глубокой".

Сергѣй Роміасъ. Деревня нашего времени. Посвящается начинающимъ писателямъ. Москва. 1897.

„Деревня нашего времени!" Неправда-ли, какое заманчивое заглавіе! Это навѣрное или результатъ многолѣтняго изученія, или проникновенный синтезъ художника, схватившаго въ немногихъ чертахъ самую суть столь обширнаго предмета.

„Деревня нашего времени" оказывается поселкомъ въ 12 дворовъ, расположенномъ въ неизвѣстномъ уѣздѣ неизвѣстной губерніи (къ чему эти сухія детали въ обобщающей картинѣ?).

„Сами жители говорятъ, что лежитъ Сосновка ни у чего. Черезъ нее ни проѣзда, ни прохода. Дороги, куда нибудь ведущія, какъ-то отстранились отъ нея всѣ“ (29). Въ ней двѣ трети жителей придерживаются какого-то неизвѣстнаго старообрядческаго толка (60), и, кромѣ того, по неизвѣстной причинѣ женщины рѣзко превышаютъ численностью мужчинъ („даже хороводы водить перестали оттого, что парней всего Никита съ Алешкой“—стр. 177). Эти особенности Сосновки, мы, какъ видите, выудили изъ разныхъ мѣстъ книги, гдѣ онѣ брошены случайно и вскользь. Г-ну Ромiасу, повидимому, не приходитъ и въ голову, что онѣ могутъ имѣть какое нибудь значеніе для его выводовъ,—и онъ, ничто же сумняся, выбираетъ „лежащую ни у чего“ деревушку для своихъ обобощающихъ наблюденій надъ „деревней нашего времени“.

Въ одинъ прекрасный день въ эту деревушку пріѣхала чета „интеллигентовъ“, гг. Королевыхъ. Объ этой добродѣтельной четѣ авторъ говоритъ не иначе, какъ въ высочайшемъ стилѣ. „Королевы не любятъ искусственности въ природѣ, не любятъ они ни садовъ городскихъ, ни дачныхъ лѣсовъ, гдѣ все симметрично, неподвижно, мертво, гдѣ созданіе божіе подстрижено, подтянуто, напомажено (?), съужено, обезцвѣчено, изгажено“... и т. д.—цѣлая страница того, чего не любятъ Королевы... Затѣмъ слѣдуетъ страница того, что Королевы любятъ... „Живою струею билось въ сердцѣ у нихъ это страстное исканіе правды и истины, это желаніе увидѣть народъ не въ чужомъ, въ его собственномъ одѣяніи, узнать его въ одномъ хотя бы уголкѣ по первоисточникамъ, прямымъ и долгимъ общеніемъ, соприкосновеніемъ съ нимъ, наблюденіемъ надъ нимъ безъ всякой предвзятой теоріи, какъ равнаго надъ равнымъ, въ его ежедневной, будничной жизни, въ его радостяхъ, горестяхъ, въ его“... нѣтъ, намъ никогда не кончить этого ужаснаго періода! Однимъ словомъ, гг. Королевы пріѣхали въ Сосновку на дачу, но не просто пріѣхали на дачу, а имѣли на то свои весьма, какъ видите, возвышенные мотивы.

Прожили они здѣсь три сезона, отъ ранней весны до поздней осени и все собирали матеріалы для книги г. Ромiаса. Впрочемъ, съ г. Королева автору, повидимому, взятки были бы гладки. Попробовалъ онъ однажды разъяснить мужикамъ „ихъ собственныя инстинктивныя мысли“ объ одной деревенской бабѣ Матренѣ, (которая, по его словамъ, одержима „маніей процессированія“) и разразился такимъ періодомъ на ¾ страницы, который способенъ свалить съ ногъ любого интеллигентнаго читателя (стр. 25).

Г. Ромiасъ утверждаетъ, будто мужички остались довольны, однако самъ послѣ этого уже не трогаетъ своего Королева, все-

цѣло обращаясь лишь къ наблюденіямъ г-жи Королевой. Эта молодая дама быстро свела знакомство съ женской половиной Сосновки. Особенно плодотворно оказалось близкое общеніе ея съ одной поистинѣ золотой „бабушкой", которая, страдая безсонницей, поставила задачей своей жизни наблюдать за всѣми законными и незаконными парами въ Сосновкѣ. Относительно первыхъ она заботилась всемѣрно, дабы онѣ „соблюдали законъ" возможно чаще, за вторыми-же зорко слѣдила, чтобы онѣ никоимъ образомъ не совершали „внѣзаконныхъ" дѣйствій. Выше уже было сказано, что, по неизвѣстнымъ причинамъ, въ Сосновкѣ прекрасный полъ рѣзко преобладалъ по числу надъ поломъ непрекраснымъ, такъ что даже нѣкій старецъ Евтихъ считался весьма завиднымъ кавалеромъ. Понятно поэтому, какое трудное бремя возложила почтенная старушка на свои дряхлыя плечи: она положительно сбивалась съ ногъ и всетаки не могла добиться надлежащаго торжества „закона". Глядишь,—водворила всѣхъ на мѣста, даже подъ пологъ заглянула, и успокоилась: повидимому, законъ вполнѣ обезпеченъ (г. Роміасъ повѣствуетъ объ этомъ опять въ самомъ высокомъ стилѣ, даже слегка скандованной и риемованной прозой,— см., напримѣръ, стр. 246); но только отвернись,—подъ пологомъ опять пусто, а за то по клѣтямъ и подъ овинами царитъ на всей своей волѣ полное „беззаконіе". Огорченная старушка бѣжала въ такихъ случаяхъ къ г-жѣ Королевой дѣлиться своими неудачами.

„И чтой-то я примѣчать стала, дѣвка одна въ хатѣ остается... Кабы въ клѣть къ ней не забрался. Ужъ я буду смотрѣть, ужъ я примѣчать стану... Только коровъ подою и съ задворокъ не сдвинусь, ни въ жизнь съ задворокъ не сдвинусь" (81). „Пра, ей-Богу, красно солнце, а чтобъ мнѣ не свидѣть его, запримѣтила я Маланью съ прежнимъ, съ Евтихомъ, за сараями значитъ" (127). И т. д. и т. д. Всѣ три года бабушка оставалась на высотѣ положенія, и эта каторжная жизнь довела ее до такого самозабвенія, что однажды она не пустила въ избу даже самого Королева. „Я легла, онъ на минуту вышелъ, а бабушка назадъ войти ему не даетъ. Въ окно долженъ былъ лѣзть, какъ кошка,—говорила Королева, умышленно надувая губы на бабушку и корча жалостливую, кислую мину" (194). Бабушка, конечно, сконфужена: „Вовсе, родная, замаялась... Матрена, она можетъ такъ чего на сараи побѣгла, а бабушкѣ иное что думатца. А тамъ за Микиткой побѣгла. Потому отецкій сынъ, а ёнъ опять колобродитъ коло Маланьи" (ib). Да, трудное житье было бабушкѣ, за-то результаты ея разговоровъ съ г-жей Королевой оказались чрезвычайно плодотворны для г. Роміаса: бабушкины набюденія съ „задворокъ" разсыпаны по всей книгѣ

въ такомъ изобиліи, а г-жа Королева прибавила еще отъ себя столько „беллетристическаго элемента“, что поистинѣ „деревня нашего времени“ напоминаетъ фантастическія видѣнія аббата Мурэ въ болѣзненно-эротическомъ бреду. Кажется, не осталось ни одного противуестественнаго порока, котораго бы г-нъ Роміасъ не открылъ въ своей 12-ти дворовой Сосновкѣ и не изобразилъ съ совершенно излишней обстоятельностью. Даже умирающая дѣвушка говоритъ все о томъ-же единственномъ сюжетѣ: „Люблю я съ мужиками косить... Ничего я такъ не люблю, какъ когда мужикъ поиграетъ со мной“ (149). Ужъ будто бы г-жа Королева „сама слышала» и это?

Такъ то г. Роміасъ повѣдалъ міру самымъ дубовымъ стилемъ, съ періодами, удручительными, какъ трудные роды, о совмѣстныхъ наблюденіяхъ г-жи Королевой и золотой бабушки... И вышла „деревня нашего времени“. „Нарисовать съ натуры, какъ мужикъ бьетъ свою бабу—это очень трудно“,— признавался когда то Тургеневъ. Такъ тó Тургеневъ. А вотъ въ „наше время“ г-да Роміасы однимъ духомъ изобразятъ вамъ цѣлую обобщающую картину „деревни“. Только бы „бабушка“ какъ нибудь не сошла „съ задворокъ“ и не проглядѣла чего нибудь „за сараемъ“...

И. В. Лучицкій. Новыя изслѣдованія по исторіи крестьянъ во Франціи XVIII в. В. I. Кіевъ, 1896.

Литература имѣющая въ виду состояніе крестьянской массы въ XVIII вѣкѣ, при старомъ режимѣ, до послѣдняго времени основывалась почти исключительно на свидѣтельскихъ показаніяхъ, болѣе или менѣе отрывочныхъ и въ большинствѣ случаевъ не идущихъ дальше половины XVIII в. Лабрюйеръ, д'Аржансонъ, Артуръ Юнгъ, Ригби, различные дѣятели XVIII в. въ ихъ мемуарахъ, статьяхъ, письмахъ и т. п., наконецъ, такъ наз. крестьянскія cahiers,—вотъ почти исключительный матеріалъ, который подвергался обработкѣ. Но съ начала 80-хъ годовъ во Франціи явилось съ одной стороны сознаніе недостаточности упомянутаго матеріала, съ другой—болѣе близкое знакомство съ неисчерпаемымъ богатствомъ различныхъ мѣстныхъ архивовъ.

Разработка матеріала какъ для сличенія его съ ранѣе сдѣланными выводами, такъ и для дальнѣйшаго изслѣдованія внутренняго состоянія Франціи въ XVIII в., привлекла къ себѣ въ позднѣйшее время многихъ французскихъ и иныхъ изслѣдователей, въ числѣ которыхъ нашими соотечественниками являются И. В. Лучицкій и М. М. Ковалевскій. Въ самой Франціи немалый толчокъ къ изслѣдованіямъ въ этом

направленіи данъ былъ комитетомъ историческихъ работъ и именно его секціей экономическихъ и соціальныхъ наукъ, которая выдвинула необходимость систематическаго организованнаго изслѣдованія (enquête scientifique), произведеннаго по опредѣленному плану усиліями цѣлой группы лицъ и охватывающаго массу документовъ, собранныхъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ. Самые вопросы, предложенные комитетомъ вниманію изслѣдователей, имѣютъ существеннѣйшее значеніе въ экономической жизни французскаго крестьянства; это вопросы, касающіеся раздробленности земельной собственности до революціи и послѣ нея, состоянія земель и лицъ до революціи, способовъ и системы отдачи земель въ аренду, характера земледѣлія, степени урожайности земель и размѣровъ чистаго дохода съ различныхъ угодій, цѣнъ на земли, товары, на рабочій трудъ, значенія половничества, мобилизаціи земельной собственности и проч. Изслѣдованія были произведены далеко не по всѣмъ вопросамъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ работъ, входившихъ въ указанную программу, притомъ наиболѣе важныя и интересныя, опубликованы. И. В. Лучицкій взялъ на себя благодарный трудъ ознакомить русскую публику съ нѣкоторыми изъ этихъ изслѣдованій. Въ разсматриваемомъ выпускѣ онъ реферируетъ содержаніе двухъ изслѣдованій: работы Шарля Гюйо (Ch. Guyot), «Essai sur l'aisance relative du paysan lorrain à partir du XV s.» и книги Брютайля (Brutails): «Note sur l'économie rurale du Roussillon à la fin de l'ancien régime».

Особый интересъ внушаетъ первая работа.

„Наша задача—говоритъ авторъ—состоитъ въ томъ, чтобы составить для нашего времени бюджетъ крестьянской семьи, вычислить ея доходы и расходы и затѣмъ сравнить полученный бюджетъ съ бюджетами предшествующихъ вѣковъ, бюджетами, которые были составлены для каждой эпохи совершенно по тѣмъ же способамъ, и въ которыхъ *измѣняемы* являлись бы цѣны на всѣ предметы потребленія и обстановки, а также и цѣны на трудъ". Ш. Гюйо ограничился въ своей работѣ лишь одной стороной дѣла: изслѣдованіемъ и установленіемъ цѣнъ на предметы потребленія и на рабочій трудъ, въ виду того, что именно для ихъ выясненія представлялся достаточный матеріалъ за четыре столѣтія. Съузивъ такимъ образомъ рамки изслѣдованія, онъ составилъ для современной крестьянской семьи, владѣющей среднимъ количествомъ земельной собственности, скота и инвентаря, минимальный бюджетъ расходовъ и доходовъ, при которомъ доходы цѣликомъ покрывали бы расходы, и затѣмъ примѣнительно къ нему исчислилъ колебанія обезпеченности подобнаго типическаго хозяйства за 4 столѣтія.

Соотношеніе между разными частями бюджета современной средней крестьянской семьи во Франціи у Ш. Гюйо вполнѣ совпало съ такими же вычисленіями расходовъ крестьянской семьи XIX в., произведенными во Франціи Fouill'емъ, а для Германіи Энгелемъ и Гампке: расходъ на пищу составляетъ около 60%, на одежду 20%, на жилье 12%, на отопленіе, освѣщеніе и проч. 8%. Затѣмъ для каждой четверти столѣтія Гюйо вычисляетъ расходы на потребленіе семьи крестьянина, предполагаемое тождественнымъ съ современнымъ, и затѣмъ помножаетъ ихъ на среднюю цѣну даннаго продукта въ ту же четверть столѣтія. Въ результатѣ сложныхъ вычисленій и ряда таблицъ авторъ получаетъ общую таблицу относительной обезпеченности крестьянской семьи въ Лотарингіи съ XV по XIX в. Бѣглый взглядъ на эту таблицу показываетъ, что положеніе крестьянъ въ Лотарингіи XV и начала XVI в. стоитъ на одномъ почти уровнѣ съ положеніемъ лотарингскаго же крестьянина XIX в. (1851—1871 г.). Лотарингія подтверждаетъ лишь вновь фактъ, констатированный и для Германіи, и для Англіи, а именно, что положеніе крестьянъ XV и начала XVI в. было гораздо лучше въ экономическомъ отношеніи, чѣмъ въ послѣдующее время.

Какъ и для всей западной Германіи, и для Лотарингіи вторая половина XVI вѣка и первая половина XVII в. были временемъ наибольшаго упадка крестьянской массы. Только съ конца XVII в. и въ XVIII въ Лотарингіи начинается временно нѣкоторое улучшеніе (для остальной Франціи первая четверть XVIII в. была временемъ столь же, если еще не болѣе тяжелымъ, чѣмъ періодъ фронды), но затѣмъ съ XVIII наступаетъ нѣкоторое паденіе, но гораздо болѣе слабое, тянущееся до половины XIX в.

Не смотря на условность пріемовъ и отсутствіе нѣкоторыхъ важныхъ для точности вывода элементовъ, И. В. Лучицкій признаетъ, однако, трудъ Гюйо „крупнымъ и въ высокой степени цѣннымъ вкладомъ въ науку, равнаго которому, по тщательности обработки матеріала, не представляетъ французская литература послѣдняго времени". Что касается работы Brutails'а, то въ ней съ большой обстоятельностью изложено все, что касается какъ состоянія земледѣлія и условій землепользованія въ Руссильонѣ, такъ и размѣры доходности земли и степень ея обложенія. Изслѣдованіе это носитъ, однако, болѣе частный характеръ, чѣмъ трудъ Ш. Гюйо. Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы нашъ почтенный изслѣдователь французской исторіи XVIII в. не ограничился въ своей попыткѣ знакомить соотечественниковъ съ новѣйшею въ этой области литературою первымъ выпускомъ ея обзора.

Густавъ Шмоллеръ. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Перев. Е. Котляревской. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Едва ли не болѣе какой либо другой науки политическая экономія раскалывается на школы, изъ которыхъ каждая характеризуется своей особой физіономіей, своими особыми взглядами на характеръ и сущность основныхъ вопросовъ науки. *Историческая* или *этико-историческая* школа пользуется большимъ распространеніемъ въ научныхъ кругахъ, и авторъ разбираемой брошюры, ректоръ берлинскаго университета, является однимъ изъ видныхъ ея представителей. Интересъ брошюры понятенъ. Историческая школа, которой наука обязана многими цѣнными пріобрѣтеніями въ области хозяйственной исторіи, до сихъ поръ остается крайне неопредѣлившейся съ *теоретической*, *философской* стороны. Выросши на почвѣ протеста противъ крайностей умозрительнаго метода классической школы, историческое направленіе привело своихъ приверженцевъ къ другой крайности: они накопили массу фактическаго матеріала, котораго, однако, не озарили свѣтомъ философскаго обобщенія. Работа Шмоллера, представляющая одну изъ попытокъ пополнить означенный пробѣлъ, пріобрѣтаетъ высокій интересъ. Въ какой же мѣрѣ удачно выполнилъ почтенный профессоръ свою задачу?

Не безъ пользы прочтетъ читатель въ брошюрѣ страницы, посвященныя вопросамъ о возникновеніи религіозныхъ и этическихъ системъ, о процессѣ постепеннаго выдѣленія изъ этики особыхъ наукъ о государствѣ, правѣ, народномъ хозяйствѣ. Не лишенными интереса могутъ быть названы и разсужденія автора, касающіяся анализа общихъ условій мышленія вообще, экономическаго мышленія въ частности, а также изложеніе общихъ требованій научной методологіи. Упомянувъ объ этихъ мѣстахъ брошюры и оговорившись, что далеко не со всѣми мыслями, здѣсь высказанными, мы можемъ согласиться, переходимъ къ тому, что составляетъ спеціальную и главную цѣль работы Шмоллера—къ вопросамъ о „предметѣ“ и „методѣ“ „науки о народномъ хозяйствѣ“. На стр. 2-й Шмоллеръ такъ опредѣляетъ понятіе *хозяйства*: „Хозяйство мы можемъ опредѣлить какъ совокупность или замкнутый кругъ дѣйствій и отношеній, вызываемыхъ трудомъ, воздѣйствіемъ на матеріальный внѣшній міръ и мѣновыми связями одного лица или нѣсколькихъ совмѣстно живущихъ лицъ“. Далѣе *народнымъ хозяйствомъ* называется „составляющая одно цѣлое совокупность существующихъ въ государствѣ, стоящихъ частью рядомъ, частью одно надъ другимъ и взаимно зависимыхъ индивидуальныхъ и корпоративныхъ хозяйствъ, включая и финансовое хозяйство государства“ (стр. 7). Наконецъ, „наукой о

народномъ хозяйствѣ", т. е. политической экономіей, объявляется „наука, которая ставитъ себѣ задачей описывать народно-хозяйственныя явленія, опредѣлять ихъ, отыскивать ихъ причины, а также объяснять, какимъ образомъ они въ совокупности своей представляютъ одно цѣлое, причемъ, конечно, предполагается, что само народное хозяйство уже правильно опредѣлено" (стр. 11). Невольно навязывается вопросъ: что дадутъ читателю эти „новыя" опредѣленія при наличности въ литературѣ, хотя и старыхъ, но гораздо болѣе простыхъ, точныхъ и ясныхъ опредѣленій.

Не меньшею неясностью и полною эклектичностью отличаются и разсужденія ректора берлинскаго университета по важнѣйшему вопросу о *методѣ* экономической науки. По духу исторической школы, вѣрнымъ представителемъ которой служитъ нашъ авторъ, онъ долженъ бы относиться, и дѣйствительно относится, враждебно къ методу классической школы. Извѣстно, что методъ этотъ сводится прежде всего къ изолированію „экономическаго" человѣка, руководствующагося въ своей хозяйственной дѣятельности одними эгоистическими соображеніями и абстрагированнаго отъ всѣхъ прочихъ мотивовъ и стремленій. И однако Шмоллеръ ничего не имѣетъ противъ попытки Дитцеля (и другихъ,—слѣдовательно, и классической школы), „игнорировать при отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ нѣкоторыя второстепенныя причины", въ чемъ онъ видитъ „извѣстный методологическій пріемъ, противъ котораго никто и не сталъ бы возражать" (стр. 83), хотя всѣмъ извѣстно, какъ много горячихъ (и по большей части несправедливыхъ) нападокъ сыпалось на головы классиковъ именно по поводу этого „методологическаго пріема" со стороны послѣдователей исторической школы. Далѣе, второй отличительной чертой „классическаго" метода является, какъ извѣстно, усиленное пользованіе дедукціей. Проф. Шмоллеръ признаетъ законнымъ и необходимымъ употребленіе дедуктивнаго метода въ наиболѣе разработанныхъ отрасляхъ знанія и доходитъ даже до утвержденія, что „наиболѣе совершенныя науки наиболѣе дедуктивны" (стр. 88). Мало того, въ самой политической экономіи онъ отмѣчаетъ „наиболѣе разработанные" вопросы,—напр., объ обмѣнѣ, цѣнности и деньгахъ,—„гдѣ главныя явленія могутъ быть выведены дедуктивно изъ одной или нѣсколькихъ психологическихъ посылокъ" (ст. 88); хотя, конечно, еще большой вопросъ, можно ли считать упомянутые вопросы „наиболѣе разработанными частями нашей науки". Въ концѣ концовъ, методъ Шмоллера заключается въ пользованіи дедукціей совмѣстно съ индукціей,—методъ, легшій въ основаніе еще „Богатства народовъ" Адама Смита, и которымъ во всякомъ случаѣ трудно щего-

Ξлять въ настоящее время школѣ, претендующей на новизну и оригинальность.

Сказаннаго достаточно для признанія, что работа Шмоллера не можетъ быть рекомендована ни въ цѣляхъ общаго изученія „предмета" и „метода" экономической науки, ни для спеціальнаго ознакомленія со взглядами исторической школы по этимъ вопросамъ.

Джонъ Кельсъ Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. Изданіе второе. Перев. съ англ. Александра Миклашевскаго. Ц. 1 р. 50 к. М. 1897.

Сочиненіе Ингрема, переведенное на русскій языкъ г. Миклашевскимъ подъ редакціей проф. Янжула въ 1891 г., нынѣ, по сообщенію переводчика, разошлось „безъ остатка" и потребовало второго изданія. Такое, не совсѣмъ обычное у насъ явленіе трудно объяснить чѣмъ нибудь, кромѣ чрезмѣрной бѣдности литературы въ данной области. Ингремъ излагаетъ исторію политической экономіи отъ древнихъ до нашихъ временъ. Чтобы одухотворить эту длинную исторію разнообразныхъ и противоположныхъ ученій, чтобы сообщить ей внутреннюю связь и единство, необходимо связать отдѣльные моменты ея одною общею нитью, положить въ основу одну опредѣленную доктрину, съ точки зрѣнія которой могутъ излагаться и оцѣниваться всѣ направленія данной науки. Нашъ англійскій авторъ принадлежитъ къ весьма распространенной (преимущественно, впрочемъ, среди нѣмецкихъ экономистовъ) *исторической* или *этико-исторической* школѣ, и этимъ опредѣляется общій характеръ и направленіе его „Исторіи политической экономіи". Въ качествѣ приверженца названной школы, Ингремъ смотритъ на задачи экономическаго изслѣдователя и историка экономической науки въ общемъ правильно. Именно онъ обѣщаетъ изложеніе экономическихъ ученій: 1) въ связи съ анализомъ хозяйственно-историческаго быта эпохи, создавшей каждое данное ученіе (стр. 6, 7); 2) въ связи съ опредѣленіемъ общаго состоянія научной мысли въ данное время (стр. 8—9). Но дѣйствительно ли провелъ Ингремъ этотъ *историческій* взглядъ черезъ свое изложеніе?

Исторіи политической экономіи въ древнее время, у греческихъ и римскихъ писателей, посвящено около двадцати страницъ (стр. 12—33). На этомъ небольшомъ пространствѣ говорится объ очень многомъ, но обо всемъ чрезвычайно мало. Краткія, поверхностныя характеристики общественно-государственнаго быта и общаго состоянія научной мысли безпорядочно перемѣшиваются съ блѣдными указаніями на ученія немногихъ мыслителей. Но, вопреки обѣщанію, экономическія

идеи вовсе не выведены изъ экономическаго строя древнихъ обществъ. Имѣются и частные недостатки, обнаруживающіе отсутствіе у Ингрема именно *исторической* точки зрѣнія. Такъ римскіе писатели и юристы, порицая взиманіе процентовъ, обнаруживали „неясность и несовершенство понятій въ вопросахъ о природѣ и значеніи капитала“ (стр. 32),—хотя, мы думаемъ, для этой древней ненависти къ проценту существовали болѣе глубокія причины, которыя надо искать въ фактѣ спеціально-ростовщическаго примѣненія капитала въ ту эпоху и въ господствѣ опредѣленныхъ религіозно-моральныхъ системъ. Имѣются въ этомъ отдѣлѣ замѣчанія, звучащія курьезомъ въ устахъ экономиста. Ксенофонтъ, напримѣръ, хвалится за „духъ любвеобильной филантропіи и смиреннаго благочестія“, которыми дышатъ его сочиненія; но за то очень мало, почти совсѣмъ не выяснены экономическія воззрѣнія этого мыслителя. Серьезными дефектами страдаетъ и обширный (въ 200 страницъ) отдѣлъ, посвященный характеристикѣ „классической“ школы, къ которой Ингремъ, вѣрный духу исторической школы, относится крайне отрицательно. Нельзя, однако, сказать, чтобы его возраженія противъ англійскихъ классиковъ отличались оригинальностью, убѣдительностью, а главное, печатью *историческаго* міровоззрѣнія, *исторической* критики. Повторяя обычные упреки классикамъ, историкъ исторической школы умудрился обнаружить самое легкомысленное отношеніе къ тому, что несомнѣнно является главною заслугою представителей классической школы: къ роли ихъ въ исторіи попытокъ обоснованія трудовой теоріи. Объ этомъ имѣются у Ингрема лишь краткія замѣчанія, обнаруживающія притомъ полное отступленіе отъ принциповъ историзма.

Такъ, противъ Адама Смита воздвигается обвиненіе въ томъ, что онъ обратилъ „слишкомъ исключительное вниманіе на мѣновую цѣнность, въ отличіе отъ богатства въ собственномъ смыслѣ“ (стр. 151). Курьезъ обвиненія заключается въ томъ, что, *историкъ* по общему своему направленію, Ингремъ не понялъ, что категорія мѣновой цѣнности выдвинута на первый планъ не произволомъ англійскихъ классиковъ, а специфически историческими отличіями той буржуазной, основанной на господствѣ мѣновыхъ отношеній эпохи, первый научный анализъ которой стремились дать послѣдователи означенной школы. Точка зрѣнія Рикардо на капиталъ объявляется Ингремомъ „искусственной“, которая будто бы „затемняетъ характеръ содѣйствія капитала (или роль его) въ производствѣ“ (стр. 178). Въ производствѣ чего? Рикардо, какъ извѣстно, вовсе не отрицалъ роли капитала въ производствѣ богатства; онъ отрицалъ эту роль лишь въ производствѣ мѣновой цѣн-

ности. Эти двѣ различныя категоріи капиталистическаго хозяйства, однако, вовсе не различаются Ингремомъ. Далѣе, ошибка Мальтуса, по мнѣнію Ингрема, заключается въ томъ, что онъ „упустилъ изъ виду противоборствующее вліяніе нравственнаго воздержанія“ (стр. 167). Это указаніе, характеризующее принадлежность автора къ этической школѣ, не совсѣмъ вѣрно: Мальтусъ, не игнорируя указаннаго фактора, хотѣлъ только урегулировать нравственное воздержаніе, создать для него опредѣленную, насильственную норму. Но непростительно было Ингрему, являющемуся, въ то же время, приверженцемъ *исторической* школы, не указать на игнорированіе Мальтусомъ „противоборствующаго вліянія“ всѣхъ соціальныхъ общественныхъ факторовъ, способныхъ видоизмѣнить въ извѣстную историческую эпоху „законъ народонаселенія“. Наконецъ, характеристика самой исторической школы, ярлыкъ которой носитъ авторъ, послѣднимъ представлена неудовлетворительно. Вмѣсто яркихъ общихъ характеристикъ здѣсь преподносится рядъ краткихъ перечней, чисто библіографическаго характера, именъ, названій, датъ. Основными особенностями этой школы (при всемъ разнообразіи ученій отдѣльныхъ ея представителей) Ингремъ считаетъ проведенный ею и противопоставленный методу классической школы—методъ *историческаго* пониманія смысла общественныхъ явленій и историческаго построенія экономическихъ доктринъ. „Космополитизмъ, или увѣренность, что существуетъ одинаково истинная для всѣхъ странъ система, а также перпетуализмъ, или признаніе, что существуетъ одна, равно истинная для всѣхъ стадій развитія экономическая система, потеряли кредитъ въ научной теоріи. Такимъ образомъ выросла историческая школа“ (стр. 293). Мы вовсе не желаемъ отрицать отмѣченную заслугу этой школы. Нельзя, однако, не замѣтить, что почти всѣ представители ея не пошли дальше крикливыхъ заявленій объ „историчности“, „измѣнчивости“ экономическихъ явленій и ученій. Вотъ почему и Ингремъ не выставилъ ни одного, принадлежащаго къ этому направленію, творца опредѣленной *теоретической* системы, проникнутой историческимъ характеромъ установленныхъ ею понятій. Самъ Ингремъ страдаетъ въ этомъ отношеніи многимъ, отличаясь за то непониманіемъ той доли историчности, которая имѣется и у старыхъ экономистовъ. Къ сожалѣнію, это почти общій грѣхъ теоретиковъ исторической школы. Съ другой стороны, удивленія достойно, что критикѣ соціалистическихъ ученій не посвятилъ ни одной страницы авторъ „Исторіи политической экономіи“.

Мы отмѣтили недостатки труда. Наряду съ этимъ читатель найдетъ не мало полезныхъ свѣдѣній большею частью справочнаго, историко-литературнаго характера. Переводчикъ

снабдилъ трудъ Ингрема многочисленными примѣчаніями. Полезныя тамъ, гдѣ въ нихъ предлагаются библіографическія указанія, онѣ не всегда удачны, когда рѣчь заходитъ о принципіальныхъ вопросахъ. Переводъ сдѣланъ хорошимъ литературнымъ языкомъ.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки **Жюля Пейо,** автора книги „Воспитаніе воли". Перев. съ французскаго М. А. Энгельгардта. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1897.

Основная мысль автора этой небольшой популярной книжки совершенно вѣрна. Авторъ протестуетъ противъ исключительнаго господства интеллектуализма, характеризующаго современное французское воспитаніе, онъ указываетъ на то, что развитіе и укрѣпленіе воли есть одна изъ главнѣйшихъ задачъ воспитанія. Во Франціи, говоритъ авторъ, существуетъ система воспитанія, имѣющая главнымъ своимъ объектомъ не умъ, а волю, но это—система католическихъ монаховъ. Авторъ доказываетъ необходимость созданія подобной же системы воспитанія внѣ интересовъ католицизма. „Разъ церковь преуспѣваетъ въ воспитаніи, которое такъ грубо насилуетъ нашу природу,—было бы странно, если бы демократія не могла преуспѣть въ воспитаніи, требующемъ отъ человѣка далеко не такихъ тягостныхъ жертвъ" (стр. 160). „До сихъ поръ... въ особенности католическая церковь, остается наилучше организованнымъ нравственнымъ правительствомъ современныхъ обществъ... но нельзя оспаривать, что они въ настоящее время утратили въ значительной степени власть надъ множествомъ душъ въ нашихъ странахъ" (стр. 161). Затѣмъ «въ XIX вѣкѣ совершился капитальный фактъ, возлагающій на всѣхъ предусмотрительныхъ людей суровыя обязанности: мы разумѣемъ участіе всѣхъ въ управленіи страною. Всеобщая подача голосовъ господствуетъ надъ нашей будущностью" (стр. 161).

Эти два обстоятельства: участіе всего французскаго народа въ управленіи страною и паденіе авторитета католицизма дѣлаютъ особенно настоятельнымъ вопросъ объ организаціи нравственнаго воспитанія народа. Авторъ, конечно, не отрицаетъ большого значенія развитія ума, но утверждаетъ, что умъ не есть ни первичный, ни главнѣйшій факторъ. Не только знаніе всегда является только какъ отвѣтъ на требованія, представляемыя волею, но и самая убѣдительность для насъ отвѣтовъ въ значительной степени обусловлена нашимъ чувствомъ. „Дѣльные резоны дѣльны только потому, что мы ихъ находимъ такими и одобряемъ. Отвлеченныя разсужденія имѣютъ значеніе лишь для немногихъ людей" (149—150). „Мариво разсказываетъ исторію одной женщины, удивитель-

ной красавицы, которую всѣ признавали восхитительно остроумной и которая, будучи обезображена оспою, оказалась дурочкой" (стр. 150).

Не только основная мысль автора вѣрна, но и разработка ея *въ общемъ* удовлетворительна. Къ сожалѣнію, однако, эта разработка страдаетъ нѣкоторыми довольно существенными недостатками. Во-первыхъ, авторъ черезъ чуръ французъ. Вотъ, напр., что читаемъ мы въ его предисловіи: «авторъ скоро пришелъ къ убѣжденію въ несостоятельности современной психологіи, ограничивающейся интеллектомъ. Кузенъ, Жуффруа и другіе философы эклетики съ достойнымъ сожалѣнія успѣхомъ постарались возстановить традиціи, счастливо порванныя Спинозою и Лейбницемъ" (стр. 1). Эти слова, даже для Франціи, являются анахронизмомъ, ибо даже тамъ всѣ болѣе молодые (начиная даже съ такихъ уже не молодыхъ, какъ Рибо) психологи не обращаютъ никакого вниманія на Кузена, вліяніе котораго чувствуется только среди рутинеровъ-преподавателей; что же касается другихъ странъ, то тамъ образованная публика, вѣроятно, помнитъ о Кузенѣ только по остротѣ Гейне, сказавшаго, что Кузенъ зналъ, что лучшую критику можно найти у Канта, а лучшее мороженое у Занетти (цитируя слова Гейне на память, мы не ручаемся за фамилію мороженщика). Поэтому слова автора о несостоятельности *современной психологіи*, сбитой съ толку Кузеномъ, даже для француза должны звучать очень странно. Другимъ недостаткомъ книги слѣдуетъ считать то обстоятельство, что авторъ часто не удерживается отъ чисто фельетонныхъ экскурсій. Такъ на стр. 4 мы узнаемъ о новомъ, и на этотъ разъ благодѣтельномъ, для Франціи послѣдствіи потери Эльзаса и Лотарингіи. Ибо „только узкій кругозоръ и недальновидность побѣдителей французскаго народа (выразившіеся отнятіемъ провинцій. Наше поясненіе) помѣшали жалкой нигилистической философіи Ницше распространиться среди университетскаго юношества во Франціи, подобно тому, какъ она заполонила (?!) германскіе университеты".

А на стр. 2 читаемъ слѣдующее обвиненіе противъ Кузена, Жуффруа и компаніи: „На этихъ несостоятельныхъ мыслителяхъ, не оцѣнившихъ значенія „Трактата о страстяхъ" Декарта, лежитъ вся (?!) отвѣтственность за современное состояніе умовъ. Это искалѣченіе нашей природы должно было логически привести къ дилетантизму, т. е., къ искусственной и вскорѣ утратившей всякое реальное содержаніе жизни". Такимъ образомъ, если бы Кузенъ къ критикѣ Канта и мороженому Занетти присоединилъ бы еще и „страсти" Декарта, то вся наша жизнь, по мнѣнію автора, получила бы совсѣмъ другое направленіе!

Затѣмъ, только фельетонистъ можетъ называть Дж. Ст. Милля очень поверхностнымъ психологомъ (стр. 96). И только фельетонистъ можетъ называть міровоззрѣніе Карла Фогта „философіей двѣнадцатилѣтнихъ ребятъ" (стр. 108).

Авторъ такъ же совершенно напрасно выходитъ изъ области чисто психологической и переходитъ къ разсмотрѣнію вопросовъ метафизики. Вѣрно или не вѣрно его ученіе о волѣ, какъ основѣ міровыхъ явленій, здѣсь не мѣсто говорить уже по тому одному, что это ученіе не ему принадлежитъ, и онъ не внесъ сюда ничего, заслуживающаго вниманія. Но нельзя не замѣтить, что страницы, посвященныя рѣшенію этого метафизическаго вопроса, увеличиваютъ собою число легковѣсныхъ страницъ книги.

Характеръ и нравственное воспитаніе. Составилъ **Фр. Кейръ.** Переводъ съ франц. подъ редакціей Р. И. Сементковскаго. Спб. 1897.

Уже въ древности, установленіемъ ученія о четырехъ темпераментахъ: сангвиническомъ, холерическомъ, флегматическомъ и меланхолическомъ, было положено первое основаніе наукѣ о человѣческихъ характерахъ. Однако, съ тѣхъ поръ въ теченіе очень долгаго времени, эта наука, которую Дж. Ст. Милль предлагалъ назвать этологіей, почти не сдѣлала никакого успѣха. Правда, время отъ времени появлялись монографіи о характерахъ, возникали даже попытки создать новыя классификаціи характеровъ, но всѣ эти попытки не имѣли особеннаго значенія; а такъ какъ и само старое ученіе о четырехъ темпераментахъ, имѣя свои заслуги, было, однако, не только не полнымъ, но даже прямо ошибочнымъ, то и не удивительно, что еще въ 1843 году Дж. См. Милль говорилъ о необходимости создать новую, еще не существующую науку о характерахъ.

Съ тѣхъ поръ быстрые успѣхи физіологіи и довольно замѣтные успѣхи психологіи сдѣлали возможнымъ серьезно приступить къ созданію этой науки.

Въ самое послѣднее время появился рядъ замѣчательныхъ работъ о характерѣ. Эта новая наука была почти монополизована французскими учеными: во Франціи въ небольшой промежутокъ времени появились изслѣдованія Пере, Рибо, Полана и Фулье.

Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія не пытается дать новой самостоятельной разработки вопроса. Большая часть его брошюры наполнена выписками изъ сочиненій, какъ четырехъ вышеуказанныхъ авторовъ, такъ и многихъ другихъ. Но даже и тѣ мѣста его сочиненія, которыя не имѣютъ внѣшняго вида цитатъ (т. е. не взяты въ ковычки), являются,

въ сущности, пересказомъ чужихъ словъ, изложеніемъ чужихъ мыслей. Эта полная несамостоятельность автора дѣлаетъ совершенно излишнею критику по существу, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что разсматриваемая книжка лишена всякихъ достоинствъ. Напротивъ, авторъ довольно хорошо знакомитъ читателя съ современнымъ положеніемъ вопроса о характерахъ. А такъ какъ къ его брошюрѣ приложенъ еще списокъ 122-хъ сочиненій, такъ или иначе касающихся ученія о характерѣ, то пользованіе его маленькимъ сочиненіемъ можетъ послужить исходнымъ пунктомъ для ознакомленія съ наукою о характерахъ.

Алексѣй Ник. Острогорскій. Педагогическіе экскурсіи въ область литературы. Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ. Москва. 1897.

Его-же. Образованіе и воспитаніе. СПБ. 1897.

Г. Острогорскій собралъ въ первой изъ названныхъ книгъ свои статьи, напечатанныя первоначально въ педагогическомъ журналѣ. При всемъ разнообразіи предметовъ, о которыхъ онѣ трактуютъ, онѣ объединяются какъ сутью своего содержанія—всѣ онѣ посвящены внутренней жизни школы—такъ и тѣмъ матеріаломъ, изъ котораго авторъ черпаетъ основанія для своихъ выводовъ, матеріалъ этотъ—литература: изящная словесность и воспоминанія. Извлеченные изъ разнообразныхъ источниковъ факты распредѣлены авторомъ по группамъ сообразно вопросамъ, которые его занимаютъ. Такими являются вопросъ о справедливости въ школьной жизни, о педагогическихъ наказаніяхъ, объ учителяхъ, оставившихъ хорошія воспоминанія въ своихъ ученикахъ, объ обязанностяхъ школы по отношенію къ ученикамъ выше средняго уровня.

Это одна изъ немногихъ книгъ, на которыя можно съ удовольствіемъ указать среди нашего чуть не повальнаго недуманія,—книга умная и оригинальная, хотя и безъ той оригинальности, которая открываетъ Америку съ другой стороны. Въ ней и вообще нѣтъ никакой Америки, нѣтъ ничего новаго; но въ ней нѣтъ ничего, что не носило-бы отпечатка свободной и самостоятельной мысли. За каждымъ совѣтомъ, который авторъ даетъ современной школѣ, чуствуется богатство опыта, которое привело къ этому хотя бы и извѣстному тезису, чувствуется несомнѣнный авторитетъ.

Его воззрѣнія гуманны; но не потому, чтобы такая гуманность требовалась заранѣе принятой доктриной, или, вѣрнѣе, не только поэтому, но еще и потому, что къ этой гуманности его приводитъ вся совокупность фактовъ; на самыхъ разнообразныхъ случаяхъ мы убѣждаемся, что исполненіе цѣлей,

поставленныхъ школѣ, въ полной зависимости отъ этой широкой, вдумчивой гуманности. Въ этомъ смыслѣ особенно много поучительнаго въ послѣдней статьѣ сборника „Школьная дисциплина и воспитаніе". Автора какъ будто интересуютъ по преимуществу вопросы терминологіи; онъ пытается „опредѣлить точнѣе признаки понятій—дисциплина и воспитаніе". Но онъ не останавливается на этомъ и, разграничивая и анализируя содержаніе этихъ сопредѣльныхъ понятій съ тонкостью, рожденной не кабинетнымъ мудрствованіемъ, а живымъ практическимъ опытомъ, онъ даетъ массу мелкихъ указаній, какъ настоятельно требуетъ эта живая практика съуженія сферы холоднаго, нивеллирующаго принципа дисциплины въ пользу гуманнаго, индивидуализирующаго начала воспитанія. Индивидуализація—таковъ вообще основной тезисъ этой книги, красной нитью проходящій по всѣмъ ея разсужденіямъ: индивидуализація въ дѣлѣ школьнаго воспитанія—необходимость считаться съ особенностями личности юноши, необходимость отказаться отъ сглаживанія оттѣнковъ, отъ пріемовъ фабричнаго производства тамъ, гдѣ каждый продуктъ долженъ быть „ein einmaliges Wunder". Вотъ почему въ статьѣ „Справедливость въ школьной жизни" авторъ всѣми силами ратуетъ за замѣну внѣшней, механической справедливости внутреннею—тою, которая „считается съ побужденіями, наклонностями и привычками человѣка, выражающимися въ его поведеніи, взвѣшиваетъ его прошлое и диктуетъ мѣры, заглядывая въ будущее, т. е. въ дѣйствіе, которое онѣ могутъ произвести... Важно не то, что воспитатель считаетъ себя справедливымъ, а то, считаютъ ли его таковымъ воспитанники". Разумѣется, авторъ совершенно отвергаетъ начало массовой отвѣтственности за проступокъ одного; это начало, давно изгнанное изъ уголовныхъ кодексовъ, къ сожалѣнію, находитъ себѣ подчасъ и въ наши дни примѣненіе въ школѣ, да еще въ своей худшей формѣ—въ видѣ особаго способа сыска: наказываютъ классъ за невыдачу виновнаго товарища. Явное дѣло, что на этомъ пути школа грѣшитъ грубой несправедливостью и представители ея лишаютъ себя авторитета поборниковъ правды. „Отъ этого голосъ товарищей только выигрываетъ. Голосъ этотъ оказывается сильнѣе, потому что онъ обращается къ совѣсти, къ общественному чувству, которое всегда говоритъ сильнѣе личныхъ разсчетовъ, когда человѣкъ чувствуетъ себя членомъ общества, борющагося съ себялюбивою силою".

На цѣломъ рядѣ фактовъ, разбросанныхъ въ книгѣ, мы видимъ, какъ послѣдовательно школа приноситъ единицу въ жертву массѣ. И статья „По поводу нашихъ предшественниковъ, добромъ поминаемыхъ" выясняетъ, что добромъ поми-

наютъ именно тѣхъ педагоговъ, которые разными путями и въ разное время умѣли найти „душу живу“ въ ученикѣ. Эта задача признается теперь для школы непосильной. „Есть очень почтенные люди, которые горячо возражаютъ, когда заходитъ рѣчь объ индивидуализаціи воспитанія. Они защищаютъ мысль, что школа только и можетъ брать на себя массовое обученіе и воспитаніе, потому что никакое иное ей и не по силамъ“. Понятно, какія изъ этого вытекаютъ послѣдствія; „имѣя въ виду массу и располагая силами людей не выше среднихъ, она обращается къ средствамъ, въ которыхъ такъ много формальнаго, внѣшняго. Ученики невольно чувствуютъ, что средства эти носятъ на себѣ характеръ обязательнаго, повинности, и отбываютъ эти обязанности тоже внѣшне, только для виду“. Мы могли бы добавить къ этому, по нашимъ личнымъ воспоминаніямъ, что современная средняя школа, кажется, и не ищетъ ничего иного.

Но не только въ воспитательномъ, а и въ чисто учебномъ отношеніи теорія „средняго ученика“ приноситъ бездну зла. Теряютъ отъ этого не только тѣ исключительныя единицы, которыя на голову выше другихъ: „школа, вѣрящая въ „средняго“ ученика, легко можетъ обсчитать всѣхъ своихъ учениковъ, въ томъ числѣ и такъ называемыхъ среднихъ“. Имѣя дѣло не съ дѣйствительнымъ многообразіемъ способностей, склонностей, натуръ, а съ абстрактной фигурой, школа заглушаетъ дарованія, которыя, въ сущности, есть у большинства, и которыя школа должна открыть и развить. Любопытные образцы современнаго преподаванія и его результатовъ даетъ авторъ въ двухъ беллетристическихъ сценкахъ изъ школьной жизни: „Образцовый учитель“ и „Приготовленіе къ экзамену исторіи“. Нельзя отказать этой послѣдней сценкѣ съ натуры въ полной правдивости, а между тѣмъ, это, въ сущности, трагедія. Безусловное отсутствіе воспитательнаго, гуманизирующаго элемента, деревянное, мучительное запоминаніе разрозненныхъ фактовъ, не связанныхъ между собой ни яснымъ представленіемъ ихъ послѣдовательности, ни пониманіемъ ихъ сравнительнаго значенія, ни намека на историческую перспективу: ученикъ схватываетъ не группировку событій, а голыя цифры; онъ смѣшиваетъ 1217-й, 1317-й, и 1417-й годы потому, что въ концѣ 17; онъ зубритъ сперва исторію, потомъ хронологію, потомъ — если останется время—иностранныя слова изъ учебника: конклавъ, конкордатъ и т. д. Такъ обстоитъ съ преподаваніемъ науки, которая когда-то считалась самымъ мощнымъ орудіемъ общаго образованія, а теперь перешла въ разрядъ „второстепенныхъ предметовъ“. Это фактъ въ высокой степени характерный; не смотря на загроможденіе программы непримѣнимыми къ

жизни, но за то высоко воспитательными классиками, „школа— констатируетъ компетентный изслѣдователь—какъ то все болѣе перестаетъ быть общеобразовательною и обращается въ нѣкоторомъ родѣ въ профессіональную... Мы часто слышимъ, что молодежь, вышедшая изъ школы, пускается въ жизнь безъ компаса. Не потому-ли, что мы даемъ имъ знанія, знанія, слишкомъ много знаній, и не заботимся, чтобы хотя часть знаній обратилась въ убѣжденія".

Мы отмѣтили лишь немногія частности изъ всего, что показалось намъ достойнымъ вниманія въ книгѣ г. Острогорскаго; читатели найдутъ въ ней много интереснаго. Это одна изъ тѣхъ книгъ, которыя лишь по внѣшнимъ признакамъ предназначены для спеціалистовъ; на самомъ дѣлѣ, она написана для самой широкой публики; она настолько содержательна, что едва-ли кто бы то ни было разстанется съ ней, ненаведенный на рядъ значительныхъ мыслей.

Книжка того же автора „Образованіе и воспитаніе" весьма характерна для его манеры писать и думать. Здѣсь также за вопросами терминологіи скрываются вопросы жизни; здѣсь также ведется упорная борьба съ ходячими предразсудками не на почвѣ голословнаго и насмѣшливаго отрицанія ихъ, а на основаніи прямыхъ и непобѣдимыхъ данныхъ логики и здраваго смысла; здѣсь предъявляются современной школѣ тѣ-же высокія и трудныя задачи, исполненіе которыхъ потребуетъ коренного измѣненія и ея строя, и состава ея дѣятелей, и всего ея духа.

Ежегодникъ коллегіи Павла Галагана. Съ 1 октября 1896 года по 1 октября 1897 года. Кіевъ. 1897.

Неоффиціальная часть „Ежегодника" занята нѣсколькими не лишенными интереса статьями литературнаго характера. Въ актовой рѣчи преподаватель коллегіи г. Александровскій напоминаетъ о пятидесятилѣтіи со смерти Бѣлинскаго, которое должно исполниться въ будущемъ маѣ, и, сдѣлавъ по этому поводу нѣсколько не новыхъ, но вѣрныхъ замѣчаній о характерѣ дѣятельности и значеніи знаменитаго критика, обращается къ вопросу о давно назрѣвшей необходимости сблизить нашу среднюю школу съ Бѣлинскимъ. Какъ извѣстно, по ходатайству одного изъ попечителей учебнаго округа, Министерство Народнаго Просвѣщенія разрѣшило выдавать для чтенія воспитанникамъ старшихъ классовъ III, VI и VIII томы сочиненій Бѣлинскаго. Г. Александровскій предлагаетъ по этому поводу издать сборникъ важнѣйшихъ статей Бѣлинскаго за послѣдніе шесть-семь лѣтъ его литературной дѣятельности, спеціально для учащейся молодежи, которой

едва-ли удобно, съ педагогической точки зрѣнія, давать въ руки всего Бѣлинскаго. Боимся, однако, какъ бы при выполненіи эта недурная идея не была извращена по разнымъ обстоятельствамъ,—и въ сборникъ не попала, вмѣсто произведеній второго періода, „Бородинская годовщина". Другая статья г. Александровскаго о „Страданіяхъ молодаго Вертера" приводитъ въ связь романъ Гете съ началомъ такъ называемой міровой скорби въ германской литературѣ XVIII вѣка. Въ третьей—„Къ вопросу о разсужденіи" обсуждается многострадальный вопросъ о томъ, какъ научить мальчика излагать свои мысли, „писать сочиненія", которыя въ теченіе всего гимназическаго курса неизмѣнно отодвигаются на второй планъ, а на окончательномъ экзаменѣ неожиданно являются критеріемъ зрѣлости и развитія ученика. Къ сожалѣнію, авторъ наряду съ нѣсколькими здравыми мыслями (напримѣръ, объ опредѣленіи разсужденія, объ излишествѣ полной „хріи"), продолжаетъ держаться шаблона, и устарѣлое, мертвое, безсодержательное разсужденіе Карамзина считаетъ образцовымъ; новыхъ методическихъ пріемовъ онъ не указываетъ, а сводитъ все дѣло къ точному и полному опредѣленію разсужденія въ теоріи словесности и логическому разбору образцовыхъ сочиненій; едва-ли этимъ можно ограничиться. Статья директора коллегіи прив.-доц. Степовича посвящена мало извѣстному у насъ чешскому поэту Ярославу Врхлицкому. Воспоминанія бывшаго воспитанника коллегіи, прив.-доцента Харьковскаго университета Максимейка рисуютъ въ очень симпатичномъ видѣ личность покойнаго основателя коллегіи, П. П. Галагана, виднаго общественнаго дѣятеля, гуманнаго европейца, свободнаго отъ сословныхъ предразсудковъ, аристократа по воспитанію и горячаго демократа по направленію. Коллегію, основанную имъ, выгодно отличаетъ отъ другихъ закрытыхъ заведеній ея всесословность. За то она доступна только для лицъ православнаго исповѣданія или греко-уніатовъ. Панегиристъ основателя коллегіи полагаетъ, что этимъ онъ „какъ бы вдунулъ въ нее высокую идею русскаго отечества". Едва-ли, однако, эта высокая идея была бы ослаблена, если бы въ коллегію имѣли доступъ и иновѣрные сыны того же „русскаго отечества".

Книги поступившія въ редакцію.

С. Р. Минцловъ. Стихотворенія. 1888—1897. Одесса. 97. Ц. 25 к.

Стихотворенія. **В. О.** Спб. 98. Ц. 75 к.

Манфредъ. Драматическая поэма лорда **Байрона.** Переводъ съ англ. Ал. Янъ-Рубана. М. 98. Ц. 40 к.

Очерки и замѣтки. **М. К—ой.** М. 97. Ц. 1 р.

Викторъ Рышковъ. I. На больничныхъ койкахъ. II. Въ паутинѣ. Изд. СПБ. Акц. Общ. Печатнаго Дѣла „Издатель". Спб. 98. Ц. 1 р.

Н. Дружининъ. Новое сельское общество. Разсказъ о томъ, какъ устроили свои общественныя дѣла крестьяне трехъ грамотныхъ деревень. Изданіе „Читальни Народной Школы". Спб. 98.

А. Купринъ. Миніатюры. Очерки и разсказы. Кіевъ. 97. Ц. 1 р.

Кальдеронъ. Жизнь есть сонъ. Комедія. Переводъ съ испанскаго Д. К. Петрова. Спб. Ц. 1 р.

Подъ гнетомъ времени. Хроника XIII вѣка о Лангедокскихъ еретикахъ, извлеченная изъ архивовъ книжнымъ червякомъ. Перевелъ Н. Рубакинъ. Изд. Т-ва Сытина. М. 98. Ц. 50 к.

Зимнія сумерки. Разсказы, сказки и стихотворенія **А. Өедорова-Давыдова.** М. 98. Ц. 35 к.

Дѣдушкины разсказы и сказки: **П. Вл. Засодимскаго.** (Библ. Дѣтскаго Чтенія). М. 98. Ц. 1 р.

Альфонсъ Додэ. Козочка господина Сегенъ. Пер. Е. В. Лавровой. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 97. Ц. 5 к.

В. Рюдбергъ. Приключеніе маленькаго Витга въ ночь подъ Рождество. Пер. со шведскаго. Е. В. Лавровой. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 97. Ц. 10 к.

Приключенія двухъ братьевъ: Авося и Небося. **Н. Тимковскаго.** Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 97. Ц. 6 к.

Ж. Массонъ. Пушокъ и пушинка или самъ себя выручай. Вольный пер. съ франц. Е. Лавровой. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 97. Ц. 5 к.

Жоржъ Данденъ или одураченный мужъ. Комедія **Ж. Мольера.** Пер. Е. Лавровой. Изд. Е. В. Лавровой и Н. А. Попова. Спб. 97. Ц. 8 к.

Ник. Николаевъ. Стихотворенія. Калуга. 97. Изд. редакціи газеты „Калужскій Вѣстникъ". Ц. 1 р.

О. Н. Чюмина (Михайлова). Стихотворенія. Спб. 97. Ц. 1 р. 50 к

А. И. Свирскій. Погибшіе люди. Очерки. Т. I. Міръ трущобный. Т. II. Міръ тюремный. Т. III. Міръ нищихъ и пропойцъ. Изд. А. К. Морозова. Спб. 98. Ц. за три тома 2 р. 25 к.

Луи Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ за общественнымъ положеніемъ. Пер. съ послѣдняго франц. изданія. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Элиза Ожешкова. Сильвекъ. Романъ. Пер. съ польскаго В. М. Лаврова. Изд. редакціи „Русской Мысли". М. 98. Ц. 1 р.

Привѣтъ. Художественно-научно-литературный сборникъ. Изданъ обществомъ вспомоществованія нуждающимся ученицамъ Васильеостровской женской гимназіи въ С.-Петербургѣ. Спб. 98.

Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть изъ старыхъ кавказскихъ былей. **Вас. Ив. Немировича-Данченко.** (Библіотека «Дѣтскаго Чтенія») М. 98. Ц. 75 к.

А. Хирьяковъ. Легенды любви. Спб. 98. Ц. 50 к.

15 разсказовъ **А. Д. Апраксина**. М. 98. Ц. 1 р.

Сочиненія **Н. С. Тихонравова**. Т. III, ч. I. Русская литература XVIII и XIX вв. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 98.

О преподаваніи русской литературы. Сочиненіе **В. Я. Стоюнина**.

I. Шерръ. Всеобщая исторія литературы. Подъ редакціей П. И. Вейнберга. Изданіе Д. В. Байкова и К°. Вып. XXIII. М. 97.

Иллюстрированная исторія религій, составленная **Д. П. Шантепи-де-ля-Соссей**. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Н. Линдъ. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Вып. I. М. 98. Ц. по подпискѣ на все сочиненіе безъ доставки въ Москвѣ 4 р., съ доставкой и пересылкой 5 р. 50 к.

Д. С. Миллъ. Система логики силлогистической и индуктивной. Пер. съ англ. С. П. Ершова, подъ редакціей В. Н. Ивановскаго. Изданіе магазина «Книжное дѣло». Книга III (1-я половина). М. 98. Ц. по подпискѣ 8 р. безъ пересылки и 4 р. 50 к. съ пересылкой.

Альфредъ Фуллье. Критика новѣйшихъ системъ морали. Переводъ съ франц. Е. Максимовой и О. Конради. Изд. ред. журн. «Образованіе». Спб. 98. Ц. 2 р.

Джонъ Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Пер. А. Н. Савина. М. 98. Ц. 3 р.

Гегель. Сочиненіе проф. **Кэрда**. Пер. съ англ. подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкого. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. I. Съ 3 портретами и 31 чертежемъ. М. 98. Ц. 1 р. 20 к., по подпискѣ на 4 выпуска—4 р.

Русскій астрономическій календарь на 1898 г. Нижегородскаго кружка любителей физики и астрономіи. Подъ редакціей **С. Щербакова**. Съ приложеніемъ подвижной карты звѣзднаго неба и карты солнечнаго затменія. М. 98. Ц. 75 к.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ **Эрнеста Лависса** и **Альфреда Рамбо**. Т. II. Пер. М. Гершензона. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 97. Ц. 3 р.

Габріель Сеайль. Леонардо да-Винчи какъ художникъ и ученый. Опытъ психологической біографіи. Пер. съ франц. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 98. Ц. 2 р.

Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей (Бичеръ-Стоу). Біографическій очеркъ **Ив. Ив. Иванова** (Библіотека «Дѣтскаго Чтенія») М. 98. Ц. 30 к.

Н. И. Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Изд. 3-е, Товарищества И. Д. Сытина. Спб. 98. Ц. 1 р. 25 к.

Библіотека экономистовъ. Вып. IX. **Д. Э. Кэрнсъ**. Логическій методъ политической экономіи.—Основные принципы.—Цѣнность.—Международная торговля. Пер. М. И. Тугана-Барановскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 98.

Мобилизація земельной собственности и новое теченіе аграрной политики въ Германіи. **Михаила Соболева**. М. 98. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство въ Канадѣ въ связи съ другими отраслями промышленности. **Н. А. Крюковъ**. Съ картою и 30 рис. Изданіе департамента земледѣлія. Спб. 97.

Земледѣльческіе синдикаты. **И. Рева.** Кіевъ. 97.

Сахарная нормировка. **И. Рева.** Кіевъ. 97.

Кустарные промыслы. Текущая статистика за 189⁵/₆ годъ. Изданіе министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Спб. 97.

Отчетъ кустарно-промышленнаго банка пермскаго губернскаго земства за 1897 годъ. Пермь. 97.

Д-ръ **М. Шляпошниковъ.** 1-й всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ. Изд. книгоиздательства «Улей». Харьковъ. 97. Ц. 20 к.

Вѣстникъ Сіона. Сборникъ. Часть 2-я. Изд. книгоиздательства «Улей». Харьковъ. 97. Ц. 1 р.

Максъ Нордау. О современномъ положеніи евреевъ. Съ приложеніемъ портрета Нордау. Екатеринославъ. 97. Ц. 20 к.

Артемонъ Матвѣевъ. Въ поискахъ правды о народѣ. Спб. 98.

Поворотный моментъ въ русско-польскихъ отношеніяхъ. Три статьи **Петра Варты** (Э. И. Пильца). Пер. съ польскаго. Спб. 97.

И. В. Веретенниковъ. Брачность, рождаемость и смертность среди крестьянскаго населенія. По даннымъ для Землянскаго и Задонскаго уѣздовъ Воронежской губерніи. Тифлисъ. 98.

Таблицы движенія населенія въ Смоленской губ. за десятилѣтіе 1886—1895 гг. **Д. И. Жбанковъ.** Изданіе смоленскаго губернскаго земства. Смоленскъ. 97.

Физическое развитіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. По порученію Педагогич. Музея военно-учебныхъ заведеній составилъ д-ръ мед. **И. Старковъ.** Спб. 97.

Физическое воспитаніе учащихся. Публичная лекція д-ра мед. **А. И. Филиппова.** М. 98.

Къ вопросу о служителяхъ въ психіатрическихъ больницахъ. Д-ра **М. С. Морозова.** Казань. 97.

В. Ф. Дерюжинскій. Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. Изд. книжн. маг. Гросманъ и Кнебель («Вопросы науки, искусства, литературы и жизни», № 10). М. 97. Ц. 40 к.

Международный союзъ криминалистовъ. Русская группа. (Изъ Журнала Министерства Юстиціи). Спб. 97.

Отчеты общества взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ Тульской губ. I—съ 19 сент. 1895 по 1 сент. 1896. (Тула, 96). II—съ 1 сент. 1896 по 1 сент. 1897 г. (Тула, 97).

Программа изданія трудовъ Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Составлена по порученію Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О. правителемъ дѣлъ **В. А. Обручевымъ.** Иркутскъ.

Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1896 годъ. Барнулъ 97.

Е. Тимченко. Русско-малороссійскій словарь. Т. I-ый. А. О. Кіевъ 97. Ц. 2 р.

Справочная книжка по географіи. I. Настольный словарь географическихъ названій. II. Географическо-статистическія таблицы. **В. Покровской.** Юрьевъ. 98. Ц. 1 р.

Русская грамота. Составилъ **И. К.** Нѣжинъ. 97.

Гаданіе конца вѣка (fin de siècle) на мысляхъ писателей и поэтовъ. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб. 98.

Des origines et de l'état social de la nation française. Par **H. Soulier.** Paris. 98. Prix 10 fr.

Альфонсъ Додэ.

(*Письмо изъ Франціи*).

Внезапная, хотя и не совсѣмъ неожиданная смерть Додэ вызвала массу некрологовъ и траурныхъ оцѣнокъ, въ которыхъ, какъ это и бываетъ по большей части при погребеніи знаменитости, огромная толпа напутствующихъ принимаетъ оффиціальныя позы скорби и отчаянія, заботясь приэтомъ не столько о покойникѣ, сколько о похоронномъ мѣстничествѣ. Люди стараются протолкаться поближе къ гробу и доказать глазѣющей публикѣ самымъ нагляднымъ образомъ, что ихъ сосѣдство съ траурной колесницей соотвѣтствуетъ ихъ интимной близости съ покойнымъ,—и сколько тратится на это и усилій, и ухищреній, и взаимныхъ оттираній! Въ результатѣ получается куча банальностей, изъ которой читатель ровно ничего не извлекаетъ для себя, кромѣ разныхъ очень интересныхъ автобіографическихъ чертъ изъ житья-бытья великихъ и малыхъ знакомыхъ покойнаго, въ родѣ того, напр., что три дня тому назадъ авторъ воспоминаній обѣдалъ съ «дорогимъ Альфонсомъ» въ такомъ-то ресторанѣ, а другой авторъ видѣлъ наканунѣ— ужасно, все наканунѣ!—«милаго Леона» (сына Додэ) на извозчикѣ рядомъ съ букетомъ цвѣтовъ и корзиной шампанскаго. А «послѣднія слова», сказанныя «знаменитымъ романистомъ» третьему! А «послѣднія строки», написанныя «страдальцемъ» четвертому! Прямо можно подумать, что, готовясь къ своей внезапной кончинѣ, Альфонсъ Додэ приводилъ въ порядокъ свои дѣла и награждалъ своихъ знакомыхъ и даже завѣдомо незнакомыхъ разными предсмертными подарками: изреченіями, автографами, и пр., чуть не вплоть до «начинавшихъ уже серебриться прядей его роскошной черной шевелюры южанина»!

Читатель, конечно, не ждетъ отъ меня такихъ вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній къ умершему. Самъ принадлежа къ толпѣ простыхъ читателей и гордясь этой принадлежностью къ великой и анонимной массѣ, создающей и поддерживающей въ концѣ концовъ, репутацію крупнаго автора, я попробую подѣлиться съ такими же, какъ я, читателями тѣми мыслями и чувствами, которыя возбуждаетъ во мнѣ литературная дѣятельность Альфонса Додэ. Не скрою, что, приступая къ этой задачѣ, я считаюсь не только съ тѣмъ, что даетъ самъ авторъ, но и съ тѣмъ, что было уже указано критиками, оцѣнивавшими столь популярнаго романиста: Брюнетьеромъ, Леметромъ, Думикомъ, Золя и пр. Мнѣ пришлось слышать однажды отъ одного очень образованнаго француза, исто-

рика по спеціальности, что нѣтъ ничего пагубнѣе для критика, задающагося цѣлью изучить извѣстнаго автора, какъ знакомство съ предшествовавшими критиками: «не читайте никогда критическихъ этюдовъ объ авторахъ, которыхъ вы желаете оцѣнить; говорите лучше глупости, но говорите ихъ отъ себя, по непосредственному впечатлѣнію», съ жаромъ развивалъ эту тему мой собесѣдникъ. Но помимо уже того, что рецептъ этой умственной діэты годится развѣ для оригинальныхъ мыслителей въ родѣ Конта (да и то вопросъ, не выигралъ-ли бы «Курсъ положительной философіи», еслибы его творецъ не отказывался нарочно отъ знакомства съ родственными трудами), попробуйте примѣнить упомянутый совѣтъ воздержанія къ нервной и словно наэлектризованной средѣ Парижа, гдѣ мысли и взгляды литературныхъ представителей очень скоро становятся достояніемъ улицы, хотя зачастую въ каррикатурной формѣ! Вы все равно не убережетесь отъ критическихъ оцѣнокъ, отзывовъ, предвзятыхъ восхищеній и на вѣру принятыхъ «раздѣлываній» (éreintements) даннаго автора и данной книги со стороны вашихъ знакомыхъ и случайныхъ собесѣдниковъ. Такъ ужъ лучше познакомиться съ извѣстнымъ взглядомъ у самого источника, чѣмъ ловить его отраженіе въ томъ тускломъ и раздробленномъ на мелкіе куски зеркалѣ, которое представляетъ собою ходячее мнѣніе о писателѣ и его произведеніяхъ.

Да въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ мнѣ и нечего особенно бояться съиграть роль простого эхо тѣхъ критиковъ, которые писали о Додэ. Снова и снова мнѣ приходится повторять, что идейная реакція, распространяющаяся во Франціи, коснулась и современной критики; а потому ея представители, говоря очень много въ своихъ этюдахъ о личныхъ и художественныхъ свойствахъ того или другого автора, почти совсѣмъ оставляютъ въ сторонѣ общественное значеніе его произведеній, особенно когда дѣло идетъ не столько о прежнихъ, сколько о настоящихъ писателяхъ. Между тѣмъ этотъ элементъ общественности и привлекаетъ меня главнымъ образомъ, хотя отсюда не слѣдуетъ, что, говоря о художникѣ, я не остановлюсь и на эстетической сторонѣ. Наоборотъ, въ этой статьѣ я постараюсь разобрать Додэ съ двухъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія того, что онъ изображалъ, и съ точки зрѣнія того, какъ онъ изображалъ.

Дѣйствительно, во всякомъ художникѣ приходится различать два элемента, которые болѣе или менѣе тѣсно (иногда даже въ очень малой степени) связаны между собою, но ни одинъ изъ которыхъ не можетъ совершенно отсутствовать, какъ бы онъ ни отступалъ порою на задній планъ передъ другимъ. Съ одной стороны, это—идеи писателя, съ другой—его темпераментъ. Я остановлюсь сначала на идеяхъ Додэ. Но говоря объ идеяхъ его, я принужденъ и между ними различать двѣ группы: сознательныя или,

лучше сказать, личныя идеи, т. е. такія, какія самъ авторъ кладетъ въ основаніе своего произведенія; и безсознательныя идеи, которыя не принадлежатъ автору, порою даже прямо противорѣчатъ его міровоззрѣнію, но проявляются въ его твореніяхъ часто помимо воли пишущаго, словно неотразимыя велѣнія реальной дѣйствительности, которая, такъ сказать, диктуетъ ихъ романисту, находящемуся въ состояніи художественнаго гипноза. Вотъ эти-то послѣднія идеи зачастую вскрываются лишь критикой, которая показываетъ ихъ самому,—увы, не всегда понимающему!—творцу, какъ нѣчто объективное, созданное имъ, но оторвавшееся отъ него и стоящее внѣ его, мало того, даже превышающее своей правдою и многозначительностію личныя идеи автора, подчасъ очень жалкія и узкія..

Если взять сознательныя идеи Додэ, то вы поразитесь ихъ банальностію, мелкостью и обыденностью. Да, это, въ сущности говоря, и не идеи, а традиціонные предразсудки среды, въ которой онъ родился, или же личные вкусы и симпатіи, навѣянные условіями его дальнѣйшаго развитія, *idola theatri*, сказалъ бы Бэконъ. Таковъ, напримѣръ, его взглядъ на политику, какъ на вещь жалкую, недостойную человѣка и во всякомъ случаѣ не могущую интересовать его. Клемансо, съ которымъ Додэ довольно близко сошелся въ послѣдніе пять—шесть лѣтъ, передаетъ, что знаменитый раманистъ неоднократно восклицалъ передъ нимъ: «ахъ, еслибы вы знали, какъ я ненавижу политику, а въ особенности вашу, радикальную»! Но эта нелюбовь къ политикѣ со стороны Додэ и не нуждается въ свидѣтельствѣ Клемансо: къ ней Додэ возвращается нѣсколько разъ и въ своихъ личныхъ воспоминаніяхъ *), и въ ней-же онъ клянется порою комически, а порою трагически даже въ своихъ чисто художественныхъ произведеніяхъ, «Набабѣ», «Нумѣ Руместанѣ». Въ этомъ отношеніи Додэ—типичный представитель дѣловой буржуазіи стараго пошиба, среди которой протекло его дѣтство (у его отца была фабрика шелковыхъ матерій) и которая, смѣшивая политику съ политиканствомъ, старается держаться отъ нея въ сторонѣ; а если занимается ею, то лишь платонически, питая въ душѣ какой-нибудь политическій идеалъ, но предоставляя его воплощеніе на долю профессіональныхъ политиковъ. А у Додэ это отвращеніе, или, по крайней мѣрѣ, глубокое равнодушіе къ общественной дѣятельности, должно было еще усилиться, благодаря обстановкѣ, въ которую онъ попалъ вскорѣ послѣ пріѣзда своего въ Парижъ. То было начало шестидесятыхъ годовъ, когда разложеніе второй имперіи зашло уже очень далеко, не смотря на внѣшній блескъ и кажущуюся прочность режима. И какъ разъ въ это время, послѣ двухъ-трехъ лѣтъ голодовки, Альфонсъ Додэ, по рекомендаціи своего старшаго брата,

---

*) См. напр., въ Trente ans de Paris (1888); иллюстрированное изданіе 1889 г., стр. 10—11; въ Souvenirs d'un homme de lettres и пр. (1888) иллюст. изд. 1889; стр. 3.

Эрнеста (къ слову сказать, прирожденнаго Молчалина), нашелъ мѣсто секретаря у герцога де-Морни и оставался въ этой должности вплоть до смерти патрона, въ 1865 г. Представьте себѣ впечатлительнаго юношу, который изо дня въ день наблюдаетъ «политику», практиковавшуюся самимъ герцогомъ или же креатурами этого циничнаго авантюриста съ изящными манерами, но безъ малѣйшаго признака нравственнаго чувства *). Присоедините къ отвращенію, которое вызывалось такой политикой, личную благодарность къ герцогу, который, какъ истый кондотьери, былъ щедръ и даже по своему великодушенъ по отношенію къ людямъ, служившимъ ему. Вы поймете, какъ у Додэ идеализированное представленіе о пресловутомъ «государственномъ дѣятелѣ» тѣсно соединялось съ увѣренностью въ необходимой низости и грязи всякой политики, и какъ бывшій секретарь герцога прерываетъ одну изъ величайшихъ художественныхъ сценъ всей современной литературы, а именно описаніе смерти герцога Мора (онъ же Морни) въ «Набабѣ», слѣдующими наивными строками:

...Свѣтскій человѣкъ! Мора и не былъ ничѣмъ инымъ. Вращаясь среди свѣтской жизни, въ маскѣ, перчаткахъ, манишкѣ изъ бѣлаго атласа, которую учителя фехтовки надѣваютъ во время торжественныхъ публичныхъ поединковъ, сохраняя чистымъ и незапятнаннымъ этотъ боевой костюмъ, жертвуя всѣмъ безукоризненной внѣшности, которая замѣняла для него доспѣхи, онъ экспромптомъ сдѣлался государственнымъ человѣкомъ, перейдя изъ салона на болѣе обширную сцену, и сталъ дѣйствительно первокласснымъ государственнымъ человѣкомъ, благодаря единственно своимъ свѣтскимъ качествамъ, искусству слушать и улыбаться практическому знанію людей, скептицизму и хладнокровію. Это хладнокровіе не оставило его и въ послѣднюю минуту.

Хороша же была «болѣе обширная сцена» и хорошо же было «государство», въ которомъ свѣтскій хлыщъ и циничный жуиръ могъ казаться государственнымъ дѣятелемъ, да еще первокласснымъ, скажемъ въ родѣ Вашингтона или хотя бы Гладстона!..

Другою традиціонною идеею, которую Додэ **) упорно копируетъ съ прописи буржуазной морали, является его преклоненіе передъ современными формами семьи. Но здѣсь мнѣ надо будетъ остановиться и уяснить свою точку зрѣнія на затронутый вопросъ: я

---

*) Въ молодости, во время іюльской монархіи, Морни былъ крупнымъ шулеромъ и свѣтскимъ Альфонсомъ,, жившимъ на содержаніи у бельгійской посланницы г-жи Легонъ (Lehon) и игравшимъ на биржѣ на ея деньги и по ея указанію; послѣ движенія 1848 г. онъ очень быстро измѣнилъ свои орлеанистскія убѣжденія на бонапартистскія, былъ душою декабрьскаго переворота, за что былъ взысканъ милостями, и умеръ владѣльцемъ не одного милліона, составившагося изъ императорскихъ подачекъ и прямого грабительства и взяточничества. См. между прочимъ брошюру той эпохи: Le Pilori; Лондонъ, 1854, стр. 7—11.

**) Le Nabab (1878); стр. 264 популярнаго изданія (Fayard) сочиненій Додэ; Парижъ, 1897.

вовсе не желаю, чтобы меня обвинили въ теоретическомъ подрываніи семейныхъ отношеній тѣ самые лицемѣрные защитники семьи, которые подрываютъ ее своими дѣйствіями на практикѣ. Какъ бы вы ни думали о возможномъ преобразованіи семьи, какъ бы ни относились къ ея недостаткамъ, она при извѣстныхъ условіяхъ можетъ явиться и въ настоящее время великимъ прогрессивнымъ началомъ какъ для самихъ родителей, такъ и для подростающихъ поколѣній. Для этого нужно лишь, чтобы связь между мужемъ и женой была не только физіологическая и стяжательная, но и идейная, основанная на совмѣстной выработкѣ міровоззрѣнія и совмѣстной дѣятельности для воплощенія его въ жизнь; и чтобы кровное родство между отцами и дѣтьми было одухотворено преемственностью идеала, защищая который, старое поколѣніе могло бы съ упованіемъ и надеждой примѣнить къ свѣжей подростающей жизни великолѣпный стихъ поэта:

Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor

— пусть мы ляжемъ костьми, но «изъ нашихъ костей возстанетъ новый мститель»! Словомъ, семья является дѣйствительно одною изъ важнѣйшихъ «основъ» общественнаго строя, но подъ условіемъ, чтобы члены ея взаимно выводили себя именно за предѣлы узкой семейной сферы и пріучали другъ друга обуздывать свирѣпый эгоизмъ родственной ячейки указаніемъ на великое цѣлое,—свою страну и все человѣчество, — благодаря которому только и можетъ существовать сама семья. Иначе мы наталкиваемся на каррикатурныя формы ея, которыя такъ ярко обрисовываетъ безсмертная фраза Успенскаго: «мужъ грабитъ, а жена подбираетъ—и выходитъ семейный домъ»; и передъ нашими глазами проходитъ цѣлая вереница чиновниковъ-взяточниковъ изъ «Ревизора», которые грабили страну и обкрадывали государство именно потому, что были черезчуръ добрыми семьянами, собиравшими «дѣтишкамъ на молочишко»...

Надо-ли подробно доказывать, что Додэ повсюду восхищается семьей, какъ семьей, лишь бы она была дружна или, по крайней мѣрѣ, поддерживала традиціонныя отношенія между своими членами, совершенно независимо отъ того, есть-ли какая-нибудь благородная связь, объединяющая людей, которые сидятъ возлѣ «однихъ ясель» и ѣдятъ одинъ хлѣбъ изъ «одной корзины», какъ любили называть семьянъ древніе греки? Такъ, въ «Жакѣ» онъ по обыкновенію много разъ прерываетъ свой художественный разсказъ личными восклицаніями и негодующими фразами по адресу легкомысленной Иды де-Баранси, этой полуженщины, полуканарейки, которая любитъ своего бѣднаго сына и въ то же время отдаетъ его, по своей безхарактерности, на произволъ судьбы и разныхъ мучителей, директора пансіона, своего любовника и т. д. Но почему эти восклицанія и эти негодованія? Потому, что мать не достаточно привязана къ своему сыну, не даетъ ему образованія, какое она могла бы дать, и позволяетъ другу своему сердца, д'Аржантону, бросить сына рабо-

чимъ на заводъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ него привилегированнаго интиллегента, можетъ быть управляющаго тѣмъ самымъ адскимъ пекломъ, въ которомъ надрывался бѣдный мачьчикъ. Другого романистъ не требуетъ отъ беззаботной матери: устрой положеніе сына въ свѣтѣ, среди тѣхъ классовъ, гдѣ тебѣ приходится вращаться— этого довольно; чѣмъ выйдетъ затѣмъ сынъ и будетъ-ли онъ осуществлять хоть какую-нибудь благородную идею своею жизнію, это все лишнее и отъ непріязни есть. Семья, какъ аппаратъ для наилучшаго высиживанія такихъ же птенцовъ, какъ и сами благопріобрѣтающіе родители, вотъ тотъ двухъвершковый идеалъ, съ высоты котораго Альфонсъ Додэ бросаетъ негодующія восклицанія въ лицо Иды де-Баранси и умиляется надъ бѣднымъ ребенкомъ.

Съ другой стороны, помните, въ какомъ лучезарномъ освѣщеніи рисуются намъ отношенія между «набабомъ» Жансулэ и его матерью-крестьянкой, которая, не смотря на всѣ политическія и денежныя злоключенія сына, прижимаетъ курчавую голову милліонера къ своему вѣрному сердцу и осушаетъ поцѣлуями жгучія слезы своего дѣтища. Неправда-ли, трогательно, читатель? А вѣдь этой буржуазной Ніобеѣ, и стало быть идеализирующему ее романисту, и на умъ не пришло, какую массу человѣческаго труда и страданій, и разбитыхъ существованій, и не менѣе жгучихъ слезъ, а по всей вѣроятности и крови стоили тунисскому населенію финансовые подвиги этого добродушнаго пирата *). Что, молъ, тутъ разсматривать въ микроскопъ, какія подозрительныя пятна пристали къ червонцамъ Жансулэ! Посмотрите лучше на золотое сердце матери, на нѣжность къ ней сына и на умилительное семейное единеніе этихъ двухъ существъ!..

Это дешевое восхищеніе преслѣдуетъ Додэ даже въ одномъ изъ его шедевровъ по стройности плана и совершенству выполненія: я разумѣю «Евангелистку». Вы помните, конечно, читатель, какъ на скромной и тихой улицѣ, въ Парижѣ, обитало умилительное тріо датчанокъ, жившихъ уроками, переводами, рукодѣльемъ и нѣжно любившихъ одна другую: молодой дѣвушки Элины Эбсенъ, ея матери и ея бабки; и какъ самая смерть старушки послужила въ устахъ одной страстной религіозной пропагандистки предлогомъ и орудіемъ, чтобы сообщить религіозный же фанатизмъ бѣдной впечатлительной Элинѣ и превратить ее изъ чисто обрядовой протестантки въ ревностную служительницу мистической идеи, безжалостно разрывающую всякую родственную связь съ матерью. Описаніе перваго психологическаго процесса, который происходитъ въ душѣ прозелитки, столкновенія между любовью къ матери и

---

*) Въ одной изъ своихъ критическихъ статей о Додэ, Золя, по моему мнѣнію, совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Додэ оказался столь чувствительнымъ живописцемъ по отношенію къ своему оригиналу, что даже слегка испортилъ этимъ свой романъ“. См. Emile Zola, Les romanciers naturalistes; Парижъ, 1881 (3-е изд.), стр. 319.

любовью къ тому искаженному образу Христа, который рисуетъ Элинѣ г-жа Отеманъ (имя пропагандистки), окончательной побѣды религіознаго идеала надъ дочерними чувствами,—все это описаніе дѣлаетъ величайшую честь таланту художника. Но и здѣсь показателемъ нравственнаго опустошенія, произведеннаго фанатизмомъ въ сердцѣ дѣвушки, Додэ ставитъ исключительно семейныя чувства и семейныя отношенія. Элина горячо любила прежде свою мать: теперь она холодна къ ней. Она было пообѣщала нѣкоему приличному ухаживателю-вдовцу выйти за него замужъ: теперь она беретъ свое слово назадъ. И ее не трогаютъ даже слезы маленькой дочери претендента на ея руку...

А между тѣмъ все это, конечно, очень прискорбно для лицъ, участвующихъ въ этой семейной драмѣ; относительно же пагубности религіознаго фанатизма можно наговорить очень много буржуазно-либеральныхъ фразъ и ввернуть даже извѣстный стихъ поэта: Tantum religio potuit suadere malorum. Но всѣ эти отрицательныя стороны, исчерпываютъ ли онѣ важность и высокую человѣчность той внутренней работы въ человѣкѣ, которая заставляетъ его во имя убѣжденія вырвать изъ сердца наиболѣе укоренившіяся въ немъ чувства къ близкимъ людямъ? Принимая черезчуръ близко къ сердцу интересы матери, Додэ черезчуръ оставилъ въ тѣни нравственный характеръ душевной ломки, происходящей съ дѣвушкой, и съ половины книги представляетъ ее чуть не въ видѣ заведеннаго чужой волей манекена. Если не ошибаюсь, одинъ Брюнетьеръ изъ всѣхъ критиковъ не остановился на дешевомъ ужасѣ передъ фанатизмомъ, разрушающимъ семью, и написалъ (въ 1883 г., немедленно по выходѣ въ свѣтъ «Евангелистки»), между прочимъ, слѣдующія строки, подъ общимъ смысломъ которыхъ я вполнѣ готовъ подписаться:

Г. Додэ, нисколько не жертвуя своею мыслію и даже не вредя своему намѣренію защищать сторону матери, могъ бы тѣмъ не менѣе показать намъ, что въ этомъ преувеличеніи религіознаго чувства есть еще коечто иное, помимо простой аберраціи чувствъ и болѣзни ума. Исторія даетъ намъ достаточно примѣровъ нѣжныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ героическихъ душъ, которыя могли бы найти счастіе въ кругу ихъ естественныхъ привязанностей или, лучше сказать, которыя даже имѣли это счастіе и наслаждались имъ и которыя, однако, отказались отъ него во имя высшаго, какъ имъ казалось, долга. Что вы хотите? Нѣкоторые люди полагаютъ, что разъ имъ удалось быть хорошими сыновьями, супругами и отцами, то этимъ дѣло еще не кончается. И хотя, какъ говорятъ обыкновенно, и это уже хорошо, есть тѣмъ не менѣе и такія личности, для которыхъ этого недостаточно *).

Фанатизмъ, фанатизмъ, разрывающій семейныя узы!—конечно, это печально. Но пусть этотъ фанатизмъ, или, вѣрнѣе, это страст-

---

*) F. Brunetiere, Le roman naturaliste; Парижъ, 1896, 7-е изд., стр. 364—365.

ное и дѣйственное служеніе убѣжденію будетъ имѣть своимъ предметомъ какой-нибудь изъ величайшихъ и реальнѣйшихъ интересовъ человѣчества, и вы рѣшительно перейдете на сторону консервативнаго критика, не взирая на ахи и охи грошоваго либерализма. Дѣйствительно, Додэ вотъ рисуетъ намъ среду протестантовъ и нѣкоторыми цитатами изъ г-жи Троллопъ переноситъ насъ даже въ обстановку американскихъ сектантовъ, утопающихъ въ сумасбродствахъ. Позвольте же остановить на моментъ ваше вниманіе на одномъ изъ проявленій американскаго фанатизма, но фанатизма высоко-гуманнаго и блещущаго нравственной красотой. Наканунѣ войны федералистовъ съ южанами, немало богатыхъ и образованныхъ миссъ изъ Сѣверныхъ Штатовъ шли въ среду негровъ и несли туда евангеліе освобожденія и человѣческаго достоинства, за что плантаторы травили своихъ соотечественницъ, какъ дикихъ звѣрей, и безпощадно линчевали ихъ. Эти «евангелистки», какъ только что сказано, были и богаты, и образованы, а многія изъ нихъ, вѣроятно, и красивы; у нихъ были отцы, матери, братья, женихи, любившіе ихъ; жизнь развертывалась передъ ними радужной перспективой. И однако эти дѣвушки вырывались изъ родственныхъ объятій, оставляли уютное гнѣздо и шли во имя идеи на лишенія и смерть... Что вы скажете насчетъ такого фанатизма? И хватитъ ли у васъ духу бросать въ трупъ повѣшенной рабовладѣльцемъ героини камнями и упреками, обвиняя жертву въ холодности къ родителямъ и разрушеніи семейныхъ узъ?

Восхищеніе семьей, независимо отъ ея характера, если не прямо проявляется, то подразумѣвается на каждой страницѣ другого шедевра Додэ, а именно «Сафо». Этотъ романъ представляетъ, какъ извѣстно, мастерскую исторію «связи» (collage, какъ картинно называютъ эту вещь французы) одного молодого человѣка изъ хорошей семьи съ пожившей, но все еще обольстительной кокоткой высшаго полета, поклонники которой принадлежали почти всѣ къ цвѣту литературной и артистической интеллигенціи. Что можно вывести изъ этого романа, это мы сейчасъ увидимъ; но что хотѣлъ изобразить самъ авторъ, это явствуетъ изъ претенціозно-морализирующаго посвященія книги: «моему сыну, когда ему исполнится двадцать лѣтъ». Додэ, очевидно, хотѣлъ сказать: посмотрите на моего Жана Госсэна—и казнитесь!.. Такова нравоучительная цѣль этой книги, хотя художественный талантъ автора сыгралъ надъ нимъ въ этомъ случаѣ злую шутку, и Додэ составилъ своимъ романомъ такое противоядіе, которое не уступитъ своею пагубностью самому яду и къ которому будутъ жадно тянуться губы какъ разъ тѣхъ самыхъ юношей, что вздумалъ спасать авторъ «Сафо».

Этимъ отчасти можно объяснить, что надъ моральной тенденціей упомянутаго романа подсмѣивается разсудительный и держащійся скорѣе охранительныхъ взглядовъ критикъ (я говорю о Думикѣ):

Авторъ «Сафо», который до сихъ поръ почти совсѣмъ не заботился о поученіи современниковъ, приглашаетъ ихъ на этотъ разъ получить должную часть «ужаснаго урока». Моимъ сыновьямъ, когда имъ будетъ двадцать лѣтъ... Таково очень серьезное посвященіе, которое г. Додэ ставитъ въ заголовкѣ своей книги, онъ, который, къ счастію, не привыченъ къ такому паѳосу *).

Начать съ того, что «Сафо» не столько отталкиваетъ, сколько привлекаетъ и должна привлекать—молодыхъ буржуа, всѣхъ этихъ студентовъ, артистовъ и пр., которые исключительно ищутъ въ женщинѣ красивую самку. Я нѣсколько разъ продѣлывалъ съ знакомыми французами этой категоріи психологическій опытъ, заводя разговоръ о героинѣ романа и нарочно сгущая черныя краски на фигурѣ этой парижской сирены. Почти всѣ мои собесѣдники возмущались такимъ пріемомъ и заканчивали пренія страстнымъ вздохомъ: «ахъ, еслибъ только наши любовницы были похожи хоть отдаленнымъ образомъ на Сафо!» Вотъ вамъ и мораль романа! Додэ рѣшилъ поставить въ садахъ Киприды ужасное пугало, чтобъ отгонять молодыхъ людей отъ соблазна, а вмѣсто этого создалъ изящную и привлекательную для нихъ статую женщины, къ которой несутся роемъ мечты и желанія буржуазнаго Вертера.

Но главное-то, Вертеръ, изображенный Додэ въ назидательномъ романѣ, оказывается помимо воли автора существомъ гораздо болѣе дряннымъ, чѣмъ эта жрица Афродиты. Какъ ни какъ, случайно встрѣтивъ молодого человѣка, она вскорѣ отдалась ему всѣмъ существомъ своимъ, насколько была способна на то ея душа, загрязненная, захватанная длинной вереницей предшественниковъ Жана Госсэна, такихъ же, какъ онъ, мелко-подловатыхъ Вертеровъ (одинъ поэтъ Ла-Гурнери чего стоитъ!). А онъ, этотъ умѣренный и аккуратный молодой человѣкъ, который кончилъ на юридическомъ факультетѣ и готовится къ консульской карьерѣ на радость своихъ родителей,—онъ съ самаго начала связи разсуждаетъ куда какъ хладнокровнѣе и практичнѣе видавшей виды Сафо:

И какъ это только онъ могъ лишать себя этого счастія, изъ боязни—надъ которой онъ самъ смѣялся теперь—опошленія или какого-нибудь препятствія? Развѣ его жизнь не была теперь чище, чѣмъ когда онъ переходилъ отъ одной публичной женщины къ другой, рискуя своимъ здоровьемъ? Да и въ будущемъ никакой опасности. Черезъ три года, когда ему надо будетъ уѣзжать, разрывъ произойдетъ самъ собою и безъ потрясеній. Фанни (настоящее имя Сафо) была предупреждена, они говорили объ этомъ оба, какъ о смерти, какъ объ отдаленной, но неизбѣжной фатальности. Оставалось, правда, большое горе, которое испытали бы его родные, еслибы узнали, что онъ живетъ не одинъ, да еще гнѣвъ отца, такого строгаго и скораго на рѣшенія. Но какъ они узнаютъ это? и т. д. **).

---

*) René Doumic, Portraits d'écrivains; Парижъ, 1897, 3-е изд. стр. 282.

**) Sapho (1883); стр. 25, изд. Fayard, 1897.

Ну, право, идеальный молодой человѣкъ! все разсчитано, обдумано; и удовольствія, и опасности занесены въ надлежащія рубрики актива и пассива; даже о «здоровьѣ» ни на минуту не забываетъ!..

А вотъ посмотрите, какъ глупо, какъ подло ведетъ себя по отношенію къ молодому человѣку порочная Сафо, которая, проживъ пять лѣтъ съ кандидатомъ въ консулы, узнаетъ, что «неизбѣжная фатальность», наконецъ, наступила, и что имъ нужно разстаться. Прежде всего она начала непристойно ругаться: «подлецъ», «лгунъ». А потомъ... а потомъ и того хуже:

... Она вдругъ замолчала, упала головой и бюстомъ впередъ, въ колѣна къ своему любовнику, съ безумнымъ рыданіемъ, которое потрясало ее всю и среди котораго слышалась одна прерывающаяся жалоба: «прости, пощади... я люблю тебя, у меня только и есть ты одинъ... Любовь моя, жизнь моя, не дѣлай этого... не оставляй меня... ну, что же сдѣлается со мной?.. *).

Хотите знать, почему оставляетъ начинавшую стариться Сафо нашъ умѣренный и акуратный мальчикъ? Дѣло очень просто: онъ женится на «чистой дѣвушкѣ», а женится потому, что «любитъ». Какова же эта любовь, можно судить на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ самимъ романистомъ. Жанъ Госсэнъ видѣлъ незнакомую барышню мелькомъ на прогулкѣ въ лѣсу, а второй разъ говорилъ съ нею на балу. Съ тѣхъ поръ и запылала чистая любовь, эта «сладостная тревога», которая поэтически описывается на стр. 117. Новая и лучшая жизнь рисуется въ радужныхъ краскахъ юному кандидату на консульскую должность, и вотъ онъ рѣшается порвать съ ужасной женщиной, которая, правда, оказывала ему нѣкоторыя существенныя, хотя и сомнительныя услуги—напримѣръ, разжилась у своего стараго поклонника 8000 франковъ для замотавшагося дяди милаго Жана,—но съ которой онъ не желаетъ имѣть ничего общаго, слышите ли, ничего общаго!.. Сказано—сдѣлано. Ухаживаніе за чистой дѣвушкой приводитъ къ благополучному финалу: новая избранница сердца принимаетъ предложеніе Жана; съ другой стороны, не смотря на всѣ слезы и жалобы, и мольбы Сафо, молодой человѣкъ оставляетъ ее на дачѣ подъ Парижемъ, а самъ поселяется въ столицѣ... Къ несчастію ему приходитъ въ голову мысль повидаться съ Сафо, которая для него «болѣе не существуетъ»: онъ застаетъ ее въ спальнѣ,—откуда вышелъ незадолго передъ тѣмъ одинъ изъ прежнихъ любовниковъ Сафо,—и, мучимый грязною физическою ревностью, падаетъ снова туда, на свое обычное мѣсто, въ объятія—замѣтьте—презираемой имъ женщины, забывая о чистомъ существѣ, о бракѣ, и пр... Не скрою отъ читателей, что я безъ особенныхъ терзаній перелистывалъ снова мелодраматическій конецъ «Сафо», въ которомъ романистъ заставляетъ эту женщину

*) Ibid., стр. 135.

бросить въ свою очередь оставшагося на бобахъ Жана... Такъ завершается эта исторія, изъ которой можно лишь, пожалуй, вывести то заключеніе, что современную семью разлагаютъ не столько разныя Сафо, сколько сами умѣренные и аккуратные сыновья буржуазіи, выростающіе на стремленіи сдѣлать карьеру и презрѣніи къ истинно-человѣческой любви...

«Я—реакціонеръ, но желающій ввести въ современныя людскія отношенія какъ можно болѣе состраданія»—заявилъ Додэ одному изъ своихъ знакомыхъ. И эти реакціонные *), или, вѣрнѣе, консервативные взгляды на настоящее общество, смягчаемые призывомъ къ состраданію, очень характерно выступаютъ у Додэ, когда онъ задается цѣлью изучить такую или иную сторону соціальныхъ и экономическихъ условій. Типично въ этомъ отношеніи признаніе самого Додэ, какую идею онъ рѣшилъ положить въ основаніе своего перваго и, по мнѣнію иныхъ критиковъ, лучшаго романа: «Фромона младшаго и Рислера старшаго». Эта идея — «ассоціація». Задуманный сначала въ формѣ пьесы, романъ этотъ, по мнѣнію самого автора, удѣляетъ черезчуръ много мѣста прелюбодѣянію и интригамъ Сидоніи, тогда какъ «основнымъ мотивомъ его должна была явиться ассоціація» **) Вы останавливаетесь надъ этимъ словомъ и невольно начинаете думать, что Додэ разумѣетъ подъ такимъ названіемъ одинъ изъ основныхъ и существенныхъ вопросовъ жизни. Не тутъ-то было. Вотъ что говоритъ самъ авторъ о генезисѣ своей пьесы, превратившейся въ романъ:

... Такъ какъ я жилъ въ то время въ Марэ (одинъ изъ промышленныхъ угловъ Парижа), то у меня совершенно естественно возникла идея вдвинуть драму въ среду рабочей дѣятельности этого торговаго квартала. Меня занялъ вопросъ объ ассоціаціи. Сынъ фабриканта, я зналъ внутреннія несогласія этого коммерческаго сотрудничества, при которомъ сходные интересы соединяютъ для постояннаго, ежеминутнаго дѣла, порою въ теченіе цѣлыхъ годовъ, людей столь различныхъ по темпераменту и воспитанію. Я зналъ зависть одной хозяйской семьи къ другой, страшное соперничество женщинъ, у которыхъ вопросы касты выживаютъ и борются крѣпче, чѣмъ у мужчинъ, зналъ всѣ дрязги совмѣстнаго жилища. Въ Нимѣ, въ Ліонѣ, въ Парижѣ, у меня было десять живыхъ образцовъ для каждаго типа, и всѣ изъ моей семьи, и я началъ обдумывать пьесу, основной пружиной дѣйствія которой должна была быть честь коммерческой подписи, честь фирмы ***).

---

*) Эти эпитеты нужно, конечно, брать примѣнительно къ французскимъ условіямъ. Для нашихъ охранителей здѣшній «реакціонеръ» покажется невозможнымъ вольнодумцемъ. Съ другой стороны французскіе консерваторы и даже чистые индифферентисты любятъ порою шика ради называть себя реакціонерами, на самомъ то дѣлѣ желая лишь увѣковѣченія современныхъ условій.

**) Trente ans de Paris, стр. 299.

***) Ibid., стр. 298—299.

И только! Вотъ къ чему сводится задача: соперничество между компаньонами и дѣлежъ на паи произведенной «прибавочной стоимости»—кѣмъ произведенной, это остается совершенно въ тѣни, это не интересуетъ романиста. Драматическая сторона, прямой трагизмъ романа лежитъ, по мнѣнію самого автора, въ компанейской дѣятельности, въ ея внутреннихъ распряхъ. Все остальное—не болѣе, какъ одушевленныя и неодушевленныя машины, хорошее или плохое функціонированіе которыхъ опредѣляетъ большіе или меньшіе размѣры дивиденда. Такъ въ самый разгаръ расточительства, организованнаго молодымъ хозяиномъ и его любовницей, женой стараго компаньона, фирмѣ приходится очень плохо, и романистъ рисуетъ намъ это коммерческое несчастіе въ слѣдующихъ строкахъ:

Это равнодушіе хозяевъ къ дѣламъ фабрики, это полнѣйшее отсутствіе надзора мало-по-малу привели къ общей дезорганизаціи. Рабочіе и приказчики дѣлали все небрежно, приходили поздно, исчезали рано, нисколько не обращая вниманія на старый колоколъ, который, руководивъ столько времени трудомъ, теперь, казалось, звонилъ тревогу и пораженіе *).

Но вотъ очнулся старый компаньонъ, узнавъ сразу и о своемъ коммерческомъ и о своемъ супружескомъ несчастіи, прогналъ жену и, полный рвенія, принялся за дѣло, пуская въ ходъ новыя изобрѣтенныя имъ машины. Снова наступила фабричная идиллія:

... Заказы все прибывали и накоплялись. Качество обоевъ, пониженіе цѣнъ вслѣдствіе улучшенія въ производствѣ, дѣлали всякую конкурренцію прямо невозможной. Нѣтъ сомнѣнія, колоссальное богатство ожидало Фромоновъ. Фабрика приняла свой прежній цвѣтущій видъ и возобновила свое жужжанье гигантскаго улья. Дѣло кипѣло во всѣхъ корпусахъ подъ руками сотенъ наполнявшихъ ихъ рабочихъ. Старый Планюсъ (бухгалтеръ) носа не отводилъ отъ своей конторки; видно было изъ садика, какъ онъ сидѣлъ, уткнувшись надъ большими приходными книгами, и выводилъ въ ряды каллиграфически написанныхъ цифръ барыши отъ новой машины *).

Не былъ-ли я правъ, сказавъ, что живые люди играютъ здѣсь у Додэ роль простыхъ орудій производства? Идетъ фабрика полнымъ ходомъ, втягивая рабочихъ въ лихорадочную дѣятельность улья—идиллія! Плохъ сталъ присмотръ,—элегія! И виною такого отношенія къ живымъ существамъ ужъ, конечно, не черствость Додэ, который, какъ увидимъ ниже, отличается очень значительной чувствительностью. Кстати, возьмите даже его «Жака», гдѣ яркими красками обрисована тяжелая жизнь рабочихъ на металлургическомъ заводѣ Эндре (Indret), или буквальное сгораніе кочегаровъ передъ гигантскими печами океанскихъ пароходовъ. Картины поистинѣ ужасающія, но именно только ужасающія: при чтеніи ихъ васъ

*) Fromont jeune et Risler aîné (1874); изд. Fayad, стр. 186.
**) Ibid., стр. 242—243.

давитъ традиціонная идея автора о неизбѣжности такихъ страданій. Сравните съ этимъ описаніемъ не менѣе тяжелыя сцены «Жерминаля» Золя, но дополняющіяся изображеніемъ роста человѣческихъ идеаловъ, и вы поймете, что я хочу сказать.

Но за-то состраданіе къ отдѣльнымъ людямъ, проводящимъ всю жизнь свою въ нуждѣ и работѣ, достигаетъ у Додэ такой степени напряженности, до которой никогда не доходитъ грузный и объективный талантъ Золя. Мѣстами это состраданіе принимаетъ мелодраматическій характеръ, и нѣкоторыя сцены, хотя бы въ «Жакѣ», оправдываютъ въ извѣстной мѣрѣ замѣчаніе Брюнетьера, что тутъ дѣло идетъ о художественномъ эффектѣ сравнительно «низшаго рода»:

Почему низшаго? Потому что черезчуръ легко заставить насъ проливать слезы, возбуждая въ насъ жалость къ истязаемому ребенку и смѣшивая такимъ образомъ двѣ вещи: почти физическое чувство и чувство, вызываемое произведеніемъ искусства *).

Во всякомъ случаѣ, симпатія къ бѣднымъ и несчастнымъ является у Додэ не только инстинктомъ, но и сознательною идеею, къ которой онъ возвращается часто и почти во всѣхъ романахъ. Но, можетъ быть, было бы интересно прослѣдить, какъ недостатокъ пониманія общихъ интересовъ естественно приводитъ Додэ къ тому, что его состраданіе обращается главнымъ образомъ къ ремесленникамъ, разнощикамъ хлѣба, женщинамъ, изготовляющимъ птичекъ для шляпъ, бѣднымъ служащимъ, словомъ, къ представителямъ изолированнаго труда, изнемогающимъ въ одиночку подъ бременемъ нечеловѣческихъ усилій и такъ называемаго «незаслуженнаго несчастія». По самому характеру своего таланта, Додэ видитъ драматизмъ положенія главнымъ образомъ въ борьбѣ отдѣльныхъ личностей съ частными злополучіями. Я, впрочемъ, лишь мелькомъ указываю на это обстоятельство, прося читателя припомнить фигуры Велизарія и его жены въ «Жакѣ», матери и дочери Делобелль въ «Фромонѣ», семьи Жойезъ въ «Набабѣ», двухъ братьевъ въ «Le petit Chose», и т. п. Какъ бы то ни было, но симпатія, состраданіе, жалость къ маленькимъ и слабымъ людямъ являются у Додэ такимъ выдающимся элементомъ творчества, что это качество романиста въ связи съ его юморомъ позволило нѣкоторымъ критикамъ упрекать Додэ—по моему мнѣнію, несправедливо—въ простомъ подражаніи «Давиду Копперфильду» и прочимъ романамъ Диккенса. Но такъ какъ дѣло идетъ здѣсь не столько уже объ идеяхъ, сколько о темпераментѣ автора, то я отложу пока этотъ вопросъ въ сторону. Ограничусь лишь общимъ замѣчаніемъ, что самъ же Додэ очень хорошо характеризовалъ большую часть идей, сознательно проводимыхъ имъ въ своихъ произведеніяхъ: это именно

*) Le roman naturaliste, прим. къ стр. 8.

общественный консерватизмъ, но смягченный состраданіемъ къ жертвамъ современнаго общества.

Есть, впрочемъ, одинъ романъ Додэ, въ которомъ авторъ измѣняетъ своему обычному консерватизму и, кромѣ того, безъ малѣйшей жалости расправляется какъ разъ съ тѣмъ лицомъ, которое, можетъ быть, наиболѣе заслуживаетъ состраданія въ этой галлереѣ низкихъ и жалкихъ типовъ. Читатель, конечно, угадалъ, что я веду рѣчь о «Безсмертномъ». Я не берусь рѣшить, какимъ образомъ у консервативнаго и сострадающаго автора явилась мысль издѣваться на трехстахъ—четырехстахъ страницахъ надъ такимъ популярнымъ въ буржуазной средѣ учрежденіемъ, какъ Академія сорока безсмертныхъ, и надъ такимъ академикомъ, какъ Пьеръ-Александръ-Леонардъ-Астье-Рэгю, цвѣтъ и гордость ученой компаніи. Любовь-ли то къ Гонкурамъ, которые не вошли во святая святыхъ Института, ненависть-ли къ педантической дѣятельности Академіи, которая портитъ своими приговорами литературу и вплоть до живописности французскаго языка, безжалостно кастрируемаго ею въ словарѣ *), или еще что-нибудь другое—вопросъ остается открытымъ. Во всякомъ случаѣ первые слѣды этого враждебнаго отношенія къ Академіи можно уже замѣтить въ «Короляхъ въ изгнаніи» (сцена академическаго засѣданія, гдѣ читается легитимистская проза); а въ «Безсмертномъ» иронія доходитъ порою до глубочайшей ненависти.

Мнѣ, конечно, нечего оправдываться передъ читателемъ въ особой нѣжности къ литературному ареопагу на набережной Конти: я отсылаю къ статьѣ, которую я написалъ въ 1895 г. по поводу столѣтія Института. Но вѣдь отрицательное отношеніе къ Академіи должно основываться на отрицательномъ отношеніи къ самой теперешней оффиціальной наукѣ и къ самому оффиціальному искусству, которыя являются выраженіемъ всего буржуазнаго строя. Нашъ же романистъ принимаетъ этотъ строй, можно сказать, цѣликомъ, не отказывается въ частности и отъ оффиціальныхъ знаковъ отличія: онъ офицеръ ордена Почетнаго Легіона и награжденъ таковымъ за «выдающіяся заслуги на литературномъ поприщѣ» **). Почему же въ такомъ случаѣ колючія стрѣлы его ироніи избираютъ мишенью лишь зданіе съ куполомъ и четырьмя львами у входа?

И далѣе: конечно, міръ академческиихъ интригъ изображенъ въ романѣ великолѣпно; тупость, самодовольство, ничтожество этихъ оффиціальныхъ жрецовъ науки, искусства и литературы заклеймены словно горящимъ желѣзомъ. Но самая жаркая ненависть

---

*) См. намекъ на это въ Trente ans de Paris, стр. 328—329, гдѣ приводится разговоръ Додэ съ Тургеневымъ.

**) См. довольно ядовитыя замѣчанія на этотъ счетъ Жюля Леметра (уже въ то время готовившагося въ академики) въ статьѣ: L'immorte въ Les Contemporains; 1889, 3-е изд., стр. 223.

Додэ обращена къ Леонарду Астье-Рэгю, который, если хотите, олицетворяетъ типъ жалчайшей посредственности, скажемъ прямо ученаго дурака, но который обнаруживаетъ во всей этой средѣ наибольшую честность. Его «научная добросовѣстность», его узкая, но прочная мораль толкаютъ его въ сторону, прямо противоположную его интересамъ. Онъ не боится скандальнаго процесса съ поддѣлывателемъ историческихъ документовъ, хотя дѣло идетъ о разрушеніи его ученой репутаціи. Онъ негодуетъ на своего циничнаго сына, продающагося герцогинѣ Падовани, хотя нужда стучится у дверей его академической квартиры. И наконецъ, когда интригантка жена добиваетъ этого лежачаго, заявляя ему, что онъ обязанъ своими успѣхами лишь ея многочисленнымъ измѣнамъ, и бѣдный старикъ бросается къ парапету моста, чтобы покончить съ собой, со своимъ позоромъ, съ загубленной, израсходованной на педантическіе пустяки жизнію,—мнѣ не смѣяться, а плакать хочется, дорогой читатель,—простите эту минутную сантиментальность! - хочется отвести отъ новыхъ ударовъ безжалостную руку обыкновенно столь сострадательнаго романиста и напомнить ему о снисхожденіи къ несчастному человѣку: res sacra miser!... Странное дѣло, Додэ, чуткій, гуманный Додэ преслѣдуетъ въ этомъ романѣ своею ненавистью, ненавистью художника къ отрицательному типу, гораздо больше отца, чѣмъ сына, того самаго безстыднаго «борца за жизнь», котораго Додэ сдѣлаетъ позже героемъ своей драмы «La lutte pour la vie». Не сознаніе-ли этой художественной несправедливости и внушило отчасти Додэ мысль обрисовать Поля Астье уже настоящимъ разбойникомъ въ послѣдующей жизни? Что касается до самой драмы, то я не рѣшаюсь охотиться во владѣніяхъ Н. К. Михайловскаго и отсылаю читателя къ статьѣ упомянутаго автора «О драмѣ Додэ, о романѣ Бурже и о томъ, кто виноватъ» *).

Три романа выдаются по своему общественному смыслу между произведеніями Додэ: это «Набабъ», «Короли въ изгнаніи» и, отчасти, «Нума Руместанъ». Именно по отношенію къ нимъ можно сказать, что ихъ объективное значеніе далеко превосходитъ личныя идеи автора, положенныя имъ въ основаніе упомянутыхъ вещей. Въ «Набабѣ» Додэ хотѣлъ представить одинъ изъ интересныхъ эпизодовъ второй имперіи: судьбу нѣкоего счастливаго авантюриста, котораго колесо фортуны вознесло было на верхнія ступени соціальной лѣстницы, но слѣдующимъ же поворотомъ бросило въ самый низъ и безжалостно переѣхало. Изъ этого подлиннаго происшествія творческое перо художника создало цѣлую гигантскую картину общественной и политической жизни императорской Франціи, такую картину, къ которой грядущій историкъ будетъ обращаться едва-ли не съ большею готовностью, чѣмъ къ спеціальнымъ

*) *Сочиненія Н. К. Михайловскаго*; С.-Петербургъ, т. VI (1897), ст 686 и слѣд.

изслѣдованіямъ. И, дѣйствительно, въ смыслѣ возстановленія характера пережитой эпохи «Набабъ» неподражаемъ. Самая его эпизодичность, нѣкоторая нестройность плана, двѣ или три почти независимыя «интриги», которыя романистъ ведетъ параллельно, все это лишь придаетъ большую напряженность тому ощущенію дѣйствительной жизни, которое охватываетъ васъ при чтеніи этого романа. Тутъ въ пользу идетъ автору и его презрѣніе къ политикѣ. Не забудьте, что, не смотря на грандіозность панорамы, развернутой художникомъ, она обнимаетъ только половину общественнаго горизонта. И какое иное чувство могло охватывать наблюдателя при взглядѣ на политику отживавшаго режима, какъ не чувство отвращенія и презрѣнія? На самомъ верху, герцогъ де-Мора (alias Морни) и подобные ему циники, жуиры и политическіе бандиты; нѣсколько ниже, креатуры этихъ всесильныхъ авантюристовъ, занимавшія оффиціальныя должности и грабившія Францію безъ малѣйшаго угрызенія, но съ соблюденіемъ «свѣтскихъ приличій», въ родѣ маркиза Монпавона; затѣмъ, всѣ эти члены законодательнаго корпуса, бонапартистскіе депутаты, посылаемые въ палату путемъ оффиціальной кандитатуры, и т. п., и т. п. (см. сцену парламентарнаго обсужденія правильности избранія Жансуле). И повсюду, сверху до низу такъ называемаго общества, лютая жадность къ наслажденію, безпутное прожиганіе жизни, въ то время какъ капиталъ, и особенно капиталъ финансовый, биржевой и спекулятивный, являлся въ этотъ періодъ упадка основной пружиной, управлявшей большинствомъ жестовъ, гримасъ и криковъ тѣхъ политическихъ и свѣтскихъ маріонетокъ, которыя кружились на блестящей парижской сценѣ, въ поученіе и на зависть всей Европы, подъ зажигательные звуки оффенбаховской музыки...

«Короли въ изгнаніи»—цѣлая пророческая эпопея. Говорю «пророческая», потому что только теперь, на рубежѣ двадцатаго столѣтія, можно ясно видѣть окончательное разложеніе легитимистскихъ принциповъ, между тѣмъ какъ Додэ началъ писать свой романъ въ самый разгаръ борьбы между республиканцами и легитимистами: романъ сначала печатался въ Temps, вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 1879 г., и нашлись критики, которые утверждали, будто на самомъ романѣ отразились перипетіи столкновенія между двумя враждебными лагерями, и будто начало «Королей въ изгнаніи» легитимистское, а конецъ—республиканскій. Но Додэ былъ правъ, указавъ такимъ придирчивымъ критикамъ на то, что они, вѣроятно, понятія не имѣютъ о процессѣ «постройки книги», если полагаютъ, будто можно было измѣнить такимъ образомъ общій характеръ книги *). При чтеніи романъ производитъ, дѣйствительно, впечатлѣніе естественно-развивающейся психологической

*) Souvenirs d'un homme de letteres; стр. 129—130 иллюстр. изд.

или—принимая въ разсчетъ положеніе дѣйствующихъ лицъ—соціальной драмы. Христіанъ Иллирійскій и въ началѣ рисуется слабымъ и неустойчивымъ существомъ, у котораго на поверхность души всплываютъ все новые и новые капризы чувствъ и воображенія и у котораго есть одна, можетъ-быть, сравнительно постоянная черта, это—стремленіе жить безпечною жизнію bon vivant'a, отложивъ въ сторону всякіе политическіе замыслы и идеалы. Его постепенное паденіе описано мастерской рукой, и не менѣе художественно изображенъ психическій процессъ гордой и благородной, не смотря на свои архаическіе предразсудки, жены Христіана, Фредерики, которая тщетно силится вложить мужество и идейную вѣру въ дряблую душу изгнанника и, наконецъ, подъ ударами судьбы, разомъ падаетъ съ высоты своего политическаго идеала и превращается въ простую мать, трепещущую за жизнь своего сына. А эта тонкая и гуманная иронія художника, которая внушила романисту мысль привести въ соприкосновеніе королевскую чету и бѣдняка—легитимиста, Елисея Мэро. Въ то время, какъ привилегированные эмигранты все меньше и меньше вѣрятъ въ осуществленіе своихъ политическихъ плановъ; въ то время, какъ многіе изъ нихъ, катясь по наклонной плоскости, падаютъ до уровня принца Акселя, потерявшаго человѣческій образъ,—въ душѣ больного, чахоточнаго плебея ярко горитъ вѣра въ торжество легитимистскихъ принциповъ, и онъ, который меньше всего можетъ воспользоваться лично желаннымъ переворотомъ, отдаетъ весь свой талантъ и весь пылъ своего убѣжденія на служеніе проигранному дѣлу!... Проигранному и проигранному безповоротно, ибо тѣ самыя существа, къ которымъ съ упованіемъ поднимаетъ свой взоръ неисправимый идеалистъ легитимизма, не только не напоминаютъ боговъ и героевъ, но употребляютъ, точно нарочно, всевозможныя усилія, чтобы спуститься ниже самаго зауряднаго смертнаго. Заключительныя слова книги, взглядъ, который Фредерика бросаетъ на Тюильри, словно на «какую-то громадную и старую, мертвую вещь», могутъ быть приложены и къ современному французскому легитимизму: Франція переживаетъ теперь періодъ реакціи, но можно ожидать всевозможныхъ политическихъ катастрофъ, только не легитимистской реставраціи.

Мнѣ хотѣлось бы сказать теперь нѣсколько словъ о романѣ «Нума Руместанъ», общественную сторону котораго критика черезчуръ сильно, по моему мнѣнію, принесла въ жертву чисто психологической, разсматривая героя этого романа исключительно лишь какъ болѣе тонкое и болѣе сложное воспроизведеніе типа знаменитаго Тартарэна изъ Тараскона. И политическій ораторъ, «думающій лишь въ то время, какъ говоритъ», и доблестный охотникъ за фуражками и львами, оба они, конечно, представляютъ разновидности столь извѣстнаго во Франціи типа южанина съ хорошо привѣшеннымъ языкомъ, съ невозможнымъ полетомъ фантазіи, съ неу-

держимымъ желаніемъ услужить на словахъ каждому и съ благодѣтельною для самого субъекта способностью забывать объ обѣщанномъ. Въ этомъ смыслѣ Нума Руместанъ приходится близкимъ родственникомъ Тартарэну. Но въ романѣ, о которомъ я говорю теперь, художественное чутье внушило Додэ блестящую мысль поставить Нуму одной ногой въ личной жизни, а другой въ общественной дѣятельности. Благодаря такому пріему, романистъ не только исчерпалъ съ психологической точки зрѣнія фигуру своего героя, эту сложную, на половину искреннюю, на половину фальшивую натуру, являющуюся «радостью для улицы, горемъ для дома», какъ гласитъ провансальская поговорка. Онъ представилъ Нуму и политическимъ дѣятелемъ, который умѣетъ играть на нервахъ толпы и въ то же время беззастѣнчиво пользуется разложеніемъ идеаловъ среди правящихъ классовъ, чтобы прикрывать лицемѣрными фразами политическую эксплоатацію страны. Въ этомъ смыслѣ сцена приготовленія консервативнымъ и католическимъ министромъ рѣчи о цѣломудренномъ Байярдѣ у постели плутоватой танцовщицы, завладѣвшей сердцемъ почтеннаго государственнаго мужа,— эта сцена, говорю я, представляетъ верхъ совершенства и политической сатиры.

Прежде чѣмъ перейти къ эстетической оцѣнкѣ Додэ, къ опредѣленію его художественнаго темперамента, техническихъ пріемовъ его писанія, я хотѣлъ бы сдѣлать одно маленькое замѣчаніе. Читатель, хорошо знакомый съ литературной дѣятельностію романиста, можетъ быть, нѣсколько удивится, не найдя на предшествующихъ страницахъ упоминанія о нѣкоторыхъ произведеніяхъ Додэ. Эти пробѣлы объясняются или тѣмъ, что я не хотѣлъ говорить о слабыхъ или второстепенныхъ вещахъ (какъ, напр., романъ «Маленькій приходъ» *), или тѣмъ, что я отлагаю упоминаніе объ иныхъ произведеніяхъ именно до художественной оцѣнки автора, къ которой теперь приступаю.

Два элемента, и элемента довольно противоположныхъ, замѣчаются въ художественной дѣятельности Альфонса Додэ. Съ одной стороны этотъ романистъ обладаетъ рѣдкимъ даромъ наблюденія, особенно наблюденія детальнаго, и умѣньемъ необыкновенно реально передавать схваченное его «внимательнымъ и близорукимъ глазомъ» (выраженіе, довольно часто употребляемое французской критикой по отношенію къ Додэ и намекающее отчасти на дѣйствительный физическій недостатокъ покойнаго). Съ другой стороны, у

---

*) Супруги Ришаръ Фэннганъ слишкомъ напоминаютъ мнѣ чету Бовари; мальчишка-соблазнитель построенъ книжно; есть неумныя разсужденія о «жалости» русскихъ реалистовъ, и вообще чувствуется усталость автора.

него очень развито особаго рода свѣтлое, граціозное и проникнутое юморомъ воображеніе, которое разливаетъ идеальную атмосферу въ его произведеніяхъ, связывая этимъ своеобразнымъ эфиромъ фантазіи вполнѣ реальные типы и вѣрную дѣйствительности обстановку его романовъ. Этотъ реализмъ и этотъ идеализмъ посредствуются основной чертой художественнаго темперамента Додэ: его творческою чувствительностью, его лирическимъ отношеніемъ къ создаваемымъ имъ героямъ, и особенно его симпатіею къ страданіямъ бѣдныхъ, слабыхъ и вообще несчастныхъ людей, выводимыхъ въ его произведеніяхъ. Французская критика довольно усердно занималась одно время вопросомъ, есть ли это личная черта Додэ, особая принадлежность его таланта, или же лишь очень ловкое подражаніе гуманному юмору и «сострадающему» таланту Диккенса. Это въ значительной степени вопросъ праздный Очень можетъ быть, что на Додэ и повліялъ великій англійскій романистъ; но надо же было имѣть въ своей натурѣ и условіяхъ развитія нѣчто общее съ Диккенсомъ (какъ объ этомъ и заявилъ однажды самъ Додэ), чтобы такъ естественно и такъ непринужденно сохранять упомянутую художественную черту во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Упомяну для курьеза, что въ то время, какъ нѣкоторые критики (напр. Брюнетьеръ) находили даже въ иныхъ фантастическихъ фигурахъ,— напр., знаменитомъ голубомъ человѣчкѣ, смущающемъ напоминаніемъ о протестѣ векселей сонъ героевъ «Фромона Младшаго и Рислера Старшаго»,—прямое подражаніе Диккенсу, для другихъ (напр. Рене Думика) эти самыя фигуры являлись порожденіемъ свѣтлой фантазіи южной расы *). Вотъ тутъ и разберись!

Но оставимъ, впрочемъ, въ сторонѣ этотъ вопросъ, раздѣляющій профессіональныхъ критиковъ. Во всякомъ случаѣ, ни у одного изъ современныхъ французскихъ романистовъ, а особенно натуралистической школы, вы не найдете такого изобилія лирическихъ обращеній автора къ создаваемымъ имъ типамъ, восклицаній, негодованій, приписыванія чувствъ и дѣйствій отсутствующимъ лицамъ, неодушевленнымъ предметамъ и пр., словомъ, того, что традиціонная риторика называетъ просопопеею. По количеству просопопей Додэ можно сравнить развѣ лишь съ Мюссэ. И, характерная вещь для гармоническаго таланта и чувства мѣры Додэ, эти лирическія обращенія по большей части вполнѣ умѣстны и не только не разрушаютъ художественнаго обаянія, но скорѣе усиливаютъ его: они служатъ почти всегда переходомъ отъ одного положенія къ другому; а вмѣстѣ съ тѣмъ, любуясь какимъ нибудь творческимъ образомъ, нарисованнымъ Додэ, вы порою испытываете удвоенное чувство наслажденія, именно потому, что вы слышите близкое присутствіе друга-писателя, который какъ бы стоитъ тутъ же возлѣ

---

*) Ср. Brunetière, Le roman naturaliste, стр. 12 et René Doumic, Portrais d'écirivains, стр. 271.

васъ и негромкимъ голосомъ обращаетъ ваше вниманіе на детали картины, привлекающей ваши взгляды. Вся природа, и небо, и земля, не говоря уже о самомъ авторѣ, участвуютъ въ радостяхъ и горестяхъ дѣйствующихъ лицъ. Помните знаменитое увѣщаніе, обращенное Додэ къ паровой машинѣ, изготовленной для канонерки на заводѣ Эндре (въ «Жакѣ»):

Ступай же, иди, машина, своей дорогой по всему свѣту... Сдерживай ужасную силу, которую ты показала при отходѣ. Управляй кораблемъ, но безъ гнѣва, а особенно щади человѣческую жизнь и т. д. *).

Или въ томъ же «Жакѣ» призывъ къ утренней зарѣ:

О, поспѣши же засіять, мать-заря! Влей немного теплоты, и надежды и силы въ этого измученнаго ребенка, который торопится идти, простирая къ тебѣ руки! **).

Или въ «Фромонѣ» обращеніе къ Дезирэ, неудачно покушавшейся на самоубійство:

А, бѣдная дѣвушка, ты думала, что легко оставить жизнь и исчезнуть сразу. Ты не знала, что, вмѣсто того, чтобы быстро унести тебя въ небытіе, котораго ты искала, рѣка выброситъ тебя на весь позоръ, на всю грязь неудавшихся самоубійствъ... ***).

А разговоръ стараго дилижанса съ Тартарэномъ, а діалогъ юноши съ черными глазами возлюбленной! Если и затрудняешься въ чемъ, такъ въ выборѣ этихъ просопопей...

Но, рядомъ съ такимъ субъективнымъ отношеніемъ къ образамъ своей фантазіи, Додэ наиболѣе реальный изъ всѣхъ «натуралистовъ» въ смыслѣ точнаго наблюденія типовъ, деталей, обстановки и даже въ смыслѣ воспроизведенія дѣйствительныхъ событій. Золя, по моему мнѣнію, совершенно справедливо назвалъ Додэ въ своей надгробной рѣчи «самымъ истиннымъ французскимъ реалистомъ». Возьмите даже его прелестныя «Письма съ мельницы» (печатавшіяся въ «Фигаро» и вышедшія въ 1869 г.), на половину представляющія переводъ провансальскихъ разсказовъ, или его «Понедѣльничные разсказы» (1873): фантазія и дѣйствительность, поэзія и реальная правда слиты здѣсь въ такое гармоничное цѣлое, что въ иныхъ изъ этихъ художественныхъ вещицъ типы и обстановка поражаютъ своей реальностью и словно готовы выскочить во всей своей тѣлесности изъ печатныхъ страницъ, въ то время какъ «дѣйствіе» совершенно фантастично; въ другихъ же и герои, и интрига поражаютъ васъ такою простотою и, какъ бы это сказать? — интимною вульгарностью, что вы, очевидно, присутствуете при точно воспроизведенныхъ сценахъ настоящей будничной жизни.

Что касается до романовъ Додэ, то масса реальныхъ «документовъ», утилизированныхъ въ нихъ авторомъ, по истинѣ колоссальна.

---

*) Jack, изд. Fayard, стр. 225.

**) Ibid., стр. 125.

***) Fromont jeune et Risler aîné, изд. Fayard., стр. 163.

Критики часто смѣялись надъ книжнымъ педантизмомъ Золя, который страдаетъ своего рода идолопоклонствомъ передъ печатнымъ и набиваетъ свои романы деталями, взятыми имъ не изъ самой жизни, а изъ того, что писалось о ней, причемъ эти «документы» изъ вторыхъ рукъ употребляются имъ зачастую безъ особаго критическаго выбора (вспомните злую критику Гастона Дэшана, направленную противъ «Рима»). Вотъ упрекъ, съ которымъ уже нельзя будетъ обратиться къ Додэ! Дѣйствительная жизнь привлекаетъ его нервную, впечатлительную натуру съ необыкновенною силою, и стараясь передать читателю то яркое, до болѣзненности непосредственное впечатлѣніе, которое вибрируетъ въ его организмѣ подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ лицъ и событій (отсюда названіе «импрессіонизма», которое нѣкоторые критики даютъ манерѣ романиста), Додэ, можно сказать, вноситъ въ свою художественную живопись цѣлыя полосы фотографическихъ снимковъ. Кто не слышалъ о его знаменитыхъ «тетрадкахъ», въ которыя онъ заносилъ не одинъ десятокъ лѣтъ слышанныя имъ фразы, характеристики и вплоть до фамиліи встрѣчавшихся ему лицъ, описаніе какой-нибудь обстановки, точное до мельчайшихъ подробностей, факты изъ повседневной жизни, детали какой нибудь отрасли труда, и пр., и пр. Я не буду уже говорить о его романахъ, изображающихъ людей, которые естественно входятъ въ исторію, о романахъ, которымъ онъ и давалъ поэтому названіе «современно-историческихъ» (romans d' histoire moderne): въ такихъ произведеніяхъ какъ «Набабъ» и «Короли въ изгнаніи», наряду съ чисто-художественными типами, ходятъ, живутъ и дѣйствуютъ на сценѣ романа на самомъ дѣлѣ существовавшіе люди. Такъ Мора, какъ я уже сказалъ, Морни; что касается до Жансулэ, то въ дѣйствительности онъ назывался Бравэ; ненавидѣвшій его банкиръ благополучно здравствуетъ до сихъ поръ; слѣпой король былъ срисованъ съ короля Ганноверскаго, и т. д.

Но возьмите его романы, которые можно было бы, по примѣру Бальзака, назвать «сценами изъ частной жизни» (scènes de la vie privée). Исторія бѣднаго молодого человѣка (Le petit Chose) на половину автобіографія самого Додэ въ юности; приключенія несчастнаго Жака чуть не цѣликомъ представляютъ художественную передачу жизни одного чахоточнаго рабочаго, съ которымъ Додэ познакомился въ концѣ 60-хъ годовъ; письма «евангелистки» романистъ держалъ въ своихъ рукахъ и буквально перепечаталъ ихъ. Конечно, надъ всѣми этими документами прошлась мастерская рука тонкаго и гуманнаго художника, урѣзала кой-что изъ дѣйствительности, кой-что прибавила къ ней, наложила на нихъ золотые тоны фантазіи, напр., ввела любовныя исторіи въ повѣсть о молодомъ человѣкѣ и о Жакѣ, умертвила «Набаба» апоплексическимъ ударомъ, вмѣсто того, чтобы заставить его прозябать послѣ паденія цѣлые годы въ нищетѣ, какъ это было на самомъ дѣлѣ. Но во всякомъ случаѣ, Додэ, этотъ граціозный сильфъ фантазіи, еле касающійся

порою вѣнчиковъ цвѣтовъ въ своемъ прихотливомъ бѣгѣ, набирается силъ для этихъ воздушныхъ экскурсій въ тѣсномъ единеніи съ землей, подобно древнему Антею. Ему нужно было опираться на грубую и подчасъ грязную реальность жизни. Интересно, между прочимъ, что его добросовѣстное отношеніе къ дѣйствительности было таково, что уже простая перемѣна фамиліи описываемаго имъ въ романѣ какого-нибудь реальнаго человѣка казалась ему художественною неправдою: его преслѣдовала иллюзія, будто самое имя героя настолько тѣсно срослось съ нимъ и такъ хорошо символизировало его, что съ отнятіемъ имени исчезала и половина жизненной реальности типа. Въ иныхъ случаяхъ онъ едва измѣнялъ фамилію (Мора вмѣсто Морни), въ другихъ такъ или иначе старался сохранить созвучіе, характеръ слова для уха (Бравэ-Жансулэ, и т. п.); въ третьихъ, когда дѣло шло о простыхъ людяхъ, не читавшихъ его романовъ, сохранялъ этимъ представителямъ анонимной массы ихъ имена, фамиліи, профессіи (напр., бригадиръ Манженъ въ «Жакѣ»).

Мнѣ едва-ли надо упоминать о томъ, что обстановка, детали среды были воспроизводимы Додэ въ его романахъ съ необыкновенною точностью. Насколько я могу припомнить, въ его романахъ не описано ни одного мѣста, котораго бы онъ не видѣлъ лично, и по большей части сценою дѣйствія избирались наиболѣе знакомыя ему мѣста. Я не хочу вдаваться въ излишнія подробности, но читатель можетъ, надѣюсь, повѣрить мнѣ на слово, что по средѣ и пейзажамъ, развертываемымъ Додэ въ романахъ, можно прослѣдить исторію послѣдовательныхъ мѣстожительствъ самого романиста. Упомяну лишь, что берега Сены и дорога изъ Парижа до Корбейля черезъ Вилльневъ-Сэнъ-Жоржъ, столько разъ описанные Альфонсомъ Додэ (въ «Жакѣ», «Маленькомъ приходѣ», «Робертѣ Эльмонѣ», этомъ сильномъ дневникѣ-разсказѣ изъ франко-прусской войны), потому такъ часто изображались романистомъ, что онъ самъ долго жилъ въ Шанрозэ, на берегу Сены и возлѣ Сэнарскаго лѣса.

И однако поверхностный критикъ сильно ошибся бы, еслибы преувеличилъ долю простого списыванія съ жизни и рабскаго копированія ея въ художественной дѣятельности Додэ. Вспомните, что сказалъ самъ романистъ, смѣясь (въ своемъ «Безсмертномъ») надъ бездарнымъ пользованіемъ архивами со стороны жалкихъ посредственностей: «самые любопытные архивы, въ рукахъ дурака, имѣютъ не болѣе значенія, чѣмъ пресловутый человѣческій документъ, которымъ пользуется глупый романистъ». И чѣмъ больше я вдумываюсь въ сравнительную пропорцію непосредственно взятаго изъ жизни и художественно созданнаго самимъ Додэ, тѣмъ болѣе я останавливаюсь передъ трудностью этого опредѣленія и невольно припоминаю старинную задачу, какой ногой ходитъ больше человѣкъ. Дѣйствительно, правда и фантазія, къ счастію читателя, такъ тѣсно соединены въ нашемъ авторѣ, что въ иныхъ его романахъ между этими двумя элементами трудно провести рѣзкую границу.

Въ самомъ дѣлѣ, возьмите какой нибудь «романъ изъ современной исторіи» Додэ и попробуйте приложить къ нему старинное различеніе аристотелевской піитики: исторія, молъ, говоритъ о томъ, что было, а поэзія о томъ, что могло бы быть. Трудно удержаться отъ смѣха, читая тѣ страницы Брюнетьера, на которыхъ почтенный критикъ излагаетъ свои недоумѣнія по поводу того, куда отнести упомянутые романы Додэ.

У самого романиста можно найти характеристику того процесса художественнаго творчества, который такъ тѣсно соединяетъ реальный элементъ и элементъ фантастическій. Любовь къ дѣйствительности ярко обнаруживалась у Додэ уже въ дѣтствѣ, какъ онъ самъ разсказываетъ о томъ:

Въ то время мнѣ было десять лѣтъ, и такъ какъ меня уже мучило желаніе выходить изъ себя съ тѣмъ, чтобы воплощаться въ другія существа, въ силу возникавшей маніи наблюденія и людской документировки (annotation humaine), то моимъ великимъ развлеченіемъ во время прогулокъ было выбрать въ толпѣ какого-нибудь прохожаго, идти за нимъ слѣдомъ по всему Ліону,—фланировалъ-ли онъ или ходилъ по дѣламъ,—съ цѣлью попытаться отождествить себя съ его жизнью и понять интимную сторону ея *).

Что же касается до фантастическаго элемента, который, словно снопъ фейрверочныхъ ракетъ, отправляется у Додэ постоянно отъ прочной почвы дѣйствительности, то эту способность воображенія опять таки самъ романистъ представилъ въ добродѣтельномъ пожиломъ кассирѣ, г-нѣ Жойёзъ (въ «Набабѣ»), который цѣлую жизнь прожилъ, строя въ мысляхъ невозможныя приключенія, но исходя всегда отъ какого нибудь конкретнаго будничнаго факта дѣйствительности. Удесятерите поэтическій характеръ этой способности грезить на яву, урегулируйте ее художественнымъ чувствомъ мѣры и вы получите самого романиста.

Мнѣ бы хотѣлось наложить еще два-три штриха на литературную физіономію Альфонса Додэ, не съ тѣмъ, чтобы исчерпать богатую натуру писателя, но съ тѣмъ, чтобы подчеркнуть нѣкоторыя стороны художника, оставшіяся, какъ мнѣ кажется, нѣсколько въ тѣни на предшествовавшихъ страницахъ. Я сказалъ уже объ его наблюдательности, о его юморѣ. Этотъ юморъ переходилъ у него зачастую въ легкую иронію, а въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ достигалъ высоты художественной сатиры, но осмѣивающей не столько общественныя условія, сколько извѣстный психологическій типъ. Въ этомъ смыслѣ знаменитая трилогія Тартарэна—охотника, Тартарэна—экскурсіониста и Тартарэна—колонизатора **) блещетъ

*) Trente ans de Paris, стр. 78—79.
**) Tartarin de Tarascon; 1872. Tartarin sur les Alpes; 1886. Port—Tarascon; 1890.

неподражаемой красотой, и надо видѣть, съ какимъ восторгомъ французскіе критики, хорошо знакомые съ типомъ южанина, привѣтствовали эту фигуру провансальскаго Донъ-Кихота, но влачащаго не за собой на ослѣ, а въ собственной же душѣ благоразумнаго и любящаго пожить въ свое удовольствіе Санчо-Пансу. Вы можете даже нѣсколько недовѣрчиво относиться къ этнологическому характеру этого типа (мнѣ пришлось встрѣтиться съ самымъ блестящимъ олицетвореніемъ въ живомъ человѣкѣ литературнаго дѣтища Додэ—и какъ разъ этотъ человѣкъ—импровизированный путешественникъ—былъ съ сѣвера Франціи); но какъ психологическая фигура, Тартарэнъ изъ Тараскона является однимъ изъ наиболѣе удачныхъ созданій современной французской литературы. Нѣкоторая каррикатурность типа, черезчуръ большая рельефность кой-какихъ чертъ, даже самый слогъ автора, отражающій балаганное величіе героя, производятъ, правда, впечатлѣніе шаржа, но это тотъ художественный шаржъ, который позволяетъ лучше схватить основной характеръ фигуры.

Если юморъ Додэ, какъ я только что сказалъ, переходитъ въ иронію, то его симпатія и состраданіе къ несчастнымъ превращаются порою, въ ущербъ художественности, въ мелодраматическую чувствительность и чуть не слезливость. Люди, очень сочувственно относящіеся къ Додэ, подсмѣивались, однако, иногда надъ страшною смертностью, свирѣпствующею между персоналомъ его романовъ, и подсчитывали высокую цифру болѣзней, самоубійствъ и всяческихъ злоключеній, приходящихся на долю наиболѣе симпатичныхъ самому автору героевъ. Не мѣшаетъ тоже замѣтить, что сами буржуазные критики, которые тѣмъ съ большею охотою умиляются надъ частными добродѣтелями, чѣмъ съ большимъ жаромъ защищаютъ общій гнетъ условій,—что даже эти критики были не всегда удовлетворены черезчуръ высоконравственными «положительными типами» Додэ и упрекали романиста въ мелодраматичности, искусственности и условности этихъ героевъ безъ страха и упрека. Таковы добродѣтельный докторъ Риваль и добродѣтельный разнощикъ Велизарій (въ «Жакѣ»), старый герцогъ Розэнъ (въ «Короляхъ въ изгнаніи»), семейство Жойёзъ и адвокатъ Поль-де-Жери (въ «Набабѣ»). Но извѣстно, что въ современномъ обществѣ всего труднѣе рисовать положительные типы...

Какъ ни странно это можетъ показаться съ перваго взгляда, Альфонсъ Додэ, который создалъ столько яркихъ фигуръ и нарисовалъ столько поразительныхъ сценъ, является второстепеннымъ драматургомъ. Началъ работать онъ для театра очень рано: его драма «Послѣдній идолъ» была поставлена еще въ 1862 г., значитъ, когда онъ издалъ лишь сборникъ своихъ граціозныхъ юношескихъ стихотвреній (Les amoureuses) и былъ совершенно неизвѣстенъ публикѣ какъ романистъ (первый романъ вышелъ въ 1868 г.). Но всѣ его пьесы въ самомъ лучшемъ случаѣ могутъ

считаться лишь «полу-успѣхомъ» (Arlésienne, «Сафо» и т. п.), какъ выражаются французы, а между тѣмъ онѣ по большей части передѣланы изъ его романовъ. По моему, это объясняется самымъ характеромъ литературнаго таланта Додэ. Раньше мы видѣли, съ какою реальностію и трепетомъ жизни выступаютъ герои его произведеній. Но если хорошенько присмотрѣться къ нимъ, то этотъ высокій реализмъ окажется основаннымъ на рядѣ послѣдовательныхъ, необыкновенно живыхъ, но мимолетныхъ портретовъ того или другого лица, набросанныхъ авторомъ въ извѣстный моментъ, въ извѣстной позѣ, и исчезающихъ изъ романа почти совершенно до новаго появленія. За исключеніемъ пяти-шести крайне ярко и сильно нарисованныхъ типовъ (напр., Нумы Руместана и его пріятеля Бонпара, актера Делобеллъ и Сидоніи изъ «Фромона», герцога Мора идеализированнаго—и маркиза Монпавона изъ «Набаба», д'Аржантона изъ «Жака»: я исключаю Тартарэна, этотъ нестолько индивидуальный, сколько собирательный, «эпическій», по выраженію одного критика, типъ), въ герояхъ Додэ не хватаетъ того, что называется развитіемъ характера. Послѣдовательныя появленія дѣйствующихъ лицъ въ романѣ связываются гуманнымъ и субъективнымъ отношеніемъ самого автора къ своимъ героямъ: гдѣ замѣчается черезчуръ большой промежутокъ между упомянутыми появленіями, тамъ вмѣшивается самъ романистъ и посредствуетъ, налагаетъ, такъ сказать, одинъ на другой послѣдовательные снимки съ даннаго лица, создавая, словно въ кинематоскопѣ, иллюзію необыкновенно интенсивной жизни. *) Но попробуйте отвлечься отъ личности самого автора, подводящаго васъ къ своимъ типамъ, берущаго ихъ какъ бы за руку въ вашемъ присутствіи, лицедѣйствующаго за одно съ ними, подающаго имъ реплику и одобряющаго ихъ, съ негодованіемъ или любовью указывающаго вамъ на нихъ—и вы найдете, что живые портреты значительно потускнѣютъ и разложатся на отдѣльные жесты, позы, фразы, однимъ словомъ, тѣ элементы «тетрадокъ», о которыхъ говорилось раньше. Импрессіонизмъ автора, нанизывающаго свои впечатлѣнія на основную нить своего собственнаго сознанія, не настолько синтетиченъ, чтобъ создаваемые имъ типы не разсыпались на первоначальныя впечатлѣнія, если ихъ не сдерживаетъ рука самого художника. Но въ театрѣ требуются, если и не особенно сложныя (по условіямъ сценической перспективы), то тѣлесныя, прочно скроенныя и твердо стоящія на ногахъ фигуры. Герои же романовъ Додэ, перенесенные на сцену, только тогда сохранили бы иллюзію жизни, еслибы самъ авторъ вышелъ вмѣстѣ съ ними и

*) Укажу на любовь автора поставлять нерѣдко читателя въ извѣстность относительно развитія дѣйствія при помощи «мемуаровъ», переписки между героями, и т. п. чисто повѣствовательнаго, а не дѣйственнаго элемента. См. въ особенности записки служащаго въ банкѣ (въ Набабѣ).

сталъ играть передъ зрителями въ формѣ ли античнаго хора или же устами «наперсниковъ» (confidents) французскаго классическаго театра, а это вещь едва-ли осуществимая при теперешнихъ требованіяхъ отъ сцены.

Но не на критикѣ, а на восхищеніи я хочу кончить этотъ этюдъ объ одномъ изъ самыхъ крупныхъ и симпатичныхъ писателей Франціи. Какъ романистъ, Альфонсъ Додэ не нуждается въ похвалахъ: самъ авторъ умеръ, но его литературное потомство, его герои живутъ неувядающею жизнію идеала и творческой фантазіи...

Н. К.

Трудъ и Ритмъ.

(Karl Bücher. Arbeit und Rhythmus).

Небезъизвѣстный и русской публикѣ лейпцигскій профессоръ Карлъ Бюхеръ издалъ книгу, представляющую большой интересъ какъ для соціолога, психолога, историка, такъ, пожалуй, и для музыкантовъ и художниковъ вообще. Подъ общимъ заглавіемъ «Arbeit und Rhythmus» проф. Бюхеръ дѣлаетъ въ своей книгѣ чуть ли не первую попытку въ строго методической формѣ представить ритмъ какъ принципъ экономической эволюціи и въ рядѣ научныхъ законовъ изслѣдовать воспособляющее дѣйствіе ритма на правильно размѣренный и равномѣрно длящійся механическій трудъ. Одновременно съ этимъ изслѣдованіе Бюхера является новымъ и оригинальнымъ вкладомъ въ литературу о крайне спорномъ вопросѣ насчетъ происхожденія поэзіи и музыки.

Бюхеръ исходитъ изъ того факта, что большинство изслѣдователей экономическаго развитія человѣчества отмѣчаетъ какъ первичный моментъ такое состояніе, при которомъ трудъ ощущался какъ тяжесть и былъ предметомъ всеобщаго отвращенія. Для такого предположенія можно было съ успѣхомъ сослаться на то, что на различныхъ языкахъ выраженія понятія труда (πόνος, labor, travail и пр.) первоначально означали нужду, лишенія, мученія. И этнографія, казалось, тоже подкрѣпляла эту филологическую аргументацію, указывая на отвращеніе къ труду, какъ на характерную черту первобытныхъ народовъ, и приводя въ доказательство этого положенія многочисленныя свидѣтельства почтенныхъ изслѣдователей отъ Тацита начиная и до новѣйшихъ путешественниковъ по Африкѣ и Азіи. Paresse et sauvegerie sont synonymes»—утверждаютъ одни. «Ихъ высшее счастье—праздность»,—

они ненавидятъ всякую работу»—заявляютъ другіе. Только крайняя нужда или самое жестокое принужденіе способны были заставить первобытнаго человѣка приняться за противную всему его существу работу.

Исходя изъ точки зрѣнія этого horror laboris, изслѣдователи полагали имѣть объясненіе для цѣлаго ряда очень распространенненныхъ соціально-историческихъ явленій, какъ существованіе цѣлыхъ разбойническихъ племенъ, рабства, купли невѣстъ, обремененіе женщинъ работой на первыхъ ступеняхъ культуры. Болѣе сильный-де принуждаетъ болѣе слабаго работать на него. Женщина у грубыхъ народовъ лишь рабочая скотина и по стольку лишь оцѣнивается. Институтъ рабства есть-де для человѣчества важное воспитательное средство.

Какъ ни убѣдительны эти положенія, но вся ихъ конструкція заключаетъ въ себѣ очень существенные пробѣлы. Разъ допустить, что непреодолимая праздность есть старѣйшее достояніе людей, то какъ могли они подняться на ступень существованія, превышающую бытъ животныхъ, собирающихъ плоды и роющихъ корни. Разбойническіе народы не находили бы добычи для своихъ хищническихъ набѣговъ, еслибы другіе народы не работали и не копили запасовъ. Что же касается воспитательнаго значенія рабства, то, вѣдь, основнымъ условіемъ всякаго успѣшнаго воспитанія мы обыкновенно считаемъ, чтобы воспитатель самъ обладалъ тѣми качествами, какія онъ хочетъ воспитать въ другихъ. Опытъ учитъ, конечно, что рабство обрекаетъ трудъ отвращенію, дѣлая само господствующее сословіе безконечно лѣнивымъ. Но насколько возможенъ взглядъ въ глубину исторіи, мы повсюду видимъ, что эта исторія начинается состояніемъ, когда и господинъ и слуга одинаково принимали участіе въ работѣ, хотя дальнѣйшій ходъ исторіи предоставилъ въ удѣлъ слуги бремя труда, а его плоды—въ удѣлъ господина.

Попытка объяснить возникновеніе и первоначальное развитіе труда въ связи съ его противуположеніемъ—«прирожденной праздностью» людей должна быть признана неосновательной. Въ дѣйствительности это ничто иное, какъ fable convenue, которая объясняется совершенно немотивированнымъ перенесеніемъ на старину соціально-этическихъ представленій нашего культурнаго времени. Это показываетъ и болѣе точное разсмотрѣніе наиболѣе надежныхъ изслѣдованій жизни дикихъ народовъ *). Дикарь въ общемъ работаетъ не меньше, чѣмъ культурный человѣкъ. Но работаетъ не равномѣрнымъ образомъ, а скачками, въ зависимости отъ настроенія. Напряженная, равномѣрная работа—вотъ то, чего дикарь не любитъ. Слѣдуя вліяніямъ момента, дикарь въ своей работѣ являетъ скорѣе картину поспѣшной дѣловитости. Но ему,

*) См. въ книгѣ Бюхера относящіяся сюда стр. 8—17.

повидимому, чуждо сознаніе серьезнаго значенія производимой имъ работы; онъ не знаетъ различія между игрой и работой, полезнымъ и развлекающимъ трудомъ.

Далѣе, у тѣхъ народовъ, которые наибольшую часть труда возложили на женщину, количество производимой работы представляется очень большимъ,—въ особенности, если принять въ разсчетъ несовершенство рабочихъ орудій и сложность рабочихъ процессовъ. Вѣдь большинство рабочихъ инструментовъ есть ничто иное какъ разнаго рода природные предметы:—камень, раковины, кости и т. п.,—лишь очень поверхностнымъ образомъ приспособленные къ людскому потребленію. Съ другой стороны, если взять хотя бы одно приготовленіе конопли, то для этого требуется болѣе двадцати пріемовъ, изъ которыхъ многіе очень кропотливы и утомительны. Приготовленіе маисовыхъ оладій, замѣнявшихъ перуанцамъ хлѣбъ, было такъ утомительно, что имъ пытались объяснить многоженство этого народа.

Неметодическимъ, скачкообразнымъ способомъ труда дикихъ народовъ объясняется и тотъ фактъ, что они производятъ массу излишняго труда, тратя его и на предметы роскоши, эстетическія свои потребности, какъ прическу, окрашиваніе и татуировку лица, украшенія тѣла и главнѣйшихъ предметовъ потребленія.

Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія, что въ быту дикарей имѣется достаточное обиліе работы. Имъ недостаетъ только правильности и размѣренности въ трудѣ. Спрашивается: что же является тѣмъ двигателемъ, который облегчаетъ дикарю его работу? Есть ли это—обстоятельство, въ силу котораго работа дикаря идетъ въ большей, чѣмъ у культурнаго человѣка, степени на личную пользу самого работающаго? Но это справедливо лишь относительно части труда. Заключается ли этотъ двигатель въ т. н. прирожденномъ человѣку импульсѣ къ дѣятельности? Но этотъ импульсъ, все равно какъ у дѣтей, обнаруживается большею частью въ скачкообразныхъ дѣйствіяхъ, а не въ рабочихъ пріемахъ, требующихъ равномѣрнаго примѣненія силъ.

Существуетъ еще родъ дѣятельности, которую нельзя разсматривать какъ трудъ, но которую первобытный человѣкъ выполняетъ съ удовольствіемъ и нерѣдко съ поразительной продолжительностью: это гимнастическій и мимическій танецъ. Если возможно существенную особенность танца привести въ связь со сходною особенностью въ рабочемъ процессѣ дикарей, то этимъ будетъ открытъ тотъ двигатель, который былъ однимъ изъ видныхъ факторовъ въ развитіи человѣческаго труда. Этимъ двигателемъ, сильно облегчавшимъ работу первобытнаго человѣчества является, по мнѣнію Бюхера, ритмическій строй труда, разсмотрѣнію котораго посвящена вторая глава изслѣдованія нашего автора (стр. 19—29).

Физическая работа состоитъ изъ отдѣльныхъ мускульныхъ

движеній. Непрерывное употребленіе одного и того же мускула вызываетъ утомленіе,—тѣмъ большее, чѣмъ продолжительнѣе напрягается мускулъ и чѣмъ неровнѣе приложеніе силъ, которое требуется отдѣльными движеніями. Непрерывное умственное напряженіе также вызываетъ утомленіе. Эти напряженія могутъ быть въ извѣстной степени сокращены, если на мѣсто волею управляемыхъ будутъ поставлены автоматическія, чисто механическія движенія. Такія движенія наступаютъ тогда, когда расходъ силъ при работѣ регулируется съ извѣстною равномѣрностью, такъ что начало и конецъ движенія всегда лежатъ между одними и тѣми же пространственными и временными предѣлами. При равномѣрномъ относительно времени и расхода силъ мускульномъ движеніи возникаетъ то, что мы называемъ упражненіемъ, снаровкой; тѣлесныя функціи совершаются механическимъ образомъ, не требуя всегда возобновляющихся волевыхъ усилій. Всякая работа, каждая рабочая операція состоитъ, по меньшей мѣрѣ, изъ двухъ основныхъ функцій, одной болѣе сильной и болѣе слабой: поднятія и погруженія, или толчка и притяженія. Правильное повтореніе одинаково сильныхъ и одинаково продолжительныхъ движеній производитъ на насъ впечатлѣніе ритма. Всего нагляднѣе обнаруживается ритмическій характеръ труда тамъ, гдѣ рабочій инструментъ издаетъ тонъ, какъ при правильныхъ ударахъ молотка сапожника и бочара, при утрамбовкѣ улицъ или при звукахъ молотильнаго цѣпа. Эти правильно повторяемые тона значительно помогаютъ работѣ. Они способствуютъ тому, что умственная работа сокращается, что только самая необходимая мускульная работа потрачивается, и расходъ силъ производится съ необходимою бережливостью.

Ритму присуще возбуждающее дѣйствіе. Поэтому понятно, что присоединеніе къ работѣ второго и третьяго участника способно еще усилить эффектъ работы и ея производительность. Никто изъ работающихъ не хочетъ остаться позади другого, такъ какъ звучные удары пульса совершающейся работы служатъ для каждаго присутствующаго какъ бы гласнымъ контролемъ нормальнаго процесса труда.

Еще яснѣе обнаруживается это принужденіе болѣе слабаго рабочаго не отставать отъ болѣе сильнаго тамъ, гдѣ рабочіе группируются въ ряды, и гдѣ работа одного зависитъ отъ работы другого. Въ рядѣ косарей каждый долженъ безостановочно и равномѣрно двигаться впередъ, если не хочетъ задерживать слѣдующаго за нимъ косаря или быть задѣтымъ его косой. Въ цѣпи чернорабочихъ, перебрасывающихъ другъ другу кирпичи, не приходится зѣвать, чтобы не тормозить работу, не быть ушибленнымъ кирпичемъ и не ушибить кого нибудь изъ ниже стоящихъ.

Это взаимное приспособленіе вызываетъ и въ беззвучно совершающихся работахъ равноразмѣренный ритмъ движеній и стано-

вится, такимъ образомъ, дисциплинирующимъ элементомъ самаго серьезнаго значенія, въ особенности для неквалифицированнаго труда, который преобладаетъ на первыхъ ступеняхъ хозяйственной жизни. Высшаго своего развитія достигаетъ это взаимное приспособленіе при тактическихъ движеніяхъ арміи, гдѣ все сводится къ тому, чтобы множество людей воспитать до полнаго единства проявленія силъ, и гдѣ нарушеніе темпа со стороны одного вноситъ безпорядокъ въ общій строй цѣлаго.

Мы можемъ наблюдать вліяніе ритма и въ беззвучныхъ продолжительныхъ работахъ, совершающихся безъ принужденія взаимной приспособленности. Его можно наблюдать надъ ручнымъ штопаніемъ и шитьемъ, надъ сѣяніемъ, надъ опрокидываніемъ валковъ сѣна, надъ жатвой ржи серпомъ, надъ различными работами въ переплетной, въ типографіи, надъ счетомъ денегъ кассиромъ въ банкѣ. Даже когда намъ приходится писать ряды одинаковыхъ буквъ или чиселъ, мы невольно впадаемъ въ ритмъ движеній, и операціи нашей руки становятся оттого всегда равномѣрнѣе (стр. 25).

Отсюда слѣдуетъ, что тенденція ритмическаго строя работы непроизвольна и прирождена, какъ дикарю, такъ и цивилизованному человѣку. Уже самая физіологія человѣка въ регулированіи дыханія, дѣятельности легкихъ и сердца, въ движеніи рукъ и ногъ являетъ какъ бы ритмическую тенденцію. А современные физіологи идутъ даже такъ далеко, что періодическія біенія нормальнаго сердца считаютъ первичнымъ ритмомъ всѣхъ человѣческихъ дѣяній.

За ритмомъ труда слѣдуетъ, такимъ образомъ, признать индивидуально-физіологическое происхожденіе. Въ его приложеніи къ общей человѣческой работѣ онъ пріобрѣтаетъ громадное соціально-этическое значеніе. Это послѣднее сказывается въ моментѣ гласности коллективнаго труда. «Эта гласность труда, сама собою присущая всѣмъ полевымъ работамъ, оказываетъ воспитательное вліяніе, сходное съ вліяніемъ такта и ритмическаго тона этой же работы... Звучный размѣренный тонъ дневного труда остается всегда характернымъ признакомъ мирнаго и осѣдлаго сожитія людей. Подобно тому, какъ тройной тактъ молотильнаго цѣпа соотвѣтствуетъ погруженной въ зимній покой нѣмецкой деревнѣ, такъ точно и звуки колотушки (тапы) соотвѣтствуютъ поселку островитянъ, глухой тонъ рисовой ступки—поселенію малайцевъ, однообразный звонъ деревянной хлѣбной ступки—негритянской деревнѣ и шумъ кофейной ступки съ ручной мельницей—стойбищу бедуиновъ. Итакъ, при примитивномъ состояніи сельскохозяйственнаго производства почти каждое время года имѣетъ свою трудовую сутолоку, каждая работа—свою особую музыку»... (стр. 29).

Между тѣмъ, путь къ дальнѣйшей музыкальной эволюціи за-

ключенъ въ самомъ трудѣ. Издаваемые многими рабочими инструментами звуки представляютъ собою не безразличный шумъ, а тона, производящіе музыкальное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что удары однихъ инструментовъ по силѣ и высотѣ тона обыкновенно разнятся отъ другихъ. Постепенно развивается склонность съ помощью человѣческвго голоса воспроизводить или подражать рѣзко обозначеннымъ тонамъ рабочихъ орудій. Такимъ образомъ, къ работѣ присоединяется пѣсня.

Участіе человѣческаго голоса при работѣ выступаетъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ритмическое регулированіе ея не связано съ явно слышимымъ тактомъ. Извѣстны вскрикиванія передовыхъ рабочихъ при совмѣстной работѣ многихъ, причемъ имѣется, конечно, въ виду также дѣйствовать на дружное напряженіе силъ. Достаточно упомянуть вскрикиванія: hopp, hop la, или отсчитываніе: разъ, два, три!.. Вмѣсто человѣческаго голоса можетъ въ такихъ случаяхъ служить и инструментъ, способный издавать опредѣленный тонъ. Греки, напр., любили грести подъ тактъ флейты. Распространеннѣйшимъ для этой цѣли музыкальнымъ инструментомъ служитъ, безспорно, барабанъ, замѣчаемый у многихъ примитивныхъ народовъ въ самыхъ многообразныхъ формахъ. Африканскія артели носильщиковъ маршируютъ гуськомъ подъ звуки литавры. Нерѣдко каждый изъ носильщиковъ слоновой кости прицѣпляетъ къ своей ношѣ—слоновому зубу—колокольчикъ и другой поменьше—къ своей ногѣ. Здѣсь къ ритму, производимому размѣреннымъ маршемъ носильщиковъ одного за другимъ, присоединяется еще то живительное вліяніе, какое музыка сама по себѣ оказываетъ на силы человѣка. Это чрезвычайно важный моментъ для цѣлаго ряда наблюденій, которыя обнаруживаютъ очень тѣсную связь между пѣніемъ и работой, безразлично, сопровождается ли эта послѣдняя звуковымъ тактомъ или нѣтъ. Относящіяся сюда наблюденія распространяются на такую массу народовъ на различныхъ ступеняхъ культурнаго ихъ развитія, что можно смѣло утверждать ихъ дѣйствительность для всего человѣчества.

О многихъ народностяхъ, какъ, напр., негры и малайцы, можно сказать, что у нихъ каждая тѣлесная дѣятельность сопровождается пѣніемъ. И у современныхъ культурныхъ народовъ сохранилось много остатковъ этой привычки (см. стр. 31—37).

Было бы ошибочно предположить, что мелодическій строй рабочихъ пѣсенъ имѣетъ рѣшающее вліяніе на размѣренность рабочихъ функцій. Мелодія этихъ пѣсенъ также второстепенна, какъ и текстъ, состоящій обыкновенно изъ безсмысленныхъ словъ и восклицаній. Сообразно съ этимъ и все это явленіе—наличность рабочихъ пѣсенъ—не стоитъ ни въ какой прямой зависимости съ большей или меньшей музыкальной одаренностью даннаго народа. Ихъ значеніе заключается лишь въ ритмѣ, или главнымъ образомъ въ немъ.

Этотъ ритмъ приходитъ извнѣ и служитъ отраженіемъ физическихъ движеній при работѣ. Поэтому каждая работа, каждая игра и танецъ у дикихъ народовъ имѣютъ соотвѣтствующую ритмическую пѣсню. Нагляднымъ доказательствомъ ритмической несамостоятельности рабочихъ пѣсенъ можетъ служить то обстоятельство, что, разъ онѣ отдѣлены отъ работы, къ которой принадлежатъ, необходимыми становятся искусственныя вспомогательныя средства, какъ топаніе ногами, хлопаніе руками или звукъ какого нибудь инструмента.

Смотря по тому, производится ли данная работа отдѣльнымъ лицомъ или группою лицъ, мы можемъ различать одноголосые и хоровые напѣвы. Эти послѣдніе, однако, должны, въ свою очередь, различаться троякимъ образомъ: совмѣстная работа можетъ представлять лишь товарищеское общеніе рабочихъ, причемъ каждый справляетъ свою работу независимо отъ другихъ (Gesellschaftsarbeit); 2) работа совершается смѣннымъ тактомъ (Wechseltakt); или 3) она требуетъ одновременнаго приложенія силъ всѣхъ, причемъ пѣснь дѣйствуетъ, какъ непрерывная команда (Arbeit im Gleichtakt). Въ этихъ случаяхъ напѣвы представляютъ собою или хоровыя или посмѣнныя пѣсни, причемъ въ пѣсняхъ послѣдняго рода запѣвало является въ то же время и передовымъ рабочимъ *).

Анализъ рабочихъ пѣсенъ приводитъ насъ къ экскурсіи въ область исторіи искусства. Мы видимъ трудъ, музыку и поэзію въ тѣсной взаимной связи. Чѣмъ объясняется эта первоначальная связь? Существовали ли эти три элемента раньше независимо одинъ отъ другого, какъ въ наше культурное время, или же они возникли всѣ вмѣстѣ и только позже отдѣлились другъ отъ друга, благодаря продолжительному процессу дифференціаціи?

Отвѣчая на эти вопросы необходимо исходить изъ того общепризнаннаго факта, что первоначально поэзія и музыка были не отдѣлимы другъ отъ друга. Обыкновенно поэзія являлась вмѣстѣ съ тѣмъ и пѣніемъ. Слова и мелодія возникаютъ одновременно; одно безъ другого немыслимо. Но мы уже видѣли, что существеннымъ моментомъ въ этомъ соединеніи представлялся для первобытныхъ народовъ его ритмъ. Ни одинъ языкъ не строитъ своихъ словъ и предложеній по опредѣленному ритму. Поэтому совершенно невѣроятно, чтобы люди на основаніи однихъ только данныхъ языка вдвигали свою рѣчь въ опредѣленные ритмическіе законы. А такъ какъ поэтическая рѣчь не можетъ извлечь ритмъ изъ самой себя, то онъ долженъ быть, взятъ извнѣ. Предполо-

---

*) Къ сожалѣнію, я долженъ отказаться отъ подробнаго разсмотрѣнія рабочихъ пѣсенъ по указаннымъ тремъ категоріямъ, обзору которыхъ посвящены любопытнѣйшія страницы книги проф. Бюхера. (Стр. 38—73 и 118—130). Отъ вниманія нашего ученаго автора не ускользнули также и наши знаменитыя рабочія пѣсни: «Эй, ухнемъ» и «Дубинушка» (страницы 129—130).

женіе, что ритмически сочлененныя рабочія функціи сообщили и образной рѣчи законъ своего собственнаго происхожденія, должно считаться тѣмъ болѣе основательнымъ, что оно находится въ полномъ соотвѣтствіи съ общей склонностью людей сопровождать свои тѣлесныя движенія при тяжелой работѣ звуками рѣчи. И такъ, работа—вотъ источникъ и носитель первобытной народной поэзіи (стр. 78).

Можно указать еще на то, что музыка и поэзія, помимо своего соединенія съ трудомъ, находятся также въ тѣсной связи съ другимъ родомъ тѣлесныхъ движеній, также очень распространенныхъ у дикихъ народовъ, именно съ танцами. Можно даже утверждать, что эта послѣдняя связь отличается болѣе интимнымъ характеромъ: вѣдь у многихъ народовъ для танца и пѣнія существуетъ одно общее выраженіе. Танецъ представляетъ въ гораздо болѣе наглядной формѣ ритмическій строй тѣлесныхъ движеній, между тѣмъ, какъ работа только подъ условіемъ равномѣрной продолжительности—и то не всегда—совершается ритмическимъ путемъ.

Въ противовѣсъ къ этому слѣдуетъ указать на то, что въ танцѣ ритмъ, вообще говоря, можетъ быть разсматриваемъ, какъ нѣчто произвольное, тогда какъ въ работѣ онъ съ необходимостью вытекаетъ изъ нашей внутренней тѣлесной конституціи и изъ техническихъ условій самой работы. Далѣе необходимо имѣть въ виду, что танецъ, по какому бы поводу онъ ни являлся сперва, во всякомъ случаѣ, не можетъ происходить отъ жизненной нужды, какъ работа. Наконецъ, не слѣдуетъ также терять изъ виду того обстоятельства, что многіе танцы первобытныхъ народовъ суть ничто иное, какъ сознательныя подраженія извѣстнымъ рабочимъ процессамъ.

Возвращаясь къ прерванной нити нашего изложенія, мы видимъ, что подошли къ старому, но загадочному вопросу—о происхожденіи поэзіи. У первобытнаго человѣка, дѣйствующаго подъ вліяніемъ непроизвольныхъ импульсовъ и настроенія минуты, не существуетъ,—также какъ и у ребенка,—рѣзкаго различія между работой, игрой и другими родами дѣятельности. Все это переходитъ легко одно въ другое. Такъ точно и рабочая пѣсня легко переносится на другія жизненныя отношенія: она служитъ цѣлямъ пріятельскаго времяпрепровожденія, цѣлямъ праздничныхъ торжествъ и богопочитанія. Пѣсня, взявъ свое первоначальное содержаніе отъ рабочихъ функцій, подвергается затѣмъ дальнѣйшему ритмически-художественному усовершенствованію. Такимъ образомъ возникаютъ тѣ распространенные мимическіе танцы, которые примѣняются даже на службѣ богамъ. При этомъ и самая работа, которую въ обыденной жизни справляютъ въ потѣ лица, символически воспроизводится при торжественныхъ поводахъ въ честь божества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сопровождавшая ее рабочая пѣсня,

которая, конечно, пріобрѣтаетъ постепенно болѣе художественныя формы. Торжества, приноровленныя къ различнымъ работамъ земледѣлія, представляютъ общее достояніе всѣхъ народовъ. Имъ общи торжественныя шествія, мимическіе танцы и пѣніе, служащіе поводомъ къ символическому воспроизведенію тѣхъ работъ и свойственныхъ имъ пѣсенъ, которыя сами собою обращаются въ пѣсни религіознаго культа.

Рожденный естественнымъ путемъ изъ труда, этотъ сложный видъ искусства—тѣлесныя движенія, музыка и пѣніе,—будучи перенесены въ высшія сферы служенія божествамъ, подвергается чисто художественнымъ видоизмѣненіямъ. Это послѣднее сказывается прежде всего въ болѣе разнообразныхъ фигурахъ тѣлесныхъ движеній, затѣмъ—въ большей содержательности пѣсенныхъ текстовъ и мелодій. Наконецъ, то, что раньше было однимъ лишь подражаніемъ рабочему процессу, становится изображеніемъ цѣлой судьбы человѣка, которую одна лишь мимика танцующаго хора болѣе не въ состояніи воспроизвести. На сцену является актеръ,—и такимъ образомъ возникаетъ драма.

Что касается развитія лирической поэзіи, то начинается она съ плясовой пѣсни. Тѣлесныя движенія пляшущаго и сопровождающій ихъ музыкальный инструментъ порождаютъ ритмъ, за которымъ слѣдуетъ экспромптъ пѣсеннаго текста. На второй ступени развитія сопровождаемый музыкою напѣвъ отдѣляется отъ танца; на третьей—исчезаетъ музыкальный аккомпаниментъ. Съ этого времени начинаются сочиненія отдѣльными лицами пѣсенъ на знакомыя мелодіи, переходящихъ затѣмъ въ общее обращеніе. Это періодъ народной пѣсни. Четвертую ступень характеризуетъ разграниченіе между художественной поэзіей и чистой музыкой.

Если упомянуть еще эпосъ, который, несомнѣнно, представляетъ собою болѣе позднюю поэтическую формацію, то намѣченный здѣсь процессъ развитія характеризуетъ переходъ отъ сложнаго къ простому. Подробный анализъ того, какъ это простое снова перешло въ сложное, принадлежитъ къ спеціальной области исторіи искусства. Но если въ процессѣ самостоятельнаго преобразованія музыки и поэзіи отступило на задній планъ то, что первоначально составляло существенный моментъ, уступивъ мѣсто новымъ элементамъ; если каждое изъ этихъ искусствъ слѣдуетъ, повидимому, своему особому закону развитія; если мы теперь не каждую ритмическую рѣчь назовемъ поэзіей и не каждый ритмическій шумъ—музыкой,—то причина этого лежитъ въ томъ, что наши эстетическія понятія и ощущенія съ теченіемъ культурнаго развитія подвергаются такимъ существеннымъ видоизмѣненіямъ, которыхъ значеніе можно себѣ представить, если принять въ разсчетъ смѣну вкусовъ на короткомъ протяженіи одного поколѣнія. Между натуральнымъ ритмомъ стараго, изъ непосредственной жизни рожденнаго и къ этой самой жизни приноровлен-

наго рабочаго, игорнаго и плясового напѣва, съ одной стороны, и современной, произвольно за письменнымъ столомъ сочиненной поэзіей, которая только читается или, въ лучшемъ случаѣ, декламируется, но уже сама по себѣ способна доставить намъ эстетическое наслажденіе,—между этими двумя родами творчества лежитъ такой громадный путь, который и среди культурныхъ народовъ пройденъ лишь наиболѣе образованными людьми. Большая же масса народовъ и въ настоящее время наслаждается поэзіей только въ пѣснѣ. Эстетическое чувство массы нуждается еще въ болѣе сильныхъ средствахъ и не можетъ вполнѣ удовольствоваться одной «поэтической красотой». Это обстоятельство очень важно и упускается обыкновенно изъ виду тѣми изслѣдователями, которые, исходя изъ эстетическихъ понятій культурныхъ народовъ, пытаются найти путь къ происхожденію поэзіи и музыки. Достаточно указать на «Поэтику» В. Шерера, который въ эротическомъ элементѣ видитъ «первичный моментъ» поэзіи, между тѣмъ, какъ по свидѣтельству Гроссе въ его «Anfänge der Kunst», въ поэзіи первобытныхъ народовъ эротическій моментъ почти совершенно отсутствуетъ (стр. 96—97).

Подобно поэзіи, и музыка подлежала постепенному процессу облагороженія и совершенствованія. Перетянутый шкурой горшокъ или хлѣбная ступка представляли собою барабанъ и литавру—эти первоначальные музыкальные инструменты. Рабочіе инструменты подвергаются видоизмѣненіямъ въ интересахъ усиленія тона и облагораженія ритма и постепенно превращаются въ музыкальные инструменты... Но еще нагляднѣе можно прослѣдить тотъ процессъ развитія, въ силу котораго самый трудъ съ теченіемъ времени преобразуется, тѣмъ самымъ болѣе приспособляясь къ орудіямъ труда и потребностямъ времени. Мы встрѣчаемъ первоначально человѣка съ еще очень мало развитыми духовными и физическими силами, когда его работѣ служатъ лишь его собственные члены. Руки и ноги, ногти и зубы—вотъ единственныя орудія его труда. Возникшіе впервые рабочіе инструменты служатъ также только къ усовершенствованію его собственныхъ членовъ. Таково значеніе молотка, представляющаго лишь болѣе нечувствительный кулакъ, или пилы, замѣняющей ногти, или весла, замѣняющаго человѣческую ладонь, и т. д. Какъ на низшей, лишенной всякихъ орудій труда ступени развитія, такъ и на этой болѣе высокой ступени для ритмическаго строя рабочихъ функцій обезпечено широкое поле; на этой—тѣмъ болѣе, такъ какъ примѣненіе рабочихъ инструментовъ помогаетъ еще болѣе ясному обнаруженію ритма труда. Къ звукамъ рабочихъ инструментовъ присоединяется фиксирующій и подражательный тонъ человѣческаго голоса, что, какъ мы уже видѣли, ведетъ къ возникновенію трудовыхъ пѣсенъ.

Извѣстно, какимъ громаднымъ пособіемъ труду, какимъ факто-

ромъ повышающейся энергіи и, можно сказать, жизнерадостности въ работѣ, является еще въ наше время этотъ старый способъ приспособленія человѣческаго генія къ велѣніямъ нужды. Если же мы, напр., присмотримся къ древне-египетскимъ памятникамъ, этимъ грандіознымъ сооруженіямъ, возведеннымъ съ помощію самыхъ простыхъ орудій, то они представятся намъ какъ несомнѣнныя свидѣтельства той необыкновенно возбуждающей и подбодряющей силы, какую ритмъ способенъ оказывать на совмѣстно трудящіяся рабочія массы. Вѣдь для передвиженія громадныхъ частей зданія употреблялись только людскія силы, для обработки статуй—лишь небольшой въ дерево вдѣланный рѣзецъ и небольшой молотокъ, а для полировки—простые куски кварца. Одинъ рельефъ доказываетъ намъ 172 человѣка, впряженныхъ въ статую при посредствѣ четырехъ длинныхъ канатовъ. Для транспорта опредѣленнаго количества камней на протяженіи двухъ дней пути требуется 8,368 рабочихъ. Чѣмъ другимъ, какъ не ритмическимъ строемъ рабочихъ, могъ преодолѣваться этотъ нечеловѣческій трудъ!...

Въ заключительной главѣ своего изслѣдованія (Der Rhytmus als oekonomisches Eutwicklungsprincip) Бюхеръ даетъ свое резюме въ слѣдующихъ выразительныхъ словахъ: Существуетъ лишь одинъ родъ человѣческой дѣятельности, соединяющей въ себѣ трудъ, игру и искусство. Цементомъ, связующимъ эти, повидимому, разнородные элементы, является ритмъ. Этотъ послѣдній вытекаетъ изъ самой органической природы людей. Онъ вліяетъ на естественную дѣятельность животнаго тѣла, какъ регулирующій элементъ для сбереженія силъ... Ритмъ возбуждаетъ чувства удовольствія; онъ поэтому служитъ не только облегченію работы, но источникомъ эстетически пріятнаго и элементомъ того искусства, чувство котораго врождено всѣмъ людямъ. Въ ритмѣ какъ бы сказался самымъ простымъ образомъ на зарѣ исторіи человѣческаго рода тотъ принципъ, который (по Шеффле) повелѣваетъ намъ стремиться къ возможно большей полнотѣ жизни и жизненныхъ наслажденій съ возможно меньшимъ пожертвованіемъ жизненныхъ силъ и энергіи. (Стр. 101).

Съ изобрѣтеніемъ лучшихъ орудій труда и съ увеличивающимся примѣненіемъ силъ природы значеніе ритма и напѣва для труда отступило на второй планъ. Орудія труда дифференцируются, приспособляясь къ каждому спеціальному матеріалу. Трудъ постепенно принимаетъ профессіональныя формы. Но въ отдѣльныхъ профессіяхъ снова скапливается равномѣрный трудъ. Рабочему ритму открывается новое поле, такъ какъ для каждаго ремесла создается особый рабочій тактъ. На болѣе высокой ступени является машина и отнимаетъ у человѣка отдѣльныя его рабочія функціи. Но она еще сохраняетъ отчасти ритмическій строй, такъ какъ старѣйшія машины воспроизводятъ лишь физическія движе-

нія человѣка. Затѣмъ постепенно стараются упразднить безполезныя движенія машины, замѣняя вертикальныя и горизонтальныя ея функціи равномѣрно-круговымъ движеніемъ. Съ этого момента исчезаетъ старая музыка труда. Наступаетъ непріятный оглушительный грохотъ фабрики. Даже тамъ, гдѣ образуются новые рабочіе ритмы, они совершенно отличны отъ старыхъ: орудіе труда становится господиномъ рабочаго и предписываетъ ему мѣру его движеній; онъ лишь рабъ своего инструмента,—и ритмъ потерялъ свою освѣжающую силу.

Въ этомъ заключается изнуряющее и гнетущее дѣйствіе фабричной работы. Работа для трудящагося уже не есть вмѣстѣ съ тѣмъ музыка и поэзія. Производство для рынка не даетъ ему уже личнаго удовлетворенія и славы. Само искусство идетъ на рынокъ и ищетъ заработка. Профессіонально расчлененная дѣятельность не есть игра и наслажденіе, а до горечи серьезное дѣло и нерѣдко болѣзненное лишеніе... Но не слѣдуетъ терять изъ виду и того, что этотъ процессъ развитія далъ человѣчеству. Техника и искусство достигли гигантскихъ размѣровъ производительности. Трудъ сталъ продуктивнѣе, хозяйственныя блага—обильнѣе. И не слѣдуетъ терять надежды на возможность соединенія техники и искусства въ томъ высшемъ ритмическомъ единствѣ, которое снова вернетъ людямъ гармонію ихъ духовнаго и физическаго развитія.

А. Ковровъ.

Изъ Брюссельской университетской жизни.

(*Письмо изъ Бельгіи*).

Въ Брюсселѣ два университета: старый—Université Libre и молодой—Université Nouvelle, существующій всего 4 года. Оба они являются учрежденіями не казенными, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и не оффиціальными, съ тою, впрочемъ, разницей, что старый университетъ получаетъ значительную правительственную субсидію, которою новый не пользуется. Средства на содержаніе послѣдняго составляются изъ постоянныхъ суммъ, предоставляемыхъ въ его распоряженіе сосѣдними къ Брюсселю коммунами: Iselles, Saint-Gilles, Frameries, Paturages, Saint-Josse-ten-Noade и др., изъ частныхъ пожертвованій и платы за право ученія. Извѣстную сумму въ активъ доставляетъ также даровой трудъ большинства профессоровъ.

Исторія возникновенія Université Nouvelle, о которомъ я буду преимущественно говорить *), полна подробностей, ярко характеризующихъ то положеніе, которое онъ занимаетъ въ умственной жизни страны, и тѣ идеи, развитію и упроченію которыхъ онъ служитъ. Вотъ она въ краткихъ чертахъ.

Въ концѣ 80-хъ годовъ Université Libre, основанный 60 лѣтъ тому назадъ, сталъ обнаруживать признаки внутренняго разложенія, выразившагося въ цѣломъ рядѣ поступковъ, весьма мало соотвѣтствующихъ достоинству свободнаго ученаго учрежденія. Напомнимъ читателю, что, по органическому бельгійскому закону, университеты являются здѣсь совершенно независимыми учрежденіями, такъ что все происходящее въ нихъ не можетъ быть относимо на счетъ внѣшнихъ условій, а остается вполнѣ на отвѣтственности ученой коллегіи и административнаго совѣта университета. Это необходимо отмѣтить, для того, чтобы понять негодованіе, съ которымъ общество отнеслось къ попыткамъ университета обратиться въ «мелочную торговлю дипломами и привилегіями», по выраженію извѣстнаго бельгійскаго юриста, сенатора и блестящаго адвоката Пикара (Picard). Université Libre былъ основанъ и пущенъ въ ходъ людьми съ опредѣленнымъ антиклерикальнымъ направленіемъ, и одной изъ его цѣлей было составить противовѣсъ католическому университету Лувена. Но къ намѣченному моменту эта тенденція настолько выдохлась, что молодежь, подготовлявшаяся къ духовной карьерѣ, могла безъ всякаго ущерба и безъ опасности для своихъ воззрѣній посѣщать курсы Université Libre. Въ странѣ подобной Бельгіи, гдѣ католическій клерикализмъ является однимъ изъ могущественныхъ тормазовъ прогресса, такая перемѣна фронта не могла не вызывать нареканій. За отсутствіемъ какихъ

---

*) О новомъ университетѣ существуетъ довольно обширная литература, библіографію которой я приведу сейчасъ же, чтобы не пестрить изложенія выносками.

1) E. Guyot, Role des etudiants dans le conflit universitaire. Brux. 1895; 2) Une nouvelle Université à Bruxelles. «Société Nouvelle». 1894, n° 113; 3) Edm. Picard,—La Nouvelle Université de Bruxelles — «Société Nouvelle» 25 an n° 180; Le conflit universitaire—«Journ. des Tribunaux» n° 1029; Les regles de la discipline à l'Université libre de Bruxelles. Ibidem n° 1030; La legislation sur les examens universitaires et la nouvelle Ecole d'Enseignement superieur. Ibid. n° 1054; рядъ мелкихъ статей въ польской азетѣ Dziennik Poznanski, въ парижскихъ газетахъ «Justice» и «Petite Republique», въ брюссельскихъ «Reforme» и «Chronique»; рядъ статей въ итальянскихъ и испанскихъ органахъ, между прочимъ въ журналѣ «Lux» (Куба) и Il Paiz (Гаванна). Наконецъ, самые послѣдніе факты изъ жизни «Université Nouvelle» сгруппированы въ статьѣ Edm.-Picard—L'Institut des Hautes Etudes de l'Université Nouvelle—«l'Humanité Nouvelle» 1897—Octobre, Novembre et Decembre. Всѣ названныя статьи имѣются въ библіотекѣ университета, любезно предоставленной въ мое распоряженіе. «Université Nouvelle» издаетъ свой собственный журналъ, ведущій обстоятельную хронику университетской жизни.

либо крупныхъ фактовъ, безспорно противорѣчащихъ установившимся традиціямъ, до открытаго проявленія недовольства дѣло, однако, не доходило и все ограничивалось глухимъ раздраженіемъ и массовымъ абсентеизмомъ на лекціяхъ профессоровъ клерикальнаго пошиба. Но «факты» не заставили себя долго ждать и, какъ это часто бываетъ, сыръ-боръ загорѣлся изъ за сравнительно маловажнаго явленія. Курсъ психологіи читался въ Université Libre нѣкіимъ проф. Tiberghien'омъ, очень почтенной личностью, отмѣченной, однако, однимъ существеннымъ недостаткомъ, именно физической и интеллектуальной дряхлостью. Свое философское образованіе онъ получилъ лѣтъ 60 тому назадъ (это не преувеличеніе: профессорская карьера Tiberghien'а началась въ 1847 году). Послѣ разцвѣта наукъ о природѣ и человѣкѣ въ 60-хъ годахъ, послѣ быстрыхъ успѣховъ, осуществленныхъ въ сферѣ экспериментальной психологіи, послѣ работъ Клодъ Бернара, Гитцига, Шиффа, Шарко, Герцена и мн. др., упорствовать на старомъ тряпьѣ 30-хъ годовъ и преподносить его въ 1894 г. было нѣкоторой смѣлостью. Въ довершеніе непріятности положенія, въ которое попадали слушатели психологіи въ теченіе 40 лѣтъ, названный профессоръ никакъ не могъ отыскать себѣ замѣстителя по своему вкусу. Наконецъ, послѣ безплодныхъ 45-лѣтнихъ поисковъ подобный раритетъ былъ обрѣтенъ и допущенъ къ публичной защитѣ диссертаціи, написанной въ явно клерикальномъ направленіи. Это и послужило толчкомъ къ бурнымъ явленіямъ, къ защитѣ тезисовъ диссертаціи мѣрами полиціи и къ прекращенію занятій. Одновременно случился еще одинъ эпизодъ, сыгравшій также крупную роль въ исторіи выдѣленія Université Nouvelle изъ Université Libre. Административный совѣтъ стараго университета, въ одинъ изъ моментовъ затмѣнія, выразилъ одобреніе предложенію двухъ своихъ коллегъ de-Greef'а и H. Denis'а пригласить извѣстнаго географа Элизе Реклю читать постоянный курсъ по всеобщей географіи. Оставалась недѣля до первой лекціи, какъ вдругъ въ университетѣ появилось объявленіе, которымъ курсъ Реклю безъ дальнѣйшихъ церемоній отмѣнялся. Совѣтъ, оказалось, вспомнилъ, что 25 лѣтъ тому назадъ Реклю не поладилъ съ французскимъ правительствомъ, и сыгралъ полное отступленіе. Разумѣется, общественное мнѣніе было страшно возмущено подобнымъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ гордостью всѣхъ французовъ, съ всемірно извѣстнымъ ученымъ, котораго даже не потрудились извѣстить объ интердикціи, наложенной на его будущія лекціи по географіи. Элизе Реклю получилъ адресъ, подписанный самыми блестящими именами литературнаго, научнаго и общественнаго міра Брюсселя, а университетскій конфликтъ разгорѣлся еще больше. Въ огонь подлили масла и онъ забушевалъ съ новой силой, потребовавшей отъ университетскаго совѣта экстренныхъ мѣръ. Тутъ то и сказалось полнѣйшее забвеніе представителями Université Libre всѣхъ прежнихъ традицій. Совѣтъ

предоставилъ студентамъ дилемму: или смириться и вовлечь на лоно «мелочной продажи дипломовъ» или оставить университетъ. Не разсчитывая на успѣхъ своей странной аргументаціи, совѣтъ прибѣгнулъ къ одной воспособительной мѣрѣ. Онъ воззвалъ къ родителямъ студентовъ. Мѣра имѣла шумный успѣхъ, и если бы не нѣсколько десятковъ прошеній объ отставкѣ, поданныхъ студентами и профессорами, политика совѣта могла бы покрыть себя неувядаемой славой. Такъ создалась почва для открытія Université Nouvelle.

Во время конфликта среди нѣсколькихъ профессоровъ и представителей литературно-научнаго міра Брюсселя зародилась мысль создать новый университетъ и такимъ образомъ сдѣлать опытъ влить приготовленное жизнью «новое» вино въ вполнѣ новые мѣхи. Апостоломъ проекта явился уже названный однажды Picard. Зерно новой мысли нашло горячую поддержку въ большинствѣ органовъ мѣстной печати, окончательно возстановленной противъ Université Libre новыми недостойными продѣлками, закончившимися тѣмъ, что, не взирая на торжественное обѣщаніе реформировать statu quo университетской жизни, былъ изданъ рядъ распоряженій еще болѣе реакціоннаго характера. Одна за другой, въ самыхъ различныхъ по оттѣнку органахъ, появилась масса статей, подводившихъ итоги недостаткамъ стараго университета и находившихъ единственный исходъ въ основаніи новаго. Въ нихъ указывалось, что старый университетъ упорно не слѣдитъ за жизнью, что онъ обратился въ очагъ партійныхъ клерикально-реакціонныхъ идей, что онъ надѣваетъ тяжелыя цѣпи на индивидуальность профессоровъ и студентовъ, что въ угоду рутинѣ онъ ставитъ распространенію идей массу совершенно ненужныхъ стѣсненій, что въ отношеніяхъ къ обществу его дѣйствія насквозь протканы сухимъ бюрократизмомъ и формализмомъ. Общество, привыкшее и желающее видѣть въ университетѣ посредника между наукой и жизнью, не въ силахъ вести съ нимъ борьбу, не имѣя въ рукахъ одинаковаго оружія. Нужно было, наконецъ, подумать и о тѣхъ молодыхъ силахъ, которыя открыто заявили о своемъ нежеланіи идти одной дорогой съ руководителями Université Libre; слѣдовало создать для нихъ учрежденіе, гдѣ одни могли бы найти для себя аудиторію, а другіе возможность усвоить не фальсифицированныя научныя истины. Выходъ изъ такого положенія единогласно и единодушно указывался одинъ: собрать всѣ наличныя, непримиримыя со старымъ университетомъ научныя силы и организовать новый университетъ, въ которомъ могли бы себѣ свить гнѣздо идеи и принципы, усиліями разума очищенные отъ противорѣчій, предразсудковъ и ошибокъ стараго пепелища. Чѣмъ чаще повторялась эта смѣлая мысль, тѣмъ большее вниманіе и сочувствіе она возбуждала во всѣхъ, страдавшихъ отъ политики стараго университета. Въ первый разъ она была высказана въ мартѣ 1894 г., и уже въ началѣ мая организаторы сгруппировали около себя 60 человѣкъ профессоровъ и

ученыхъ, частью распрощавшихся со старымъ университетомъ, частью навербованныхъ и предложившихъ свои услуги изъ другихъ городовъ и странъ. Среди нихъ публика находила имена обоихъ Реклю, де-Греефа, Пикара, Вандервельде и много другихъ. На первое время организаторы располагали 60-ью тысячами франковъ, собранныхъ частными пожертвованіями. Съ этими скромными средствами и было приступлено къ осуществленію смѣлой идеи. Еще прошло три-четыре мѣсяца упорнаго организаторскаго труда и къ октябрю 1894 года въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Université Libre открылся Université Nouvelle, располагавшій въ первомъ году всего двумя факультетами: юридическимъ и философскимъ *). На своемъ знамени **) новый университетъ начерталъ нѣсколько простыхъ скромныхъ истинъ, обѣщая никогда и ни въ какомъ случаѣ не идти противъ нихъ. Университетъ, по замыслу учредителей, долженъ былъ олицетворить собою мѣсто проповѣди научныхъ истинъ, открытое для всѣхъ, кто ищетъ не диплома и не карьеры, а знаній и умѣнія мыслить, жить и дѣйствовать по справедливости. Свобода преподаванія, направляемаго новѣйшими методами, выработанными наукой, полная свобода ученія, основанная на искреннемъ стремленіи къ знанію, неприкосновенность какихъ бы то ни было убѣжденій, безпрепятственный доступъ въ университетскія аудиторіи всѣхъ и каждаго безъ различія языка, племени и вѣрованій, наконецъ, отсутствіе всякихъ рутинныхъ стѣсненій—вотъ пункты, выставленные на знамени университета и ни разу имъ не нарушенные за все время существованія. Что касается содержанія преподаваемаго, то въ этой области руководители университета исходили изъ нѣсколькихъ основныхъ положеній. По ихъ мнѣнію, всякое образованіе, а тѣмъ болѣе высшее, должно быть соціальнымъ, т. е. подготовлять учащихся къ широкой общественной дѣятельности. Затѣмъ пребываніе въ университетѣ должно имѣть результатомъ не только усвоеніе фактическихъ знаній, но, что гораздо важнѣе, формировку убѣжденій и общаго міросозерцанія. Съ такимъ то опредѣленнымъ идейнымъ багажомъ Université Nouvelle выступилъ на тернистый путь завоеванія симпатій и

---

*) Медицинскій и естественный открыты въ 1895 г. Затѣмъ послѣдовательно организованы и пущены въ ходъ: гигіеническій институтъ, институтъ общаго высшаго образованія (въ теченіе года читается болѣе 50 курсовъ по разнымъ предметамъ высшаго образованія), политехническій факультетъ, институтъ естественной исторіи, наукъ, искусствъ и ремеслъ и промышленный институтъ.

**) Profession de foi университета изложено въ рѣчахъ *Edm. Picard'a*: Le but, les tendances, l'organisation de l'Université Nouvelle, *Enrico Ferri*—La science et la vie au XIX siècle, *de-Greef'a*—L'enseignement integral et la philosophie positive, произнесенныхъ въ разные годы при торжественныхъ открытіяхъ занятій въ университетѣ. Формулировка цѣлей и стремленій Université Nouvelle заимствована мною изъ названныхъ статей почти дословно.

борьбы съ предразсудками. На первыхъ же шагахъ ему пришлось выдержать ожесточенную схватку съ застрѣльщиками Université Libre, почувствовавшими въ новомъ учрежденіи непримиримаго и неустаннаго противника, и главное конкурента. Начались задиранія, ядовитые намеки, клеветническія выходки въ печати, въ публичныхъ лекціяхъ, въ засѣданіяхъ различныхъ обществъ и учрежденій. Если дѣло не доходило до доносовъ, то только потому, что въ Бельгіи для существованія института доносовъ нѣтъ благопріятной почвы *). Словомъ, пришлось воевать не на шутку. Молодое учрежденіе не отказывалось отъ полемики и на каждую выходку противниковъ старалось отвѣчать подробнымъ изложеніемъ своихъ принциповъ и упованій.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, протекшихъ съ тѣхъ поръ, новый опытъ въ эволюціи университетскаго дѣла былъ поставленъ на прочную почву. Въ настоящее время среди своихъ профессоровъ Université Nouvelle насчитываетъ нѣсколько всемірно извѣстныхъ именъ и еще больше людей идеи, беззавѣтно и страстно преданныхъ дорогому, тяжкимъ личнымъ трудомъ созданному дѣлу. Нѣсколько сотъ мужчинъ и женщинъ, съѣхавшихся изо всѣхъ странъ земного шара, слушаютъ регулярныя лекціи на пяти факультетахъ, болѣе тысячи человѣкъ посѣщаютъ вечерніе курсы по различнымъ предметамъ высшаго образованія, организованные при университетѣ. Каждый годъ приноситъ ему новые успѣхи, одаряетъ его новыми силами, самоотверженно трудящимися надъ поддержаніемъ и развитіемъ одного изъ знаменательнѣйшихъ созданій духа вѣка. Рѣдки и очень рѣдки учрежденія, въ которыя группы тружениковъ, связанныхъ лишь единствомъ убѣжденій, вносили бы не только трудъ, но и значительныя матеріальныя средства, не надѣясь когда-либо получить обратно ихъ эквивалентъ. Но особая исключительность даннаго явленія позволяетъ надѣяться, что на немъ не оправдается эмпирическое правило о неживучести идейныхъ предпріятій, что это созданіе чистой идеи оправдаетъ возлагаемыя на него широкія надежды и сыграетъ крупную роль какъ въ сближеніи науки и жизни, такъ и въ умственной эволюціи и объединеніи многихъ культурныхъ странъ.

Большинству русскихъ читателей настолько хорошо извѣстны

*) Ярость нападокъ Université Libre станетъ понятной, если сказать, что въ первый же годъ функціонированія новаго университета, старый потерялъ почти всѣхъ своихъ иностранныхъ слушателей, числомъ болѣе ста. Въ слѣдующіе годы потери достойной ученой коллегіи увеличились, а 30—40 т. франковъ слишкомъ лакомый кусочекъ, чтобы отнестись спокойно къ ихъ исчезновенію. Впрочемъ, старому университету пришлось понести потери и не матеріальнаго характера. Послѣ кризиса 1894 г., когда его покинула цѣлая группа профессоровъ, ему въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ пришлось видѣть еще нѣсколько единичныхъ случаевъ ухода талантливыхъ профессорскихъ силъ, водворявшихся въ Новомъ университетѣ.

имена представителей Université Nouvelle: Э. Реклю, де Греефа, М. Ковалевскаго, Э. Ферри, что рекомендовать ихъ совершенно излишне. Какъ то само собою разумѣется, что носители названныхъ именъ не могли бы отдавать свои силы предпріятію, сомнительному въ научномъ или общественномъ смыслѣ. Поэтому, я чувствую себя совершенно вправѣ, минуя характеристику профессорскаго состава, перейти прямо къ обрисовкѣ нѣкоторыхъ особенностей организаціи новаго брюссельскаго университета, играющихъ роль тона въ музыкѣ.

Большинство черточекъ, играющихъ въ университетскихъ организаціяхъ большинства странъ роль пережитковъ сѣдой старины, здѣсь сглажены или уничтожены. Вообще, даже и для невнимательнаго взора, всюду видно стремленіе пересмотрѣть всѣ стороны прежней организаціи и перестроить ихъ на новый ладъ, болѣе согласно съ ходомъ жизни и науки. Въ качествѣ большой уступки сохранено дѣленіе на факультеты, но и эта уступка времени смягчается преподаваніемъ общественныхъ наукъ на всѣхъ факультетахъ. Такъ, напр., на юридическомъ факультетѣ, кромѣ политической экономіи, читается курсъ общей соціологіи (и курсъ исторіи философіи); на естественномъ факультетѣ читается курсъ этики; кромѣ того, всѣмъ слушателямъ рекомендуется посѣщать вечерніе курсы по общественнымъ наукамъ. Росписаніе главнѣйшихъ изъ нихъ на нынѣшній годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

a) Эволюція экономическаго строя.	М. Ковалевскій.
b) Аграрный вопросъ	Вандервельдъ.
c) Криминальная соціологія.	Энр. Ферри.
d) Курсъ общей соціологіи.	Де Греефъ.
e) Соціальный вопросъ.	Бруесъ.
i) Соціальная гигіена.	Бонмарьяжъ.
k) Статистика.	Винкъ.

и т. д.

Лекціи имѣютъ форму бесѣдъ и не только по замыслу, но и въ дѣйствительности. Сопровождаются онѣ не сухими библіографическими ссылками, а къ дѣлу притягивается обыкновенно литература предмета, штудированію которой посвящаются цѣлые часы. Профессора держатъ себя безъ излишней помпезности; слушателямъ предоставлено право прерывать лектора и даже—horribile dictu—вступать въ препирательства. Результатомъ всего является тотъ завидный фактъ, что абсентеизмъ есть зло завершенно неизвѣстное въ Новомъ Университетѣ. Въ числѣ нововведеній, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить уменьшеніе числа лѣтъ до трехъ на юридическомъ и естественномъ факультетахъ. Напротивъ, на медицинскомъ курсъ удлиненъ обычаемъ прослушать предварительно первый курсъ естественнаго факультета. Затѣмъ заслуживаетъ вниманія организація экзаменовъ. Каждый студентъ имѣетъ право

держать экзамены по какимъ угодно предметамъ и когда угодно причемъ можно держать сразу за два и даже за три года. Вообще, рѣшающая роль въ экзаменаціонномъ дѣлѣ предоставлена способностямъ и прилежанію учащихся, а вовсе не произвольно установленнымъ правиламъ и обычаямъ. Что касается до слушанія лекцій, то каждый уплатившій деньги за право слушанія можетъ присутствовать всюду, гдѣ пожелаетъ. Это право не остается пустымъ звукомъ: напротивъ, очень часто можно наблюдать студентовъ всѣхъ факультетовъ на общеинтересныхъ лекціяхъ. Вообще, учащіеся, особенно иностранцы, составляющіе, къ слову сказать, главный контингентъ студентовъ Université Nouvelle, относятся чрезвычайно усердно къ занятіямъ. Вполнѣ объективное доказательство послѣдняго утвержденія можно видѣть въ результатахъ окончательныхъ экзаменовъ, производимыхъ правительственными коммиссіями *). Изъ 15 юристовъ второго доктората (т. е. послѣдняго курса), державшихъ въ прошломъ году эти экзамены, 14 получили дипломы, изъ 14 естественниковъ, выдержавшихъ оказалось 12, наконецъ, изъ 4 человѣкъ, получившихъ степень доктора медицины, трое получили образованіе въ Новомъ Университетѣ и всего одинъ въ Université Libre (держали экзамены 12 чел., по 6 изъ каждаго университета). Успѣшность результатовъ выступитъ еще рельефнѣе, если вспомнить, что $^9/_{10}$ студентовъ Université Libre—иностранцы, пріѣзжающіе обыкновенно безъ знанія языка. Составъ студентовъ вообще чрезвычайно разношерстный. По записямъ въ администраціи университета видно, что тутъ есть французы, нѣмцы, венгры, голландцы, шведы, болгары (особенно много), сербы, румыны, греки, русскіе, испанцы, итальянцы, случайные пришельцы изъ Австраліи, Бразиліи, Чили, съ острова Кубы, изъ Японіи, словомъ, народностей немногимъ развѣ меньше, нежели при вавилонскомъ столпотвореніи, а между тѣмъ столпотворенія въ ходячемъ смыслѣ этого слова не выходитъ...

Разношерстности студенческаго состава до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ разноплеменность профессоровъ, но семью тѣмъ не менѣе они составляютъ дружную. (Всѣхъ профессоровъ въ Univ. Nouvelle болѣе ста. Изъ русскихъ, кромѣ М. Ковалевскаго, читаютъ и будутъ читать еще: де Роберти, Щукинъ и Бланковъ). Всѣхъ ихъ объединяетъ общность убѣжденія въ необходимости приблизить науку къ жизни. Краснорѣчивѣйшимъ выраженіемъ ихъ воззрѣній на этотъ предметъ можетъ послужить рѣчь Э. Ферри: «Наука и жизнь въ XIX вѣкѣ», произнесенная на торжествѣ открытія занятій въ 1897 году. Отъ лица всѣхъ своихъ товарищей Ферри поставилъ во главу угла своей рѣчи слѣдующее положеніе. «Я знаю,

*) Эти коммиссіи состоятъ на $^2/_3$ изъ профессоровъ другихъ университетовъ, враждебныхъ новому, а слѣдовательно, если и могутъ быть заподозрѣны, то только въ излишней придирчивости къ его студентамъ.

говорилъ онъ, что 19-ый вѣкъ есть вѣкъ исключительно-блестящаго расцвѣта наукъ и искусствъ, техники и промышленности; я знаю, что онъ оставитъ на туманномъ фонѣ человѣческой исторіи болѣе яркій, сверкающій слѣдъ, нежели вѣка Перикла, Цезаря-Августа и итальянскаго Возрожденія, но я всетаки скажу, что центръ тяжести этого историческаго блеска не столько въ ежедневныхъ чудесныхъ практическихъ и теоретическихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, сколько въ незамѣтномъ, но прогрессивно растущемъ сближеніи науки и жизни. Что такое наука, искусство, техника, промышленность, сами по себѣ? Не обладаютъ ли они значеніемъ лишь постольку, поскольку служатъ жизни? Да, и притомъ—поскольку служатъ жизни всего человѣчества!»...

Съ этой точки зрѣнія ораторъ разсмотрѣлъ общее движеніе и отдѣльныя теченія науки и жизни въ 19-мъ столѣтіи и особенно долго остановился на развитіи соціальной науки. Послѣ разбросанныхъ и почти не объединенныхъ открытій начала столѣтія, сказалъ онъ, послѣ случайныхъ проблесковъ научнаго синтеза и безсистемныхъ лихорадочныхъ возбужденій соціальнаго движенія, въ срединѣ вѣка умственную власть на исторической сценѣ захватила позитивная система Огюста Конта. Отдѣльные пѣнистые и бурные потоки чувства и мысли слились тогда въ величественное теченіе эволюціонизма, а на тронѣ идейной жизни человѣчества появилась царица знанія—соціологія, усыпая свой путь цвѣтами надежды на лучшее будущее. На развитіе самой человѣчной науки, науки объ обществѣ и индивидуумѣ въ обществѣ, возлагали очень много надеждъ, но, съ болью въ сердцѣ, необходимо признать, что эти надежды остались въ большей своей части неоправданными. Соціологія усвоила себѣ ошибочное убѣжденіе, будто данный строй человѣческаго общества не есть только одна изъ безчисленныхъ фазъ общественной эволюціи, а нѣчто окончательное, упроченное, неизмѣняемое. Она остановилась на изученіи явленій и отношеній даннаго строя и не заглядываетъ въ будущее. Вредныя черты этого иллюзорнаго убѣжденія усиливаются еще попытками перенести въ область соціальной науки тотъ абсолютный объективизмъ, который составляетъ наиболѣе характерную черту «науки для науки», науки, не ищущей благодѣтельнаго приложенія къ жизни. Объективизмъ частью необходимъ, частью допустимъ въ низшихъ областяхъ знанія, но въ наукѣ объ обществѣ онъ есть страшное зло. Въ ея области человѣкъ не имѣетъ права оставаться только наблюдателемъ, но долженъ быть и справедливымъ судьей...

Далѣе въ своей рѣчи Ферри развивалъ ту мысль, что наука только до тѣхъ поръ не вступаетъ на путь заблужденій и ошибокъ, пока слѣдитъ за нуждами дѣйствительности, пока прислушивается къ малѣйшимъ содроганіямъ жизни, и закончилъ приглашеніемъ всѣмъ воинамъ интеллектуальной арміи, собравшимся на торжество,

принять девизомъ девизъ новаго университета: Avec la science pour la vie meilleure de l'humanité!

Нужно отдать справедливость новому университету: онъ дѣлаетъ для приближенія науки къ жизни гораздо больше, нежели можно дѣлать безъ крайняго напряженія силъ. Девять мѣсяцевъ въ году его аудиторіи ежедневно служатъ распространенію знаній путемъ публичныхъ лекцій. Громадное большинство этихъ лекцій совершенно безплатно, плата за остальныя совершенно ничтожна.

Вотъ списокъ вечернихъ платныхъ курсовъ (около 250 лекц., 40 фр., около 15 р. за все), организованныхъ для лицъ, ищущихъ высшаго образованія.

1. Позитивная эстетика.
2. Исторія искусства.
3. Исторія искусства въ періодъ возрожденія.
4. Исторія французскаго краснорѣчія.
5. Возрожденіе театра.
6. Комедіи, трагедіи и драмы Шекспира.
7. Французскій романъ до Бальзака.
8. Исторія музыки.
9. Первые итальянскіе живописцы.
10. Исторія архитектуры.
11. Исторія книги.

---

12. Исторія философіи.
13. Общая исторія науки (первая часть).
14. Эволюція морали.
15. Философія науки.

---

16. Общая соціологія.
17. Болѣе полный курсъ соціологіи.
18. Соціальный вопросъ.
19. Аграрный вопросъ.
20. Эволюція экономич. строя.
21. Криминальная соціологія.
22. Курсъ криминологіи.
23. Соціальная гигіена.
24. Проблемы современной эпохи.
25. Статистика.
26. Географія и исторія географіи.
27. Эволюція религій.
28. Египтологія.
29. Исторія математики.
30. Исторія физики.

---

31. курсы испанскаго и итальянскаго
32. языковъ.

Мих. Безсоновъ.

Литература и жизнь.

Рождественская сказка г. Буквы.—Нѣчто о Некрасовѣ.—Запрещеніе «Новаго Слова».

Съ нѣкотораго времени въ нашихъ газетахъ, сначала столичныхъ, а потомъ и провинціальныхъ, завелся обычай наполнять Рождественскіе номера разсказами, очерками, большею частью фантастическаго содержанія. Совершенно условный характеръ этого рода произведеній ставитъ ихъ совсѣмъ особо въ литературѣ, и было бы небезъинтересно пересмотрѣть большую или меньшую ихъ коллекцію. Это былъ бы, можетъ быть, недурной матеріалъ для провѣрки высказаннаго когда то Тургеневымъ мнѣнія о бѣдности современной нашей беллетристики фантазіей, «выдумкой». Я не возьму, однако, на себя этой задачи и остановлю вниманіе читателя только на двухъ изъ прочитанныхъ мною разсказовъ, да и то по соображеніямъ совершенно посторониимъ и вовсе, такъ сказать, не рождественскимъ.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано нѣсколько рождественскихъ «сказокъ» г. Буквы. Одна изъ нихъ называется «Концертъ съ приключеніемъ».

Въ годовщину смерти извѣстнаго поэта устроенъ былъ на рождественскихъ праздникахъ благотворительный литературно-музыкальный вечеръ. Публика собралась «очень зажиточная и нарядная, въ значительной части свѣтская. У подъѣзда хлопали каретныя дверцы, на площадкахъ лѣстницы ливрейная челядь укладывала на скамейки и подоконники дорогія дамскія ротонды, военныя шинели съ серебристыми бобровыми воротниками и мужскія шубы изъ легкихъ и теплыхъ мѣховъ; у входа въ залу шелковыя платья волновались и шуршали, въ воздухѣ растворялся смѣшанный ароматъ разныхъ сильныхъ экзотическихъ духовъ. День былъ избранъ для вечера на праздникахъ глухой, безъ другихъ заманчивыхъ афишъ, и тутъ собралась публика итальянской оперы, французскихъ бенефисовъ, филантропическихъ увеселеній и цирковыхъ «субботъ», разбавленная нѣкоторымъ контингентомъ солиднаго чиновничества и франтоватой учащейся молодежи». На эстрадѣ стоялъ бюстъ покойнаго поэта, окруженный оранжерейными растеніями, и его портретъ на мольбертѣ. Но публика, повидимому, мало обращала на нихъ вниманія. Вяло и холодно встрѣтила она и перваго лектора, читавшаго характеристику поэта; вяло и холодно прослушала нѣсколько музыкальныхъ номеровъ. Распорядитель вечера былъ въ отчаяніи. Наступила очередь чтеца—«довольно извѣстнаго

поэта», который долженъ былъ читать стихи знаменитаго покойника.

Чтецъ поднялся на эстраду и сталъ у каеедры, лицомъ къ портрету на мольбертѣ. Запоздавшая въ антрактѣ публика еще усаживалась. Кто-то хрипло кашлялъ. Нѣсколько участвующихъ хлопками проводили поэта на эстраду. Хлопки были дружескіе, но вышли довольно жалкимъ нарушеніемъ холодной тишины, водворившейся въ залѣ. Поэтъ, чувствуя легкое стѣсненіе въ горлѣ, откашлялся. Сердце билось у него отъ волненія торопливыми, дробными сокращеніями и учащало дыханіе. Чтецъ началъ:

Умру я скоро. Жалкое наслѣдство,
О, родина, оставлю я тебѣ.
Подъ гнетомъ роковымъ провелъ я дѣтство
И молодость въ мучительной борьбѣ.
. . . .

Декламаторъ читалъ съ памяти. Онъ слушалъ упавшія, неровныя ноты своего голоса и смотрѣлъ въ упоръ на портретъ. И вдругъ, на ходу чтенія, еще задолго до конца, поэтъ съ испугомъ замѣтилъ, что съ нимъ происходитъ нѣчто необыкновенное. Уста его механически воспроизводили давно знакомые стихи, но мысль и вниманіе поэта приковалъ къ себѣ портретъ. Отъ него исходила струя гипнотизирующаго воздѣйствія. Зала какъ-то и куда-то пропала, портретъ ожилъ. Онъ смотрѣлъ совсѣмъ матеріальнымъ, суровымъ, упрекающимъ взоромъ, лицо покойнаго стало рельефнымъ, отодвинулось отъ портретнаго фона, выступило изъ рамы, и чтецу показалось, что онъ слышитъ, прямо надъ своимъ ухомъ, чьи-то слабыя, очень слабыя, точно изъ подъ водяной глуби выходящія, но раздѣльныя слова:

— Къ чему вы меня тревожите и передъ кѣмъ, для чего мои признанія бередите?

У декламатора помутилось въ глазахъ. Память ему измѣнила, горло сжалось судорогою. Поэтъ вдругъ остановился, внезапно оборвалъ неконченный стихъ, повторилъ его растеряннымъ, ученическимъ тономъ и умолкъ. Его кто-то дернулъ сзади за фрачную полу... Онъ поднялъ похолодѣвшую руку къ горячему лбу, съ нажимомъ провелъ ею отъ виска до виска, пробормоталъ какія-то несвязныя, пропавшія для слушателей слова и, съ недоумѣніемъ и съ испугомъ увидѣвъ передъ собою сплошную массу невѣдомыхъ лицъ, на которыхъ застыла ироническая улыбка, вызванная курьезнымъ приключеніемъ, пошатнулся назадъ и снопомъ упалъ въ обморокъ.

Это было напечатано въ Москвѣ 25 декабря и могло служить дурнымъ предзнаменованіемъ для литературно-музыкальнаго вечера въ память Тургенева и Некрасова, происходившаго въ Петербургѣ 27 декабря, въ двадцатую годовщину смерти Некрасова. По крайней мѣрѣ, я, признаюсь, шелъ на вечеръ, подъ впечатлѣніемъ «рождественской сказки» г. Буквы, въ очень пессимистическомъ настроеніи. Я хорошо помню дни 28 и 29 декабря 1877 г., когда квартира Некрасова осаждалась людьми всякаго званія и возраста; помню и холодный, ясный день 30 декабря, день похоронъ поэта,—многочисленные вѣнки передъ гробомъ, безчисленную толпу за гробомъ, «надгробныя рыданія»... Помню неловкую сцену на могилѣ, когда Достоевскій, воздавая хвалу покойнику, поставилъ его непосредственно послѣ Пушкина и Лермонтова, а изъ толпы слушателей раздались крики: «нѣтъ, выше!»... Но вѣдь это двадцать лѣтъ тому

было, а позорно коротка наша память. И если двадцать лѣтъ тому назадъ пылкіе люди могли, въ моментъ энтузіазма скорби, ставить Некрасова, какъ поэта, выше Пушкина и Лермонтова; если такая величина, какъ Достоевскій, воздавалъ хвалу не только духу поэзіи Некрасова, а и «безсмертной красотѣ» нѣкоторыхъ его произведеній,—то нынѣ такое ничтожество, какъ г. Льдовъ, съ спокойною увѣренностью пишетъ: «Каждое новое произведеніе Некрасова заучивалось наизусть молодежью, съ увлеченіемъ декламировалось въ интеллигентныхъ кругахъ и съ подмостковъ. Обаяніе его имени и дарованія водворилось столь властно, что казалось почти кощунствомъ и безуміемъ оспаривать поэтическія достоинства модныхъ стихотвореній. Но прошло всего двадцать лѣтъ и отъ преклоненія этого почти не осталось слѣда»... Что, если правъ поэтъ «Сѣвернаго Вѣстника» и на литературномъ вечерѣ въ память Некрасова произойдетъ нѣчто подобное тому, что разсказано въ рождественской сказкѣ г. Буквы? Что, если участники вечера услышатъ замогильный голосъ поэта: «Къ чему вы меня тревожите и передъ кѣмъ, для чего мои признанія бередите?».

И что мудренаго? Въ двадцать лѣтъ много воды утекло, «волна на волну набѣгала, волна погоняла волну»; много новыхъ звѣздъ загоралась на небѣ русской поэзіи,—загоралось и тухло; и какія это были по большей части гордыя, самодовольныя звѣзды. Онѣ называли себя «пѣвцами небесъ», а насъ «чернью скучной и презрѣнной» и утверждали, что «поцѣлуи поэта священны»; онѣ «любили себя, какъ Бога» и видѣли въ своихъ произведеніяхъ «внушенія непостижимаго мірового начала»; онѣ «завѣщали свои книги вѣчности и искусству»... Что мудренаго, если забыта «блѣдная, въ крови» «муза мести и печали» и рыдающіе звуки какого нибудь «Рыцаря на часъ» не вызовутъ отзвука въ сердцахъ слушателей...

Къ счастію, чортъ оказался не такъ страшенъ, какъ его намалевалъ г. Льдовъ, и горькая сказка г. Буквы не осуществилась въ дѣйствительности. Я пропустилъ первую половину вечера, посвященную Тургеневу, да и не особенно интересовался ею: горячіе споры о Тургеневѣ, о его достоинствахъ и недостаткахъ, значеніи и ошибкахъ, когда то происходившіе на страницахъ нашей журналистики, давно прекратились. Тургеневъ есть общепризнаный великій художникъ, краса и гордость русской литературы. Не то Некрасовъ: вотъ г. Льдовъ и посейчасъ горитъ желаніемъ нанести оскорбленіе тѣни поэта, какъ поэта, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ «Московскія Вѣдомости» произвели цѣлое слѣдствіе надъ нимъ, какъ человѣкомъ, причемъ къ дѣйствительнымъ его грѣхамъ прибавили цѣлую кучу злобной клеветы и вздорныхъ сплетенъ. И, принимая въ соображеніе все это въ совокупности,—и нашу позорно короткую память, и волны, набѣгающія на волны, и самодовольную гордость новыхъ звѣздъ, и злобу клеветы и сплетни,—я былъ глубоко растроганъ видомъ зала кредитнаго общества въ двадцатую годов-

щину смерти Некрасова. По словамъ одной газеты, нѣкоторые номера вызвали «такую бурю среди публики, что стѣны кредитнаго общества дрожали, а стекла дребезжали». Это, конечно, гипербола, но если въ рождественской сказкѣ г. Буквы распорядитель концерта жалуется, что «давно не видалъ такой ледяной залы», то распорядитель вечера 27 декабря навѣрное не часто видѣлъ «такую горячую залу»: громы аплодисментовъ, сіяющія восторгомъ лица, «внезапно хлынувшія слезы»... И если-бы кому нибудь почудился въ теченіе вечера замогильный голосъ поэта, такъ навѣрное не то сказалъ бы онъ, что въ сказкѣ г. Буквы, а послѣднее (буквально послѣднее) обращеніе къ Музѣ:

Пускай я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба—
Не плачь! завиденъ жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами;
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
. . . .

Среди газетныхъ замѣтокъ, посвященныхъ памяти Некрасова по случаю двадцатой годовщины смерти Некрасова, я нашелъ двѣ, на которыхъ стоитъ остановиться.

Въ «Новомъ Времени» (24 дек.) напечатана статья г. А. Голубева «Памяти Николая Алексѣевича Некрасова». Авторъ разсказываетъ слѣдующее. Вскорѣ послѣ смерти Некрасова, онъ, г. Голубевъ, издалъ посвященную памяти поэта книжку, весь чистый доходъ съ которой былъ назначенъ на лучшее устройство школы, находящейся на мѣстѣ родины поэта и пользовавшейся его покровительствомъ. Вырученныя деньги предполагалось передать сестрѣ Некрасова, но она въ 1882 г. умерла, и г. Голубеву пришлось самому познакомиться съ упомянутой школой. Въ исторіи этой школы есть одинъ неясный для меня эпизодъ, который я поэтому передамъ подлинными словами г. Голубева.

«Родовая усадьба Некрасовыхъ расположена верстахъ въ 20-ти отъ Ярославля, на старомъ костромскомъ трактѣ, при деревнѣ Грѣшнево, крестьяне которой были крѣпостными Некрасовыхъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ Грѣшнева лежитъ погостъ Абакумцево, гдѣ и находится приходская церковь. Въ Абакумцевѣ былъ священникомъ о. Іоаннъ Григорьевичъ Зыковъ, рано овдовѣвшій. Онъ часто бывалъ въ помѣстьи Некрасовыхъ и Н. А. Некрасовъ не разъ предлагалъ ему завести школу. Она была устроена въ 1859 году, при чемъ однимъ изъ крестьянъ было безплатно дано помѣщеніе для школы, а Н. А. Некрасовъ изъ своихъ средствъ давалъ отъ 50 до 70 руб. въ годъ. Учительствовалъ мѣстный дьячокъ, которому платилось по 5 руб. въ мѣсяцъ; въ школу ходило до 130 учениковъ,

и это обѣщало прочное развитіе новому дѣлу. Но сосѣдняя помѣщица Набокова была вовсе не изъ числа лицъ, сочувствовавшихъ народившейся школѣ, и принялась хлопотать, чтобы «попа, морочащаго ребятъ школою, изгнать, а мужика, дающаго помѣщеніе школѣ, выпороть». Пришлось школу перевести, ибо посланный Набоковою бурмистръ выбросилъ изъ помѣщенія школы всю мебель. Ее устроили въ домѣ дьячка, гдѣ она и существовала четыре года. О. І. Зыковъ искалъ у Н. А. Некрасова покровительства и заступы противъ притѣсненій школы Набоковою. Вотъ что отвѣчалъ ему Н. А., 9-го января 1861 г.:

«Почтеннѣйшій отецъ Іоаннъ! По случаю нездоровья и по множеству собственныхъ дѣлъ, скопившихся къ новому году, я не успѣлъ до сей поры ни написать г-жѣ Набоковой, ни послать просьбу къ директору ярославскихъ училищъ. Все это на-дняхъ сдѣлаю, а пока не безпокойтесь. Если вамъ нужны деньги — увѣдомьте: тотчасъ вышлю. Душевно преданный Н. Некрасовъ».

Г. Голубевъ приводитъ еще два письма Некрасова къ священнику, изъ которыхъ видно, что покойный поэтъ, разными способами помогавшій школѣ, обращался, между прочимъ, и къ директору ярославскихъ училищъ, но о г-жѣ Набоковой болѣе не упоминается. Какое право имѣла эта «сосѣдняя помѣщица» не только «хлопотать» объ томъ, чтобы «попа изгнали», а «мужика выпороли», но и посылать своего бурмистра для разгрома школы,—непонятно. Дальнѣйшая исторія школы такова: въ 1872 г. Некрасовъ принялъ званіе попечителя школы, и въ томъ же году она водворилась въ новомъ собственномъ помѣщеніи; въ 1873 г. земство приняло на себя расходы на учебныя пособія и жалованье учителю и законоучителю. Со смертью Некрасова школѣ покровительствовала его сестра, умершая, какъ сказано, въ 1882 г. Въ 1884 г. посѣтилъ школу г. Голубевъ и, познакомившись съ о. Іоанномъ Зыковымъ, направлялъ вырученныя отъ продажи изданной имъ книжки деньги «въ полное распоряженіе этого замѣчательнаго и и симпатичнаго пастыря, который съ горячею заботливостью и вниманіемъ относился къ сельской школѣ до конца дней своей жизни». Онъ умеръ въ 1892 г. При жизни о. Іоаннъ высказывалъ мечту о пріобрѣтеніи всего имѣнія Некрасовыхъ для образцовой народной школы. Онъ даже дѣлалъ попытки вести объ этомъ переговоры съ наслѣдниками, но не хватало средствъ. Между тѣмъ въ 1886 году имѣніе было пріобрѣтено ростовскимъ крестьяниномъ Титовымъ, который вблизи бывшей барской усадьбы, на самой трактовой дорогѣ, выстроилъ двухъ-этажный домъ съ кабакомъ и трактиромъ, назвавъ свое «заведеніе» «Раздольемъ». Появленіе титовскаго заведенія на мѣстѣ родины поэта возмущало о. Іоанна, но онъ все еще продолжалъ надѣяться, что въ Грѣшневѣ когда-нибудь будетъ устроено что-либо для истинной народной пользы, и въ ноябрѣ 1888 года онъ писалъ г. Голубеву, что «Раздолье» недолговѣчно,

такъ какъ съ открытіемъ движенія по новой желѣзнодорожной линіи Ярославль-Кострома старый костромской трактъ закрытъ и движенія по немъ не стало, а слѣдовательно и доходность «Раздолья» сомнительна.

Въ 1896 г. г. Голубевъ еще разъ побывалъ въ Абакумцевѣ и убѣдился, что со смертью о. Іоанна школа осиротѣла. «Пока—пишетъ онъ—кое-что исправлено и по желанію учительницы посланы нѣкоторыя пособія и книги, но какъ все это далеко отъ того, чтобы на мѣстѣ родины поэта возникла, наконецъ, дѣйствительно образцовая народная школа, съ читальнею, даже, быть-можетъ, съ ремесленнымъ отдѣленіемъ, со школьнымъ огородомъ и чтобы школа эта называлась «Некрасовскою»!

Въ заключеніе г. Голубевъ выражаетъ надежду, что теперь, въ двадцатую годовщину смерти Некрасова, его замѣтка вызоветъ «серьезный почин въ обществѣ для почтенія памяти Н. А. Некрасова созданіемъ Некрасовской школы на мѣстѣ родины поэта». Пріемъ пожертвованій могъ бы, по предположенію г. Голубева, взять на себя Литературный фондъ.

Если замѣтка г. Голубева въ «Новомъ Времени» указываетъ одинъ изъ путей, которымъ мы могли бы достойно почтить память Некрасова, то статья г. Якушкина въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» отмѣчаетъ, правда мимоходомъ, одну въ высшей степени любопытную черту нравственной физіономіи покойнаго поэта. Статья эта представляетъ собою краткій біографическій очеркъ и бѣглую характеристику значенія Некрасова въ русской литературѣ, но въ ней есть одна высоко интересная подробность. Г. Якушкинъ говоритъ:

«Совершенно не касаясь здѣсь личной характеристики Некрасова, я приведу однако еще одно *) письмо поэта къ П. А. Ефремову, писанное еще до его болѣзни и вскрывающее одну черту его характера, которая, если не ошибаюсь, совершенно не отмѣчена въ печати. «Милый Петръ Александровичъ, словно что-то дорогое, потерянное нашелъ я, поговоривъ съ вами и получивъ ваше письмо. Въ жизни многіе люди терпятъ отъ излишней болтливости, я же часто терпѣлъ отъ противоположнаго качества, и очень радъ и благодаренъ себѣ, что отступилъ на этотъ разъ отъ своей привычки молчать».

Нельзя не пожалѣть, что П. А. Ефремовъ, разрѣшившій г. Якушкину воспользоваться этимъ письмомъ, не нашелъ возможнымъ опубликовать и тѣ обстоятельства, при которыхъ оно было написано, и что вообще этотъ эпизодъ представленъ не во всѣхъ его подробностяхъ. Не указанъ даже годъ, къ которому относится письмо. Для выясненія образа Некрасова, котораго Достоевскій не даромъ назвалъ «загадочнымъ человѣкомъ», было бы въ высшей

*) Первое письмо не привожу, какъ незначительное. *Н. М.*

степени важно знать, почему въ данномъ случаѣ раскрылось это замкнутое сердце. Г. Якушкинъ не совсѣмъ правъ, говоря, что эта черта характера Некрасова совершенно не отмѣчена въ нашей печати. Достоевскій въ своей извѣстной статьѣ-некрологѣ, старательно вглядываясь во внутренній міръ Некрасова, писалъ, между прочимъ: «Мы знаемъ лишь стихи, но что мы знаемъ о внутренней борьбѣ его съ своимъ демономъ, борьбѣ несомнѣнно мучительной и всю жизнь продолжавшейся? Я не говорю о добрыхъ дѣлахъ Некрасова: онъ объ нихъ не публиковалъ, но они несомнѣнно были, люди уже начинаютъ свидѣтельствовать объ гуманности, нѣжности этой «практичной» души».—Насъ не «добрыя дѣла» Некрасова теперь занимаютъ, а та, гдѣ то въ глубинѣ души таившаяся и прикрытая «привычкой молчать» «нѣжность», которая сквозитъ въ приведенномъ письмѣ къ П. А. Ефремову; и даже не самая эта нѣжность, а трудность, съ которою она, по признанію самого Некрасова, высказывалась. Достоевскій въ той же статьѣ разсказываетъ случай, когда, еще въ 1845 г., Некрасовъ разговорился съ нимъ о своемъ дѣтствѣ: онъ говорилъ «со слезами» и «съ силой умиленія» вспоминалъ о своей матери, играющей такую выдающуюся роль въ его поэзіи. Но это было въ очень молодые годы, когда «привычка молчать», хотя, повидимому, уже и складывалась, но еще, можетъ быть, не успѣла окрѣпнуть. Позволю себѣ сослаться на свои личныя воспоминанія, напечатанныя въ книжкѣ «Литература и жизнь» (1892 г.). Тамъ разсказано нѣсколько случаевъ, когда желаніе высказаться боролось въ Некрасовѣ съ привычкой молчать, и я пытался дать объясненіе тѣмъ гнетущимъ результатамъ этой борьбы, которыхъ мнѣ довелось быть свидѣтелемъ. Но, во первыхъ, то были случаи очень экстренные, а во вторыхъ, результатами борьбы Некрасовъ не могъ быть доволенъ, не могъ сказать, какъ въ письмѣ къ П. А. Ефремову: «очень радъ и благодаренъ себѣ, что отступилъ на этотъ разъ отъ своей привычки молчать.» Въ этихъ случаяхъ ему хотѣлось, но не удавалось высказаться, онъ не находилъ словъ для яснаго выраженія своихъ мыслей и чувствъ. Поэтому, если г. Якушкинъ не совсѣмъ правъ, говоря, что сквозящая въ письмѣ къ П. А. Ефремову черта характера Некрасова совершенно незатронута въ печати, то она во всякомъ случаѣ далеко не вполнѣ выяснена, и упомянутое письмо представляетъ особенный психилогическій интересъ.

Откуда же эта привычка молчать? и почему съ такимъ трудомъ преодолѣвалъ ее Некрасовъ, жившій постоянно на людяхъ, вращавшійся въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества?

Нѣкоторый намекъ на отвѣтъ или нѣкоторую долю объясненія можно найти въ упомянутомъ разсказѣ Достоевскаго: «Онъ говорилъ мнѣ тогда со слезами о своемъ дѣтствѣ, о безобразной жизни, которая измучила его въ родительскомъ домѣ, о своей матери; та сила умиленія, съ которою онъ вспоминалъ о ней, рождали и тогда

предчувствіе, что если будетъ что нибудь святое въ его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маякомъ, путевой звѣздой даже въ самыя темныя и роковыя мгновенія судьбы его, то ужъ, конечно, лишь одно это первоначальное дѣтское впечатлѣніе дѣтскихъ слезъ, дѣтскихъ рыданій вмѣстѣ, обнявшись *гдѣ нибудь украдкой, чтобъ не видали* (какъ разсказывалъ онъ мнѣ), съ мученицей матерью, съ существомъ, столь любившимъ его».— Подчеркнутыя мною слова указываютъ на обстоятельства, которыя, конечно, могли повліять на образованіе привычки затаивать въ себѣ мысли и чувства; тѣмъ болѣе, что мать и все, связанное съ памятью о ней, до конца жизни тревожили воображеніе Некрасова. Но этого всетаки мало, это можетъ быть только однимъ изъ элементовъ, повліявшихъ на образованіе привычки, тяжелой, какъ для самого ея носителя, такъ и для окружающихъ.

Некрасовъ выступилъ на литературное поприще очень рано, лѣтъ семнадцати, и существующія изданія его сочиненій не даютъ и отдаленнаго понятія о количествѣ исполненной имъ работы. Кромѣ множества стиховъ, никогда не перепечатывавшихся, онъ, по собственному его показанію, написалъ на своемъ вѣку около 300 печатныхъ листовъ прозы. Тутъ были разсказы, повѣсти, рецензіи, критическія статьи, фельетоны. Все это писалось изъ-за куска хлѣба, иногда въ буквальномъ смыслѣ этого ходячаго слова, и мудрено было бы видѣть во всемъ этомъ огромномъ багажѣ, справедливо погруженномъ въ Лету, плоды вдохновенія или напряженной идейной работы. Однако, не механическая же это всетаки работа была. Панаевъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Бѣлинскій полюбилъ юнаго Некрасова «за его рѣзкій, нѣсколько ожесточенный умъ, за тѣ страданія, которыя онъ испыталъ такъ рано, добиваясь куска насущнаго хлѣба, и за тотъ смѣлый, практическій взглядъ не по лѣтамъ, который онъ вынесъ изъ своей труженической и страдальческой жизни». Надо думать, что въ свои многочисленныя скороспѣлыя писанія Некрасовъ вносилъ извѣстную долю своихъ «ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ»; эта необходимость съ раннихъ лѣтъ отдавать свои мысли и чувства бумагѣ, бесѣдуя не съ Иваномъ или Петромъ, отъ которыхъ можно ожидать немедленной реплики, возраженія, подтвержденія, вообще живого обмѣна мыслей, а съ безличною и невидимою массою читателей, естественно могла способствовать укрѣпленію привычки молчать. Я не хочу сказать, что люди, рано выступившіе на литературное поприще и много пишущіе, непремѣнно должны быть молчаливы и скрытны. Напротивъ, между ними есть не только очень говорливые,—это еще ничего не значить,—но и откровенные. Но при наличности другихъ способствующихъ условій письменное выраженіе мыслей и чувствъ несомнѣнно должно наносить нѣкоторый ущербъ ихъ словесному выраженію. А въ жизни Некрасова этихъ способствующихъ условій было много

и помимо дѣтскихъ впечатлѣній, о которыхъ онъ разсказывалъ Достоевскому.

Вспоминая разговоры, слышанные имъ въ кружкѣ Бѣлинскаго, Некрасовъ говорилъ: «Я сознавалъ, что все это не то, что намъ нужно, но въ то же время *спорить съ ними не могъ*, потому что они знали гораздо больше меня, гораздо больше меня читали. Сознавая все больше и больше, что намъ нужно нѣчто иное, я началъ работать, учиться». Вѣрно или невѣрно понималъ Некрасовъ «что намъ нужно»,—это вопросъ особый; важно для насъ то, что онъ «спорить не могъ», хотя и имѣлъ свои особыя мнѣнія и хотѣлъ бы ихъ высказать. Трудность состояла не только въ томъ, что онъ сравнительно съ собесѣдниками мало зналъ и читалъ и, слѣдовательно, не могъ свободно аргументировать на ихъ собственный почвѣ. Это вѣдь не были какіе-нибудь два враждебные лагеря. Некрасовъ всю жизнь благоговѣлъ передъ памятью Бѣлинскаго, признавалъ благотворность его вліянія и вспоминалъ о бесѣдахъ съ нимъ, какъ о «поученіи». Высокій авторитетъ учителя не мѣшалъ, однако, Некрасову видѣть, что учитель мало знаетъ то, что онъ, ученикъ, зналъ для своихъ лѣтъ даже слишкомъ хорошо,—жизнь, и въ особенности изнанку, тѣневую сторону жизни. Иное, вынесенное имъ изъ этой жизни, изъ «грязной положительности», по выраженію Бѣлинскаго, онъ не посмѣлъ бы и предъявить такому «идеалисту и романтику», какъ опять таки называлъ себя Бѣлинскій, подъ вліяніемъ котораго, если не складывалась, то переукладывалась его духовная физіономія. Онъ «не могъ спорить» не только по недостатку эрудиціи, а и потому еще, что, хотя онъ и сознавалъ свое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходство надъ собесѣдниками, но въ то же время подъ ихъ вліяніемъ въ немъ совершался процессъ, для него самого не вполнѣ ясный. И на этотъ разъ мы имѣемъ уже нѣчто большее, чѣмъ лишній шансъ для образованія «привычки молчать».

Въ романѣ «Три страны свѣта», написанномъ Некрасовымъ вмѣстѣ съ Панаевой, и именно въ той его части, которая несомнѣнно принадлежитъ перу Некрасова, есть очень любопытное психологическое замѣчаніе относительно свойствъ русскаго крестьянина, гораздо болѣе приложимое къ самому Некрасову. Въ дневникѣ героя читаемъ: «Труденъ доступъ къ его (русскаго крестьянина) сердцу. Онъ суровъ, неразговорчивъ, неохотно обнаруживаетъ свое чувство; глубоко запрятываетъ въ душу тяжелую кручину... Сердце его открывается не всякому и не вдругъ. Вотъ ужъ кажется, ты довольно сблизился съ нимъ: онъ воленъ съ тобой въ обращеніи и за словомъ въ карманъ не ходитъ; ты думаешь, говоритъ онъ тебѣ всю подноготную... Погоди, *она у него самого не ясна, а ты не настолько расположилъ его къ себѣ и расшевелилъ, чтобы она у него выяснилась, облеклась въ слово*». Какъ характеристика цѣлаго класса, это, конечно, слишкомъ смѣлое

обобщеніе. Кромѣ того, едва ли вообще основательна сквозящая въ цитатѣ увѣренность Каютина (герой «Трехъ странъ свѣта») въ какомъ то тождествѣ «выясненія» мысли или чувства и «облеченія ихъ въ слово». Мы очень хорошо знаемъ, что есть люди, которымъ, даже при полной ясности мысли и чувства, трудно выразить ихъ словами (при чемъ инымъ трудно дается письменное изложеніе, а инымъ—словесное). Да и всякій навѣрное испытывалъ такія душевныя состоянія, которыя трудно поддаются словесному выраженію, совсѣмъ независимо отъ степени ихъ ясности. Вообще слово, замыкая мысль и чувства въ извѣстныя условныя формы, далеко не всегда удовлетворяетъ говорящаго (и пишущаго) и есть такіе оттѣнки духовной жизни, надъ словеснымъ выраженіемъ которыхъ иногда тщетно бьются люди, высоко талантливые, далеко выше средней мѣры надѣленные даромъ слова. Съ другой стороны, припомнимъ характеристику знаменитаго Нумы Руместана. «Когда я не говорю, то и не думаю, наивно утверждалъ онъ,—и это была сущая правда. Слова не лились у него, порожденныя мыслью, они, напротивъ, опережали ее, будили самую мысль своимъ машинальнымъ гуломъ. Его и самого удивляло и даже забавляло, что нерѣдко вырывались у него слова и идеи давно забытыя, которыя языкъ какъ будто случайно отыскивалъ, составляя изъ нихъ цѣлые ряды убѣдительныхъ доводовъ. Говоря, онъ замѣчалъ въ себѣ чувствительность, о существованіи которой даже и не подозрѣвалъ; онъ волновался при звукѣ собственнаго своего голоса, его нѣкоторыя интонаціи хватали его за душу, вызывали на глаза его слезы». Припомнимъ послѣднюю сцену романа, когда жена Руместана раздумываетъ надъ своимъ ребенкомъ: «Неужели и ты будешь торговать словомъ, не заботясь ни мало о его цѣнности, не думая о томъ, насколько твои рѣчи согласны съ твоими же мыслями, лишь бы ярко блестѣли онѣ и громче звучали?» Жена называетъ Руместана лжецомъ. Онъ дѣйствительно лжетъ на каждомъ шагу, и всетаки «лжецъ» слишкомъ грубое, слишкомъ «массовое» слово, чтобы имъ было справедливо характеризовать Руместана. Увлекаясь красивымъ звономъ своихъ рѣчей, онъ не то, что неискрененъ въ каждую данную минуту; онъ именно только «не думаетъ объ томъ, насколько его рѣчи согласны съ его же мыслями». И эта беззаботность много помогаетъ проявленію его природнаго дара краснорѣчія. По образному выраженію Додэ, на краснорѣчіе Руместана «размышленіе дѣйствовало, какъ сырость на фосфорныя спички». У него не мысли и чувства облекаются въ слово, а, напротивъ, слова вызываютъ вихрь мыслей и чувства,—странный процессъ, превосходно изображенный покойнымъ Додэ живьемъ, въ дѣйствіи. Есть, однако, люди, рѣзко отличнаго отъ Нумы Руместана духовнаго склада, «словесности» которыхъ, какъ и ему, «размышленіе» становится поперекъ дороги, хотя по совершенно другимъ причинамъ. Оставимъ въ сторонѣ собственно ораторскій талантъ Нумы,

для проявленія котораго, кромѣ наличности самого дарованія, опредѣляемаго темными пока для насъ физіологическими данными, нужны и другія условія, главнымъ образомъ, зрѣлище возбужденной или готовой къ возбужденію толпы слушателей. Нума и въ частныхъ сношеніяхъ съ людьми, не смотря на то, что много лжетъ, легко, повидимому, предъявляетъ свою «подноготную», но собственно потому, что настоящей подноготной у него и нѣтъ. Представимъ же себѣ человѣка, у котораго эта подноготная есть, но, во первыхъ, она очень сложна, а во вторыхъ, человѣкъ этотъ хочетъ предъявить ее собесѣднику вполнѣ добросовѣстно. Легко можетъ быть, что именно вслѣдствіе этой добросовѣстности,—качества совершенно незнакомаго Нумѣ Руместану,—онъ будетъ слишкомъ много «размышлять», слишкомъ взвѣшивать свои слова, опасаясь ихъ огульностью и условностью ввести собесѣдника въ заблужденіе относительно многоразличныхъ оттѣнковъ своей сложной подноготной. Отсюда можетъ развиться даже нѣкоторое презрѣніе или, по крайней мѣрѣ, недовѣріе къ слову, какъ къ орудію слишкомъ грубому и ненадежному. А вдобавокъ «подноготная» можетъ быть и самому ея носителю не вполнѣ ясна, и нужно, какъ пишетъ Каютинъ, «настолько расположить его къ себѣ и расшевелить, чтобы она у него выяснилась» прежде, чѣмъ «облечься въ слово», если еще надлежащее, удовлетворяющее слово будетъ найдено.

Раздѣленное горе—полгоря, раздѣленная радость—двойная радость, сказалъ, кажется, Гете, и, вообще говоря, человѣку дѣйствительно свойственно сбавлять себѣ горя и прибавлять радости путемъ общенія. Не прочь былъ отъ такого облегченія и украшенія жизни и Некрасовъ, хорошо сознававшій, что «въ жизни многіе люди терпятъ отъ излишней болтливости, онъ же часто терпѣлъ отъ противоположнаго качества». Но вѣдь всякія есть горя и радости; есть такія, скрывать которыя отъ кого бы то ни было нѣтъ надобности, которыя можно, а иногда пожалуй и хочется предъявить хоть всему міру, пусть даже люди отнесутся съ насмѣшкой къ вашей радости и съ злорадствомъ къ вашему горю; но есть и такія, которыми нельзя дѣлиться съ первымъ встрѣчнымъ. Въ этихъ случаяхъ нужна извѣстная увѣренность въ родственности душъ, въ способности собесѣдника воспринять и восчувствовать ваше положеніе со всѣми его деталями,—иначе и говорить не стоитъ, ибо не только не убавится горе и не удвоится радость, а еще обида получится, обида и стыдъ за «бисеръ, разсыпанный передъ»... Я не кончаю подвернувшейся подъ перо цитаты, потому что совсѣмъ не непремѣнно «свиньи» тѣ, передъ кѣмъ въ такихъ случаяхъ разсыпается бисеръ. Можетъ быть и «свиньи», а можетъ быть, напротивъ того, люди большого ума, истиннаго благородства и душевной чистоты, и всетаки неспособные вполнѣ откликнуться именно на *это* горе, на *эту* радость. Такъ называемые «непонятые» люди, рисующіеся своимъ презрѣніемъ къ «толпѣ» и картинно ку-

тающіеся въ бутафорскіе плащи Демона или Мефистофеля, навлекли на свои, иногда очень глупыя, головы много справедливыхъ насмѣшекъ. Но это (помимо глупости, конечно) именно потому, что они рисуются и кутаются въ бутафорскіе плащи. Будь ихъ «непонятость» настоящею, подлинною, они заслуживали бы, конечно, не насмѣшекъ, а глубочайшаго состраданія, потому что воистину «не добро быти человѣку едину». И чтобы испытать это горькое положеніе одиночества, совсѣмъ не надо быть какимъ нибудь умственнымъ или нравственнымъ великаномъ. Разумѣется, такой великанъ больше другихъ рискуетъ оказаться непонятымъ и одинокимъ, хотя бы онъ былъ окруженъ всеобщимъ поклоненіемъ. Но и человѣкъ обыкновеннаго роста не застрахованъ отъ тоски одиночества среди самыхъ разнообразныхъ сношеній со множествомъ людей, между которыми есть, можетъ быть, и великаны. Это дѣло случая. Сотни, тысячи встрѣчъ могутъ не натолкнуть все таки на людей, передъ которыми раскроется сердце и разверзнутся уста, которымъ не стыдно и больно, а радостно предъявить свою «подноготную».

Некрасову навѣрное не часто выпадало на долю это счастіе, и не потому, что онъ былъ большой человѣкъ. Большой въ однихъ отношеніяхъ, совсѣмъ не большой въ другихъ, онъ носилъ въ себѣ слишкомъ сложный и пестрый багажъ, чтобы на его жизненномъ пути могли часто попадаться люди, передъ которыми онъ могъ бы развернуть весь этотъ багажъ безъ опасенія встрѣтить недовѣріе или даже оскорбленіе. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ его свѣтскія и дѣловыя (помимо чисто литературныхъ) связи. Могъ ли онъ въ этой средѣ раскрыть тотъ уголокъ своей души, гдѣ, не смотря ни на что, свято хранилась настоящая, несомнѣнная любовь къ народу и подлинная боль за него? Конечно, нѣтъ. Кто бы ему тамъ повѣрилъ? Съ другой стороны, многіе ли изъ его литературныхъ друзей и ближнихъ могли охватить всю сложность этой «загадочной» натуры? Среди нихъ были люди большого ума, сильной воли, кристалически чистой души,—и даже рѣдкое счастье выпадало по этой части Некрасову въ теченіе его жизни,—но многими своими сторонами онъ имъ былъ до такой степени чужой, что понять его они не могли, частію именно благодаря своимъ достоинствамъ. Они ему прощали (и то не всегда, да не всегда онъ, конечно, и заслуживалъ прощенія), какъ первый простилъ Бѣлинскій, предсказавшій, что «Некрасовъ наживетъ капиталецъ». Но прощали не потому, что понимали, а ради его таланта и литературныхъ заслугъ вообще. Напоминаю, что съ Бѣлинскимъ и его кружкомъ Некрасовъ «не могъ спорить», и не могъ не потому только, что ему недоставало эрудиціи, а и потому, что не посмѣлъ бы онъ предъявить этимъ людямъ свою «подноготную». Достоевскій очень вѣрно понялъ *часть* этой подноготной, но уже послѣ смерти Некрасова. Въ неоднократно уже упомянутой статьѣ-некрологѣ онъ писалъ: «Милліонъ—вотъ демонъ Некрасова! Что-жъ, онъ любилъ такъ зо-

лото, роскошь, наслажденія и, чтобы имѣть ихъ, пускался въ «практичности»? Нѣтъ, скорѣе это былъ другого характера демонъ; это былъ самый мрачный и унизительный бѣсъ. Это былъ демонъ гордости, жажды самообезпеченія, потребности оградиться отъ людей твердою стѣной и независимо, спокойно смотрѣть на ихъ злость, на ихъ угрозы. Я думаю, этотъ демонъ присосался къ сердцу ребенка, ребенка пятнадцати лѣтъ, очутившагося на петербургской мостовой, почти бѣжавшаго отъ отца. Робкая и гордая молодая душа была поражена и уязвлена, покровителей искать не хотѣла, войти въ соглашеніе съ этой чуждой толпою людей не желала... Это была жажда мрачнаго, угрюмаго объединеннаго самообезпеченія, чтобы уже не зависѣть ни отъ кого». Далѣе Достоевскій объясняетъ, что все же это былъ низкій демонъ, недостойный такой «одаренной души», какъ Некрасовъ, который и не въ богатствѣ могъ бы найти гарантію независимости. Послѣднее, конечно, вѣрно, но демонъ Некрасова былъ много цвѣтнѣе, чѣмъ его нарисовалъ мрачный геній Достоевскаго. Некрасовъ не былъ корыстолюбивъ, но въ богатствѣ видѣлъ не только гарантію независимости, хотя, конечно, и это было. Послѣ унизительнѣйшихъ положеній, испытанныхъ имъ въ юности, онъ захотѣлъ независимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ голодныхъ, въ буквальномъ смыслѣ голодныхъ дней онъ захотѣлъ дней сытости, а затѣмъ довольства, роскоши. Онъ самъ признавалъ, что «жизнь любилъ, къ ея минутнымъ благамъ прикованный привычкой и средой». Не хуже Достоевскаго зналъ онъ, что жажда жизни, полной, многогранной и многоцвѣтной жизни, приняла въ немъ форму низкаго бѣса; зналъ, терзался, но сладить съ бѣсомъ не могъ. Что же касается его одиночества и «жажды мрачнаго, угрюмаго объединеннаго самообезпеченія», то я напомню читателю одно, почему то рѣдко вообще вспоминаемое, но въ высшей степени замѣчательное его стихотвореніе 1860 года:

. . . . . . одинокій, потерянный
Я какъ въ пустынѣ стою,
Гордо не кличетъ мой голосъ увѣренный
Душу родную мою.
Нѣтъ ея въ мірѣ. Тѣ дни миновалися,
Какъ на призывы мои
Чуткіе сердцемъ друзья отзывалися,
Слышалось слово любви.
Кто виноватъ—у судьбы не допросишься,
Да и не все ли равно?
У моря бродишь.—„не вѣрю, не бросишься!"
Вкрадчиво шепчетъ оно:
«Гдѣ тебѣ? *Дружбы, любви и участія*
Ты еще жаждешь и ждешь.
Гдѣ тебѣ, гдѣ тебѣ!—ты не безъ счастія
Ты не безъ ласки живешь...
Видишь, разсѣялась туча туманная;
Звѣздочки вышли, горятъ?
Всѣ на тебя, голова безталанная,
Ласковымъ взоромъ глядятъ».

Обратите вниманіе на этотъ гордый начальный аккордъ: поэтъ одинокъ, какъ въ пустынѣ, но ему никого и не нужно, онъ не кличетъ родной души. Однако, пожалуй только потому, что и нѣтъ въ мірѣ такой души. Подозрительно во всякомъ случаѣ, что это одиночество приводитъ его къ морю съ какими то невеселыми цѣлями; только вотъ море не вѣритъ: «не бросишься», и именно потому, что «дружбы, любви и участія ты еще жаждешь и ждешь». Затѣмъ скорбио-ироническій финалъ: да у тебя есть и счастье, и ласка — звѣзды на тебя ласково смотрятъ... Эти переливы одного настроенія въ другое хорошо отражаютъ двойственность, съ которою Некрасовъ относился къ своему одиночеству. Пожалуй, ему и никого не нужно было, онъ самъ себѣ довлѣетъ и согласенъ отгородиться отъ всѣхъ людей, но и тоска же въ этомъ одиночествѣ, дружбы, любви и участія хочется, да нѣтъ ихъ... «Подноготная» ему самому неясна, а нѣтъ людей, которые «настолько бы расположили его къ себѣ, расшевелили, чтобы она у него выяснилась, облеклась въ слово». Собственная подноготная была несомнѣнно неясна Некрасову. Азбуку морали, называющую низкаго бѣса низкимъ, онъ, конечно, зналъ, но какъ уживается этотъ бѣсъ съ высокими порывами свѣтлаго духа, съ любовью ко всѣмъ несчастнымъ, униженнымъ и оскорбленнымъ, съ любовью и жаждою любви?.. Судьба не дала Некрасову отвѣта на этотъ мучительный вопросъ, можетъ быть потому, что, окруживъ его всякими—и дрянными, и возвышенными людьми, не дала ему встрѣтиться съ родной душой. Отсюда привычка молчать и гордая тоска, прерываемая попытками высказаться, выложить душу, иногда, можетъ быть, и удачными, какъ въ недостаточно ясномъ эпизодѣ съ П. А. Ефремовымъ, но большей частью вѣроятно неудачными, какъ тѣ затрудненныя предсмертныя покаянныя рѣчи, о которыхъ я писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Единственнымъ люкомъ, черезъ который выходило на бѣлый свѣтъ нѣчто изъ этой темной глубины, была литература, поэзія. Въ ней Некрасовъ былъ и одинъ самъ съ собой, и въ то же время со множествомъ невѣдомыхъ людей. Тѣмъ дороже должна быть намъ эта поэзія...

Когда я хотѣлъ обратить вниманіе читателей на *двѣ* рождественскія сказки, напечатанныя въ газетахъ, я не ожидалъ, что одна сказка, г. Буквы, заведетъ меня такъ далеко въ сторону вовсе не рождественскихъ размышленій о Некрасовѣ. Мѣста для другой сказки (г. Мамина) уже не остается, и я откладываю ее до слѣдующаго раза. А теперь, не отходя отъ Некрасова, приведу напечатанную въ «Степномъ Краѣ» замѣтку г. Мельшина, кстати же имѣющую нѣкоторое отношеніе къ нашему журналу:

«Въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Гриневичъ вспоминаетъ, что въ студенческой читальнѣ петербургскаго университета, въ концѣ 70-хъ годовъ, висѣлъ за стекломъ автографъ Некрасова, представлявшій стихи, не вошедшіе ни въ одно изъ собра-

зій сочиненій знаменитаго поэта. Это были стихи, посвященные Некрасовымъ студенческой депутаціи, которая приходила къ нему, кажется осенью 77 года (когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ), со словами привѣта отъ горячо любившей его молодежи. Въ 1882 году студенческая читальня была закрыта, и драгоцѣнный автографъ поэта исчезъ неизвѣстно куда. Къ счастію, не смотря на наступившія съ тѣхъ поръ новыя времена съ ихъ новыми птицами и новыми же пѣснями, былая любовь къ поэзіи музы «мести и печали» еще не исчезла въ нашемъ обществѣ и, конечно, сохранилось не мало поклонниковъ Некрасова, которые помнятъ наизусть упомянутые стихи. Одно изъ такихъ лицъ, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, прислало ихъ мнѣ, и я спѣшу подѣлиться съ читателями «Ст. Края» этой цѣнной находкой, имѣющей, какъ мнѣ кажется, не одно библіографическое значеніе. Вотъ эти коротенькіе стихи:

Вамъ, мой даръ цѣнившимъ и любившимъ,
Вамъ, ко мнѣ участье заявившимъ,
Въ черный годъ простертый надо мной,
Посвящаю трудъ послѣдній мой.
Я завѣту русскаго народа
Вѣренъ: «въ горѣ жить—
Некручинну быть»—
И, больной, работаю полгода.
Я трудомъ смягчаю свой недугъ:
Ты не будешь строгъ, читатель—другъ!

Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» напечатано: «Министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуроръ св. синода, на основаніи примѣчанія къ статьѣ 148 устава о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 10-го декабря постановили совершенно прекратить изданіе журнала «Новое Слово», выходящаго въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ».

Постановленія этого рода объявляются безъ мотивовъ, и мы не знаемъ ни того, почему къ «Новому Слову» примѣнена эта окончательная кара, ни того, что именно, какая струя въ прекращенномъ журналѣ вызвала кару. Не вдаваясь ни въ какія предположенія на этотъ счетъ, можно однако надѣяться, что нѣкоторые свои взгляды сотрудники прекращеннаго журнала получатъ возможность развивать въ другихъ органахъ печати. Каковы бы ни были мотивы приведеннаго постановленія, мы, писатели, не можемъ не скорбѣть объ участи собрата, хотя бы и противника. Потерять при этихъ условіяхъ противника въ своемъ родѣ не менѣе тяжело, чѣмъ потерять союзника. Во всякомъ случаѣ, только что вступивъ въ полемику съ нѣкоторыми взглядами, излагавшимися на страницахъ «Новаго Слова», мы теперь вынуждены временно отказаться отъ темъ, представляющихъ высокій интересъ.

Ник. Михайловскій.

Переслащенное народолюбіе.

(Замѣтка pro domo sua).

Не въ литературныхъ обычаяхъ—авторамъ беллетристическихъ сочиненій самимъ возражать въ печати своимъ критикамъ. Но въ своихъ очеркахъ каторжнаго міра я меньше всего претендовалъ на какую-либо «художественность» и всего больше на реальность и правдивость изображенія того, что судьба дала мнѣ пережить и съ чѣмъ я считалъ не лишнимъ познакомить общество. Меньше всего являлся я въ этихъ очеркахъ служителемъ такъ называемаго искусства для искусства; напротивъ, я старался вдохнуть въ нихъ душу живую, вложить свои чувства и идеи, и какова бы ни была цѣнность этихъ идей, мнѣ было бы очень больно и обидно, если бы, по той или другой причинѣ, онѣ поняты были моими читателями въ превратномъ смыслѣ.

И мнѣ не разъ уже пришлось испытать эту обиду и боль. Я говорю здѣсь, конечно, не о тѣхъ отзывахъ печати, которые касались чисто-литературной стороны очерковъ—въ большинствѣ случаевъ отзывы эти были благопріятны, хотя и не мнѣ судить объ ихъ правильности и основательности. Но самымъ завѣтнымъ желаніемъ моимъ было, чтобы мой правдивый разсказъ о жизни отверженцевъ былъ принятъ, какъ голосъ адвоката и друга этихъ несчастныхъ, и признаніе за моими очерками такого значенія было бы для меня, конечно, высшей наградой, несравненно болѣе цѣнной, нежели признаніе ихъ литературныхъ достоинствъ. Къ сожалѣнію, оказалось возможнымъ чуть ли не діаметрально-противуположное пониманіе самаго смысла очерковъ. Одни изъ критиковъ нашли возможнымъ сдѣлать изъ нихъ жесткіе, прямо свирѣпые выводы, другіе заподозрили самую гуманность намѣреній автора, третьи, напротивъ, хотѣли навязать ему слащавое желаніе реабилитировать каторгу, выставивъ ее, какъ осколокъ народнаго міра, ничѣмъ ровно отъ этого послѣдняго не отличающійся, кромѣ своей несчастной участи...

Прежде всего появился въ печати отчетъ о рѣчи предсѣдателя одного провинціальнаго общества врачей, назвавшаго нѣкоторыя категоріи преступниковъ «звѣрями», средствомъ укрощенія которыхъ могутъ быть лишь «цѣпь да палка», и въ доказательство этого дикаго мнѣнія сославшагося, между прочимъ, и на очерки Мельшина. Что могъ я испытать при этомъ, какъ не чувство глубокой обиды и горечи? Гдѣ рисовалъ я типы какихъ-либо преступниковъ, превратившихся въ настоящихъ звѣрей, и гдѣ давалъ хоть подобіе матеріала для апологіи цѣпи и палки? Однако такъ умуд-

рился понять меня представитель столь, казалось бы, гуманной по самому существу своему корпораціи, какъ общество врачей, предсѣдатель этого общества!..

Почти одновременно въ «Книжкахъ Недѣли» напечатана была статья г. Н. Энгельгарда, статья фразистая и опутанная обычнымъ для этого автора философскимъ туманомъ, изъ подъ котораго, повидимому, выглядывала та же мысль, что и въ рѣчи упомянутаго предсѣдателя общества врачей: изображенный мною міръ—дикій озвѣрѣлый міръ, міръ духовныхъ мертвецовъ, воскресить которыхъ уже невозможно...

Наконецъ, журнальный обозрѣватель «Русской Мысли», опредѣляя лѣтомъ прошлаго года литературную физіономію автора «Міра Отверженныхъ», нашелъ возможнымъ назвать ее «смутно-гуманистической»... Правда, этотъ послѣдній отзывъ какъ-то мало вязался съ другимъ, безусловно симпатизирующимъ отзывомъ того же обозрѣвателя, помѣщеннымъ годомъ раньше на страницахъ того же журнала («Р. М.» 96 г., мартъ), но онъ невольно заставлялъ насторожиться и ждать объясненій. Объясненія послѣдовали въ декабрьской книжкѣ «Русской Мысли» по поводу начатаго печатаніемъ въ осеннихъ номерахъ «Русскаго Богатства» продолженія моихъ очерковъ.

Вотъ эта-то статья и побудила меня еще одинъ лишній разъ выяснить читателямъ свою точку зрѣнія на предметъ. Авторъ статьи «Русской Мысли» такъ явно не понимаетъ этой точки зрѣнія, а самъ, какъ мнѣ кажется, держится такого ложнаго и потому самому вреднаго взгляда, что пройти статью молчаніемъ невозможно. При этомъ спѣшу оговориться, что тѣхъ пунктовъ «обозрѣнія», въ которыхъ идетъ рѣчь о моемъ «художественномъ темпераментѣ», о достоинствахъ и недостаткахъ моего «таланта» и пр., я касаться, конечно, не буду: меня интересуетъ здѣсь лишь толкованіе идеи моихъ очерковъ, лишь то, вѣрно или невѣрно поняты критикомъ мои писанія.

I.

Заговоривъ о продолженіи очерковъ «Еще изъ міра отверженныхъ», критикъ «Русской Мысли» заявляетъ, что читателемъ овладѣваетъ, при всей «предрасположенности» въ пользу автора, сначала какое-то недоумѣніе, а затѣмъ и прямо недовольство. «*Какъ будто какая-то* новая струна зазвучала... Можетъ быть, эта струна звучала и раньше, да мы не замѣтили ея звука, а можетъ быть, она и дѣйствительно новая».—«Дѣло въ томъ, что авторъ въ продолженіи своихъ очерковъ не удержался на уже достигнутой имъ высотѣ настроенія, что онъ *какъ-бы* утратилъ тѣ черты, которыя дѣлали для читателя его очерки такъ дорогими и такъ пріятными, что эти черты *какъ-будто* замѣняются *какими-то* новыми и гораздо менѣе

опредѣленными, *какъ-будто* мѣняется даже та точка зрѣнія, тотъ художественный «штандъ-пунктъ», съ высоты котораго авторъ и самъ разсматривалъ правду жизни міра отверженныхъ и заставлялъ другихъ разсматривать ее».

Такими неопредѣленными замѣчаніями, такими многочисленными «какъ бы» и «какъ будто бы» начинается критика. «Мы говоримъ пока только о смутномъ и *не вполнѣ выясняющемся для насъ самихъ* впечатлѣніи. Приходится уяснять *себѣ* и другимъ причины такого впечатлѣнія». Но, приступивъ къ «уясненію» въ столь «смутномъ» настроеніи, почтенный авторъ умудряется очень быстро перейти къ вполнѣ опредѣленнымъ и даже рѣзкимъ выводамъ... Я, впрочемъ, и не удивляюсь этому. Еще по прочтеніи его перваго отзыва о моихъ очеркахъ (два года тому назадъ) я уже понялъ, какая пропасть раздѣляетъ его и мои воззрѣнія на міръ отверженныхъ. Уже тогда критикъ «Русской Мысли» высказывалъ на русскую каторгу взглядъ, какъ на «обломокъ народнаго міра», почти ничѣмъ не отличающійся отъ всего русскаго народа. То же самое онъ и теперь пишетъ: «Изображаемый г. Мельшинымъ міръ — *это міръ простыхъ русскихъ людей, невѣжественныхъ, некультурныхъ, замореныхъ и загнанныхъ* (и только?). *Все въ немъ до принципа равненія при дѣлежкѣ табаку знакомое и родное намъ*». Вотъ тотъ «штандъ-пунктъ», на которомъ помѣщается критикъ, приступая къ своему «уясненію». Вполнѣ естественно, что какъ только передъ нимъ «уяснилась» (хотя еще и не окончательно) глубокая разница между нашими взглядами, онъ долженъ былъ разразиться противъ меня громомъ и молніей.

Между тѣмъ, я могу документально доказать почтенному критику, что никакой «новой струны» у меня въ продолженіи очерковъ не звучитъ, что взгляды мои отъ начала и до конца не измѣнились ни на одну іоту.

Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, высказаться яснѣе и опредѣленнѣе насчетъ взаимоотношенія народа и каторги, чѣмъ это было сдѣлано мною на стр. 260—262 книги «Въ мірѣ отверженныхъ»? Пусть не посѣтуетъ на меня читатель, если я приведу оттуда довольно длинную выписку, въ виду особенной ея важности для моей самозащиты.

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сорокъ лѣтъ назадъ, во времена Достоевскаго, когда Россія была «глубоко несчастной страной, подавленной, рабски-безсудной», когда, кромѣ крѣпостного права, существовала еще 25-лѣтняя солдатчина, и, по выраженію поэта, «ужасъ народа при словѣ *наборъ* подобенъ былъ ужасу казни»,—несомнѣнно, что въ тѣ времена въ каторгу долженъ былъ попадать огромный процентъ совершенно невинныхъ людей и еще больше осужденныхъ не въ мѣру строго. Самыя ужасныя преступленія могли совершаться въ то время людьми вполнѣ нормальными и нравственно неиспорченными, выведенными изъ границъ тер-

пѣнія несправедливымъ и анормальнымъ строемъ самой жизни. Поэтому Достоевскій имѣлъ гораздо больше права идеализировать обитателей своего Мертваго Дома, состоявшихъ почти на половину изъ военныхъ (чуть не поголовно грамотныхъ), по душевному строю стоявшихъ очень близко къ народу,—чѣмъ современный наблюдатель, который задался бы цѣлью нарисовать картину современной русской каторги. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сомнѣваться въ томъ, что за сорокалѣтній періодъ русское законодательство и русскій судъ такъ же, какъ и сама жизнь и нравы, сдѣлали огромные шаги впередъ по пути гуманизма и справедливости. A priori можно поэтому думать, что въ современную каторгу попадаютъ гораздо болѣе по заслугамъ, чѣмъ въ былыя времена, и что населеніе нынѣшней каторги, въ главныхъ своихъ частяхъ, представляетъ *подонки* народнаго моря, а отнюдь не самый народъ русскій»...

И не много ниже я писалъ слѣдующее:

«Однако значитъ ли все это, что я проповѣдую жесткое отношеніе къ нынѣшнимъ каторжнымъ, что, называя ихъ «подонками народнаго моря», я тѣмъ самымъ выражаю къ нимъ полное презрѣніе, какъ къ «отбросамъ», которые и заслуживаютъ того только, чтобы ихъ бросили и предали, по возможности, уничтоженію? Я позволяю себѣ надѣяться, что все написанное мной до сихъ поръ о мірѣ несчастныхъ отверженцевъ удержитъ читателя отъ столь несправедливаго и превратнаго пониманія моихъ словъ. Развѣ на днѣ моря нѣтъ перловъ? Развѣ, говоря, что сверху сосуда вода отличается лучшимъ качествомъ, утверждаютъ тѣмъ самымъ, что на днѣ она совершенно негодна для питья? И развѣ главная задача моихъ очерковъ не заключается именно въ томъ, чтобы показать, какъ обитатели и этого ужаснаго міра, эти искалѣченные, темные и порой безумные люди, подобно всѣмъ намъ, способны любить и ненавидѣть, падать и подниматься, жаждать свѣта, правды, свободы, жизни и не меньше насъ страдать отъ всего, что стоитъ преградой на пути къ человѣческому счастью?»

Вотъ что говорилъ я въ первой части своихъ очерковъ, и нужно ли повторять, что между такимъ отношеніемъ къ каторжному міру и взглядомъ на него, какъ на «простой русскій народъ, невѣжественный, некультурный, загнанный и заморенный, во всемъ намъ родной и знакомый»—лежитъ цѣлая бездна. Этотъ послѣдній взглядъ, быть можетъ, несравненно красивѣе, горячѣе, трогательнѣе, но... по моему глубокому убѣжденію, онъ *ложенъ* въ своемъ основаніи, онъ возмутительно несправедливъ по отношенію къ народу русскому и, несомнѣнно, вреденъ для самихъ идеализируемыхъ «несчастныхъ». Правдивое изображеніе никогда и ничему вредить не можетъ; ложь и сантиментальное прикрашиванье, въ концѣ концовъ, всегда гибельны... Не фальшивой идеализаціей можемъ мы спасти и возродить къ жизни больную, преступную душу, а прежде всего полнымъ и всестороннимъ изученіемъ предмета, правдой и только

одной правдой... «Полюбите насъ черненькими, а бѣленькими-то насъ всякій полюбитъ!».

Почтенный критикъ «Р. Мысли», при чтеніи первой части «Міра отв.», очевидно, проглядѣлъ вышеприведенныя строки: въ противномъ случаѣ и эта часть, вѣроятно, не снискала бы одобренія. Теперь, впервые замѣтивъ мой «художественный штандъ-пунктъ», и сочтя его какой-то «новой струной», онъ сурово отзывается и обо всемъ продолженіи очерковъ. Ему представляется, что я и самъ вижу и другимъ рисую окружающую жизнь въ «искривленномъ» видѣ; въ поискахъ причинъ такой «искривленности» онъ пытается проникнуть въ самую глубину души автора,—и вотъ, по изслѣдованію достопочтеннаго критика, она оказывается «хладной» и «чужой» для родного народа... Психологическіе пріемы при этомъ довольно просты. Онъ вырываетъ изъ очерковъ отдѣльныя фразы и сцены, подчеркиваетъ одну изъ нихъ, навязываетъ несуществующій смыслъ другимъ и, въ концѣ концовъ, начавъ со «смутнаго» и «неопредѣленнаго» недовольства, выноситъ мнѣ рѣзкій обвинительный вердиктъ. Разсмотримъ же по порядку эти мелкія придирки (иначе— пусть извинитъ меня авторъ—я не могу назвать ихъ).

II.

Въ главѣ «По новому» (Русское Богатство, октябрь) я разсказываю о томъ, какъ Иванъ Николаевичъ, по прибытіи въ тюрьму товарищей-интеллигентовъ, почувствовалъ, «точно какія-то мрачныя чары разсѣялись», и его «оледенѣлая и одичалая душа начала мало-по-малу оттаивать и расправлять утомленныя крылья». Еслибы критикъ выписалъ все относящееся сюда мѣсто или, по крайности, самыя характерныя строки, то, думается мнѣ, даже и самому предубѣжденному читателю стало бы ясно, о какой оледенѣлости и одичалости идетъ у меня рѣчь.

«Помню, я чувствовалъ себя въ первое время (до прибытія новичковъ) точно затравленнымъ звѣремъ,—пишетъ Иванъ Николаевичъ,—ежеминутно и отовсюду ожидая обиды, оскорбленія, пугливо и подозрительно глядя на каждаго надзирателя, точно на своего естественнаго врага, и эта подозрительность не совсѣмъ исчезла во мнѣ даже и теперь. И теперь еще я считалъ за лучшее возможно меньше разговаривать и *возможно меньше имѣть дѣла со всякимъ, кто представлялъ собой малѣйшее подобіе начальства въ моихъ глазахъ*».

Отсюда критикъ выводитъ, что Иванъ Николаевичъ подобнымъ же образомъ относился и къ арестантамъ... Онъ выводитъ (какимъ образомъ—это секретъ критика), что душа Ивана Николаевича была все время оледенѣлой *для* всѣхъ товарищей по несчастью и оттаяла *только для* прибывшихъ интеллигентовъ!.. Нѣтъ, вы грубо ошибаетесь, достоуважаемый критикъ: *не для* кого бы то ни было

оттаяла душа Ивана Николаевича (ибо ни для кого, кромѣ начальства, она и не была оледенѣлой), *а благодаря* прибытію товарищей-интеллигентовъ, ему просто стало легче дышаться. Почему? «Вслѣдствіе ли природнаго, болѣе жизнерадостнаго характера или того обстоятельства, что новички явились не въ качествѣ піонеровъ и во всемъ встрѣчали уже подготовленную почву, только въ настоящую минуту они держались такъ, будто прожили въ Шел. рудникѣ цѣлые годы, были развязны, непринужденны, говорили свободно и громко не только съ арестантами, но и съ надзирателями, которые (т. е. надзиратели, г. критикъ, надзиратели!), въ свою очередь запуганные моимъ сдержаннымъ обращеніемъ, отвѣчали имъ охотно, съ видимой даже радостью».

Странно, казалось бы, и разъяснять все это, а вотъ приходится разъяснять...

Отмѣтивъ дальше бесѣду Ивана Николаевича съ однимъ изъ новичковъ, въ которой послѣдній восторженно отождествляетъ арестантовъ (подобно нашему критику) со всѣмъ русскимъ народомъ, а Иванъ Николаевичъ удерживаетъ его отъ этого отождествленія и говоритъ: «Не торопитесь обобщать! Я живу здѣсь вотъ уже два съ половиною года, а, ей-Богу же, и до сихъ поръ *не знаю*, что сказать и что думать на этотъ счетъ»,—обозрѣватель «Русской Мысли» разражается слѣдующими поученіями: «У художника недостатокъ знанія долженъ замѣняться вѣрою или любовью и вообще глубокой и страстной заинтересованностью. У Достоевскаго, у г. Короленко, Максимова, Ядринцева и др., (изобразителей острожнаго быта) не было холода, не было обледенѣлой души; было страстное отношеніе—какое, это все равно, но страстное—къ своему предмету. Не было, стало быть, чуждости. А у г. Мельшина, по его собственному признанію (?!), имѣется эта чуждость предмету... Его обледенѣлая душа была обледенѣлой во всѣ два года его наблюденій (!) и оттаяла и расправила крылья только въ родной и страстно интересующей его средѣ. И вотъ эта чуждость, не смотря на весь его гуманизмъ («смутный»?), не смотря на всю мягкость колорита, и не позволила ему быть страстнымъ, а, стало быть, и художественно-правдивымъ бытописателемъ міра отверженныхъ».

«Едва забрались мы въ *глубину штольни* и бѣгло осмотрѣли ее,—читаетъ онъ дальше повѣствованіе Ивана Николаевича,—какъ Вашуровъ, не раздумывая долго, запѣлъ, такъ что отъ неожиданности я вздрогнулъ. Бодрящія ноты молодого, звучнаго тенора огласили мрачныя каменныя стѣны, *столько лѣтъ* не слыхавшія ничего, кромѣ унылаго бряцанья кандаловъ, монотоннаго постукиванья молотка да тяжелыхъ вздоховъ измученныхъ несчастныхъ людей».—Рисуя эту картину, я разумѣлъ здѣсь именно *штольню*, горизонтальный узкій подземный корридоръ, въ которомъ можно работать въ одномъ мѣстѣ лишь одному—двумъ человѣкамъ. Въ I части очерковъ я упоминалъ о существующемъ среди арестан-

товъ и нарядчиковъ повѣрьи, будто «горный хозяинъ» не любитъ свиста и пѣнія, и о томъ, что свистать и пѣть въ глубокихъ подземныхъ выработкахъ запрещается. Въ вертикальныхъ колодцахъ—шахтахъ (въ шелайскомъ рудникѣ, сравнительно, очень неглубокихъ) работаетъ на днѣ сразу 5—10 человѣкъ, и понятно, что на упомянутое повѣрье мало обращается вниманія: «на людяхъ и смерть красна»—говоритъ пословица, и въ шахтахъ то-и-дѣло звучитъ арестантская пѣсня, образцы которой не разъ приводились и мною. Другое дѣло—штольня. Тамъ одинокому человѣку, хотя бы и изъ самыхъ смѣлыхъ, по-неволѣ чувствуется какъ-то жутко, и мой Иванъ Николаевичъ, дѣйствительно, не могъ слышать тамъ арестантскаго пѣнія (конечно, если не считать трехъ-четырехъ стишковъ, пропѣтыхъ когда-либо легкомысленнымъ Ракитинымъ). Разумѣется, автору, быть можетъ, слѣдовало бы, на случай придирокъ, огововориться въ этомъ смыслѣ, хотя бы въ подстрочномъ примѣчаніи, но изображаемая имъ жизнь до того своеобразна во всѣхъ мелочахъ, что такого рода примѣчаніями пришлось бы испещрять рѣшительно каждую страницу очерковъ (что особенно неудобно при печатаньи ихъ въ журналѣ).

Правда, критикъ «Русской Мысли», подловивъ указанное «противорѣчіе», великодушно признаетъ его лишь досаднымъ «lapsus'омъ», «мелочью», однако, называетъ всетаки мелочью «характерной»! Какой, молъ, въ самомъ дѣлѣ, чужой этому міру человѣкъ Иванъ Николаевичъ! Простонародная каторжная пѣсня проходила *мимо* его барскихъ ушей, а вотъ для пѣсни интеллигентовъ его обледенѣлая душа оттаяла!

Скажу и я въ свою очередь: мелочь—эта придирка, но какъ она характерна для критика!

Далѣе, въ упрекъ автору и въ доказательство все той же чуждости его изображаемому міру приводится недоумѣніе и недовольство Ивана Николаевича эгоистичностью арестантовъ при раздѣлѣ табаку: даровой табакъ брали себѣ (для продажи) и не курящіе, и тѣ, которые свободно могли бы пожертвовать свои части въ пользу неимущихъ товарищей. Критикъ поучаетъ меня: это было вполнѣ естественное для русскихъ крестьянъ проявленіе общиннаго начала и артельныхъ обычаевъ; вашъ герой не вспомнилъ даже объ этомъ,—до того онъ небрежно, чисто-побарски относится къ народу и къ народной душѣ!..

Что возразить на это! Соображеніе критика, быть можетъ, и остроумно, но оно настолько подлежитъ еще спору, что, казалось бы, странно на основаніи его дѣлать столь рѣзкіе и обидные упреки... Напомню прежде всего, что населеніе изображенной мною тюрьмы не только не состояло сплошь изъ крестьянъ великорусскихъ губерній, но послѣдніе, напротивъ, встрѣчались въ ней лишь какъ рѣдкія единицы («Въ М. О.», стр. 139, примѣч.); большинство составляли сибиряки. Да и изъ этихъ послѣднихъ большая

часть были городскіе жители, пріисковые рабочіе, а если и крестьяне, то съ малыхъ лѣтъ порвавшіе съ землею и крестьянской жизнью. Но пусть даже каторжный людъ состоялъ въ значительной степени изъ деревенскихъ выходцевъ: неужели же, по мнѣнію критика, одного крестьянскаго происхожденія достаточно для того, чтобы отыскивать отрадныя для сердца артельныя черты и у деревенскихъ, напр., кулаковъ и кабатчиковъ?! Неужели считать, напр., крестьянами, сохранившими въ душѣ во всей его умилительности общинное начало, такихъ лицъ, какъ изображенные мною Чирокъ, Сокольцевъ, Юхоревъ, Гончаровъ, Семеновъ и пр., и пр.? Правда, всѣ они числились когда-то крестьянами; но Семеновъ до злобы презиралъ землепашество и самихъ крестьянъ; Гончаровъ предпочиталъ держать кабакъ, чѣмъ пахать землю, Чирокъ—дѣйствовать удавочкой, Сокольцевъ и Юхоревъ—по крайней мѣрѣ въ то время, когда судьба свела ихъ съ героемъ моихъ записокъ—тоже стыдились бы взяться опять за соху и войти въ скромныя рамки крестьянской жизни. Поэтому, я полагаю, Ивану Николаевичу не было достаточныхъ поводовъ вспоминать въ Шелаѣ про общинныя начала, живущія въ душѣ русскаго народа, и тѣмъ болѣе молиться на ихъ сомнительное проявленіе. Впрочемъ, о какомъ-либо «недоумѣніи» его при видѣ «несправедливой» дѣлежки я, собственно, не нахожу въ очеркахъ ни одного слова (критикъ, видно, между строкъ его вычиталъ), вскользь говорится только о «недовольствѣ». И недовольство это кажется мнѣ вполнѣ понятнымъ. Будь даже разбираемое явленіе дѣйствительнымъ отголоскомъ общиннаго начала, умиляться передъ такимъ отголоскомъ всетаки было бы нечего: хороша, нечего сказать, «община», когда люди говорятъ другъ другу: «твое—мое, но и мое—тоже мое!» А между тѣмъ, въ Шелаѣ было именно такъ. Не одинъ разъ, напр., авторъ подчеркиваетъ, что тюремное начальство разрѣшило улучшеніе пищи для всей тюрьмы, что среди арестантовъ были даже очень богатые люди—и ни одинъ изъ нихъ никогда не додумывался до пожертвованія своихъ денегъ на общественный котелъ. «Съ какой стати на собственныя свои деньги я стану всю тюрьму кормить? Меня же дуракомъ назовутъ,—разсуждалъ каждый и предпочиталъ лучше издыхать съ голоду». («Въ М. О.» стр. 115).

Но особенно возмущаетъ моего критика удивленіе Ивана Николаевича тому, что «многіе арестанты допускали даже какіе-то эгоистическіе разсчеты съ нашей стороны, думали, что, принимая наши подачки, они этимъ въ свою очередь оказывали намъ нѣкоторое благодѣяніе». И тутъ опять дѣлается маленькая... натяжка: вовсе *не этому* удивляется у меня Иванъ Николаевичъ, а лишь частному случаю, когда одинъ «неглупый въ общемъ» арестантъ обратился къ нему съ курьезнымъ, дѣйствительно, вопросомъ о какой-то «маркѣ». Критикъ пытается изъ этой маленькой мыши создать цѣлую гору. Пожалуй, пусть бы себѣ тѣшился такимъ невиннымъ занятіемъ; но онъ кончаетъ его слѣдующей громкой тирадой: «А ужъ

кажется, намъ-то (интеллигентамъ), такъ долго бывшимъ чужими имъ, мужикамъ, тутъ удивляться бы и нечему. Голодный годъ слишкомъ ясно показалъ намъ эту чуждость, и всего меньше виноваты въ ней мужики. *И не такъ, не съ удивленіемъ, а съ болью въ душѣ—и въ словѣ, конечно, къ этому относиться приходится; если, конечно, мы сами-то не чужіе и не хотимъ быть чужими»*. Очень все это назидательно, но... если бы достопочтенный критикъ далъ себѣ трудъ хоть немного вдуматься въ свое назиданіе, то онъ, быть можетъ, и не направилъ бы его по адресу «Ивана Николаевича»...

III.

Слѣдующій обвинительный пунктъ заключается въ шутливомъ разговорѣ Ив. Ник. съ Сохатымъ о побѣгѣ (Р. Б. окт.). Сохатый предлагаетъ ему и его товарищамъ бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. «Какая-жъ бы вамъ польза отъ насъ была?—спрашиваетъ Ив. Ник.:— глаза у насъ плохіе, ноги того хуже. Мы только помѣхой бы вамъ служили!» Недоумѣніе, повидимому, вполнѣ законное, особенно если вспомнить, кто такой былъ этотъ Сохатый. Вотъ какъ авторъ характеризуетъ его въ I ч. «Міра Отв.» (стр. 292): «Уличное прозвище Сохатый, данное ему за высокій ростъ и умѣнье быстро бѣгать, было извѣстно по всей Сибири. Однако, слава эта была дутая, совершенно незаслуженная. Обладая широкимъ горломъ, здоровымъ кулакомъ и страстно желая въ тюрьмѣ играть роль заправскаго коновода, онъ, въ сущности, былъ очень недалекъ и потому всегда и вездѣ шелъ въ хвостѣ другихъ. *Настоящіе арестанты, къ которымъ онъ льнулъ, цѣнили его невысоко и часто въ глаза звали дешевкой»*. Къ этому не мѣшаетъ, пожалуй, прибавить, что «по вольной жизни» Сохатый насильничалъ дѣвушекъ, а въ пути по этапамъ проигрывалъ партіонныя, т. е. *товарищескія* деньги (стр. 294).

На вполнѣ законный, слѣдовательно, вопросъ И. Н—ча Сохатый отвѣчаетъ очень откровенно: «За то у васъ деньжонки есть. Одежду бы могли тоже вольную изъ цихауза достать». Откровенность вызываетъ и со стороны И. Н. откровенность (причемъ разговоръ ведется, всетаки, замѣтьте, не въ настоящій сурьезъ): «Ага, вотъ чего вамъ отъ насъ надо! А потомъ возьмете съ насъ то, что вамъ нужно, да при случаѣ и пришьете, пожалуй?»

И вотъ здѣсь-то критику «Р. Мысли» открывается полное раздолье для восторговъ передъ товарищеской вѣрностью русскихъ арестантовъ и негодованія на Ивана Николаевича. Какъ! русскій каторжникъ можетъ во время побѣга убить своего товарища? Да знаетъ ли г. Мельшинъ, что такое *товарищъ* въ понятіи каторжныхъ, какое это великое, святое слово? Слѣдуетъ, въ поученіе г. Мельшину, длинная цитата изъ г. Дорошевича (котораго почтенный критикъ тутъ же, однако, называетъ «несуразнымъ фельетонистомъ»). Фелье-

тонный авторитетъ приводится, молъ, потому только, что объ очень ужъ избитой истинѣ идетъ рѣчь. «Шутка Ив. Николаевича является въ нашей литературѣ единственной въ своемъ родѣ!» Какъ ни непреложно доказанъ, будто бы, фактъ святости товарищества среди уголовныхъ преступниковъ, я лично всетаки предпочелъ бы, чтобы критикъ ссылался на болѣе непререкаемые авторитеты. И не только авторитетность изслѣдованій и наблюденій нужна здѣсь, но также и ихъ современность. Въ своей книгѣ я неоднократно подчеркиваю тотъ фактъ, что въ послѣднее время, особенно начиная съ 78 года, когда были изданы болѣе строгія узаконенія относительно бродяжества, «въ тюремный міръ проникаетъ новый духъ, производящій общее разложеніе и паденіе старинныхъ арестантскихъ обычаевъ и порядковъ» (стр. 15). Случаи обязательной казни измѣнившихъ своимъ договорамъ сменщиковъ, «пришиванья» въ той или другой тюрьмѣ предателей и доносчиковъ становятся теперь все рѣже и рѣже. Что касается арестантскихъ понятій о товариществѣ, которыя такъ идеализируетъ критикъ, то вотъ что говорится въ той же I части въ «М. О.»: «Между арестантами рѣдки случаи тѣсной и нѣжной дружбы. Каждый глядитъ на каждаго не какъ на товарища по бѣдѣ, а какъ волкъ на волка, врагъ на врага. Самое слово товарищъ, *которое, къ мѣсту сказать, арестанты очень любятъ употреблять*, въ нашемъ культурномъ смыслѣ не употребительно: товарищами зовутся люди, пьющіе и ѣдящіе изъ одной посуды. Но такія экономическія связи происходятъ большею частью случайно».

Конечно, говоря все это, я имѣлъ въ виду главнымъ образомъ жизнь въ тюрьмѣ; о товариществѣ на волѣ среди бродягъ и жуликовъ мнѣ извѣстно, сравнительно, очень мало, хотя я и думаю, что тамъ оно развито, по необходимости, въ большей степени. Но не до такой, однако, какъ это думается моему критику. То, о чемъ пишетъ г. Дорошевичъ, дѣйствительно было когда-то, теперь же является почти лишь преданіемъ добраго стараго времени. Случаи убійства бродягами другъ друга не такъ уже рѣдки, случаи обмана и предательства еще чаще.

Но, въ концѣ концовъ, не въ этомъ дѣло вовсе, а въ томъ, что Ивана Николаевича ни одинъ изъ арестантовъ не считалъ своимъ товарищемъ, и если вся тюрьма относилась къ нему съ единодушнымъ уваженіемъ, то происходило это по совсѣмъ особымъ причинамъ. Вспомните, что еще автору «Зап. изъ Мертваго Дома» арестантъ Петровъ заявилъ: «Да какой же вы намъ товарищъ?..» И если отношенія каторжной массы къ Иванамъ Николаевичамъ измѣнились съ тѣхъ поръ къ лучшему (а они, несомнѣнно, измѣнились къ лучшему), то потому только, что Иваны Николаевичи стали чаще встрѣчаться, арестантская масса лучше ихъ узнала и стала больше въ нихъ вѣрить. Весьма возможно, что если бы кто нибудь изъ каторжныхъ бродягъ «пришилъ» теперь такого «Ивана Николаевича», то единодушный ропотъ негодованія пронесся бы по всей

каторгѣ. И тѣмъ не менѣе... тѣмъ не менѣе... уваженіе и довѣріе, о которомъ я говорю здѣсь, *не могутъ* быть взаимными, и ни одинъ изъ Ивановъ Николаевичей, конечно, никогда не довѣрится *первому попавшемуся* арестанту (да еще съ такой легковѣсной репутаціей, какъ Сохатый) и, понадѣявшись на платоническую любовь къ себѣ «кобылки», не возьметъ его въ товарищи столь рискованнаго предпріятія, какъ побѣгъ. Если бы критикъ «Р. Мысли» зналъ лучше современную тюремную жизнь и нравы ея населенія, то, я думаю согласился бы со мной, что эта горькая истина—азбука, и что прикрывать ее нарядными кулисами идеализаціи совершенно неблагодарное дѣло.

Мнѣ остается разсмотрѣть послѣднее и едва ли не главное обвиненіе. Изображенная мной въ главѣ «Украд. манифестъ» картина всеобщаго ликованія, овладѣвшаго каторгой передъ объявленіемъ миѳической скидки въ двѣ трети, умиляетъ моего критика до глубины души. По его мнѣнію, въ этотъ день «улыбнулась добрая крестьянская душа», и не только крестьянская, «а просто *русская* душа, всегда такъ склонная къ умиленію и энтузіазму». Sit venia verbo, но фраза эта отдаетъ, на мой взглядъ, довольно непріятнымъ квасомъ... Причемъ тутъ, въ самомъ дѣлѣ, «русская» душа? Какъ будто не радовался бы точь въ точь такимъ же образомъ и итальянскій, и французскій, и нѣмецкій каторжникъ, получивъ неожиданную вѣсть свободы? Возможно даже, что радость пламеннаго итальянца была бы несравненно пламеннѣе и экспансивнѣе... Да не будутъ поняты мои слова въ какомъ либо недоброжелательномъ для міра отверженныхъ смыслѣ, но я не могъ и здѣсь не подчеркнуть все того же слащаваго преувеличенія и ложнаго прикрашиванья, къ которому прибѣгаетъ достопочтенный критикъ. Радость, чисто дѣтская радость и связанное съ ней душевное размягченіе, конечно, были въ дни объявленія каторгѣ «большого манифеста», но отсюда очень, очень далеко еще до того «умиленнаго настроенія, отъ котораго всякій нежесткій и нечужой человѣкъ долженъ былъ бы отвернуться *съ благоговѣйнымъ смиреніемъ*», если бы не могъ самъ принять въ немъ участіе (какъ поучаетъ меня критикъ).

Я полагаю, что такое умиленіе, почти тождественное съ полнымъ раскаяніемъ, съ полной готовностью преступной души переродиться нравственно,—есть нѣчто значительно большее, нежели то, о чемъ разсказываю я въ «Украд. манифестѣ». Правда, «кобылка толпилась на дворѣ съ радостно сіяющими лицами, не слышалось ни брани, ни обычныхъ ссоръ, но это не мѣшало, напр., Юхореву съ пріятелями расхаживать обычной геройской походкой» и громко разсуждать: «Я опять на Олёкму ударюсь! Чорта съ два сталъ я въ Забайкальи жить... Тамъ и дѣвки то, по моему, слаще и спиртъ крѣпче».—Критикъ пропускаетъ это невыгодное для его тенденціи мѣсто, и переходитъ къ слѣдующей затѣмъ сценкѣ. Къ

Ивану Николаевичу подходятъ его «пріятели» Чирокъ и Ногайцевъ, оба торжественно-солидные, слегка улыбающіеся. Оба—и Чирокъ и Ногайцевъ—въ тюрьмѣ были все время тихими, добрыми, симпатичными сожителями; но Иванъ Николаевичъ не могъ, конечно, позабыть той глубокой пропасти, какая продолжала лежать между душевнымъ складомъ этихъ двухъ своихъ пріятелей: Чирокъ былъ на волѣ убійцей по профессіи, Ногайцевъ—убійцей случайнымъ. «Какъ же вы жить станете на родинѣ, чѣмъ? спрашиваетъ онъ у послѣдняго, услыхавъ о его крѣпкомъ желаніи вернуться на родину. Отвѣтъ Ногайцева въ своемъ родѣ въ высшей степени благороденъ и вполнѣ соотвѣтствуетъ его доброму прошлому, лишь случайно омраченному несчастіемъ преступленія: «чудной ты, право, о чемъ спрашиваешь! Что же, рукъ у меня, что ль, нѣту? Аль думаешь, коли я разъ въ жизни одну-двѣ сволочи убилъ, такъ скучать опять по острогѣ стану? Самъ знаешь, Миколаичъ, что я и въ каторгѣ лодырничать не любилъ. Дай мнѣ волю да вольную пищу, я опять настоящимъ человѣкомъ стану». Но когда Чирокъ, въ свою очередь, заявляетъ убѣжденнымъ тономъ: «Правду это истинную говоритъ Ногайцевъ, въ тюрьмѣ развѣ можетъ человѣкъ человѣкомъ быть?» Иванъ Николаевичъ, вспоминая, что на волѣ *этотъ* человѣкъ былъ несравненно меньше человѣкомъ, нежели въ тюрьмѣ, спрашиваетъ его: «А вы, Чирокъ, ужъ не будете больше черемисовъ давить?»

Правда, я охотно готовъ согласиться, что такой вопросъ звучитъ не деликатно и, быть можетъ, даже грубо; но при тѣсной совмѣстной жизни, когда живешь цѣлыми годами въ одной камерѣ, лежишь бокъ-о-бокъ на однѣхъ нарахъ, трудно сохранить всегда одну и ту же мудрую сдержанность,—и самый деликатный человѣкъ прорывается, и самый осторожный характеръ устаетъ быть вѣчно на чеку. И мы видимъ, что и во все пребываніе свое въ Шелаѣ (во всѣхъ прежнихъ очеркахъ) Иванъ Николаевичъ не разъ задаетъ своимъ сожителямъ вопросы относительно ихъ прошлаго, которые свѣжему человѣку (особенно если онъ настроенъ черезчуръ ригористически) могутъ показаться такимъ же грубымъ прикосновеніемъ къ чужимъ ранамъ. А за всѣмъ тѣмъ, повинную голову и мечъ не сѣчетъ: вѣдь, разсказавъ всю эту исторію, Иванъ Николаевичъ прибавляетъ, что онъ тутъ же и раскаялся въ своей шуткѣ, какъ только увидалъ, что лицо Чирка принимаетъ въ высшей степени огорченный видъ. «Эхъ, Миколаичъ! снимаетъ Чирокъ шапку и энергично чешетъ себѣ затылокъ, и это «эхъ»! «звучитъ чѣмъ то вродѣ горькаго упрека... И я невольно вспоминаю разсужденія Валеріана о благопріятномъ для нравственнаго перерожденія моментѣ: ужъ и въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ли въ этихъ разсужденіяхъ нѣкоторой доли правды»?..—Да, только въ этотъ моментъ, увидавъ огорченное лицо Чирка, Иванъ Николаевичъ имѣлъ осво-

ваніе хоть на минуту усомниться въ справедливости своего скептицизма.

Ничего этого строгій критикъ видѣть и понимать не хочетъ. Отождествивъ русское крестьянство съ каторгой, онъ, въ понятномъ и естественномъ ликованіи этой послѣдней по поводу манифеста увидалъ какое то спеціально-русское умиленіе, «улыбку доброй крестьянской души» и негодуетъ, повидимому, на то даже, что Иванъ Николаевичъ разочаровываетъ каторгу, доказывая ей, что двѣ трети—одна фантазія, ребяческое пониманіе оффиціальной терминологіи... По мнѣнію критика, онъ обязанъ былъ, вѣроятно, обманывать своихъ темныхъ и легковѣрныхъ сожителей, утверждать ихъ въ розовыхъ иллюзіяхъ. «Мы не повѣрили бы, чтобы кто-нибудь рѣшился смутить такое настроеніе, прогнать улыбку доброй крестьянской души, если бы не прочли объ этомъ у г. Мельшина». Въ эту минуту общаго энтузіазма и умиленія «Иванъ Николаевичъ занимался... подшучиваньемъ (?) надъ совершенными этой каторгой преступленіями. Тяжелая это сцена. Пусть она мимо пройдетъ... Но чужой, чужой человѣкъ этотъ гуманистъ Иванъ Николаевичъ!»

Да, въ высшей степени ложнымъ и потому, повторяю, до крайности вреднымъ кажется мнѣ это переслащенное народолюбіе почтеннаго критика.

Съ усердіемъ, достойнымъ, поистинѣ, лучшей участи, онъ выкапываетъ доказательства моей «чуждости» народу и тамъ, гдѣ можно, и тамъ, гдѣ, повидимому, совсѣмъ невозможно это дѣлать. Такъ, онъ отмѣчаетъ то «любопытное обстоятельство», что г. Мельшинъ въ своихъ очеркахъ не даетъ изображенія фигуръ «вотъ эдакихъ Юхоревыхъ, людей силы и иниціативы, людей незаурядной воли и незаурядныхъ умственныхъ способностей». По его мнѣнію, это черта характерная, доказывающая не только «отсутствіе мощи въ художественномъ темпераментѣ г. Мельшина» (на это я и не претендую, достоуважаемый критикъ!), но и «еще что-нибудь, какую-нибудь особую черту въ его настроеніи». Этотъ неясный намекъ, непріятный, какъ всякій недостатокъ прямоты, я не могу понять иначе, какъ все въ томъ же смыслѣ: г. Мельшинъ—баричъ, презирающій простой народъ и выходящія изъ него сильныя личности, которыя, молъ, гроша не стоятъ по сравненію съ интеллигентами... Но на основаніи какого же литературнаго матеріала бросаются въ лицо всѣ эти жесткія обвиненія? Возьмемъ, хотя бы только что открытое критикомъ «любопытное обстоятельство»: оно вѣдь совершенно фантастично... Сильными представителями каторги я въ своей книгѣ даже очень интересуюсь. Семеновъ, Сокольцевъ, Комлевъ, Гончаровъ въ I т. «М. О.»—все это люди во всякомъ случаѣ недюжинной воли и иниціативы (они могутъ быть плохо обрисованы—это другой вопросъ, котораго и критикъ не касается). Да и самъ, наконецъ, Юхоревъ... Вотъ какъ характери-

зуетъ его мой критикъ: «Это арестантъ пробойстый, умный, энергичный и по своему сильный, даже могучій, одинъ изъ тѣхъ самородковъ—вождей вольницы, какими и теперь еще достаточно богата русская мужицкая дѣйствительность». Но откуда же зналъ бы почтенный критикъ, что таковъ именно Юхоревъ, если бы Мельшинымъ Юхоревъ оставленъ былъ безъ всякой обрисовки...

IV.

Кончая свою нѣсколько разросшуюся замѣтку, я съ грустью думаю о томъ, что мнѣ, дѣлившему съ несчастными отверженцами и горе и радость, именно мнѣ приходится возвышать теперь голосъ противъ полнаго отождествленія ихъ съ народомъ. Но, «хоть и другъ Платонъ, а еще большій другъ истина»... И если кто-нибудь скажетъ мнѣ, что, разрушая розовыя иллюзіи относительно каторжнаго міра, я на словахъ только являюсь его адвокатомъ и благожелателемъ, на дѣлѣ же врежу ему, какъ злѣйшій недругъ, то я отвѣчу: не правда это, потому что знаніе истиннаго положенія вещей никогда и ничему повредить не можетъ! Добра и только добра желаю я отъ всей души погибающимъ братьямъ; любовь, одну любовь зову нести въ ихъ темную, безрадостную жизнь, и думаю, что не мало цѣнныхъ алмазовъ можно открыть на днѣ преступной, отверженной души. Все это такъ. Но народъ... о, слишкомъ большое это слово, чтобъ относиться къ нему легкомысленно! Народъ русскій—не то же самое, что сборище убійцъ, маньяковъ, воровъ, насильниковъ и развратниковъ. Пусть всѣ эти люди изъ того же народа вышли, пусть многіе изъ нихъ лично совсѣмъ неповинны въ томъ, что стали такими, какими стали, пусть еще многіе найдутъ въ себѣ силы вновь возродиться и опять войти въ великое народное море,—пусть... И однако, преступная душа всетаки не душа народа русскаго! Всѣми силами слова я протестую противъ такого смѣшенія и не стыжусь и не боюсь того, что отыщутся, быть можетъ, народолюбцы, которые укажутъ на меня пальцами и возопіютъ: «Чужой! Чужой!»

Л. Мельшинъ.

Хроника внутренней жизни.

Нѣчто о пессимизмѣ и оптимизмѣ въ отношенiи къ провинцiи. Судьбы провинцiальной печати и земскихъ начинанiй. Земскiе финансы и причины ихъ неудовлетворительности. Обязательные земскiе расходы и натуральныя повинности сельскаго населенiя. Саратовское уѣздное земское собранiе. Господство тѣлесныхъ наказанiй. Границы недозволеннаго и разрѣшеннаго въ законѣ и жизни.

Обозрѣваемая во всемъ хаотическомъ разнообразiи своихъ проявленiй провинцiальная жизнь равно способна быть источникомъ утѣшенiя для однихъ, тягостнаго недоумѣнiя и безотрадныхъ думъ—для другихъ. Ежедневно она готова подарить васъ десятками «свѣтлыхъ явленiй» и «примѣровъ, достойныхъ подражанiя», и рядомъ съ тѣмъ цѣлой тучей фактовъ поражающаго произвола, дикости, невѣжества, порою звѣрства, передъ которымъ стынетъ сердце. Наблюдатели, склонные во всякое время придти въ восторженное настроенiе, и пессимисты, сосредоточивающiе свое вниманiе на темныхъ сторонахъ окружающаго, одинаково найдутъ въ ней богатый запасъ для своей аргументацiи. Но если они будутъ спорить, исходя изъ этихъ впечатлѣнiй, о преимуществахъ центровъ и провинцiи, ихъ споръ будетъ такъ же безплоденъ, какъ и безконеченъ. И это происходитъ во первыхъ потому, что противорѣчiе, сказывающееся въ разницѣ ихъ выводовъ относительно провинцiи, примиряется на томъ, что лежитъ внѣ предѣловъ спора, а во вторыхъ потому, что противорѣчiе это не есть что либо характеристичное именно для провинцiи,—оно одинаково обще для нея и центровъ, это—противорѣчiе всей современной русской жизни.

Жизнь центровъ и захолустiй не отдѣлена другъ отъ друга китайской стѣной. Основные факторы, опредѣляющiе внутреннее содержанiе и развитiе той и другой, тѣ же самые, но реакцiя ихъ въ неодинаковыхъ средахъ проявляется въ формахъ различныхъ. И то, мимо чего, благодаря привычкѣ, мы проходимъ равнодушно въ одномъ случаѣ, поражаетъ наше вниманiе, восхищаетъ или отталкиваетъ—въ другомъ, единственно потому, что встрѣчается намъ въ необычномъ видѣ.

Провинцiя въ послѣднее время сильно поднялась во мнѣнiи центровъ. Отчасти это произошло въ силу общаго культурнаго развитiя страны, достаточно замѣтно отразившагося и на провинцiальной общественности, отчасти потому, что мы теперь лучше знаемъ провинцiю и она сама болѣе знакомитъ насъ съ собою. Прежнее представленiе о противоположности центровъ и провинцiи, находившее себѣ выраженiе въ стихахъ:

«Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ—вѣковая тишина»...

оказывается несостоятельнымъ. Ближайшее знакомство съ общественной и экономической жизнью страны показало, что ее характеризуютъ не тишина и неподвижность, но, напротивъ, широкое и непрерывное движеніе, борьба противуположныхъ силъ, настойчивое исканіе лучшихъ формъ существованія, новыхъ путей развитія. Всероссійская перепись раскрыла величественную картину массоваго передвиженія и общаго роста населенія внутри страны: одни города поднимаются въ своемъ значеніи въ ущербъ другимъ, съ рѣдкой быстротой заселяются окраины, подъ стукъ парового молота и горнозаводской кирки растетъ значеніе юга, изъ центральныхъ земледѣльческихъ губерній волна за волной отливаетъ населеніе на далекія сибирскія окраины, въ крупные растущіе городскіе центры, всюду, куда требуется рабочій человѣкъ, его мозолистыя руки, гдѣ ждутъ его неиспользованныя еще богатства земли и крупныя промышленныя предпріятія современной эпохи. Плотной сѣтью желѣзнодорожныхъ путей охватываются всѣ части Россіи, облегчая тѣмъ широкое передвиженіе народныхъ массъ, создавая новыя условія для болѣе интензивной общественности. А надъ всей этой волнующейся массой многомилліоннаго населенія идетъ упорная и разнообразная работа мѣстныхъ руководящихъ силъ, направленная къ тому, чтобы пріобщить ее благамъ культуры: просвѣщенію и промышленному развитію.

Въ такомъ видѣ представляется общерусская жизнь человѣку, разсматривающему ее съ такой высоты, на которой видны лишь главныя очертанія картины, когда теряются штрихи, своей совокупностью опредѣляющіе характеръ самаго ея фона. И если, спустившись съ этой высоты, онъ станетъ случайно рядомъ съ группою явленій, которыя могутъ быть отнесены именно къ области «отрадныхъ», то вотъ ужъ и достаточныя основанія для особаго подъема духа и розовыхъ настроеній. И, наоборотъ, столкновеніе иного туриста, наблюдателя исключительно съ неприглядными и жесткими сторонами народной жизни, съ грубостью и пошлостью провинціальной среды обращаютъ его разъ навсегда въ безпощаднаго противника и хулителя всего, что не ростетъ подъ сѣнью созидающихъ столичную культуру учрежденій — до ресторановъ включительно.

Насъ отнюдь нельзя отнести въ разрядъ людей, зараженныхъ безнадежнымъ скептицизмомъ и недовѣріемъ ко всему, что совершается въ провинціи хорошаго. Но насъ не столько интересуетъ относительное распредѣленіе силъ между центрами и провинціею, сколько условія, при которыхъ онѣ находятъ себѣ исходъ и приложеніе тамъ и здѣсь, интересуетъ вопросъ о томъ, *благодаря чему и во-*

преки чему возникаетъ и существуетъ у насъ то хорошее, что дѣйствительно существуетъ.

Не далѣе какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ г. Калугѣ состоялся товарищескій обѣдъ сотрудниковъ мѣстной газеты: «Калужскаго Вѣстника». Произносились тосты, высказывались пожеланія, говорились рѣчи. Изъ послѣднихъ, какъ сообщаетъ та же газета, особенно выдается рѣчь проживающаго въ настоящее время въ г. Калугѣ бывшаго проф. И. И. Иванюкова. Это была своего рода лекція о культурномъ ростѣ нашей провинціи. Сущность ея газета приводитъ въ слѣдующемъ видѣ.

«Прежде провинція жила тою умственной пищей, которую давали ей столицы, оттуда ждали новыхъ идей, новыхъ «хорошихъ» словъ. Теперь не то: «хорошихъ» словъ и хорошихъ идей провинція сама знаетъ не менѣе, чѣмъ Петербургъ, чѣмъ Москва; но за то эти идеи провинція, не взирая на массу препятствій и затрудненій,—энергично, съ упорною послѣдовательностью прилагаетъ *къ дѣлу*. Общественная мысль въ провинціи за это время проявляетъ огромную живучесть: посмотрите, сколько возникло и возникаетъ ежедневно, ежечасно въ провинціи разныхъ безплатныхъ читаленъ, безплатныхъ воскресныхъ школъ, исправительныхъ и другихъ наименованій пріютовъ!!.. Но самымъ вѣрнымъ показателемъ культурнаго роста провинціи является провинціальная печать. Всего какихъ нибудь лѣтъ 15—20 тому назадъ провинціальныхъ изданій насчитывалось два—три десятка, да и тѣ по большей части едва влачили свое существованіе. Теперь ихъ свыше сотни; весьма многія провинціальныя газеты по литературному матеріалу, по своему объему и по своей распространенности не уступаютъ столичнымъ изданіямъ, не смотря на огромную разницу въ условіяхъ изданія газеты въ столицѣ и въ провинціи...»

«Калужскій Вѣстникъ»—газета, возникшая еще очень недавно, по содержанію весьма скромная, любитъ поговорить о себѣ и своихъ злоключеніяхъ, и нѣсколько наивная. Она хотя и приводитъ слова г. И. Иванюкова, что въ провинціи «теперь не то», но для своей Калуги дѣлаетъ рѣшительное исключеніе. Въ годовщину выхода своего перваго номера—1 сент. минувшаго года, она описывала состояніе калужской общественности въ такихъ мрачныхъ краскахъ и въ такихъ патетическихъ выраженіяхъ, которыя напоминаютъ первые опыты провинціальной прессы: «Да, мы должны сознаться, что Калуга — непочатый уголъ и что почва ея невоздѣлана... Трудно работать на такой нивѣ! Бурьянъ, лопухъ и другія сорныя травы заглушаютъ всякую культуру. Кругомъ полное гробовое безмолвіе, лишь изрѣдка оживляемое безсильнымъ ропотомъ источника, робко замирающимъ при самомъ зарожденіи... Грустная, безотрадная картина! И это жизнь общества въ провинціи?!... Все замерло и заснуло. Гнилью и сыростью вѣетъ отъ родныхъ палестинъ. Лишь по временамъ вспыхнетъ слабая искра жизни, на минуту

обливая свѣтомъ окрестность. При свѣтѣ этого слабаго пламени можно разглядѣть фигуры людей—мѣстныхъ обывателей, сидящихъ въ какомъ-то летаргическомъ оцѣпенѣніи. Сидятъ они въ своихъ каменныхъ домахъ, стригутъ купоны съ нажитыхъ предками милліоновъ и съ злымъ скептицизмомъ смотрятъ на всякое проявленіе личной иниціативы, гуманной идеи или какого нибудь живого общественнаго дѣла... Трудно работать при такихъ условіяхъ; тяжела борьба съ невѣжествомъ и тьмою! А тутъ еще приходится переносить разныя «заушенія», оскорбленія, глумленія, насмѣшки... Все это въ изобиліи дождемъ сыпется на газету... Сколько несправедливыхъ упрековъ, сѣтованій, жалобъ!.. Сколько угрозъ, «въ бараній рогъ согну!» Сколько преслѣдованій, гоненій, травли: «ату его!..»

Къ сожалѣнію, «Калужскій Вѣстникъ» не безъ основанія жалуется на гоненія. Не смотря даже на покровительство мѣстнаго начальника губерніи Н. Д. Голицына (нынѣ тверской губернаторъ), сочувственно относившагося къ возникновенію мѣстной прессы. Газета задумала, напримѣръ, основать свое отдѣленіе въ сосѣдней—Тулѣ. Дѣятельность отдѣленія пошла хорошо, при сочувствіи тульской публики, но обратила на себя вниманіе мѣстной администраціи, что не замедлило отразиться на судьбѣ отдѣленія весьма печально. Чиновникъ, жена котораго открыла отдѣленіе на свое имя, принужденъ былъ оставить службу, разрѣшеніе къ открытію отдѣленія, артели газетныхъ разносчиковъ и т. п. было обставлено большими затрудненіями. Наконецъ, тульскому отдѣленію было предъявлено требованіе сообщить фамиліи сотрудниковъ, пишущихъ о Тулѣ подъ псевдонимами, и послѣдовавшій на то весьма понятный отказъ газеты вызвалъ по отношенію къ ней большое неудовольствіе.

Тула отстоитъ отъ Калуги всего на 6 часовъ ѣзды, а между тѣмъ судьба въ нихъ мѣстной прессы совершенно различна. Эта разница условій существованія печати въ предѣлахъ иногда одного географическаго градуса явленіе весьма обычное. Газета «Народъ», изъ которой приводимъ мы эпизодъ съ тульскимъ отдѣленіемъ «Калужскаго Вѣстника», приводитъ отзывы трехъ губернаторовъ по поводу значенія мѣстной прессы.

«Одинъ губернаторъ противъ изданія мѣстной газеты потому, что новая газета повредила-бы доходамъ губернскихъ вѣдомостей, а доходы эти нужны чиновникамъ губернскаго правленія. Другой губернаторъ возсталъ противъ изданія въ его губерніи мѣстнаго органа, въ виду тѣхъ соображеній, что будто-бы населеніе ввѣренной его управленію губерніи еще не доросло до сознанія пользы и необходимости читать свою мѣстную газету, а посему и никакой надобности въ таковой не имѣется. Наконецъ, вотъ отзывъ третьяго. «Развитіе провинціальной печати я считаю вѣрнѣйшимъ признакомъ соотвѣтствующаго развитія самосознанія и самостоятельности общества. Печатное слово вообще, а въ провинціи въ особенности, служитъ лучшимъ помощникомъ администраціи, какъ по выясненію

нуждъ населенія, поднятія его благосостоянія, такъ и въ борьбѣ съ нежелательными явленіями». («Недѣля» № 20).

Допустимъ, что въ губерніи, начальникъ которой придерживается послѣдняго мнѣнія, существуетъ частный органъ печати. Но вотъ происходитъ перемѣщеніе по службѣ и во главѣ губерніи оказывается администраторъ, придерживающійся перваго изъ приведенныхъ взглядовъ. Насколько прочнымъ явится тогда существованіе помянутаго органа?

Такъ шатко, въ такой зависимости отъ причинъ совершенно случайнаго свойства стоитъ существованіе тѣхъ самыхъ органовъ мѣстной прессы, которые провозглашаются гордостью современной провинціальной общественности. А между тѣмъ сознаніе пользы мѣстной печати не рѣдкость въ самихъ мѣстныхъ административныхъ сферахъ. «Сынъ Отечества» передавалъ, что олонецкій губернаторъ обратился въ мѣстное губернское земство съ предложеніемъ, отпустить необходимыя денежныя средства на изданіе олонецкой земской газеты. Мотивами такого предложенія послужили слѣдующія соображенія. «Правительство, передавая земству часть дѣлъ, которыя вѣдало прежде оно само, надѣялось, что интересы мѣстнаго населенія только выиграютъ отъ того, что они будутъ вѣдаться людьми, которыхъ избрало само-же населеніе. Земство, дѣйствительно, оправдало эти надежды и создало свое правильно организованное хозяйство, народную школу, медицину, статистику и т. д. И все это достигнуто только благодаря тому, что оно внимательно относилось къ жизни мѣстнаго населенія и чутко прислушивалось къ его нуждамъ. Въ виду такого назначенія земскихъ учрежденій, послѣднимъ, по мнѣнію губернатора, безусловно необходимо имѣть свой органъ печати и тѣмъ самымъ дать возможность на столбцахъ его всѣмъ свободно свидѣтельствовать о разныхъ мѣстныхъ нуждахъ и въ тоже время знакомить мѣстное населеніе съ тѣми мѣрами, которыя предпринимаются для его блага земскими учрежденіями. Перваго рода сообщенія давали-бы земскимъ дѣятелямъ возможность слѣдить за выдвигаемыми мѣстною жизнью ея потребностями и этимъ содѣйствовали-бы исполненію земствомъ своей задачи. Знакомя-же населеніе съ различными мѣропріятіями земства, мѣстный органъ печати вводилъ бы этимъ самымъ мѣстныхъ жителей въ курсъ земскаго дѣла. Кромѣ того, здѣсь достигались бы и другія, болѣе важныя воспитательныя цѣли: населеніе съ большимъ интересомъ относилось бы къ своимъ собственнымъ дѣламъ, развивало-бы самодѣятельность и способность иниціативы, т.-е. получило-бы нѣкоторое гражданское воспитаніе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ рѣшилъ обратиться въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ основаніи при «Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» особаго спеціальнаго земскаго органа, который могъ-бы выходить еженедѣльно, въ видѣ приложенія къ «Вѣдомостямъ». Олонецкое губернское земское собраніе со-

чувственно встрѣтило предложеніе губернатора и ассигновало 1,000 руб. на организацію земской газеты.

Приведенный примѣръ напоминаетъ характерныя для начала 60-хъ годовъ попытки мѣстной администраціи «оживлять» «Губернскія Вѣдомости», попытки, судьба которыхъ очерчена В. Г. Короленко въ статьѣ «Изъ областной печати» въ сборникѣ, посвященномъ памяти А. С. Гацисскаго. Тамъ же авторъ совершенно справедливо выражаетъ убѣжденіе, что для дѣйствительнаго оживленія провинціальная пресса нуждается не столько въ покровительствѣ, сколько въ независимости. Это наглядно показала исторія областной прессы того времени. Что касается даннаго случая—проекта олонецкой земской газеты, то здѣсь новымъ является то, что ему предшествовалъ уже не одинъ годъ осуществляемый и оказавшійся вполнѣ удачнымъ опытъ вятской земской газеты. Газета вступаетъ уже въ третій годъ своего существованія. Печатается она въ количествѣ 6,000 экземпляровъ и разсылается безплатно во всѣ волостныя правленія, во всѣ начальныя земскія и церковно-приходскія школы, народныя библіотеки-читальни, губернскимъ и уѣзднымъ гласнымъ и др. Въ газетѣ печатаются статьи по народному образованію, по медицинѣ и ветеринаріи, по сельскому хозяйству, по техническимъ и кустарнымъ промысламъ, а также сообщаются свѣдѣнія о земской жизни и вообще о хозяйственной жизни губерніи и Россіи. Въ настоящее время, согласно ходатайству земства, программа газеты расширена литературно-историческимъ отдѣломъ. Крестьяне съ большимъ удовольствіемъ читаютъ газету, и многіе изъ нихъ время отъ времени сообщаютъ въ редакцію свои наблюденія и результаты полученныхъ ими опытовъ въ области сельскаго хозяйства.

Однако опытъ земской газеты, оказавшійся вполнѣ удачнымъ и осуществимымъ мѣропріятіемъ въ такой крестьянской губерніи, какъ вятская, не находитъ ни сочувствія, ни довѣрія въ сосѣдней же губерніи, составъ земскаго представительства которой отмѣченъ инымъ характеромъ. Въ 1896 году вопросъ объ ассигнованіи на изданіе земской газеты былъ внесенъ въ очередное нижегородское губернское земское собраніе управою, но предложеніе управы было отвергнуто почти единогласно. Собраніе, наполовину состоявшее изъ земскихъ начальниковъ и предводителей дворянства, нашло подобную затрату совершенно непроизводительною, нѣкоторые гласные находили самую идею изданія земской газеты забавною и достойной осмѣянія, другіе—находили неосуществимымъ изданіе земской газеты, способной одинаково удовлетворить требованіямъ грамотнаго крестьянства и крупныхъ землевладѣльцевъ дворянъ. И грамотное населеніе губерніи, не имѣющее средствъ выписывать «Московскія Вѣдомости» или мѣстную газету, оказалось безъ всякой помощи въ безспорной и повсемѣстно пробуждающейся потребности чтенія, потребности узнать, что дѣлается за предѣлами ихъ

угла, получить нѣкоторыя реальныя свѣдѣнія и указанія въ цѣломъ рядѣ практическихъ вопросовъ повседневной жизни. Такъ, разница въ составѣ земскаго представительства опредѣляетъ судьбу мѣропріятій, полезность которыхъ для большинства населенія не только ясна предположительно, но и доказана практически. Притомъ не только разница въ составѣ земства разныхъ губерній опредѣляетъ прочность тѣхъ или иныхъ мѣръ, направленныхъ на удовлетвореніе интересовъ массы, но и тѣ измѣненія, которымъ подвергается составъ земскихъ собраній или управъ въ одной и той же губерніи. Возьмемъ ту же Вятскую губернію. Письмо изъ Вятки въ одномъ изъ номеровъ «Недѣли» (№ 51) напоминаетъ все разнообразіе мѣропріятій, направленныхъ къ просвѣщенію и поднятію хозяйственнаго быта населенія, осуществленныхъ губернскою управою при покойномъ ея предсѣдателѣ А. И. Батуевѣ. Тутъ и учрежденіе кустарнаго склада и музея, образцовыхъ мастерскихъ, изданіе «Вятской Газеты» для народа, учрежденіе земскаго книжнаго склада, широкая организація агрономическаго института, устройство нѣсколькихъ фермъ-школъ, пригонъ изъ степей лошадей и раздача ихъ безлошаднымъ дворамъ, безплатная раздача народу книгъ (на 2—3 тыс. ежегодно), учрежденіе 3,000 недорогихъ библіотечекъ для каждаго сельскаго общества въ губерніи, широкая постановка воскресно-повторительныхъ занятій при земскихъ школахъ и воскресно-народныхъ чтеній съ фонарями, проектъ учрежденія 600 новыхъ земскихъ школъ при помощи губернскаго земства, болѣе чѣмъ на двѣ трети уже выполненный въ полтора-два года.

Здѣсь цѣлая программа дѣятельности земства въ пользу населенія, постепенно развивавшаяся сообразно потребностямъ и нуждамъ, указываемымъ самою жизнью. Но вотъ Батуевъ погибъ отъ пули какого-то психически ненормальнаго просителя мѣстъ и на его мѣсто избранъ предсѣдатель уржумской управы, г. Садовень. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ собраніи получила перевѣсъ «бюрократическая», какъ выражается авторъ корреспонденціи, партія губернскаго земства: одиннадцать чиновниковъ предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ и депутатовъ разныхъ вѣдомствъ. Эта преобладающая въ собраніи партія находила, что пора «передохнуть» отъ лихорадочной и разнообразной дѣятельности послѣднихъ лѣтъ. И управа дѣйствительно не отягощала собраніе обиліемъ докладовъ, такъ что гласные имѣли возможность свободно предаваться цѣлому ряду «товарищескихъ» обѣдовъ. Кажется, единственное новое, что принесло съ собою направленіе, пришедшее на смѣну батуевскому, это было стремленіе къ увеличенію земскихъ окладовъ и содержаній. На «представительство» предсѣдателю губернской управы было увеличено содержаніе съ трехъ на пять тыс. рублей, членамъ управы съ двухъ на двѣ съ половиной тыс. руб. и внесенъ докладъ о назначеніи суточныхъ губернскимъ гласнымъ. Собраніе увеличило содержаніе

ветеринарнымъ врачамъ, страховымъ агентамъ, земскимъ землемѣрамъ, прибавило пособіе на церковно-приходскія школы въ 3,900 руб., что съ прежнимъ составитъ 9,900 руб., выдало по просьбѣ супруги начальника губерніи пособіе въ 11 тыс. руб. на постройку вятской женской гимназіи и церкви при ней. Во всемъ этомъ чувствовалось новое вѣяніе, преслѣдованіе иныхъ, чѣмъ ранѣе, цѣлей, во имя иныхъ симпатій. Авторъ корреспонденціи объ этомъ собраніи вятскаго земства заключаетъ ее словами: «Вотъ что значитъ лишиться *одного* энергичнаго дѣятеля, стоявшаго во главѣ всѣхъ благихъ начинаній. Видимо въ нашемъ *обществѣ* начинанія эти достаточныхъ корней не имѣютъ». И дѣйствительно, можно ли признать явленіемъ нормальнымъ зависимость между серьезными мѣропріятіями, имѣющими въ виду интересы значительнѣйшихъ группъ населенія, требующими упорнаго и многолѣтняго примѣненія, чтобы полезные результаты ихъ выяснились съ достаточной наглядностью, и существованіемъ отдѣльной, хотя бы и выдающейся, личности? Система мѣръ, направленная на удовлетвореніе общихъ потребностей, обладаетъ необходимою для своего развитія прочностью только тогда, когда она опирается не только на сочувствіе, но и на болѣе реальную поддержку заинтересованнаго въ ней большинства. Поучительнымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ является послѣдняя сессія новоторжскаго уѣзднаго земскаго собранія. До сихъ поръ въ этомъ земствѣ вліяніе на ходъ земской дѣятельности всецѣло принадлежало гласнымъ отъ перваго дворянскаго избирательнаго собранія. Характеръ этого вліянія отличался неизбѣжной перемѣнчивостью въ зависимости отъ положенія, занимаемаго тою или иной изъ боровшихся въ собраніи партій. Но въ только что закончившейся сессіи собранія, какъ сообщаютъ «Биржевыя Вѣдомости» (№ 294), совершенно независимое положеніе заняла группа городскихъ гласныхъ и представителей отъ сельскихъ обществъ, которая въ теченіе всей сессіи, продолжавшейся шесть дней, заявляла и проводила свои рѣшенія и предположенія. «Здѣсь не сомнѣваются, добавляетъ корреспонденція, что съ появленіемъ этого новаго теченія земское дѣло только выиграетъ, такъ какъ нѣтъ, не было и не предвидится никакой, повидимому, «кампаніи» противъ всего того, что сдѣлано хорошаго старымъ земствомъ, а выражена, напротивъ, рѣшимость къ дальнѣйшему развитію, совершенствованію и упорядоченію уже сдѣланнаго, достигнутаго на почвѣ общихъ пользъ и нуждъ».

Еще въ прошломъ году намъ приходилось указывать, что задача оказанія продовольственной помощи населенію, застигнутому неурожаемъ, застала большинство губерній въ состояніи той же неподготовленности и незнанія истиннаго положенія вещей, какъ и въ 1891—92 гг. Опять дѣлаются примѣрные разсчеты продовольственной нужды, произвольно измѣняемые, смотря по обстоятельствамъ, такъ какъ ни у кого нѣтъ твердаго довѣрія къ самимъ

цифрамъ, положеннымъ въ основу этихъ разсчетовъ. Въ газетахъ было сообщеніе, что вновь назначенный нижегородскій губернаторъ И. Ф. Унтербергеръ, объѣзжая съ цѣлями ревизіи и ознакомленія съ положеніемъ губерніи, всѣ ея уѣзды, въ виду постигшаго Нижегородскую губернію недорода, всюду стремился возможно точно выяснить степень продовольственной нужды, но въ большинствѣ случаевъ «ни земскіе начальники, ни земскія управы, ни полиція не могли дать нужныхъ свѣдѣній, которыя приходилось получать отъ податныхъ инспекторовъ, оказавшихся наиболѣе освѣдомленными по вопросу объ экономическомъ состояніи населенія» («Недѣля» № 2). Историческая справка (приходится называть исторической справку о томъ, что было всего 6 лѣтъ назадъ) показываетъ намъ, что то же было въ Нижегородской губерніи и въ злополучный голодный годъ и только силы губернской земской статистики дали возможность настолько детально и прочно установить размѣры продовольственной нужды, что весь дальнѣйшій ходъ продовольственной операціи служилъ лишь блестящимъ оправданіемъ сдѣланныхъ ею разсчетовъ. Услуги земской статистики продовольственному дѣлу въ Нижегородской и Воронежской губерніяхъ по минованіи бѣды были признаны какъ администраціею, такъ и земствами. Земская статистика оказала не мало услугъ дѣлу помощи голодавшему населенію и въ рядѣ другихъ губерній: Тамбовской, Вятской, Херсонской, Самарской и пр. Но теперь все это какъ бы вышло изъ памяти. Конечно, нельзя отрицать, что нѣкоторые отдѣльные податные инспектора могутъ быть весьма обстоятельно ознакомлены съ экономическимъ положеніемъ населенія, но, не говоря уже о томъ, что врядъ-ли тоже можно сказать обо всѣхъ податныхъ инспекторахъ, разрѣшеніе такой сложной и отвѣтственной задачи, какъ опредѣленіе размѣровъ нужды въ продовольствіи и въ ссудѣ на обсѣмененіе полей, въ нѣсколькихъ уѣздахъ съ установленіемъ относительной пропорціи ихъ нуждаемости, требуетъ широко и по одной общей программѣ поставленнаго статистическаго изслѣдованія вопроса. Сознаніе этой необходимости и возникаетъ мѣстами подъ давленіемъ нужды. Такъ, изъ Моршанска корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ: (№ 271) «настоящій годъ съ особенной силой указываетъ на необходимость организаціи при всѣхъ земствахъ текущей продовольственной статистики на широкихъ научныхъ началахъ. На происходившемъ недавно тамбовскомъ экстренномъ губернскомъ земскомъ собраніи, созывавшемся для выясненія продовольственной нужды въ губерніи, обнаружился весьма печальный фактъ отсутствія не только болѣе или менѣе точныхъ, но даже приблизительныхъ данныхъ о степени продовольственной нужды. Представленныя уѣздами въ собраніе свѣдѣнія признаны были совершенно несоотвѣтствующими дѣйствительности и необоснованными. Часть уѣздовъ указывала на явно несоразмѣрно высокія цифры, выражающія продовольственную нужду, другая часть, на-

оборотъ, предъявила требованія меньшія, чѣмъ указывала дѣйствительность, включая сюда Спасскій уѣздъ, совершенно нашедшій излишней для себя продовольственную ссуду. Чрезвычайное собраніе послѣ разсмотрѣнія представленныхъ данныхъ признало всѣ ихъ неточными и постановило собрать къ очередному собранію болѣе точныя и обоснованныя свѣдѣнія. Главная и, пожалуй, единственная причина такого нежелательнаго явленія заключается въ отсутствіи у земствъ правильно организованной текущей и продовольственной статистики. Отъ той неудачи, которая постигла чрезвычайное тамбовское собраніе, не уйдутъ, конечно, и другія земства, за исключеніемъ тѣхъ единичныхъ земствъ, гдѣ имѣется текущая или продовольственная статистика. Не говоря уже о томъ, что земство, при опредѣленіи продовольственной нужды, располагаетъ данными, получаемыми исключительно отъ волостныхъ правленій, и, слѣдовательно, данными, не могущими претендовать на достовѣрность, разработка получаемыхъ свѣдѣній, вычисленіе степени нужды требуетъ непремѣннаго участія лицъ съ спеціальными статистическими знаніями».

Значеніе и полезность земской статистики признается и нѣкоторыми представителями мѣстной администраціи. Такъ, уфимскій корреспондентъ «Вятскаго Края», передавая о томъ сочувствіи, съ которымъ относится новый уфимскій губернаторъ къ дѣятельности земства въ области народнаго образованія, объ его обращеніи къ мѣстной интеллигенціи съ призывомъ принять участіе въ неоффиціальномъ отдѣлѣ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей», упоминаетъ еще о томъ, что г. Богдановичъ предлагаетъ губернскому земству учредить постоянное статистическое бюро при губернской управѣ и организовать подворное статистическое изслѣдованіе губерніи. И то и другое уже было ранѣе при уфимскомъ губернскомъ земствѣ. Можно порадоваться за него, что въ случаѣ попытки возобновить при губернской управѣ правильную земско-статистическую организацію, земство это не испытаетъ на первыхъ же порахъ затрудненій, которыя были встрѣчены въ этомъ случаѣ другими земствами и оказались гибельными для ихъ начинаній. Не далѣе какъ послѣднее курское губернское земское собраніе, «въ виду обстоятельствъ, не зависящихъ ни отъ земства, ни отъ состава статистическаго бюро», какъ говоритъ газетное сообщеніе («Недѣля» № 1), рѣшило пріостановить производство оцѣночно-статистическихъ работъ въ губернія и ничего не вносить на эти работы въ смѣты 1898 годъ. Разъясненій этого обстоятельства въ печати еще не появлялось. Но во всякомъ случаѣ, сопоставляя это извѣстіе съ тѣми сообщеніями изъ Курской губерніи, которыя приходятъ одновременно, нельзя не признать, что моментъ для этого закрытія выбранъ болѣе, чѣмъ неудачный. Курская губернія по неурожаю стоитъ на одномъ изъ первыхъ мѣстъ, а между тѣмъ въ продовольственномъ дѣлѣ ея господствуетъ большая неурядица, зависящая, надо ду-

мать, въ числѣ прочихъ причинъ и оттого, что само земство не знаетъ точно, сколько ему нужно пособія, или не можетъ достаточно обстоятельно мотивировать своихъ требованій. «Громадную путаницу внесло то обстоятельство, пишетъ корреспондентъ «Рус. Вѣд.» (№ 344), что очереднымъ собраніямъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, не предшествовали экстренныя, вслѣдствіе чего гласные и на уѣздныя, и на губернское собранія явились неподготовленными. Экстренныя собранія были замѣнены такъ называемыми «совѣщаніями», подъ предсѣдательствомъ губернатора, куда приглашались предсѣдатели управъ, но, понятно, «совѣщанія» эти никоимъ образомъ не могли замѣнить собраній, а наоборотъ, внесли ту путаницу, о которой говорится выше. Такъ, напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ сначала увѣдомилъ, что для Курской губерніи посылается 700,000 пуд. ржи, а затѣмъ, немного позже пришло извѣщеніе и о высылкѣ 700,000 пуд. овса. Наскоро собранныя «совѣщанія» распредѣлили то и другое по уѣздамъ, не выяснивъ многихъ существенныхъ сторонъ. Начать съ того, что земства опредѣлили нужду въ продовольствіи 986,863 пуд. ржи, а въ обсѣмененіи—2.000,000 пуд, яровыхъ сѣмянъ. Отсюда ясно, что самъ собою напрашивался вопросъ, чѣмъ руководствовалось министерство, высылая по 700,000 пуд. ржи и овса? Далѣе на какихъ условіяхъ высылаются хлѣба? По какимъ цѣнамъ? Какого качества овесъ, годенъ-ли онъ только для корма или для обсѣмененія? Такіе вопросы телеграммою и сдѣланы собраніемъ уполномоченному министерства, причемъ, опасаясь невыгодности условій, собраніе высказалось, что приметъ хлѣба лишь при условіи возвращенія или пудъ за пудъ или по рыночнымъ цѣнамъ».

Прекращеніе земско-статистическихъ работъ въ курскомъ земствѣ, вѣроятно, не обошлось и безъ соображеній малоосновательной экономіи. Открывая очередное губернское земское собраніе, курскій губернаторъ въ рѣчи своей прежде всего указалъ на необходимость сокращенія земскихъ расходовъ, на желательность пониженія обложенія. При обсужденіи этого вопроса въ собраніи, по открытіи его, гласный М. Д. Исаковъ замѣтилъ, между прочимъ, что до тѣхъ поръ, покуда будетъ примѣняться существующая система взысканія платежей, при которой казенные платежи вносятся въ первую голову, а земскіе уже изъ остатковъ, урегулировать земскія финансы невозможно. Собраніемъ было постановлено, выяснивъ счеты съ сельскими обществами по продовольственной недоимкѣ, въ будущемъ году вновь возбудить ходатайство о пропорціональномъ расчисленіи всѣхъ поступающихъ съ населенія платежей, въ томъ числѣ и продовольственной недоимки, между казною и земствомъ. Губернской управѣ, по совершенному непоступленію губернскаго земскаго сбора, разрѣшено кредитоваться въ суммѣ 100,000 руб., изъ обязательнаго страховаго капитала на 12 мѣсяцевъ изъ 4%, «какъ единственнаго почти рессурса губернскаго

земства въ его безвыходномъ положеніи». А что положеніе, дѣйствительно, безвыходно, видно изъ данныхъ доклада, гдѣ указывается, что на 1 янв. 1898 г. по счету губернскаго земства останется недоимокъ одного губернскаго земскаго сбора 955,600 р. и долговъ того сбора 876,000 р. («Р. В.» № 337).

Положеніе курскаго земства отнюдь не исключительное. Письмо изъ Смоленска, помѣщенное въ послѣднемъ номерѣ «Недѣли», сообщаетъ, что только что окончившему свои занятія губернскому земскому собранію пришлось ознакомиться съ крайне неожиданными и печальными выводами ревизіонной коммиссіи о финансовомъ положеніи губернскаго земства. Послѣ тщательной и всесторонней провѣрки денежныхъ отчетовъ управы, обнаружилось, говоря словами коммиссіи, что въ 1898 году губернское земство ожидаетъ «форменное банкротство.»

Земство имѣетъ около 2,600,000 руб. капиталовъ, но одни изъ этихъ капиталовъ неприкосновенны, а другіе въ долгахъ. Уже на 1 января 1897 года «долговъ къ полученію» числилось по книгамъ 1,060, 292 руб., а на 4 декабря того же года «долговъ къ полученію» состоитъ 1,540, 364 руб., т. е. задолженность плательщиковъ земства въ теченіе неполнаго года увеличилась почти въ полтора раза. Такимъ образомъ, поступленія текущаго сбора, обязательнаго страхового, дорожнаго капитала и многихъ другихъ, выражаются только огромнымъ увеличеніемъ задолженности плательщиковъ, кассовая же наличность этихъ капиталовъ часто недостаточна даже на удовлетвореніе текущихъ расходовъ, и послѣдніе, по необходимости, удовлетворяются способами, которые едва ли могутъ быть одобрены собраніемъ. Изъ отчета за 1896 годъ видно, что на удовлетвореніе текущихъ расходовъ пришлось позаимствовать изъ капиталовъ запаснаго и оборотнаго 72,000 руб.; въ 1897 году на насущныя потребности земскаго хозяйства исчерпана почти вся наличность запаснаго и оборотнаго капиталовъ и временно позаимствовано 60,000 руб. изъ обязательнаго страхового капитала. Положеніе земскаго хозяйства, когда на текущія смѣтныя нужды земства управа вынуждена пользоваться капиталами неприкосновенными, явно ненормальное. И смоленское губернское земское собраніе поручило ревизіонной и редакціонной комиссіямъ изыскать мѣры для предотвращенія банкротства и рѣшило въ концѣ января собрать чрезвычайное собраніе.

Надо имѣть въ виду, что недостаточность средствъ и финансовыя затрудненія въ большей или меньшей степени озабочиваютъ всѣ земства. Возрастающая недоимочность населенія, слабость поступленія собственно земскихъ сборовъ грозитъ многимъ изъ нихъ очутиться въ положеніи, въ которомъ находится земство смоленское, если они уже и не находятся въ немъ. И какъ бы успѣшны, какъ очевидно необходимы и цѣлесообразны ни были бы иныя начинанія и предположенія земствъ въ области ли народнаго просвѣщенія,

или въ дѣлѣ поднятія сельскаго хозяйства и промысловъ, вообще экономическаго состоянія населенія, эти начинанія не гарантированы въ своемъ существованіи и развитіи, а предположенія—въ ихъ осуществленій, пока земства не имѣютъ достаточно твердаго базиса въ своемъ хозяйствѣ.

Въ рукахъ противниковъ расширенія сферы земской дѣятельности и усиленныхъ ассигнованій на народное образованіе, агрономію и проч., недостатокъ средствъ является сильнымъ и всегда дѣйствующимъ оружіемъ. Если къ этому прибавить постоянно возникающія жалобы на чрезмѣрное обложеніе земли земскими сборами, повлекшія за собою даже обсужденіе вопроса о предѣльной нормѣ земскаго обложенія, то затруднительное положеніе, притомъ наиболѣе передовыхъ и дѣятельныхъ земствъ станетъ особенно яснымъ. Не такъ давно коммиссія, избранная с.-петербургскимъ дворянствомъ, стремясь ограничить усиленное, по ея мнѣнію, обложеніе земельныхъ угодій, предложила предоставить земству право облагать земли лишь въ формѣ строго опредѣленной процентной прибавки къ государственному поземельному сбору. Принятіе этой мѣры могло бы привести лишь къ тому, что земству пришлось бы закрыть половину своихъ школъ, больницъ, дорогъ и т. д.

Земства очень хорошо и давно знаютъ причины неудовлетворительности своихъ финансовъ, какъ тѣ, которыя лежатъ въ общихъ условіяхъ нашего экономическаго строя и господствующей податной системы, такъ и причины ближайшія и непосредственныя. И они неоднократно указывали на нихъ въ своихъ ходатайствахъ, но безуспѣшно. Прежде всего, не вина земства, что бюджетъ его покоится почти исключительно на доходахъ съ земельнаго хозяйства. Законъ 21 ноября 1866 года, установившій существующій и донынѣ порядокъ обложенія земскими сборами торговли и промышленности, неизбѣжно создавалъ для него такое положеніе. Закономъ этимъ земству было предоставлено право облагать фабрики, заводы и торгово-промышленныя заведенія, принимая въ разсчетъ только цѣнность и доходность самихъ помѣщеній, не вводя въ оцѣнку ни находящихся въ нихъ предметовъ и издѣлій торга или промысла, ни торговыхъ и промышленныхъ оборотовъ. Между тѣмъ, очевидно, что между цѣнностью недвижимыхъ имуществъ и доходностью съ самихъ предпріятій прямого соотвѣтствія отнюдь не существуетъ, а многія и весьма доходныя предпріятія вовсе не нуждаются въ какихъ либо недвижимыхъ имуществахъ. Въ результатѣ указаннаго закона торговля и промышленность несутъ на себѣ, сравнительно съ сельскимъ хозяйствомъ, ничтожную долю мѣстныхъ налоговъ. Въ общемъ бюджетѣ земства сборы съ земель составляютъ 26 мил. руб., а съ торгово-промышленныхъ заведеній 5,700 тыс. руб. Даже въ такихъ промышленныхъ губерніяхъ, какъ Ярославская и Владимірская, земледѣліе является главнѣйшимъ источникомъ земскихъ доходовъ. Несомнѣнный ростъ нашей промышленности за

послѣдніе 30 лѣтъ, умноженіе торгово-промышленныхъ предпріятій, ростъ капиталовъ—все это почти не отразилось увеличеніемъ земскихъ доходовъ. А между тѣмъ земскія нужды росли, дѣятельность его расширялась сообразно потребностямъ, выдвигаемымъ жизнью, и для удовлетворенія этихъ постоянно разростающихся и при томъ насущныхъ потребностей, указываемыхъ самимъ государствомъ, земству не оставалось ничего, какъ облагать все туже землю, сельское хозяйство. Но и здѣсь земство встрѣчаетъ существенное препятствіе, заключающееся въ принятомъ порядкѣ взысканія податей. Въ то время, какъ государственныя повинности поступаютъ почти безнедоимочно, недоимка земскихъ сборовъ только растетъ. Полиція, взыскавъ всѣ обложенія въ пользу казны, считаетъ свое дѣло оконченнымъ и на взысканіе земскихъ налоговъ смотритъ, какъ на дѣло побочное и не требующее особыхъ съ ея стороны стараній. Сельскіе старосты, по словамъ доклада одной уѣздной земской управы (мещовской), являясь по дѣламъ въ уѣздную управу, на вопросъ: «внесли ли они для земства сколько нибудь денегъ въ казначейство,»—отвѣчаютъ: «хотѣли, было, да велѣно всѣ обратить на выкупъ». Прекратить подобный ненормальный порядокъ взысканія земскихъ сборовъ можно только изданіемъ правилъ, по которымъ, при каждомъ поступленіи въ казначейство суммъ отъ плательщиковъ земскихъ налоговъ, извѣстный процентъ отъ нихъ отчислялся бы на пополненіе земскихъ сборовъ. И нѣкоторыя губернскія земства (нижегородское, калужское и др.) ходатайствовали о томъ передъ правительствомъ, но ходатайства ихъ остались безъ отвѣта. Между тѣмъ государственный бюджетъ отнюдь не нуждается въ неприкосновенности существующаго порядка взысканія прямыхъ налоговъ. Прежде всего потому, что опорою его служатъ косвенные налоги, а прямые составляютъ ничтожную долю государственныхъ доходовъ. Для земства же сборы эти представляются единственнымъ рессурсомъ. Кромѣ того, земство до сихъ поръ несетъ на себѣ не мало расходовъ, имѣющихъ общегосударственное значеніе, не говоря о томъ, что многія отрасли его дѣятельности имѣютъ въ виду поднятіе вообще платежеспособности населенія.

Общегосударственное значеніе дѣятельности мѣстныхъ органовъ самоуправленія настолько сознается въ странахъ запада, что ростъ бюджетовъ мѣстныхъ учрежденій совершался тамъ въ значительной мѣрѣ путемъ отчисленія на удовлетвореніе мѣстныхъ нуждъ государственныхъ налоговъ или уступки нѣкоторыхъ изъ нихъ въ пользу земствъ. Такъ въ Пруссіи правительство отказалось въ ихъ пользу отъ обложенія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Въ Германіи на усиленіе бюджетовъ мѣстныхъ учрежденій отчисляется часть общеимперскаго таможеннаго дохода. Наше государство, доходы котораго по росписи на 1898 годъ достигли 1,367,758,217 руб. при свободной наличности государственнаго казначейства въ 106,291,706 руб., безъ всякаго затрудненія могло бы, повидимому,

снять съ земскихъ учрежденій нѣкоторыя тяготы, не имѣющія при томъ никакого прямого отношенія къ ихъ дѣятельности и назначенію.

Нѣкоторый шагъ въ этомъ отношеніи, положимъ, уже сдѣланъ отнесеніемъ на счетъ государственнаго бюджета расходовъ по содержанію института земскихъ начальниковъ, а также—въ 1895 г.—принятіемъ на счетъ казны содержанія мировыхъ судовъ, учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Но правительство ограничило при этомъ право мѣстныхъ учрежденій свободно распоряжаться освобождающимися при этомъ суммами. Такъ, въ указанномъ случаѣ оно приняло на себя перечисленные расходы подъ условіемъ обращенія освобождающихся суммъ на улучшеніе мѣстныхъ путей сообщенія. И если нельзя отрицать, что мѣстами потребность въ этомъ улучшеніи является насущной, для иныхъ земствъ при ихъ крайне стѣсненномъ финансовомъ положеніи и цѣломъ рядѣ неудовлетворенныхъ нуждъ это ограниченіе ихъ свободы располагать своими средствами можетъ ставить ихъ въ затрудненіе. Между тѣмъ, по слухамъ, готовится еще шагъ въ томъ же направленіи принятіемъ на счетъ казны тѣхъ обязательныхъ земскихъ расходовъ, которые имѣютъ общегосударственное значеніе, и тоже подъ условіемъ назначенія освобождающихся, благодаря тому, земскихъ суммъ на точно опредѣленную цѣль. По сообщенію газетъ, на первую очередь поставленъ вопросъ о сложеніи съ земствъ раходовъ по квартирному довольствію судебныхъ слѣдователей и чиновъ полиціи. Въ прежнее-же время квартирное довольствіе этихъ должностныхъ лицъ производилось натурою и потому было затруднительно для казны. Теперь-же, по собраннымъ свѣдѣніямъ, оказывается, что земства квартиръ не отводятъ, а выдаютъ слѣдователямъ и чинамъ полиціи квартирныя деньги, что вполнѣ удобно можетъ выполнять и казна, уже принявшая на себя квартирное содержаніе всѣхъ остальныхъ чиновниковъ. Съ проведеніемъ этой мѣры въ земскихъ учрежденіяхъ освободится свыше 600 тыс. руб., которые, въ видахъ ускоренія оцѣночныхъ работъ по закону 1893 г., земствамъ вмѣнено будетъ въ обязанность расходовать исключительно на означенныя оцѣночныя работы.

Земскія оцѣночныя работы, обязательныя по закону 1893 года, идутъ, дѣйствительно, очень медленно, но нестолько по недостатку средствъ, сколько по причинамъ, о которыхъ мы уже не разъ упоминали. Затрудненія, испытываемыя при организаціи земско-статистическихъ оцѣночныхъ бюро и въ ихъ дѣятельности, сложность и бюрократическій характеръ постановки оцѣночнаго дѣла, созданный самымъ закономъ 1893 г., вотъ причины, почему оцѣночныя работы незакончены и въ тѣхъ земствахъ, которыя ассигновали на нихъ значительныя суммы, располагая таковыми. Но самъ по себѣ проектъ освобожденія земствъ отъ расходовъ по указанной

статьѣ заслуживаетъ всяческаго сочувствія и идетъ на встрѣчу уже выраженнымъ земскимъ пожеланіямъ. Такъ, еще въ 1896 году очередное калужское губернское собраніе постановило ходатайствовать объ освобожденіи земства отъ обязательныхъ назначеній на содержаніе: а) губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, в) на квартирное довольствіе и разъѣзды судебныхъ слѣдователей и полицейскихъ чиновниковъ, г) на содержаніе домовъ для арестуемыхъ и д) на отправленіе арестантско-этапной повинности, съ тою цѣлью, чтобы вносимыя суммы, по перечисленнымъ статьямъ расхода, было предоставлено земству обращать на дѣло развитія народнаго образованія въ губерніи.

Отвѣта на означенное ходатайство калужское земство не получило и въ виду того, что въ очередное губернское собраніе, происходившее въ минувшемъ декабрѣ мѣсяцѣ, поступило ходатайство жиздринскаго уѣзднаго земства о принятіи на счетъ казны за текущій 1897 и 1898 гг. обязательныхъ расходовъ, производимыхъ земствомъ на разъѣзды и квартирное довольствіе чиновъ полиціи, судебныхъ слѣдователей и жандармскихъ унтеръ-офицеровъ, оно рѣшило вновь повторить свое прошлогоднее ходатайство. Послѣднее херсонское губернское земское собраніе точно также постановило ходатайствовать объ освобожденіи земства отъ нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ на предметы общегосударственнаго значенія, а именно отъ слѣдующихъ ассигнованій, вносимыхъ въ земскія смѣты: въ *губернскую*—на содержаніе канцеляріи губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія и на квартирное довольствіе судебнымъ слѣдователямъ по важнѣйшимъ дѣламъ, и въ *уѣздныя*—1) содержаніе уѣздныхъ воинскихъ присутствій; 2) квартирныя судебнымъ слѣдователямъ и чинамъ уѣздной полиціи; 3) содержаніе арестуемыхъ по приговорамъ земскихъ начальниковъ и городскихъ судей и помѣщеній для нихъ при недостаточности поступленій въ штрафной капиталъ; 4) препровожденіе арестантовъ; 5) снабженіе почтовыми лошадьми чиновъ судебнаго вѣдомства и полиціи безплатно, а другихъ вѣдомствъ за прогоны и 6) наемъ или отводъ натурою помѣщеній для съѣздовъ. Всѣ эти потребности, имѣющія общегосударственное значеніе, обходятся земствамъ Херсонской губерніи въ 133,792 руб.

Поддержка, оказываемая такими органами самоуправленія, какъ города и земства, полицейскимъ и судебнымъ чинамъ, по службѣ состоящимъ въ своихъ спеціальныхъ вѣдомствахъ, обладающихъ самостоятельными и вполнѣ достаточными средствами, безъ сомнѣнія является переживаніемъ дореформенныхъ порядковъ и признакомъ подчиненнаго интересамъ администраціи положенія нашихъ самоуправленій. Порядокъ этотъ создаетъ отнюдь не желательное отношеніе между мѣстной полиціею и земствами: если послѣднія щедры въ своихъ ассигновкахъ на разъѣзды и квартирное содержаніе полицейскихъ чиновниковъ, то между земствомъ и полиціей

устанавливается совершенно неумѣстная близость, а если напротивъ земство скупится—еще болѣе нежелательный антагонизмъ. Да и самые расходы этого рода, при скудныхъ средствахъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ, слишкомъ значительны, чтобы не быть для ихъ бюджета обременительными. Въ «Бирж. Вѣд.» писали, напр., изъ Галича Костромской губерніи по этому поводу слѣдующее:

«У насъ, въ Костромской губерніи особенной щедростью, и щедростью традиціонной, на разъѣзды исправника отличается Макарьевскій уѣздъ. Такъ, по смѣтѣ управы на 1897 годъ на разъѣзды членовъ полицейскаго управленія ассигновано 1,380 р., да, кромѣ того, на отопленіе и освѣщеніе квартиры исправника 300 р. Странна здѣсь и самая редакція смѣты: «членамъ полицейскаго управленія». Какъ извѣстно, непосредственнымъ полицейскимъ хозяиномъ въ уѣздѣ является исправникъ, а помощникъ исправника завѣдуетъ дѣлопроизводствомъ. Можно не сомнѣваться, что исправникъ получаетъ 1,380 руб. исключительно для себя на разъѣзды и не дѣлится этими деньгами съ помощникомъ. Если сдѣлать разсчетъ по прогонамъ на три лошади, то макарьевскій исправникъ долженъ проѣздить болѣе пятнадцати тысячъ верстъ. Но этимъ не исчерпываются расходы на полицію. По той-же смѣтѣ ассигновано: на квартиру помощника исправника 250 руб., на квартиры трехъ становыхъ—494, десяти урядниковъ—720, на разъѣзды трехъ приставовъ—1,230, двухъ судебныхъ слѣдователей—840 руб.; итого 5,214 руб. Интересно, что при этомъ на разъѣзды двухъ членовъ земской управы отпускается всего 450 р. Независимо отъ этого, макарьевское земство расходуетъ 2,674 руб. на содержаніе земскихъ станцій и въ пособіе волостямъ для пріѣзда гг. чиновниковъ». (№ 320).

Но еще большимъ зломъ является существующая почти повсемѣстно натуральная полицейская повинность, отбываемая населеніемъ въ видѣ безвозмездной службы сотскихъ, десятскихъ и разсыльныхъ волостныхъ правленій. Многія уѣздныя земства ассигнуютъ полиціи особыя суммы на наемъ разсыльныхъ, но, какъ оказывается, суммы эти идутъ на содержаніе канцеляріи и на другіе предметы, а сотскіе и десятскіе по прежнему отбываютъ свою повинность разсыльныхъ, что отнимаетъ у нихъ не мало времени и труда. Въ послѣднюю сессію уѣздныхъ собраній Нижегородской губерніи вопросъ объ этомъ поднимался въ нѣсколькихъ уѣздахъ. Такъ, въ балахнинскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, по выслушаніи доклада о дежурствѣ сотскихъ и десятскихъ при становыхъ квартирахъ, одинъ изъ гласныхъ, земскій начальникъ, заявилъ, что ему приходилось слышать жалобы отъ членовъ сельскихъ обществъ на то, что очень трудно найти лицъ, желающихъ быть сотскими и десятскими, такъ какъ должности эти убыточны для выбраннаго въ нихъ крестьянина,—жалованье настолько мало, что къ нему приходится приплачивать изъ своихъ скудныхъ сбереженій, или же не-

легальными путями отыскивать доходныя статьи. Происходить же все это отъ того, что, не смотря на получаемые каждымъ приставомъ 360 р. въ годъ на разсыльныхъ, суточныя дежурства сотскихъ продолжаются, а на деньги, отпускаемыя изъ земства на разсыльныхъ, нанимается прислуга и писаря.

При канцеляріи одного изъ приставовъ ежедневно «дежурятъ по 4 сотскихъ и десятскихъ, занимающихся разносомъ пакетовъ и сопровожденіемъ арестантовъ. Такой порядокъ дежурства практиковался прежде, и земское собраніе 1883 г. признало необходимымъ, взамѣнъ дежурства сотскихъ при становыхъ квартирахъ, принять земству расходъ на наемъ постоянныхъ разсыльныхъ при приставахъ и ассигновало сумму въ 1,440 рублей ежегодно на это дѣло. Но такое крупное пожертвованіе со стороны земства не принесло пользы, такъ какъ порядокъ дежурства сотскихъ идетъ по старому».

Запросы по этому поводу, обращенные къ уѣздному исправнику, не имѣли никакихъ послѣдствій. Собраніе, выслушавъ приведенное заявленіе гласнаго, постановило: «поручить управѣ довести до свѣдѣнія г. начальника губерніи о нарушеніи порядка, установленнаго земскимъ собраніемъ 1883 года, и ходатайствовать предъ нимъ объ устраненіи неправильностей по дежурству сотскихъ и десятскихъ при становыхъ квартирахъ, причемъ слѣдуетъ указать,—говорится въ постановленіи,—что если сотскіе и десятскіе будутъ вызываться на дежурство въ качествѣ разсыльныхъ, то земство будетъ вынуждено отказаться отъ сдѣланной въ 1883 году ассигновки».

Не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ низшія сельскія власти, находятся и сельскіе старосты. Урядники пользуются ими для самыхъ разнообразныхъ цѣлей и помыкаютъ ими безъ всякихъ стѣсненій. Въ томъ же Балахнинскомъ уѣздѣ, по слухамъ, «старосты, наконецъ, рѣшили подать волостному старшинѣ коллективное заявленіе объ обременительности службы, съ просьбою о разъясненіи законности требованія урядника. Вмѣстѣ съ тѣмъ старосты заявили старшинѣ о довольно странномъ приказѣ урядника, который требуетъ, чтобы отъ каждаго общества въ праздничные дни у трактировъ, на владѣльческой землѣ, непремѣнно дежурила лошадь, съ цѣлью развозить пьяныхъ для отрезвленія въ арестантскую камеру».

Нижегородское уѣздное земство, какъ сообщаетъ письмо изъ Нижняго Новгорода въ «Недѣлю», отпускаетъ на разсыльныхъ 2,500 рублей въ годъ. Здѣсь, вблизи губернскаго начальства, нѣтъ того безцеремоннаго порядка, который господствуетъ въ болѣе отдаленныхъ уѣздахъ, но даже въ Нижегородскомъ уѣздѣ въ «вопросѣ о разсыльныхъ» наблюдается какая-то путаница, заставившая земское собраніе обратиться по этому поводу къ губернатору. Оказывается, что «разсыльные» получаютъ самое разнообразное жало-

ванье: отъ 72 руб. до 204 руб. въ годъ, и что тотъ же самый «разсыльный», который собственноручно расписывался въ полученіи жалованья за одинъ мѣсяцъ, въ вѣдомости слѣдующаго мѣсяца обозначенъ уже «неграмотнымъ» (№ 52).

Время, силы, трудъ не только сельскихъ властей, но и вообще обывателей повсемѣстно считаются находящимися въ распоряженіи администраціи всякаго рода, и послѣдняя пользуется ими подчасъ весьма не экономно.

Въ одномъ изъ номеровъ «Приазовскаго Края» (№ 267) сообщался циркуляръ ростовскаго окружнаго начальника, который въ виду усилившихся случаевъ конокрадства и кражи изъ домовъ, «объясняя это печальное явленіе малочисленнымъ составомъ сельской полиціи, недостаточно строгимъ исполненіемъ полицейскими и сельскими властями своихъ обязанностей и, *главнымъ образомъ, небрежнымъ надзоромъ жителей за своимъ имуществомъ*, и признавая, что борьба съ ворами-преступниками возможна лишь при общемъ соединенномъ усиліи полиціи и населенія, предписываетъ «учредить во всѣхъ поселеніяхъ ночные обходы изъ отдѣльныхъ партій, въ числѣ 4—5 человѣкъ сотскихъ и десятскихъ каждая, съ такимъ разсчетомъ, чтобы на каждую ночь опредѣлить двѣ смѣны, отъ вечернихъ сумерекъ до 12 часовъ ночи и отъ 12—до свѣта».

Помимо того окружный начальникъ предписываетъ еще «съ цѣлью самоохраны» учредить «нарядъ обывателей отъ каждыхъ тридцати дворовъ по одному человѣку на каждую ночь, опредѣливъ имъ районы, согласно даннымъ участковымъ засѣдателямъ и приставу указаніямъ,—причемъ домохозяева могутъ поставлять за себя наемныхъ изъ благонадежныхъ лицъ.» Въ случаѣ неисполненія этихъ правилъ или небрежнаго отношенія къ предписываемымъ мѣрамъ, сельскимъ властямъ и обывателямъ грозило, конечно, «строгое наказаніе».

Еще энергичнѣе и требовательнѣе въ смыслѣ насажденія мѣръ обывательской «самоохраны» оказался земскій начальникъ с. Павлова Нижегородской губерніи. По сообщенію газетъ («Нед.» № 42, «Ниж. Лист. № 271) въ одну темную ночь какой-то озорникъ вымаралъ дегтемъ ворота одной павловской обывательницы и, кромѣ того, «бросилъ камень въ окно, около котораго сидѣла эта же обывательница. Полицейское дознаніе не выяснило личности озорника и вслѣдствіе этого мѣстный земскій начальникъ В. Д. Обтяжновъ сдѣлалъ распоряженіе о ночномъ караулѣ. Съ 8 часовъ вечера и до 4 часовъ утра отъ всякаго «десятка» наряжается ежедневно одинъ караульщикъ, обязанный слѣдить за порядкомъ на улицахъ. Такимъ образомъ, около 130 человѣкъ обывателей, утомленные дневною работою, вынуждены не спать и ночью, вслѣдствіе озорства какого то парня, къ сожалѣнію, не пойманнаго. Г. земскій начальникъ мотивировалъ впрочемъ свое распоряженіе о ночныхъ караулахъ общимъ увеличеніемъ числа ночныхъ преступленій и про-

ступковъ. «Собравъ справки у судебнаго слѣдователя, писалъ онъ въ своей бумагѣ къ сходу, у уѣзднаго члена окружнаго суда, сдѣлавъ выборку изъ своего дѣлопроизводства, обозрѣвъ дѣлопроизводство павловскаго волостного суда и подведя итоги всѣмъ правонарушеніямъ за 1896 г. и за 8 мѣсяцевъ текущаго года, не хотѣлось-бы вѣрить, что такія статистическія данныя относятся къ селу Павлову... Въ этой статистикѣ мы находимъ покушенія на ограбленіе, кражи, буйство, выбитіе оконъ, вымазываніе воротъ и т. д... Если бы общество *не укрывало* своихъ безобразниковъ и выдавало бы ихъ правосудію, то не было бы мѣста такимъ безобразіямъ...» Вотъ въ виду всего этого, а особенно въ виду «укрывательства» и были учреждены усиленные ночные караулы.

Но съ подобной мотивировкой не согласился мѣстный горбатовскій исправникъ М. Ржевскій. Какъ сообщаетъ «Ниж. Лист.» (№ 310), онъ «подалъ особое мнѣніе, въ которомъ, въ дополненіе къ словамъ В. Д. Обтяжнова, прибавилъ цифры, существенно измѣняющія смыслъ «статистики» преступленій. По свѣдѣніямъ исправника, за 9½ мѣсяцевъ 1896 года, во всемъ Горбатовскомъ уѣздѣ было всего 89 пожаровъ, изъ которыхъ 18 были приписаны поджогамъ. Въ тѣ же мѣсяцы 1897 года пожаровъ было всего лишь 68, изъ которыхъ 12 отъ поджоговъ. Дракъ, безчинствъ и буйствъ всего на всего было лишь 35 во всемъ уѣздѣ, не больше, чѣмъ въ предыдущее время. И по статистикѣ земскаго начальника, за 9 мѣсяцевъ было не болѣе 29 дѣлъ о буйствѣ, т. е. по 3 дѣла въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, 1897 г., по сравненію съ 1896 годомъ, отличался *меньшею* преступностью, и если въ 1896 году не была усмотрѣна необходимость усиленныхъ карауловъ, то тѣмъ болѣе въ 1897 году не возникало таковой надобности».

Субъективныя оцѣнки народной нравственности, на которыя такъ тароваты общественные дѣятели и писатели школы «Гражданина», приводятъ иногда къ весьма оригинальнымъ проектамъ. Съ однимъ изъ такихъ проектовъ явился недавно въ орловское губернское земское собраніе нѣкто г. Лагода. Онъ представилъ собранію докладъ, заключавшій въ себѣ обвинительный актъ противъ населенія Брянскаго уѣзда, отъ котораго г. Лагода являлся гласнымъ. Крестьянамъ приписывался полный упадокъ нравственности, пониженія религіозныхъ началъ и т. под., причемъ въ заключеніе предлагалось командировать въ Брянскій уѣздъ особыхъ миссіонеровъ. Въ случаѣ принятія этого предложенія губернскимъ земствомъ, немедленно слѣдовало сообщить о томъ оберъ-прокурору святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцеву. Но проектъ г. Лагоды не былъ встрѣченъ сочувствіемъ. Собраніе, по сообщенію «С.-Пет. Вѣд.», единогласно приняло слѣдующую резолюцію: «Выразить настоящимъ постановленіемъ убѣжденіе свое въ полномъ несоотвѣтствіи предлагаемыхъ г. Лагодою средствъ съ поставленной имъ цѣлью и несогласіе свое съ устанавливаемой имъ бездоказательной

оцѣнкой нравственнаго уровня Брянскаго уѣзда, а потому, отклонивъ ходатайство брянскаго уѣзднаго земскаго собранія, воздержаться отъ какихъ бы то ни было заявленій по его поводу передъ г. оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода и передъ мѣстнымъ преосвященнымъ». Во время обсужденія предложенія г. Лагоды одинъ изъ гласныхъ высказалъ, что только въ глуши брянскихъ лѣсовъ могутъ возникать такіе проекты. Гласный изъ священниковъ прибавилъ, что, если посылать миссіонеровъ на земскія средства, то священникамъ Брянскаго уѣзда и дѣлать будетъ нечего, кромѣ требоисправленія. Другіе также пришли къ заключенію, что опорочивать населеніе цѣлаго уѣзда, какъ дѣлаетъ это г. Лагода въ своемъ докладѣ, земское собраніе врядъ-ли имѣетъ право.

Такъ неудачно окончилась эта попытка создать еще новый видъ опеки надъ народной нравственностью, попеченію о которой посвящаютъ свое вниманіе едва ли не всѣ вѣдомства, но которой не касалось пока одно земство. Едва ли она что либо отъ этого потеряетъ, какъ не потеряетъ и земство отъ того, что сфера его дѣятельности не получитъ развитія въ этомъ новомъ направленіи. Нужно ли доказывать, что не отъ размѣровъ надзора и опеки зависитъ уровень народной нравственности, а отъ степени общественнаго признанія правъ личности и твердой, неуклонной охраны ихъ въ законѣ и жизни. Ими создается та общая атмосфера уваженія къ жизни, чести и достоинству каждаго отдѣльнаго лица, которая въ корнѣ подавляетъ проявленіе грубыхъ инстинктовъ и порывы своеволія.

Въ числѣ прочихъ печальныхъ наслѣдій минувшаго года году наступившему неприкосновеннымъ въ нашей жизни осталось тѣлесное наказаніе. Терпѣливо выносилъ стыдъ его существованія конецъ XIX вѣка, но тѣ учащающіяся проявленія нетерпѣнія, которыя время отъ времени приноситъ намъ настоящее, позволяютъ надѣяться, что, можетъ быть, этотъ пережитокъ темныхъ и жестокихъ эпохъ не омрачитъ собою начала двадцатаго столѣтія. Однимъ изъ такихъ проявленій страстнаго желанія стереть скорѣе съ нашей общественной жизни это пятно служитъ происходившее на послѣднемъ саратовскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи...

Но настоящимъ «гвоздемъ» саратовскаго уѣзднаго собранія было возбужденіе ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. Саратовское уѣздное земство второй уже разъ возбуждаетъ это ходатайство. Принятое собраніемъ въ прошлую очередную сессію, оно было опротестовано губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Членъ училищнаго совѣта отъ земства Н. О. Никольскій, явившійся и въ прошломъ году иниціаторомъ предложенія, вновь поднялъ этотъ вопросъ въ засѣданіи училищной земской коммиссіи, которая и выработала по этому поводу докладъ для представле-

нія очередному земскому собранію. Признавая необходимымъ и своевременнымъ возбудить передъ высшимъ правительствомъ ходатайство объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія *для всего крестьянскаго населенія*, земская училищная коммиссія слѣдующимъ образомъ мотивировала свое мнѣніе. Саратовское уѣздное земство тратитъ ежегодно десятки тысячъ на дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ. Всѣ мѣропріятія по народному образованію направлены къ единственной цѣли поднятія нравственнаго и умственнаго уровня народа. Между тѣмъ тѣлесное наказаніе, являясь узаконенною мѣрою, совершенно парализируетъ благотворные результаты дѣятельности земства по народному образованію. Будучи остаткомъ дореформеннаго времени и нынѣ потерявъ всякій смыслъ, нарушая права личности, тѣлесное наказаніе страшно вредно вліяетъ на нравственность населенія и его умственной уровень.

Саратовская уѣздная земская управа, представляя собранію докладъ училищной коммиссіи, предлагала, однако, ограничить объемъ ходатайства, испрашивая отмѣны наказаній не вообще для крестьянъ, а только для окончившихъ курсъ въ земскихъ школахъ. Иначе у этого ходатайства не будетъ никакой связи съ вопросами народнаго образованія, на чемъ именно и былъ основанъ протестъ губернскаго присутствія.

Однако собраніе не согласилось съ доводами управы. Послѣ чтенія доклада возникли оживленныя пренія.

Мнѣ кажется, говорилъ, между прочимъ, гласный Буковскій, — что земство вовсе не превыситъ своихъ правъ, если будетъ ходатайствовать объ общей отмѣнѣ. Если оканчивающіе курсъ и являются лучшимъ и наиболѣе развитымъ элементомъ среди крестьянства, то вся остальная часть, угнетенная позорнымъ наказаніемъ, будетъ развращающимъ и вреднымъ образомъ вліять и на лучшую часть. Каково будетъ сыну, освобожденному отъ наказанія, смотрѣть, какъ порютъ его отца?

«Кончилъ ты курсъ,—говорилъ другой гласный,—тебя не будутъ драть, не кончилъ—будутъ. Такое представленіе о связи образованія и наказанія слишкомъ узко. Цѣль образованія—поднять достоинство личности, а не привилегія...»

Изъ числа гласныхъ крестьянъ говорили Григорьевъ и Кошкинъ. Первый изъ нихъ указывалъ на то, «что есть такія общества, въ которыхъ выбрать на общественную должность некого, потому что всѣ пороты. И часто земскій начальникъ потому не приговариваетъ къ сѣченію, а замѣняетъ его арестомъ, что потомъ некого будетъ выбирать на должности. Сѣченіе нисколько не исправляетъ, а только портитъ людей. Опозоренные крестьяне не занимаются и общественнымъ дѣломъ. Вмѣсто того, чтобы идти на сходъ, они идутъ въ кабакъ».

Наконецъ, городской голова Н. П. Фроловъ своею рѣчью окончательно разсѣялъ колебанія земцевъ относительно законности

общаго ходатайства.—По ст. 64 земск. полож. земское собраніе имѣетъ право представлять ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Но если какая либо нужда въ данной мѣстности имѣетъ тѣсную связь и одинакова съ подобными же нуждами всей Россіи, то развѣ отсюда слѣдуетъ, что это нужда не мѣстная? Въ ходатайствѣ нужно только оговорить: для крестьянъ Саратовскаго уѣзда, и это будетъ ходатайство о мѣстныхъ нуждахъ.

Собраніе постановило войти черезъ губернское земское собраніе съ ходатайствомъ передъ высшимъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для всѣхъ крестьянъ Саратовскаго уѣзда, причемъ Н. П. Фроловъ просилъ занести въ протоколъ, что постановленіе это принято *единогласно:*

Мы видимъ изъ всего вышеописаннаго, что представители саратовскаго уѣзднаго земства пришли къ глубокому и общему убѣжденію въ необходимости снять съ населенія позоръ тѣлесныхъ наказаній. Повседневная жизнь убѣждаетъ насъ, что доводы, которыми руководились они, отнюдь не сантиментальнаго происхожденія. Вотъ недавно отмѣченная въ газетахъ трагическая исторія, какихъ не мало разыгрывается на этой почвѣ. «Въ селѣ Сколобовѣ, Житомірскаго уѣзда, крестьянинъ Никифоръ С. за какую-то неважную провинность былъ, по требованію «громады», высѣченъ публично розгами. Хотя онъ получилъ всего два удара, эта расправа такъ повліяла на него, что онъ, не вынесши позора, на второй же день лишилъ себя жизни, повѣсившись на перекладинѣ въ собственной клунѣ» («Вол.» № 167).

И кто только не беретъ въ свои руки розгу, чтобы на законномъ или незаконномъ основаніи примѣнять ее на тѣхъ, надъ кѣмъ имѣетъ силу. Въ «Кіевлянинѣ» недавно передавался не вѣроятный на первый взглядъ случай: 7 октября уѣздною сессіею лубенскаго окружного суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разбиралось дѣло лакея г-жи Фрицъ, владѣтельницы с. Туровки Прилукскаго уѣзда. Лакей этотъ, по фамиліи Баранъ, обвинялся въ присвоеніи судебной власти и нанесеніи истязаній и побоевъ мѣстному крестьянскому населенію и приговоренъ къ 4-мѣсячному заключенію въ тюрьму. Этотъ «судья» сажалъ крестьянъ и крестьянокъ подъ арестъ въ погребъ, амбаръ или ледникъ, или даже подвергалъ ихъ тѣлесному наказанію. Сѣкъ онъ колючей акаціей! Село Туровка—большое село. Кромѣ г-жи Фрицъ, тамъ еще живутъ другіе землевладѣльцы. Тамъ имѣется и волостное правленіе, и земская школа, живетъ земскій фельдшеръ и чуть ли не конно-полицейскій урядникъ. Баранъ такъ поставилъ себя, что его всѣ боялись въ экономіи г-жи Фрицъ...

Вотъ картина суда, который чинилъ Баранъ, какъ выяснилась она изъ показаній свидѣтелей на предварительномъ слѣдствіи. Баранъ устроилъ въ одномъ изъ флигелей экономическаго двора г-жи Фрицъ камеру и, объявивъ, что онъ занимаетъ долж-

ность мироваго судьи 8 участка, приступилъ къ разбору дѣлъ. Въ камерѣ у него находился столъ съ письменными принадлежностями, какой-то толстой книгой, и колокольчикъ, а на стѣнѣ висѣлъ портретъ Государя Императора. Къ разбору дѣлъ онъ приступалъ по непосредственно усмотрѣннымъ безпорядкамъ или по заявленію кого-либо изъ дворни и засѣданія устраивалъ по вечерамъ отъ 10 до 12 часовъ; причемъ стороны вызывались повѣстками, которыя писалъ по его приказанію мальчикъ Аѳанасій Паливода, а вручалъ ихъ рабочій Іосифъ Мищенко, называвшійся судебнымъ приставомъ. При явкѣ вызываемыхъ Баранъ объявлялъ засѣданіе открытымъ и, послѣ неистоваго трезвона колокольчикомъ, приступалъ къ допросу потерпѣвшихъ, обвиняемыхъ и свидѣтелей, послѣ чего снималъ со стѣны портретъ Государя и, держа его въ рукахъ, объявлялъ приговоръ: по указу Его Императорскаго Величества я, мировой судья 8 участка, Прилукскаго уѣзда, на основаніи 46—51 и 42 ст. приговорилъ такого-то или такую-то къ столькимъ то ударамъ розогъ, или къ аресту, или къ тому и другому. Розги онъ обыкновенно назначалъ отъ 25 до 40 ударовъ; арестъ опредѣлялся отъ 3 до 7 дней и помѣщеніемъ для арестуемыхъ служилъ ледникъ, называвшійся «холодной»; но иногда осужденные приговаривались къ тюремному заключенію и тогда ихъ запирали въ погребъ.

Приговоры приводились въ исполненіе немедленно и для исполненія ихъ назначены были экономическіе рабочіе: Ефимъ Мирошкинъ и Акимъ Маляръ, которые носили названіе «катовъ». Если кто изъ вызываемыхъ къ судьѣ не шелъ добровольно, тѣхъ тащилъ силою Ефимъ Мирошкинъ, а если кто изъ осужденныхъ сопротивлялся и не желалъ подчиниться приговору, тому связывали руки и ноги и сѣкли или запирали подъ арестъ. При этомъ, если Баранъ замѣчалъ, что «каты» сѣкутъ слабо, то самъ принималъ участіе въ нанесеніи ударовъ, или же подвергалъ наказанію исполнителей приговора. Тѣлесное наказаніе производилось на первыхъ порахъ дѣятельности Барана кнутомъ, а потомъ стали заготовлять по его распоряженію пучки розогъ изъ колючей акаціи, которыми и сѣкли безъ милосердія, не разбирая ни пола, ни возраста.

Какъ могло все это происходить въ теченіе продолжительнаго, очевидно, времени, на глазахъ у всѣхъ, это кажется непостижимымъ. Какова же должна быть съ одной стороны забитость населенія, надъ которымъ могъ издѣваться лакей г-жи Фрицъ; съ другой, уровень общественнаго развитія той привилегированной среды, въ виду которой все это совершалось.

На судебномъ слѣдствіи обвиняемый указывалъ въ свое оправданіе на то обстоятельство, что потерпѣвшіе сами противъ него никогда не возбуждали жалобъ и теперь формально не жалуются, что устроенный имъ «судъ» былъ не что иное, какъ шутки для препровожденія времени, и что сѣкъ онъ игравшихъ роли обвиняемыхъ въ этой забавѣ съ ихъ согласія, такъ какъ они жалобъ не

возбуждали, а молчаніе—значитъ согласіе. Выставленные Барановъ свидѣтели, составлявшіе, вѣроятно, публику при «игрѣ» въ судъ, тоже съ своей стороны удостовѣрили, что сѣкли не больно, такъ что особенныхъ страданій наказываемые не могли испытывать, сѣкли обыкновенно не по голому тѣлу, а потому «хотя и давали отъ 8 до 15 и рѣдко отъ 15 до 40 розогъ, но удары не были мучительны».

Въ составъ присяжныхъ засѣдателей вошли одни крестьяне и казаки; старшиною избранъ былъ тоже крестьянинъ и, по рѣшенію ихъ, Баранъ признанъ былъ виновнымъ лишь въ присвоеніи судейскаго званія, фактъ же причиненныхъ имъ въ этомъ званіи разнымъ лицамъ истязаній былъ ими отвергнутъ. На основаніи этого вердикта окружный судъ приговорилъ подсудимаго къ заключенію въ тюрьму на четыре мѣсяца.

Наблюдая всѣ эти и другіе факты, знаменующіе собою переживаемую нами эпоху реабилитаціи розги, остается утѣшиться, что господство ея уже не можетъ считаться такимъ безспорнымъ, какъ въ «доброе старое время». Борьба съ тѣлеснымъ наказаніемъ идетъ по всей линіи нашей общественной жизни, и хотя не часто, но дарятъ насъ и такими пріятными сюрпризами, какъ исходъ процесса завѣдывавшей тамбовской воскресной народной школой А. Н. Слетовой и 13 учителей тамбовскихъ городскихъ училищъ, обвинявшихъ г-жу Слетову въ клеветѣ. Тамбовскій окружный судъ, какъ извѣстно, оправдалъ г-жу Слетову, признавъ доказаннымъ, что нѣкоторые городскіе учителя г. Тамбова дѣйствительно позволяли себѣ побои и насиліе надъ малолѣтними учениками. Неожиданный исходъ суда былъ тѣмъ большимъ торжествомъ для г-жи Слетовой, что противъ нея были пущены всѣ прямыя и косвенныя средства борьбы, и только сочувствіе ея благородному дѣлу со стороны самихъ заинтересованныхъ лицъ изъ простого мелкаго люда, испытавшаго на себѣ и на своихъ дѣтяхъ всю тяжесть тамбовской педагогіи, доставило ей побѣду рядомъ многочисленныхъ свидѣтельскихъ показаній. И результатъ процесса г-жи Слетовой даетъ себя знать улучшеніемъ порядковъ въ начальныхъ народныхъ школахъ. Недавно, какъ сообщали газеты, инспекторъ училищъ Козловскаго уѣзда уволилъ отъ должности учителя въ школѣ с. Иловая, за то, что тотъ позволилъ себѣ «отодрать за чубъ ученика». Вступился за своего сына крестьянинъ, обратившійся къ инспектору съ жалобой, причемъ сослался на судъ надъ учителями въ Тамбовѣ:—«за это учителей судили—и не велѣли больше драться».

Вниманіе козловскаго инспектора къ жалобѣ крестьянина получаетъ особое значеніе, въ виду того, что тѣ изъ тамбовскихъ учителей, которые на судѣ были изобличены въ побояхъ учениковъ, продолжаютъ педагогическую дѣятельность. И, безъ сомнѣнія, въ нашемъ отечествѣ еще много такихъ угловъ, гдѣ пріемы тамбовскихъ педагоговъ практикуются широко и невозбранно. Такъ, въ «Приазовскомъ Краѣ» писали: «Въ нашемъ городѣ давно укоренилась си-

стема кулачнаго воспитанія дѣтей учителями. Наши современные педагоги дѣятельно практикуютъ систему зуботычинъ, битья по головѣ книгой, линейкой, систему подзатыльниковъ, оплеухъ и дранья за уши. Вотъ, напримѣръ, учительница женскаго городского училища. И родители и дѣти—всѣ въ одинъ голосъ жалуются на нее за то, что она съ какою-то фанатической послѣдовательностью изъ года въ годъ бьетъ по щекамъ дѣвочекъ, бьетъ ихъ книгой по головѣ, а двумъ дѣвочкамъ до того надрала уши, что изъ мочка начала сочиться кровь. Вообще, эта госпожа не стѣсняется въ обращеніи съ своими питомицами. Кромѣ того, что она угощаетъ ихъ ежечасно ругательствами, бранью, пощечинами, драньемъ ушей, она пользуется ими и какъ прислугой... Вотъ другой педагогъ, который восточную горячность своего темперамента даже въ принципъ возводитъ, даже теоретизируетъ приблизительно такимъ образомъ: «и что тутъ долго думать? Закатилъ ему хорошаго леща такъ, чтобы въ стѣнку влипъ—и съ плечъ долой»!

Сообщеніе этихъ фактовъ въ печати вызвало среди азовскихъ жителей только гоненіе на одного изъ нихъ, подозрѣваемаго въ негласномъ авторствѣ корреспонденціи. Очевидно, азовскіе педагоги не рѣшились брать на себя трудъ возбужденія процесса противъ печати, имѣя въ виду возможность такихъ же результатовъ, какихъ добились ихъ тамбовскіе собратья по оружію.

Дѣло учителя частнаго еврейскаго училища Гамше Шуба, разбиравшееся въ ялтинскомъ уѣздномъ съѣздѣ, раскрыло такую мрачную картину школьныхъ порядковъ, которая напоминаетъ описанное Диккенсомъ въ «Давидѣ Копперфильдѣ». Эти порядки можно встрѣтить «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды».

Тягостное, удручающее впечатлѣніе выносишь, читая изо дня въ день сообщенія о случаяхъ жестокаго обращенія и истязаній, испытываемыхъ дѣтьми. Случаи истязанія дѣтей въ семьѣ, одинъ другого возмутительнѣе, не переводятся въ судебной хроникѣ; дѣтей калѣчать и бьютъ въ цѣляхъ нищенства, на подмосткахъ цирковъ и балагановъ, бьютъ учениковъ въ ремесленныхъ мастерскихъ, бьютъ подростковъ, состоящихъ въ услуженіи.

«Поучить» плеткой до сихъ поръ считается лучшимъ средствомъ къ насажденію началъ добродѣтели въ заблудшихъ сердцахъ, и въ этомъ отношеніи всегда найдутся руки къ услугамъ общества. Въ митавскомъ окружномъ судѣ 2 октября разбиралось дѣло по обвиненію туккумскаго полицейскаго надзирателя Альфонса Шлиппенбаха и городовыхъ Браковскаго и Нейланда въ истязаніи дѣтей при исполненіи служебныхъ обязанностей. Въ Туккумѣ попались въ воровствѣ пары сапогъ трое мальчишекъ въ возрастѣ 10—15 лѣтъ. Ихъ привели къ полицейскому надзирателю, барону Шлиппенбаху, который, по просьбѣ будто бы родителей мальчиковъ, приказалъ подвергнуть ихъ наказанію тутъ же въ комнатѣ

надъ его канцеляріею, что и выполнено было двумя городовыми, сѣкшими мальчиковъ, по ихъ словамъ,—поясным ремнемъ, а по показаніямъ пострадавшихъ—нагайкою. Черезъ три недѣли послѣ экзекуціи родители подали жалобу на дѣйствія барона. На судѣ, въ виду противорѣчивости и сбивчивости показаній, такъ и не могли установить окончательно, просили родители мальчиковъ барона Шлиппенбаха наказать ихъ дѣтей, или нѣтъ. Судъ призналъ, однако, всѣхъ подсудимыхъ виновными, приговоривъ барона Шлиппенбаха къ аресту на три мѣсяца, а городовыхъ одного на 2 мѣсяца, другого на 6 недѣль. Можно сказать навѣрное, что подобный приговоръ суда былъ для нихъ болѣе чѣмъ неожиданнымъ.

Да и дѣйствительно, такъ ли уже твердо установлены у насъ въ сознаніи не только частныхъ лицъ, но и должностныхъ, границы дозволеннаго и недозволеннаго? Что этого отнюдь нельзя сказать въ смыслѣ положительномъ, показываетъ необходимость до послѣдняго времени разъяснять эту границу въ общемъ правосознаніи. Сошлемся въ доказательство на одно любопытное сенатское разъясненіе.

Въ печати вышелъ «Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ съ воспослѣдовавшими по нимъ разъясненіями, содержащимися въ рѣшеніяхъ Правительствующаго Сената и въ постановленіяхъ и распоряженіяхъ высшихъ правительственныхъ учрежденій». «Сводъ» составленъ и изданъ г. министромъ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинымъ.

Въ этомъ «Сводѣ» помѣщено чрезвычайно важное разъясненіе истиннаго значенія 61 ст. положенія о земскихъ начальникахъ.

Поводомъ къ разъясненію послужило то, что земскій начальникъ 2 участка Солигаличскаго уѣзда, усмотрѣвъ изъ одного бывшаго въ его разсмотрѣніи дѣла, что крестьянка Герасимова несправедливыми и неоднократными жалобами наводитъ неблаговидную тѣнь на служебную дѣятельность волостного и сельскаго начальства, и что это уже замѣчено за нею разъ, постановилъ, въ виду предупрежденія на будущее время неосновательныхъ жалобъ и искорененія напраснаго сутяжничества, оштрафовать Герасимову, согласно 61 ст., на три рубля, а костромское губернское присутствіе представило такое постановленіе земскаго начальника въ Прав. Сенатъ къ отмѣнѣ, какъ неправильнаго. При разсмотрѣніи этого дѣла въ Сенатѣ 23 особы сенаторовъ высказали слѣдующія соображенія. «На основаніи 47 ст. основ. закон., «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ, учрежденій и уставовъ, отъ самодержавной власти исходящихъ». Это означаетъ, что *мѣриломъ дозволеннаго и воспрещеннаго какъ для подлежащихъ властей, такъ и для частныхъ лицъ у насъ служитъ только законъ или такія распоряженія и постановленія должностныхъ лицъ и учрежденій, которыя основаны на законѣ.* Законъ этотъ опредѣляетъ также гра-

ницы личной свободы каждаго полноправнаго русскаго подданнаго, безъ различія званія и состоянія, не исключая и крестьянъ со времени изданія положеній 19 февраля 1861 г., коими имъ предоставлены всѣ права свободныхъ сельскихъ обывателей. Никакого ограниченія этихъ правъ не послѣдовало для крестьянъ и лицъ другихъ состояній и съ изданіемъ положенія 12 іюля 1889 г., ст. 61 котораго, въ полномъ соотвѣтствіи съ вышеприведеннымъ основнымъ закономъ нашего государственнаго устройства, предоставляетъ земскимъ начальникамъ право карать только за неисполненіе ихъ законныхъ распоряженій или требованій. Законъ этотъ согласуется и со ст. 25 общ. пол. о кр., которая опредѣляетъ, что «крестьяне не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ или общественныхъ властей...

Въ именномъ Высочайшемъ указѣ 12 іюня 1889 г. опредѣленно выражено, что изданіе его главнымъ образомъ вызвано необходимостью устранить затрудненія, представляющіяся правильному развитію благосостоянія въ средѣ сельскихъ жителей, вслѣдствіе отсутствія близкой къ народу твердой правительственной власти. Учрежденіе земскихъ начальниковъ должно восполнять этотъ недостатокъ, причемъ власть, имъ предоставленная, станетъ твердою правительственною властью только при томъ единственномъ и непремѣнномъ условіи, если они всѣ свои распоряженія и постановленія будутъ строго соображать съ указаніями закона и требовать точнаго и неуклоннаго исполненія закона отъ подвѣдомственнаго имъ населенія безъ всякаго послабленія. Стремленіе исполнительныхъ лицъ выйти изъ границъ законной дѣятельности, ихъ произволъ или своеволіе не только не служатъ проявленіемъ твердой власти, но противорѣчатъ самой природѣ самодержавнаго правленія, при которомъ законъ не что иное, какъ самое торжественное выраженіе воли Царя Самодержца, въ установленномъ порядкѣ обнародованной для всеобщаго свѣдѣнія и исполненія. Примѣняя эти соображенія къ вышеупомянутому дѣлу, 23 особы сенаторовъ находили, что никакимъ закономъ не возбранено частнымъ лицамъ обращаться къ подлежащимъ властямъ съ прошеніями въ непредвидѣнномъ числѣ, причемъ неосновательныя прошенія должны быть оставляемы безъ послѣдствій, не подвергая просителей взысканіямъ уголовнымъ, если въ нихъ не содержится выраженій укорительныхъ или оскорбительныхъ для должностныхъ лицъ; что въ этомъ послѣднемъ случаѣ взысканіе налагается на виновныхъ въ общемъ порядкѣ, а не въ особомъ, указанномъ 61 ст. пол. о зем. нач. Въ виду этого, 23 особы сенаторовъ, находя вышеупомянутое постановленіе земскаго начальника Солигаличскаго уѣзда не согласнымъ съ 61 ст., признали его подлежащимъ отмѣнѣ. Но такъ какъ въ первомъ общемъ собраніи прав. сен. не составилось узаконеннаго для рѣшенія большинства голосовъ, то дѣло было внесено въ Госу-

дарственный Совѣтъ, въ которомъ воспослѣдовало такое Высочайше утвержденное мнѣніе: земскіе начальники могутъ, на основаніи 61 ст., безъ всякаго формальнаго производства, подвергать подвѣдомственныхъ крестьянскому общественному управленію лицъ взысканіямъ, въ этой статьѣ указаннымъ, только въ случаѣ неисполненія самими лицами законныхъ распоряженій или требованій земскихъ начальниковъ; предъявлять же къ подвѣдомственному имъ населенію требованія, основанныя не на законѣ, а на личномъ усмотрѣніи и подвергать за неисполненіе таковыхъ требованій взысканіямъ по 61 ст. земскіе начальники не въ правѣ».

Такъ говоритъ законъ. Но практика жизни говоритъ намъ иное Она нѣтъ, нѣтъ, да и подаритъ насъ такимъ поучительнымъ фактомъ, какъ засвидѣтельствованный въ нижеслѣдующемъ документѣ, напечатанномъ въ «Юридической газетѣ» подлинностью:

Проживающихъ въ станицѣ Мингрельской Мимрюкскаго Отдѣла Куб. обл. Ларіона Половинкина и Антона Листопада

Просьба.

Мы выписали изъ принадлежащаго Вамъ магазина уставы. Объ этомъ узналъ Атаманъ ст. Мингрельской Феодоръ Мелешко, просилъ насъ въ ст. Правленіе и приказалъ намъ представить уставы. Мы представили 1-й уставъ Сельскаго Хозяйства, томъ 12-й, часть II изд. 1893 и 2-й томъ правительственныхъ распоряженій 1892 года, каковые уставы вмѣстѣ съ нами были арестованы строгимъ арестомъ на двое сутокъ, а потомъ 8 сутокъ препровождались Атаману отдѣла и обратно за строгимъ карауломъ при 13 казакахъ, почему покорнѣйше просимъ Васъ явить Ваше распоряженіе, дайте совѣтъ и объясненіе, имѣетъ ли право кто арестовать Государственные законы, равно также и насъ лишили свободы въ теченіи 10 дней, кромѣ сего мы объ этомъ приносили жалобы, но намъ вездѣ отказываютъ. Мы просили посему о производствѣ дознанія, но на это нѣтъ никакого распоряженія; еще просимъ не откажите Вашего для насъ наставленія и распоряженія.

Въ чемъ и подписуемся Ларіонъ Половинкинъ и Антонъ Листопадъ.

Октября 18 дня 1897 г.

Когда прочитаешь подобную просьбу, невольно является опасеніе за судьбу того сельскаго обывателя, который пріобрѣлъ бы «Сводъ узаконеній и распоряженій правительства объ устройствѣ сельскаго состоянія и учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ съ воспослѣдовавшими по нимъ разъясненіями Правительствующаго Сената», желая ознакомиться съ истиннымъ смысломъ ст. 61. Какъ бы не очутиться ему вмѣстѣ и съ упомянутымъ сводомъ подъ арестомъ на 7 сутокъ?

М. Плотниковъ.

По поводу статьи Гарри Де Виндтъ о Сахалинѣ.

Въ іюньской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1897 годъ, въ отдѣлѣ библіографіи, помѣщена замѣтка о статьѣ извѣстнаго знатока тюремнаго дѣла Гарри де-Виндтъ, трактующая о Сахалинѣ. Я бы ни слова не говорилъ о произведеніи Гарри де Виндтъ, на столько общеизвѣстна правдивость описаній нашего отечества, выходящихъ изъ подъ пера нѣкоторыхъ иностранцевъ. Но въ интересахъ истины и въ виду того, что «Русскій Вѣстникъ» рекомендуетъ трудъ Гарри де Виндтъ, какъ представляющій интересъ для русскаго читателя, я не могу, •данныхъ, помѣщенныхъ въ замѣткѣ, пройти молчаніемъ. Гарри де Виндтъ прибылъ на Сахалинъ на пароходѣ добровольнаго флота «Ярославль» весной 1894 г., въ первыхъ числахъ мая, и пробылъ на этомъ островѣ ровно столько, сколько пароходъ стоялъ на Сахалинскихъ рейдахъ. А пароходъ стоялъ въ Корсаковскомъ посту 6 дней и въ Александровскомъ—5 дней, и того 11 дней, въ которые Гарри де Виндтъ успѣлъ осмотрѣть Сахалинъ на столько подробно, что нашелъ возможнымъ познакомить англійскую публику и съ флорой, и съ фауной этого острова, и съ жизнію ссыльнаго элемента въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Послушаемъ, что говоритъ замѣтка «Русскаго Вѣстника» со словъ Гарри де-Виндтъ о Сахалинѣ. Вопреки тому, что писалось—будто бы земледѣліе и садоводство невозможны въ окрестностяхъ Дуэ, Виндтъ видѣлъ въ этихъ мѣстностяхъ сады, гдѣ цвѣли въ изобиліи розы и герань. Беру на себя смѣлость увѣрить Гарри де Виндтъ, что герани и розы растутъ въ изобиліи на среднемъ Сахалинѣ, но растутъ въ комнатахъ, а въ теплые мѣсяцы (только не въ первыхъ числахъ мая, когда посѣтилъ де-Виндтъ Сахалинъ, и когда на этомъ островѣ растительность еще не проснулась отъ зимняго сна) высаживаются въ маленькіе садики, съ дико растущими сахалинскими деревьями, имѣющіеся при квартирахъ гг. чиновниковъ. Беру еще на себя смѣлость увѣрить, какъ Гарри де-Виндтъ, такъ и цитирующаго его библіографа, что цвѣтеніе розъ и герани никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ процвѣтанія земледѣлія и садоводства. Полей сахалинскихъ Гарри де-Виндтъ не могъ видѣть, такъ какъ въ первыхъ числахъ мая ихъ еще и пахать не начинаютъ. Итакъ, если судить по замѣткѣ, знаніе флоры Сахалина ограничивается у Г. Виндтъ розами и геранью. Говоря о дикихъ животныхъ, Гарри де-Виндтъ населилъ лѣса сахалинскіе волками, рысями и лосями; ни тѣхъ, ни другихъ, ни третьихъ на Сахалинѣ

нѣтъ, о чемъ мнѣ извѣстно доподлинно, такъ какъ въ пять лѣтъ моего пребыванія на этомъ островѣ ничего объ этихъ представителяхъ животнаго царства я не слыхалъ, и ни у одного изслѣдователя Сахалина объ этомъ не читалъ. Инородцы говорятъ, что на крайнемъ сѣверѣ Сахалина обитаютъ волки, но на это доказательствъ нѣтъ никакихъ. Въ сахалинскихъ лѣсахъ живутъ: медвѣдь, росомаха, соболь, сѣверный олень, мускусная кабарга, заяцъ (бѣлякъ), лисица и, по берегамъ рѣкъ, выдра. Упоминая о домашнихъ животныхъ, Гарри де Виндтъ почему-то говоритъ, что порода сахалинскихъ лошадей, предки которыхъ были вывезены съ материка, благодаря климату, улучшается. Какой подумаешь благотворный климатъ на островѣ Сахалинѣ для лошадей! Администрація Сахалина не соглашается съ Гарри де Виндтъ и въ настоящее время озабочена, благодаря рѣзко замѣтному ухудшенію качествъ сахалинскихъ лошадей, освѣженіемъ породы, путемъ вывоза хорошихъ *производителей* съ материка. Переходя къ населенію острова Сахалина, Гарри де-Виндтъ говоритъ, что въ Корсаковскомъ посту 5000 арестантовъ, изъ которыхъ 1200 сидитъ въ тюрьмѣ, а остальные занимаются земледѣліемъ; насколько такое сообщеніе путешественника вѣрно, можно усмотрѣть изъ приводимыхъ ниже оффиціальныхъ данныхъ за 1894 годъ, а въ этомъ году арестантовъ на всемъ островѣ считалось 5340 человѣкъ. Помѣстивъ въ Корсаковскомъ округѣ 5000 арестантовъ, Гарри де-Виндтъ оставилъ для Александровскаго и Тымовскаго округовъ 340 арестантовъ. Недоразумѣніе, мнѣ кажется, кроется въ томъ, что Гарри де-Виндтъ, за краткостью времени пребыванія на Сахалинѣ, не успѣлъ познакомиться съ категоріями ссыльныхъ и смѣшалъ въ одну цифру ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, помѣстивъ ихъ всѣхъ въ Корсаковскій постъ и оставивъ совершенно безъ жителей 42 селенія Корсаковскаго округа. Не усвоивъ себѣ дѣленія ссыльнаго населенія Сахалина по категоріямъ, Гарри де-Виндтъ изобрѣлъ собственное дѣленіе, такое: 1) отбывшіе срокъ заточенія и живущіе на поселеніи; 2) арестанты, размѣщающіеся по тюрьмамъ, работающіе въ копяхъ и желѣзо-плавильныхъ заводахъ (маленькая чугунно-литейная мастерская, переплавляющая на печныя вьюшки и дверцы старыя ядра и бомбы, доставленныя изъ Николаевска); 3) арестанты, находящіеся въ тюрьмѣ заточенными и закованными въ цѣпи. На самомъ дѣлѣ, всѣ ссыльные Сахалина дѣлятся на слѣдующія категоріи: ссыльно-каторжные, ссыльно-поселенцы и крестьяне изъ ссыльныхъ; ссыльно-каторжные испытуемые содержатся въ особыхъ тюрьмахъ, гдѣ выдерживаютъ срокъ испытанія, который прямо пропорціоналенъ сроку каторжныхъ работъ, назначенному судомъ; осужденные безъ срока имѣютъ 8 лѣтъ испытуемости, на 20 лѣтъ— 4 года и т. д. По окончаніи срока испытанія ссыльно-каторжный переводится въ разрядъ исправляющихся арестантовъ, а затѣмъ получаетъ квартирный билетъ, т. е. право жить внѣ тюрьмы. Ссыльно-

каторжные испытуемые содержатся, какъ я сказалъ выше, въ особой тюрьмѣ, закованными въ ножные цѣпи, и выводятся ежедневно на работы подъ военнымъ конвоемъ; ссыльно-каторжные тюрьмы исправляющихся работаютъ безъ конвоя и въ тюрьмѣ запираются только на ночь. Окончивъ срокъ каторжныхъ работъ, ссыльно-каторжные переводятся въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ; изъ этого разряда, по прошествіи 4 лѣтъ, если докажутъ, что занимались эти года честнымъ трудомъ, переименовываются въ крестьянское сословіе съ правомъ выѣзда съ острова въ Сибирь. Семейные ссыльно-каторжные краткосрочные посылаются на поселеніе какъ и ссыльно-поселенцы, но казна, вопреки утвержденію Гарри де-Виндтъ, домовъ имъ не даетъ и участковъ не разработываетъ, а все это они должны сдѣлать сами. Утвержденіе Гарри де-Виндтъ, что ссыльно-каторжный, сосланный въ каторгу на 20 лѣтъ, можетъ быть администраціей переведенъ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, если въ теченіи 5 лѣтъ будетъ вести себя хорошо,—чистый вымыселъ. Срокъ каторги, опредѣленной судомъ, можетъ быть сокращенъ только волею Государя Императора. Переходя къ поселенческому хозяйству, Гарри де-Виндтъ сообщаетъ, что оно въ отличномъ состояніи, ибо на островѣ имѣется 20 тысячъ десятинъ разработанной земли. Понять невозможно, откуда Гарри де-Виндтъ знаетъ о поселенческомъ хозяйствѣ, откуда онъ взялъ такую громадную цифру. Изъ оффиціальныхъ данныхъ за 1894 годъ (годъ посѣщенія путешественникомъ острова) видно: всей разработанной земли числится на островѣ 8373 десятины, изъ которой 2074 десятины усадебной земли, 3142 десятины покосовъ, на долю полей остается 3157 десятинъ—на 7394 хозяевъ. Принимая во вниманіе, что на хозяина приходится 0,5 десятины и что во многихъ мѣстахъ, въ селеніяхъ, находящихся среди тайги,—а такихъ селеній большинство,—хлѣбъ поспѣваетъ рѣдкое лѣто, можно ли говорить объ отличномъ состояніи поселенческихъ хозяйствъ? Мнѣ остается еще упомянуть о томъ, что какой-то сахалинецъ зло пошутилъ надъ Гарри де-Виндтъ, сообщивъ ему, что главный предметъ вывоза съ Сахалина сѣно; можетъ быть это не чужая шутка, а собственная фантазія Гарри де-Виндтъ, во всякомъ случаѣ, сѣно съ Сахалина никто не вывозилъ, ибо оно плохо (покосы расположены на болотистыхъ мѣстахъ) и его едва хватаетъ для сахалинскаго скота. Предметы вывоза: каменный уголь, рыба, селедочный тукъ (въ Японію для удобренія полей) и морская капуста (въ Китай, какъ пищевой продуктъ). Сколько намъ извѣстно, г. Гарри де-Виндтъ проѣхалъ всю Сибирь, и если его сообщенія о ней такого же достоинства, какъ выдумка о Сахалинѣ, то остается пожалѣть публику, которая будетъ знакомиться съ нашими окраинами по трудамъ такихъ изслѣдователей.

Библіографъ «Русскаго Вѣстника», рекомендуя русскому читателю трудъ Гарри де-Виндтъ, или позабылъ о существованіи опи-

саній Сахалина такихъ компетентныхъ изслѣдователей, какъ Чеховъ, Красновъ, Никольскій, Добротворскій, Поляковъ, или никогда не читалъ ихъ, иначе онъ не сообщалъ бы небылицъ, пускаемыхъ въ печать ничѣмъ не стѣсняющимися знатоками тюремнаго дѣла, къ числу которыхъ, очевидно, принадлежитъ г. Гарри де-Виндтъ.

Сахалинскій обыватель.

По поводу статьи г. Южакова о сіонизмѣ.

(*Письмо въ редакцію*).

I.

Въ декабрьской книжкѣ «Русскаго Богатства» г. Южаковъ даетъ оцѣнку новому возникшему среди евреевъ движенію, т. н. сіонизму. Статья написана съ такою теплотою и задушевностью, она вся проникнута такимъ искреннимъ чувствомъ любви къ ближнему и участія къ судьбѣ обиженныхъ, осужденіе сіонизма сопровождается такой благородной защитой человѣческихъ правъ евреевъ, что, право, совѣстно выступить съ возраженіями противъ этой статьи. Мы, евреи, такъ мало избалованы гуманнымъ къ себѣ отношеніемъ, что должны быть особенно благодарны за всякое искреннее, гуманное слово, адресованное въ нашу сторону... Тѣмъ не менѣе, въ интересахъ справедливости и для всесторонняго выясненія дѣла, я позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ настоящимъ письмомъ, въ которомъ я желалъ бы указать на нѣкоторыя, по моему сужденію, ошибочныя сужденія почтеннаго автора, явившіяся вѣроятно слѣдствіемъ недостаточнаго ознакомленія его съ сущностью и подкладкой разбираемаго имъ движенія. Мы вправѣ игнорировать сужденія недоброжелателей; но когда мотивомъ высказываемыхъ сужденій является несомнѣнное желаніе выяснить истину, то долгъ каждаго— содѣйствовать въ свою очередь этому выясненію, хотя бы для этого пришлось выступить въ весьма непріятной въ данномъ случаѣ роли оппонента.

Г. Южаковъ утверждаетъ, что сіонизмъ есть движеніе реакціонное, какъ отраженіе антисемитизма, являющагося въ свою очередь порожденіемъ реакціи, что оно есть возвращеніе болѣе или менѣе значительной части культурнаго еврейства къ талмуду и ортодоксальному юдаизму. Въ самомъ ли дѣлѣ это такъ?

Если отрѣшиться отъ всѣхъ предвзятыхъ идей, накопившихся по отношенію къ евреямъ въ теченіе многихъ вѣковъ, и посмо-

трѣть на дѣло трезво и безпристрастно, то кажется не трудно будетъ найти истинную причину существованія въ Европѣ злополучнаго еврейскаго вопроса. Трудно въ самомъ дѣлѣ полагать, что причина эта заключается въ религіозной враждѣ или въ экономическомъ антагонизмѣ. Въ нашъ вѣкъ вѣротерпимости и даже религіознаго индифферентизма, вѣроисповѣдная вражда можетъ иногда еще проявиться въ какомъ нибудь медвѣжьемъ углу, а между тѣмъ еврейскій вопросъ существуетъ въ самыхъ культурныхъ центрахъ Европы. Точно также экономическій антагонизмъ можетъ, пожалуй, еще получить значеніе реальнаго факта въ тѣхъ случаяхъ, когда еврейское населеніе сталкивается съ стоящей ниже его въ своемъ культурномъ развитіи народной массой, которая, такимъ образомъ, оказывается неодинаково съ нимъ вооруженной для экономической борьбы. Но какая почва для подобнаго антагонизма можетъ существовать, напр., въ настоящее время въ Германіи, достигшей такой высокой степени культурнаго и экономическаго развитія? Неужели Германія, соперничающая въ послѣднее время даже съ такою искусившеюся въ экономическомъ бою націей, какъ Англія, на всемірныхъ рынкахъ и поражающая ее на этихъ рынкахъ на каждомъ шагу, можетъ бояться на своей собственной территоріи еврейской конкуренціи? А между тѣмъ изъ западныхъ странъ нигдѣ антисемитизмъ не получилъ такого сильнаго развитія, какъ именно въ Германіи. Очевидно, что экономическій антагонизмъ, экономическое преобладаніе суть только одни громкія слова, маскирующія дѣйствительное положеніе дѣла. Развѣ, въ самомъ дѣлѣ, не смѣшно одно даже представленіе о томъ, что цѣлая Европа, т. е. триста милліоновъ цивилизованныхъ людей, «вынуждена» бороться противъ всемірнаго еврейскаго владычества, т. е. противъ владычества 6—7 милліоновъ, относительно которыхъ безъ преувеличенія можно сказать, что 90 проц. изъ нихъ живутъ въ бѣдности и нищетѣ? Въ Европѣ и въ Америкѣ существуютъ тысячи милліонеровъ и милліардеровъ и мнѣнія о пользѣ или вредѣ ихъ для народныхъ массъ бываютъ различны, но всѣ одинаково признаютъ продуктомъ существующаго экономическаго строя и этимъ дѣло ограничивается, а вотъ евреи имѣли несчастье, въ свою очередь, выдѣлить изъ своей среды ничтожную горсть милліонеровъ—никто имъ этого преступленія забыть не можетъ, всѣ указываютъ на эту горсть, какъ на причину всѣхъ золъ и бѣдствій, переживаемыхъ Европой. Вездѣ и всюду существовали и существуютъ измѣнники, ихъ судятъ и караютъ и этимъ дѣло кончается, а вотъ достаточно было, чтобы явился измѣнникъ еврей (и то еще неизвѣстно, измѣнникъ ли онъ), чтобы весь міръ о немъ говорилъ и чтобы это повело къ возмутительнымъ событіямъ, которыя лягутъ вѣчнымъ пятномъ на концѣ XIX вѣка. Малѣйшій поступокъ одного еврея обращается въ преступленіе цѣлаго народа, за успѣхъ одного должны отвѣтствовать сотни и тысячи другихъ,

вовсе къ этому успѣху не причастныхъ. Всѣ эти нареканія и обвиненія, преслѣдованія и ограниченія являются слѣдствіемъ не религіозной вражды, не экономическаго антагонизма, не обособленности или различія въ міросозерцаніи, а чисто психологическаго фактора— крайняго неуваженія къ еврейскому народу со стороны другихъ націй, которыя видятъ въ немъ народъ *безпочвенный* въ буквальномъ значеніи этого слова, не имѣющій собственнаго угла, собственной культуры, вездѣ и всюду стремящійся примыкать къ чужой культурѣ, а между тѣмъ не могущій настолько ассимилироваться съ окружающими народами, чтобы совершенно уничтожить свою индивидуальность. Люди привыкли уважать только тѣхъ, кто твердо стоитъ на собственныхъ ногахъ, кто не нуждается въ ихъ милости, въ ихъ терпимости. Пусть сегодня равноправный съ ними членъ потеряетъ свое имущество, свой домъ, свои права—и отношеніе ихъ къ нему совершенно измѣнится: уваженіе смѣнится сожалѣніемъ, сожалѣніе перейдетъ въ пренебреженіе, пренебреженіе—въ презрѣніе, презрѣніе въ ненависть. Такова—при нынѣшней стадіи культурнаго развитія человѣчества—психологія людская (объ исключеніяхъ мы не говоримъ), и съ этой психологіей слѣдуетъ считаться не только отдѣльнымъ лицамъ въ людскомъ общежитіи, но и народамъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Вотъ уже 2000 лѣтъ какъ евреи живутъ разсѣянными по всему лицу земли, не имѣя собственнаго угла, собственнаго дома, собственнаго культурнаго центра, собственной почвы, которую всѣ другіе могли бы считать исключительно имъ принадлежащею, воздѣланною ихъ трудомъ, орошаемой ихъ потомъ и кровью—и въ этомъ ихъ вина предъ человѣчествомъ, которую послѣднее не можетъ имъ простить. Сіонизмъ именно и есть стремленіе извѣстной части еврейства завоевать себѣ уваженіе другихъ народовъ путемъ созданія такого дома, такого культурнаго центра. Такимъ центромъ сіонисты считаютъ Палестину, свою старую историческую родину, гдѣ впервые возникла и расцвѣла еврейская цивилизація, положившая основаніе всеміpной цивилизаціи. Нужды нѣтъ, что страна эта не можетъ вмѣстить въ себѣ всей массы еврейскаго народа, что для переселенія всей этой массы потребовалось бы можетъ быть сотни лѣтъ. Для той цѣли, которую ставитъ себѣ сіонизмъ, всего этого вовсе и не требуется. Достаточно, чтобы образовался центръ въ одинъ-два милліона евреевъ, живущихъ на родной землѣ собственной культурной жизнью, развивающихъ свои матеріальныя и духовныя силы во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, начиная съ земледѣльческаго труда и кончая высшей духовной культурой—чтобы отношенія народовъ къ тѣмъ евреямъ, которые останутся жить среди нихъ, радикально измѣнились, чтобы они стали видѣть въ евреяхъ людей, достойныхъ уваженія, ни въ чемъ имъ не уступающихъ и слѣдовательно имѣющихъ съ ними одинаковое право на безпрепятственное существованіе и раз-

витіе. Существованіе отдѣльнаго еврейскаго центра нисколько не будетъ препятствовать евреямъ быть вѣрными и преданными гражданами тѣхъ странъ, въ которыхъ они останутся жить, точно также какъ существованіе Германіи или Франціи или Румыніи нисколько не мѣшаетъ нѣмцамъ въ Америкѣ и Россіи или французамъ въ Швейцаріи и Канадѣ, или румынамъ въ Венгріи оставаться вѣрными гражданами этихъ странъ. Сіонизмъ есть стремленіе къ рѣшенію евр. вопроса на почвѣ психологической—стремлѣніе завоевать себѣ уваженіе другихъ народовъ и пріобрѣсти уваженіе къ самому себѣ, къ своимъ матеріальнымъ и духовнымъ силамъ, къ своему нравственному достоинству. Можетъ ли такое чисто идейное, вполнѣ искреннее и, по сознанію самого г. Южакова, вполнѣ благородное движеніе заслуживать чьего либо упрека? Г. Южаковъ утверждаетъ, что сіонизмъ есть движеніе реакціонное, какъ слѣдствіе антисемитизма, порожденнаго реакціей послѣдняго времени. Но развѣ сіонизмъ есть явленіе вчерашняго дня? Идея сіонизма уже цѣлыхъ 2000 лѣтъ таится въ глубинѣ народной души. Въ теченіе своей многовѣковой страдальческой жизни въ изгнаніи еврейскій народъ находилъ утѣшеніе въ *мечтахъ* о сіонизмѣ, о возрожденіи къ новой и лучшей жизни на старой родинѣ. Мечтамъ этимъ посвящены лучшія еврейскія молитвы и онѣ же воспѣты въ самыхъ трогательныхъ стихахъ замѣчательнѣйшимъ евр. поэтомъ среднихъ вѣковъ р. Іегудой Галеви. То, что существовало въ глубинѣ народной души, какъ мистическій идеалъ, какъ фантастическое вѣрованіе, обставленное разными чудесами, то сіонизмъ облекъ въ реальную форму, въ практическую программу. Въ этомъ отношеніи сіонизмъ именно представляетъ собою вполнѣ прогрессивное явленіе, какъ замѣна мистическаго стремленія живымъ культурнымъ идеаломъ. Г. Южаковъ видитъ регрессивность этого движенія въ томъ, что оно совершается на почвѣ сближенія культурной части еврейства съ ортодоксальной евр. массой, что оно, говоря словами Герцля, *прежде всего* требуетъ возвращенія евреевъ къ іудейству, а *потомъ* уже возвращенія евреевъ въ еврейскую страну. Но развѣ возвращеніе къ іудейству тождественно съ возвращеніемъ къ талмуду и ортодоксальному юдаизму? Кто былъ на базельскомъ конгрессѣ и видѣлъ составъ присутствовавшихъ тамъ лицъ и ихъ поведеніе на конгрессѣ, кто слышалъ ихъ рѣчи и читалъ ихъ печатныя произведенія, тотъ могъ убѣдиться, что культурная часть еврейства ни на іоту не уступила и не намѣрена уступить ни одного изъ своихъ культурныхъ пріобрѣтеній, что если она чѣмъ либо поступилась, то только своимъ прежнимъ индифферентизмомъ къ судьбамъ своего народа, что только въ этомъ смыслѣ и произошло «возвращеніе къ іудейству». Рядомъ съ физическимъ возрожденіемъ и возвращеніемъ къ земледѣльческому труду, сіонизмъ требуетъ духовнаго возрожденія на почвѣ европейской культуры, полной свободы мысли и нравственнаго усовершенствованія, осуществленія

благороднѣйшихъ задачъ, которыя ставитъ себѣ современное культурное человѣчество въ области труда и соціальныхъ отношеній. Въ чемъ же можно здѣсь видѣть регрессъ?

Дальнѣйшая аргументація г. Южакова противъ сіонизма заключается въ томъ, что самая основа этого движенія—еврейская національность—построена на пескѣ, что «еврейской національности не существуетъ въ мірѣ, а существуетъ только еврейскій народъ, соединенный не національностью, а вѣроисповѣданіемъ». Мало того, согласно Ренану, современные евреи, вслѣдствіе смѣшенія ихъ въ началѣ нашей эры со многими другими народами, даже не потомки древнихъ евреевъ, а «такіе же индо-европейцы, какъ французы, нѣмцы или славяне». Нелѣпость этой послѣдней гипотезы, принадлежащей, впрочемъ, не г. Южакову, настолько очевидна, что нечего о ней распространяться. Но г. Южаковъ также глубоко ошибается, полагая, что, кромѣ этническаго родства, у евреевъ нѣтъ другихъ элементовъ національности. Еврейскій языкъ вовсе не мертвый языкъ. На этомъ языкѣ существуетъ обширная литература, издаются газеты и журналы, пишутся романы, повѣсти, драмы, научныя сочиненія, переведены многія сочиненія знаменитыхъ европейскихъ писателей (Спинозы, Шекспира, Мильтона, Джорджъ Эліотъ, Биконсфильда, Лессинга, Спенсера, Липперта и т. п.), пишутся частныя письма, составляются дѣловыя бумаги, а въ послѣднее время въ Палестинѣ даже основаны нѣкоторыя школы, въ которыхъ самое преподаваніе даже производится на древне-еврейскомъ языкѣ, и дѣти говорятъ на немъ также свободно, какъ на любомъ живомъ языкѣ. А тысячелѣтняя исторія, тысячелѣтнія совмѣстныя страданія—развѣ это недостаточный факторъ для существованія національности? Одного элемента дѣйствительно не достаетъ для еврейской національности—недостаетъ территоріи, недостаетъ клочка земли, на которомъ національность могла бы развивать свои матеріальныя и духовныя силы,—и въ этомъ и вся историческая аномалія существованія еврейской національности.

Сіонизмъ именно и стремится положить конецъ этой аномаліи. При тѣхъ скромныхъ размѣрахъ, которые онъ ставитъ себѣ, толки о «маревѣ, которое манитъ девять милліоновъ людей туда, гдѣ можетъ помѣститься всего одинъ милліонъ» и о «массовомъ помѣшательствѣ» ни на чемъ не основаны. Ни о какомъ переселеніи 9 милліоновъ людей въ Палестину и рѣчи быть не можетъ. Задача сіонизма—создать матеріальный и духовный національный центръ, который поднялъ бы престижъ евреевъ въ глазахъ европейскихъ народовъ и возвысилъ бы ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ. Сіонисты надѣются, что именно этимъ путемъ—завоеваніемъ себѣ уваженія со стороны другихъ народовъ, благодаря своему физическому и нравственному возрожденію—можетъ быть достигнуто разрѣшеніе вопроса, что народы тогда наконецъ признаютъ ихъ людьми, достойными, чтобы къ нимъ относились какъ къ равнымъ себѣ. Можетъ

быть они въ этомъ заблуждаются, но тогда нужно говорить только объ *этомъ* ихъ заблужденіи, а не о такихъ, въ которыхъ они вовсе не повинны, а тѣмъ болѣе объ измѣнѣ ихъ интересамъ культуры и прогресса.

Еврей.

Еще къ вопросу о сіонизмѣ.

Выше читатели встрѣтили замѣтку одного сіониста, возражающаго на мою статью о сіонизмѣ, помѣщенную въ декабрской книжкѣ *Русскаго Богатства* за прошлый годъ. Возразилъ ли онъ, однако, на мои доводы? Мнѣ кажется, что вовсе нѣтъ. Центръ возраженій г. сіониста въ томъ доводѣ, что сіонизмъ вовсе не зоветъ къ переселенію всѣхъ евреевъ, а только не болѣе одного-двухъ милліоновъ. Однако, я цитировалъ изъ рѣчи г. Герцля, что «преимущества (для Турціи), проистекающія отъ *переселенія цѣлаго народа*, такъ велики, что они должны оказать самое благопріятное вліяніе на ходъ переговоровъ». Правда, тотъ же г. Герцль сознаетъ, что «о *полномъ* исходѣ евреевъ не можетъ быть и рѣчи», но оставаться на европейской родинѣ онъ предоставляетъ только тѣмъ евреямъ, которые желаютъ ассимилироваться и слиться съ своими европейскими соотечественниками. Г. сіонистъ, мнѣ возражающій, совсѣмъ не желаетъ *переселенія цѣлаго народа* и завѣряетъ, что не желаютъ этого и сіонисты. Позволяю себѣ считать голосъ г. Герцля болѣе авторитетнымъ и компетентнымъ.

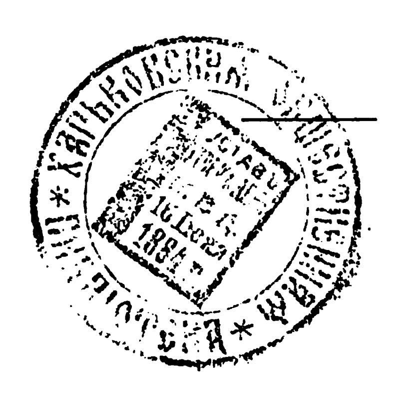
Допустимъ, однако, что въ самомъ дѣлѣ сіонисты ограничиваютъ свою задачу переселеніемъ одного-двухъ милліоновъ евреевъ изъ девяти... Какая тому цѣль? Намъ говорятъ, что только народъ, имѣющій свою территорію, пользуется уваженіемъ и признаніемъ со стороны другихъ народовъ! Армяне имѣютъ свою территорію... Имъ, что ли, позавидовали гг. сіонисты? Чехи и словинцы имѣютъ свою территорію... Развѣ это мѣшаетъ нѣмцамъ провозглашать ихъ «низшею расою» и чувствовать себя глубоко оскорбленными при одной мысли о равноправности? И эти проявленія дикой національной нетерпимости, какъ и многія другія подобныя, какъ и антисемитизмъ, обязаны своимъ происхожденіемъ указанному мною реакціонному настроенію части европейскаго общества. Территорія тутъ рѣшительно не при чемъ. Уваженіе и признаніе появляются на почвѣ взаимнаго пониманія и взаимнаго сочувствія. Сіонизмъ возрождаетъ чувство еврейской обособленности и тѣмъ самымъ уменьшаетъ взаимное пониманіе и взаимное сочувствіе между евреями и европей-

скими народами. Онъ не разрѣшаетъ, а затрудняетъ разрѣшеніе еврейскаго вопроса, которое возможно лишь на почвѣ общей работы на пользу просвѣщенія и культуры общаго отечества.

Не надо забывать, что переселеніе и двухъ милліоновъ евреевъ въ Палестину есть бредъ. Я привелъ вычисленія г. Герцля, что для переселенія девяти милліоновъ потребовалось бы 900 лѣтъ. Стало быть, опираясь на это, для г. сіониста вполнѣ авторитетное вычисленіе, для переселенія двухъ милліоновъ необходимо 200 лѣтъ! Итакъ, сіонистскимъ путемъ евреи заслужатъ уваженіе и признаніе не раньше, какъ черезъ два столѣтія!! Кажется, другіе пути будутъ покороче... Къ тому же, и этотъ двухвѣковой срокъ можетъ оказаться не химерою подъ условіемъ, что турки не вырѣжутъ переселенцевъ, и что арабы, нынѣ занимающіе Палестину, потѣснятся для евреевъ! Два условія, на которыя едва ли можно разсчитывать съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ... Не убѣдилъ меня г. сіонистъ и въ существованіи еврейской національности. Древне-еврейскій языкъ для талмудистовъ имѣетъ то же значеніе, что латинскій для католиковъ.

Нѣтъ, г. сіонисты, не такъ вы ищете «исхода»... Довольно уже Агасферъ покружилъ по свѣту, довольно онъ скитался и томился своими скитаніями. Не къ новому скитальничеству слѣдуетъ призывать его, а къ осѣдлости. Пусть воткнетъ онъ свой тысячелѣтній посохъ въ европейскую почву и пусть увѣруетъ, наконецъ, что это въ такой же мѣрѣ его почва, какъ и другихъ европейскихъ народовъ... Лучшее будущее зависитъ отъ общаго труда на общую пользу.

С. Южаковъ.



Издатели: Вл. Короленко. Н. К. Михайловскій.
Редакторы: П. Быковъ. С. Поповъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала «Русское Богатство» по сбору пожертвованій на постановку памятниковъ на могилахъ писателей.

Остатокъ къ 1-му апрѣля 1897 г. . . . . (См. № 4 «Р. Б.» 1897 г.)	1024 р. 10 к.
Поступило отъ подписчика за № 2230 изъ г. Глазова	2 р. » »
Итого	1026 р. 10 к.
Уплачено за постановку новаго памятника на могилѣ Н. Д. Заіончковской—Хвощинской (В. Крестовскій), въ г. Петергофѣ, по счету К. Сетинсона отъ 7 января 1898 г.	400 р. » »
Остатокъ къ 1 февраля	626 р. 10 к.

Деньги эти (626 р. 10 к.) переданы въ Комитетъ Союза взаимопомощи русскихъ писателей, подъ квитанцію отъ 23 января за № 26, куда контора и проситъ направлять дальнѣйшія пожертвованія. Адресъ «Союза русскихъ писателей»: СПБ., Невскій пр., 65.

Плата за объявленія въ журналѣ: за страницу 20 р., за полстраницы 10 р. Подписка принимается въ редакціи: Москва, Тверская улица., д. Гиршмана, кв. Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (Книгопродавцы пользуются уступкой 30 к. съ экземпляра).
Издательница Е. Н. Тихомирова. Редакторъ Д. И. Тихомировъ.

имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительнаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 6. Лица и учрежденія, обращающіяся за справками, обязаны сообщать: а) бандероль, за которою получаютъ „Юридическую Газету"; б) когда и кѣмъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностного лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ и должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 7. Контора редакціи „Юридической Газеты" также принимаетъ на себя указаніе адресовъ повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Дозволено цензурою. Спб. 13 Ноября 1897 года.

Типографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая 15.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Я. Ешпатьевскій, И. Н. Жуковъ, М. В. Загоскинъ, И. В. Ингеницкій, А. А. Кауфманъ, Д. А. Клеменцъ, Н. Н. Козьминъ, Г. И. Качерецъ. А. Б. Клюге, В. Ф. Костюринъ, М. А. Кроль, М. А. Круковскій, В. М. Крутовскій, Г. Ф. Кудрявцевъ, В. В. Лесевичъ, Л. С. Личковъ, Н. Любичъ, В. М. Михеевъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Л. Мельшинъ, А. Н. Мошинъ, Н. Надеждинъ. В. А. Ошурковъ, М. А. Плотниковъ, Г. Н. Потанинъ, Ф. И. Поярковъ, М. Рафаиловъ, В. И. Семидаловъ, В. И. Семевскій, Н. Л. Скалозубовъ, Е. А. Смирновъ, А. М. Спасскій, В. А. Студницкій, В. С. Илличъ, В. Л. Сѣрошевскій, Н. И. Степановъ, Ф. Ф. Филимоновъ, Г. Ц. Цыбиковъ, С. Л. Чудновскій, П. Ю Шмидтъ, А. С. Шерстобитовъ, Е. Г. Шольцъ, Д. И. Шрейдеръ, А. В. Эповъ, А. А. Ярилов и др.

Подписка на газету и объявленія принимается въ С. Петербургѣ, въ конторѣ редакціи (Саперный пер., д. 19).

Программа газеты:

1) Телеграммы. 2) Передовыя статьи. 3) Хроника мѣстной жизни 4) Корреспонденціи. 5) Статьи по различнымъ вопросамъ, относящимся до тѣхъ мѣстностей, которымъ посвящена газета. 6) Сообщенія по дѣламъ общественныхъ управленій. 7) Переселенческое дѣло. 8) Школьное дѣло. 9) Извѣстія о дѣятельности учебныхъ и благотворительныхъ обществъ 10) судебная хроника. 11) Торгово промышленный отдѣлъ. Извѣстія и справочныя свѣдѣнія по всѣмъ родамъ торговли и промышленности. Рыночныя цѣны. Биржевые бюллетени. 12) Внутреннее обозрѣніе. 13) Заграничное обозрѣніе. 14) Фельетонъ. 15) Разныя извѣстія. Мелочи. 16) Объявленія.

Подписная цѣна: на годъ—7 р., на полгода—4 р., на три мѣсяца—2 р. 50 к.

Плата за объявленія:

При употребленіи крупныхъ и заглавныхъ шрифтовъ, а также всевозможныхъ украшеній и политипажей и при допущеніи пробѣловъ, плата взимается за мѣсто по разсчету на мелкій шрифтъ (строка 40 буквъ). При повтореніи объявленій 5 разъ дѣлается 5 проц. уступка, а 10 разъ болѣе 10 процентовъ. Годовыя объявленія по особому соглашенію.

Редакторъ-Издатель **К. П. Михайловъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1898 ГОДЪ.

(V г. изд.). на ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ иллюстрированный *безъ предварительнй цензуры* ЭКОНОМИЧЕСКІЙ и СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ журналъ (V г. изд.).

ХОЗЯИНЪ

Въ 1898 г. журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, въ томъ же объемѣ и при томъ же составѣ редакціи и главныхъ сотрудн., что и въ предыдущемъ году.—Годовые подписчики получатъ въ 1898 г. безплатно:

1. Сборникъ статей по сельскому хозяйству **И. А. Стебута.**
2. Руководство по огородничеству. **М. В. Рытова.** вып. III.
3. **Шесть проектовъ** сельскохоз. построекъ (въ краскахъ).

Новые подписчики могутъ получить первые два выпуска «Руководство по огородничеству» М. В. Рытова вмѣсто 1 р. 20 к. за 80 коп.

На годъ 6 руб., на полгода 3р. съ перес. Разсрочка по 1 р.

Ред. **А. Мертваго.** Петербургъ, Невскій, 92. Изд. **И. Машковцевъ.**

Издатель **М. А. Мироновъ**. Редакторъ **М. И. Красновъ**.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 27 Ноября 1897 г.

секъ ярмарокъ; д) торговыя извѣстія; е) оптовыя сдѣлки; ж) цѣны и фрахты по свѣдѣніямъ Департамента торговли мануфактуръ.

V. Отдѣлъ сельскохозяйственный, а) состояніе погоды; б) сельско-хозяйственныя извѣстія отъ нашихъ корреспондентовъ; в) данныя о площади посѣвовъ; о видахъ на урожай и о самомъ урожаѣ; г) движеніе рабочихъ цѣнъ на нихъ; д) вредныя животныя и насѣкомыя.

VI. Медико-санитарный обзоръ. Эпидеміологическій листокъ; журналы губернскаго и уѣздныхъ санитарныхъ совѣтовъ; свѣдѣнія о борьбѣ съ дифтеритомъ; число больныхъ въ Александровской больницѣ и въ психіатрической лечебницѣ; статьи по отдѣльнымъ вопросамъ; свѣдѣнія и извѣстія.

VII. Приложенія къ «Недѣлѣ». Журналы, доклады, отчеты земствъ, изслѣдованія, монографіи и замѣтки по вопросамъ, входящимъ въ программу изданія, картограммы и діаграммы.

VIII. Объявленія и справочныя свѣдѣнія.

Подписная цѣна на «Земскую Недѣлю»—5 р. въ годъ, 3 р. въ полгода, 2 р. въ четверть и пятьдесятъ копѣекъ за каждую книжку. Приложенія безплатныя и за плату не свыше 1 р. за каждое.

Плата за объявленія впереди текста «Недѣли» 15 к. за строку не мельче цицеро въ 60 буквъ, считая 40 строкъ въ страницѣ; въ концѣ текста «Недѣли» по 10 к. за ту же строку; объявленія въ приложеніяхъ по той-же цѣнѣ. При повтореніи объявленій значительная уступка.

подпискѣ 5 р. и черезъ пять мѣс. вторые 5 руб.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногородняго адреса 20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской, д. Антоновича, № 35, 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Идзиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и К°.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору «Кіевскаго Слова», Большая Владимірская д. № 35.

За редактора Е. Игнатьевъ. Издательница В. М. Антоновичъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Въ составъ этой библіотеки войдутъ избранныя сказки разныхъ странъ и народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить болѣе 100. Цѣна книжекъ отъ 5 до 25 коп. До конца октября 1897 года выпущено 86 книжекъ. Въ составъ ихъ вошли слѣдующія сказки:

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА. 1) Дочь болотнаго царя. Съ портретомъ и біографіей Андерсена. Ц. 15 к.—2) Райскій садъ. 8 к.—3) Домовой и лавочникъ. Свинья копилка. На птичьемъ дворѣ. Красные башмачки. 10 к.—4) Супъ изъ колбасной палочки. 6 к.—5) Оле-Лукъ-Ойе. Ленъ. Связка. Капля воды. 10 к.—6) Цвѣты маленькой Иды. Сосѣдния семейства. Пастушка и трубочистъ. 10 к.—7) Снѣжная царица. 15 к.—8) Анна-Лизбета. 5 к.—9) Самое невѣроятное. Комета. Небесный листъ. 5 к.—10) На дюнахъ. 15 к.—11) Послѣдній сонъ стараго дуба. Калѣка. 8 к.—12) Бузинная старушка. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. 8. к.—13) Колоколъ. Стойкій оловянный солдатикъ. Мотылекъ. 6 к. — 14) Ибъ и Христиночка. Сновидѣніе. Перо и чернильница. 10 к. — 15) Камень мудрости. 8 к.—16) Большой морской змѣй. Свѣчи. 5 к.—17) Золотое сокровище. Блоха и профессоръ. 6 к.—18) Дикіе лебеди. 8 к. – 19) Сынъ привратника. 8 к. — 20) Морская царевна. Должна-же быть разница. 10 к.—21) Соловей. Жаба. 8 к.—22) Попутчикъ. 8 к.—23) Исторія пяти горошинъ. Елка. Дѣвочка со спичками. 6 к.—24) Калоши счастья. 10 к.—25) Она никуда не годилась. Старый домъ. Дѣтская болтовня. 8 к.—26) Исторія одной матери. Кто-жъ въ этомъ сомнѣвается. Навозный жукъ. 8 к.—27) Безобразный утенокъ. Маргаритка. Серебряная монетка. 8 к.—28) Тѣнь. Мѣдный кабанъ. Какъ старикъ ни сдѣлаетъ — все хорошо. 10 коп.—29) Бутылочное горлышко. Подъ ивой. 10 к.—30) Дѣва льдовъ. 18 к.

СКАЗКИ ГАУФА. 31) Холодное сердце. Съ портретомъ и біографіей Гауфа. 18 к.—32) Сказка о Калифѣ-аистѣ. Молодой англичанинъ. 12 к.—33) Преданіе о золотомъ. Маленькій Мукъ. 15 к.—34) Карликъ-носъ. 12 к.—35) Приключенія Саида. 15 к.—36) Принцъ-Самозванецъ. Еврей Абнеръ, который ничего не видалъ. 10 коп.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. 37) Корона морского царя.—Друзья короля Осиана.—Неумѣстная гордость.—Король Карій. Съ портретомъ и біографіей Густафсона. 10 к.—38) Пастухъ и принцесса.—Такъ водится на войнѣ.—Баржа. 10 к.—39) Храмъ истины.—Король, страдавшій безсонницей.—Каменная глыба.—Скороспѣлки.—Попугай и жаворонокъ. 10 к.—40) Парижская кукла.—Бѣлка.—Исторія одного дерева.—Земной глобусъ папы. 10 к. — 41) Три брата.—Маленькій сборникъ сказокъ. 10 к.

СКАЗКИ ЖОРЖЪ-ЗАНДЪ. 42) Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ портретомъ и біографіей Ж. Зандъ. 18 к.—43) Розовое облако. 12 к.—44) Великанъ Іеусъ. 15 к.—45) Крылья мужества. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева—25 книжекъ отъ № 46 до 70-го. Цѣна каждой книжки—10 к.

СКАЗКИ КАРМЕНЪ СИЛЬВЫ. 71) Омулъ. Замокъ Вѣдьмы. Съ 10-ю рис., портретомъ и біографіей Карменъ Сильвы. Ц. 15 к.—72) Оленья долина. Близнецы. Чахлау. Съ 11-ю рис. Ц. 15 к.—73) Піатра Арса. Караиманъ. Вар-Фулькудеръ. Фурника. Съ 13-ю рис. Ц. 15 к.

СКАЗКИ ЛАБУЛЭ. 74) Мальчикъ съ пальчикъ. Маленькій человѣкъ. Доволенъ-ли ты? или приключеніе съ носами. Съ 16-ю рис., портретомъ и біографіей Лабулэ. Ц. 15 к. 75) Ивонъ и Финетта. Съ 17-ю рис. Ц. 15 к. 76) Зербинъ-Бирюкъ. Золотое руно. Съ 21 рис. Ц. 18 к. 77). Паша-Пастухъ. Фраголетта. Божьи гуси. Съ 25-ю рис. Ц. 15 к. 78) Бацъ-бацъ! Съ 13 рисунками. Ц. 15 к.

ИСПАНСКІЯ СКАЗКИ. 79) Оферо. На всякій случай. Дядя Корыстолюбіе. Съ 10 рис. 15 к.—80) Птица-правда. Маленькая принцесса Нора. Казильда. Жена архитектора. Съ 10 рис. 15 к.

СКАЗКИ ПЕРРО. 81) Красная шапочка. Котъ въ сапогахъ. Спящая красавица. Синяя борода. Съ 5 рис., портретомъ и біографіей Перро. 15 к.—82) Золушка. Мальчикъ-съ-пальчикъ. Волшебницы. Хохликъ. Съ 10 рис. 15 к.

НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ. Асбьернсена. 83) Сказка о кузнецѣ, котораго не пустили въ адъ.—Сказка о хозяинѣ, взявшемся за бабье дѣло.—Глупые мужья и злыя жены.—Сказка про Иванушку-дурака, превзошедшаго во лжи принцессу.—Сказка о парнѣ, ходившемъ къ Сѣверному вѣтру просить свою муку обратно. Съ портретомъ автора и 11 рис. 10 к.

АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ. Уйда. 84) Маленькій графъ.—15 к. 85) Нюренбергская печь. — 15 к. 86) Принцесса Киска.—Зѣвака.—Умники изъ Готама.—Кошачья шкурка.—15 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: братья Гриммъ и проч. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая біографія.

СПИСОКЪ КНИЖЕКЪ «СКАЗОЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ» ПО ИХЪ ЦѢНАМЪ:

Книжки въ 5 к.: №№ 8, 9, 16. — Книжки въ 6 к.: №№ 4, 13, 17, 23. — Книжки въ 8 к.: №№ 2, 11, 12, 15, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 27.—Книжки въ 10 к.: №№ 3, 5, 6, 14, 20, 24, 28, 29, 36—41, 46—70.—Книжки въ 12 к.: №№ 32, 34, 43. Книжки въ 15 к.: №№ 1, 7, 10, 33, 35, 44, 71, 72, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85 и 86.— Книжки въ 18 к.: №№ 30, 31, 42, 76.—Книжки въ 25 к.: № 45. За всѣ 86 книжекъ—9 р. 60 к.

Организація свободы и общественный долгъ. *А. Прэнса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 80 к.
Соціальное развитіе. *В. Кидда.* Съ предисл. проф. *Вейсмана.* Перев. *М. Чепинской.* Ц. 75 к.
Общественный организмъ. *Р. Вормса.* Переводъ подъ редакціей и съ предисловіемъ профессора *А. Трачевскаго.* Ц. 75 к.
Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекція *А. Сабатье.* Перев. *В. Обреимова.* 2-е изд. Ц. 60 к.
Общественный прогрессъ и регрессъ. *Греефа.* Перев. *Г. Паперна.* Ц. 1 р. 50 к.
Современная женщина.—Ея положенія въ Европѣ и Америкѣ. *Б. Ф. Брандта.* Ц. 60 к.
Сочиненія В. Г. Бѣлинскаго. Полное собр. въ 4 больш. томахъ. Съ портретомъ, факсимиле и снимкомъ съ картины *Наумова* «Бѣлинскій передъ смертью». Цѣна каждаго тома—1 р. 25 к.
Духовныя завѣщанія. Какъ ихъ составлять, измѣнять, отмѣнять и т. п. Сост. *Я. В. Абрамовъ.* Ц. 25 к. (№ 1 «Популяр.-Юрид. библіотеки»).
Наслѣдство и раздѣлъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 2 той-же библіотеки).
Пріобрѣтеніе и отчужденіе имуществъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 3 той-же библіотеки).
Аренда и наемъ имуществъ. *Я. В. Абрамова.* Ц. 25 к. (№ 4 той-же библіотеки).
Литература XIX вѣка въ ея главныхъ теченіяхъ. *Г. Брандеса.* Съ 13 портр. Ц. 2 р.
Исторія цивилизаціи въ Англіи. *Бокля.* Переводъ *А. Н. Буйницкаго.* Съ портр. автора. Съ примѣчаніями Ц. 2. и безъ нихъ—1 р. 50 к.
Сочиненія Д. И. Писарева. Полное собраніе въ 6-ти томахъ. 2-е изд. Цѣна каждаго тома—1 руб.
Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собранія въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к. 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ. Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Доррить и Большія ожиданія, 5) Нашъ общій другъ и Оливеръ Твистъ, 6) Записки Пиквикскаго клуба и Тяжелыя времена, 7) Николай Никльби и три «Святочныхъ» разсказа, 8) Мартинъ Чезльвитъ. Гимнъ Рождеству. Затравленъ. 9) Барнеби Реджъ. Тайна Эдвина Друда и Колокола. 10) Лавка древностей. Записки путешественника не по торговымъ дѣламъ. Станція Мегби. Мёдфогскія записки. Рецепты д-ра Мериголъда. Безъ выхода. Портретъ и біографія автора.
Сочиненія Виктора Гюго. Съ портрет. автора и статьей *А. Скабичевскаго.* Два тома. Ц. 2 р. 50 к.
Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды *Том. Карлейля.* Ц. 1 р. 50 к.
Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. Ц. 50 к.
Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicus'a.* Съ 16-ю порт. Ц. 1 р.
Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ. *Э. Беллами.* Съ приложеніемъ очерка *Рише*: «Куда мы идемъ?» 3-е изд. Ц. 1 р.
120 рисунковъ къ Лермонтову. Художественный альбомъ *М. Е. Малышева.* Ц. въ папкѣ 50 к.
Альбомъ къ «Сочиненіямъ Пушкина»: 44 иллюстраціи. Цѣна въ переплетѣ—1 р. 25 к.

Капитанская дочка. Повѣсть *Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ перепл. 1 р.
До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 16 рис. Ц. 50 к.
Исторія французской революціи. *И. Карно.* Переводъ съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
Исторія религіи. Проф. *Мензиса.* Съ англійскаго. Ц. 1 р.
Исторія культуры. *Липперта.* Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 83 рис. 3-е изд. Ц. 1 р. 60 к.
Исторія семьи. *Липперта* (автора «Исторія культуры»). Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 75 к.
Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собр. въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. 4-е изд. Ц. 1-томнаго и 10-томнаго изд. одна и та же безъ карт.—1 р. 50 к. Съ 44 карт.—2 р. 50 к. За переплеты: для 1-томн. изд.—40 к. и 1 р.; для 10-томн. (въ 5 переп. товъ) 1 р. и 2 р.
Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ одномъ и въ четырехъ томахъ. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1-томное изданіе—1 р. 40 к. и 2 р. 4-хъ томное въ двухъ перепл.—1 р. 50 к. и 2 р.
Представительное правленіе. *Дж. Стюарта Милля.* Ц. 60 к.
Забота. Романъ *Г. Зудермана.* Ц. 60 к.
Долой оружіе! Антивоен. ром. *Б. Зутнеръ.* Ц. 80 к.
Голодъ. Романъ. *Гамсуна.* Ц. 60 к.
Счастье и трудъ. *Мантегацца.* 3-е изд. Ц. 60 к.
Путь къ счастью. Сост. *Фрид. Кирхнеръ.* Ц. 60 к.
Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ клас. гимназій и книга для домаш. чтенія. *А. Цвѣткова.* Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 75 к.
Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Одиннадцать томовъ. Цѣна каждаго—1 р.
Вырожденіе. Психопатическія явленія въ области современной литературы и искусства. *Макса Нордау.* 585 стр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к.
Подъ маской благочестія. (Преступленія и оргіи папъ). Истор. романъ. *Постери.* Ц. 1 р.
Конецъ міра. Астроном. романъ. *К. Фламмаріона.* Съ 80 рисунками. Ц. 60 к.
Въ небесахъ (Uranie). Астроном. ром. *К. Фламмаріона.* Съ 89 рисунками. 3-е изд. Ц. 75 к.
Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1892 гг.). *А. М. Скабичевскаго.* 3-е изд. Съ 52 портретами. Ц. 2 р.
Исторія рус. цензуры. *А. М. Скабичевскаго.* Ц. 2 р.
Сочиненія Глѣба Успенскаго. 3-е изд. Ц. за два тома—3 р. Перепл. въ 1 р. и 50 к. Томъ 3-й ц. 1 р. 50 к.
Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ двухъ большихъ томахъ. Цѣна 2 р. 50 к.
Сочиненія А. М. Скабичевскаго. 2 тома. Съ порт. автора. 2-е изд. Ц. 3 р.
Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ И. С. Тургенева. Ц. 15 к.
Литература и жизнь. Письма о разныхъ разностяхъ *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.
Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Переводъ съ нѣм. *Э. Зауэръ.* 4-е изд. Ц. 1 р.
Больная любовь. Гигіенич. романъ *П. Мантегацца.* 2-е изд. Ц. 50 к.

...ль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Проф. *Гольцендорфа.* Ц. 75 к.

Въ трущобахъ Англіи. *Бутса.* Ц. 1 р.

Законы о гражданскихъ договорахъ, общепонятно изложенные и объясненные. Состав. *В. Фармаковскій.* Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки самоуправленія (земскаго, городского и сельского). *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимощенкова.* Ц. 1 р.

Брюхо Петербурга Общественно-физіологическіе очерки. *А. Бахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Исторія книги на руси. *А. Бахтіарова.* Съ многими рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланеры въ Парижѣ. *Н. А. Попова* 2-е изд. Ц. 1 р.

По градамъ и весямъ. Романъ *Вологдина* (**П. Засодимскаго**). Ц. 1 р. 50 к.

Популярно-научныя книги.

Мозговая работа и переутомленіе. *Блекка.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 30 к.

Ботаникъ-любитель. *Фэдо.* Перев. съ франц. подъ редакціей и со многими дополненіями профессора *В. Я. Добровлянскаго.* Около 200 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

Популярная біологія. *В. Лункевича.* Бол. томъ съ 208 политип. и табл. раскраш. рис. Ц. 2 р.

Химикъ-любитель. *Фэдо.* Практическое знакомство съ химіей посредствомъ простыхъ опытовъ. Съ франц. Ц. 1 р.

Новѣйшія химическія теоріи. *Этара.* Переводъ съ французскаго *Б. Билита.* Съ 58 рис. Ц 75 к.

Живописная астрономія. *Фламмаріона.* Съ 382 политипажами въ текстѣ и раскрашенными рисунками. Переводъ *Е. Предтеченскаго.* Ц. 3 р.

Автобіографія земли. *Гетчинсона.* Популяр. картина геологич. образованія земли. 63 рис. Перев. съ англ., съ дополн. *М. А. Энгельгардта.* Ц. 80 к.

Очеркъ психологіи. *Вундта.* Перев. съ нѣмецк. *Г. Паперна.* Ц. 75 к.

Женщина передъ судомъ современной науки. *Жака Лурбе.* Перев. съ франц. *Е. Предтеченскаго.* Ц. 30 к.

Кометы и падучія звѣзды. Популярныя бесѣды. *Е. Предтеченскаго.* Съ 26 рис. Ц. 40 к.

Экономическая система Карла Маркса. Проф. Вѣнскаго универс. *Гросса.* Попул. очеркъ. Ц. 20 к.

Представительное правленіе. *Д. Стюарта Милля.* Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 60 к.

Психическіе факторы цивилизаціи. *Л. Уорда.* Пер. съ англійск. *Л. Давыдова.* Ц. 80 к.

Соціологія. *Шарля Летурно.* Перев. подъ ред. и съ предисл. проф. *А. С. Трачевскаго.* Ц. 1 р. 50 к.

Антропологія. *Крживицкаго.* Перев. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго.* Съ рисун. Ц. 1 р. 50 к.

Физіологія страстей. *Ш. Летурно.* Переводъ Д-ра *В. В. Святловскаго.* Ц. 1 р.

Семь новѣйшихъ чудесъ свѣта. *Ч. Кента.* Перев. съ англійскаго. *Д. Головъ.* 109 рис. Ц. 1 р.

Азбука домоводства и домашней гигіены. Сост. *М. Клима.* Перевелъ баронъ Корфъ. Ц. 75 к.

Наука о жизни. Популярная физіологія человѣка. *В. Лункевича.* Съ 91 рис. Ц. 1 р.

Духовный прогрессъ и счастье. Психологическое изслѣдованіе. *Лоскутова.* Ц. 1 р.

Преступная толпа. Опытъ коллективной психологіи. *С. Сигеле.* 116 стр. 2-е изд. Ц. 30 к.

Пессимизмъ. Сочиненія *Джемса Сёлли.* Популяр. обзоръ всѣхъ пессимистич. ученій. Съ англ. подъ ред. *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.

Который часъ? *Вавилова.* Популярн. руков. для повѣрки всякихъ, обыкновенныхъ, и устройства солнечн. часовъ, 2-е изд. 13 рис. Ц. 30 к.

Философія Герберта Спенсера, въ сокращен. изложеніи *Коллинза.* Съ предисл. *Г. Спенсера.* Переводъ съ англ. *П. Мокіевскаго.* 2-е русское изданіе, дополненное по 3 англ. изд., съ прибавленіемъ сокращ. изложенія всѣхъ вновь вышедш. частей «Синтетической философіи». Ц. 2 р.

О вѣрованіи. Популярно-философскіе очерки, *Пейо.* Пер. съ фр. *М. Энгельгардта.* Ц. 50 к.

Характеръ и нравст. воспитаніе. *Кейра.* Перев. съ фр. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 40 к.

Этика (Ученіе о нравственности). Профессора *Маккензи.* Переводъ съ англійскаго. Ц. 1 р.

Общедоступная анатомія и физіологія человѣка и животныхъ, *Э. Ретерера,* проф. Париж. универ. Перев. со 2-го франц. изд. д-ръ *Г. А. Паперна,* съ 380 рис. и 6-ю раскраш. таблиц. Ц. 2 р.

Психологія чувствъ. Сост. *Рибо.* Ц. 80 к.

Законы подражанія Пер. съ фр. *Тарда.* Ц. 1 р. 50 к.

Домаш. опредѣл. поддѣлокъ. *Альмедингена.* Ц. 60 к.

На всякій случай! Научно-практич. совѣты сельскимъ хоз. *А. Альмедингена.* Ч. 1-я, 2-е изд. Ц. 50 к.

На всякій случай! *Его-же.* Ч. 2-я. Ц. 50 к.

Гигіена семьи. *Гебера.* Перев. съ нѣм. Ц. 50 к.

Берегите легкія. Гигіеническія бесѣды. Д-ра *Нимейера.* Съ 30 рисунками. 2-е изд. Ц. 75 к.

Уходъ за больными дѣтьми. *Э. Перье.* Ц. 50 к.

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ прим. къ обыденной жизни. Д-ра *Эйдама* 7 рис. Ц. 40 к.

Дѣтскій докторъ. Попул. руков. для матерей и воспит. *Д-ра Варіо.* Съ франц. подъ ред. проф. *Пономарева.* Съ рис. Ц 1 р.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Д-ра *Мигулы.* Перев. съ нѣмец. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Переводъ съ французск Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ (**отъ полюса до экватора.**). *А. Брема.* Дополненіе къ его соч. «Жизнь животныхъ». Съ многими рисунками. Ц. 2 р.

Настоящее и прошлое земли. Популярная геологія *В. К. Агафонова.* Съ 237 рис. Ц. 2 р.

Первобытные люди. *Дебьера.* Перев. съ франц. и дополнилъ *М. Энгельгардтъ.* Съ 84 рис. Ц. 1 р.

Фабричная гигіена. Д-ра *Святловскаго* (Одобрена М. Н. Пр. для учительскихъ библіотекъ средн. и низш. училищъ и ремесл. училищъ нормальнаго типа. 720 стр. и 153 рис. Ц. 4 р.

Усталость. Попул.-науч. бесѣды проф. *А. Моссо.* Пер. *М. Манасеиной.* Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящ. и будущ. *А. Ланге.* Перев. съ нѣмец. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

Основы политической экономіи. *Шарля Жида.* Профес. политич. экономіи на юридич. факулѣтѣ Монпелье. Перев. съ французск. Ц. 1 р. 25 к.

Физіологическая психологія. *Цигена.* Перев. подъ редакціей проф. *В. Чижа.* Съ 21 рис. Ц. 75 к.
Психологія народовъ и массъ. *Густава Лебона.* Перев. съ франц. Ц. 1 руб.
Психологія характера. *Ф. Полана.* Пер. съ франц. подъ ред. *Р. И. Сементковскаго.* Ц. 75 к.
Звѣздный міръ. Популярно-астрономич. бесѣды. *Е. Предтеченскаго.* Съ рис. Ц. 30 к.
Разсказы о небѣ. *К. Фламмаріона.* Перев. *Е. Предтеченскаго.* Съ 64 рис. Ц. 50 к.
Гигіена женщины. Д-ра *Тило.* 2-е изд. Ц. 40 к.
Уходъ за больными въ семьѣ. *Энцлера.* Ц. 50 к.
Гигіена дѣтства. Д-ра *Перье.* Ц. 50 к.
Болѣзни желудка. Съ англійскаго. Ц. 50 к.
Электричество въ природѣ. *Жоржа Дари.* Перев. съ франц. *Д. Голова.* Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Міръ грёзъ. Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинація, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ. Съ фр. Ц. 1 р.
Физіологія души. *А. Герцена,* профес. Лозанскаго универс. Пер. съ французск. 2-е изд. Ц. 75 к.
Эйфелева башня. *Г. Тисандье.* Съ 34 рис. Ц. 50 к.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Пер. съ 5-го итал. изд. *д-ра Лейненберга.* Ц. 1 р. 50 к.
Душевныя движенія. Популярно-научный очеркъ. Д-ра *Ланге.* Пер. съ франц. и нѣмецк. Ц. 40 к.
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія. 7-е изд. съ 65 рис. Ц. 30 к.
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* Пер. съ фр. *В. Черкасова.* 100 рис 4-е изд. Ц. 70 к.
Телефонъ и его практич. примѣненія. *Майера* и *Присса.* Пер. *Д. Головъ.* Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Перев. и дополнилъ *Д. Головъ.* Съ 102 рис. Ц. 2 р.
Электрическіе аккумуляторы. *Э. Ренье.* Перев. и дополнилъ *Д. Головъ.* Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Домашнее электрич. освѣщеніе и уходъ за аккумулятор. *Саломесна.* Съ англ. 18 рис. Ц. 1 р. 25 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* Переводъ *Ф. Павленкова, В. Черкасова* и *С. Степанова.* 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье* Съ 143 рис. Ц. 2 р. 50 к.
Электрическая передача энергіи. (Передача силы на разстояніе). *Каппа.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 60 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Съ 157 рис. Ц. 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ свѣд. о воздуш звонкахъ. 121 рис. 2-е дополнен. изд. Пер. съ англійскаго. *Головъ.* Ц. 1 р.
Воспитаніе воли. *Ж. Пейо.* Переводъ съ франц. *М. А. Шишмаревой.* Ц. 75 к.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А. Секки.* Перев. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.
Психологія вниманія. *Рибо.* Съ фр. 2 изд. Ц. 30 к.
Психологія великихъ людей. *Жоли.* Съ франц. 3-е изд. Ц. 60 к.
Современные психопаты. *Кюллера.* Съ франц. Ц. 1 р. 50 к.
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ламброзо.* Съ портр. автора и рис. 2-е изд. Ц. 1 р.
Вред полев. насѣкомыя. *Иверсена.* 43 рис. Ц. 80 к.
Хлѣбный жукъ. Съ 3 рис. *Барона Н. Корфа.* Ц. 10 к.
Огородничество. Практич. наставл. для народн. учителей. *Ф. Шубелера.* Съ 137 рис. Ц. 60 к.
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис. 2-е изд. Ц. 60 к.

Для дѣтей и юношества.

Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашн. занятіямъ ремеслами. Пер. съ фр. Съ 375 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пап.—1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
Правители и мыслители. Біографическіе очерки *Е. Ѳ. Литвиновой.* Съ портретами. Ц. 1 р.
Научныя забавы. *Федо.* Съ 128 рис. въ текстѣ Ц. 60 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.
Ботаникъ-любитель. *Федо.* Переводъ съ фр. подъ ред. Профес. *В. Добровлянскаго.* 200 рис. Ц. 1 р.
Сказки Густафсона. Съ 50 рис. Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
Иллюстрированныя сказки Андерсена. Полное собраніе въ 6 томахъ. Съ 530 рисунк. Перев. *Б. Пороховской.* Цѣна каждаго тома 60 коп., въ папкѣ 75 коп., въ переплетѣ по 3 тома—2 р. 50 к.
Русскія народныя сказки въ стихахъ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множ. рис. Ц. 2 р, Въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.
На землѣ и подъ землей. Изъ воспом. всемірнаго путешественника. *В. Галузиева.* Съ рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтск. разсказовъ. *Бажиной.* Со мног. рис. Ц. 1 руб., въ папкѣ — 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.
Два проказника. Шуточн. разск. въ стихахъ. *В. Буша* Съ нѣмецк. 100 рис 2-е изд. Ц 50 к.
Черные богатыри. *Е. Конради.* Съ 55 рисунками. Цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 75 к.
Иллюстрированные романы Диккенса, въ сокращ. перев. *Л. Шелгуновой:* 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Крошка Доррить, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезльвитъ. Цѣна каждаго ром. 40 к. Въ пап. 50 к. въ перепл. по 6 ром.—3 р. 25 к.
Къ свѣту. Разсказы *В. Огаркова.* Съ 27 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 60 к.
Всякому гвоздю свое мѣсто. *А. Круглова.* Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пап. 1 р. 50 к., пер. 2 р.
Иллюстрированные романы Вальтеръ-Скотта, въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой:* 1) Веверлей, 2) Антикварій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Квентинъ Дорвардъ, 7) Вудстокъ, 8) Замокъ Кенильворть, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монтрозѣ, 11) Певериль Пикъ, 12) Пресвитеріане, 13) Пертская красавица, 14) Аббатъ, 15) Монастырь, 16) Пиратъ, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Ричардъ Львиное Сердце, 19) Обрученные, 20) Черный Карликъ, 21) Приключенія Нигеля, 22) Редгаунтлетъ; 23) Робертъ, Графъ Парижскій, 24) Сенъ-Ронанскія воды, 25) Опасный замокъ и Два пастуха. Ц. каж. том. 40 к., въ пап. 50 к., въ перепл по 5-ти ром. Ц. 2 р. 80 к.
Дѣтскій маскарадъ *Азбелева.* 16 рис. Ц. 20 к.

Подружка. Книжка для маленькихъ дѣтей. Сост. *Бостромъ.* Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ—1 р., въ перепл.—1 р. 30 к.
Задушевные разсказы. *П. Засодимскаго.* 135 рис. Ц. 1 р. 25. к. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.
Хорошіе люди. *В. Острогорскаго.* Съ 45 рис. 3-е изд. Ц 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ пер. 1 р. 60 к.
Робинзонъ. Его жизнь и приключ. *Гейбнера.* Съ 107 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 40 к., въ перепл. 60 к.
Математ. софизмы. 50 теоремъ, доказывающихъ, что 2×2=5 и т. п. *Обреимова.* Ц. 40 к.
Исторія открытія Америки. *Ламе-Флери.* 3-е изд. Съ 52 рис. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ пер 1 р. 30 к.
Наглядныя несообразности (Дѣтскія задачи въ карт.). *Ф. Павленкова.* 10 лист. (на кажд. по 20 рис.). Ц. 1 руб.—«Объясненія», къ нимъ: на франц., нѣмецк. и англ. языкахъ», каждое—Ц. 5 к.
Научныя забавы. *Федо.* Перев. съ фр. *Е. Предтеченскаго.* 128 рис. Ц. 60 к. въ пер. 1 р. 10 к.
Донъ-Кихотъ. *Сервантеса.* Сокращен. перев. для юношества. Съ 43 рис. Ц. 50 к., въ папкѣ—60 к., въ перепл.—90 к.
Математ. развлеченія. *Люкаса.* Переводъ съ фр. Съ 55 фиг. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.
Тройная головоломка. *Обреимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рис. Ц. 1 р.
Чрезъ дебри и пустыни. *Ворисгофера.* Съ иллюстр. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.
Сказочная страна. *С. Ворисгофера.* Съ иллюстраціями. 2-е изд. Ц 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р. 25 к.
Приключенія контрабандиста. *С. Ворисгофе*[ра] Съ иллюстр. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 [к.,] въ перепл. 2 р. 25 к.
Мученики науки. *Г. Тисандье.* Пер. подъ ре[д.] *Ф. Павленкова.* 55 рис. 4 изд. Ц. 1 р. 25 к., [въ] пер. 2 р.
Вечерніе досуги. *Круглова.* Съ 70 рис. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.
Научныя развлеченія. *Г. Тисандье.* Перев. подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 353 рис. 4-е изд. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 25 к.
Рыжій графъ. Неразлучники. Дочь угольщика. *П. Засодимскаго.* Ц. кажд. кн. 35 коп.
До потопа. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. *Рони.* Съ 13 рисунками. Ц. 50 к.
Живыя картинки. *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
Янки Вологодскаго уѣзда. *Круглова.* Ц. 25 к.
Незабудки. *А. Круглова.* Сборн. разск. Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ пап. 1 р. 75 к., въ пер. 2 р.
Несчастливцы. *Э. Кандеза.* Съ 56 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.
20 біографій образцовыхъ русск. писателей. *В. Острогорскаго.* Съ 20 портрет. Ц. 50 к., въ папкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.
Приключенія сверчка. *Э. Кандеза.* Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.
Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Перев. подъ ред. проф. *И. Мечникова.* 345 рис. 3 изд., с порт. авт. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 50 к.

Учебныя руководства и пособія.

Руководство къ рисованію акварелью. *Лакассаня.* 120 политип и 6 акварелей, 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к
Практич. геометрія. *Заблоцкаго.* Съ 300 черт. Ц. 60 к.
Основы химической технологіи. *Селезнева.* Съ 70 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Полный курсъ физики. *А. Гано.* Перев. *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. 1363 рис., 170 задачъ, 2 таб. спектровъ, метеорологія и краткая химія. Ц 4 р.
Учебникъ химіи. *Альмедингена.* 96 рис. и 140 задачъ. Ц. 2 р.
Самостоятельныя работы въ начальной школѣ *Т. Лубенца.* 3-е дополненное изд. Ц. 15 к.
Сборникъ самостоят. упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениқ. *Житкова.* 5-е изд. Ц. 25 к.
Общепонятная геометрія. *Потоцкаго.* 143 фиг. Ц. 40 к.
Методика ариѳметики. *Житкова.* 5-е изд. Ц. 75 к.
Сборникъ ариѳметич. задачъ съ учителемъ. Прилож. къ «Методикѣ ариѳметики». *Житкова.* Ц. 40 к.
Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изданіе, съ 10-ю раскрашенными картами и 82 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к.
Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *Кузнецова.* Ц. 1 р.
Родная азбука. *Ф. Павленкова.* 10-е изд. съ 200 рис. Ц. 5 к.
Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* 800 рис. 16-е изд. Ц. 20 к.
Объясненіе къ «Наглядной азбукѣ». *Ф. Павленкова.* 7-е изданіе. Ц. 15 к.
Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова.* 10-е изд. 100 рис. Ц. 1 к.
Зернышко. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Съ прил. церк.-славянской грамоты и книги рис. *Т. Лубенца.* 1-й годъ. Ц. 30 к., 2-й годъ Ц. 40 к. 3-й годъ—40 к.
Руководство къ «Зернышку». *Т. Лубенца.* Ц. 50 к.
Элемент. грамматика русск. языка. *Чудинова.* Ц. 5[0] к.
Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.
Руководитель для воскресныхъ школъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.
Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.
Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Сост. бар. *Н. А. Корфъ.* 17-е изд., съ 200 рис. и портретами. Ц. 75 к.
Наглядно звуковыя прописи. *Ф. Павленкова:* 1) къ «Родному слову» Ушинскаго (400 рис.); 2) къ азбукѣ Бунакова (460 рис.); 3) къ «Первой учебной книжкѣ» Паульсона (430 рис.); 4) Общія наглядно-звуковыя прописи (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Цѣна каждой книжки 8 к.
Курсъ нач. механики. *Рыкачева.* 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 274 рис. въ текстѣ. 2-е изд. Ц. 75 к.
Иллюстрированная хрестоматія. *А. Тарнавскаго.* Для низш. учебныхъ заведеній и млад. классовъ гимназій. Съ 80 рис. и портр 4-е изд. Ц. 60 к.
Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. «Замѣтки для учителя», обучающаго по этой книжкѣ—10 к.
Церковно-славян. букварь. *Лубенца.* 2-е изд. Ц. 5 к.

водство къ «Ц.-С.» букварю. *Лубенца*. Ц. 15 к.
на письменныхъ работъ. Задачи для упражненій
письмѣ въ нач. школѣ. *Н. А. Корфа*. Ц. 15 к.
начальное правописаніе. 40 диктовокъ съ
азаніемъ грам. правилъ. *Н. А. Корфа*. Ц. 12 к.
никъ задачъ по русскому правописанію. *Разы-
гева*: 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ.
50 к. 2) Систематическія свѣдѣнія о правоп.
овъ. Ц. 50 к. 3) Элементарныя свѣдѣнія о
лкахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣ-
і о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.
. курсъ ботаники. *Сіязова*. 2 изд. 118 рис. Ц. 50 к.

Сборникъ ариѳметически. задачъ. *Лубенца*. 14-е изд. (ок. 2000 зад. и 3000 числен. примѣровъ). Ц. 40 к. Тотъ же «Сборникъ» по частямъ: Годъ I—12 к., Годъ II—15 к., Годъ III—20 к.
Стѣнная таблица мѣръ. *Т. Лубенца*. Ц. 10 к.
Сборникъ алгебраич. задачъ. *Савицкаго*. Ц. 40 к.
Дешевый географ. атласъ. 10 раскр. картъ. Ц. 30 к.
Земля и ея обитатели. Первое знакомство съ географіей всеобщей и русской. Пособіе для самообразованія. *М. Соколовой*. Съ 170 рис. Ц. 1 р.
Очерки новѣйшей исторіи. *Григоровича*. 7-е изд. Съ 57 портр. Ц. 2 р. Въ перепл. 2 р. 75 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) Экстазы человѣка. *П. Монтегацца* Ц. 1 руб. 50 коп.; 2) Психологія вниманія. Д-ра
э. Ц. 40 коп.; 3) Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды. Д-ра *Нимейера*. Съ 30-ю рис.
5 к.; 4) Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Ц. 1 р. 50 к.; 5) Предсказаніе погоды.
Галле. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) Физіологія души. *А. Герцена*. 2-е изд. Ц. 75 к.; 7) Психогія великихъ людей. *Г. Жоли*. 3-е изд. Ц. 60 к.; 8) Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Общедоступное
женіе идей Дарвина. 2-е изд. Ц. 60 к.; 9) Міръ грёзъ. Д-ра *Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи,
амбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Ц. 1 р.; 10) Первобытныя люди. *Дебьера*. Со многими рис. Ц. 1 р.;
Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*.
изд. Ц. 1 р.; 13) Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. Съ 100 рис. 4-е изд. Ц. 70 к.;
Гигіена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.; 15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ
рис. Ц. 1 р.; 16) Наука о жизни. Попул. физіологія человѣка. *В. Лукьевича*, 92 рис.
1 р.; 17) Электричество въ природѣ. *Ж. Дари*. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 18) Усталость.
ссо. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 19) Гигіена женщины. Женщины-врача *М. Тило*. Ц. 40 к.;
Физіологическая психологія. *Цигена*. Съ 21 рис. Ц. 75 к.; 21) Воспитаніе воли. *Ж. Пэйо*.
75 к.; 22) Соціологическія основы исторіи. *П. Лакомба*. Ц. 1 р. 50 к.; 23) Духовный прогрессъ.
астье. Психологическое изслѣдованіе, *П. Лоскутова*. Ц. 1 р; 24) Литературное развитіе
ичныхъ племенъ и народовъ. *Ширля Летурно*. Ц. 1 р. 50 к.; 25) Психологія характера *Фр.
лана*. Ц. 75 к.; 26) Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности. *М. Ковалевскаго*,
изд. Ц. 60 к.; 27) Душевныя движенія. *Д-ра Ланге*. Ц. 40 к.; 28) Рабочій вопросъ. Его зна-
е въ настоящемъ и будущемъ. *А. Ланге*. 2-е изд. Ц. 1 р. 25 к.; 29) Антропологія. *Л. Кржи-
каго*. Пер. подъ ред. *Р. Сементковскаго*, съ рис. Ц. 1 р. 50 к.; 30) Соціологія. *Ш. Летурно*.
1 р. 50 к.; 31) Соціальное развитіе. *В. Кидда*. Ц. 75 к. 32) Психическіе факторы цивили-
Л. Уорда. Ц. 80 к. 33) Автобіографія земли. Общедоступный очеркъ историч. геологіи. *Г. Н.
чинсона*, съ 63 рис. Ц. 80 к.

ЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА

(40 книжекъ).

ОТДѢЛЬНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ: 1) Русланъ и Людмила. Цѣна 10 к.—2) Кавказскій плѣнникъ
к.—Братья Разбойники. Ц. 2 к.—4) Бахчисарайскій фонтанъ. Ц. 3 к.—5) Цыганы. Ц. 3 к.—
тава. Ц. 6 к.—7) Галубъ. Ц. 2 к.—8) Сказка о царѣ Салтанѣ. П. 4 к.—9) Сказка о попѣ
тникѣ его Балдѣ. Ц. 2 к.—10) Сказка о мертвой царевнѣ. Ц. 3 к.—11) Сказка о золотомъ
кѣ. Ц. 2 к.—12) Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ. Ц. 2 к.—13) Пѣсни западныхъ славянъ. Ц. 4 к.—
геній Онѣгинъ. Ц. 20 к.—15) Графъ Нулинъ. Ц. 2 к.—16) Домикъ въ Коломнѣ. Ц. 2 к.—
ѣдный всадникъ. Ц. 3 к. — 18) Анджело. Ц 3 к. — 19) Борисъ Годуновъ. Ц. 10 к. — 20)
рыцарь. Ц. 2 к.—21) Моцартъ и Сальери. Ц. 2 к. — 22) Каменный гость. Ц 3 к. — 23)
о время чумы. Ц. 2 к. — 24) Русалка. Ц. 3 к. — 25) Выстрѣлъ. Ц. 3 к. — 26) Метель.
. — 27) Гробовщикъ. Ц. 2 к. — 28) Станціонный смотритель. Ц. 3 к. — 29) Барышня-кре-
а. Ц. 4 к.—30) Пиковая дама. Ц. 5 к.- 31) Дубровскій. Ц. 10 к.—32) Арапъ Петра Великаго.
.—33) Капитанская дочка. Ц. 20 к.—34) Исторія пугачевскаго бунта. Ц. 20 к. СБОРНИКИ:
ѣ поэмы. Ц. 25 к.—36) Всѣ сказки. Ц. 10 к.—37) Всѣ баллады и легенды. Ц. 10 к.—38)
аматическія произведенія. Ц. 20 к.—39) Повѣсти Бѣлкина. Ц. 10 к.—40) Всѣ письма, съ
портретами. Ц. 25 к. Цѣна всѣхъ отдѣльныхъ произведеній (№№ 1—34). 1 р. 74 к. Цѣна
сборниковъ (№№ 35—40)—1 р.

Дозв. ценз. Спб. 5 декбря 1897 г. Типографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1898 ГОДЪ.

восемнадцатый годъ изданія.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

газета общественная, политическая и литературная.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

Программа газеты: 1. Дѣйствія правительства. 2. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. 3. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4. Телеграммы спеціальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Россійскаго Телеграфнаго Агенства». 5. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). 6. Мѣстная хроника. 7. Наука и искусство. 8. Театръ и музыка. 9. «Свѣтъ и Тѣни» (маленькій фельетонъ). 10. Вѣсти съ юга: корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ. 11. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи «Южнаго края» и извѣстія другихъ газетъ. 12. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. 13. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. 14. Судебная хроника. 15. Критика и библіографія. 16. Смѣсь. 17. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. 18. Почтовый ящикъ. 19. Календарь. 20. Справочныя свѣдѣнія: дѣла назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. 21. Стороннія сообщенія. 22. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Газета ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Въ «Южномъ Краѣ» помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политипажи, имѣющіе отношенія къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1898 ГОДЪ:

съ пересылкою иногороднымъ.

На	12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
	11 —	10 50	9 20	8 50	7 80	7 —	6 —	5 —	4 —	3 —	2 —	1 50

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Сумской улицѣ, въ домѣ А. А. Іозефовича. № 13.

Съ конца текущаго 1898 года «Южный Край» будетъ печататься въ увеличенномъ размѣрѣ на новой ротаціонной машинѣ, заказанной въ Парижѣ, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. ІОЗЕФОВИЧЪ.

Съ разрѣшенія Главнаго Управленія по дѣламъ печати «ТОМСКІЙ ЛИСТОКЪ» съ 1-го Ноября 1897 года издается подъ названіемъ:

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Газета будетъ выходить, какъ и ранѣе, ежедневно, исключая дней послѣ праздниковъ, но

въ увеличенномъ объемѣ

Имѣя въ виду знакомить читателей черезъ ежедневно получаемыя телеграммы и на основаніи русскихъ и иностранныхъ газетъ и журналовъ съ выдающимися явленіями русской и заграничной жизни въ области государственной и общественной дѣятельности, науки и искусства,—Редакція озабочена улучшеніемъ изданія въ цѣломъ, но обратитъ особенное вниманіе на проявленія сибирской жизни въ возможно большемъ районѣ нашей обширной окраины. Статьи и замѣтки, имѣющія своимъ предметомъ прошлое и настоящее Сибири, а также корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Сибири будутъ составлять главные и основные отдѣлы газеты.

Въ соотвѣтствіе новому названію возбуждено ходатайство о расширеніи программы газеты, а пока „Сибирская Жизнь" будетъ заключать слѣдующіе отдѣлы:

1. Мѣсяцесловъ и астрономическія свѣдѣнія.—2. Правительственныя распоряженія—общія и спеціально касающіяся Сибири. 3. Телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства—IV. Статьи о современной общественной и экономической жизни Сибири и доступное освѣщеніе ея прошлаго—V. Газетныя извѣстія—о событіяхъ русской и иностранной жизни.—VI. Корреспонденціи.—VII. Городская хроника.—VIII. Критическій разборъ книгъ и періодическихъ изданій.—IX. Фельетонъ.—X. Судебная хроника—отчеты о выдающихся процессахъ.—XI. Отвѣты редакціи.—XII. Справочный отдѣлъ.—XIII. Объявленія.

Выдающіяся событія и этнографическіе очерки будутъ иллюстрироваться.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Годъ	9 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкой въ Томскѣ.	4 руб.	3 р. 80 к.	2 р. 30 к.	40 к.
Съ перес. въ др. города.	5 »	4 » — »	3 » — »	50 »
Съ пересылк. за границу.	9 »	7 » — »	5 » — »	90 »

За печатаніе въ «Сибирской Жизни» объявленій взимается плата: впереди текста за строку петита—20 к., позади текста—10 к. За разсылку объявленій при газетѣ вѣсомъ не болѣе лота—7 р. за 1000 экземп.

Подписка и объявленія принимаются: въ книжныхъ магазинахъ и типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскѣ и Иркутскѣ.

Иногородніе требованія свои адресуютъ: въ г. Томскъ, въ контору редакціи газеты «Сибирская Жизнь».

Издатель П. Макушинъ.

Редакторы: П. Макушинъ.
А. Макушинъ.

Дозволено цензурою С-Петербургъ, 20 декабря 1897 года.

Типографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спаской и Басковой ул., д 1—9.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

3) Непринятыя рукописи хранятся въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока рукописи уничтожаются.

Редакторы: П. Быковъ, С. Поповъ.